Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Сыктывкарский государственный университет»
(ФГБОУ ВПО «СыктГУ»)

Институт гуманитарных наук

Кафедра русской и общей филологии

На правах рукописи

МУСАНОВА Светлана Семеновна

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР В ТРАДИЦИЯХ ПРИЛУЗСКИХ КОМИ

Специальность:
10.01.09 – фольклористика

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель –
канд. филол. наук, доц. Канева Татьяна Степановна

Сыктывкар – 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение……...4-24

Глава I. Фольклорный текст свадьбы прилузских коми: соотношение коми и русского фольклора…….……25-75

§ 1. Источники изучения свадебного фольклора прилузских коми…….25-31

§ 2. Причитания и песни в составе свадебного обряда прилузских коми……31-71

Глава II. Русские хороводно-игровые и плясовые песни в репертуаре прилузских коми……..76-136

§ 1. Хороводно-игровой репертуар лузских коми……..76-100

§ 2. Хороводно-игровой репертуар летских коми……..100-110

§ 3. Особенности адаптации русского фольклора в хороводно-игровом репертуаре прилузских коми……110-117

§ 4. Плясовые песни в репертуаре прилузских коми…….117-134

Глава III. Русские лирические необрядовые песни в репертуаре прилузских коми……137-199

§ 1. Источники изучения русских лирических песен прилузских коми……..137-141

§ 2. Народная лирика прилузских коми: особенности бытования и терминология исполнительства……141-150

§ 3. Сюжетно-тематический состав лирики прилузских коми...……...150-194

Заключение……...200-205

Архивные источники……..206-208

Список условных обозначений и сокращений……...209-221

Библиография……...222-238

Карта Прилузского района Республики Коми……239

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I. Свадебный фольклор прилузских коми

А: Русскоязычные свадебные причитания прилузских коми: тексты архивных записей……..1-10

Б: Комиязычные свадебные причитания прилузских коми: тексты архивных записей……11-83
В: Свадьба прилузских коми: схема обряда и жанровый состав……84
Г: Русские свадебные песни прилузских коми: систематический указатель сюжетов……..85-89
Д: Русские свадебные песни прилузских коми: тексты архивных записей ……90-95

Приложение II. Русский песенно-игровой фольклор прилузских коми: систематические указатели сюжетов
А: Русский хороводно-игровой фольклор лузских коми……1-10
Б: Русский хороводно-игровой фольклор летских коми……...11-24
В: Русский плясовой фольклор прилузских коми……..25-43

Приложение III: Русские лирические необрядовые песни прилузских коми: систематический указатель сюжетов…….....1-33

Приложение IV. Собирание и издание фольклора прилузских коми
А: Русский фольклор прилузских коми: источники изучения (указатель)……..1-5
Б: Издание памятников фольклора прилузских коми: хронологический перечень…...6-7
В: Архивные собрания фольклора прилузских коми: источники изучения (указатель)……8-14

Приложение V. Указатель шифров записей…….1-12

ВВЕДЕНИЕ

Прилузский район расположен на юге Республики Коми, граничит с Архангельской и Кировской областями, с Сысольским и Койгородским районами Республики Коми. На территории Прилузья можно условно выделить как минимум две коми традиции: лузскую – она охватывает обширную территорию с несколькими группами поселений в бассейне р. Луза (приток р. Юг), и летскую – более компактную, она включает деревни, расположенные на р. Летка (приток р. Вятка)[1]. Кроме того, особое место в данном районе занимает село Лойма с прилегающими деревнями – одно из пограничных сел с исконным русским населением, в 1921 г. включенным в состав Коми области (до этого – в составе Устюжской земли, Сольвычегодского, Лальского и Усть-Сысольского уездов) [Жеребцов 1994. С. 139].

Как отмечают исследователи, в заселении и освоении территории Прилузья большое значение оказали русские [Жеребцов 1982. С. 118-119]. Известно, что расселение русских крестьян в низовьях Лузы происходило в XIII-XIV вв. По Лузе в XIV-XVI вв. и позднее проходил важный военно-торговый путь на Вятку и Каму. С целью обезопасить его по берегам Лузы были построены укрепленные городки в Лойме, Спаспорубе и Объячеве. Строительство таких городков, как пишет Л.Н. Жеребцов, способствовало увеличению русского населения в этих пунктах. Но к XVII в. они уже утратили свое оборонное значение [Там же. С. 118-119]. Село Ношуль было главным торговым пунктом на Лузе. По свидетельству источников, «в XVII в. (а возможно, уже и в XVI в.) там была пристань с амбарами. Зимой туда с Вятки волоком везли хлеб, а весной на построенных тут же барках сплавляли его в Устюг и Архангельск, пока проложенная в конце XIX в. железная дорога с Вятки на Котлас не лишила Ношуль его торгового значения. Все это способствовало усилению русского культурного влияния на местных коми и приводило к увеличению числа русских переселенцев в Прилузье. Приходили они из различных мест России» [Там же. С. 118-119]. Через село Спаспоруб в XV-XVI вв. пролегала этническая граница между коми и русскими, переселявшимися сюда с низовьев Лузы: одна часть селения была заселена русскими, другая – коми, в XVII в. среди жителей Спаспоруба были и выходцы с Вятки [Жеребцов 1994. С. 210].

[1] Безусловно, возможно и более дробное выделение локальных очагов на территории Прилузья: [Власов, Канева 2008. С. 62]; [Шевченко 2009. С. 229].

Появление населенных пунктов по р. Летка историки относят к концу XVII в. По замечанию Л.Н. Жеребцова, «в формировании коми населения Летки также приняли участие русские, но они оказались в меньшинстве и постепенно ассимилировались» [Жеребцов 1982. С. 119]. Тесные хозяйственные связи с Вятско-Камским краем способствовали расширению связей с русскими.

С 1780 г. Лоемская, Спасо-Порубская, Объячевская, Ношульская и Летская волости входили в состав Лальского у. Вологодской губернии. В 1797 г. он был разделен, и Летская волость отошла к Орловскому у. Вятской губ., а остальные селения – к Усть-Сысольскому у. Вологодской губ. [см.: Шевченко 2010. С. 9-10]. Прилузский район был образован в 1929 г. В 1935 г. из его состава был выделен Летский район, в который вошли Летский, Верхнелузский, Прокопьевский, Слудский, Мутницкий, Ловлинский с/с. В 1963 г. произошло объединение Прилузского и Летского районов в один – Прилузский сельскохозяйственный район, в 1965 г. преобразованный в Прилузский район с центром в с. Объячево.

Исторически сложившаяся ситуация коми-русского пограничья во многом определяет локальную специфику исследуемого района [Власов, Филиппова 2000. С. 87]. В двух этнических группах – лузских и летских коми, проживающих на этой территории[2], в результате длительных контактов с русскими сформировались фольклорные традиции, требующие пристального внимания и изучения с точки зрения межэтнических связей и влияния русской культуры на коми.

Фольклорная традиция Прилузского района привлекает внимание собирателей на протяжении почти двух столетий [см. Прил. IV-В].

Самые ранние записи прилузского фольклора связаны с именем русского академика Андрея Михайловича Шёгрена и относятся к 1827 г. [Шёгрен]. Характеристику собранных им в Коми крае материалов и публикацию зырянских пословиц, поговорок, «зырянских наблюдных песен» представил А.К. Микушев в статье «Из истории русской науки о коми народной поэзии» [Микушев 1959. С. 234]. Примечательно, что этот материал записывал житель с. Ношуль, составитель русско-зырянского словаря Иван Мальцев. Об этом факте становится известно из писем И. Мальцева А.М. Шёгрену [Письма Шёгрену 2009. С. 109-110]. Помимо описания свадебного обряда, в рукописи Шёгрена «Географическое описание ношульской пристани» содержатся сведения о поминальном обряде в с. Ношуль, рассказы

[2] См.: [Бойко 2011].

мифологического характера, о суевериях зырян, календарной обрядности, молодежных посидках и др.

Фольклор прилузских коми мы находим также в рукописи Михаила Сидоровича Косарева «Пермяки Вятской губернии, преимущественно Орловского уезда», поступившей в Вятский губернский статистический комитет в 1863 г.[3] [Косарев 1863]. Будучи преподавателем Вятской мужской гимназии, М.С. Косарев в 50-х гг. XIX в. изучал быт пермяков[4] в с. Летка Орловского у. Вятской губ. и в с. Ношуль по реке Лузе Вологодской губ. В рукописи представлены свадебный и похоронный обряды, кратко отмечен крестильный обряд, выявлены свадебные приговоры, сведения по календарной обрядности (Ильин день, Спасов день), проведении помочей, образцы песен[5], описание пермяцкой пляски. Также им приводятся тексты заговорно-заклинательной поэзии, малых жанров, народные мифопоэтические представления, связанные с умершим, даются образцы игрового фольклора. Часть своих материалов М.С. Косарев опубликовал в периодических изданиях [Вятские ГВ 1856; Вологодские ГВ 1857] (см. также: [Косарев 1859]).

К числу ранних записей относятся также 4 текста русских песен (3 лирических и одна плясовая) из рукописи Николая Александровича Добротворского [РГО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 41], который некоторое время находился в ссылке в с. Слудка Орловского у. Вятской губ. По архивному штампу его рукопись датирована 12 ноября 1882 г. Одна плясовая песня из этой рукописи опубликована В.А. Поздеевым [Поздеев 2010. С. 53].

Немалую ценность в исследовании коми фольклора представляет рукописное собрание Национального музея Республики Коми. Оно насчитывает 21 том, прилузский материал выявлен нами в семи из них. Данные тома представляют собой сшитые в произвольном порядке тетради. Записи относятся к первой трети XX в. Отметим, что они делались на территории всего Прилузского района. Собирателями фольклорных

[3] Биография М.С. Косарева и собранные им материалы подробно представлены в работе: [Крашенинникова 2007а].

[4] М.С. Косарев дает небольшую характеристику пермякам: «Пермяки нынешние живут почти на тех же местах, где жили они в XIV столетии, т.е. по р.р. Каме и Чусовой, к Ю.В. от Зырян, от которых они отделены большими лесными почти ненаселенными пространствами, в соседстве с русскими поселенцами или с вотяками, на пределах губерний: А) Вологодской с Вятскою; в) Вятской с Пермскою и с) Пермской с Вологодскою. По таковому месту жительства можно назвать нынешних Пермяков украинцами финского мира. <…> В Вологодской губернии Пермяки живут в трех приходах: Ношульском, Объячевском и Летковском» [Косарев 1863. Л. 4-4об.]. По замечанию М.С. Косарева, «Пермяки также проживают в Орловском уезде Вятской губернии в селениях Слудка, Слизовка, Прокопьевская, Зимнинский, Булатовской, Заимская, Починок Петра Дубравина, Починок у реч. Зимней, Бушковской, Березовская, Королевская, Талицкая, Черемуховская, Кокушинской» [Косарев 1863. Л. 5об.-6].

[5] Лирическая песня «В чистом поле, при долине», плясовая «Не с тамыским веселиться», детская «Кӧчӧ, йӧкты, йӧкты» (Зайчик, пляши, пляши).

произведений являлись члены-корреспонденты «Общества изучения Коми края» С.А. Попов, А.С. Сидоров и студенты[6] педагогического техникума[7]. Кроме того, встречается материал, собранный неизвестными собирателями. В представленных рукописях нами выявлены лирические, плясовые, свадебные песни и заговоры на русском языке, несколько текстов коми сказок, детские прибаутки и песни «Бобö».

С конца 30-х гг. XX в. сбором материала начинают заниматься собиратели-профессионалы. В результате экспедиций в лузскую часть района в 1937 и 1939 гг. были зафиксированы образцы песен на коми и русском языках [Осипов 1939. Л. 16; Орнатская 1963. С. 169].

С середины XX в. начинается собственно академический этап в изучении прилузских традиций. В 1951 г. фольклорист Анатолий Константинович Микушев, будучи аспирантом Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, совершил поездку в с.с. Объячево и Читаево. Оригиналы этих записей в настоящее время являются недоступными, но о некоторых из них можно судить по комментариям к 1-му тому сборника «Коми народные песни», где фольклорист ссылается на 4 песенные записи этого года [КНП I, №№ 14, 38, 57, 64], еще об одном тексте свадебной импровизации в записи 1951 г. известно из монографии собирателя [Микушев 1973. С. 197-198].

В 1960 г. музыковедом Прометеем Ионовичем Чисталевым в с.с. Объячево, Ношуль и Поруб Спаспорубского с/с записаны песни на русском и коми языках, при этом отмечается превалирование первых над последними (24 песни на русском языке и 17 на коми). Кроме того, им зафиксировано 8 русскоязычных причитаний [Микушев и др. 1960-1961; ФФ ИЯЛИ.1520; 1521; 1523; 1524; 1525].

В 1961 г. А.К. Микушев, находясь в должности старшего научного сотрудника Сектора литературы и фольклора Коми филиала АН СССР, организует экспедицию в с.с. Черныш и Ношуль. Ее материалы хранятся в двух архивах Коми НЦ УрО РАН: аудиозаписи – в Фольклорном Фонде ИЯЛИ [ФФ ИЯЛИ. 1525], текстовые расшифровки – в Научном архиве [Микушев и др. 1960-1961, №№ 75-86]. В Ношуле зафиксированы приговор дружки, частушки, свадебные причитания, лирические песни [Микушев и др. 1960-1961, №№ 77-85], в с. Черныш А.К. Микушев записал наигрыши

[6] Примечательно, что в числе студентов-собирателей был В.В. Юхнин (уроженец с. Занулье Прилузского района), ставший известным коми писателем и печатавшийся под псевдонимом «Луздор Вась». Стоит отметить, что записи Юхнина-собирателя отличаются от остальных подробностью изложения, разносторонностью тематики.

[7] На его базе в 1932 г. был открыт Коми государственный педагогический институт.

на чипсанах (ыслӧдлӧм, кутша-катша, кыкалӧм и нёлялӧм) [Микушев и др. 1960-1961, № 86].

В ФФ ИЯЛИ КНЦ содержатся аудиозаписи, сделанные Федором Васильевичем Плесовским в 1962 г. в с. Читаево. Наряду со свадебными причитаниями (13 единиц) им выявлены образцы песенной лирики на коми языке. Также им зафиксировано 5 текстов русских лирических песен в д. Урнышевская Спаспорубского с/с [ФФ ИЯЛИ. А 1531].

В 1963 г. Ю.Г. Рочев и А.К. Микушев совершили поездку в с.с. Занулье, Читаево и Объячево (д.д. Керос, Юговская). Как отмечает А.К. Микушев в своем отчете, «песенное творчество Сысолы и Прилузья было изучено недостаточно. Именно по этим соображениям и была проведена наша очередная экспедиция» [Микушев, Рочев 1963. Л. 2]. В ходе поездки собирателям удалось прослушать 21 певицу. Всего выявлено 173 фольклорных произведения различной жанровой принадлежности. А.К. Микушев здесь продолжил записи инструментальной музыки, начатой с экспедиции в с. Черныш в 1961 г.: в с. Занулье им записано три наигрыша. Материалы экспедиции предваряются довольно подробным отчетом. Добавим, что зафиксировать песенный репертуар в лузской части района в таком объеме, как это было сделано А.К. Микушевым и Ю.Г. Рочевым в 1963 г., уже не удалось ни одному собирателю.

В 1976 г. экспедицию в с. Летка совершил Юрий Герасимович Рочев, сотрудник Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, она была проведена совместно со студенческой фольклорной практикой СыктГУ. Его записи в какой-то степени поколебали существовавшее мнение о бедности летской части района в плане фольклорного материала. Как отмечает Ю.Г. Рочев в экспедиционном отчете, «до сих пор народное творчество Прилузского, в частности бывшего Летского района, оставалось как бы вне поля зрения коми фольклористики, а потому о нем имелись лишь отрывочные, довольно смутные представления. В этой связи похвальна инициатива СГУ, а именно кафедры коми языка и литературы, направившей студентов-практикантов именно в этот не сулящий казалось бы богатых трофеев район. В результате данной короткой, но весьма плодотворной экспедиции, можно теперь с уверенностью сказать, что на фольклористической карте республики заштриховано еще одно белое пятно, а именно в селе Летка и прилегающих к нему деревнях» [Рочев 1976. Л. 4]. Зафиксированный Ю.Г. Рочевым материал предваряет подробный отчет о поездке, в котором фольклорист говорит о собранных текстах. За 9 дней пребывания в селе участниками этой экспедиции записано 347 фольклорных образцов различных

жанров. Стоит отметить, что только небольшая часть собранного материала записана на магнитофонную ленту (около 5 часов звучания), в том числе песни, частушки, сказки, свадебный обряд, некоторые былички и побывальщины[8], наигрыши на балалайке.

Кроме фольклористов интерес к Прилузскому району проявили лингвисты ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Диалектологический материал в основном представлен биографическими фактами, случаями из жизни информантов. В частности, лузско-летский диалект коми языка исследовала Т.И. Жилина. В 1951 г. ею совершена поездка в села Слудка и Ловля, а в 1974 – в с. Летка [Жилина 1951; Жилина 1974]. В 1971 г. была проведена экспедиция Р.И. Коснырevой в с. Прокопьевка [Коснырева 1971]. В 1972 г. ею же собраны материалы из сел Гурьевка и Летка [Коснырева 1972]. Диалектологические экспедиции в лузскую часть района провела Н.И. Лоскутова [Лоскутова 1972; Лоскутова 1973; Лоскутова 1974].

Значимый вклад в изучение данной традиции внес любитель-краевед Петр Григорьевич Сухогузов[9]. В 1978-80 гг. он записал сведения о прежней жизни в с. Прокопьевка, рассказы о праздниках, свадьбе, похоронах, других обрядах и обычаях, песни [Канева 2008. С. 261]. Большую ценность представляют аудиоматериалы П.Г. Сухогузова. Это записи местного песенного репертуара, зафиксированного собирателем преимущественно от трех женских певческих коллективов разных деревень прокопьевского «куста». В целом в коллекции П.Г. Сухогузова представлено 70 единиц записи песенного фольклора (59 сюжетов: 34 лирических песни, 24 хороводных игровых, одна так называемая «географическая» песня – прозвища деревень)[10]. В этом смысле материалы П.Г. Сухогузова уникальны, поскольку ни одна из экспедиций не фиксировала данную песенную традицию в таком объеме [Канева 2008. С. 263-264].

В 1990 г. «по следам П.Г. Сухогузова» была осуществлена поездка А.В. Панюкова в с.с. Прокопьевка и Летка в рамках фольклорной практики СыктГУ. Цель поездки – продублировать сведения П.Г. Сухогузова, дополнить их, а главное – выявить возможные изменения, связанные с угасанием традиции. Но записать ансамблевое исполнение и восстановить песенный репертуар не удалось. В результате экспедиции собраны сведения об обрядовой традиции этого села, сделано несколько записей рождественских песен [СыктГУ. 1310, 1314].

[8] Некоторые из них опубликованы Ю.Г. Рочевым, см.: [Коми легенды и предания 1984, №№ 116, 117, 121, 129, 133, 140; Рочев 1985].
[9] Характеристика собранных П.Г. Сухогузовым материалов представлена в исследовании: [Канева 2008].
[10] Материалы П.Г. Сухогузова хранятся в Фольклорном архиве СыктГУ [СыктГУ. 13001-13005].

В целом записи сотрудников, преподавателей, студентов СыктГУ, хранящиеся в ФА СыктГУ, занимают серьезное место в фольклорных материалах из Прилузья. В 1978 г. под руководством А.К. Микушева в с. Мутница и д. Талица Гурьевского с/с была проведена студенческая фольклорная практика СыктГУ, материалы которой представляют собой три аудиокатушки с краткой описью материалов (49 единиц записи) [СыктГУ. 1304-1306]. Коллекция состоит из образцов русской лирики (21 единица), трех свадебных и одного похоронного причитаний на коми языке, четырех русских хороводно-игровых песен, приуроченных к рождественским игрищам, частушек на коми и русском языках, комиязычных приговоров. Песенные образцы включают записи ансамблевого и сольного исполнения.

Целенаправленная собирательская работа СыктГУ в Прилузском районе была продолжена в 1990-х гг., тогда были сделаны записи в Прокопьевском, Мутницком (1990, 1991 гг., собиратели: А.В. Панюков и др. [СыктГУ. 1307-1314, 1325, 1326]) и Чернышском с/с (1996 г., собиратели: Н.И. Жуланова, Т.Н. Бунчук, С.В. Петухов. Е.А. Шевченко [СыктГУ. 1329-1333]). В 2000-х гг. фольклорно-диалектологические экспедиции СыктГУ под руководством доцентов Т.Н. Бунчук, Е.А. Шевченко при участии Т.С. Каневой и других собирателей СыктГУ провели обследование в целом ряде поселений Прилузья: Объячевской, Читаевской (2001 г., [СыктГУ. 1346-13105, 13164]), Спаспорубской (2002 г., [СыктГУ. 13106-13157]), Ношульской (2004 г. [СыктГУ. 13165-13197]), Летской и Слудской с/а (2006 и 2007 гг. [СыктГУ. 13200-13226, 13227-13257, 13265-13301]). В целом в ходе шести прилузских экспедиций этих лет был записан обширный материал (более трехсот единиц хранения аудио- и видеозаписей) по самым разным разделам традиционной народной культуры и фольклора[11], в том числе более 70 единиц записи песен на русском языке, более 20 причетов на коми языке.

По изучению данной традиции велись и самостоятельные студенческие записи в рамках фольклорных и диалектологических экспедиций. Они также хранятся в ФА СыктГУ[12].

В 2006 г. состоялась совместная экспедиция сотрудников ИЯЛИ и СыктГУ также в с. Прокопьевка, цель которой – сделать качественные записи песенного репертуара села. Был записан ансамбль с. Прокопьевки, кроме того, собраны другие

[11] Подробнее о проведении фольклорных экспедиций в Прилузье см.: [Канева и др. 2008]. Отдельные материалы опубликованы: [Бунчук, Шевченко 2007]; [Бунчук, Шевченко 2008].
[12] См.: Прил. IV-А, В.

разнообразные сведения по традиции деревень Прокопьевского с/с [СыктГУ. 13258-13264; ФФ ИЯЛИ. В 1542-1545].

Прилузская фольклорная коллекция пополнилась также записями сотрудников Центра народного творчества РК. В 1998 г. в с. Прокопьевка они записали материал, относящийся к рождественским игрищам [ФФ ИЯЛИ. В 1503].

Стоит также отметить вклад зарубежных исследователей в дело собирания фольклорного материала в Прилузье. В 1901-1902 гг. финский фольклорист Ю. Вихман произвел записи в с.с. Объячево, Ношуль и Летка. Результаты его поездки были освещены в отчете «Kurzer Bericht uber eine Studienreise zu den Syrjanen 1901-1902» (Краткий очерк о научной поездке к зырянам в 1901-1902 гг) [Вихман 1903]. В 1916 г. в работе «Syrjanische Volksdichtung» (Коми-зырянская народная поэзия) ученый опубликовал фрагмент летского свадебного причитания на коми языке, загадки и пословицы прилузских коми [Вихман 1916. С. 287-289]. В 1942-1943 гг. финский языковед Т.Э. Уотила, опрашивая военнопленных, записал большое количество коми фольклорных текстов. Благодаря его собирательской работе прилузская фольклорная коллекция пополнилась текстами коми сказок, игр, загадок, суеверных рассказов, поговорок, примет, рассказов о молодежных посиделках. Данные тексты были подготовлены и изданы П. Кокконен в 1989 г. под названием «Syrjanische texte» [Уотила 1989. С. 6, 12, 14, 15, 16, 20, 22, 24 (№№ 2, 6, 7, 8, 9, 10, 16, 17, 18)].

Итак, запись прилузского фольклорного материала велась как фольклористами-профессионалами (ИЯЛИ Коми филиала АН СССР / Коми НЦ, СыктГУ, Центр народного творчества), зарубежными учеными, диалектологами (ИЯЛИ Коми филиала АН СССР, СыктГУ), студентами СыктГУ, так и любителями-краеведами. В результате собирательской деятельности в период с первой трети XIX в. до наших дней накоплен обширный материал по фольклору, который дает возможность составить вполне определенное представление о бытовании традиции.

Добавим, что незначительная часть собранного материала была опубликована [Прил. IV-Б]. Самые ранние записи по этнографии прилузских коми были отражены М.С. Косаревым на страницах газет [Вятские ГВ 1856; Вологодские ГВ 1857]. Переиздание этих материалов было осуществлено в 2010 г. [Зыряне и зырянский край 2010]. Коми фольклор Прилузья частично представлен в публикациях зарубежных исследователей Ю. Вихмана и Т.Э. Уотилы [Вихман 1916], [Уотила 1989]. Сведения по свадебной обрядности и свадебные причитания нашли отражение в монографии Ф.В. Плесовского [Плесовский 1968]. Ношульские комиязычные свадебные причитания в

записи А.С. Сидорова, а также перевод к ним представлены в «Сборнике комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка» [Лыткин 1931. С. 76-96]. Комиязычный музыкально-поэтический репертуар прилузских коми опубликован А.К. Микушевым в сборнике «Коми народные песни»[13]. Два русскоязычных песенных текста из прилузских традиций находим в публикациях Е.А. Шевченко [Шевченко 2000], В.А. Поздеева [Поздеев 2010]. Таким образом, бóльшая часть прилузского фольклора является достоянием архивов. Эти материалы требуют систематизации и введения в широкий научный оборот.

Таким образом, прилузская фольклорная традиция является одной из уникальных в плане бытования и сохранности фольклора. По богатству материала очевидно выделяется летская часть района (Прокопьевский, Слудский, Гурьевский, Мутницкий, Черемуховский, Летский с/с). Среди наиболее репрезентативных жанров этой традиции следует отметить русскоязычный песенный репертуар и свадебные причитания. Кроме того, богатые сведения имеются по свадебному и похоронному обрядам летских коми[14]. Отметим, что основной блок летских песенных текстов записан в Прокопьевском с/с. В данном «микрорайоне» бытуют лирические необрядовые, хороводно-игровые и плясовые песни на русском языке. Вместе с тем, собирательская деятельность известных коми фольклористов А.К. Микушева и П.И. Чисталева не была связана с этой частью района. Вероятно, исследователями коми фольклора ставились задачи, связанные, в первую очередь, с поиском национальной специфики, а традиция Летки в этом плане считалась не показательной. В частности, в трехтомном издании «Коми народные песни», единственном на сегодня своде коми песенной традиции, Летка не представлена. Первый том, посвященный вычегодско-сысольским традициям, к которым относится и Прилузский район, включает в себя образцы других микролокальных традиций Прилузья – сел Объячево, Ношуль, Читаево, Занулье [КНП I]. Песенный репертуар лузской части района (Читаевский, Чернышский, Спаспорубский, Занульский, Объячевский с/с) – несмотря на более обширную территорию и бóльшее число поселений – характеризуется меньшим количеством сюжетов. В лузской части наибольшую сохранность имеют тексты свадебных и похоронных причитаний, образцы русской лирики и песенно-игрового фольклора представлены более скромно. Здесь в отличие от летской части

[13] См. Прил. IV-Б.

[14] Часть материалов легла в основу диссертационного исследования по этнографии [Бойко 2011. С. 101-146].

зафиксированы свадебные песни на русском языке. Большая часть записей относится к территории Спаспорубского с/с, граничащего с русской Лоймой. Здесь также стоит привести высказывание М.С. Косарева, который в 1850 г. говорил о консервации традиции в летской части Прилузья и ее утраты в лузской: «Ношульские и объячевские пермяки, вследствие административных, общественных и родственных связей с усть-сысольскими зырянами, почти совершенно потеряли свою народность и говорят уже по-зырянски. Летковские же пермяки, отдаленные значительным пространством от зырян и соседственные с вятскими пермяками Орловского уезда, удержали свой язык и обычаи народные» [Косарев 1863. Л. 5].

Наиболее показательно специфика прилузских традиций проявляется в песенном материале, где доминируют русскоязычные тексты. Так, М.С. Косарев, изучая быт ношульских и летских пермяков, отметил исполнение русских песен на помочах: «По окончании обеда старики и пожилые остаются за своим столом и беседуют, распивая пива. Стол этот обыкновенно занимает место на пространстве от дверей вдоль стены до окон, а иногда и до переднего угла. На остальном пространстве на лавках подле другой стены и против печи садятся женщины, девицы и парни, а иные из них за недостатком мебели и просто стоят. Тут такие сначала идут разговоры, а потом раздаются песни. Песни эти русские; у Пермяков своих песен нет, за весьма малым исключением, по крайней мере, плясовых. А так как бóльшая часть Пермячек не говорит по-русски, то они поют русские песни, почти совсем не понимая их, и потому так сильно исковеркивают слова песни, что с трудом можешь добраться до нея смысла даже такой русский, который довольно ознакомился с Пермяцким говором» [Косарев 1863. Л. 45об-46].

А.К. Микушев по результатам экспедиции в с.с. Читаево, Зануле, д.д. Керос и Юговская Объячевского с/с в 1963 г. определил место русских песен в прилузских традициях: «В Прилузье, в отличие от сысольских деревень, нам не пришлось столкнуться со специальными коми песнями, приурочиваемыми к каким-нибудь празднествам, но такую функцию здесь берут на себя русские игровые песни. Таковы рождественские песни, а также особые песни на Пасху: лирические русские песни “Золотые ваши куденькие ребинушки” и даже солдатская “Рябинушка моя” – пели, качаясь на качелях» [Микушев, Рочев 1963. Л. 38]. Описывая исторические и эпические песни, исследователь подмечает: «Нам удалось записать <их> несколько больше, чем в сысольских деревнях. Но значительная часть из них – это русские песни. По всем прилузским деревням хорошо знают историческую песню о Петре I – “За Невагою”. По

словам певцов, эту песню пели на свадебных пирах. Знают в Зануле и эпические песни – баллады “Из-под ельничко”» [Микушев, Рочев 1963. Л. 35]. Репертуар рекрутских песен, по замечанию А.К. Микушева, также был насыщен русскими песнями [Микушев, Рочев 1963. Л. 37].

О бытовании русскоязычных песен в летской традиции писал и Ю.Г. Рочев: «Песни, которые распевали здесь исстари – это русские народные протяжные песни (кузь сьыланкыл[15]) и более частые игровые, а скорее хороводные песни, исполнявшиеся также на русском языке (йӧктан сьыланкыл[16]). Исполнители хорошо осознают, что свои песни они поют на русском языке, но они их, эти песни, все же считают именно своими, старинными (нэмся[17]) и даже местными по происхождению, песнями своих предков» [Рочев 1976. Л. 3]. А.Н. Власов, исследовавший традиционную культуру с. Прокопьевка Прилузского района, отметил, что здесь нет текстов на коми языке, «напротив, здесь замечательным образом сохранились типичные традиционные лирические формулы и исторические сюжеты, которые в других северных районах в настоящее время встречаются только фрагментарно» [СыктГУ Власов. Л. 13]. В комментариях самих исполнителей также указывается, что весь песенный репертуар состоит исключительно из русскоязычных текстов: *«У нас в Прокопьевке всё по-русски пели, длинные песни все на русском языке были»* [ФФ ИЯЛИ. В 1542-1].

Доля русскоязычного песенного фольклора в собранном материале довольно весома. Ранние источники (середина XIX – середина XX вв.) дают нам небольшое количество русскоязычных песенных текстов (16 единиц). Фольклористами Коми филиала АН СССР выявлено более ста русских текстов различной жанровой приуроченности. Надо отдать должное П.И. Чисталеву, который акцентировал свое внимание на сборе русских песен. Наибольшее количество русскоязычного материала (более 400 единиц) зафиксировано собирателями СыктГУ. Богатством русскоязычного песенного материала отличается летская часть района, в лузской образцов русского фольклора было зафиксировано меньше [Прил. IV-А].

Таким образом, данное исследование посвящено **проблеме** функционирования русского фольклора в иноязычной среде на примере традиций одной из этнических групп коми.

[15] Букв.: длинные песни.
[16] Букв.: плясовые песни.
[17] Букв.: вековыми.

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, возрастающим интересом ученых к проблемам взаимодействия этнических культур. Во-вторых, пристальным вниманием отечественной фольклористики к региональным / локальным традициям.

Проблема межэтнических контактов и, как следствие, разнообразные формы включения инонационального в различные пласты и уровни культуры является на сегодня одной из самых актуальных в современной фольклористике. Ей посвящен целый ряд исследований[18]. Учеными отмечается, что заимствование является важным фактором естественного характера, способствующим внутреннему развитию традиции, так как только придя во взаимодействие с другими культурами, традиция становится сама собой [Иванова 2000. С. 56].

Интерес к проблемам и характеру взаимодействия гетерогенных культур существует в науке давно. Идеи А.Н. Веселовского, Д.К. Зеленина о феномене заимствования артефактов из одной традиции в другую легли в основу современных исследований по данной теме. Среди них следует выделить работы таких ученых, как В.А. Лапин, Т.Г. Владыкина, А.А. Иванова и др.

Что касается традиционной культуры коми, то еще собиратели фольклора в XIX в. отмечали факт бытования русских песен у зырян[19]. В 1960-е гг. А.К. Микушев обратил внимание на эту проблему и выделил разные формы бытования заимствованного фольклора в коми традициях [КНП I. С. 13-14]. Вместе с тем следует добавить, что список исследований по проблеме фольклорного двуязычия в традиционной культуре коми небольшой. Некоторые теоретические обобщения сделаны в работах П.И. Чисталева, А.А. Шергиной, Э.В. Померанцевой, А.Н. Власова и В.В. Филипповой. О билингвизме песенной традиции Вашки Удорского района Республики Коми писали Т.И. Орнатская, Е.Е. Васильева. Заимствованный песенный репертуар рождественских игрищ Княжпогостского района Республики Коми рассмотрела Г.С. Савельева. На материале прилузского фольклора эта проблема обозначена в отдельных работах, но глубоко не изучена.

Объектом исследования является прилузская фольклорная традиция. **Предметом** рассмотрения служат русскоязычные произведения в традициях прилузских коми.

[18] См.: [Тимонина 2000].
[19] См.: [Надеждин 1983]. См. также: [Филимонов 2011].

Цель работы – дать характеристику русскоязычному фольклору прилузских коми, доминирующему в песенных жанрах.

Для достижения поставленной цели ставятся следующие **задачи**: 1) выявление и систематизация архивных источников; 2) определение места русскоязычного репертуара в составе разных жанров; 3) сюжетно-тематическая характеристика фольклорных произведений в пределах анализируемых жанровых групп; 4) функционально-бытовая характеристика произведений; 5) сопоставительный анализ прилузских русскоязычных произведений с близкими вариантами из русских традиций; 6) оценка характера адаптации русских сюжетов в фольклоре прилузских коми; 7) определение особенностей двух коми традиций Прилузья – лузской и летской.

Феномен фольклорного двуязычия рассматривается на **материале** свадебных причитаний, свадебных песен, хороводных, хороводно-игровых, игровых, плясовых, лирических песни. Песенные жанры, как наиболее показательные в плане оценки заимствований в традиции прилузских коми, помогают раскрыть специфику бытования русскоязычного фольклора в коми среде.

В рамках данного исследования впервые выявлен и обобщен обширный корпус архивных источников по фольклору прилузских коми за большой отрезок времени (начиная с 1-ой трети XIX в.). **Источниками** исследования послужили материалы восьми архивов (в г. Сыктывкар: Фольклорный архив СыктГУ, 1970-2010-е гг., Фольклорный фонд ИЯЛИ Коми НЦ, 1960-е – 2006 гг. (записи П.И. Чисталева, А.К. Микушева, Ю.Г. Рочева, Ф.В. Плесовского и др.), Научный архив Коми НЦ (материалы А.К. Микушева, Ю.Г. Рочева, П.И. Чисталева), 1960 – 1976 гг.; Национальный архив Республики Коми (записи Ф.В. Плесовского), 1960-е гг.; Национальный музей Республики Коми (записи С.А. Попова, А.С. Сидорова, студентов педтехникума), 1930-е гг.; в г. Киров: Государственный архив Кировской области (рукопись М.С. Косарева), 1863 г.; в г. Санкт-Петербург: архив Русского географического общества (рукопись Н.А. Добротворского), 1882 г.; Санкт-Петербургский филиал архива РАН (рукопись А.М. Шёгрена), 1827 г. Для исследования были использованы также опубликованные записи. Кроме того, для работы нами привлекаются фотоматериалы из личного фонда А.К Микушева, хранящиеся в Музее истории просвещения Коми края СыктГУ.

Всего нами учтено более двухсот описаний свадебного обряда, выявлено более ста восьмидесяти текстов свадебных причитаний на родном языке и 17 русскоязычных причетов, обнаружен большой корпус песен на русском языке: 9 сюжетов свадебных песен (12 вариантов записи), 34 сюжета хороводно-игровых песен летских коми (239

вариантов), 25 сюжетов хороводно-игровых песен лузских коми (63 варианта), 29 сюжетов плясовых песен лузских коми (44 варианта), 14 сюжетов плясовых песен летских коми (26 вариантов), 22 сюжета лирических необрядовых песен лузских коми (45 вариантов), 44 сюжета лирических необрядовых песен летских коми (210 вариантов).

Автор данного исследования принимал участие в фольклорно-диалектологической экспедиции СыктГУ в Прилузский район в 2005 г. и вел самостоятельный сбор материала в 2010 г.

Приводимые в данной работе рассказы исполнителей, их комментарии и замечания выделены курсивом. В круглых скобках при необходимости дается перевод на русский язык. В некоторых случаях в квадратные скобки заключены необходимые дополнения и пояснения автора. Также в квадратных скобках даются ссылки на архивные записи. Переводы комиязычных причитаний и комментарии исполнителей в большей степени сделаны автором данной работы. Тексты свадебных причитаний из монографии Ф.В. Плесовского приводятся вместе с переводами ученого. Добавим, что в НА КНЦ содержатся расшифровки аудиоматериалов из ФФ ИЯЛИ КНЦ; в большинстве случаев мы используем готовые расшифровки, другие случаи, как правило, оговариваются особо. Расшифровки записей из ФА СыктГУ выполнены автором данной работы. Большую признательность выражаем сотруднику Коми НЦ А.В. Панюкову за помощь в переводе текстов и систематические консультации по теме исследования.

Подчеркнем, что в данной работе под словосочетаниями «лузские песни», «лузский репертуар» и т.п. мы понимаем песни, которые исполнялись этническими коми на территории Прилузского района в бассейне р. Луза. Упоминание в тексте исследования песен из Лузского района Кировской области нами будет оговариваться особо.

Научная новизна работы выражена в том, что проблема заимствований русскоязычного репертуара в традициях прилузских коми впервые становится предметом специального изучения.

Теоретическая значимость исследования. В диссертационной работе решается ряд проблем, касающихся вопросов взаимодействия разноэтнических традиций и механизмов заимствования фольклорных текстов. Исследование содержит наблюдения о степени ассимиляции иноязычного материала в коми традициях, адаптации жанров в «чужой» среде, языковой сохранности материала. Основные

результаты диссертации могут быть использованы в дальнейших исследованиях проблемы фольклорных заимствований, в сравнительном изучении песенной культуры более широких ареалов (финно-угорских и русской традиций).

Практическая значимость работы связана с систематизацией русского репертуара прилузских коми, созданием сюжетно-тематических указателей и введением в научный оборот архивных текстов, которые отражают специфику традиционной устной культуры южных коми. Ряд предложенных нами наблюдений может быть интересен при разработке учебных дисциплин и спецкурсов по фольклору. Подготовленные в диссертационной работе Приложения могут быть включены в исследования сравнительного характера.

Теоретико-методологической основой данного исследования являются труды ведущих отечественных специалистов в области фольклора и этнографии (В.Я. Пропп, П.Г. Богатырев, Б.Н. Путилов, В.И. Еремина, А.К. Байбурин, В.М. Гацак, Г.А. Левинтон и др.), по отдельным жанрам (К.И. Чистов, Т.А. Бернштам, Г.И. Мальцев, Ю.Г. Круглов, С.Б. Адоньева и др.), по изучению межэтнических связей (А.Н. Веселовский, В.А. Лапин, А.С. Степанова, Т.Г. Владыкина, А.А. Иванова, Т.А. Золотова, А.В. Черных и др.), по проблеме локально-регионального (Б.Н. Путилов, А.Н. Власов, С.В. Стародубцева, Р.Б. Калашникова, Т.С. Канева, Г.С. Савельева). При обращении к проблеме заимствований на коми материале мы учитывали наблюдения и выводы, приведенные в работах П.И. Чисталева, Э.В. Померанцевой, А.А. Шергиной, Т.И. Орнатской, А.В. Панюкова и др.

При описании свадебного фольклора прилузских коми в методологическом отношении мы опираемся на работы К.В. Чистова [Чистов 1982], А.К. Байбурина [Байбурин 1993], В.И. Ереминой [Еремина 1991], В.П. Кузнецовой [Кузнецова 1993] и др. Важное значение в этой части нашего исследования имеет монография Ф.В. Плесовского «Свадьба народа коми» [Плесовский 1968][20].

Исследование песенно-игрового фольклора прилузских коми основывается на теоретических положениях, которые выдвигают в своих научных трудах Б.Н. Путилов [Путилов 1994], Н.П. Колпакова [Колпакова 1962], Т.А. Бернштам [Бернштам 1991], И.А. Морозов, И.С. Слепцова [Морозов, Слепцова 2004].

[20] Стоит отметить, что книга Ф.В. Плесовского «Свадьба народа коми» подверглась определенной критике со стороны ученых. Так, Л.Н. Жеребцов отрицательно высказывается по поводу обобщенного характера монографии: «При знакомстве с материалом, опубликованным в монографии Ф.В. Плесовского, создается впечатление, что коми пользовались русским свадебным обрядом, т.к. местная специфика им подчеркнута недостаточно, хотя она, несомненно, имелась» [Жеребцов 1982. С. 149].

При характеристике лирического репертуара мы учитываем ряд работ, в том числе исследование Н.П. Колпаковой [Колпакова 1962], но непосредственно при анализе произведений мы придерживаемся методологии, предложенной Г.А. Мальцевым [Мальцев 1989]. Из современных исследований народной лирики стоит отметить монографию И.В. Корольковой [Королькова 2011].

При оценке адаптации русского репертуара и характера взаимодействий традиций важными для нас послужили работы теоретического плана. В частности, отдельные труды А.Н. Веселовского, который на материале сказок выдвинул идею об особой избирательности воспринимающей среды [Веселовский 1938. С. 221]. Кроме того, мы учитывали конкретные работы по этой проблеме, посвященной фольклору Прилузского района [Власов 1992, Савельева 2004; Савельева 2007].

На материале финно-угорских традиций проблемам заимствования посвящены работы В.А. Лапина [Лапин 1977], А.С. Степановой [Степанова 1983], Т.А. Золотовой [Золотова 1998; Золотова 2000], А.В. Черных [Черных 2007]. Так, А.С. Степанова рассмотрела русские заимствования в карельских плачах. Автор отметил, что в похоронных плачах заимствований меньше, чем в свадебных, что может служить одним из доказательств в пользу гипотезы о первичности похоронных причитаний, о более раннем их возникновении [Степанова 1983. С. 100]. Это наблюдение А.С. Степановой в полной мере применимо и к прилузскому материалу, поскольку нами не было выявлено русскоязычных причитаний похоронной тематики, а также использования русскоязычной лексики в этом жанре.

Механизмы формирования и функционирования фольклорных текстов в условиях межэтнических контактов рассматриваются в монографии А.В. Панюкова [Панюков 2009].

В ряде работ затрагивался вопрос о соотношении языков в жанровой системе двуязычного фольклора: так, «крайние» позиции жизненного цикла, удерживающие наиболее явственную связь с обрядами перехода (материнский фольклор, свадебные и похоронные причитания) исполнялись на родном языке; ситуация праздничной жизни, лирика, песенно-игровой фольклор – на «чужом». Об этом писали Т.И. Орнатская [Орнатская 1963. С. 168], В.А. Лапин [Лапин 1977. С. 184], Е.Е. Васильева [Старообрядческий центр на Вашке. С. 115], А.В. Черных [Черных 2007], И.В. Королькова [Королькова 2011. С. 297].

В работе В.А. Лапина близкой для нас явилась мысль о первоначальном усвоении напева, нежели самого песенного текста [Лапин 1977. С. 188]. Аналогичную

мысль встречаем в работах Ю.А. Новикова [Фольклор старообрядцев Литвы 2010. С. 32], Т.В. Краснопольской [Краснопольская 2007. С. 139], В.П. Мироновой [Миронова 2011. С. 139], обращенных к проблеме фольклорных заимствований. В работах музыковедов также отмечается, что русские песни, попав в иноязычную среду, сохраняются в архаически-уникальных для исконно русских земель формах [ПФМ. С. 34]. В то же время, как утверждается в ряде трудов (например, Ю.А. Новиков и др.), процесс адаптации иноэтнических культурных текстов связан с искажениями текстов донорской традиции. Так, по замечанию Т.В. Краснопольской, смысловое содержание русскоязычного текста песни, вписанного в другую традицию, «легко восстановимо, так как даже самые “темные” <…> места близки “первоисточникам”» [Краснопольская 2007].

При сюжетно-тематической характеристике фольклорного репертуара важным является сопоставление местного репертуара с компилятивным общерусским репертуаром. Для сравнительного анализа прилузских песен нами были использованы, прежде всего, наиболее крупные и авторитетные издания, посвященные разным русским традициям: Мезени [ПФМ], Печоры [ПП, ЛПУЦ], Карельского края [Песни Карельского края 1977; Карельский край 1984, Заонежье 1987], Ленинградской [ЛФ 2008], Новгородской [ТФНО], Архангельской [УП I, УП II; ТФВРАО] областей. Из сборников, составленных на общерусском материале, мы используем, прежде всего, антологию А.И. Соболевского «Великорусские народные песни» [Соб.] и «Собрание народных песен П.В. Киреевского» [Кир. 1977; Кир. 1983; Кир. 1986].

Степень изученности темы. Прилузская фольклорная традиция в разное время привлекала внимание исследователей, которые обращались в своих работах к разным фольклорным жанрам Прилузья. Единственной работой по свадебным причитаниям прилузских коми является монография Ф.В. Плесовского «Свадьба народа коми», содержащая сведения о тематике и поэтике прилузских плачей [Плесовский 1968]. Проблеме формирования фольклорной традиции Прилузья на примере свадебной лирики посвящена статья Е.А. Шевченко [Шевченко 2006]. В другой статье автор выявил общность прилузских (сел Лоймы, Спаспоруба и Занулья) и лузских причитаний Кировской области [Шевченко 2009]. Анализу текстов приговоров и диалогов прилузской свадьбы посвящена статья Ю.А. Крашенинниковой [Крашенинникова 2007]; исследовательница отметила неравномерность бытования свадебных приговоров на территории района: русскоязычные приговоры были зафиксированы в тех местностях, где преобладает русское население; проникновение

этого жанра в свадебный обряд коми практически не произошло [Крашенинникова 2007. С. 48].

Наибольшее внимание ученых привлекла одна из микролокальных традиций Прилузья, а именно фольклор с. Прокопьевка, который по своему географическому положению оказался самым южным и наиболее отдаленным от современного административного центра. Описанию традиционной культуры этого села посвящена статья А.Н. Власова [СыктГУ. Власов]. Песенно-игровой репертуар летских рождественских игрищ на материале с. Прокопьевка рассмотрела в своей диссертации Г.С. Савельева [Савельева 2004]. По мнению исследовательницы, в сравнении с ситуацией фольклорного двуязычия в других районах Республики Коми, в прилузских традициях локальная специфика, связанная с переосмыслением русского фольклора как иноязычного, практически отсутствует [Савельева 2004а. С. 15]. Еще одна статья Г.С. Савельевой посвящена механизмам консервации иноэтнической традиции на примере песенно-игрового фольклора и лирических необрядовых песен с. Прокопьевка [Савельева 2007]. В статье Т.С. Каневой дана характеристика материалов любителя-краеведа П.Г. Сухогузова, уроженца с. Прокопьевка [Канева 2008].

Считаем необходимым отметить, что для полноценной характеристики механизмов заимствования, адаптации и функционирования иноязычных текстов необходим музыковедческий анализ фольклорных произведений. Подчеркнем, что русские песни и причитания Прилузья до сих пор не подвергались специальному этномузыковедческому исследованию. Отдельные наблюдения над напевами русскоязычных лирических песен и свадебных причитаний находим в статье П.И. Чисталева «Русско-коми фольклорные музыкальные связи» [Чисталев 1976. С. 23], в сборнике «Коми народные песни» П.И. Чисталев пишет о манере исполнения песен в Прилузье, в комментариях раскрывает особенности напевов песен и причитаний [КНП I. С. 20, 269-278].

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Русский фольклор оказал сильнейшее влияние на формирование музыкально-поэтической культуры прилузских коми. Наиболее очевидно влияние русского фольклора проявляется в жанрах песенно-игрового фольклора и необрядовой лирики, где основу репертуара составляют русские песенные сюжеты.
2. Обрядовая сфера является более закрытой для влияния «чужого». Незначительное проникновение иноэтнического фольклора в свадьбу происходило в результате непосредственной географической близости с русскими традициями.

3. Адаптация русских произведений в разных музыкально-поэтических жанрах была различной. Причитания, свадебные и лирические песни, усвоенные прилузскими коми от русских, исполнялись без языковых искажений. Тексты песенно-игрового фольклора исполнялись на ломаном русском языке («кыдъя роч» песни – букв. ‘русский с примесью’), в них отмечается большое количество трансформаций и искажений на уровне лексики.
4. В иноязычной среде традиционный русский песенный репертуар сохранился в законсервированном виде.
5. Коми традиции Прилузья неоднородны в фольклорно-этнографическом плане. Можно выделить как минимум две локальные коми традиции в составе этого района – лузскую и летскую.
6. Жанровый и сюжетный состав, функциональные особенности фольклорных произведений прилузских коми типичны для севернорусской традиции. Формирование прилузских традиций происходило под влиянием соседних русских сел Лоймы и Спаспоруба. Большое значение сыграли традиции Архангельской, Кировской, Вологодской областей, Пермского края. В фольклорных традициях Прилузья генетически отложилось несколько историко-культурных пластов, которые возможно обнаружить в результате сравнительно-сопоставительного анализа прилузских текстов с севернорусским репертуаром. В результате тесных контактов русской и коми культур в Прилузье сложились фольклорные образования, которые правомерно рассматривать как локальные варианты севернорусской традиции.

Основными **методами** исследования являются структурно-семантический, текстологический, описательный и сравнительно-типологический, которые позволили произвести комплексное филологическое изучение русскоязычного фольклора прилузских коми. Данные методы в наибольшей степени оправдывают себя, когда речь идет о сопоставлении песенных текстов разных этнических традиций. В целях выявления локальных особенностей проводится сопоставление произведений, имеющих распространение в изучаемом районе, а также сравнение их с так называемым общерусским репертуаром.

Принцип учета экстрафольклорных факторов в изучении произведений вербального фольклора определил необходимость целостной характеристики сфер бытования песенно-игровых и лирических песен, обрядового контекста свадебных причитаний и песен. Особое внимание уделено народной терминологии, которая

способствует более адекватному описанию фольклорных произведений. Прежде всего, мы опирались на жанрово-функциональные оценки исполнителей, отражающие реальную картину бытования.

Наше внимание направлено как на диахронический аспект бытования песенной культуры (анализ материала от первой трети XIX в.), так и на синхронический аспект (описание традиции в определенном временном отрезке).

В структурировании диссертации мы исходим из принципов жанровой характеристики фольклорных произведений. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, Списка сокращений, Библиографии и Приложений. Во введении представлена источниковедческая часть работы: характеризуется поэтапное изучение прилузской фольклорной традиции, дается оценка источников, указываются цели, задачи исследования. В первой главе мы рассматриваем свадебные причитания и песни прилузских коми в структуре обряда. Во второй главе исследуется песенно-игровой фольклор. Третья глава посвящена лирическим необрядовым песням Прилузья: особенностям бытования и сюжетно-тематическому составу. Выявленный нами русскоязычный песенный репертуар представлен в Приложении в виде систематических указателей. Тексты свадебных причитаний на коми и русском языках даются в Приложении в полном объеме. Указатель шифров записей составлен нами только для текстов, представленных в Приложении.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационной работы были представлены в виде докладов на научно-практических конференциях международного, всероссийского, межрегионального, регионального и вузовского уровней: «Устные и письменные традиции народов европейского севера России: памяти К.Ф. Жакова и А.К. Микушева» (г. Сыктывкар, 2011), Всероссийская с международным участием научная конференция студентов и аспирантов «Проблемы истории материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран (г. Сыктывкар, 2012), Десятые Герценовские чтения (г. Киров, 2012), XVIII Международная научная конференция «Славянская традиционная культура и современный мир: мультифольклорное пространство Поволжья» (г. Тверь, 2013 г.), а также в чтениях IV Международной школы молодых фольклористов «Фольклор и этнокультурная идентичность» (Санкт-Петербург, 2011 г.) и др. Всего по теме исследования сделан 21 доклад.

По теме диссертации опубликована 21 работа в научных журналах и сборниках трудов конференций, в том числе 3 публикации – в изданиях из списка ВАК:

«Прощание с девьей красотой в свадебных причитаниях прилузских коми» (Традиционная культура, 2011, № 3), «Прилузский фольклор в записях А.К. Микушева» (Ученые записки Петрозаводского государственного университета, серия «Общественные и гуманитарные науки», 2011, № 7), «Русская необрядовая лирика летских коми в сравнительном аспекте» (Вестник САФУ, серия «Гуманитарные и социальные науки», 2013, № 3), «Русские песни в репертуаре прилузских коми (на материалах Фольклорного архива СыктГУ и Коми НЦ УрО РАН)» (Рябининские чтения-2011), «Специфика Лузско-Летской песенной традиции (коми-вятское пограничье)» (Вятский родник: Сборник материалов девятой научно-практической конференции, 2008, № 1), «Полевые исследования летской фольклорной традиции» (Вестник СыктГУ, серия гуманитарных наук, 2012, № 1), «Тема “свадьбы” / “женитьбы” в репертуаре рождественских игрищ лузских коми» (Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2012»), «Образы природы в летской необрядовой лирике» (Человек и окружающая среда: I Всероссийская научная конференция студентов и аспирантов: тезисы докладов, 2013), «Фольклор прилузских коми в собраниях Научного архива Коми НЦ УрО РАН» (Документальное наследие России: теория и практика сохранения и использования научных фондов. Сборник научных статей к 60-летию Научного архива Коми НЦ УрО РАН, 2013) и др. Общий объем публикаций составил 6, 3 п.л. Сдана в печать рукопись издания «Фольклор прилузских коми: справочно-аналитические материалы», получившая положительные отзывы Т.Г. Владыкиной, А.В. Панюкова.

ГЛАВА I. ФОЛЬКЛОРНЫЙ ТЕКСТ СВАДЬБЫ ПРИЛУЗСКИХ КОМИ: СООТНОШЕНИЕ КОМИ И РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

§ 1. Источники изучения свадебного фольклора прилузских коми

В архивных собраниях имеется довольно большой источниковедческий материал по свадебной традиции Прилузья [Прил. IV]. Нижнюю хронологическую границу составляют рукописные материалы А.М. Шёгрена (1827 г.) [Шёгрен] и М.С. Косарева (1863 г.) [Косарев 1863].

Ценность рукописи «Географическое описание ношульской пристани» А.М. Шёгрена, составленная по материалам местного жителя, заключается в очень подробном описании свадебного обряда. Особую значимость имеют этнографические сведения о «свадьбе жениха» – здесь представлены зарисовки обрядовых действий, которые совершаются в его доме. В рукописи находим и детальное описание обряда невестиной бани [Шёгрен. Л. 132-132 об.]. Материалы исследователя во многом дополняют сведения о свадебной обрядности прилузских коми, приведенные в монографии Ф.В. Плесовского. Кроме того, сведения относительно функциональной приуроченности причитаний углубляют и расширяют наши представления о прилузской свадьбе, поскольку Ф.В. Плесовским не делался специальный акцент на этом локальном варианте. Также Ф.В. Плесовский в большей степени рассмотрел свадебные причитания, нежели приговоры и диалоги, которые звучали в разные моменты свадьбы, что опять же придает весомость рукописи А.М. Шёгрена.

К сожалению, в материале не приведены тексты свадебных причетов: их А.М. Шёгрен дает лишь в пересказе. В то же время свадебные приговоры дружки нашли место в этой рукописи. Позже они фиксировались и другими собирателями прилузского материала [Микушев и др. 1960-1961, № 63б; Микушев, Рочев 1963, № 195], т.е. являются типичными для данной традиции. Подчеркнем, что приговоры исполнялись у прилузских коми на русском языке.

Исследователь сохраняет обрядовую терминологию, характерную для ношульской свадьбы: «А летом [жених – С.М.] оседлает верховную лошадь к обеим стременам к узде и под шею привязывает по колокольцу – на коей поедет по всем своим родственникам, коих просительно и убедительным образом созывает к <завтрию> к себе, и ехать с ним вместе к невесте на сговоры, которые бывает всегда

накануне свадьбы, и которое по наречию их называется (зумлӧсасьӧм)» [Шёгрен. Л. 128].

В рукописи «Пермяки Вятской губернии, преимущественно Орловского уезда» М.С. Косарева подробно описывается свадебный обряд ношульских и летских коми, но свадебные причитания даются лишь в виде инципитов или переводов комиязычных причитаний. Так, им приводится зачин свадебного причитания: «К невесте <…> до назначенного для свадьбы дня сходятся подружки-девицы и шьют ей приданое. Во все это время невеста плачет им, правильнее сказать, воет. Утром, в день свадьбы, как только все проснутся, невеста просит брата, чтобы подал ей умыться, сестру – чтобы дала ей полотенце – утереться. Одевшись, садится на лавку, начинает плакать, приговаривая: “Сижу я остатный денечек на этой лавочке, у батюшки да у матушки, у братцев да у сестриц” и проч.» [Косарев 1863. Л. 24об.]. Мы предполагаем, что свадебное причитание, которое М.С. Косарев привел на русском языке, звучало в реальности на коми языке («Пукала ме тані медбӧръяысь лабич вылын батюшко да матушка ордын, вокъяс да сочьяс ордын») и описывало место сидения невесты. Подобного рода примеры, когда в архивных материалах приводятся переводы комиязычных свадебных причитаний, являются характерными для ранних фиксаций текстов. Так, А.С. Сидоров в 1930 г. привел причеты ношульских коми на русском языке [НМ РК. КП 12498. Л. 199-209]. Заметим, что свадебный обряд, записанный М.С. Косаревым у ношульских коми, практически полностью совпадает по своей структуре с обрядом, описанным А.М. Шёгреном.

Среди фольклорных материалов Общества изучения Коми края за 1920-е гг. сохранился том с заголовком фамилии известного коми писателя П.Г. Доронина [НМ РК. КП 12496]. В нем содержится два текста свадебных причитаний с пометой «Записано в Прилузье», приведенных на русском языке [НМ РК. КП 12496. Л. 258-260]. В отдельном томе под названием «Свадебные песни 1918-1930 гг.» нам встретились два прилузских свадебных причитания на коми языке – «Девья красӧта кольльӧдлӧм» («Прощание с девьей красотой») и «Кулитчан бӧрдан кывъяс» («Причитания-корения») с указанием на их функциональную приуроченность [НМ РК. КП 12493. Л. 54-56]. Их мы склонны рассматривать как оригиналы текстов, переведенных на русский язык и помещенных в томе «Фольклор русский. 1911-1923 гг. П.Г. Доронин». Добавим также, что текст о девьей красоте (на коми языке и в переводе) приводится Ф.В. Плесовским в «Свадьбе народа коми» [Плесовский 1968. С. 207-208].

Ценным источником для данной работы послужили записи членов-корреспондентов этого Общества С.А. Попова и А.С. Сидорова. Эти материалы хранятся в рукописном фонде Национального музея [НМ РК. КП 12485; НМ РК. КП 12498. Л. 199-210].

Исследователь Коми края С.А. Попов[21] занимался сбором материала в 1928-1929 гг. в летской части района (с.с. Летка, Мутница, Слудка, Бебера, Черемуховка) [НМ РК. КП 12485]. Выявленные им тексты свадебных причитаний отличаются полнотой и представляют собой редкие записи, которые не фиксировались другими собирателями. Материал записывался сначала на карандаш, а затем переписывался чернилами с добавлением небольших комментариев. Некоторые тексты, таким образом, оказались продублированными. Всего в деле представлено 39 текстов причитаний на коми языке и один текст на русском языке. Такое количество причитаний не было выявлено ни одним фольклористом. В частности, Ф.В. Плесовский записал 12 причетных текстов в с. Читаево в 1962 г. [Прил. I-Б, №№ 16, 17, 25, 28, 54, 55, 59, 60, 61, 62, 63, 64]; А.К. Микушев в 1963 г. в с.с. Занулье и Читаево зафиксировал 13 причитаний [Прил. I-А, №№ 1, 4, 5, 11, 14, 15; Прил. I-Б, №№ 14, 33, 39, 52, 53, 57, 58]; Т.И. Жилина выявила в с. Летка в 1974 г. 9 текстов [Прил. I-Б, №№ 3, 6, 9, 15, 19, 40, 68, 69, 70]. Для сравнения можно привести также результаты экспедиции Ю.Г. Рочева в с. Летка в 1976 г.: «Мы не ставили своей целью подробное описание свадьбы, но вот причеты невесты, несмотря на наши усилия, записаны лишь фрагментарно» [Рочев 1976. Л. 13].

К каждому тексту в материалах С.А. Попова имеются сведения о месте фиксации и данные об исполнителе (местное прозвище). Так, среди информантов этого собирателя оказались следующие исполнительницы: Синтӧм Анна (букв. слепая Анна), Ӧлдӧк, Лад Иван пилӧн бабаыс (жена сына Лады Ивана), Ларивон пилӧн бабаыс (жена сына Ларивона), Ӧльӧшика гӧтыр (жена Алексея). В некоторых случаях С.А. Попов не указывает исполнительницу, отмечая лишь «записал от женщины на поле», жена моего К.М. (? – С.М.), от одной старухи. Сергей Алексеевич иногда приводит интересные сведения об исполнительницах: «Она известна как хорошая плакальщица, но сама незамужняя, очень религиозная. Боялась, что если она скажет все, я помещу в газету – поэтому она передала лишь очень небольшую часть» [НМ РК. КП 12485. Л. 113].

Комментарии на русском и коми языках практически к каждому причитанию позволяют представить вписанность текстов в обряд. Так, в рукописи встречаем такие

[21] О биографии и исследовательской деятельности С.А. Попова см.: [Рассыхаев 2007. С. 380].

заметки: «”Пасибӧ” бӧрдӧ невеста рӧдыс ордас, ветлӧ веньчайтэдзыс корны пир вылас» («Спасибо» причитает невеста у своей родни, когда ходит до венца приглашать на свадьбу) [НМ РК. КП 12485. Л. 123] и др.

Среди зафиксированных С.А. Поповым свадебных причитаний заслуживают внимания тексты, в которых невеста говорит «спасибо» и приглашает на свадебный пир дядю и тетю. Подобные причитания с мотивом благодарности родственникам были выявлены Т.И. Жилиной в с. Летка в 1974 г. [Жилина 1974. Л. 248-250]. Отметим, что в лузской части района такие тексты не зафиксированы. Также С.А. Поповым записаны причитания, исполнявшиеся во время обряда невестиной бани: перед выходом в баню, у бани, благодарение истопникам (сестре, крестной, отцу, подруге) после ее посещения. Кроме того, С.А. Попов выявил причитания с мотивами испрашивания невестой благословения перед отправлением к венцу и благословения родителями невесты. Интерес представляют также тексты при расплетении косы, на *каризне* (девичнике). Указание на контекст исполнения причитаний дает возможность представить свадебный обряд поэтапно.

Записанные С.А. Поповым свадебные причитания были использованы в монографии Ф.В. Плесовского «Свадьба народа коми» [Плесовский 1986. С. 170, 177, 179, 181, 186 и др.].

Тексты свадебных причитаний в с. Ношуль в марте 1930 г. записал А.С. Сидоров [НМ РК. КП 12498. Л. 199-209]. Непосредственно перед текстом даются сведения относительно места и времени фиксации. Причеты представлены в переводе на русский язык и позже опубликованы А.С. Сидоровым в фольклорной части «Сборника комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка» [Лыткин 1931. С. 85-95]. Среди них оказался текст, который исполнялся первым на свадьбе при заварке пива. Кроме того, приводятся такие причетные тексты, как «Если жених солдат», «Сестре» [НМ РК. КП 12498. Л. 207-210].

В 1960-1976 гг. исследованием прилузских традиций активно занимались сотрудники ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Экспедиция по сбору свадебного репертуара проведена в 1960 г. П.И. Чисталевым в с. Поруб Спаспорубского с/с. Всего им записано 3 свадебные песни, 8 причитаний и один приговор дружки, также в его материалах приводятся небольшие комментарии, уточняющие, в какой отрезок свадебного обряда исполнялась та или иная песня или причитание [Микушев и др. 1960-1961. Л. 91, 92а, 92б, 94а; ФФ ИЯЛИ. 1520-6, 1523-1, 2, 3, 4, 5, 6, 7].

В 1961 г. А.К. Микушев записал в с. Ношуль 4 комиязычных причитания и приговор дружки на русском языке [Микушев и др. 1960-1961. Л. 123, 124, 128, 130].

В 1960-е гг. Ф.В. Плесовский произвел детальное описание свадебного обряда в бассейнах рек Лузы и Летки. Записи свадебной обрядности, сделанные фольклористом в с.с. Летка, Березовка, Ловля, Черныш, Объячево, Читаево и в русском селе Лойма, хранятся в НА Республики Коми [НА РК. Ф.Р-2309. Оп. 1. Д. 258. Л. 61-94]. Кроме того, в архиве находятся тексты свадебных причитаний, опубликованные позже собирателем в его монографии [НА РК. Ф.Р-2309. Оп. 1. Д. 132, 154, 229, 232, 235, 242]. В 1962 г. Ф.В. Плесовский выявил в с. Читаево сведения о свадебном обряде, тексты комиязычных свадебных причитаний (13 единиц). Также он зафиксировал свадебную песню «Под пенем, пенем анистровым» в д. Урнышевской Спаспорубского с/с, которая не встретилась нам среди других материалов по свадьбе прилузских коми [ФФ ИЯЛИ. А 1530].

В 1963 г. А.К. Микушев и Ю.Г. Рочев выявили 13 причитаний и 3 песни в с.с. Занулье, Читаево и Объячево (д.д. Керос, Юговская) [Прил. I-А, №№ 1, 4, 5, 11, 14, 15; Прил. I-Б, №№ 14, 33, 39, 52, 53, 57, 58; Прил. I-Г, №№ 5, 6, 7]. Ценность записей связана со включенностью этих текстов в рассказ о свадебном обряде.

В 1976 г. в результате фольклорной практики студентов СыктГУ под руководством Ю.Г. Рочева в с. Летка был записан материал по свадьбе[22], а также выявлено 3 свадебных причитания, два из которых фрагментарны [Рочев 1976. №№ 23, 24, 27].

В 1978 г. студенческая фольклорная экспедиция на Летку под руководством А.К. Микушева зафиксировала 2 свадебных причитания на коми языке в с.с. Мутница и Талица [СыктГУ 1305-22, 1306-5].

В 1978, 1980 гг. краеведом П.Г. Сухогузовым собраны материалы, в которых наряду с другими записями содержится описание свадебного обряда с. Прокопьевки (летский куст). Этнографические сведения включают в себя все основные моменты обряда (сватовство, рукобитье, неделя, девичник, баня, пир у невесты перед отъездом к венцу, венчание, пир у жениха, подклет, второй день свадебного пира, на третий день пир у тещи). Собиратель отмечает ряд деталей, которые углубляют представления о наполненности обряда различными ритуальными действиями («обрядовые хулы»

[22] Ю.Г. Рочев отметил следующие моменты свадьбы: 1) Сватовство; 2) Енлö юрбитöм (моление Богу); 3) Ки кутöм; 4) Каризна; 5) Баня; 6) Утреннее бужение невесты; 7) Приход свадьбы; 8) Шыльöдöм (расчесывание невесты крестной матерью); 9) Венчание; 10) Приезд к жениху; 11) Пир [Рочев 1976. Л. 10-12].

невесте, присказка сватов, присутствие на свадьбе прялки, на ней невесту заставляли прясть, ряженые на второй день свадьбы). Приводится одна запись причитания невесты на коми языке.

В результате экспедиций фольклористов СыктГУ в 1990 – 2000-х гг. накоплен огромный фактический материал по свадьбе и свадебному репертуару. Тем не менее, в современных записях отмечается превалирование рассказов о свадьбе в сравнении с текстами свадебного фольклора. По замечанию Е.А. Шевченко, «этнографические сведения по свадебному обряду прилузских коми довольно подробны и “компенсируют” отсутствие некоторых причитаний, приуроченных к тому или иному обрядовому акту» [Канева и др. 2008. С. 505]. Как добавляет исследовательница, «особо в этом отношении отличаются рассказы о свадебном обряде летской части района, который представляет собой “коми вариант” севернорусской свадьбы с обилием магических действий и интересных деталей» [Канева и др. 2008. С. 505]. Здесь стоит привести высказывание Ю.Г. Рочева, который в отчете 1976 г. писал, что *комилань*[23] (букв. – в сторону коми: населенные пункты южнее Летки, т.е. Черемуховка, Слудка, Прокопьевка) свадебная обрядность так же, как и традиция песенного исполнительства, сохранилась в более целостном виде [Рочев 1976. Л. 3]. Всего в ФА СыктГУ нами выявлено два полных русскоязычных текста причитаний (в одном тексте 15 стихов, в другом – 12) и один фрагмент, а также более ста комиязычных причитаний разного объема. Свадебные песни из ФА СыктГУ также содержат указания относительно времени исполнения, но сами тексты представлены фрагментарно (в виде инципитов, записей-проб, упоминаний)[24]. Всего от коми исполнителей в ФА СыктГУ нами выявлено 4 свадебных песни и 4 упоминания о них.

Кроме фольклорных экспедиций сведения о свадебном обряде Прилузского района были записаны в результате этнографических и диалектологических экспедиций сотрудников ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Этот материал в основном представлен этнографическими описаниями. В частности, в 1966 г. записаны сведения о старинной и современной свадьбах с.с. Черныш, Ношуль, Слудка и Мутница Прилузского района [Жеребцов и др. 1967. Л. 48-58]. В 1974 г. в с. Летка Т.И. Жилиной зафиксированы тексты свадебных причитаний, которые отсутствуют в других полевых материалах (8

[23] Ю.Г. Рочев дает разъяснение происхождению этого термина: «Нам кажется этот странный на первый взгляд термин обязан своим происхождением Комму, т.е. Прикамье, сторона, где проживают коми-пермяки. Однако сами жители уже позабыли эту связь» [Рочев 1976. Л. 4].

[24] Наши наблюдения созвучны с более ранним наблюдениями, сделанными Г.А. Мишариной [ТК 2010. С. 136-137].

единиц записи) [Жилина 1974. Л. 230-236, 247-248]. Здесь же стоит отметить записи Р.И. Коснырeвой, Н.И. Лоскутовой по этнографии свадьбы прилузских коми [Коснырева 1971, 1972]; [Лоскутова 1972, 1973, 1974].

Таким образом, в материалах по свадебному фольклору Прилузья обнаруживаются тексты, принадлежащие к разным временным пластам, что позволяет не только реконструировать структуру обряда, но и провести сравнительно-сопоставительный анализ выявляемых временных срезов. Хронологические рамки анализируемого материала охватывают большой отрезок времени – первая треть XIX в. – 2000-е гг. Нами выявлено более двухсот рассказов о свадьбе, в результате чего составлена компилятивная схема свадебного обряда прилузских коми [Прил. I-В]. Всего обнаружено более ста восьмидесяти текстов свадебных причитаний на коми языке [Прил. I-Б] и 17 причетов на русском языке [Прил. I-А]. Русскоязычные свадебные песни прилузских коми в исследуемых материалах представлены девятью сюжетами в двенадцати вариантах записи [Прил. I-Г].

§ 2. Причитания и песни в составе свадебного обряда прилузских коми

Говоря о свадебном фольклоре прилузских коми, мы имеем ввиду две самостоятельные традиции – лузскую и летскую, которые различаются, прежде всего, по жанру причитаний. Об этом писал Ф.В. Плесовский: «Причитания Летского бассейна по художественно-композиционным особенностям от причитаний других районов республики отличаются весьма значительно. Отличаются они, хотя в меньшей степени, и от причитаний соседнего, Лузского бассейна» [Плесовский 1968. С. 221]. В этой связи стоит отметить, что у летских коми не нашел распространение жанр свадебных песен, который бытовал у лузских коми. Добавим, что автономность указанных традиций проявляется также в варьировании отдельных элементов свадебного обряда.

Причитания на свадьбе звучали от лица невесты, ее подруг, крестной, матери[25]. Характеризуя манеру исполнения причитаний, информанты говорят «*гӧлӧсӧн бӧрдлісны*» (голосом причитывают) [СыктГУ. 13201-11, 13203-29]. Текст причета

[25] Все участники свадьбы наделялись своими статусно-ролевыми характеристиками. Так, важная роль принадлежала свадебжанам – родственникам со стороны жениха и невесты. Это были так называемые приглашенные гости («Свадебжана – сійӧ корӧм йӧзыд» (Свадебжана – это званые люди)). Помимо этого, на свадьбе присутствовали **свадьба видзалысьяс (видзӧдысьяс)** (букв. – «смотрящие свадьбу», русское – «глядельщики») – люди, которые приходили посмотреть на свадьбу (тот момент, когда жених приезжал за невестой). Это могли быть люди как из самой деревни, так из соседних. Их угощали свадебным суром, но они не принимали участие в свадебном пире [СыктГУ. РФ 1328-12].

сопровождался глубокими вздохами, рыданиями и оханьем, невеста наклонялась и била себя по коленям: *«Копрасьӧмӧн бӧрдӧ, копрасьӧ. Тадзи швачкӧ кинас. Пидзӧсас тадзи, веськыд кинас пидзӧсас швачкӧ»* [СыктГУ. 1384-64] (Наклоняясь, причитает, наклоняясь. Так вот бьет рукой. О колени вот так, правой рукой о колени бьет). Все это усиливало трагизм происходящего и передавало эмоциональное состояние причитальшицы.

Существовало несколько способов исполнения причитаний в зависимости от причитывания самой невесты. Первый, являющийся самым распространенным (судя по замечаниям информантов), заключался в том, что невеста повторяла вслед за причитальщицей окончание стиха причитания, рыдая при этом[26]. Второй способ характеризовался тем, что невеста рыдала под голошение причитальщицы, не произнося никаких слов. Часто в репортажах информантов используется такое выражение, как *«бӧрдӧдлісны невестаӧс»* (букв. оплакивали невесту; семантически близкое русскому понятию «расклевить» невесту) – произносили жалобные слова, которые заставляли невесту заплакать[27]. Третий способ был самым редким и характеризовался тем, что невеста сама выступала в роли причитальщицы, исполняла причитание без помощниц[28].

Свадебные причитания в прилузских традициях зафиксированы как на русском, так и на коми языке. В коми селах, расположенных восточнее русского села Лойма (Занулье и Поруб), на свадьбе исполняют и русскоязычные, и комиязычные причитания, при этом наблюдается превалирование первых над последними.

[26] Например: *«Шуалӧ бӧрдӧдчысьыс, невестаыс бӧрдӧ да шуӧ понъяссӧ, понъяссӧ шуӧ сэн же»* [СыктГУ. РФ 1328-15] (Причитальщица говорит, невеста плачет и говорит окончания [стиха], окончания говорит там же); *«С матерью они плачут вместе. Одно и то же говорят. Но вперёд-то говорит, скажем, мать, а она уже с ней вместе повторяет. В полный голос повторяет. Начинает мать, а дочь подхватывает. Вместе причитают. Потом еще вместе разрыдаются, так еще заплачут да»* [СыктГУ. 1827-41].

[27] Например: *«Кодкӧ тэмыд пуксяс да бӧрдӧдӧ. Код старукаяс, пӧжилӧйджыкъяс. Невеста оз повторяйт, но вот скажем шуас: “Югыдлунанӧй, ныв олӧманӧй” шуасны, а невеста бӧрдӧ. А ӧдӧбсян бӧрдны, он вермы и оступитчыны. А пукалысьыд и шуалӧ. Сійӧ ещӧ и копрӧдлӧнӧ эдзи невестасӧ и ачыс коді пукалӧ. Копрасьӧнӧ, бӧрдӧнӧ, пукалӧнӧ асьныс»* [СыктГУ. 1309-1] (Кто-то с тобой сядет и опричитывает. Кто старухи, кто постарее. Невеста не повторяет, ну вот, скажем, [причитальщица] скажет: “Светлое солнце, девичья жизнь” скажет, а невеста плачет. Как начнешь плакать, не можешь остановиться. А сидящая рядом и говорит. Она еще заставляет поклоны делать невесте и сама кланяется. Кланяются, причитают, сидят сами).

[28] Например: *«Сэки ӧд невестаалан, вит лун бӧрдан. Вот лактасны морт вит-ӧ-квайт, шуӧ, невеста сетны лактӧны, тшӧктӧны пуксьыны бӧрдны. Этчӧ пуксян да эд колӧ висьтавлыны. Ачыс бӧрдӧ, ачыс тупӥысьӧма тадзи носовикӧн и клопкӧ пидзӧсас кучкӧ да бӧрдӧ, и сія сэтӧн висьтавлӧ-бӧрдӧ. Ачыд толькӧ пидзӧсад клопкан-кучкан, бӧрдан, невеста сетысьяс кывзӧны. Гожӧмын кӧ мунан, сараяд пуксян да бӧрдан, сарай ӧзь дорад сэн кывзӧны нида, а тӧвнад, кӧнешнӧ, керкаад»* [Лоскутова 1972. Л. 289] (Тогда ведь невестой пять дней причитаешь. Вот придут пять-шесть человек, скажут, пришли за невестой, велят причитать. Сюда садишься и надо что-то говорить. Сама плачет, сама уткнется в носовик и ударяет по коленям и причитает. Сама ударяешь по коленям, а остальные слушают. Летом если идешь, в сарай сядешь и причитаешь, возле сарая остальные слушают, а зимой, конечно, дома).

Напомним, что в нашем распоряжении имеется 17 русскоязычных и более ста восьмидесяти комиязычных причетов. Возникновение традиции причитания на русском языке в этих селах складывалось под влиянием традиции русской Лоймы. Этот феномен был отмечен еще в 1960-е гг. Ф.В. Плесовским. Как писал исследователь, «обряды сел Лойма, Усть-Цильма в последующем оказали влияние и на обряды соседних, коми селений. Так, под влиянием лоемской свадьбы оказались свадьбы Поруба, Спаспоруба и Занулья. Ярким свидетельством этого является то, что коми население этих сел во время свадеб поет русские свадебные песни и по-русски же исполняет часть причитаний» [Плесовский 1968. С. 4][29]. Исследователь приводит причины, которые способствовали этому влиянию: географическая близость, сходные условия жизни и быта, преобладание у тех и других малых семей, сходные нормы обычного права и т.д. [Плесовский 1968. С. 6].

Следы этнокультурных контактов коми и русских, ярко проявляющие себя в свадебной поэзии, были отмечены также А.К. Микушевым и Ю.Г. Рочевым в ходе экспедиции в с. Занулье в 1963 г.: «В Занулье причитают не по-коми, а по-русски. Сказывается влияние соседней русской Лоймы и Спаспоруба. Причитают по-русски (*бӧрдӧдчӧны рочӧн*), а невеста говорит, всхлипывает по-коми (*бӧрдӧ комиӧн*)» [Микушев, Рочев 1963. Л. 42]. Сами исполнительницы из с. Занулье также отмечали этот факт: *«Бӧрдӧдчӧны миян рочӧн, шуалӧ невестаыс комиӧн, бӧрдӧны комиӧн, а бӧрдӧдчӧны рочӧн, бӧрдӧдысьяс бӧрсянь оз шуал невестаыс, сія аслыс баитӧ»* [Микушев, Рочев 1963. Л. 150] (Причитают у нас по-русски, а невеста приговаривает по-коми, плачут по-коми, а причитают по-русски, невеста не повторяет за причитывающими, она сама себе говорит). Примечательно, что в ходе этой экспедиции в с. Занулье были записаны также комиязычные причитания. Двуязычный характер занульской причети подтверждается рассказом о свадьбе, который записал А.К. Микушев от двух женщин, при этом одна из них утверждала, что причитали у них в селе по-русски: *«Öні сэсся пондас невеста бӧрдны. Но ме бӧрдӧдча, рочӧн толькӧ ме, коминад ог куж, юрым менам розя»* [Микушев, Рочев 1963. Л. 151] (Теперь невеста начнет причитать. Но я попричитаю по-русски только, по-коми не умею, не знаю (букв.: голова у меня дырявая)). Другая же, ссылаясь на то, что причитать по-русски не умеет, пересказала комиязычное причитание, в котором невеста унижает себя, говорит,

[29] Стоит отметить, что такая же ситуация наблюдается в карельском свадебном обряде: часть свадебных причитаний и песен исполняют здесь на русском языке. Об этом подробнее см.: [Конкка 1978, Сурхаско 1981, Степанова 1983, Краснопольская 2007, Миронова 2011].

что не умеет хозяйничать, обращается к братьям с сетованиями, а сторона жениха обещает ее научить всему. Причитание строится в форме диалога: *«Мыйла нӧ менӧ сетанныд, ме ӧд нинӧм на ог куж вӧчны-керны. Менам ӧд батьӧ эз вӧл, да вокъяс силом менӧ заводитісны сетны. Ме вӧд джоджтӧ ог куж чышкыны, мыйла нӧ менӧ сетанныд? Ок, ок. – Велӧдам, велӧдам. – Ме вед нем на эг керлы, вокъяс дорад олі да. Ме ӧд нем на эг керлы. Кыдз нӧ менӧ тi йӧзас сетанныд? Ме вед зэл на том, дас сизим арӧса на, мыйла нӧ менӧ шыбитанныд, муса вокъяс?»* [Микушев, Рочев 1963. Л. 151] (Зачем меня отдаете, я же ничего не умею делать. У меня отца не было, и братья стали силой меня выдавать. Я ведь пол не умею подметать, зачем меня отдаете? Ох, ох. – Научим, научим. – Я ведь ничего еще не делала, с братьями жила. Я ведь ничего не делала. Как же вы меня в люди отдаете? Я ведь еще такая молоденькая, семнадцать лет еще только, зачем меня бросаете, любимые братья?).

Общность лоемской, спаспорубской и занульской традиций в структуре и семантике свадебного обряда отметила Е.А. Шевченко [Шевченко 2009]. По ее мнению, «расширение» русской Лоймы за счет пограничных с ней коми (с. Занулье) и смешанных коми-русских (с. Спаспоруб) поселений объясняется «во-первых, историческими данными по заселению и освоению края <…> во-вторых, фольклорные тексты и обрядовые этнографические сведения позволяют “объединить” традиции обозначенных территорий Прилузского района Республики Коми с Лальском (современная территория Лузского района Кировской области)» [Шевченко 2009. С. 229]. Близость занульской, спаспорубской и лоемской традиций исследователь усматривает на уровне обрядовой терминологии, в структуре ритуала, тематических и функциональных схождениях текстов [Шевченко 2009. С. 237]. Так, по замечанию Е.А. Шевченко, в этих селах канун венчания обозначался термином «плаканье», общим являлось и наименование невестиной бани – белая баня [Шевченко 2009. С. 230].

В летской традиции зафиксирован лишь один текст причитания на русском языке [Прил. I-А, № 10]. В целом в населенных пунктах летской части района свадебный обряд сопровождали комиязычные причитания.

Русскоязычные свадебные песни, заимствованные прилузскими традициями, были органично включены в обрядовую составляющую[30]. Эта группа произведений была рассмотрена Е.А. Шевченко [Шевченко 2006], которая выявила близость

[30] Заимствование русскоязычных свадебных песен наблюдается также в карельской свадебной традиции. По замечанию В.П. Мироновой, «в некоторых случаях женщины не владели русским языком, текст песен был усвоен на слух, многие слова были сильно искажены» [Миронова 2011. С. 40].

свадебного репертуара Прилузского района традициям Кировской области. В результате исследования автор статьи пришел к выводам: «Такое “совпадение” репертуара Прилузского района Республики Коми со свадебной лирикой отдельных районов Кировской области позволяет нам говорить о том, что прилузская традиция органично вписывается в рамки севернорусской традиции и является ее неотъемлемой частью. Однако мы не склонны рассматривать сопоставляемые традиции как единое целое, так как Прилузье представляет собой уникальное образование, своеобразный синтез двух этнически различных культур – коми и русской, сложившихся в результате тесного многовекового культурного общения» [Шевченко 2006. С. 185].

Записи свадебных песен имеют фрагментарный характер, количество их невелико [Прил. I-Г], что возможно объяснить, во-первых, недостаточным вниманием собирателей к данному песенному жанру, а во-вторых, развитой традицией причитания в Прилузье. Как отмечает Е.А. Шевченко, жанр причитания является здесь самым репрезентативным [Канева и др. 2008. С. 504]. По замечанию Ф.В. Плесовского, «коми не создавали свадебных песен (за исключением величальных) на своем языке, ограничившись заимствованием лишь некоторых русских песен, особенно таких, которые у русских были наиболее распространены» [Плесовский 1986. С. 113]. По мнению Л.Н. Жеребцова, причитания у коми заменяли песни, типичные для русского свадебного цикла [Жеребцов 1982. С. 150]. Коми музыковед П.И. Чисталев писал, что песни свадебного обряда в репертуаре коми певцов встречаются довольно редко [Чисталев 1984. С. 159][31].

Данный песенный жанр в Прилузье был зафиксирован в лузской части района, и лишь один свадебный текст записан в летской (у «орловских пермяков»)[32].

Исполнение песен, исходя из комментариев исполнителей, на прилузской свадьбе было приурочено к следующим этапам свадебного обряда: невестина баня, появление жениха в доме невесты и пир.

Таким образом, уникальность прилузской свадьбы заключается в бытовании причитаний на коми и русском языках, а также в исполнении свадебных песен на русском языке. Данный феномен является малоизученным, поэтому требует пристального рассмотрения.

---

[31] К сходному выводу пришла Т.И. Орнатская при анализе русскоязычного репертуара вашкинской традиции (Удорский район Республики Коми): «Особых обрядовых песен на Вашке нет. Правда, называют свадебную плясовую песню “Вечерняя заря, утренняя звезда”, но вряд ли ее можно считать хотя бы исключением из общего правила» [Орнатская 1963. С. 169].

[32] Летские коми.

Опираясь на схему свадебного обряда, проследим, из каких текстов складывается фольклорный текст свадьбы прилузских коми и каково соотношение плачей и песен из родного и заимствованного репертуара в каждом из элементов свадьбы.

Как известно, ведущим жанром довенечной части свадьбы, от просватанья до выдачи невесты жениху, было причитание. Фольклорно-этнографические материалы дают различные сведения о времени исполнения первого причета. Так, в с. Зануле первый причет звучал во время ритуального акта *кикутӧм* (русское – *рукобитье*, в него входил обрядовый момент *вина юны* (вино пить) – угощались вином, принесенным женихом). Рукобитье (*кикутӧм*) считалось традиционным началом свадьбы, это день окончательного договора о браке. А.К. Микушев, описывая свадьбу в с. Зануле, в отчете 1963 г. писал: «В Зануле свадьба начиналась, как и повсюду, со сватовства, на котором договариваются и о *козине*. На следующий день по обоюдному согласию приходят на рукобитие – *ки кутны*. С собой приносят бутылку вина. Вся родня сидит по лавкам. Невеста начинает причитать “Случилось ли высоко, случилось во тереме”» [Микушев, Рочев 1963. Л. 42]. Обращаем внимание, что речь идет о русском свадебном произведении. Как отметила Е.А. Шевченко, «бóльшая часть прилузских причитаний, обращенных к родителям невесты, начинается формулой “[С]лучилось ([с]лучился) во тереме”. Такой зачин открывает и причитания при благословении, и послебанные причитания. В лальской[33] традиции причитание с зачином “Случилось во тереме” исполнялось после бани в доме на мосту (сенях)» [Шевченко 2009. С. 232-233]. У прилузских коми (с. Поруб) нами выявлено еще одно причитание с этим зачином, приуроченное к обряду невестиной бани [Прил. I-А, № 9]. Зачины этих причетов устойчивы и у коми, и у русских. Приведем зачины занульского и лоемского причитаний:

Лучилось ли высоко,
Лучилась ли во тереме.
Ты родимой мой батюшко…[Микушев, Рочев 1963. Л. 152].

Лучился ли во тереме
Мой батюшко родимой,
Лучилася ли во высоком
Моя родимая матушка…[СыктГУ. АФ 1315-37, Лойма].

Далее в занульском причитании следует импровизация, в которой реализуются мотивы чужой стороны и сетования девушки отцу за преждевременное замужество [Прил. I-А, № 1]. Стоит отметить, что в соседней лоемской традиции первые свадебные причитания начинали звучать во время ритуальных актов сватовства и

[33] Русская традиция – Лузский р-н Кировской обл.

«запоручивания»[34]. Возможно, причитывание на рукобитье в с. Занулье было связано с влиянием именно этой традиции. Добавим, что в других коми традициях причитания на рукобитье не исполнялись.

В материалах Ф.В. Плесовского указывается, что в Летке и в Объячево первый причет звучал в доме невесты во время приготовления пива к свадебному столу: «Так, в Летке, когда варят пиво, от жениха посылают кого-либо из родственников к невесте с бураком пива. После этого невеста вплетала в волосы все ленты, собранные у подруг, надевала на голову узкий ободок из красного материала, унизанный бисером (“головедеч”), садилась вместе с причитальщицей между двух окон напротив дверей и начинала свои причеты. <…> В Объячеве невеста начинала свои причеты также при варке сусла (сур)» [Плесовский 1968. С. 31]. К сожалению, фольклорист не приводит текст этого причитания, но в его работе находим пересказ комиязычного причитания, в котором содержится мотив пивоварения [Плесовский 1968. С. 225]. Этот причет из Ношуля в записи А.С. Сидорова приведен в «Сборнике комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка» [Лыткин 1930. С. 76]:

Четчис менам матушкаанӧй	Встала моя матушка
Водзкиння водз асыл водзанӧй,	Раным рано поутру,
Кӧсйӧ сія гудралны сур тшанъянӧй –	Хочет она в чану пиво замесить –
Гудралӧ сія менчым ки-коканӧй.	Замешала она мои конечности.
Чайтчӧ сія изъялны чужваанӧй –	Думает она опустить в сусло
Изъялӧ менчым сія сьӧлӧманӧнӧйӧс;	Камни накаленные, –
	Накаляет она мое сердечушко;
Чайтчӧ сія лэдзны чужваанӧйӧс –	Думает она выпустить из чана суслице, –
Лэдзӧ сія менчым синваанӧйӧс;	Выпускает она мою слезиночку;
Чайтчӧ сія вайны слуга заменаанӧй –	Думает она привести служанку
	Для замены моей –
Сетӧ сія медтӧм, донтӧм казанкаанӧйӧс…	Отдает она бесплатную, дешевую работницу…[Лыткин 1930. С. 76].

Через сравнение передается сетование невесты на мать за то, что та отдает ее замуж, причиняя тем самым физические муки. Отметим, что мотивы пивоварения находят широкое распространение в текстах лоемских причитаний[35]. В статье Т.И. Орнатской указывается, что в 1937 г. в с. Ношуль была записана песня «Пивовар, пивовар молодой», которую, по замечанию собирателей, поют во время варения пива к свадьбе, и в Святки [Орнатская 1963. С. 169], но она не обнаружена.

Судя по материалам Ф.В. Плесовского, второе причитание на свадьбе – описание места сидения невесты. По замечанию исследователя, причитания данной

[34] См., например: [СыктГУ. 1315-35, 1318-27]. В сюжетах данных причитаний сохранились элементы комментирования этих обрядовых актов: обращение невесты к отцу с просьбой «не просватывать за чуженинина», «не запоручивать головушку, не заламывать белы рученьки».
[35] См.: [СыктГУ. 1315-10, 1317-50, 1317-24, 1322-11, 1316-21, 1319-41].

тематики встречаются во всех районах. В то же время исследователь отмечает, что в Прилузье эта тема разработана не так подробно и выявлена лишь в причитаниях лузской части района [Плесовский 1968. С. 225]. Тексты причитаний с этим мотивом в работе исследователя не приводятся. Анализируя имеющиеся в нашем распоряжении материалы, подчеркнем, что мотивы описания места, на котором сидит невеста, встречаются как в лузских, так и в летских комиязычных причетах. Этот мотив содержится в шести причетных текстах [Прил. I-Б, №№ 1, 2, 55, 82, 158, 161]. Судя по нашим наблюдениям, он чаще всего реализовывался в текстах, которые исполнялись на *каризне* (девичнике). Несмотря на высказывание Ф.В. Плесовского о неразвитости этого мотива в свадебных причитаниях прилузских коми, мы все же можем утверждать обратное – тексты прилузских причитаний с мотивами описания места сидения получили в этой традиции свое распространение.

Как заметил Ф.В. Плесовский, «наиболее существенными в обряде свадьбы в дни между рукобитьем и девичником являются предсвадебный обход или объезд невестой своих родственников и предсвадебные посещения невестой молодежи и девушек и парней» [Плесовский 1968. С. 31]. Фольклорист пишет, что этот обычай был известен во многих коми локальных традициях: «Обычай предсвадебного посещения родных невестой был распространен весьма широко; он существовал в Летке, на верхней Вычегде, на Выми, на Мезени, по Лузе – в Зануле» [Плесовский 1968. С. 32][36]. Добавим, что он представлен также в русских традициях [Свадьба Карельского Поморья 1980. С. 28; Свадебные песни Терского берега Белого моря. С. 33; Русская свадьба Заонежья 2001. С. 84-120; Нижегородская свадьба 1998. С. 31][37].

По словам летских информантов, невеста вместе с *кошельником*[38] обходила дома и приглашала гостей на свадьбу. Собирателями даются интересные наблюдения об

[36] Заметим, что не все собиратели, записывающие материал по прилузской свадьбе, зафиксировали этот фрагмент обряда. Так, в отчетах А.К. Микушева об экспедиции в лузскую часть района в 1963 г., Ю.Г. Рочева в с. Летка в 1976 г. мы не находим описания этого элемента прилузской свадьбы. По сведениям этнографов: «В период между сговором и девичником к невесте приходили подруги, помогали готовить приданое и подарки. Невеста в эти дни плакала по отцу, матери, приходящим родственникам и подругам» [Жеребцов и др. 1967. Л. 48-49].

[37] В черновых записях Ф.В. Плесовского по занульской свадьбе находим такие сведения: *«Нывлӧн свадьба да рӧдня кузя ветлӧмыс вӧлӧма жӧ. Миянэдз. (30-х г. эз нин вӧл)»* [НА РК. Р-2309. Оп. 1. Д. 258. Л. 79-80] (Свадьба невесты и обходы родни тоже были. До нас. (В 30-х гг. уже не было).

[38] «Это мог быть любой человек, кого возьмут. Называли его “кошельник”. Он должен был быть у жениха, у невесты» [СыктГУ. РФ 13-IV-2]; «Кошельник – **подруга**, которая стережёт невесту, ходит с ней по родне» [СыктГУ. 13266-3]; «Кошельник – невесте пить нельзя, а им можно, как в кошель вливают» [СыктГУ. 13265-3]; «Невеста сэсся ветлӧ, свадьба вылӧ корӧ, кӧшельникмыд. Кодӧс корӧ, **подружка или сочьяс**. Бӧрсьыс ветлӧ, как видзӧдысь» [СыктГУ. 13364-1] (Невеста потом ходит, на свадьбу зовет, с кошельником. Кого позовет, подружку или сестру. За ней ходит, как охраняет); «Но

этом фрагменте летского обряда: «За несколько дней до свадьбы невеста ходила с приглашениями к родственникам и там плакала. Считалось предосудительным, если невеста ко дню свадьбы не была с опухшим от слез лицом и хриплым от рыданий голосом. У жениха приглашением на свадьбу занимались дружки. Они ездили верхом на лошадях, повязав себя полотенцем» [Жеребцов и др. 1967. Л. 54]. Данный момент свадебного обряда помнят и современные носители традиции[39].

Ритуальный акт обхода родственников с приглашением притянул к себе большое количество текстов различной тематики. Выделялось два основных мотива – приглашение и благодарность. Мотив приглашения родственников на свадьбу встретился нам в пяти комиязычных текстах у летских коми [Прил. I-Б, №№ 3, 4, 5, 8, 11]. Кроме того, этот мотив мог звучать косвенно, через мотив визита невесты [Прил. I-Б, №№ 7, 10]. Прикрепленность причитаний с мотивами благодарения родным и близким к этому обряду является вполне логичным, поскольку после свадьбы для девушки-невесты должен был наступить новый этап жизни, с новой родней, тем самым происходило прощание с девической жизнью и со своими родными, которых она, возможно, больше никогда не увидит. Кроме того, в причетах разрабатывались мотивы корения жениха, противопоставления девичьей жизни замужеству и др.: *«Кориганыс быд керкаын вермасны бӧрдӧдны невестасӧ. Ныл рӧдня ордын пырджык кулитӧнӧ энькасӧ, верӧспусӧ, сылысь соч-воксӧ, жалитӧнӧ ныв̈лысь том олӧмсӧ»* [СыктГУ. РФ 13-XII-73] (Во время приглашения родни на свадьбу в каждом доме могли опричитывать невесту. У родни невесты чаще всего ругали свекровь, жениха, его

мыйкӧ может сетасны, кошельник сэсся **мӧд нылыс** ноллӧдлӧ» [СыктГУ. 13364-19] (Может быть, что-то дадут, а кошельник, другая девушка, носит).

[39] Об этом свидетельствуют рассказы о свадьбе, которые были записаны от летских коми: «*Сэсся лактӧ кад, кор невеста корӧ ассьыс рӧдвужссӧ. Невеста пасьтасьліс: юрас пуктылліс головедеч, лентаяс кӧсаас плетитіс, пасьтавліс сарафан, запон, рубашка – кӧрӧмаӧн миян танi шуӧнӧ. И сійӧ босьліс аслыс пӧдружка – ӧтнас эз ветлы. Ветлӧдлісны сикт кузя рӧднясӧ корны. Вот сійӧ серти и тӧдан, мый тайӧ невеста – пасьтасьӧма, лентаясӧн ветлӧдліс. Вӧллӧмаӧсь важӧн бӧрдӧдчысьяс. Вот лактіс тайӧ керкаӧ невестаыс корны свадьба вылас, не быдӧн сійӧ кужліс. Пӧрысьджык нывбаба, олӧм нывбаба. Сійӧ пуксьӧ невестаысмыд орччӧн, велтьысьӧнӧ чышъянӧн, сылы висьталлӧ, кутшӧм лоас олӧмыс абы вӧльнӧй, ставыс сійӧ кывъясӧн висьталлӧ, мый збыльысь бӧрддзан. Жӧник корӧ аслас свадьба вылӧ рӧдвужссӧ, оз ветлы невестакӧд, а аслас другыскӧд тӧже ветлӧдлӧ аслас рӧдняті*» [СыктГУ. РФ 1328-7] (Потом приходит время, когда невеста зовет свою родню. Невеста наряжалась: на голове – головедец, в косу вплетали ленты, надевали сарафан, запон [фартук], рубашку – кӧрӧмаӧн у нас здесь говорят. И она брала с собой подружку – одна не ходила. Ходили по деревне родню приглашать. Вот по этому и знаешь, что это невеста – как одета, с лентами. Раньше были причитальщицы. Вот пришла в этот дом невеста приглашать на свадьбу, не всякий это умел [причитать]. Постарше женщина, опытная женщина. Она садится с невестой рядом, накрываются платком, ей говорит, какая будет жизнь невольная, всё словами говорит, что и вправду заплачешь. Жених зовет на свою свадьбу, не ходит с невестой, а со своим другом тоже ходит по своей родне).

сестер-братьев, жалели девичью жизнь). Заметим, что эти мотивы являются «универсальными», то есть звучали на протяжении всей свадьбы.

В свадебной традиции прилузских коми нами выявлено более тридцати текстов причитаний, в которых невеста обращается с благодарностью к своим родственникам[40]. Все тексты исполнялись на коми языке. Адресатами таких обращений являлись мать, отец, сестра, дядя и тетя девушки, а также крестная. Кроме того, в комментариях исполнительниц указывается, что мать также благодарила свою дочь: *«Как свадьба идет, мать начитывает, говорит невесте "спасибо", что помогала всё делать, да хорошо ты жила у нас»* [СыктГУ. 1827-46].

При обращении к родителям практически во всех причитаниях выявляется один и тот же «предмет» благодарения: девушка говорит «спасибо» за хорошее воспитание (*бура быдтӧмысь*), за то, что одевали, обували и кормили (*кӧмкот лӧсьӧдӧмысь, бура вердӧмысь).* «Спасибо» произносится разным родственникам, например, матери за то, что приучила дочь к труду, брату – за красоту [Прил. I-Б, № 16]. Невеста благодарит своих родителей за наделение ее красивым именем, за вкусную еду, за оберегание от тяжелого труда, за сладкий сон [Прил. I-Б, № 14].

Еще один предмет благодарения – последний ужин в родительском доме, при этом каждому родственнику произносится отдельное «спасибо» [Прил. I-Б, №№ 17, 162, 163].

В свою очередь родители также благодарили свою дочь. В одном из причитаний реализуется мотив благодарности от лица матери [Прил. I-Б, № 117].

Невеста высказывала благодарность также и крестной / тете за ежедневные женские хлопоты по хозяйству [Прил. I-Б, №№ 5, 6]. Нами выявлено два варианта такого причитания. Примечательно, что по своим структурно-семантическим особенностям тексты практически идентичны, в них используются общие поэтические формулы, что позволяет говорить об устойчивости текста.

В причете-благодарности дяде реализуется мужской портрет крестьянина-труженика. Девушка-невеста благодарит его за богатый ужин, который тот приготовил к ее приходу. Невеста обращается к нему как к кормильцу [Прил. I-Б, № 7]. В другом причитании, адресованном дяде, разворачиваются мотивы охоты, рыболовства, ежедневных мужских хлопот (подробные перечисления действий-занятий), приглашения на свадьбу [Прил. I-Б, № 8, 9]. Художественное своеобразие причитаний с

[40] О мотиве благодарения в прилузских причитаниях см.: [Мусанова 2013].

мотивами благодарения и приглашения на свадьбу дяди и тети высоко оценил Ф.В. Плесовский[41].

Как правило, мотив благодарения не образует самостоятельного причитания, он сочетается в причетных текстах с другими мотивами, часто – как уже отмечалось, – с мотивом приглашения на свадьбу, имеются также примеры сочетания с мотивами описания девичества [Прил. I-Б, № 20] и др.

Стоит отметить, что мотив благодарности матери реализуется также в похоронных причитаниях прилузских коми на родном языке [СыктГУ. 1376-16].

В коми традициях тексты с мотивами благодарения получили широкое распространение [Плесовский 1968. С. 181-185]. В Прилузье адресатами благодарения являются мать, отец, дядя, тетя, крестная, сестра, брат. В корткеросской традиции встречаем аналогичные прилузским причетные тексты с благодарностью матери и родне за угощение [Висер вожса сьыланкывъяс 1986. С. 50; 60-61]. В усть-вымской традиции звучит обращение к «ближней родне» («Матыс рöднялы»), мальчику («Зонлы»), детям («Челядьлы») [Савваитов 1850. №№ 4-9. С. 151-159]. В сыктывдинской традиции бытовали оригинальные тексты с мотивами благодарения бывалому солдату («Вöвлöм салдатлы») [Ипатьдорса фольклор 1980. № 40], кроме того, здесь зафиксировано причитание «Дубöвöйлы» (Плач дубовому столу), в котором невеста выражает благодарность своим подругам [КНП I. С. 220-221]. Также в этой традиции обнаружены тексты, в которых младшая сестра обращается с благодарностями к сестре-невесте («Дзоля чой невеста чойлы»), подруга благодарит невесту («Пöдругалöн невесталы бöрдöм») [Ипатьдорса фольклор 1980. №№ 35, 38]. Добавим, что мотивы благодарения встретились нам в карельских причитаниях [Карельское творчество 1981. С. 146, 147, 152; Карельский фольклор 1992. С. 114-115].

[41] Ф.В. Плесовский опубликовал в своей монографии фрагмент свадебного причитания из архива Национального музея [Плесовский 1968. С. 223-224]. Фольклорист обращает особое внимание на формулы с метафорическим содержанием. По мнению исследователя, формула *кузь пудй йылсьыс лэдзöмыс вылö* (за спущенное-добытое с высоких деревьев) связана с темой охоты, формула *паськыд ва вылсьыс судзöдöм вылö* (за добытое-выловленное с широкой воды) – с темой рыболовства [Плесовский 1968. С. 224]. Также Ф.В. Плесовский упоминает причитание, обращенное к тете, в котором рисуется типичный портрет женщины-труженицы. В этом причете он тоже усматривает оригинальные метафоры: «Еще более интересно выражение благодарности родственнице. Ее благодарят: за обжигание конца большого пальца (*чунь пел понанöйöс сотöмыд вылö*), за “печение” золотой груди (*зарни морöстö пöжалöм вылö*), за закатывание рукавов (*эзысь гырддзатö пуджöмыд вылö*) и т.д.» [Плесовский 1968. С. 224]. Исследователь высоко оценил художественный мир летских причитаний, которые звучали в этот обрядовый момент: «Наиболее художественно яркими из причитаний Летки <…> надо признать <…> причитания родственникам при приглашении их на свадебный пир» [Плесовский 1968. С. 226].

При этом обращает на себя особое внимание, что в русских причитаниях Прилузья на Лузе мотив благодарения разработан слабо. В лоемской традиции имеется всего один пример с мотивом благодарения: в причитании невеста выражала благодарность подруге, которая дарила ей подарки во время винопитья: «Ишо, да люба гостейка, // Моя любимая подруженька, // Мария Александровна, // Да спасибо тебе, поспасибо // Да за твои-те гостинечки, // Да за твои-те подарочки» [СыктГУ. 1317-27].

В причете, записанном от русской исполнительницы в д. Красный Керос Спаспорубского с/с, невеста после бани благодарила мать за хорошее воспитание: «Я поклон ище положу да родимой матушке. // Да спасибо тебе, маменька, // Хорошо меня выростила, // Да ты очень старалася. // Да не кладу я песню-жалобу, // Что меня ты не поучила. // У меня рученьки золотыё. // Буду робить-то, старатися, // Всех любить да я ведь уважать» [СыктГУ. 1379-34][42].

Таким образом, мотив благодарения родным и близким является одним из главных в свадебной поэзии прилузских коми. Его основными объектами являлись родители невесты, ее родственники. Уникальными в прилузских традициях являются причитания, в которых невеста выражала благодарность тете (крестной) и дяде. Примечательно употребление русского слова «спасибо» в текстах с мотивами благодарения[43]. Большое значение он имел также в центральном обряде свадьбы – невестиной бане (об этом – далее). «Универсальность» этого мотива заключается не только во включенности в разные обрядовые моменты свадьбы, но и в реализации практически во всех причетных текстах. Мотив благодарения родителям является одним из ведущих в коми причитаниях. Аналогичных причитаний, в которых так развернуто раскрывается благодарение этим лицам, в других (коми, русских, финно-угорских) традициях нам не встретилось.

Следующим этапом, непосредственно предшествующим появлению жениха, было собрание молодежи у невесты до бани, именуемое у русских девичник[44]. Он

[42] Этот мотив получил также широкое распространение и в других русских традициях [Нижегородская свадьба 1998, № 1 (с. 28), № 3 (с. 30); Русская свадьба, №№ 227, 285; Зырянов 1975, № 10 (254); Русская свадьба Заонежья 2001. С. 112-114].

[43] По-коми слово «спасибо» звучит как «аттьӧ».

[44] Подчеркнем, что в исследуемой нами традиции не использовалось такое наименование кануна свадьбы, как девичник, характерное для русской традиции [Гура 1999, 455]. Говоря о местной обрядовой терминологии, заметим, что канун свадьбы в прилузской свадьбе имел несколько наименований. Ф.В. Плесовским было зафиксировано 4 названия кануна венчания по Лузе: *«каризна»* (Объячево, Читаево), *«Блин сёян рыт»* («Вечер с блинами», Черныш), *«Рытва»* (Ловля, Ношуль, Черныш) и *«Плаканье»* (Занулье, Спаспоруб, Лойма). Канун венчания в летской части района носит название *«каризна»* [Плесовский 1968. С. 34]. А.К. Микушев, обследовав лузскую часть района (с. с. Занулье, Читаево, д. д. Керос и Юговская Объяевского с/с), в отчете 1963 г. указывает, что прощальная вечеринка подружек у

представлял собой целый комплекс обрядовых действий, включающий расплетение косы, передачу красоты подругам невесты, мытье невесты в бане, приезд жениха с поезжанами, благословение невесты родителями перед отъездом в дом жениха. К каждому из этих ритуальных актов были приурочены причитания соответствующей тематики [Прил. I-Б, №№ 117, 141, 144].

По рассказам исполнительниц, в канун венчания у невесты собиралась молодежь. О содержании причитаний летской части района указывается в материалах собирателей: «Девичник устраивался в субботу накануне свадьбы. Девушки и парни пели и плясали, а невеста, закрывшись платком, вместе со специально нанятой плакальщицей оплакивала свою девичью жизнь» [Жеребцов и др. 1967. Л. 54-55]. Судя по рассказам исполнительниц, в канун венчания звучали причитания от лица крестной (вежань), подружек невесты, матери и самой невесты: *«Но [на девичнике] также подруги начитывают, мол, куда ты голову суёшь?»* [СыктГУ. 1827-41]; *«Слова-то ведь разные. Если мать плачет, так мать опять своё выказывается. Слова-то другие. Мать-то, скажем, говорит, как ты прожила у меня, выросла, дорогая. А потом говорит, у меня ты работала да хорошо слушалась, “мунан пö йöз ай-мам дінö…”* (уходишь к чужим отцу-матери)» [СыктГУ. 1827-53].

На девичнике звучало большое количество причитаний, реализующих темы и мотивы разной приуроченности: жизнь в девичестве, вопрошания невесты, противопоставление девичества замужеству, благодарения, упреки, сетования невесты родным, предстоящая жизнь в замужестве, описание жизни на чужой стороне и др. Они имели универсальный характер и могли исполняться в любой момент ритуала.

Основное содержание прилузских свадебных причитаний девичника концентрируется вокруг формульной темы «противопоставление девичьей жизни замужеству». Лейтмотивом для всех причитаний служит нежелание расставаться с вольной девичьей жизнью и неотвратимость этих изменений. По замечанию Ф.В. Плесовского, «этой теме уделяется наибольшее количество художественно ярких и глубоко эмоциональных метафор, сравнений, образно-поэтических обобщенных

невесты называлась *каризной* [Микушев, Рочев 1963. Л. 43]. Ю.Г. Рочев, записавший летский свадебный обряд, в отчете 1976 г. пишет, что *каризной* здесь именуются «вечера, проводимые молодежью у невесты в промежутке между ки кутöм и свадьбой, последний день которой завершается баней, в это же время невесту оплакивают (копрöдлöны), т.е. в течение всех 10-14 дней» [Рочев 1976. Л. 11]. Судя по современным записям, в летской части района каризной назывался последний вечер в доме у невесты перед баней, который проводился в субботу, а свадьба, соответственно, была в воскресенье [СыктГУ. 1344-20]. Кроме того, у летских коми выявлены такие обозначения, как *свадьба вечерня* (вечер свадьбы) [СыктГУ. 13363-1] и *пылсьöдчан рыт* (вечер с мытьем в бане) [СыктГУ. 1328-6].

формул» [Плесовский 1968. С. 170]. Причитания этой тематики реализовывались в Прилузье на коми языке. Главное в них – мотивы горя, безвозвратной разлуки с прошлым, неготовности к замужней жизни (образы цветов шиповника, неспелых ягод), мотивы своей (образы утреннего и летнего солнца) и чужой стороны (образы куста шиповника, холодного северного ветра, горячих углей) [Прил. I-Б, №№ 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 50, 51]. Противопоставление девичьей жизни замужеству происходит через использование в текстах контрастных образов светлого дня и захода солнца [Прил. I-Б, №№ 72, 74], золотого повода и железной цепи [Плесовский 1968. С. 283; Прил. I-Б, № 50], цветка шиповника и колючек куста шиповника [Плесовский 1968. С. 170; Плесовский 1968. С. 181]. Использование целого ряда ярких метафор, сравнений, гипербол усиливает трагизм происходящего[45].

В с. Поруб Спаспорубского с/с записано два русскоязычных причитания этого тематического блока. Первое – причитание «Ой, дикая да я кватилася, да глупая да догодалася» – включает в себя следующие мотивы: самоуничижение, пробуждение ото сна, тоска-кручинушка («не сон меня долит, не дремотушка клонит…») [Прил. I-А, № 2]. Мотивы самоуничижения и тоски-кручинушки содержатся также и в текстах лоемских причитаний [СыктГУ. 1316-14, 1319-41, 1322-27].

Другое порубское причитание «Не дремотушка меня клонит, что клонит да долит молодость» начинается с мотивов тоски-кручинушки, печали великой [Прил. I-А, № 3], которыми заканчивается предыдущее причитание. Возможно, этот текст – продолжение предыдущего причитания: по каким-то причинам собиратель остановил запись, что привело к появлению двух самостоятельных текстов. В этом причете реализуются мотивы чужой дальней стороны, неродимой земли, неродной матушки.

Мотив тоски-кручинушки, чужой дальней стороны опять же находим в лоемском причитании, ср.:

Не дремотушка меня клонит,
Да что клонит да долит молодость,
Да тоска да кручинушка,
Да печаль да великая,
Да чужа дальняя сторонушка(й),
Чужа дальняя сторонушка,
Да стороной да всё недальнёё,
Сторона кёша недальнёё,
Да земля да неродимая [ФФ ИЯЛИ. А 1523-1].

…Да не дремотушка ле клонит,
Да как клонит-то меня долит

Да чужедальная сторонушка,
Да дальная да незнакомая….[СыктГУ. 1322-27].

Кроме того, в конце порубского причитания появляется мотив «неровён замуж выйдется, неровён муж навернется».

[45] Подробнее об образах природы в свадебных причитаниях прилузских коми с темой противопоставления девичьей жизни и замужеству см.: [Мусанова 2012].

На девичнике могли звучать и песни. Об этом свидетельствует единственная запись «Под пенем, пенем анистровым» на сюжет «бужение молодца» [Прил. I-Г, № 1]. Исполнительницы отмечают, что этой песней оплакивали невесту («*невестасӧ бӧрдӧдӧны*»). Стоит заметить, что она бытовала также у русских в д. Ракинской Спаспорубского с/с с зачином «Под пенем, пенем малиновым» [НМ РК. КП 12481 / 1-31. Л. 133]. В русском свадебном репертуаре Архангельской области и Карелии песня исполнялась при посещении жениха подругами невесты и характеризовалась как «буженье жениха» [ЛРС, №№ 144, 145].

Исполнительницы указывают, что в утро свадебного дня звучало причитание с мотивами бужения: *«Сэсся сія невеста ордас, кор юрситӧ разясны, сія сэсся войтӧ нин ныв-зонмыс узьӧны сэтӧні войбыд, идздзас пыртласны джоджж тырыс и водӧны узьӧны асылӧдзыс. Асылын невеста чеччас часа триын и бӧрдас, и мунӧны вӧлисти. Невеста пуксяс и шуӧ: “Ставайте, ставайте, муса сочъясанӧй”. Сія ставсӧ ыждӧдлӧ. Вот сійӧ ставсӧ невестаыс сідзи висьтавлас, бӧрдас и чеччасны мунӧны, вӧлисти невеста ордысь мунӧны сэки. Сійӧ кымын лун невестаыс бӧрдӧ, сымын вой и узьӧны. Ме вит лун бӧрді, вит вой и узисны миян ордын*» [Лоскутова 1972. Л. 289] (Потом у невесты, после того как волосы расплетут, в эту ночь девушки и юноши ночуют там, солому занесут и спят до утра. Утром невеста встанет часа в три и причитает, и уходят после этого. Невеста сядет и говорит: «Вставайте, вставайте, милые сестры». Вот так всем говорит. Вот так невеста скажет, попричитает и встанут, уйдут, потом уйдут от невесты. Это сколько дней невеста причитает, столько ночей и ночуют. Я пять дней причитала, пять ночей и ночевали у нас)[46]. Нами выявлен один вариант такого комиязычного причета из с. Читаево [Прил. I-Б, № 28]. Текст близок русским «будильным заплачкам»[47].

[46] Об этом моменте обряда находим еще в некоторых рассказах информантов: *«Ставай, ставай, Екатерина Александровна, сударыня-матушка, петухи поют да курицы кричат»* [СыктГУ. 1353-16]; *«Чеччӧдӧ бара бӧрдӧмӧн нывъяссӧ да том йӧзсӧ. Водз чеччӧ невестаыс да бӧрдӧмӧн чеччыны тшӧктӧ»* [ФФ ИЯЛИ. 1530-8] (Поднимает [невеста] опять с причетом девушек и молодых людей. Рано встает невеста и, причитая, просит просыпаться); *«”Чеччы”, “Вставайсӧ” ӧд бара. Невестаыс ордын узьлӧны пӧдругаясыс, сэсся невестаыс и чеччӧдӧ. Невестаыс асывнас сувтас да “Вставайте” пӧ ыждӧдлӧ. “Петук и куричи пӧ – всё стоит” – невестаыс шуалӧ. Чеччасны, сэсся гортъясӧ мунам, невестасӧ колям. Каризна бӧрын сэсся водаласныс. Ставыс сэні – жӧникыс-и, зонъяс-и»* [Микушев, Рочев 1963. Л. 182] («Вставайте» [причитает]. У невесты спят подруги, потом невеста и будит. Невеста утром встанет и причитает «Вставайте». «Петух и курицы – всё стоит», – говорит невеста. Встаем, потом домой уходим, невесту оставляем. Это после каризны спать остаемся. Все там – и жених, и молодые люди).

[47] См., например: [Нижегородская свадьба 1998, № 105]; [Русская свадьба Заонежья 2001, № 64]; [Причитанья Северного края 1997, № 7].

Ключевыми обрядами, направленными на смену социального статуса девушки-невесты, являлись снятие головного убора, расплетение косы, передача невестой «красоты» (лент и головедца) и баня невесты[48].

Расплетение косы происходило перед отправлением в баню: *«Баняэдзыс кӧсасӧ невесталысь разьлісны, лентаяс, бусыяс кульлісны. Невеста сэк бӧрдӧ»* [СыктГУ. РФ 13-IV-2] (До бани косу у невесты расплетали, ленты, бусы снимали. Невеста в это время причитает); *«Косы расплетали перед баней, крестная. Плачут, как плетень расплетают, девичью жизнь вспоминают»* [СыктГУ. 1325-19].

В наших материалах имеется более двадцати текстов на родном языке, содержащих мотив «девья коса расплелась» [Прил. I-Б, №№ 18, 26, 45, 52, 54, 65, 119, 120, 129, 130, 134, 151, 152, 177, 178].

В традиционной культуре восприятие косы как символа девичества [Усачева 1999. С. 615] обусловило одно из поэтических и материальных воплощений красоты в виде девичьей прически. В причитании с зачином «Моя крестная матушка, / Да наряжу я тебя, наряжу», записанном в с. Зануле, звучит обращение невесты к крестной с просьбой взять в «белые рученьки» «частый ровненькой гребешок» и расчесать русу косу – девью красоту [Прил. I-А, № 11]. Мотив с просьбой расчесать русу косу встречаем и в русской лоемской традиции [СыктГУ. 1319-49].

В причитании из с. Объячева коса показана как объект внимания всех родственников:

---

[48] В разных «микрорайонах» Прилузья невеста мылась в разное время. По сведениям Ф.В. Плесовского (1960-е гг.), в Летке – перед каризной, по последним полевым записям – после каризны; в Объячеве, в Читаеве – после каризны, в Лойме, Зануле – перед плаканьем. Обряд бани назывался в Спаспорубе и Зануле, как и в соседней русской Лойме – *«белая баня»*. На Летке и Лузе невесту в баню сопровождали ее подруги во главе с крестной. Пока невеста мылась, девушки возле бани пели частушки, песни, плясали, звонили в колокольчики, стреляли из ружей: *«Баню топят последней вот вечером. Женик-то придёт, до жениха-то. Крёстна топит, крёстна голову моёт, а девушки перед баней пляшут»* [СыктГУ. 1349-29]; *«И баню тут с песней поведут невесту под руки»* [СыктГУ. 13106-28]; *«Подруги на улице и в бане песни поют, когда невесту моют»* [СыктГУ. 13110-69]; *«Вечером парят, вечером перед свадьбой. Баню топят девки ходят, песни поют. Когда топят – поют, парят – поют, пляшут. Парила крёстная, девки в предбаннике стоят, пляшут. В баню идут поют, обратно – поют, а невеста вперед с крестной»* [СыктГУ. 1307-5]; *«После полуночи невесту ведут в баню крестная мать. Она же выдает невесте веники для бани. При выдаче крестная приговаривает, что баня уже готова, можно идти париться»* [СыктГУ. РФ 13-IV-2]; *«Каризна рыттӧ вежань мунас пылсьӧдны невестаӧс. Пылсянас нылъяс предбанникас йӧктӧнӧ, сьылӧнӧ. Лыйлӧнӧ, ой лыйсьӧнӧ топта. Миян тан пылсянӧ пырны мӧдісны, дак пельпомъяс вылтіыс лыйлӧнӧ, пылсян пытшкӧсэдзыс, но и жемгасны-лыйласны. Предбанникас частушкаяс, песняяс сьыллісны гармошкаӧн* [СыктГУ. 13364-19] (В вечер каризны крестная пойдет парить невесту. В предбаннике девушки пляшут, поют. Стреляют, очень сильно стреляют. Мы стали в баню заходить, так (букв. поверх плечей) стреляли, аж до самой бани, ну и стреляют. В предбаннике частушки, песни пели под гармошку). У летских коми зафиксировано наименование девичника *пылсьӧдчан рыт*, непосредственно называющего последний сбор у невесты как вечер с мытьем в бане: «*Каризна, рочӧн вот каризна, а миян пылсьӧдчан рыт, пылсьӧдлісны»* [СыктГУ. 1361-29] (Каризна, по-русски каризна, а у нас вечер с мытьем в бане).

Разсис тай менам руса кӧсаӧй, зарни юрсиӧй, Дзӧвкъяліс-волькъяліс бур шӧвканӧй кодь, Оспӧдарушко-батюшколӧн плетитлӧмторӧй, Сударина-матушкалӧн дрӧчитлӧмторӧй, Любимӧя муса сочьяслӧн зуавлӧмторӧй, Бӧяринушко муса вокъяслӧн сынавлӧмторӧй, И аслам рытсоръя и асывводзъя сынавлӧмторӧй, первойя работаанӧй, Кӧмтӧм кокӧн и мысьтӧм чужӧма кутчыся ме первой руса кӧса дінӧ.	Расплелась моя русая коса, золотые волосы, Блистала-сияла (она) как хороший шелк, Господарюшком батюшком заплетенная, Сударыней матушкой балованная, Любимыми милыми сестрами зачесанная, Боярами-милыми братьями расчесанная, И своя вечерняя и утренняя первая работушка, . С босыми ногами и с неумытым лицом первым я берусь за русую косу…[Плесовский 1968. С. 174].

Опять же отметим использование русской лексики – «русая коса», «девья красота». По замечанию В.В. Филипповой, такого рода русизмы включаются в культурное пространство коми этноса не как нейтральные, а обладающие способностью к созданию яркого, позитивно маркированного поэтического образа, эмоциональной атмосферы [Филиппова 2006. С. 181].

Косу невесте заплетали так, чтобы ее трудно было расплести: *«Юрси дінад лентаяс вурлісны, мед вежаньыд дырджык разяс. Мед дырджык невестаыд ныл олӧмнас олас»* [СыктГУ. РФ 13-IV-2] (К волосам ленты пришивали, чтобы крестная дольше расплетала, чтобы невеста подольше пожила девичьей жизнью). В причитании из с. Занулье невеста во время данного ритуального акта просит крестную матушку: «Заплети да ленту алую, // Завяжи да три узла немецкию…»[49] [Прил. I-А, № 11]. Все эти «препятствия» свидетельствовали о нежелании выходить замуж[50].

Современные информанты уже не помнят о специальных причитаниях при расплетении косы, но отмечают, что в сам текст добавлялись строки «Тӧлзьӧнӧ тэнад лентаясанӧй, // Лентаясанӧй пылсян чад йылӧ, пылсян ӧд йылӧ» (Улетают твои ленты, // Ленты с дымом бани, с паром бани) [Прил. I-Б, № 34].

Можно предположить, что ленты как обязательный атрибут просватанной невесты символизировали свободную жизнь в девичестве, и их утрата девушкой мыслилась как потеря независимости. Ленты и головедец после расплетения косы раздавались подругам невесты[51] и девочке – *«кӧса кутысь»* (букв. «держащая косу») [СыктГУ. 1337-12].

---

[49] Аналогичный сюжет встречаем, например, в причитании Лузского района Кировской области, с той лишь разницей, что обращение адресовано не к крестной, а к подружкам невесты: [СОВК, № 16; Шевченко 2010. С. 57].

[50] А.К. Байбурин отмечал, что невеста должна обязательно сопротивляться при расплетении косы [Байбурин 1993. С. 70].

[51] В некоторых русских традициях акт передачи девьей красоты, которая воплощалась в лентах, сопровождался соответствующим текстом: Припади-ко, родима подруженька, // Во последние со своей молодостью, // Ты со мной была нежная, // Подарю я тебе девью красоту, // Ты держи ее, как я держала, // Сбереги ее, моя милая» [Куединская свадьба 2001. С. 31].

Расплетение косы и посещение бани насыщенно причитаниями. Об этом свидетельствует заметка А.К. Микушева за 1963 г. о банном обряде в с. Занулье: *«Сэсся сы бӧрын неуна олыштасны, козинсӧ вурӧны да кутасны пывсян лӧсьӧдны. Пывсьыны мӧдасны, вежань кӧса разяс. Ветласны, пылсян водзын бӧрдасны, сэсся воасны да пос водзас бӧрдасны, а сэсся и невестаыс ещӧ поклонсӧ вӧчӧны куим дорӧ. Сэсся воасны пывсянсьыс, да и юр сыналас вежаньыс, сэні бара бӧрдӧдчӧны»* [Микушев, Рочев 1963. Л. 152] (Потом некоторое время пройдет, подарки шьют и начнут баню готовить. Соберутся в баню, крестная косу расплетет. Сходят, перед баней попричитают, потом на приступке, в предбаннике, а потом невеста еще кланяется на три стороны. Потом придут из бани, крестная расчешет волосы, там опять причитают).

О подобной разработанности текстов писал и Ф.В. Плесовский. Исследователь обратил внимание на конкретные сюжеты и язык занульских причитаний: *«Пылсянӧ лэччӧдігӧн бӧрдӧны-сьылӧны и пылсянысь воӧм бӧрын, кӧть веж мороз, чышъянсӧ юрас <нрзб>, разьӧм юрсиа, пидзӧс вылас пуксяс да бӧрдӧ. “Первӧй поклон да” (см. Лойму). Дыр кӧ оз петны – “Угорела пӧ гӧлӧвушка”, вина пӧ петкӧдӧ да сур да воды ключевой, “В этом доме не (палася) желанного”»* [НА РК. Р-2309. Оп. 1. Д. 258. Л. 79] (При отправлении в баню причитают-поют и после бани [причитают], хоть сильный мороз, платок на голове <нрзб>, с распущенными волосами садится на колени и причитает. “Первый поклон да” (см. Лойму). Если долго не открывают – «Угорела головушка», вина вынесите, и пива, и воды ключевой, “В этом доме непалося желанного”). В данном случае Ф.В. Плесовский приводит инципиты свадебных причитаний русской лоемской традиции [Плесовский 1968. С. 54].

В комментариях исполнительниц указывается, что невеста перед входом в баню причитала о своей девичьей жизни, а затем благодарила своих родных за ее приготовление: *«Вежань тэнӧ пылсьӧдны нувӧ, сэсся бӧрдігтырйи эдзи мунамӧ, ныл олӧм бӧрдамӧ. Пылсянӧ пырам, мыссямӧ, вежаньыд мыссьӧдӧ тэнӧлӧ»* [Лоскутова 1974. Л. 333] (Крестная тебя в баню ведет, идем, причитая, девичью жизнь оплакиваем. В баню заходим, моемся, крестная моет тебя).

В летских причитаниях перед отправлением в баню к невесте обращаются с сообщением о ее готовности:

Оспӧдар, спӧдар да спӧдарина,	Господин, господин да госпожа,
Югыд луданӧй да дитяткоанӧй,	Милое дитятко,
Баня пӧспелӧ, пора париться [НМ РК. КП 12485. Л.	Баня поспела, пора париться[52].

[52] Интересно заметить, что в одной из последних экспедиций формула «баня поспела, пора париться» прозвучала как приговор, который говорили при «выдаче веников». После того, как невесте расплели

134].

Обращает на себя внимание использование русскоязычной формулы «баня поспела, пора париться».

В Чернышском с/с зафиксировано комиязычное причитание, комментирующее отправление невесты в баню [Прил. I-Б, № 29][53]:

Мӧдін тай тэ, муса сочӧй, пӧсь пывсянӧ мунны — Стала ты, любимая сестра, в теплую баню идти. [СыктГУ. 1331-21].

В свадебном обряде с. Читаево невеста здоровается с баней и обращается с просьбой:

Здорово пӧ, тёплая парушенька,
Мыськышты, мавтышты менӧлӧ,
Венеч ултын сулалыштыштны
Да бур йӧзанӧйлӧ ошкыштыны,
А лёк йӧзанӧйлӧ на завидӧсь,
Мыссьӧдышты менӧ ключевӧй водаанӧй [ФФ ИЯЛИ. 1530-4].

Здорово, тёплая парушенька,
Помой, попарь меня,
Чтоб стоять под венцом
Добрым людям на похвалу,
А злым людям на зависть,
Умой меня ключевой водой.

Примечательно, что в тексте употребляются русское слово «здорово» и русская формула «тёплая парушенька».

В свадебной традиции летских коми зафиксировано два комиязычных причитания, которые, по словам информантов, исполняли подруги невесты, находясь у бани, пока девушка с крестной мылись. Оба текста содержат мотивы прощания с девичьей жизнью. В одном из них девичья жизнь спряталась вслед за солнцем и зарей [Прил. I-Б, № 35]. В другом тексте содержится мотив «девичья жизнь улетела на север» [Прил. I-Б, № 36].

В д. Елинская Объячевского с/с зафиксированы сведения, что пока невеста с крестной мылись в бане, исполнялась песня «Каменка, каменка разгорается» на сюжет «жених просит свое сужено-ряжено»: *«Девушки перед баноком-то пляшут»* [СыктГУ. 1349-30]. Она является широко известной в русских традициях [Прил. I-Г, № 2]. Текст записан у лузских коми в редуцированном виде: «Камьянка да камьянка розгораётся, розгораётся, // То ли моё да то ли моё, // То не сужёноё да то не ряжоноё» [СыктГУ. 1349-30]. Приуроченность песни к этому обряду может быть объяснена, по мнению Е.А. Шевченко, наличием образа «каменки» в зачинной формуле [Шевченко 2010. С. 145]. Заметим, что этот же сюжет с зачином «Вьюн на воде извивается» бытовал среди

косу, крестная или подруга невесты клала веники на полотенце, подходила к невесте, которая сидела возле стола, и произносила такие слова: «Баня поспела, веники готовы, пора париться». Иногда приговор звучал более развернуто: «Баню топила, воду носила, веники готовы, пора париться» [СыктГУ. 13364-14а]. Один информант, пытаясь вспомнить слова, добавил следующее: «Баня поспела, пора париться. <…> Шелковый веник, бумажное тело» [СыктГУ. 13364-57].

[53] Причитание, в котором звучит мотив благодарности за растопку бани, а также перечисляются идеализированные банные атрибуты, выявлено Г. Старцевым в д. Гортшэр Онежской вол., Усть-Вымского у. [Старцев 1926. С. 210. № 8].

русского населения Прилузья (Спаспорубский с/с, д. Керос) [СыктГУ. 13136-3, 31, 31а, 32, 32а]. В соседних русских традициях – Кировской области и в Лойме песня звучала возле бани, текст ее был более развернут [СОВК, № 7 (С. 38-39); СыктГУ. 1318-26, 1319-43].

В традиции лузских коми зафиксирован такой послебанный обрядовый момент, как поклоны. Аналогичное ритуальное действо встретилось нам в лоемской традиции Прилузья, в лузской традиции Кировской области и на Мезени [Плесовский 1968. С. 54; Шевченко 2010. С. 42; Мезенская традиционная свадьба в записи М.Н. Мякушина. С. 360]. Невеста, выйдя из бани, вставала на колени на скатерть и клала поклоны на три стороны. В коми материалах нами не выявлены причитания, комментирующие данное обрядовое действо, тогда как в русской традиции Прилузья (Спаспорубский с/с, д. Керос) этот фрагмент обряда нашел отражение в текстах, например: «А ещё я поклон положу, // Да где ходила я, // Гуляла с милыма подружкима, // А ещё я поклон положу // На церкву на матушку, // А еще поклон положу // На широкие поляночки, // А ещё поклон положу // За любимых подруженек, // За тятеньку и за маменьку. // А положу ли я не положу // За чужого за чуженина» [СыктГУ. 13136-2][54].

В банном ритуале большое место отводилось причитаниям с мотивами благодарения: *«Сэсся пылсянысь петамӧ, кышасямӧ да бара бӧрдӧмӧн висьталамӧ пылсян ӧзьтӧ восьтам да батьыдлӧ и мамыдлӧ пасибӧ пӧ пылсян стрӧитӧм вылад, да кер вайӧм вылад, да нитш нетшкӧм вылад, да пылсян стрӧитӧм вылад. Сійӧ бара “пасибӧ” висьталам, бара бӧрдiгтырйи лакталам»* [Лоскутова 1974. Л. 333] (Потом из бани выходим, одеваемся и опять, открыв двери [бани], причитаем, отцу и матери «спасибо» говорим за постройку бани и за привозку бревен, мха, за постройку бани. Опять говорим «спасибо», опять идем [из бани], причитая).

Невеста выражала благодарность бане:

Спасибӧ тёплая парушенькалы	Спасибо тёплой парушеньке
Да ключевӧй водалӧ	И ключевой воде
Мен мыссьӧдӧм-мавтӧм вылад, лӧсьӧдӧм-ладитӧм вылӧ [ФФ ИЯЛИ. 1530-4].	За то, что помыли, попарили, подготовили.

Этот мотив встречается в банных причитаниях неоднократно:

Пасибӧ тёплӧя парушенька-матушкалы	Спасибо тёплой парушеньке-матушке
Мыськӧм-мавтӧмӧ вылӧ,	За то, что вымыла,
Чистӧя банюшенькалы [Микушев, Рочев 1963, №	Чистой банюшке.

[54] Заметим, что в лоемской традиции поклоны клали «за тех, кто живы» [СыктГУ. 1316-7а], а также «у кого умерли родители» [СыктГУ. 1316-7], при этом исполнялось следующее причитание: «Я еще дак поклон положу // За родимого батюшка, // За родимую матушку, // Им за царство небесное» [СыктГУ. 1316-7]. В пинежской свадебной традиции нам встретился аналогичный текст с поклонами живым родителям [Обрядовая поэзия Пинежья 1980, № 25].

303].

Кроме благодарности самой бане, в Прилузье зафиксированы тексты с благодарением истопникам. Так, в летской традиции выявлены тексты, в которых звучит «спасибо» сестре, при этом описывается поэтапное приготовление бани [Прил. I-Б, № 30]:

Морӧс дорӧ босьтіс пес ношаанӧс, Лонтіс пылсянанӧйӧс, Вадзис ва гозъянӧйӧс, Вӧчис пӧсь ваанӧйӧс. Пасибӧ муса сочӧйлӧ да ыджыдика Пылсянанӧйысь дай лонтӧмӧй вылӧ, Ва гозъянӧйӧс вадзӧмӧй вылӧ, Низкӧй споклоном да великую да легонькую [НМ РК. КП 12485. Л. 135].	К груди взяла ношу с дровами, Затопила баню, Принесла воды, Сделала горячую воду. Спасибо любимой сестре большое За то, что затопила баню, За то, что принесла воды, Низкий поклон, великую да легонькую.

Последняя фраза, очевидно, заимствована из русской традиции. В ней произошло смешение разных формул. Так, в русских текстах находим формулы «поклонись своим низким поклоном» [ЛРС, № 5], «благословение великое» [РС I. С. 197].

В причитании звучит и «спасибо» матери за собранный для постройки бани мох [Прил. I-Б, № 29][55]:

Пасибӧ мамыслӧ нитшкалӧм вылад [СыктГУ. 1331-21].	Спасибо матери за то, что мох нарвала.

Кроме сестры и матери, летская невеста выражала благодарность крестной, отцу и подругам [Прил. I-Б, № 31][56]:

Пасибӧ вежанюшкалӧ, Кресная́лы матушкаӧйлӧ Свежӧ корсяӧн пылсьӧдӧм вылӧ, Свежӧ куиманӧйӧн юр мыськӧм вылӧ, Свежӧ ваанӧйӧн мысьӧдӧм вылӧ! Пасибӧ батюшкоӧйлӧ Пылсян вӧчӧм вылӧ, Керъянӧйӧс вадзӧмӧй вылӧ, Нитшканӧйӧс нетшкӧмӧй вылӧ, Тшупӧмӧй вылӧ да лэптӧмӧй вылӧ, Лэптӧмӧй вылӧ и велтьӧмӧй вылӧ! Пасибӧ пӧдруженькаяслӧ Сьылӧмыс вылӧ, йӧктӧмыс вылӧ, Ныл олӧманӧйӧс кольльӧдӧм вылӧ! [НМ РК. КП 12485. Л. 135-136]	Спасибо крестной, Крестной матушке За то, что попарила свежим веником, За то, что помыла волосы, За то, что помыла свежей водой! Спасибо батюшке За то, что сделал баню, За то, что привез бревна, За то, что нарвал мох, За то, что срубил и построил, Построил и крышей накрыл! Спасибо подруженькам За то, что пели и плясали, За то, что проводили девичью жизнь!

В причитании перечисляются все участники и их роли в банном обряде. Обращает на себя внимание выражение благодарности подругам за то, что пели и плясали и проводили девичью жизнь. Добавим, что мотив строительства бани для девушки-невесты встречается в нескольких причетных текстах [Прил. I-Б, №№ 29, 57].

[55] Причитание, в котором звучит мотив благодарности за растопку бани, а также перечисляются идеализированные банные атрибуты, выявлено Г. Старцевым в д. Гортшэр Онежской вол., Усть-Вымского у. [Старцев 1926. С. 210. № 8].

[56] Ф.В. Плесовский, сравнивая русские и коми банные свадебные причитания, пришел к выводу, что «в причитаниях бане у русских преобладает порицание бани за то, что невеста смыла там свою волю; у коми – наоборот, благодарят родителей за постройку бани» [Плесовский 1968. С. 298].

В одном из прилузских причитаний мотив благодарности бани сочетается с мотивом корения «чужой стороны» [Прил. I-Б, № 32].

Отметим широкое распространение в коми причитаниях мотива благодарности бане и ее истопникам. Так, в причитании из сыктывдинской традиции раскрывается благодарность истопникам [КНП I. С. 223-224], в койгородском причитании – отцу и матери за баню [КНП I. № 105. С. 237-238], в корткеросской традиции – самой бане [Висер вожса сьыланкывъяс 1986. С. 57] и истопнику [Ипатьдорса фольклор 1980, № 43]. Русское слово «спасибо» для выражения благодарности используется практически во всех комиязычных причитаниях этой тематики. Кроме того, употребляется русское слово «здорово» для приветствия бани. В прилузских плачах, приуроченных к банному ритуалу, реализуются такие русские формулы, как «тёплая паруша», «тёплая парушенька», «ключевая вода», «парушенька-матушка», «чистая банюшенька», не встретившиеся нам в других коми причитаниях, что может быть связано с активными контактами русских и коми именно в Прилузье.

В нашем распоряжении имеется также несколько русскоязычных банных причитаний. В причете из с. Занулье реализуется мотив приготовления бани подругой невесты: «Истопила мне-ка подруженька // Мне тёплую-то парушку…» [Прил. I-А, № 4]. В порубском причитании невеста «по-русски» благодарила баню за то, что она «топилась-курилась» «без дыму кудрявово», «без чаду зелёные», «без угору ядрёнова», «без свечи да восковой» [Прил. I-А, № 6]. В тексте, записанном в с. Занулье, мотив благодарности отсутствует, но в нем также содержится мотив «тёплая паруша топилась-курилась без чаду зелёного, без дыму кудрявого» [Прил. I-А, № 4].

После благодарности бани невеста просила ее разрушиться. Этот мотив, широко распространенный в русском свадебном фольклоре, встретился нам в двух русскоязычных причетах из сел Поруб и Занулье [Прил. I-А, №№ 5, 7]. Добавим, что текст с мотивом благодарения бани и просьбой разрушиться бытовал в соседней лоемской традиции Прилузья, а также в лузской традиции Кировской области, откуда, по мнению Е.А. Шевченко, он и был заимствован лузскими коми [Шевченко 2009. С. 235]. Сравним с лоемским вариантом:

Спасибо-пöспасибо, моя тёплая парушка,

Рöскатися, тёплая паруша,

Спасибо тебе, моя белая банюша,
Моя теплая паруша,
Я помылась, попарилась
На своем (веку) роду не первая,
Да на век да не последняя,
Да в девицах последняя.
Раскотись-ко, бела банюша,
Раскотись-ко, белокаменка,

По сукому-то по бору,
Да по своим-то пенничкам,
Да по своим да по коренничкам.
Розвалися, моя памянка,
По чистому-то по полю
Да по своим-то ямочкам [Микушев, Рочев 1963. Л. 157].

По чистому полюшку,
По старым по ямочкам [СыктГУ. 1316-5].

В с. Занулье бытовало также комиязычное причитание с этими мотивами [Прил. I-Б, № 33]. Как отметила сама причитальщица после исполнения русскоязычного причета, этот плач можно было исполнить и на родном языке: *«Тайӧ нин ми пачсӧ кисьтiм, тая нин каменкаыд миян пач сiя шусьӧ. Позис тайӧ и коминас*» (Это мы уже печку разломали, каменка у нас печкой зовется. Можно было это и по-коми):

Пывсянӧй, пывсянӧй,
Менам волӧм бӧрын, мыссьӧм бӧрын
Киссьы да мун кос ягӧ,
Аслад мыр дiнӧ да аслад вуж дiнӧ.
А горъянӧй да пачанӧй,
Киссьы тэ, киссьы ме бӧрын,
Да мун тэ бӧр поле вылас
Аслад гӧпторъясӧ [Микушев, Рочев 1963. Л. 157].

Банюшка, банюшка,
После меня, после моего мытья
Распадись и уходи в сухой бор,
К пням и корням деревьев.
Каменка и печь,
Распадись, развались после меня
Да уходи ты обратно на поле
К своим ямкам.

Далее исполнительница прокомментировала свой перевод причета с русского на коми: *«Тайӧ сiдзи бӧрдӧдӧны. Сiйӧ оз бӧрд ачыс невестаыс, сьылӧны нарошнӧ тайӧ. Бӧрдӧдӧны миян пыр рочӧн. Коми вылас оз. Сёрниыс миян толькӧ и коми, оз вуджны сэсся бӧрдiгас. Сiдзи ме переведитi, а миян рочӧн бӧрдӧны. Только невеста ас нуралас бӧрдӧ комиӧн. Копырччас да бӧрдӧ вот комиӧн»* (Это вот так причитают. Это не невеста сама причитает, поют так нарошно это. Причитают у нас всегда по-русски. На коми нет. Речь у нас только по-коми, не переводят потом при опричитывании. Это я так перевела, а у нас по-русски причитают. Только невеста про себя плачет по-коми. Наклонится да вот плачет по-коми) [Микушев, Рочев 1963. Л. 157].

Тот факт, что русскоязычные причитания существовали наряду с комиязычными, чередуясь с ними в обряде, а также перевод русскоязычного причетного текста на родной язык позволяют нам говорить об осмысленном воспроизведении «чужих» текстов, о творческом восприятии иноэтнического как своего. По замечанию А.В. Панюкова, «двуязычность представляет суть магического отношения к слову» [Панюков 2009. С. 32].

Примечательно, что в русских традициях мотивы благодарности бани и истопникам, просьба к бане разрушиться были довольно популярны [ЛРС, №№ 485, 486; Чердынская свадьба 1969, № 54; Нижегородская свадьба 1998, № 5 (с. 32-33); Зырянов 1975. № 10 (223); СОВК, № 8 (с. 39-40), № 9 (с. 40); СыктГУ. 2045-16]. Еще раз подчеркнем, что эти мотивы реализовывались в соседних русских традициях – с.

Лоймы и в Лузском районе Кировской области. Как заметила Е.А. Шевченко, «более наглядной иллюстрацией единства традиций бассейна р. Лузы может служить сходство обрядового элемента невестиной бани (белой бани) и сопровождающих его поэтических текстов. Записи банных причитаний прилузских традиций, которыми мы располагаем, содержат устойчивый набор сюжетных тем, почти дословно совпадающих с лальскими текстами, – это “благодарность бане” и “обращение невесты к бане с просьбой разрушиться”» [Шевченко 2009. С. 235].

После бани невеста перед входом в дом причетом обращалась к родителям с просьбой о питье-еде, а также просила разрешения войти в дом. Так, в читаевском причитании находим такое обращение:

Вайышты, батюшкоӧй, Меным пӧ суртортӧ кос голялӧ пывсян бӧрын кӧтӧдыштыны, Вайышты тэ, матушка, Закускатортӧ пӧсь пывсян бӧрын закуситыштыны [ФФ ИЯЛИ. 1530-5].	Принеси мне, батюшко, Мне пиво сухое горло промочить после бани. . Принеси мне, матушка, Еды после жаркой бани закусить.

Русский аналог данного причитания записан от коми исполнительницы в с. Поруб в 1960 г. Выявлено два варианта с разными зачинами: «Здорово-поздорово да мой родимый батюшко» и «Случилось ли во тереме» [Прил. I-А, №№ 8, 9]. Данное причитание является довольно известным в русских традициях, в частности, в Лойме и Лузском районе Кировской области [СыктГУ. 1315-6, 1319-45], [Шевченко 2010. С. 46-47, СОВК, № 10 (с. 41)].[57] Е.А. Шевченко рассмотрела близость порубского, лоемского и лузского причитаний [Шевченко 2009. С. 233].

Сюжет порубского причитания с зачином «Здорово-поздорово да мой родимый батюшко» строится на обращении невесты к матушке и батюшке принести «стакан да зелёно вино», «пиво пьяново» и «хлеба из солёй». В причитании описывается физическая немощь девушки-невесты. Близкие мотивы находим в причитаниях лоемской традиции Прилузья, лузской традиции Кировской области [Шевченко 2009. С. 233]. Сравним порубский (коми) и лоемский (русский) варианты:

[57] См., например: [СыктГУ. 1315-6, 1319-45], [Шевченко 2010. С. 46-47]; [СОВК, № 10 (с. 41)].

Да принесите молодёшеньку,
Прибасите молодёшеньку,
Мне стакан да зелёно вино.
Да коштово да не лучилӧсьӧ,
Коштово да не лучилося,
Да выкай пиво-то пьяново,
Выкай пиво-то пьяново.
Да коштово да не лучилося,
Штово да не случилося,
Да мне-ка хлеба из солёй.
Угорела головушка
Да после тёплыё парушу,
После тёплую парушу,
Да после чистыё банюшу,
Чистые банюшу,
Да призажало сердечико,
Да зажало сердечико,
Да изколели резвы ноженьки,
Околяли резвы ноженьки [ФФ ИЯЛИ. А 1523-4].

Да вынеси-ко мне-ко, батюшко,
Да мне-ка пива-то пьяново.
Да после белые банюши,
Да после тёплые паруши
Да угорела головушка,
Да призажало сердечико.
Да вынеси-ко мне-ка, матушка,
Да мне водицы ключевыё,

Да угорела головушка,
Да призажало сердечико [СыктГУ. 1315-7].

Порубский текст имеет заключительный мотив просьбы впустить девушку-невесту в дом. В лоемском плаче в финальной части возникает дополнительный мотив «ненужности» невесты в родительском доме, ср.:

Отворяйся, высок терем,
Да до пяты да белы дубовы,
До пяты да белы дубовы,
Да на грелки те железныё [ФФ ИЯЛИ. А 1523-4].

Да отворитё двери на пяту,
Да на пяту, да на дубовую,
Да ты на крюки железныё.
Родимый ты батюшко,
Моя родимая матушка,
У вас нет голоса желанново,
Да обо мне да спопечальново [СыктГУ. 1315-7].

В причитании с зачином «Случилось ли во тереме» после просьбы девушки вынести «стакан да зелёно вино», «пива пьяного», поскольку «угорела головушка после тёплые паруши, чистые банюши», возникают мотивы открытия высокого терема и «встречи» со своими родными: «Здорово-то, здорово да, // Мой родимой батюшко, // Моя родима матушка, // Потом братьице-соколы да, // Сестрицы-голубушки да, // Милые мои подруженьки» [Микушев и др. 1960-1961, № 63в].

Центральным и наиболее драматическим моментом предвенечного этапа свадьбы было прощание невесты с девьей красотой, утрата которой символизировала переход из одной социальной категории в другую. Воля-красота, выражающая статус незамужней девушки, представляла собой ключевой обрядовый символ всего свадебного ритуала [Кузнецова 1993. С. 76].

В свадебной поэзии прилузских коми, так же, как в других традициях, образ красоты воплощался в предметных символах и выступал как некое свойство, утрачиваемое невестой.

Большую ценность в прилузской свадебной поэзии имеют плачи о персонифицированном девичестве, которые исполнялись после ритуала невестиной

бани[58]: *«Пылсьӧдасны, невестаыд воас гортад <…> Сэсся невестатӧ ваясны да ся пуксьӧдӧны девья красӧта бӧрдӧдны, куимӧн пуксьӧны сэсся сія невестатӧ бӧрдӧдӧны, сійӧ девья красӧта бӧрдӧдасны ёна дыр»* [Лоскутова 1972. Л. 290] (Попарят, невеста придет домой. Потом невесту приведут и посадят девью красоту оплакивать, втроем сядут невесту оплакивать, над ее девьей красотой причитают очень долго). Девичество здесь олицетворяет «мича нима девья красота» («девичья красота с красивым именем»).

Нами выявлено 5 довольно устойчивых вариантов прилузских причитаний о «красивом девичьем имени» на родном языке. Они записаны в с.с. Объячево и Читаево [Плесовский 1968. С. 207-208; Прил. I-Б, № 62], в с. Ношуль и в д. Юговская Объячевского с/с [Прил. I-Б, № 56, 57, 71] [59], в селениях по Летке [Плесовский 1968. С. 277-278].

Тема прощания с девьей красотой в прилузских текстах получила оригинальное воплощение, отличное от текстов из других традиций: в них используются красочные поэтические формулы и художественно-изобразительных средства, описываются разные виды цветов и ягод. Один из центральных мотивов в данных текстах – формульное сравнение девьей красоты с разными природными объектами – отсутствует в текстах из русской традиции и встречается не во всех финно-угорских причитаниях, и тем самым «выделяет» прилузские тексты среди других с аналогичной тематикой и придает им особую выразительность. Причитания о девьей красоте изобилуют богатой образностью в описании водных и лесных ландшафтов, что позволяет оценить их своеобразие и уникальность. Анализ текстов позволил выявить близость причитаний из прилузской и сысольской традиций на уровне структуры, формульного состава, отдельных образов. В русских и некоторых финно-угорских традициях странствия девьей красоты не так подробны и ограничиваются схематичным описанием, тогда как в прилузских текстах разворачивается детальное повествование, причитания имеют законченный сюжет. Яркая символика дает возможность «прочитать» прилузский текст в разных тематических планах, усмотреть в тексте мифологический план. Оригинальное воплощение темы прощания с девьей красотой в прилузских причитаниях позволяет говорить о том, что данные тексты заслуживают особого внимания и поэтому могут служить самостоятельным предметом исследования. Расширение же круга сопоставляемых традиций (в первую очередь – финно-угорских) поможет заострить внимание на специфике прилузских плачей.

[58] О прощании с девьей красотой в свадебных причитаниях прилузских коми см.: [Мусанова 2011].
[59] Ношульский вариант причитания опубликован: [КНП I, № 104].

У лузских коми при одевании (этот обрядовый акт получил название *кышӧдiгас*) исполнялись причитания на родном языке, построенные в форме диалога между невестой и крестной [Прил. I-Б, № 61].

Ритуальный акт надевания нового головного убора также нашел свое отражение в причетном тексте [Прил. I-Б, № 154]. Перемена прически невесты (коса – шмак) и головных уборов (головедец – сорока / русска) отмечали ключевые моменты перехода девушки в следующий период жизненного цикла, в котором полностью изменялся ее образ жизни и, соответственно, менялся социальный статус.

По приезде свадебного поезда исполнялись приговоры, звучали диалоги. Жених с поезжанами стояли возле дверей дома невесты и просились войти в дом, дружка в это время читал приговор перед закрытыми дверями. Первым в дом невесты входил крестный жениха, за ним жених, крестная, а затем все остальные.

Прилузские приговоры дружки, известные исключительно на русском языке, были подробно рассмотрены Ю.А. Крашенинниковой [Крашенинникова 2006; Крашенинникова 2007]. Проанализировав довольно широкий корпус источников, автор приходит к следующим выводам: «Свадебные приговоры Прилузского района Республики Коми могут рассматриваться в контексте севернорусской традиции со свойственной ей жанровой и образной системами. Как показывает анализ, тексты практически не испытали иноэтнического влияния и бытуют в тех местностях, где проживает или преобладает русское население; ассимиляции этого жанра в свадебный обряд коми практически не произошло. Наличие единичных записей приговоров на территории с преобладающим коми населением и использование их в одном-двух ритуальных актах позволяют говорить, что свадебные приговоры могли сопровождать наиболее “ответственные” ритуальные действия, имели в обряде коми особую функциональную и эмоциональную нагрузку» [Крашенинникова 2007. С. 48].

По замечанию собирателя М.С. Косарева, при появлении поезжан в доме невесты *виджись*[60] и дружки пели песню «По горам, горам молодой сокол летал». Она является самой ранней по времени фиксации: записана у летских коми в середине XIX в. [Прил. I-Г, № 3]. Отдельные мотивы данной песни встречаются в русском хороводно-игровом репертуаре [Прил. I-Г, № 3].

Приезд свадебного поезда сопровождался также причитаниями. Как отметил Ф.В. Плесовский, «в отношении к свите жениха неизменно чередуются два мотива –

[60] По описанию М.С. Косарева, это «старший дружка, распорядитель, знающий все свадебные обычаи» [Косарев 1863. Л. 26 об.].

сильное охаивание и умеренное восхваление. Свадебный поезд в доме невесты обычно встречают величаниями-пародиями, подчеркивающими презрительное, враждебное отношение к приехавшим» [Плесовский 1968. С. 198].

Большое значение в прилузских традициях имели причитания с мотивами корения. Они звучали на протяжении всей свадьбы, но интенсивнее реализовывались в момент приезда свадебного поезда в дом невесты: «*Кор нуныс лактасны женикъясыс, сэки сійӧ кулитасны женикмӧ бытсямӧн. Первой кабакӧ ветлысь, вина юысь, а кулакыс пӧ чорыдик, первой драчун пӧ. Сійӧ кулитӧнӧ жӧниксӧ, невестасӧ бӧрдӧдӧнӧ, кор сійӧ невесталаыс воднӧ, бытсямӧн висьтавласны*» [Лоскутова 1972. Л. 94] (Когда приедут женихи за невестой, тогда будут корить жениха по-всякому. Первый кабак обтирающий, пьющий, с твердыми кулаками, первый драчун. Корят жениха, невесту опричитывают, когда он [жених] приезжает к невесте, по-всякому скажут). Стоит отметить, что в традиции прилузских коми не получил своего распространения жанр корильных песен[61].

Мотивы корения встречаются в плачах, бытующих как на коми, так и на русском языке. Всего мы имеем четыре русскоязычных текста с мотивами корения [Прил. I-А, №№ 10, 12, 13, 14] и десять текстов на родном языке [Плесовский 1968. С. 193-194, 194, 199, 225, Прил. I-Б, №№ 37, 39, 40, 66, 168, 169].

По замечанию Ф.В. Плесовского, «в причетах-насмешках затрагивались не личные качества высмеиваемых. В них воспроизводятся типичные черты, которыми характеризуются отрицательные герои. Охаивание было непременным в структуре обряда, и участники свадебного поезда не придавали ему значения» [Плесовский 1968. С. 200-201]. Наибольшее количество насмешек было обращено к жениху. По замечанию исследователя, «летские девушки охаивали своих женихов весьма оригинально и выразительно» [Плесовский 1968. С. 225].

В двух русскоязычных причитаниях жених назван коровьим пастухом, овечьим пестуном, т.е. подчеркивается его неумелость и непригодность [Прил. I-А, №№ 13, 14].

Жениха укоряют за нехозяйственность. Об этом сказано в комиязычном причитании:

Матушка, ог мун да ог мун ме сія сайӧ,	Матушка, не пойду да не пойду я за него,
Нем вед сія оз куж вӧчнытӧ,	Ничего ведь он не умеет делать,
Не вурсьыны, не тшупсьыны	Ни шить, ни подрубать
Черӧн, не пуртӧн.	Топором, ни ножом.
Ковмас вед менам нем чӧж сія дінын мучитчыны	Придется ведь мне весь век у него мучиться.

[61] Отметим, что в соседней русской лоемской традиции записаны свадебные песни с корением тысяцкому [СыктГУ. 1322-8] и невесте [СыктГУ. 1318-37].

[СыктГУ. 13100-15].

Кроме неумения и нежелания выполнять мужскую работу, он высмеивается за бедность («под окошком дров не водится, да одна чурочка валяётся, да ещё то да не росколото»). Схожий корильный мотив находим в причитании из Лузской традиции Кировской области [Шевченко 2010. С. 65].

Жених изображен сквернословом и драчливым пьяницей: «Паськыдӧсь сылӧн матъясанӧй, // Вылынӧсь сылӧн кулакъясанӧй, // Первоя луӧ кабак чышкӧданӧй…» (Широки его матюки (ругательства), // Высоки его кулаки, // Первым он будет кабак вытирающим…) [Плесовский 1968. С. 194]. Добавим, что в соседних русских традициях находим аналогичные негативные оценки. Так, в причитании из Лузского района Кировской области жених назван пьяницей («шибко пьет зелено вино») [Шевченко 2010. С. 65].

Внимание в текстах уделяется и внешнему виду жениха. Так, он обрисован как человек маленького роста («чужек чуженин на ногах высок кажется, да под ногами-то колодочки») [Прил. I-А, № 14]. Молодого человека выставляют в свадебных плачах грязнулей и неряхой («у чужого-то чуженина сажи-то под носом») [Прил. I-А, № 14].

Жениха вообще не считают хорошим человеком, не уважают его, выделяют его нелюдимость:

Оз тай пуктыны, муса сочушко,
Тэнсьыд мужиктӧ да бур мужикӧ,
Оз тай сяммы сійӧ бур мортмыд кыв горӧдчыны [НМ РК. КП 12493. Л. 55].

Не принимают, дорогая сестра, твоего мужа
За мужика хорошего.
Не умеет с хорошими людьми слова вымолвить.

О женихе в причитаниях часто говорится иносказательно. Так, он сравнивается с черным настоем на подсеке:

Кутшӧм жӧ тыла вылын сьӧд настоянӧй,
Сэтшӧм жӧ вӧд сія мортанӧй…

Какой на подсеке черный настой,
Такой ведь он человек…[Плесовский 1968. С. 193-194].

Отметим, что слово *настой* в словарях не зафиксировано. Возможно, это окказиональное «оставшееся стоять на подсеке корневище, которое не удалось убрать»[62].

Это сравнение развивается в другом тексте. Жених сопоставляется с самым плохим деревом в лесу:

Менам жениканӧй вед тыла вылын настой кодь сулалӧ,
Коді мед омоль вӧрваас пуанӧй,
Сэтшӧм жӧ менам мужикпуанӧй [СыктГУ. 13100-15].

У меня жених, как настой стоит,
Какое самое плохое в лесу дерево,
Такой же мой муж.

[62] Примечание А.В. Панюкова.

Также жених назван черным медведем [Прил. I-А, № 10]. Отметим, что этот текст является единственным свадебным причетом, исполненным на русском языке в летской части района. Примечательно, что причитание заканчивается комиязычным мотивом корения жениха.

Корению подвергся в причитании и дом жениха («двор-от стрильнича, изба-то мякиннича, оконочки холожные (пучинные)») [Прил. I-А, № 14]. В другом причитании выделен лишь образ окон («у чужого-то чуженина да оконичики брушинныё») [Прил. I-А, № 13]. Схожий мотив мы обнаружили в традиции Вологодской области: «У чужого-то чужанина // Да стоит дом-от как сельница, // Как в избе – как мякинница, // Углы все обвалилися да, // Окошка все покосилися, // Что брусовая лавочка // По полу да положена, // Где-ко столы дубовые, // Тут ведь сваи вколочены» [РС II, № 438]. Отметим, что мякинница и сельница обозначают сарай для сена или соломы, тем самым высмеивается неустроенность, запущенность дома жениха. По-видимому, в тексте прилузских коми произошли некоторые трансформации, связанные с заимствованием текста из чужой традиции: так, сельница «превратилась» в стрильнича, вместо брусовых лавочек возник образ брушинных окон. Добавим, что в лузском причитании Кировской области мотив корения чужой стороны передается через образы «оконницы пучинные», «люди кручинные». В то же время дом невесты в прилузском причитании представлен как терем («у нас дом этот как город, изба да как высок терем, оконичики стеклянныё, у нас люди те ветляныё») [Прил. I-А, № 13].

По представлениям невесты, в доме будущего мужа все время гремит и сверкает:

Гымалӧ нидалӧн керка пиянӧй, Свиркайтӧ нидалӧн сарай пиянӧй.	Гремит гром у них в избе, Сверкает молния у них в сарае [Плесовский 1968. С. 225].

Итак, образ жениха в прилузских причитаниях получил ряд негативных оценок – пьяницы, драчуна, грязнули, плохого хозяина и человека. Яркие образные сравнения подчеркивают его негативные качества.

Еще более нелестными характеристиками наделяется родня жениха. Свадебный поезд жениха приближается к дому невесты, как туча и гроза:

Кайӧ тэд кайӧ лёк кымӧранӧй, Гымалӧ тэд лёк гыманӧй, Лёк гыманӧй юр выланӧйын.	Идёт на тебя, идёт злая туча, Гремит на тебя, гремит злой гром, Злой гром над твоей головой [Плесовский 1968. С. 199].

Образы жениховой семьи рисуются гипертрофированно:

Локтӧнӧ кӧ менам дінӧ да Ыджыд шапкаясанӧй да кыз юрасанӧй [СыктГУ. 13184-68а].	Идут ко мне В больших шапках и (букв.) с большими головами.

В причитаниях возникает тема иномирности поезжан, принадлежности их к другому этносу. Семья жениха названа татарской родней, вотяцким табуном. Приезд свадебного поезда связан с мотивами захвата и полона:

Локтӧны, муса соч, купцы бояраанӧй,
Дорӧдӧма дас кык сывъя цепанӧй,
Пӧлӧнитасны тарыт тэнӧлӧ асланыс увтӧ [Микушев, Рочев 1963, № 302].

Идут, милая сестрица, купцы и бояре
С выкованной цепью в двенадцать аршин,
Заполонят тебя сегодня под себя[63].

Примечательно, что при обращении к поезжанам как в летских, так и лузских причитаниях мы встречаем реализацию русской формулы «купцы-бояре» («купчи-бӧяра»).

Семья жениха сравнивается с людоедами. В причитании от лица сестры невесты возникают сопоставления с зооморфными образами:

Тэнад тай муса сочушкӧӧй жӧ
Морт сёйысь кодь да рӧдвужанӧй,
Мӧс кодь тай сюраӧсь тэнад, муса сочушко да рӧд вужанӧй,
Понкодь тай гӧна, муса сочушко,
тэнад да рӧдвужанӧй [НМ РК. КП 12493. Л. 55].

У тебя, у дорогой сестрицы, родня, как людоеды,
Рогатая, как корова, твоя родня,
В шерсти, как собака, твоя родня.

Данные сравнения также связаны с представлениями об иномирности, чуждости поезжан и подчеркивают контраст своего и чужого.

Как и сам жених, его семья укоряется за нелюдимость:

Оз тай тэнад, муса сочушко,
Сибав рӧдвужанӧй да бур йӧз дінӧ [НМ РК. КП 12493. Л. 55].

Не приблизится, дорогая сестра, твоя родня к хорошим людям.

Родня жениха не приходит на праздники:

Оз сибавны тай некытчы
Тэнад празьник вылӧ да рӧд вужанӧй [НМ РК. КП 12493. Л. 55].

Родня-то твоя не приходит ни на праздник, ни к твоей родне.

В одном тексте новая семья сопоставляется с острыми режущими и рубящими предметами:

Лэчыд чер дор кодь тэнад, муса соч, айкаанӧй.
Тувсов гретшкан кодь тэнад энькаанӧй,
Лэчыд коса дор кодь тэнад пиверанӧй,
Пиня чарла кодь тэнад ая-ныланӧй [Микушев, Рочев 1963, № 302].

Как острый топор, милая сестра, твой свекор.
Как весенний дергач, твоя свекровь.
Как острая коса, твой деверь!
Как серп с зубьями, твоя золовка.

Родственники жениха сравниваются с колючими и обжигающими растениями:

Лежнӧг куст кодь вед энька пуанӧй,
Петшӧр куст кодь вед ая-нывъянӧй [Микушев, Рочев 1963, № 302].

Как куст шиповника свекровь,
Как куст крапивы отец с дочерью.

Брат и сестра жениха характеризуются через сравнения: голос, как суровый гром, глаза, как туча грозная, ноги, как тяжёлый куль, кулаки, как угли горячие [Прил. I-Б, № 40].

[63] О мотиве полонения девушки свадебным поездом жениха («купцами-боярами») А.К. Микушев упоминает в отчете 1963 г. [Микушев, Рочев 1963. Л. 35], а также пишет в книге «Эпические формы коми фольклора» [Микушев 1973.С. 193].

Корению в причитаниях подверглась и сваха. В причете с зачином «Моя крёстная матушка да возьми белыя рученьки» [Прил. I-А, № 12] находим традиционный мотив корения князьевой сватьи, который известен также в лоемской традиции Прилузья, ср.:

Да это пусть да князьева сватья	Чтобы на погосте-то на горье,
Да по возту побегала,	Князева-то сватьюшка…
По повозту побегала,	
Да ножечки да попрощила,	
Ноженька попрощила,	
Да рученьки да приобрезала,	
Рученьки да приобрезала,	Да рученьки бы пообрезала,
Да чёрно платьо приобмарала,	Да платьицо бы пообмарала,
Сама себя да избесчестила [ФФ ИЯЛИ. А 1523-5].	Сама себя бы избесчестила [СыктГУ. 1319-49].

Свадебные причитания, в которых звучит мотив похвалы жениху и его родне, зафиксированы в небольшом количестве. По замечанию Ф.В. Плесовского, «в хвалебных причитаниях нет того колорита, такой изобретательности, такого разнообразия красок, которые можно увидеть в причетах-хулениях. Описания делаются обычно общими традиционными фразами вежливости. <…> При восхвалении часто используются гиперболы с целью подчеркнуть мнимое богатство жениха, расположить к себе будущую родню» [Плесовский 1968. С. 201]. Всего нами выявлено три причитания с мотивами похвалы жениху и его родне [Плесовский 1968. С. 201; Прил. I-Б, №№ 41, 42]. Отметим, что все тексты исполнялись на коми языке.

В летском причитании девушка невеста восхваляет будущую родню, отмечает, что теперь на нее смотрят ласково, и просит, чтобы также смотрели на нее и в будущем:

И здобнӧй булки койдӧсь ставныс пукалӧны,	И, как сдобные булки, все они сидят,
И гӧрд преник койдӧсь ставныс найӧ банйӧмаӧсь,	И, как красный пряник, все они разрумянились,
И меліа, кыдзи ставныс меліа видзӧдӧны ме, коньӧрӧй, вылӧ,	И как ласково на меня, на бедную, все смотрят,
И мед веськӧй татшӧмӧн пыр лованныд…	И если бы всегда вы такими были…[Плесовский 1968. С. 201].

В лузском причитании родня мужа уподобляется белым лебедям, крестный сравнивается с каменной стеной, жених – с золотой горой, крестная – с черной уткой, мать – с большим гусем, отец – со светлым солнцем, брат – с Ильей Муромцем, сестра – с белым месяцем [СыктГУ. РФ 1319. Л. 16об., 18, 19-20]. Данный текст известен нам по единичной фиксации. Мы не исключаем авторское происхождение этого причета[64].

Таким образом, в прилузских причитаниях нашли широкое развитие мотивы корения жениха и его родни. Данные образы связаны с представлениями о чужой

[64] Текст был выявлен из материалов Тарасова, в которых содержался сценарий ношульской свадьбы, предназначенный для постановки на сцене.

стороне и изображаются в причитаниях как враждебное, чужое, угрожающее, опасное. Корение на прилузской свадьбе предшествует величанию и реализуется в жанре причитания. В доме невесты осмеянию подвергались жених, вся его родня, сватья. По замечанию исследователей, ритуальный смех выполняет в обряде психотерпевтическую, защищающую и очистительную функции и тем самым помогает преодолеть ситуацию «чужое в своем» [Шевченко 2010. С. 209]. Корение в прилузских плачах реализовывалось как на русском, так и на коми языке. Несмотря на малочисленность русскоязычных причитаний с этим мотивом (3 текста), функции русскоязычных и комиязычных текстов, как нам кажется, были сходными – через высмеивание воздействовать на семейное благополучие. Оригинальные поэтические средства, прежде всего, сравнения, служат для выражения еще большего контраста между «своей» и «чужой» стороной. Специфика прилузских текстов с мотивами корения связана с употреблением выразительных средств, отличных от средств в других коми причитаниях. Мотивы восхваления чужой семьи не получили развития в текстах прилузских причитаний. Об этом свидетельствуют единичные фиксации. Данные тексты были предназначены, как нам кажется, только для этикетного приветствия поезжан. Отсутствие корильных песен в традиции прилузских коми компенсировалось богатым спектром корильных мотивов в свадебных причитаниях.

Перед отъездом к венцу невеста просила благословение у отца: *«Благӧслӧвенньӧ корӧ мамыслысь, батьыслысь, сэсся сочыслысь, вокыслысь корӧ. Сэсся вичкоӧ мунӧнӧ»* [СыктГУ. 13130-14] (Благословение просит у матери, отца, потом у сестры, брата просит. Потом в церковь идут). Этот мотив содержится в трех причетах на русском языке и в четырех на коми [Прил. I-А, № 15, 16, 17; Прил. I-Б, №№ 46, 47, 48, 49].

Родительское благословение в причитании имеет значение некоего оберега от всего неблагоприятного, что может ожидать невесту в чужой семье. В русскоязычном причете, записанном в с. Занулье, благословение уподобляется предметам и явлениям, имеющим защитную функцию [Прил. I-А, № 15]. Данный сюжет встречается в традиции Лузского района Кировской области и бытует там и как причитание, и как песня [Шевченко 2009. С. 234; Шевченко 2010. С. 70, 103],[65] а также в лоемской традиции [СыктГУ. 1316-13, 1316-20]. Сравним с лоемским вариантом:

Ты, родимой мой батюшко,
Мне-ко дай да бласловленичӧ,
Бласловленичо великоёт.
…Да мне-ка дай благословеньице,
Да благословенья великоё.
Да мне твоё благословеньицо
Да на чужой-то на сторонушке

[65] См. также: [Чердынская свадьба 1969, № 45; СОВК, № 19 (с. 49-50)].

Мне твое-то бласловленичо
Мне шибко да нужно-надобно –
Из тёмна да леса выведёт,
Из синя да моря выкачёт [Микушев, Рочев 1963. Л. 156].

…нужно да шибко надобно,
Из синя да моря вынесет,
Да из темна да леса выведет,
Оно от дождичка – кровелька,
Да мне от ветра – притульицо,
Да от плохих людей – злословьцо,
Да от семьи да заговорьицо [СыктГУ. 1316-13].

Благословение в порубском тексте названо «от серца да от рекивӧе», «от бело личо бумажнӧе» [Прил. I-А, № 17].

Девушка не только испрашивала благословение, но и просила наделить ее всеми материальными благами в будущей семье [Прил. I-Б, № 46]. В одном из причитаний благословение невесте дает крестная [Прил. I-Б, № 47].

Мотив испрашивания благословения может выступать в текстах причитаний не только самостоятельно, но и в сочетании с другими мотивами, в частности, с просьбой простить невесту за всё плохое [Прил. I-Б, № 48], с мотивом благодарения за воспитание [Прил. I-Б, № 49], с мотивами-воспоминаниями о легкой, беззаботной, счастливой жизни в доме у матери [Прил. I-А, № 16].

Тема родительского благословения сближает свадебную поэзию с похоронной, так как в похоронных причитаниях мотив испрашивания благословения у умерших родителей является одним из основных. Этот мотив является финальным мотивом прилузских свадебных причитаний.

В с. Объячево, по замечанию исполнителей, при выдаче девушки жениху крестная исполняла песню «Выдала соколу» [Прил. I-Г, № 4]: *«Поет крестная, которая выводит невесту прямо из комнаты, поет и пляшет»* [СыктГУ. 1351-12]. Аналоги к данному сюжету нами не выявлены, мы предполагаем, что этот фрагмент является переводом комиязычной песни «Сӧкӧлӧс аддзис, сӧкӧлӧс аддзис, ныв сетӧма» [СыктГУ. РФ 13-VI-1], которая бытовала в д. Пожмадор Объячевского с/с: *«Каризна вылӧ лактӧнӧ жӧник да рӧдвужыс сіялӧн. Пырӧнӧ керкаӧ, пуксьӧнӧ пызан сайӧ и корӧнӧ невестаӧс. Невестамыд лактӧ вежаньыс. Сія йӧктӧ и сьылӧ “Сӧкӧлӧс аддзис, сӧкӧлӧс аддзис, ныв сетӧма”. Жӧниклӧн рӧдвуж пуксялӧнӧ пызан сайӧ и сёйӧнӧ-юӧнӧ»* [СыктГУ. РФ 13-VI-1] (На каризну приезжает жених и его родня. Заходят в дом, садятся за стол и просят невесту выйти. С невестой выходит крестная. Она идет и поет «Сокола нашла, сокола нашла, девушку выдала»).

На пиру в доме жениха в селах Спаспорубского с/с (прежде всего с. Поруб) и с. Занулье звучали свадебные песни на русском языке, также зафиксировано две застольные песни на коми языке.

Один вариант песни с зачином «На чужой-то дальней стороне порану да петухи поют» записан в 1963 г. в с. Занулье [Прил. I-Г, № 5]. По своей природе она является лирической и строится на сюжете «девушку посылают за водой на реку». По словам исполнительниц, ее пели на свадьбе во время пира в доме жениха: *«Тайӧ вот свадьба дырйи женик ордас первой радыс пуксясны, воасны гортсеньыс бать-мамыс и ставыс, но, гашкӧ, вит пызан пуксьӧдӧ важӧн-то кругӧн. Вот сэсся сія аслас чойясыс да коді рӧдимӧйясыс, ставыс жӧ и сьывны мӧдасны»* [Микушев, Рочев 1963. Л. 160] (Это вот во время свадьбы у жениха первый ряд сядет, придут из дома отец-мать и все, ну, может быть, пять столов поставят кругом. Вот потом свои сестры да кто родственники все и петь начнут). У русских Прилузья – в Лойме – ее могли исполнять до венчания, во время пира в доме невесты, она относилась здесь к «плаканишным» песням: *«Невесте платком лицо закрывали. Платком накрывали, две женщины подружки сядут рядом и напевают. Напевают песню. Невеста плачет, а подружки поют»* [СыктГУ. 13119-3]. В традиции Лузского района Кировской области песня имела зачин «Как вечор было, по вечеру» и исполнялась во время смотров[66] [СОВК, № 15 (С. 45)]. По замечанию Е. А. Шевченко, «такая неустойчивость песни в обряде объясняется тем, что по своей жанровой природе она является лирической, обрядовой она стала благодаря элегическому характеру сюжета» [Шевченко 2004. С. 227].

Текст строится на мотивах «жизнь на чужой стороне», «встреча девушки со своими родителями», «просьба дать “ведра дубовые”, “коромысли кленовые”» [Прил. I-Г, № 5]. В лоемской традиции эта песня имеет более развернутый сюжет, в котором появляется образ гусей / гусей-лебедей, которые мутят воду [СыктГУ. 1316-1; СыктГУ. 1318-24]. В целом песня популярна у русских [Прил. I-Г, № 5].

В прилузской свадебной традиции зафиксированы также ***величальные песни***, которые звучали в доме жениха. Судя по материалам современных экспедиций СыктГУ, этот жанр бытовал в традиции прилузских коми. Об этом свидетельствуют упоминания в репортажах исполнителей песни «У N голова учёсана»: *«Поют невесте и женикам всем песни, которые умели начинать. Имена поют: “У Васи-то голова учёсанная, учёсанная”, как-то но всяко приговаривают. Как будто величают их и как будто им деньги дают. “Голова-то кудрявые да всякие”. Друг подруга дружат, их поют вместе»* [СыктГУ. 1349-36, 36а]; *«Если не женатые, все равно им поют. Если платить нечем, говорят “не пойте”. Мелочь дают»* [СыктГУ. 1349-36б].

[66] Наименование девичника.

К числу величальных относится песня «Из кути, вдоль по лавиче», хорошо известная в русских традициях [Прил. I-Г, №№ 6, 6а, 6б]. Она выявлена у лузских коми (две записи): один текст был записан в с. Занулье, другой – в с. Поруб Спаспорубского с/с[67]. Примечательно, что в расшифровке порубской песни мы обнаружили некоторые искажения, связанные, возможно, с «ошибками» самих расшифровщиков. Так, зачин песни «Из кути, из кути, вдоль по лавичу» был передан в расшифровке как «Приезд скуди, скуди вдоль по лавичу». Песня была прокомментирована, как «приезд чужих людей на свадьбу» [Прил. I-Г, № 6б]. «Искаженный» и «неискаженный» варианты песни включают описание «князя» и «ставок». Добавим, что прилузская формула «цены ёте да» можно расценивать как трансформированный вариант формулы «тому цены нет»[68]. Среди русского населения Прилузья песня была также известна [СыктГУ. 13136-8, 14]. В подобной песне из Лузского района Кировской области отсутствует мотив выпевания денег: текст заканчивается благопожеланием жениху и его родне [СОВК, № 31 (С. 61-62)][69].

Восхваление жениха также составляет содержание песни «У NN голова-то учёсанная», популярной в русских традициях [Прил. I-Г, №№ 7, 7а]. Она зафиксирована в двух вариантах из сел Поруб и Занулье. Как отмечали сами исполнители, *«за песню деньги давали»* [СыктГУ. 1349-36б]. В тексте представлено формульное описание волос величаемого. Мотив «завивания» волос как показатель здоровья молодца встречается и в других традициях, например, в калужской, новгородской [ТФНО, № 420; РС I, № 356].

Финальная часть прилузской песни представляет собой обращение непосредственно к величаемому с просьбой оценить похвалу певиц. Мотив «выпевания» денег является характерным признаком величальных песен. Один из двух прилузских текстов содержит в себе этот мотив [Прил. I-Г, № 7]. Подобный сюжет бытовал в Лузском районе Кировской области, но в нем отсутствует этот мотив [СОВК, № 32 (С. 62)][70]. Стоит заметить, что величальные песни «Из кути вдоль по лавичу» и «У NN голова учёсана» в Лузском районе Кировской области исполнялись до венчания, на пиру в доме невесты, они пелись жениху, невесте и свадебжанам [СОВК. С. 61].

---

[67] Добавим, что расшифровки этих песен находятся в НА Коми НЦ, аудиозапись хранится в ФФ ИЯЛИ.

[68] Ср.: «Мы пойдем, пойдем по череду, // На нем шапочка – цены нету»: [Соб. VI, № 433], см. также [ПЛО 2005, № 35].

[69] Стоит отметить, что этот сюжет был подробно проанализирован Е.А. Шевченко [Шевченко 2010. С. 143-145].

[70] Песня была проанализирована в диссертации Е.А. Шевченко [Шевченко 2010. С. 145-147].

Величальная песня «С-по-болоту, с-по-за кустичку» выявлена в коми с. Поруб в единственном варианте, который полностью соотносится с песнями из соседней лоемской традиции [Прил. I-Г, № 8]. Как показывают материалы, эта песня бытует во многих областях России [ЛРС, №№ 321, 322, 323 (Ленингр. обл.); СОВК, № 13 (Малмыжск. р-н, г. Малмыж), № 18 (Белохолуницк. р-н, д. Леушенцы); Круглов 1982, № 489]. Отметим, что в некоторых традициях песня была включена в песенно-игровой репертуар [ХИПС, № 64; Выходцев 1990, № 168; ПЛО 2005, № 31]. Поскольку мы не имеем никаких сведений о времени исполнения песни, то, исходя из ее содержания, можно предположить, что ее пели на застолье в доме жениха. Текст заканчивается мотивом выпевания денег, что сближает его с песней «У NN голова учёсана» [Прил. I-Г, № 7][71]. Современные исполнители помнят лишь инципит этой песни [СыктГУ. 13109-25].

В д. Матвеевская Спаспорубского с/с на свадебном пиру в доме жениха исполнялась песня «Кому чару пить, кому выпивать» [Прил. I-Г, № 9], зафиксированная в одном варианте: «Кому чару пить, кому выпивать, // Ивану да Яковлевичу пить чару, // Анне Васильевне пить чару, // Хорошо жить да друг дружку уважать, // Не обижать друг друга, // Любите друг дружка» [СыктГУ. 13145-20]. Песня оформляет ритуальный момент сближения молодых. Исполнительницей из с. Объячево (уроженка с. Спаспоруб, русская) отмечается, что песня звучала в тот момент свадьбы, когда «невеста подносит на подносе рюмку вина и дарит» [СыктГУ. 1368-25]. Стоит отметить реальную осмысленность информантами поэтического образа чары: *«Немножко выпьет, жене дает муж-то. А невеста тоже немножко выпьет да жениху-то дает. До конца надо выпивать. Как эта стопка пустая, пусть также хорошо, чисто, порядок будет. Дружки и невестины подружки поют <…> Чара – это и есть стопки, зло-то не оставлять»* [СыктГУ. 13145-20, 20б]. Современные носители традиции лишь упоминают эту песню: *«Пить вчара да пить, выпивать вчара». Ну там называют жениха и там ково еще, кому вчара пить, да кому выпивать, да пить вчара, да выпивать вчара* [СыктГУ. 13134-2]. В одном из репортажей образ чары заменен «пивом»: «Кому пиво пить, кому подавать» [СыктГУ. 13106-10б]. Заметим, что песня была зафиксирована только на территории Спаспорубского с/с (у русских и коми). В русских традициях песня бытовала либо как величание женатым гостям [ЛРС, № 381 (Куйбышевск. обл., г. Куйбышевск); ОП, № 688 (Куйбышевск. обл.)], либо всем

[71] Схожий мотив выпевания денег встречается в свадебной песне Ленского района Архангельской области: [СыктГУ. 0803-12, 0805-3, 0813-3, 0818-32, 0830-19].

присутствующим на свадьбе [Воронежские песни 1982, № 74; Карельский край 1984, № 142], в сибирской традиции песня относилась к разряду «проходочных» [ХИПС, № 138].

Отметим, что у прилузских коми не бытовали собственно свадебные песни на родном языке. Застольная песня «Пахомовна», зафиксированная и на коми, и на русском языке, отчасти восполняла этот «пробел». Отметим, что песня преимущественно была зафисирована на территории Объячевского с/с. Единичные фиксации имеются в с.с. Читаево, Зануле. По замечанию певицы из с. Объячево, эту песню пели на пиру в доме невесты на *каризне*: *«Каризна вылӧ лактӧнӧ жӧник да рӧдвужсыс сiялӧн. Пырӧнӧ керкаӧ, пуксьӧнӧ пызан сайӧ и корӧнӧ невестаӧс. Невестамыд лактӧ вежаньыс. Жӧниклӧн рӧдвуж пуксялӧнӧ пызан сайӧ и сёйӧнӧ-юӧнӧ. Первӧй юӧнӧ чай да вина, сэсся вайӧнӧ быдпӧлӧс сёян (студень, рыбникъяс, шыд, рокъяс, блинъяс, яиснича, рысь, йӧв). Кор сёянсӧ ваялӧ невесталӧн рӧдвужсыс, сьылӧнӧ: “Кушайте, бабушка, кушайте. Кушайте, Пахомовна, кушайте”. Сэсся вайӧнӧ блинъяс и ӧти дозйын вый»* [СыктГУ. 1349-33] (На каризну приходят жених и его родня. Заходят в дом, садятся за стол и просят к себе невесту. С невестой идет крестная. Родня жениха рассаживаются за стол и едят-пьют. Сначала пьют чай и вино, потом приносят разнообразную еду (студень, рыбники, суп, кашу, блины, яичницу, творог, молоко). Когда родня невесты приносит еду, поют: «Кушайте, бабушка, кушайте. Кушайте, Пахомовна, кушайте». Потом приносят блины и масло).

Коми вариант данной песни из с. Читаево в записи 1963 г. опубликован с небольшим комментарием: «Свадебная песня-импровизация. Широко распространена среди сысольских и лузских коми. Исполняется в знак благодарности за угощение и на обычных пиршествах. Напев устойчив, обращает внимание также особый стиль исполнения: постоянный сольный запев, подхватываемый группой хора и повтор его всем хором» [КНП I, № 80]. Кроме того, в отчете к экспедиции 1963 г. А.К. Микушев дал развернутую характеристику песенному тексту: «Спутником многих празднеств, в первую очередь свадебного пиршества в Прилузье, оказывается песня-импровизация “Пахомовна”. Исполнялась она в форме диалога. Хозяйка пира с поклоном обращалась к гостям: “Юыштӧй, пӧжалуйста, юыштӧй”, а хор в той же песенной форме отвечал ей благодарностью за пиршество. <…> Восхваляли в песне хозяев и их гостеприимство, питье и еду [Микушев, Рочев 1963. Л. 32-33]. Также А.К. Микушев добавляет, что из обрядовой свадебной песня легко превращалась в «импровизацию на случай» [Микушев, Рочев 1963. Л. 34]. Ф.В. Плесовский упоминает эту песню в своей книге: в

канун свадьбы в с. Объячево «во время угощения при каждом новом блюде, появившемся на столе, поют “Пахомовну” (“Блинками, Пахомовна, блинками” и т.п.). Невеста раздает *козин* – большей частью по полотенцу. Получившие подарки поют “Пахомовну”: “Козьналісны, Пахомовна, козьналісны” – “Подарок дали, Пахомовна, подарок дали”» [Плесовский 1968. С. 36].

Нами выявлен один вариант этой песни на русском языке [СыктГУ. 1351-14] и 8 вариантов на коми языке [Микушев, Рочев 1963, №№ 169, 235, 256, 290, 319; ФФ ИЯЛИ. 1521-2; СыктГУ. 1381-27, 13100-6]. Песня «Пахомовна» из рукописного архива НМ состоит из русско-коми мотивов [НМ РК. КП 12484 / 1-19. Л. 238 об.].

К несобственно свадебной песне, которая исполнялась на застолье во время раздачи невестой даров (*козинов*) на свадебном пиру и в которой присутствует женское отчество Пахомовна, относится коми песня «Пасибӧ невесткалы, бабушка, пасибӧ» (Спасибо невестке, бабушка, спасибо). Песня записана в д. Юговская Объячевского с/с. В благодарность гости пели песню:

Пасибӧ невесткалы, бабушка, пасибӧ,	Спасибо невестке, бабушка, спасибо,
Пасибӧ, Пакомовна, пасибӧ,	Спасибо, Пахомовна, спасибо,
Юр улсеньыс да кок ултӧдзыс пасибӧ,	С головы до ног спасибо,
Пасибӧ, Пакомовна, пасибӧ.	Спасибо, Пахомовна, спасибо.
Козьналін, бабушка, козьналін,	Одарила, бабушка, одарила,
Козьналін, Пакомовна, ой, да козьналін [Микушев, Рочев 1963, № 320].	Одарила, Пахомовна, ой, да одарила.

По замечанию самих исполнителей, эту песню пели на второй день свадьбы, когда невеста раздавала подарки: *«Тайӧ свадьба аски водзсӧ, свадьба мӧд луннас. Кор сетӧ пӧдарокъяс, сія козин шусьӧ, пӧдарокъяс батьлы, мамлы, сочлы, воклы, быдсӧнлы сетасны. Каждӧй, кодлы сетӧны, коді кӧсйӧ, сьылӧ-а, коді оз. Коді сяммас, пасибӧсӧ сьылӧптас-а, спляску, коді йӧктыныд кужӧ. Пасибӧсӧ шуас да и пасибӧ йӧктас. Коді недовольнӧй ещӧ козиннас, дак лӧгасьышӧ»* [Микушев, Рочев 1963, № 320] (Это на свадьбе, на второй день свадьбы. Когда раздает подарки, это козином зовется, подарки отцу, матери, сестре, брату, всем дадут. Каждый, кому дадут, кто хочет, тот поет, кто не хочет, тот не поет. Кто сумеет, «спасибо-то» споет, с пляской, кто плясать умеет, тот спляшет. «Спасибо» скажет да и станцует. Кто недоволен подарком, так еще и сердится).

В завершение укажем на особенности исполнения причитаний в Прилузье. По замечанию А.К. Микушева и Ф.В. Плесовского, характерной чертой комиязычных причитаний является то, что они не исполнялись хором и бытовали как импровизационный вид народной поэзии [Микушев, Плесовский 1979. С. 67]. В

основном они были предназначены для сольного исполнения[72]. В материалах СыктГУ нами выявлено несколько комиязычных причитаний, которые были исполнены коллективно, и мы можем говорить об устойчивости этих текстов. Коллектив из трех женщин исполнил причитание о девичьей жизни с зачином «Югыд лунанӧй да ныл олӧманӧй» (Светлый мой день, девичья жизнь) и причитание-обращение матери к дочери «Югыд лунанӧй пӧ да тэ дитяткоанӧй» (Светлый мой день, мое дитятко) [СыктГУ. 1827-52, 54]. Кроме того, в с. Черныш выявлено несколько коллективных причитаний: один текст содержит сетование невесте «Тэ югыд лунӧй да тэ муса сочӧй» (Ты светлый мой день, ты любимая моя сестра); второй текст относится к разряду «банных» причитаний: «Муна пӧ пӧсь пылсянӧ, матушкаӧй» (Иду в жаркую баню, матушка) [СыктГУ. 1331-20, 21а]; другой текст исполнен при расплетении косы [СыктГУ. 1332-30]. Причитания летских коми с мотивами благодарности и приглашения дяди и тети /крестной на свадебный пир, записанные в 1928-1929 гг. и в 1974 г., по своим структурно-семантическим особенностям практически идентичны [Прил. I-Б, №№ 5, 6, 8, 9].

Русскоязычные причитания имели как сольный, так и коллективный способ исполнения, что сближало их с песнями[73]. Эта структурная особенность была отмечена также Е.А. Шевченко при анализе лузских причитаний Кировской области [Шевченко 2010. С. 19].

Появление русскоязычных причитаний в традиции прилузских коми, по мнению Е.А. Шевченко, нельзя объяснить простым заимствованием: «Анализируемые тексты, генетически восходя к свадебным причитаниям, воспринимались носителями коми традиции как тексты иной жанровой природы, но со сходным предназначением – быть средством выражения определенной обрядовой ситуации. Даже те немногочисленные тексты причитаний, записанные от коми исполнителей Занулья и Поруба, представляют собой не импровизационные тексты, а тексты с устойчивым набором стереотипных формул, воспринятые коми традицией подобно тому, как были освоены в

[72] Стоит отметить, что проблема сольного / группового причитывания трактуется исследователями неоднозначно, см.: [Бернштам 1986], [Лапин 1986], [Марченко 1991].

[73] Данный феномен довольно распространен в других традициях, в частности, см. работы В.А. Лапина, посвященные групповым голошениям в лужско-шелонской свадебной традиции: [Лапин 1986]. Ф.А. Рубцов вводит компромиссное жанровое определение – «песня в характере причитания» (Народные песни Ленинградской области / Сост. Ф.А. Рубцов. М., 1958. С. 214 [Цит. по: Лапин 1986. С. 113]). На материале свадебных причитаний восточной части Вологодчины Б.Б. Ефименкова предлагает такое компромиссное жанровое определение: «В роли собственно свадебного причета выступает прежде всего напев специфической обрядовой песни подруг невесты. Будем называть его групповым причетом или песней-причетом» [Ефименкова 1980. С. 57].

ней русские **песни**» (выделено автором) [Шевченко 2009. С. 231]. По нашим наблюдениям, на песенный характер русскоязычных прилузских причитаний указывает использование песенных формул и мотивов. Так, в причитаниях с зачинами «Ой, дикая да я кватилася, да глупая да догодалася», «Не дремотушка меня клонит, клонит да долит молодость» [Прил. I-А, №№ 2, 3] мотивы «не ровён замуж выйдется», «не ровён муж навернется» встретились нам в лирических необрядовых песнях из устьянской традиции [УП II, № 34]. Формула «не сон меня долит, не дремотушка клонит» известна в качестве зачина к лирическим необрядовым песням [УП I, №№ 2, 3, 4]. Мотив-самоуничижение «дикая, да я кватилася, глупая да догадалася» встретился нам в лоемской песне с зачином «Много-много у сыра дуба» [СыктГУ. 1316-14]. Также в лоемской традиции бытовало свадебное причитание с зачином «Не сон ли меня долит, да не дремотушка клонит», в которой так же, как в прилузском тексте, появляется образ чужедальней сторонушки: «Да как клонит-то меня, долит // Да чужедальняя сторонушка, // Да дальная да незнакомая» [СыктГУ. 1322-27]. Как заметила Е.А. Шевченко, сходство жанров причитания и песни отмечается на функциональном (нагнетание атмосферы горя, тоски, печали) и тематическом (использование одних и тех же формул, мотивов) уровнях [Шевченко 2010. С. 113]. Тем не менее, как утверждает исследователь, «лишь музыкальная форма текста и рефлексия носителей традиции, выражающаяся в терминологическом разграничении, способствует дифференциации данных жанров и определению конкретного текста либо как причитания, либо как песни» [Шевченко 2009. С. 231-232].

Таким образом, нами рассмотрены свадебные причитания и песни прилузских коми в структуре обряда. Проанализированный корпус причитаний на родном и русском языках позволил выявить соотношение коми и русского фольклора в обряде.

Все тексты свадебных причитаний прилузских коми можно разделить на несколько функциональных групп: причитания, исполняемые во время рукобитья, заваривания пива, обхода невестой своих родственников с приглашением на свадьбу, девичника (*каризна*, *плаканье*, *рытва*), заплетения косы, ухода и возвращения невесты из бани, приезда женихов, одевания и перемены прически, отъезда невесты к венцу. Принадлежность причетов к одной из выделенных групп определяется наличием элементов комментирования обрядовых действий, пояснениями исполнительниц относительно роли причитаний в обряде.

Доминирующее (более двухсот единиц записи) положение в прилузской свадьбе занимали комиязычные причитания. Они исполнялись повсеместно, звучали практически на всех этапах свадьбы (обход невестой своих родственников, девичник, банный ритуал, расплетение косы и передача красоты, отъезд к венцу). Основные мотивы комиязычных причитаний: пивоварение, описание места сидения, благодарность родным, приглашение их на свадьбу, противопоставление девичества замужеству, бужение, расплетение косы, отправление в баню, строительство бани для девушки невесты, приготовление бани, благодарность бане и истопникам, разрушение бани, проводы девьей красоты, одевание невесты к венцу, корение жениха, родни, свахи, благословение перед венцом. Кроме того, в текстах причитаний реализуются такие мотивы, как описание жизни в родительском доме и в доме будущего мужа, тревога перед будущей жизнью в замужестве, сетование на родителей за выдачу замуж, вопрошания, корение чужой стороны. На этих мотивах строились тексты, не имеющие строгой приуроченности. Причитания на родном языке бытовали в сольном исполнении и имели импровизационный характер. Вместе с тем нами выявлены коллективные причитания на коми языке.

Небольшое количество причетных текстов зафиксировано у прилузских коми на русском языке. В таких населенных пунктах, как Поруб и Зануле, имеющих непосредственную географическую близость к русским традициям (прежде всего, с селом Лойма), на свадьбе исполнялись и русскоязычные, и комиязычные причитания.

Причитания на русском языке включались в значимые моменты ритуала: рукобитье, девичник, расплетение косы, баня, приезд жениха, благословение перед венцом. Основные мотивы этих плачей – сетование отцу на преждевременное замужество, мотивы сна, самоуничижения, чужой стороны, обращение к бане с благодарностью и просьбой разрушиться, просьба к крестной расплести косу, корение жениха, свахи, свадебного поезда, испрашивание родительского благословения. Влияние иноэтнического особенно показательно в текстах банных причитаний. Во-первых, нами выявлено несколько причетов на русском языке, приуроченных к банному обряду. Во-вторых, в текстах банных причитаний на родном языке мы наблюдаем использование устойчивых выражений, воспринятых из русских традиций.

Наиболее ярко специфика двуязычного характера прилузской причети проявляется в занульской свадебной традиции. Комментарии исполнительниц, тексты причитаний подтверждают бытование в с. Зануле причитаний на коми и русском языке. Отметим, что первый причет в с. Зануле на русском языке исполнялся уже на

рукобитье. Всего в с. Занулье выявлено шесть текстов причитаний на русском языке, что превышает долю зафиксированных здесь комиязычных причитаний (3 единицы записи).

Еще одна микролокальная традиция, которая подтверждает бытование русскоязычных причитаний в Прилузье – с. Поруб Спаспорубского с/с. Этническое своеобразие Спаспорубского с/с связано с контактным расселением коми и русских – одна часть населенного пункта заселена русскими, другая – коми. Здесь выявлено 10 свадебных причитаний на русском языке и один фрагмент, которые опять же превалируют над количеством причитаний на коми языке (8 единиц записи).

Е.А. Шевченко выявлено, что русскоязычные причитания прилузских коми были восприняты из лоемской традиции Прилузья и традиции Лузского района Кировской области. Они имели песенную форму исполнения, что выражено устойчивостью текстов, коллективной формой исполнения, использованием песенных мотивов. Русскоязычные свадебные причитания, по замечанию Е.А. Шевченко, воспринимались исполнительницами как песни, но служили для выражения определенной обрядовой ситуации [Шевченко 2009. С. 231].

Стоит добавить, что не только лоемская традиция Прилузья и лузская традиция Кировской области повлияли на развитие русской причети в Занулье и Порубе, но и русская традиция Спаспорубского с/с способствовала этому. Мы можем предположить, что спаспорубская традиция оказала влияние сильнее, чем лоемская, поскольку в Спаспорубском с/с коми и русские контактировали активнее, находясь географически ближе друг к другу. Подчеркнем, что репертуар спаспорубских певиц (русских) очень схож с лоемским. Таким образом, на развитие русскоязычной причети оказали влияние русские традиции Спаспоруба, Лоймы и Лузского района Кировской области. Именно географическая близость повлекла проникновение в обрядовую сферу «чужого».

Один русскоязычный причет был выявлен в летской части района. Появление этого текста у летских коми связано, скорее всего, с влиянием пограничной традиции Кировской области (возможно – лузской). Единственная фиксация не позволяет нам говорить о двуязычном характере причитаний у летских коми.

В свадебном фольклоре прилузских коми отмечается использование иноязычного от отдельных формул до целых сюжетов. Данная особенность проявилась в результате активных связей с русским населением. Это показательно во вкраплениях устойчивых выражений, формул в тексты коми причитаний. Прилузский фольклор в

этом плане является уникальным, поскольку вобрал в себя «чужое» в большей степени, нежели все остальные коми традиции.

Отметим, что в традиции прилузских коми возникали своего рода «дубли»: причитания, разрабатывающие сходные мотивы, звучали и на коми, и на русском языке. К таким причетам относятся, прежде всего, банные плачи, тексты с мотивами корения и благословения. В банных можно отметить следующие мотивы: приготовление, благодарность, разрушение. Как нам кажется, различия подобных причетов не были связаны с их функциональной спецификой: и комиязычные, и русскоязычные тексты выполняли одинаковые функции, различия касались лишь языка. Активные контакты с русским населением способствовали заимствованию «чужих» причетов, которые в некоторых случаях заменили свои собственные. Особо показателен пример перевода русского причитания на коми язык, что говорит об активном заимствовании этих текстов. По замечанию некоторых исследователей, русские формулы в коми текстах усиливали сакральность происходящего. Они выступали как магически более «сильные» [Панюков 2009. С. 32]. Также исследователями отмечается, что русские формулы придавали большую экспрессию коми текстам [Филиппова 2006. С. 181].

Таким образом, несколько моментов свадьбы в Прилузье органично сочетало и коми, и русское. К таковым относятся: девичник, расплетение косы, баня, приезд жениха, благословение. Отметим, что проникновение иноэтнического довольно весомо. Только четыре этапа свадьбы прилузских коми использовали исключительно тексты на родном языке: приготовление пива, обходы родни, бужение невесты, одевание.

Что касается свадебных песен, то они зафиксированы в Прилузье в небольшом количестве: 5 русскоязычных свадебных песен было записано в Спаспорубском с/с (д.д. Урнышевская, Поруб, Матвеевская), 3 песни выявлено в с. Занулье, по одному варианту обнаружено в д. Елинская Объячевского с/с и с. Объячево; один текст свадебной песни зафиксирован у орловских пермяков (летские коми). Записи представлены единичными образцами, что свидетельствует о том, что проникновение этого жанра в свадебную традицию прилузских коми не произошло.

Русскоязычные свадебные песни так же, как и причитания, исполнялись в наиболее важные этапы обряда, кроме того, они представлены в послевенечной части («Каменка да каменка розгорается» – баня невесты, «По горам, горам молодой сокол летал» – приезд жениха с поезжанами). У прилузских коми было записано три величания («С-по болоту», «Из кути, вдоль по лавице», «У NN голова-то учесанная»).

В одном варианте записана песня, сопровождающая выпивание ритуальной чаши («Кому чару пить»). Все русскоязычные свадебные сюжеты, бытовавшие в Прилузье, широко распространены в русских традициях. Наибольшее сходство мы наблюдаем с соседней лоемской традицией. Общими для двух традиций являются сюжеты «Отдают да младу-молоду», «Каменка да каменка розгорается», «С-по болоту», «Из кути, вдоль по лавице», «У NN голова учесана». Что касается комиязычных песен, то было выявлено всего два текста, которые звучали на застолье в доме жениха («Пахомовна», «Пасибӧ невесткалы, бабушка, пасибӧ»), также упоминается песня «Сӧкӧлӧс аддзис» (Сокола нашла), которая исполнялась при выдаче невесты жениху.

Говоря о характере заимствования, подчеркнем, что тексты свадебных причитаний и песен не содержат явных лексических искажений, что может быть связано с поздней по времени фиксацией этого жанра (1960-е гг.).

Еще один свадебный жанр, который был усвоен прилузской традицией на русском языке – приговор дружки. Опираясь на исследования Ю.А. Крашенинниковой, подчеркнем, что проникновение этого жанра в коми традиции Прилузья также не произошло. Автор пришел к выводу, что единичные тексты, записанные у прилузских коми, имели в свадебном обряде особую функциональную и эмоциональную нагрузку, сопровождали наиболее «ответственные» моменты ритуала.

Подводя итог, еще раз отметим, что свадебные причитания в Прилузье выступают «этническим маркером традиции» (как определила И.В. Королькова при изучении фольклора Пинежья [Королькова 2011. С. 297]). Комиязычные причитания исполнялись повсеместно. Наибольшая подверженность инонациональному проявилась только в двух селах (Занулье и Поруб), непосредственно контактирующих с соседним русским селом Лойма, а также с русской традицией Спаспорубского с/с.

ГЛАВА II. РУССКИЕ ХОРОВОДНО-ИГРОВЫЕ И ПЛЯСОВЫЕ ПЕСНИ В РЕПЕРТУАРЕ ПРИЛУЗСКИХ КОМИ

Изучение песенно-игровых традиций отдельных регионов является одним из перспективных направлений современной фольклористической науки. В последние полтора-два десятилетия появилось несколько работ, посвященных выявлению специфических черт песенно-игрового фольклора отдельных местностей [Канева 1998, Калашникова 1999, Стародубцева 2001, Савельева 2004]. Особенности жанров игровых, хороводных и плясовых песен проявляются в многообразии их локальных вариантов. К таковым относятся лузская и летская традиции Прилузья, которым и посвящена данная глава. В них отмечается закрепленность песен за двумя календарными периодами – зимние и летние гуляния. Бóльшая часть прилузского материала имеет привязку к Святкам, сведения о летних собраниях скромны, в основном в материлах сохранена этнографическая составляющая, фольклорные же тексты практически не зафиксированы.

Сферы бытования лузской и летской игровых традиций сходны. Функционирование песенно-игрового репертуара на Летке подробно описала Г.С. Савельева [Савельева 2004], поэтому в первом параграфе данной главы мы сосредоточим свое внимание на лузской игровой традиции, неизученной в плане репертуара и функционально-бытовых характеристик. Лузскую и летскую традиции различают сюжетный состав, особенности исполнения песен, степень сохранности материала. Летская традиция характеризуется богатством источникового материала, по лузской представлено небольшое количество записей, к которым даны минимальные комментарии. При характеристике хороводно-игрового фольклора прилузских коми мы во многом опираемся на близкие варианты из русских традиций, а также на содержание текстов. Поскольку в нашем распоряжении нет достаточных сведений о сфере бытования плясовых песен, мы их помещаем в отдельный параграф. Их мы анализируем без выделения локальных особенностей – акцент делается на сравнении с так называемым общерусским репертуаром.

§ 1. Хороводно-игровой репертуар лузских коми

Самые ранние описания молодежных увеселений у лузских коми встречаем в записях А.М. Шёгрена (1827 г.). В материалах русского академика содержатся сведения

о ношульской вечорке, которая получила местное название *рытва*[74]: «Собираются молодые ребята большими партиями, ходят по улицам, поют у каждого жителя под окошком громкими голосами песни, в которых часто упоминают коляду – хозяева же тем певицам выносят пива, пирогов, сыру, яиц, блинов и ватрушек. А после оконченного хождения собираются все в один дом, где вместе с девицами общим тоном поют песни, ходят кругами, заводят пляски и хороводы (сие игрища называются у зырян яренских шайтан, у сысольских ворсанін, а у лузских рытва) [Шёгрен. Л. 141]. Также в рукописи даны некоторые сведения о летних собраниях молодежи на Лузе (с. Ношуль): «<…> на седьмой неделе после Пасхи <…> молодые юноши и девицы в лучших нарядных платьях сходятся под вечер в парадные места, где и заводят хороводы, играют кругами, поют песни и пляшут» [Шёгрен. Л. 141].

В 1976 г. в с. Летка Ю.Г. Рочев тоже зафиксировал сведения о ношульской *рытва* от И.В. Вахниной, которая наблюдала ее в молодости, когда занималась извозом по тракту Летка – Объячево. Так, в своем отчете Ю.Г. Рочев характеризует ее следующим образом: «Эта вечеринка там называлась рытва сьылӧм [«петь на рытва», букв. «петь рытва» – С.М.][75]. Рытва сьылӧм происходил приблизительно так же, как рытпук или войпук[76] по всему Коми краю, но отличие состояло в том, что рытва сьылӧм приурочивался только к Рождеству с 7 по 14 января. Молодежь договаривалась о каком-либо доме и собиралась на вечер там. С собой несли гостинцы для хозяев (выпечку). Молодежь в нарядных одеждах, сидя вдоль стен по лавкам, пела песни, дети, женщины постарше и случайные гости толпились чуть поодаль у двери и наблюдали за участниками. Кончив одну песню, девушки вскакивали со своих мест и шли навстречу друг другу. На середине поля ряды смыкались, хлопали друг друга в ладоши и тем же порядком шли по своим местам, рассаживались и вновь заводили песни. Какие песни при этом исполнялись, информатор не знает: “А муйя сьылӧны, эг и пӧнимайтлы-а, непӧштӧ нин муй”[77]. Надо думать, песни эти тоже были русские, но репертуар отличный от летского, либо же манера исполнения другая, песни на коми языке рассказчица поняла бы» [Рочев 1976. Л. 4-5].

[74] Рытва – от коми слова рыт – вечер, т.е. вечорка. Судя по имеющимся у нас записям, термин *рытва* имел узколокальное значение и обозначал ношульские рождественские молодежные посиделки. Кроме того, этим термином обозначался девичник, вечер накануне свадьбы у невесты [Жилина 1985. С. 220; Плесовский 1968. С. 34].
[75] Ср. молодежные увеселения в Ношуле, которые наблюдал еще А. Шёгрен (примечание Ю.Г. Рочева).
[76] Рытпук, войпук – посиделка, вечеринка.
[77] А что и пели, и не понимала, не то что еще чего.

Современными информантами из с. Ношуль также отмечается, что вся вечеринка в период Святок называлась «рытва сьывны»: *«Зонъяс кӧзяйкаыслы деньга нуӧнӧ, а ми пирог нуамӧ. Рытва сьылӧнӧ, там сэсся веселятся. Рӧштвоястӧ только, Светтьӧнад. Йӧктасны да сьыласны да быдторсӧ, гармошкой»* [СыктГУ. 13175-42] (Молодые люди хозяйке приносили деньги, а мы пироги. Пели на рытва [на вечорке], там потом веселятся. На Рождество только, в Светтё[78]. Спляшут и споют, да всякое, гармошкой). Участники игрищ, помимо хороводов, устраивали игры. В частности, упоминается игра «в ремень», которая заключалась в следующем: парень бил по ладоням ремнем другого парня, чтобы тот отдал ему девушку [СыктГУ. 1352-3].

Собственно песенно-игровой репертуар лузских коми начал фиксироваться в конце 1920-х гг. Это записи собирателя Трёшко Априка (Африкана Ивановича Серовитова), сделанные в д. Керос (Паневская) Объячевского с/с в 1927 г. Пять «кыдъя роч» (букв. ‘русский с примесью’) текстов отмечены под заголовком «Рёштво сьыланкывъяс Абъячойын» (Рождественские песни в Объячево). Все тексты имеют трансформированную структуру с размытым лексико-семантическим значением. Комментарии, которые приводит Трёшко Априк к песням, позволяют воссоздать контекст их бытования [НМ РК. КП 12493. Л. 81-83].

Записи песенно-игрового фольклора, сделанные известными коми фольклористами, сотрудниками Коми филиала АН СССР, представлены в небольшом количестве. Так, П.И. Чисталев зафиксировал в 1960 г. 7 текстов в с. Объячево, по 4 – в с. Ношуль и в с. Поруб. В 1961 г. А.К. Микушев выявил один текст в с. Ношуль [Микушев и др. 1960-1961]. В ходе совместной экспедиции А.К. Микушева и Ю.Г. Рочева в 1963 г. в лузскую часть района записано 7 песен в с. Занулье, 10 – в с. Читаево, один текст – в д. Керос Объячевского с/с, 2 текста выявлено в д. Юговская Объячевского с/с [Микушев, Рочев 1963]. В материалах этих собирателей отсутствуют сведения относительно функциональной закрепленности песен, их игрового сопровождения. Часть собранных песен – это известные в русских традициях сюжеты: «Уж ты хрен, ты мой хрен», «Бояра, бояра молодою», «Посадили молодец» (рефрен «Дунай, мой Дунай»), «А мы просо сеяли» и др. [Микушев и др. 1960-1961, №№ 34, 36, 41, 50, 51; Микушев, Рочев 1963, №№ 191, 226, 311].

Тридцать семь текстов, хранящихся в ФА СыктГУ (1990-2000-е гг.), записаны в основном в виде фрагментов, пересказов песен, номинальных фиксаций (на уровне

[78] Святки.

воспоминаний о тексте в одной-двух строках). Комментарии о характере исполнения песен и их приуроченности представляют собой лаконичные оценки исполнителей.

Всего в лузском репертуаре нами выявлено 25 песенно-игровых сюжетов в 63 вариантах записи и более 30 описаний молодежных собраний. Нами подготовлено Приложение в виде систематического указателя с описанием данных песенных сюжетов [Прил. II-А].

Таким образом, в архивных собраниях содержится интересный материал по традиции молодежных увеселений у лузских коми. Ранние фиксации дают нам сведения описательного характера, характеризуя саму атмосферу молодежных собраний. В более позднее время, начиная с первой трети XX в., записываются тексты, часто не имеющие комментариев относительно исполнения и разыгрывания. Современные экспедиции (1990-2000-е гг.) выявляют в основном «осколки» текстов и небольшие комментарии к ним.

Самым актуальным периодом для молодежных собраний традиционно были святки. Есть сведения о том, что последним днем гуляний был Степанов день, который отмечался через четыре дня после Крещения [СыктГУ. 1348-4]. Для рождественских игрищ молодежь специально нанимала избу, при этом молодые люди расплачивались с хозяйкой деньгами, а девушки приносили пироги и шаньги [СыктГУ. 1350-24, 1352-3, 1354-32].

Большое внимание уделялось внешнему виду участников рождественских игрищ: *«В январе, в январе, видишь, Рождество-то, январь, шестого Рождество, шестого празднуем. По деревням празднуем да под гармошки ходим. А вот это 14-го числа Выль Новӧй-тӧ год, Старӧй-тӧ год. Тогда розовый сарафан, красивый рубашка этим белыми вышивками, бусы туда всё повесим. Да и зимой тоже в этих, тапочки, не тапочки, а туплями. Вот и пляшем, всю ночь пляшем. Нанимаем еще дом нарочно. Вот и там девушки всё соберёмся, иногда и штук 20 в деревне-то есь девушки-то. Вот и одинаковый костюмчик, одинаково оденемся и вот и всю ночь гуляем. Гармошка есть, гармошка и поём вот эти песни, песни-то всё поём, пляшем»* [СыктГУ. 1373-20б]. Девушки надевали сарафаны одинакового цвета, причем, по сведениям информантов, к каждому празднику цикла (Новый год, Рождество, Крещение) – разных цветов: *«Светтьё – это и есть Святки. От Рождества до Крещения гуляли, нанимают специально дом. Смотреть мы, дети, идём и то хлеб тащим. У матери-то возьмем да смотрим. Они, значит, встанут все в одинаковых сарафанах. <…> И каждый вечер одевают все. В один вечер одного, скажем, красный сатин сарафан, все*

рубашки, в другой вечер зеленый. Если у девушки нет, возьмет у какой-нибудь женщины, чтоб обязательно все в одинаковых сарафанах. И вот так приплясывают целую неделю» [СыктГУ. 13110-58]. В Рождество надевали бордовый сарафан, на Новый год – розовый, в Крещение – голубой [СыктГУ. 1350-24, 13103-19]. В Степанов день, когда заканчивались рождественские игрища, девушки наряжались в белые цветистые сарафаны. По замечанию исследователей, единообразие нарядов было связано со структурированием девичьей группы и демонстрировало ее единство: «Обычай надевать платья одного цвета на определенные праздники или в дни святок давал возможность воочию подтвердить солидарность девичьей группы и создавал реальные предпосылки для ее консолидации» [Морозов, Слепцова 2004. С. 93]. Наличие яркой цветовой гаммы в праздничной одежде участниц заонежских бесёд позволило Р.Б. Калашниковой сделать следующие выводы: «Вся цветовая гамма использованных глубоких красок, прежде всего красного, голубого, зеленого, желтого, представала символикой именно свадебной обрядности, готовности девушки и юноши к браку» [Калашникова 1999. С. 78].

Главными участницами рождественских собраний являлись девушки. На игрищах они выступали в роли «девушек на выданье», «невест», биологически и символически готовых к замужеству, отсюда их активность, раскованная манера общения с юношами в качестве игральщиц. Подобные игрища являлись своего рода «смотринами», на которых молодые люди присматривали себе будущую жену, поэтому атмосфера молодежных гуляний была для девушек большим испытанием, носила для них знаковый характер. В одном репортаже исполнительница назвала весь комплекс рождественских игрищ девичьими гуляньями: *«Девичье гулянье-то заканчивается в Степанов день»* [СыктГУ. 1348-4]. Молодые люди на таких собраниях играли пассивную роль – они сидели и смотрели на происходящее.

В исполнительской терминологии песни, которые звучали на этих собраниях, обозначались как «*рöштво сьыланкывъяс*» (рождественские песни): *«Тайö рöштвонад чукöртчисны да рöштво сьыланкывъястö сьылісны»* [СыктГУ. 13163-14] (Это в рождество собирались и рождественские песни пели). Добавим, что это обозначение не приурочено строго к Рождеству: исполнители включают игровые песни в репертуар любого времени года, называя их «рождественскими» [Савельева 1995. С. 74]. По словам исполнительниц, эти песни входили в репертуар молодежи, их пели, «*когда были молодые. Вот с пятнадцати лет, но и докуда замуж не выйдёшь*» [СыктГУ. 1373-20б]. По замечанию Н.И. Дукарт, у некоторых групп коми бытовал определенный

круг песен (в основном плясовых), исполняемых только в Святки. В Прилузье, как отмечает исследовательница, такой песней стала «Пивовар, пивовар молодой» [Дукарт 1978. С. 93][79].

Практически все песни, входящие в лузский игровой репертуар, были усвоены из русских традиций. Более ранние фиксации лузского репертуара представляют собой искаженные тексты «кыдъя роч» (букв. «русский с примесью»). Песни, записанные в 1960-е гг., уже не содержат лексических трансформаций. В соседней летской традиции весь песенный репертуар бытовал на «понятном русском» языке, что связано, скорее всего, с более поздней фиксацией этого пласта фольклора на Летке. Как отмечает Г.С. Савельева, проблема игровых хороводных песен «тесно связана с проблемой фольклорных заимствований, которые во многом определили специфику как песенного фольклора коми в целом, так и игрового в частности. Севернорусский песенно-игровой фольклор, воспринятый вместе с основными формами праздничного поведения, стал органичной составляющей всей традиционной культуры коми» [Савельева 2007а. С. 51].

Часть хороводно-игровых песен лузских коми исполнялась на родном языке. Припевки, которые А.К. Микушев обозначил как «величальные песни», звучали в лузской части района как на русском, так и на коми языке. В прилузских традициях они были приурочены к свадьбе, Рождеству, а также, по словам исполнителей, их могли исполнять в любое время. А.К. Микушев дал следующую характеристику прилузских величальных песен: «Как и на Сысоле, широко бытуют величальные песни. Но здесь яснее чувствуется деформация их бытовой функции. Они не приурочиваются к каким-либо определенным моментам жизни, хотя, по словам певиц, величания исполнялись на пирах (столуйтiгӧн), на свадьбах. Однако тут же сами певицы добавляют о тех же песнях – “кӧть кор сьыв”[80]. Такова, например, функция песни-величания “Ивансӧ да Аннасӧ гын доддьӧ пуксьӧдам”[81], “Клавдия бобӧӧй”[82]. Интересна величальная песня “Зиль-зиль-зиль гулю-козел”. Она исполнялась на вечеринках, как и ижемская “Зили-зёли колип кузя”. Но здесь более ярко говорится “пӧскӧтился” – “пӧзабылся” о козле. Козел – любимый персонаж прилузских игровых песен (ср. “Кӧзёвыс лук потшӧссӧ

[79] К сожалению, Н.И. Дукарт не приводит текст этой песни. Добавим, что нами выявлена песня «Пивӧ, пивӧ вари, мӧлӧдӧй» в с. Читаево [Микушев, Рочев 1963, № 224]. Возможно, именно об этой песне идет речь.
[80] Хоть когда пой.
[81] Ивана и Анну посадим в войлочные сани.
[82] Клавдия бобо.

пӧрӧдӧма”[83]). Величальные песни в Прилузье пелись и на Рождество. Такова “Свое вое Миколай”. Она близка к общекоми величаниям, но у нее имеются свои особые образные краски – поэтические сравнения, которые в других величаниях не так уж часто употребляются. На Рождество исполнялась коми величальная песня “Анна пижӧн катӧ”[84]» [Микушев, Рочев 1963. Л. 37-38].

Часть величальных и игровых комиязычных песен опубликована А.К. Микушевым в сборнике «Коми народные песни». Так, сюда вошли шуточная игровая песня «Козев лук потшӧссӧ пӧрӧдіс» (Козел-то наш забор повалил) [КНП I, № 57], две величальные игровые песни «Кӧті гоз кывтӧ» (Пару чуней сносит), «Своево ево» (Своего его) [КНП I, №№ 64, 65] и одна величальная «Анна пыжӧн катӧ» (Анна в лодке плывет) [КНП I, № 66]. Добавим, что жанровые характеристики песен определены составителями сборника.

В лузской традиции известная хороводно-игровая песня «А мы просо сеяли» бытовала и на русском, и на коми языке. Заметим, что все комиязычные тексты песенно-игрового фольклора были выявлены только в лузской части района. У летских коми зафиксированы только русскоязычные песни.

Репертуар игрищ на Лузе включал в себя песни игровые, хороводные, хороводно-игровые (исполнялись в кругу и в хороводе «ряд на ряд» («воча-воча» – букв. «навстречу-навстречу»)). Кроме того, зафиксированы песни с припеванием пар. Плясовые песни прилузских коми («йӧктан сьыланкыв») рассматриваются нами в отдельном параграфе, поскольку у нас нет достаточных сведений об их функциональной приуроченности. Дадим характеристику хороводно-игрового репертуара лузских коми.

Песня **«Марпа пӧ сидят-кодят»** (Марфа сидит-ходит), как нам кажется, вполне могла звучать в начале игрищ, то есть исполняться при наборе хоровода, поскольку здесь на первый план выносится ритуальная семантика перечисления как структурирующего, организующего элемента игрищ, закрепляющего весь игровой социум. Тем самым происходило приглашение всех участников к началу игрищ. Песня зафиксирована в единственном варианте [Прил. II-А, № 1]. В контексте перечисления действий (правда, не всегда четко выраженных), возникают имена девушек:

Марпа пӧ сидят-кодят,

[83] Козел забор повалил.
[84] Анна плывет на лодке.

Крен да капуста садит,
Лавки пӧ лавки Олёнка,
Повозкой гулела Окулина,
Мӧскӧй ко <Софья>,
Баню топила Устиньня,
Воду носила Крестиньня,
Лавки пӧ лавки Оленка [Микушев, Рочев 1963, № 210].

Называние женских имен связано, скорее всего, с ведущей ролью девушек на игрищах. Подобное перечисление с указанием на выполнение определенных действий встретилось нам в песне из собрания А.И. Соболевского, ср.:

Кума-то к куме приходила,
Кума-то куме говорила:
А что у вас в городе за вера?
Женский пол на начале:
Старостой – Варвара,
Выборный –Татьяна,
Скорое писемце – Кулина,
К Москве гонит – Катерина,
То ткалья, то прялья – то Марья,
То шитая ширинка – Аринка [Соб. VII, № 383 (Архангельск. губ., Онега)].

Заметим, что в коми традиции бытовала песня «Саръя-саръя, Татьяна, выборнӧя Ӧлена…» (Саръя-саръя (своенравная) Татьяна, избранная Алёна), которая также строится на нанизывании женских имен. Данный текст был опубликован в 1926 г. В.А. Савиным [Савин 1985. С. 57].

У летских коми зафиксирована близкая песня с зачином «Девушки, не сидеть пришли», которая исполнялась при наборе хоровода. В тексте маркируется роль девушек как главных участниц игрищ [Прил. II-Б, № 2].

Близкие варианты из русских традиций позволили нам условно отнести к собственно хороводным песню **«Собиралися девушки да собиралися красную».** Возможно, она сопровождала наборный хоровод. Текст строится на мотивах «девушки собирались в круг», «свекор-батюшка не прелесть» [Прил. II-А, № 2]. Песня демонстрирует «противостояние» двух сторон: с одной стороны, желание девушек погулять («собиралися девушки да собирай своя девновой круг»), с другой стороны, образ свекра-батюшки, который запрещает гуляние. Отметим, что этот запрет реализуется в тексте через оригинальное словосочетание, характеризующее свекра: «секар-батюшко не да прелесть». Контрастность в песне подчеркивается также через появление образа батюшки («каково была батюшко, таково же лютая секарӧ»). Мотив «девушки собирались в круг» сближает лузскую песню с вариантом из нижневычегодской традиции [СыктГУ. 0811-16, 0817-2, 0831-6].

В песне **«Пивӧ, пивӧ вари, мӧлӧдӧй»** (Пиво, пиво вари, молодой), которую мы также условно отнесли к группе наборных хороводов [Прил. II-А, № 3], реализуется

свадебный мотив пивоварения. Обращает на себя внимание слово «штем», возникающее в этом мотиве: «это штем будем пивö-тö пить, это штем будем варитенö, это штем голова веселой». Возможно, это слово близко по своему значению к русскому слову «что». В тексте появляется образ молодых целовальников, которые «свекор-батюшку не спривели». В финале раскрывается мотив «девушки собирались да сöветы советами, Богу мольнича, Спасу кланяешься». Реализация этого мотива, а также возникновение образа свекра-батюшки в какой-то степени сближают этот текст с предыдущей песней.

В лузских записях выделяются игровые песни, исполнявшиеся в хороводах двух разновидностей: линейных и круговых.

При разыгрывании хоровода «ряд на ряд» («воча-воча») девушки становились двумя шеренгами друг напротив друга и поочередно подходили друг к другу. При этом в шеренги вставали не в хаотичном порядке, а по голосам: *«Став параöн султö. Öтiгас öтiг ряд, мöдорас тадзи. Сэсся вед гöлöсыд оз артмы, так на выбор. Коді ешö пöрысьджык нылъясыс, так на выбор. Выберитöнö: тэ татчы султ, тэ этчы султ. Или мöдорад колö этчы султны, сэтчы султ»* [СыктГУ. 1354-32] (Все встают по парам. В одном месте ряд и в другом также. Потом ведь голос не получится, так на выбор. Кто еще постарше из девушек, так на выбор. Выбирают: ты сюда становись, ты туда вставай. Или в другое место надо сюда встать, туда встань).

Хоровод «ряд на ряд» в исполнительской терминологии обозначался как *«радöн ветлыны»* (ходить рядами), *«воча-воча ветламö»* (ходим ряд на ряд), а также использовались русские слова, такие, как «пласты» и «ширинки». Заметим, что слова «пласты» и «ширинки» употреблялись лишь в русскоязычных репортажах [СыктГУ. 1348-8, 11; 1373-23], когда собирателю, который не владел коми языком, исполнительницы пытались объяснить разыгрывание песни. Нами не были найдены близкие наименования этим хороводам в русских традициях. Возможно, слово «ширинки» возникло в речи информанта по аналогии с русским словом «шеренги». В местной традиции, таким образом, выработалась своя терминология для характеристики русскоязычных песенных текстов. Данный тип хоровода сопровождался песнями «Воча-воча ветламöй» (Ходим ряд на ряд), «Пöкöди да пöпляши» (Походи да попляши), «Бояра, бояра молодою», «А мы просо сеяли», «Каковой у вас добрöй молодеч да жениче?» (Каково у нас добрый молодец да женится?).

По словам исполнителей из сел Объячево и Читаево, песня **«Воча-воча ветламӧй»** (Ходим ряд на ряд) исполнялась первой на лузских рождественских игрищах. Имеется 2 записи этого сюжета. Зачинный стих комментировал форму исполнения песни. Так, ее хореография дается исполнительницами следующим образом: *«Тут одна ширинка, а там другая ширинка, девушки. Там стоят, может быть, пять, шесть, семь. И тут тоже так. <…> Этот сторону идут и тот сторону идут»* [СыктГУ. 1373-20б]. Нами выявлен лишь фрагмент:

Воча, воча ветламӧй
Да сьӧлӧм вылад лӧсьыдджык,
Да, ой, сьӧлӧм вылад лӧсьыдджык.

Ходим ряд на ряд
И на сердце веселее,
Да и на сердце веселее [СыктГУ. 1373-21].

Данная песня соответствовала веселому настроению присутствующих, способствовала «настраиванию на игру».

За ней следовала песня **«Пӧкӧди да пӧпляши»** (Походи да попляши) [Прил. II-А, № 4], которая также была связана с возвратно-наступательными движениями, кроме того, предполагала поцелуйное завершение: *«Там тоже ширинка стоит, и тут девушки. Одинаково всё одето. Тадзи, тадзи. Вот кутчысьӧнӧ, да сьылӧнӧ, да йӧктӧнӧ* (Так, так. Вот держатся, и поют, и пляшут). *Поют, а потом обратно, потом обратно вот так. Очень хорошо. Ну ширинка-то, но какой комната. Сколько там девушки. В одну сторону девушки и другая»* [СыктГУ. 1373-23]; *«Ешӧ йӧктiгтырйи тайӧ колӧ сьылны. Воча ставыс, кызь морт. Сiя радын, гашкӧ, дас вит морт, может, кызь морт. Да сiямыд ешӧ воча, тадзи воча. <…> Воча-воча, радӧн. Кык радыс. Ӧтiг рад и мӧд рад. Сэсся воча-воча ветлам. Сэсся нин менӧ кольльӧнӧ тадзи. Сэсся первойсяньыс окасьныс заводитчӧ сiя ӧтiг морт. Кӧтшас ешӧ нывкаясӧс сувтӧдӧнӧ, том нывкаясӧс. Нывкаястӧ и быть окал, окалӧнӧ. Комын мортӧс муköд том мортыс сiя рытнас окалӧнӧ, комын мортӧс»* [СыктГУ. 1354-33а] (Еще приплясывая надо исполнять эту песню. Все [становятся] в ряд, 20 человек. В этом ряду, может быть, 15 человек, может, 20 человек. Да им напротив еще ряд, так вот ряд. <…> Ряд на ряд, рядом. Два ряда. Один ряд и второй ряд. Потом ряд на ряд ходим. Потом уже меня провожают так. Потом, начиная с первого, начинает целовать это один человек. К порогу еще девочек ставят, молоденькие девочки. Девочек и надо целовать, целуют. Тридцать человек некоторые молодые люди в этот вечер перецелуют, тридцать человек)[85]; *«Сэсся весь народыд, коді желайтӧ, окасьны колӧ кыскыны, став йӧзсӧ колӧ сьылӧдны. Сiя сьылӧдiгад колӧ мӧд мотив, мотивыс колӧ мӧд»* [СыктГУ. 1354-29а] (Потом весь

[85] Можно предположить, что, как в некоторых русских традициях, начинали целовать с маленьких девочек.

народ, кто желает, целоваться надо тянуть, всех людей надо припеть. При этом припевании надо другой мотив, мотив надо другой). Отметим, что самими исполнительницами осознается, что припевание осуществлялось на другой мотив. Добавим, что символическое «переженивание» молодых людей со всеми присутствующими девушками – постоянная тема многих посиделочных игр [Морозов 1998. С. 72].

Исполнительницами из с. Объячево отмечается, что песня «Пӧкӧди да пӧпляши» звучала после песни «Воча-воча ветламӧй», то есть была второй на рождественских игрищах [СыктГУ. 1373-23]. Единственный наиболее полный вариант этой песни выявлен в с. Читаево. В ФА СыктГУ имеются лишь записи-пробы и упоминания о ней [СыктГУ. 1354-19, 29, 33, 33а, 35а; 1373-20, 20а].

Несмотря на «размытый» в смысловом отношении текст, в нем отчетливо выделяются образы мужа, который не боится жены («тӧда не боюся жены»), и замужней женщины, которая не страшится своего свекра («тӧда не боюся жены да от того свекӧра»). В песне просматривается тема разгульности, снятия запретов, что являлось характерной чертой для молодежных собраний. Кроме того, в тексте вычленяются детали одежды («куни бӧръя пуговки», «плетен шӧлкӧвӧе»), что можно связать с раскрытием мотива величания молодцу. Как и в песне «Воча-воча ветламӧй», развиваются призывы к движению, пляске, что связывает содержание текстов с действиями участников.

По сообщению исполнителей из с.с. Объячево и Читаево, третьей в хороводно-игровом комплексе после песен «Воча-воча ветламӧй» и «Пӧкӧди да пӧпляши» звучала песня **«Кругом-ко кругом да сӧкӧла летела»** [Прил. II-А, № 13], при этом участники двигались по кругу: *«Да, потом кругом. Там сидят мужики, но кавалеры да что да. И мы им напоём, сьылӧдам* (припоем – С.М.). [Мужикам потом поёте?]. *Да, мужики сидят они. Мужики-то ведь сидят. “Кругом кругом да сокола летит, сокола летит”. Ой, кузь сія песняыс. Йӧктан толькӧ, йӧктан. Старӧясыд сьылӧнӧ, йӧктӧнӧ, а ми видзӧдам* (Ой, длинная это песня. Пляшем только, пляшем. Старые поют, пляшут, а мы смотрим) <…> *Парней вызываем. Там парни поют и некоторые»* [СыктГУ. 1373-23, 24]. Текст песни зафиксирован лишь в отрывке: «Кругóм-ко кругóм да сӧкола летела, // Радӧсь пӧ радӧсь, солнце катетью…». Возможно, это фрагмент хороводной игры, в которой юноша-сокол выбирает невесту. Близкий вариант, выявленный нами в традиции Архангельской области, имел зачин «Кругом кругом да солнце катилось, // Рядом рядом бояра все едут» [ЛРС, № 274].

При исполнении песни **«Каковой у вас добрӧй молодеч да жениче?»** (Каково у вас добрый молодец да женится?) [Прил. II-А, № 5] девушки вставали рядами («пластами») и величали молодого человека[86]: *«Один ряд стоят, тут второй ряд стоят. Запевают, первой-то запевалки, потом повторяют»* [СыктГУ. 13103-17а]; *«Они, значит, встанут все в одинаковых сарафанах. В одну сторону и другую, друг против друга, ряд. Человек 10 в одну строну и другую человек 10. И я только помню это, приплясывают и идут: "Каково у вас добрӧй, добрӧй молодеч да женичей". И обратно они отходят. А другие опять приплясывают, к ним идут: "А у нас-то женичей да молодичкӧй"»* [СыктГУ. 13110-58]. Заметим, что коми исполнительницы осознанно воспроизводят содержание песни: *«Парень, с головы до ног одевают, женика, вот это пели в Рождество.* [А какого парня, любого?]. *Нет, вообще, там в песне идет, так просто. Сперва волосы кудреватая, ся рубашкой одевают, потом желёткой. До ног, до сапога, до портянки всё это одевают жениха. Мы соберёмся и вот так поём. <…> Раньше всё время пели, я еще девочкой маленькой была. Ходила, надо учиться нарочно»* [СыктГУ. 1348-3а]. В то же время указывалось, что количество участников в каждом ряду должно быть четным.

Текст песни обыгрывал тему «женитьба добра молодца». Его содержание связано с опеванием внешности жениха: волос и одежды. Заметим, что образ кудрей («вӧлӧсӧй кудриватые») – знак готовности молодого человека к женитьбе. Общую последовательность опевания молодца можно представить следующим образом: сначала описываются волосы молодца, а затем даются детали одежды. Всего нами выявлено 4 варианта данной песни [Микушев, Рочев 1963, № 293; СыктГУ. 1331-18, 13103-18, 27], а также зафиксированы записи-пробы и упоминания о ней [СыктГУ. 1348-3, 13105-1, 2, 13110-58]. Описание одежды молодца в текстах варьируется. Так, среди общих деталей одежды в тексте присутствуют: ***рубашка*** («рубашки бумажные», «рубашӧй Ольӧксандровскӧй» (рубашка Александровская)), ***штаны*** («штаничӧй плисӧвӧй» (штаны плисовые), «штаничеки да суконные»), ***пояс*** («поясӧй да лендочкой», «пӧячӧй ёсьтӧн кыӧм» (пояс, вязанный спицами), «поясӧй нывъяслӧн

[86] Руководитель народного хора с. Объячево Е.В. Галева (1918 г.р.) добавила некоторые «нововведения» в исполнении этой песне и, в частности, появление корзины при описании одежды молодца: «Это на нем все одето. Если его нет, у них все в корзине. Они показывают. Когда поют, каждый друг к другу приплясывая подходит. Подходит, а потом шагом отходит. Приплясывая подходит, а шагом отходит. Отходит, не пляшет, просто шагом. [А если здесь этот молодой человек?] А он ничего. Он стоит или сидит. На нем не показывают» [СыктГУ. 13103- 27а]; «"Каково" – в Рождество пели, это тоже без гармошки. Стояли друг против друга, парни сидели, не участвовали. Иногда сажали: одна сторона женщин садит вперед парня, чтобы показать, какой у нас жених. По несколько человек, по 5, скажем» [СыктГУ. 1349-24].

сетӧма» (пояс, подаренный девушками), «пояски да солдатские»), ***сапоги*** («сапичей вытяжнӧй» (сапоги вытяжные), ***шапка*** («шапичӧй сӧбӧлинӧвӧй» (шапка соболиная), «шапкачей круглӧй саратовскӧй» (шапка круглая саратовская)), ***рукавицы*** («рукавичӧй шеретӧвӧй» (рукавицы шеретьевские[87]), «рукавичкӧй ёсьтӧн кыӧма» (рукавицы, вязанные спицами)), ***портянки*** («портянки да суконные», «пӧртянки калин бумажнӧй» (портянки калин бумажные)). Кроме того, в текстах встречаются такие детали, как ***жилетка*** («желётки да машинаӧн вурӧмӧн» (желетка, сшитая на машине)), ***пиджак*** («пиньшачи да магазинское» (пиджак из магазина)), ***шабурка***[88] («шабуркӧй»), ***галстук*** («галстукӧй ёсьтӧн кыӧма» (галстук, вязанный спицами)), ***сюртук*** («сюртучӧй суконнӧй» (сюртук суконный)), ***чулки*** («чулӧчӧй горечкӧй»[89]), ***сапоги*** («сапогей вытяжные» (сапоги вытяжные)), ***зипун*** («зипунӧй нижнегӧрёчкой»[90]), ***кушак*** («кушачей краснӧй борскӧй» (кушак красноборский)). В одной записи походка молодца названа московской и купеческой («покодка мӧскӧвскӧй да купечикӧй») [Микушев, Рочев 1963. Л. 293].

По словам исполнительниц, после этой песни молодец, которого опевали, должен был целовать девушек [СыктГУ. 1348-11].

Один вариант заканчивается мотивом «прия тебе любо, прия тебе хорошо», что роднит его с мотивами припевочных песен «Светланушкаӧй, любӧ» / «Априканӧй, любӧ» [Прил. II-А, №№ 19, 19а]:

Каково у вас доброй, доброй молодечей, покодка,
Ой, да покодка?
Вот у нас, доброй, доброй молодечей покодка,
Ой, да покодка мӧскӧвскӧй да купечикӧй.
Ой, прия тебе любо да
<…> прия тебе хорошо [Микушев, Рочев 1963, № 293].

Заметим, что вопросно-ответное построение сближает эту песню с русской песней «Бояра», которая строится на диалоге бояр и княгинь, а также включает описание внешности молодого человека.

Мотивы величания жениха, внимание к одежде, «женитьбы добра молодца» содержатся в лузской песне **«Бояра, бояра молодою»**. Сюжет довольно широко распространен в русских традициях [Прил. II-А, № 6][91]. В репертуаре лузских коми он зафиксирован в одном варианте без комментариев относительно исполнения. Наиболее близким вариантом к прилузскому тексту является песня из вятского репертуара

[87] Исполнительницами не уточняется значение этого слова.
[88] Исполнительница прокомментировала как пальто.
[89] Возможно, чулки городские.
[90] Возможно, зипун нижегородский.
[91] Мотивы и подборка русских вариантов текста в кн.: [Морозов 1998. С. 177-182].

(Нагорский район) [ВФ, № 439][92]. В отличие от вариантов русских традиций, лузский текст строится не как диалог бояр и княгинь, а как обращение к «боярам» с вопросом «Пошто, бояра, светлою приходите, приезжаете?», который выступает в песне в качестве рефрена. Также в тексте возникает вопрос о внешности бояр. В песне описываются детали одежды молодца: рубашка шелковая, штаны суконные, ремень лаковый. Отметим, что в русских вариантах описание одежды жениха дается без украшающих эпитетов[93]. Таким образом, в традициях прилузских коми возникла оригинальная версия этого популярного сюжета.

У лузских коми бытовала широко известная в русских традициях хороводно-игровая песня **«А мы просо сеяли»** [Прил. II-А, № 8]. Она зафиксирована на русском и коми языках по одному варианту. Текст на русском языке был записан П.И. Чисталевым в 1960 г. в с. Ношуль [Микушев и др. 1960-1961, № 51]. Фрагмент на коми языке зафиксирован А.К. Микушевым и Ю.Г. Рочевым в 1963 г. в с. Зануле:

А ми проса кӧдзамӧ, кӧдзамӧ,
Ӧдин ладо кӧдзамӧ, кӧдзамӧ.
А ми проса талялам, талялам,
Один лада талялам, талялам [Микушев, Рочев 1963, № 157].

Запись также не содержит сведений относительно характера исполнения и определяется собирателями как трудовая. В русских традициях участники становились рядами, которые поочередно подходили друг к другу[94].

К круговым хороводам мы отнесли песни «Расколися, N, на четыре грани», «По тискам я дубӧвӧй, дубӧвӧй» (По тискам я дубовой, дубовой). Они были связаны с выбором пары, содержали поцелуйную формулу – в конце песни паре необходимо было поцеловаться.

При исполнении песни **«Расколися, N, на четыре грани»** [Прил. II-А, № 12] сначала припевали («сьылӧдісны») девушку, которая находилась внутри круга:

Рӧсколися, Марьюшка, да на четыре граннӧй,
Ок, ты любишь чужӧй грӧш да тово душ Иванӧй.
Стелю, стелю перина да стелю пуковӧй я,
Стелю, стелю пӧдушечка, стелю пуковӧй я,
Кому дарю я платочек, тово поцелую [СыктГУ. 1354-11].

[92] В вятской традиции разыгрывание происходило следующим образом: «Девушки и парни становятся в две шеренги друг против друга, поочередно наступая на запеве и отступая на припеве. Тот, кто выбран женихом, по ходу игры демонстрирует всем свои наряды – сюртук, сапоги, в конце песни “бояре” выхватывают из ряда “княгинь” девушку» [ВФ. С. 96].
[93] См., например, в песне из традиции Нагорского района Кировской области: «Бояре, да покажите сюртуки, // Княгини, да это ли не сюртуки; Бояре, да покажите сапоги, // Княгини, да это ли не сапоги; Бояре, да без подошвы сапоги, // Княгини, у нас с подошвам сапоги, // Да молодые, у нас с подбором каблуки») [Выходцев 1990, № 12; ВФ, № 439].
[94] См.: [Морозов, Слепцова 2004. С. 429-431].

После величания девушка подходила к молодому человеку, давала ему платок и целовала его. Данный момент поддерживался и на уровне текста: «Кому дарю я платочек, того поцелую». Один из образов, вокруг которого концентрируется действие – это образ постели («Стелю, стелю перина да стелю пуковӧй я, // Стелю, стелю пӧдушечка, стелю пуковӧй я»). Эта песня могла исполняться и для молодого человека. В этом случае в тексте возникает дополнительный мотив поиска жены. Кроме того, мы можем наблюдать замену слова «граннӧй» на слово «браннӧй»:

Расколися, Иванушко, на четыре браннӧй, …
Надӧ жену молодую, надӧ бӧярыню,
Кому дару я платочек, тово поцелую [СыктГУ. 1354-12].

Тот, кого вызывали, плясал в кругу [СыктГУ. 1348-6, 11][95]. Всего нами выявлено 7 вариантов песни, а также упоминания о ней в некоторых интервью. Отдельные ее мотивы встречаются в сюжетах из русских традиций, в частности, мотив приготовления постели (перины, подушки) [Соб. VII, №№ 524-530; ЛРС, № 277; ВФ, № 436]. В целом сюжет популярен в Прилузье [Прил. II-А, № 12].

В лузской традиции зафиксирована песня **«Посадили молодец, посадили удалец»** [Прил. II-А, № 17], которую мы отнесли к разряду игровых. В русских вариантах она зафиксирована с зачином «Вдоль по улице в конец шёл удалый молодец». Комментарии о разыгрывании минимальны: *«Ставят скамейку, садятся вдвоем: девушка и парень. Поют как-то, не умею. Вунӧдчи. Кутчысьӧмӧн пукалӧнӧ* (Забыла. Сидят, держась (?) – С.М.). *Им споют, они целуются. “Парень девушку целует…шапочку…”. Эти поцелуются, потом другие садятся»* [СыктГУ. 13175-42]. Лузский текст песни позволяет представить в общих чертах саму игру и частично реконструировать игровой контекст[96]. Разыгрывание построено на проявлении симпатии или антипатии девушки и молодого человека («Дуная»), который садится на стул и бросает шапку. Акциональный и песенный текст совпадали: «Молодец девка целуй, // Ему шапочку долой», «Сам возьму, на тебя наложу». Отметим, что у летских коми эта песня бытовала с зачином «Вдоль по улице конец шёл удалой молодец» [СыктГУ. 1345-29].

[95] Е.В. Галева, руководитель народного хора, добавила, что величание предварял игровой элемент: брали корзинку с предметами, кто вытаскивал кольцо, того величали: *«Тая ичӧтик дозторас эм и тшунькытш, эм и лента, эм и гребенка, эм и помада. Бӧрйӧ нывъяс, бӧрйӧ нывъяс, ассьыныд шудтӧ корсьӧ»* [СыктГУ. 1349-25] (В этой небольшой корзине есть и кольцо, и лента, и гребенка, и помада. Выбирайте, девушки, выбирайте, девушки, свое счастье ищите). Если нет кольца, берут платок: *«Кодлы сюрас вот тайӧ платокыс, сiялӧ мӧдам сьылӧдны»* [СыктГУ. 1349-25] (Кому достанется вот этот платок, его будем величать).

[96] Данная игра описана в книге: [Морозов, Слепцова 2004. С. 424].

В лузском репертуаре выявлен один вариант игровой песни **«Уж ты крен, ты мой крен»** [Прил. II-А, № 18]. Ее сюжет широко распространен в русских традициях[97]. Комментарии к лузской песне отсутствуют. В песне отражены главные персонажи («хрен», «продавец», «покупатель»), но мотивы купли-продажи «хрена» и его выдергивания реализуются в тексте не полностью, поэтому сюжет кажется несколько размытым, ср.:

Еще едут бояра
Да завидели девицу.
За нашего братца,
За грамотничка,
За серебряничка,
По желтому-то песку
Да по крутому бережку [Микушев, Рочев 1963, № 191].

Ох, ехали бояра из Нова-города,
Увидели девчушку на крутом берегу,
На жёлтом песку:
– Продай, девушка, венку,
Продай, красавица, хренку.
Выдерну хренину, отряхну,
Поставлю, брошу о землю
На место, на местечко [ТФВРАО, № 2].

Отметим, что в летской традиции игровая песня «Крен, мой крен, гӧрӧдӧчкӧй крен» была одной из самых популярных (21 вариант записи) [Прил. II-Б, № 15].

С опорой на близкие варианты из русских традиций к разряду хороводно-игровых мы отнесли несколько сюжетов. Так, в песне **«Солнышко, да не стой высоко»** [Прил. II-А, № 8] описываются жалобы-обращения девушки к отцу («почём пива не варишь дай замуж не даёшь»), к матери («почём пирог не пекла дай замуж не даёшь»), к сестре («забрал сестрица да забрал сестрица»). Исполнительницы добавляют, что текст этим не заканчивается – в нем появляются образы брата, крестного и крестной, к которым девушка также обращается с сетованиями об отказе в замужестве. В эту же группу мы включили песни «Еще царю, по еще царю», «Ищется да ищется», «Пӧ шу морею да юсь по морю», «А уж по морью, морью синею», «Ехал Дунай».

Фрагмент песни с зачином **«Ехал Дунай»** [Прил. II-А, № 11] записан в с. Объячево. В песне встречается образ молодца, а также дается описание коня и конской упряжи:

Ехал Дунай, ехал Дон,
Ехал к речке мой Дунай,
Пара коней брӧнӧй,
Да узды, узды тасмакнӧй,
Да стрименочки золотой,
Да подруженька шёлковой [Микушев, Рочев 1960-1961, № 36].

У печорских коми песня бытовала с зачином «Около Дону» и исполнялась в кругу на летних гуляниях[98].

[97] Морозов, Слепцова 2004. С. 455-458.
[98] Ср.:

В традиции лузских коми зафиксированы песни «Еще царю, по еще царю», «Ищется да ищется», в которых «опознается» сюжет поиска царевичем своей невесты [Прил. II-А, №№ 15, 16], довольно широко распространенный в русских традициях[99].

В песне **«Еще царю, по еще царю»** отчетливо «считываются» образы царя, короля, но в целом невнятно передается сюжет поиска и нахождения невесты, образа которой не возникает. Образ города, вокруг которого ходит царевич, в лузской песне оформляется словами «ёна вед гӧрӧда, ёна вед широка». Отметим, что слово *ёна* переводится с коми языка как *очень*:

Еще царю, пӧ еще царю,
Сон ю, мимо ю,
Королю ю, мимо ю.
Ёна вед гӧрӧда,
Ёна вед широка.

Мотив нахождения невесты реализуется в тексте словами «восыскачӧ» (возможно, русское «сыскал»), «поставлю в середине базара», «в середине широкого базара»:

Поставлю, поставлю
В середине базара,
В середине широкого базара.
Пӧтез королю,
Восыскачӧ, восыскачӧ,
Да пӧтерь сысаръя[100],
Да пӧтери королю.
Черною, дрою на
Ношульскӧй да базаровскӧй [СыктГУ. РФ 13-VI-7].

В песне появляются оригинальные детали: широкий базар, ношульский базар, король. Добавим, что малопонятное *ю* в лузском игровом тексте встретилось нам в плясовой песне «С кандалы ты ю далы»:

С кандалы ты ю далы,
Да ю да лы ты седалы,
Как нога ты седалы.
Ю не штук,
Двенадцать штук.
Ю ехали-переехали [СыктГУ. РФ 13-VI-12].

Возможно, для исполнителей слово *ю* имело определенное значение, или они заменяли им другие слова, которые не удалось усвоить.

«Окол Доны, окол Доны, // Окол <…> Дунаю // Молодой драгун гуляет, // Пара коней вороные, // Узды, узды золотые. // Принимайся, принимайся, // Догадайся, догадайся, // Се душа красна девица, // Стоял любилсе, приголубился» [СыктГУ. 1911-23].

[99] Хороводная игра с символикой свадьбы «Царев сын, королев» проанализирована в книге И.А. Морозова, И.С. Слепцовой [Морозов, Слепцова 2004. С. 415-418].

[100] В оригинале – Сысаръя. Возможно: «сы саръя», «саръя» – от «царь».

В песне **«Ищется да ищется»** также содержится образ короля. Поиск невесты раскрывается через выражение «ищется да ищется». В песне возникает образ города («она вед и гöрöда»):

Ищется да ищется,
За молю, молю да,
Королю молю да,
Королю молю да,
Она вед и <нрзб> да,
Она вед и <нрзб> да,
Она вед и гöрöда да.

Нахождение невесты Аннушки Васильевны передается трансформированным русским выражением «вот и сыскачö» (предположим, «вот и сыскал»). Завершается песня, как и в русских вариантах, поцелуйной формулой:

Вот и сы скачö да
Аннушкаанöй,
Вот и сыскачö да
Васильевнатö,
Целует он да редко,
Целует он да правду [Микушев и др. 1960-1961, № 34].

Отдельные лексемы и выражения помогают узнать в этих размытых текстах хорошо известный хороводно-игровой сюжет типа царева сына. Два варианта этого сюжета содержат одни и те же сочетания слов: «Королю ю, мимо ю» – «Королю молю да»; «Ёна вед гöрöда» – «Она вед и гöрöда»; «Восыскачö» – «Вот и сыскачö». Раскодирование текста, его атрибуция помогают «прочитать» данные лексически трансформированные тексты. Содержащиеся в песнях местные формулы «говорят» о творческой переработке прилузских певиц этих сюжетов.

К рождественскому репертуару относится также песня **«Пö шу морею да юсь по морю».** Она зафиксирована в пяти вариантах и не сопровождается сведениями о разыгрывании [Прил. II-А, № 9]. В песне «просматривается» мотив встречи девушки и юноши, дается деталь одежды молодца (шапка соболиная). Финальный мотив песни – девушка сначала не кланяется, а потом кладет поклон молодцу. Близких вариантов в русских традициях нами не обнаружено. Возможно, здесь мы можем говорить о творческой обработке известного сюжета «Уж по морю синему» с мотивами «молодец убивает лебедь», «девушка собирает перья на подушку» [101]. В лузской традиции записан лишь фрагмент этой песни с зачином **«А уж по морью, морью синею»** [Прил. II-А, № 10], в котором раскрывается мотив «по морю летит голубь с лебедятами». В

[101] В Лузском районе Кировской области песня разыгрывалась следующим образом: «Она хороводна. Забирает круг девчат. Вот и ходят, поют. В середине круга девушка ходит и машет “крыльями” (руками) и два пацаненка идут за ней. Приходит парень. Эти уходят – парень убил их: в ладоши схлопнул. Выходит девушка. Она перья собирает, а парень ей в лицо сзади старается заглянуть. Она отворачивается, тогда он ей грозит. Она повернется, возьмет за руку и ходят во кругу» [ВФ. С. 147].

песне «Пӧ шу морею да юсь по морю» привлекает внимание многократное нанизывание одних и тех же формул: «юсь по морю», «морею да синею», «едет сёды да добрӧй, добрӧй молодеч», «на нем шапка, шапка соболиновой» и др. Возможно, не усвоив известный русский сюжет целиком и «зацепившись» за отдельные образы, прилузские певицы создали свою оригинальную версию этого сюжета, заполняя музыкальные строки наиболее запомнившимися словами. Заметим, что песня с мотивами «молодой сокол летает, подшибает белую лебедь», «девушка собирает крупные перья на перину, мелкие – на подушку» была записана в летской традиции с зачином «По горам, горам молодой сокол летал» [Прил. I-Г, № 3]. По словам собирателя, эта песня исполнялась на свадьбе, во время приезда женихов.

Таким образом, в репертуаре лузских коми зафиксированы хороводные, игровые и хороводно-игровые песни. Брачная тематика звучала с самого начала игрищ. Главными исполнительницами песенно-игрового репертуара и ведущими всего «сценария» являются девушки. Непосредственно игровое действо начинается с перечисления участников, которое мы наблюдаем в песне «Марпа пӧ сидят-кодят». Хороводные песни «Собиралися девушки да собиралися красную» с мотивом «свекор батюшко не да прелесть», «Пивӧ, пивӧ вари, мӧлӧдӧй» с мотивом пивоварения мы также отнесли к числу наборных. Далее выстраивались линейные хороводы. В песнях «Воча-воча ветламӧй», «Пӧкӧди да пӧпляши» реализуются мотивы веселого, разгульного поведения. Отметим, что в песне «Пӧкӧди да пӧпляши» также возникает образ свекра-батюшки, которого не боится лирическая героиня. Данный блок песен является по сути женским. Мы находим в нем мотивы отрицания замужества, утверждения свободного и раскрепощенного поведения. Затем происходил переход на «мужскую» тематику с мотивом «женитьбы добра молодца» («Каково у нас добрӧй молодеч да жениче» и «Бояра, бояра молодою»), при этом в текстах большое внимание уделяется внешности молодого человека; опевание молодца находим также в песне «Кругом, кругом да сӧкӧла летела». Непосредственное сближение образовавшихся пар происходило в круговых хороводах, в которых исполнялись песни «Кругом, кругом да сӧкӧла летела», «Расколися, N, на четыре грани», «По тискам я дубӧвӧй, дубӧвӧй». Отсутствие комментариев к текстам песен, фрагментарность записей затрудняет их описание, поэтому картина молодежных гуляний у лузских коми выглядит схематичной. С опорой на близкие варианты из русских традиций в разряд хороводно-игровых мы включили песни «Еще царю, по еще царю», «Ищется да ищется», «Пӧ шу морею да юсь по морю», «А уж по морью, морью синею», «Ехал Дунай», «Солнышко,

да не стой высоко». К собственно игровым сюжетам принадлежали песни «Хрен, мой хрен», «Посадили молодец, посадили удалец». Отметим, что к блоку хороводно-игровых песен лузских коми мы отнесли комиязычную песню «Воча-воча ветламӧй».

Припевание пар как одна из разновидностей игровых форм молодежной женитьбы [Канева 1998. С. 112] было также характерно и для лузских молодежных собраний. Припевки в коми традиции имели устойчивое название *сьылӧдчан* – «припевание». Основным признаком данной группы песенно-игрового фольклора является называние по имени-отчеству молодца и девушки [Колпакова 1962. С. 89; ПИФУЦ. С. 9]. Всего в лузском репертуаре нами выявлено 8 припевок на русском языке и одна на коми (в двух вариантах записи).

Проблему поэтики коми припевочных песен рассмотрела Г.С. Савельева [Савельева 2006а; Савельева 2007а]. Характеризуя данный песенный жанр, она выявила две особенности в их формально-смысловой организации: «Есть песни, представляющие собой заумные тексты, в которых невозможно выделить смысловое ядро даже на уровне отдельных слов. На этом фоне особым смыслом наделяются сами имена, посредством называния которых и осуществляется “переженивание”. С другой стороны, если сравнивать припевочные песни с другими группами игровых песен, то именно в них оказывается сконцентрированным основной блок текстов на коми языке. Причем появление большинства из них не является результатом перевода отдельных русских сюжетов на родной язык. <…> Ритуально-обрядовые смыслы, воспринятые и осмысленные традицией, воплощаются в выработанные культурой поэтические формы» [Савельева 2007а. С. 51-52]. Эти особенности присущи и лузским текстам. Так, в традиции бытовали трансформированные тексты, в которых возможно вычленить только имена припеваемых. Что касается языка текстов, то стоит отметить, что припевки бытовали в лузской части района и на коми, и на русском языке.

Припевки в лузской традиции предназначались паре, как, например, «Берба, берба, бербочка» (Верба…вербочка) [Прил. II-А, № 21]. Обращает на себя внимание слово «целовечка» в данной припевке вместо традиционного образа птицы в паре с образом канарейки: «Канарейка Олятэ, // Да целовечка Ванятэ» (ср., например, с песней из вятской традиции: «Канарейка – Манечка, // Соловейко – Ванечка» [ВФ, № 403]). Не исключаем, что здесь имеется в виду действие: «целовечка» от слова «целовать»: Оля целует Ваню. Вся припевка может звучать «по-русски» следующим образом: «Канарейка Оля, // Да поцеловала Ваню».

Припевка **«Пеклеста Семеновна»** [Прил. II-А, № 22] строится на назывании имен-отчеств девушки и молодца (Феклисты Семеновны и Дмитрия Алексеевича):

Пеклеста Семеновна да,
Ой, ляли, эй ляли да,
Пеклестаанӧй Семяновна,
За правду Пеклиста,
Митрей Олексеевич да,
Ой, ляли, ой ляли да,
Митреюшко Олексеевич [Микушев, Рочев 1963, № 248].

В прилузских традициях бытовали так называемые индивидуальные припевки, которые исполнялись и для девушки, и для молодого человека [Прил. II-А, № 19]:

Априканӧй, любӧ,
Да Ивановичӧй милӧй,
Ой, милӧ, милӧ,
Какоя тебе мило,
Какоя тебе мило,
Прия тебе корошо [НМ РК. КП 12493. Л. 83].

Светланушкаӧй, любӧ,
Да Васильёвнаӧй милӧ,
Ой, прия тебе любӧ,
Прия тебе корошо [СыктГУ. 1354-30].

По замечанию исполнительниц, после припевания молодцев девушки целовали их: *«Тайӧ сьылӧм бӧрын нывъяс том войтырсӧ кыскалісны, окалісны»* [НМ РК. КП 12493. Л. 83] (После пения этой песни девушки растаскивали молодых людей, целовали). Происходило, таким образом, всеобщее целование. Заметим, что эти две припевки были записаны в разное время: в 1927 г. и в 2001 г. Несмотря на такой разрыв во времени, тексты практически идентичны.

В лузской традиции выявлена припевка **«Ок, ты шурина-пигурина моя»** [Прил. II-А, № 20]. Близкий вариант встретился нам в сибирской традиции. Лексически трансформированные слова в прилузском тексте становятся понятны при сопоставлении с русским вариантом. Как видно при сравнении, прилузский текст «размыт». Отдельные лексемы вовсе не имеют смыслового наполнения. Так, «шкатулочка новобронзовая, золоченая» в прилузском тексте реализуется как «шурина-пигурина»; «трои золоты ключи» – «пируга крыльчи»:

Ок, ты шурина-пигурина моя,
.
.
Потеряла пируга крыльчи,
.
Да со алые ленточки,
Да со которые торелочки
[Микушев, Рочев 1963, № 180].

Шкатулочка новобронзовая, золоченая,
Я давно в тебе, шкатулка, не была,
Цветно платьице не сматривала.
Потеряла трои золоты ключи,
Расчетвертые бронзовы часы,
Я на розовой ленточке,
На фарфоровой тарелочке.
[ХИПС, № 31].

Далее в обоих текстах раскрывается шутливая ситуация. В прилузском тексте возникают образы конкретных молодых людей, представленных по именам (Степанушки Васильевича и Анны Афанасьевны), в сибирском варианте девушка и молодец не называются по имени-отчеству:

Да Степанушко мал да удал,

Мальчик-то мал, да удал,

Да Васильёвич мал да удал,
Через семери вароча скакал,
Полушубок правый полы оторвал,
Да полушубок без полы да без полы,
Да и Анна без платки да без платки,
Да Афанасьевна без шелковые
Да без решетчатые [Микушев, Рочев 1963, № 180].

Через высоки заплотики скакал,
У визитки праву полу оторвал,
Визиточка без полы, да без полы,
Красна девка без шаленки, без шали.
У визитки праву полу починил,
Красной девке шаль на плечи наложил,
При последе целовком ее дарил [ХИПС, № 31].

Отметим несовпадение отдельных образов в текстах песен: «полушубок» в прилузской припевке и «визитка» в сибирском варианте, «платок» в прилузской песне и «шаль» в сибирской. Фраза «через высоки заплотики скакал» в прилузском тексте реализуется как «через семери вароча скакал». Сибирский текст имеет законченный сюжет: юноша чинит порванную визитку девушки, кладет ей на плечи шаль и целует ее. В прилузском варианте сюжет сводится к отсутствию у Анны Афанасьевны шелкового, решетчатого платка. Для прилузской припевки, которая не очень логично считывается по-русски, таким образом, важнее становится не развитие сюжета, а называние по именам девушки и молодца. Тем не менее, в тексте сохранилась любовная тематика. Юмористический характер ситуации поддерживается ритмизованными повторами. Искаженные формы слов («пируга», «крыльчи», «вароча») усиливают каламбурность этой песни.

Песня **«Весёлса, весёлса рыжим батраком»** [Прил. II-А, № 24] обозначена как «*йӧктан песня, рӧштво дырйи сьылӧнӧ*» (плясовая песня, поют на Рождество). Открывается песня темами веселья, хвальбы:

Весёлся, весёлся
Рыжим батраком,
Квалился, квалился
Сему дочира,
Вӧчил ребятушки,
Дочь кошел.

В припевке опять же называются имена девушки и молодого человека:

Се я люблю да
Настасьяонӧй,
Се я люблю да.
Кӧсьтяньтин – пять аршин,
Кузьма – восемь аршин.

Появляющиеся числовые вкрапления способствуют упорядочиванию данной припевки.

Текст заканчивается формулой выпевания денег за пение, что также характерно для этого песенного жанра:

Пӧдзадорь, пӧдзадорь,
Пятьдесят рублей на стол
Да на стол [Микушев, Рочев 1963, № 211].

Еще одна песня **«Спала ли спала загагаръя нучӧк»** [Прил. II-А, № 25] была записана Трёшко Априком в 1927 г. в Объячевском с/с (д. Керос). Ее также можно

отнести к припевкам, при ее исполнении участники двигались по кругу: *«Тайӧ сьылігӧн нывъяс гӧгӧрӧн йӧктӧны»* (При пении этой песни девушки пляшут по кругу). На фоне общей размытости текста отчетливо выявляется образ молодца (Афанасия Ивановича) и детали его одежды («пуговки зӧлӧчаные», «перстенье серебранные»):

Спала ли спала загагаръя нучӧк,
Мила ли мила Опонасьейӧй,
Почему мила да Иванӧвичӧй,
Девкима людима покварба,
Барка людима перекличка сидит,
Завсегда да вижу быттьӧ не могу,
Пуговки зӧлӧчаные, перстенье серебранные,
Яко Колю кора додь,
Не могую рӧзваль додь [НМ РК. КП 12493. Л. 81].

В песне можно отметить появление мотива на смешанном коми-русском языке: «Яко Колю кора додь, не могую рӧзваль додь», что в переводе звучит как «Прошу сани у Николая Яковлевича, не могую розвальни». «Затемненным» выглядит слово «нучӧк», которое, возможно, «переводится» как «пучок».

В припевке **«Лань-лань корошо»** [Прил. II-А, № 23] зачин песни приобретает шуточный эффект за счет нанизывания несвязанных по смыслу предложений:

Лань-лань корошо,
Неласкӧвӧй тьӧща,
Блин да гӧрячки.

Образы тещи и блинов находим в летской хороводно-игровой песне «Ищет Борис»:

Ищӧт и Бӧрис,
Ходят Бӧрис
Середе Казане,
Гӧрӧде базаре,
Ласкӧму тьӧщу,
Баску невесту.
Ты ли моя тьӧща?
Моя, чур, невеста.
Пироги не мягки,
Блины студёно [СыктГУ. 13004-10].

Далее припевка «Лань-лань корошо» выглядит более упорядоченной за счет перечисления дней недели и имен девушек:

Сила во недельник,
Завтра во вторник,
Середы Орина,
Четверг Катерина,
Жена во Марина [Микушев, Рочев 1963, № 252].

Соединению всех участников хоровода в общий круг здесь соответствует появление «счетного ряда». Тема счета тесно связана с семантикой игрового действа. Счет как один из архаичных способов упорядочивания, структурирования мира нашел отражение практически во всех жанрах фольклора. В иноязычных текстах он связан с попытками переосмысления малопонятных слов.

Заканчивается сюжет поцелуйной формулой: «Ещё сложимся, // Еще слажемся // Да поцелуемся» [Микушев, Рочев 1963, № 252].

Что касается припевок на коми языке, то нами была выявлена песня «Петрӧванӧй да Миколайвичӧй», записанная в двух вариантах, которую собиратель Трӧшко Априк обозначил как «сьылӧдчан» (припевка). Остальные комиязычные припевки, которые А.К. Микушев именует величальными песнями, по замечанию фольклориста, не были строго прикреплены к какой-либо сфере, то есть имели свободную приуроченность («кӧть кор сьыв» – «хоть когда пой»).

Таким образом, припевки в традиции лузских коми играли существенную роль. Они организовывали игру в поцелуи. На Лузе бытовали индивидуальные припевки и предназначенные паре. Рассмотренные нами тексты мы можем назвать, опираясь на терминологию Т.С. Каневой, плясовыми припевками. Г.С. Савельева обозначает подобные формы целовальными. Называние по имени-отчеству девушки и юноши, поцелуйная составляющая, наличие формул выпевания денег за пение, появление счетного ряда являются основными признаками этой группы песен.

Одну часть припевок возможно считать заимствованной из русских традиций: они имеют близкие варианты, отличаясь лишь языковыми искажениями («Берба, берба, бербочка», «Ок, ты шурина-пигурина моя»). Другая часть припевок не нашла близкого сюжетного сходства с текстами из русских традиций, но сам «механизм» построения подобных текстов был усвоен довольно четко. Здесь мы можем говорить о творческом восприятии прилузскими певицами этого жанра песенно-игрового фольклора и создании собственных текстов («Пеклеста Семеновна», «Лань-лань корошо», «Весёлса, весёлса рыжим батраком» и др.). О творческом осмыслении говорит также появление в текстах припевок мотивов и отдельных слов на коми языке.

Рассмотрев песенно-игровой репертуар лузских коми, мы можем сделать некоторые выводы о традиции молодежных собраний в этой части района. В наших материалах содержатся сведения о молодежных увеселениях в святочный период. О летних гуляниях мы имеем очень скромный материал. Нами выстроена условная схема разыгрывания рождественских игрищ на Лузе. Мы разделили весь песенно-игровой репертуар лузских коми на песни хороводные, игровые, хороводно-игровые и припевки. Комментарии о разыгрывании недостаточны, поэтому во многом приходилось опираться на поэтический текст, а также на близкие варианты из русских традиций. Практически весь корпус произведений был заимствован из русского

фольклора. Особенно много совпадений наблюдается с репертуаром Архангельской и Кировской областей, непосредственно граничащих с Прилузским районом.

§ 2. Хороводно-игровой репертуар летских коми

Г.С. Савельева, описывая в своей диссертации рождественские игрища в с. Прокопьевка летского куста деревень, кратко охарактеризовала источники по этой теме [Савельева 2004. С. 61]. В нашей работе мы дополним сведения, касающиеся истории собирания хороводно-игрового фольклора на Летке. Отметим, что мы основываемся на источниках, представленных в работе Г.С. Савельевой, а также опираемся на материал, выявленный самостоятельно и не учтенный исследовательницей.

Самая ранняя фиксация летского песенно-игрового фольклора была сделана М.С. Косаревым в 1850-м г. [Косарев 1863. Л. 28-28 об.]. По замечанию собирателя, у пермяков[102] отсутствовали хороводы и песни, их сопровождающие: «Хороводы у Пермяков не бывает и песен хороводных нет. Зато поздней осенью и зимою, и то довольно редко, бывают так называемые посидки (вечерки). Они состоят в том, что девушки собираются к которой-либо из своих подружек вечером прясть лен, при свете лучины на <нрзб> приходят сюда и парни и поют песни. Пляски здесь не бывает, и разговоры, и сопровождающий их смех, и песни составляют удовольствие вечерок» [Косарев 1863. Л. 49об].

Сведения о летских зимних и летних собраниях зафиксированы этнографами в 60-х гг. XIX в.: «В Летском районе в конце XIX века существовал обычай в летнее время собираться где-нибудь у крыльца или на задах, на взвозе. Девушки вязали или вышивали, а парни сидели тут же поблизости с гармошкой и пели. В зимнее время собирались в чьем-нибудь доме, где девушки пряли. <…> Они [парни] сидели рядом со своими девушками, беседовали с ними, но не мешали им прясть. По окончании посиделок молодежь расходилась по домам» [Лашук, Жеребцов 1959. Л. 138].

Пять «рождественских» песен было выявлено в 1978 г. в с. Мутница в ходе студенческой фольклорной экспедиции под руководством А.К. Микушева [СыктГУ. 1305-1, 2, 3, 6, 7].

[102] В своих материалах М.С. Косарев дает различные сведения о традициях ношульских и орловских пермяков (летских коми). В данном случае он не уточняет, о каких из этих двух этнических групп идет речь. Скорее всего, речь идет о летских коми, которые долгое время называли себя пермяками, противопоставляя зырянам.

В 1980 г. любитель-краевед П.Г. Сухогузов записал 24 хороводно-игровые песни в Прокопьевском с/с[103]. В его рукописи встречаем описание летних молодежных увеселений в с. Прокопьевка: «Старые праздники: Первый праздник – Троица, затем – “Яичнӧй заговенье” [Яичное заговенье], а затем уже “Девята”[104]. Во время праздников ватагами ходили по улицам от двора к двору, под окнами играют, пляшут. Перед “Яичным заговеньем” – перескачки[105]. <…> С увлечением и старые, и молодые играли в мяч – “мечикасисны”. <…> Парни играют в мяч, а девчата пляшут, водят хороводы. Еще была игра “чунькытш сюйӧм” (прятали колечко). Прячут у кого-либо кольцо и надо узнать, у кого оно» [СыктГУ. РФ 13001-2, 7].

В 1990 г. А.В. Панюковым было выявлено 13 хороводно-игровых песен в д. Ивановка Прокопьевского с/с и 2 песни в с. Летка [СыктГУ. 1310, 1314].

В 1998 г. сотрудники Центра народного творчества РК А.В. Панюков и Г.С. Савельева снова организовали поездку в с. Прокопьевка «с целью уточнить и дополнить имеющиеся сведения по рождественским игрищам, в частности, опросить одну из участниц коллектива д. Ивановки, которую записывал П.Г. Сухогузов, и сделать видеосъемки разыгрываемых по традиционному сценарию игрищ в местном Доме культуры» [Савельева 2004. С. 61][106]. По замечанию Г.С. Савельевой, наличие видеоматериала позволило четко выстроить порядок песенно-хореографических элементов прокопьевских игрищ: «мы имеем возможность описать обряд не только на основе воспоминаний о рождественских собраниях, а на основе реального разыгрывания этого обрядового комплекса» [Савельева 2004. С. 61].

Записи хороводно-игровых песен из Прокопьевки были сделаны этими же собирателями и в 2003 г. (тогда уже сотрудниками ИЯЛИ Коми НЦ). Ими зафиксировано 12 хороводно-игровых песен и сделана видеозапись рождественских игрищ [ФФ ИЯЛИ. В 1508, 1509].

В этом, а также в других сельских советах Летки, сбор материала вели сотрудники и студенты СыктГУ. В 2001 г. собирателем СыктГУ М. Потаповой было

---

[103] Материалы П.Г. Сухогузова хранятся в ФА СыктГУ: [СыктГУ. 13001-13005].

[104] Девята – девятая пятница после Пасхи, день св. Параскевы-пятницы. Праздновали три дня. Священник вел службу в часовне; в воде омывали иконы, омывались сами жители, потом просто пили сур, гуляли по деревням. Это престольный праздник с. Прокопьевка.

[105] Праздник «Перескачка» (коми название «Петыр видзӧ пыран лунъяс») празднуется через неделю после Троицы. Это день чествования святого Николая чудотворца. Жители села собирались на берегу реки, варили в котле мясо молодого быка. Традиционной игрой считалось катание крашеных яиц. Название данный праздник получил от слова «перескакивать», т.е. переходить на следующий вид сельскохозяйственных работ (от посева и посадки к сенокосной страде).

[106] Материал хранится в ФФ ИЯЛИ: [ФФ ИЯЛИ. В 1503].

записано 19 песен в с. Прокопьевка, 12 – в д. Ивановка Прокопьевского с/с, по одному песенному тексту – в д.д. Вавиловка и Булатовка Прокопьевского с/с [СыктГУ. 1359-1364]. В фольклорно-диалектологических экспедициях СыктГУ в 2006-2007 гг. было выявлено 3 песни в д. Кулига Прокопьевского с/с, по две – в с. Летка и д. Прислон Летского с/с, 12 – в с. Слудка, 4 – в д. Корольки Гурьевского с/с, 10 – в д. Березовка Гурьевского с/с [СыктГУ. 13200-13257, 13265-13301]. Кроме того, летская песенная традиция обогатилась за счет записей студентов СыктГУ, сделанных в рамках фольклорных практик. Так, всего за период с 1974 по 2010 гг. студентами было записано 5 песен в Летском с/с (с. Летка, д.д. Гостиногорка, Выставка), 37 песен в Прокопьевском с/с, 18 – в Гурьевском с/с.

Таким образом, архивный материал дает довольно богатые сведения о рождественских игрищах в летском кусте деревень, прежде всего в с. Прокопьевка. Сведения о летних собраниях молодежи на Летке недостаточны для полноценной характеристики. Стоит также заметить, что хорошая сохранность и цельность летского фольклорно-этнографического материала по зимним молодежным собраниям обусловлена тем, что мы имеем дело с записями, которые сделаны в более позднее время, когда традиция сохранила определенную группу песен, которые и воспроизводили исполнительницы в конце 1990 – 2000-х гг. Всего мы располагаем 34 сюжетами в 239 вариантах записи, из них 7 сюжетов в 18 вариантах записи выявлены нами в ходе данного исследования, они не были описаны в диссертации Г.С. Савельевой.

Песенно-игровой фольклор летского куста деревень был представлен в диссертации Г.С. Савельевой «Коми песенно-игровой фольклор праздничных молодежных собраний» [Савельева 2004]. Поскольку сценарий разыгрывания по всей летской части был приблизительно одинаков, исследовательница продемонстрировала бытование данного песенно-игрового комплекса на самом «консервативном» селе Прилузского района – с. Прокопьевка, которая на протяжении многих лет сохраняла давнюю традицию молодежных собраний в Рождество. Заметим, что и по сей день в сельском клубе с. Прокопьевка устраиваются рождественские игрища.

Привлекая широкую источниковедческую базу, исследовательница рассматривает летские игрища на сценарном, репертуарном, хореографическом уровнях [Савельева 2004а. С. 4].

Представим характеристику песенно-игрового фольклора летских коми по наблюдениям Г.С. Савельевой, в ряде случаев делая и свои собственные, особое внимание обращая на сопоставление сюжетов с русскими вариантами.

Рождественские игрища в с. Прокопьевка начинались с песни **«На игрище девок прибывает»** [Савельева 2004. С. 62-63]. Этот сюжет известен русским традициям [Соб. II, № 183 (Вятск. губ.); Стародубцева 1999. С. 152]. В структуре песенно-игровой части игрищ, по мнению исследовательницы, он принадлежит к наборному хороводу и «является зачином, в котором задаются статусно-ролевые установки всех участников игрищ» [Савельева 2004. С. 62-63]. Стоит заметить, что в песне отчетливо выделяется мотив игры, «который обозначает процессы гуляния и хороводной ситуации, показывает место проведения и сбора участников. Обыкновенно он помещается в начале текстов» [Стародубцева 2001. С. 46]. Сравним летский текст с песней из Вятской губернии. В песне летских коми используется «затемненный» мотив «кошу зять да полюбовно, полюбовно», в вятском же он реализуется как «а вы, холостые и женаты, берите нас по любови». Также в летском тексте мотив свободного поведения выглядит более кратко: «нам дала матушка повеленье, повеленье, / нам дал батюшка бласловленье, бласловленье». В целом мы наблюдаем близкое сходство сопоставляемых вариантов, ср.:

На игрище девок прибывает, прибывает.
Ну, скачите, девки, попляшите, попляшите!
На нас, молодые, не глядите, не глядите,

Кошу зять да полюбовно, полюбовно,
Нам дала матушка повеленье, повеленье,
Нам дал батюшко бласловленье, бласловленье.

На дворе-то дождик накрапает,
А на игрище девок прибывает.
Вы, девушки, пляшите и скачите,
На нас, молодушек, не глядите!
А вы, холостые и женаты,
Берите нас по любови,
По батюшкину благословенью,
По матушкину приказанью,
По братцеву-то приговору,
По сестрицыну низкопоклонью! [Соб. II, № 183]

Опираясь на народную терминологию, Г.С. Савельева в летском репертуаре выделила такие хороводы, как наборный, «плетень» и «столбы». После них исполнялись песни с разыгрыванием, целовальные и припевочные песни (с называнием имен девушки и молодца). В пределах трех названных хороводов (наборный, «плетень» и столбы»), по наблюдению Г.С. Савельевой, песенное сопровождение могло варьироваться: «Наборный хоровод по разным сведениям сопровождался песнями “Девка выскочи у нас” (П.Г. Сухогузов), “Девки в сад пошли” [ФФ ИЯЛИ. В 1503-50, 1998 г.; В 1508-2, 2003 г.], “Девушки не сидеть пришли” и “Вейся, ты вейся, капустка” [ФФ ИЯЛИ. В 1509, 2003 г.]. При расплетании “плетня” чередовались песни “Ешшӧ встать бы мне” и “Девка выскочи у нас”. Когда расходились из “столбов”, по одному из

описаний, исполняли песню “Девки в сад пошли” [ФФ ИЯЛИ. В 1503-3, 1998], в игрищах 1998 г. повторяли песню, под которую вставали в столбы “Вьется, вьется кругенек” и “Девка выскочи у нас”, в игрищах 2003 г. “Вьется, вьется кругенек” и “Ешшӧ встать бы мне”» [Савельева 2004. С. 64]. Отметим, что бóльшая часть этих сюжетов является довольно известной в других русских традициях.

Песня **«Девушки, девушки не сидеть пришли»** [Прил. II-Б, № 1], сопровождающая наборный хоровод, имеет близкий вариант в Вятской губернии. Оба текста начинаются с мотива «девушки не сидеть пришли»:

Девушки, девушки Не сидеть пришли,	Девушки Не сидеть пришли. Красненьки Не беседовати.
Вы пришли, мы пришли Да скакать да плясать [СыктГУ. 1310-2].	Ах, мы пришли Поскакать, поплясать! [Выходцев 1990, № 74].

Мотив «продажа лютого свёкра, покупка родного батюшки» в летской песне выглядит несколько невнятно, кроме того, в нем отсутствует образ батюшки, который реализуется через словосочетание «у тово светла» («ежею прӧдашь, ежею прӧдашь / у тово светла, у тово светла»), в вятском же варианте он более понятен («Уж я продам / лютова свёкра. / На то место куплю / Родна батюшка»):

Есть ли у вас, есть ли у вас Чой купить, чтой продать?	Есть ли у вас, Что купить, продать? Уж я продам
Ежею прӧдашь, ежею прӧдашь У тово светла, у того светла [СыктГУ. 1310-2].	Лютова свёкра. На то место куплю Родна батюшка [Выходцев 1990, № 74].

Заканчиваются оба варианта мотивом «три воли батюшки»:

	Батюшко Не журит, не бранит,
Свет роднӧй, свет роднӧй На три вӧлюшки даёт, И перьвая вӧля, перьвая вӧля – Со девичмой играть, Другая вӧля, другая вӧля – Добрӧй с мӧлӧдцами, Треттяя вӧля, треттяя вӧля – Да скакать да плясать [СыктГУ. 1310-2].	Батюшко Три вольки дает: Первая воля – Скакать и плясать. Другая воля – В ладоши играть. Третья воля – По улочке гулять! [Выходцев 1990, № 74].

В репертуаре летских коми нашел распространение известный русский сюжет **«Вейся ты вейся, капуста»** [Прил. II-Б, № 4].

К песням с оригинальной обработкой сюжета мы отнесли «Девки в сад пошли» и «Девка, выскочи у нас». Песня **«Девки в сад пошли»** [Прил. II-Б, № 2] строится на мотиве «клубок катится, нитка тянется», который мы обнаружили в сибирской традиции [ХИПС, № 243]. Близких вариантов к песне **«Девка, выскочи у нас»** [Прил. II-Б, № 3] нами не выявлено, но мотив «семисаженна изба – повернуться нельзя»

реализуется также в песне из Княжпогостского района Республики Коми [СыктГУ. РФ 14-I-18, РФ 14-II-88].

Хоровод «плетень», который следовал после наборного, был главным составляющим всего игрища. Отметим, что летскими коми был заимствован русский термин для обозначения хоровода[107]: *«Главнӧй – плетеньсӧ кыны, а плетеняс уна песня пырӧ»* [СыктГУ. 1336-2] (Главное – плетень заплести, а в плетень много песен входит); *«Султӧнӧ зон да ныв, зон да ныв плетень кыӧнӧ»* [СыктГУ. 1310-1] (Встанут парень с девкой, парень с девкой плетень плетут). «Заплетались» в «плетень» под песню «Из-за гор девина» [Прил. II-Б, № 7]. После того, как все оказывались «завязанными» в «спираль», начинали «расплетаться» под песни «Девка, выскочи у нас» и «Ешшӧ встать бы мне» [Прил. II-Б, №№ 4, 6]. Г.С. Савельева обозначила в своей работе основные значения слова «плетень»: «Первое значение связано с хороводом “плести плетень” (“плетень плетитны”) и “расплетать плетень” (“плетень разьны”). <…> Второе значение слова “плетень” связано с обозначением части игрищ до целовальных и припевочных песен. Как правило, эта часть игрища противопоставляется следующему блоку, в котором исполняются песни для каждой конкретной пары. Третье значение включает в себя обозначение главных участников – пар вообще» [Савельева 2004. С. 65-66].

Песня **«Из-за гор, гор девина»**, сопровождающая «заплетение» «плетня», получила в летской традиции оригинальное воплощение [Прил. II-Б, № 6]. В этой песне реализуются мотивы «девушка выгоняет гусей, а затем зовет их домой» и «заплетение плетня». В близких вариантах из русских традиций сюжет выгладит более развернутым: появляются дополнительные мотивы «сера утица потопила малых детушек в меду, в патоке», «сера утица вынимала малых детушек из меду, из патоки», «старым старикам – киселя с молоком, молодым молодкам – шелковую плетку, красным девицам – белил и румян» [Выходцев 1990, № 80].

Песня **«Ешшӧ встать бы мне»** [Прил. II-Б, № 5], которую исполняли при «расплетении» «плетня», нашла близкий вариант в вологодской традиции, который имел зачин «Чу, обедни звонят» и исполнялась для пары [Вологодские губернские ведомости. 1883. № 14].

После «плетня» участники хоровода вставали в «столбы»: *«Сьылӧнӧ, пока став плетеньсӧ оз разьны, сэсся столбикъясӧн султӧнӧ»* [СыктГУ. 1336-5] (Поют до тех

[107] Отметим, что слово «плетень» использовалось во многих русских традициях, например, в традиции камско-вятского междуречья [Стародубцева 2001. С. 40].

пор, пока весь плетень не расплетут, потом становятся столбиками). Отметим, что опять же летскими коми используется русское слово для наименования хоровода, которое не встретилось нам в других традициях. Г.С. Савельева дала пояснение к разыгрыванию хоровода «столбы»: «Все, приплясывая, идут по кругу (круг “разорван”), в конце песни первая пара отделяется от остальных и стоит на месте. После исполнения той же песни за ними встает следующая пара; песня повторяется до тех пор, пока все пары не встанут “столбами”. Взаимосвязанность текста и хоровода определяется строкой: “пристави *кӧ столбику* красную девицу”» [Савельева 2004. С. 65]. Этот хоровод организовывался под песню «Вьется, вьется кругонек», расходиться из «столбов» могли под эту же песню в чередовании с песнями «Ешшӧ встать бы мне», «Девки в сад пошли», «Девка, выскочи у нас» [Савельева 2004. С. 64-65].

Песня **«Вьётся, вьётся кругонёк»** [Прил. II-Б, № 7], сопровождавшая хоровод «столбы», относится к числу редких – близких вариантов из имеющихся в нашем распоряжении публикаций песенного фольклора не выявлено.

После наборного хоровода, «плетня» и «столбов» исполнялись игровые и хороводно-игровые песни для каждой образовавшейся пары: «Остров мой зеленой», «Што прошли, прошли весёлы вечера», «Ищет Борис, ходит Борис», «Ездил Иван-Караван», «Крен, мой крен, гӧрӧдӧчкӧй крен», «Из-пӧд дубу, из пӧд вязу», «Как не по лугу лугу», «Хожу я гуляю вдоль по хороводу». Г.С. Савельева описала разыгрывание каждой песни [Савельева 2004. С. 67-72]. Отметим, что игровые песни занимают в летской традиции довольно большое место. Помимо охарактеризованных Г.С. Савельевой, нами было выявлено еще несколько сюжетов игрового фольклора летских коми: «Вдоль из улицу в конец шел удалый молодец» (рефрен «Дунай, сын Иванович Дунай»), «Александровская береза» («Береза, береза листьями шумела»), «Король, король-батюшко», «Пошли гуси, пошли серы», «Венчик ли мой веночик», «Из нова города всех рябинова четыре топора», «Всё по-за кругу сӧкӧличек летал». Примечательно, что они не были зафиксированы в Прокопьевском с/с. Записи этих песен содержат либо минимальные комментарии о сфере бытования и типе разыгрывания, либо не имеют их вовсе. Всего, таким образом, в группу песен с разыгрыванием вошло 15 сюжетов.

Отметим, что 10 сюжетов из этой группы являются известными в разных русских традициях: это игровые песни «Вдоль из улицу в конец шел удалый молодец» (рефрен «Дунай, сын Иванович Дунай»), «Крен, ты мой крен», хороводно-игровые «Александровская береза» («Береза, береза листьями шумела»), «Хожу я гуляю вдоль

по хороводу», «Венчик ли мой веночик», «Всё по-за кругу соколичек летал», «Из-пöд дубу, из-пöд вязу», «Из нова города всех рябинова четыре топора», «Што прошли, прошли весёлы вечера», «Как не по лугу, лугу» [Прил. II-Б, №№ 9, 10, 13, 14, 15, 16, 17, 17а, 20, 21, 22]. Добавим, что в песне «Крен, ты мой крен» нашел развитие мотив выращивания хрена. В русских же традициях сюжет выгладит более развернутым: появляются образы бояр, которые намереваются его купить, после чего реализуется мотив выдергивания хрена[108]. Летские тексты имеют довольно размытые финальные мотивы:

Не корыточку взяла,
Не ко бабочку взяла,
Пеперынечком,
Двойнички да двойнички,
Все серебренички,
Ты попова ты собака,
Чересчур выскочил…[СыктГУ. 13242-5].

Мимо крена-то плясать,
Крöньки-брöньки,
Трильки-брильки [СыктГУ. 1338-11].

Возможно, появление подобных бессмысленных концовок связано с тем, что сюжет «Хрена» был усвоен летскими коми не до конца, и в традиции выработались свои оригинальные мотивы этой песни. Как уже было сказано выше, этот сюжет был известен и лузским коми, но в отличие от летских песен, в лузском варианте мы можем наблюдать лишь выпадение отдельных мотивов (купли-продажи «хрена» и его выдергивания), в целом же сюжет был передан довольно близко русским вариантам.

К числу оригинальных мы отнесли песню «Остров мой зеленой» [Прил. II-Б, № 8]. Так, близкие зачинные стихи («вкруг я острова хожу, вкруг зелена гуляю, ой, остров зеленый мой») реализуются в сибирской песне [ХИПС, № 30]. В целом развитие сюжетов имеет существенные различия.

Отсутствие близких вариантов из русских традиций позволило нам отнести песни «Пошли гуси, пошли серы», «Ищет Борис», «Ездил Иван-Караван», «Король-король батюшко» к разряду уникальных [Прил. II-Б, №№ 11, 12, 18, 19, 21].

Г.С. Савельева выделила еще одну группу игрищечных песен – целовальные и припевочные (с называнием имен молодого человека и девушки). По замечанию исследовательницы, «там, где была целовальная формула – пара целовалась, где назывались имена, пара просто плясала в кругу» [Савельева 2004. С. 72]. Данная группа песен является довольно обширной (12 сюжетов): «Как у нашего у Сени», «Штой по Питерскöм заводе», «Все Аннушеньки пöдружки», «Киню-миню лебеду да берегу»,

[108] См., например: [Соб. VII, №№ 532, 607-614; ХИПС, № 11; Кир. 1986, № 60; ТФВРАО, № 2 (с. 78); Стародубцева 2001, № 125].

«Чашечки литы, литы, литы», «По заводе были мы», «Прокачуся я по улочку», «Зайка из речку водичку пьет», «Пошёл молодеч на гуляньё», «Синь-гёрьюч камешек разгорается», «Во поле стояли три кустика», «Калина моя, малина моя». К этой же группе Г.С. Савельева отнесла плясовую песню «Ловлина моя». По замечанию исследовательницы, «изобразительная сторона в них сводится к минимуму: если в конце песни есть целовальная формула – целуются, в песнях, где называются имена, пара просто пляшет в кругу. <…> По своему содержательному наполнению и композиционным особенностям эти песни дублируют принципы построения плясовых песен: отсутствие сюжетной последовательности, частая смена образов, как правило, содержательно немотивированная, рифмованная организация текста <…> Значимой в этих песнях оказывается атмосфера гулянья и всеобщего веселья, которая пронизывает эти песни: в них все звучит, главные герои и все, что их окружает, находятся в постоянном движении» [Савельева 2004. С. 72-73]. Т.С. Канева называет подобные тексты плясовыми припевками [Канева 2009. С. 26][109]. Г.С. Савельева отмечает, что для участников игрищ важнее было исполнить песни, относящиеся к «плетню», целовальные и припевочные песни звучали по желанию [Савельева 2004. С. 73].

Четыре сюжета из этой группы довольно популярны в русских традициях: «Пошёл молодеч на гуляньё», «По заводе были мы», «Синь-горьюч камешек разгорается», «Чашечки литы, литы, литы» [Прил. II-Б, №№ 28, 31, 33, 34].

В число оригинальных сюжетов мы включили песни «Как у нашего у Сени», «Штой на Питерском заводе» [Прил. II-Б, №№ 25, 30]. Сюжет первой обнаружен нами в «Собрании» П.В. Киреевского [Кир. 1986, № 345]. Тем не менее, в ней присутствуют местные детали: «Штой ивановским парням всем по рюмочке подам, / Штой вавиловским парням одной румки не подам»[110]. Близких вариантов к песне «Штой на Питерском заводе» нами не выявлено, но мотив «журавлевы долги ноги не нашли пути-дороги, они шли стороной, борона железная» распространен в русских песнях [ТФНО, № 75, Стародубцева 2001, № 135; Ульяновское Присурье I. С. 615].

К числу редких мы отнесли 6 сюжетов: «Зайка из речку водичку пьёт», «Киню-миню лебеду да берегу», «Все Аннушеньки подружки повели на Волге», «Во поле стояли три кустика», «Прокачуся я по улочку», «Калина моя, малина моя». В группе припевочных, таким образом, оказалось сконцентрировано большое количество

[109] Исследовательница отмечает следующие признаки плясовых припевок: выделение пары (на вербальном и игровом уровнях), называние девушки и молодого человека (или одного из них) по именам, приглашение к поцелую (наличие поцелуйных формул).
[110] Деревни Ивановка и Вавиловка входят в состав Прокопьевского с/с летского куста деревень.

уникальных сюжетов. Тем не менее, в этих песнях сохранились основные «признаки» припевок: поцелуйная формула, называние имен юноши и девушки.

Говоря о двух локальных традициях, подчеркнем, что сюжеты припевочных песен в лузской и летской традициях абсолютно разные. Припевочные песни лузских коми испытали на себе влияние «чужой» традиции: в основном тексты построены на перечислении женских и мужских имен. В целом наблюдается большое количество трансформированных слов, образов, мотивов. Для летских припевок характерны развернутые сюжеты и незначительное количество искажений. Некоторая разница двух традиций отмечается также в количественном соотношении сюжетов: 12 у летских коми и 8 у лузских.

Таким образом, рождественские игрища на Летке сопровождали «общие» хороводы (наборный, «плетень», «столбы»), песни с разыгрыванием и припевочные (целовальные) песни.

Сопоставительный анализ с так называемым общерусским репертуаром, предпринятый в настоящей работе, показал, что все хороводные игровые песни летских коми можно условно разделить на три группы: песни известные и в других русских традициях, песни с оригинальной обработкой сюжета и редкие, распространенные только на Летке. Бóльшая часть сюжетов узнаваема и имеет близкие варианты в русских традициях, прежде всего в вятских, архангельских, пермских. По заверению Г.С. Савельевой, «за исключением некоторых особенностей в репертуарной организации, представленная традиция рождественских игрищ характерна для традиций Европейского Севера. В силу активных контактов с соседними русскими селами Кировской области, национальная специфика, связанная с переосмыслением русского фольклора как иноязычного, в данной традиции практически отсутствует. В этом смысле летская традиция имеет особое положение в сравнении с ситуацией фольклорного двуязычия в других районах республики» [Савельева 2004. С. 78]. Также исследовательница отмечает, что «село Прокопьевка является примером консервации севернорусской традиции, характерной для контактных зон коми-русского пограничья» [Савельева 2004. С. 79].

В диссертации Г.С. Савельевой отсутствует Приложение выявленных ею «рождественских» текстов песен. В рамках данной работы мы подготовили «Систематический указатель песенно-игровых сюжетов летских коми», в котором нашел отражение весь корпус песенных текстов, включая записи последних

экспедиций в летскую часть района [Прил. II-Б]. В Указателе нами приводятся ссылки на близкие варианты из русского репертуара.

Подведем предварительный итог описанию двух песенно-игровых локальных традиций Прилузья.

Находясь в пределах одной территории, лузская и летская традиции являются довольно автономными, со своим репертуаром и хореографией. В игровом репертуаре «точек схождения» у них немного – это две песни «Хрен, ты мой хрен» и «Дунай, мой Дунай».

Подчеркнем, что мы имеем дело с разными по времени фиксации текстами: записи летского репертуара – более поздние, лузского – более ранние. Заметим, что на Летке для наименования хороводов использовались русские слова «плетень» и «столбы», в то время как лузские коми для объяснения русскоязычному собирателю некоторых элементов хоровода употребляли слова «пласты» и «ширинки», а в интервью на коми языке звучало слово «воча-воча» (ряд на ряд).

Современные экспедиции фольклористов СыктГУ наглядно подтверждают хорошую сохранность песенной традиции в летской части и ее «разрушение» в лузской части района. Если на Летке (с. Прокопьевка) до сих пор местные жители собираются в клубе и разыгрывают весь репертуар рождественских игрищ, то на Лузе зафиксированы в основном фрагменты и пересказы песенных текстов, а также номинальные фиксации (воспоминания о тексте в одной-двух строках). На смену традиционным хороводам пришли современные танцы «Кадриль», «Шондібан», «Краковяк» и др. [СыктГУ. 13175-45, 13180-1]. Это явление можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, различная удаленность от административного центра по-разному сказалась на «жизни» традиции; во-вторых, при отсутствии реального разыгрывания игрищечного комплекса тексты игровых песен быстро утрачивались в памяти исполнительниц.

§ 3. Особенности адаптации русского фольклора в хороводно-игровом репертуаре прилузских коми

Как уже отмечалось, основу прилузского репертуара составляют русские песни. Задача данного параграфа – обратить внимание на наиболее характерные особенности усвоения «чужих» текстов. Некоторая часть хороводно-игровых сюжетов лузских коми представляет собой лексически деформированные тексты – «кыдъя роч» (букв. – русский с примесью). В отличие от них песенно-игровой фольклор летских коми представляет собой тексты, бытующие на вполне понятном русском языке. Такая

«разница» в языковом оформлении песен связана с разной по времени фиксацией песенных текстов. Появление «кыдъя роч» текстов в репертуаре прилузских коми связано с более ранним усвоением этого пласта фольклора (в отличие от лирического репертуара). Восприятие этих текстов шло, как мы можем предположить, без понимания и владения русским языком. Кроме того, на возникновение разного рода трансформаций, безусловно, повлияла устная форма восприятия текстов. Также стоит учитывать тот факт, что «непонятные» для русского собирателя слова для носителей традиции могли иметь свой смысл и играли свою роль в тексте. По замечанию А.В. Панюкова, «помимо заимствования отдельных песен почти во всех локальных традициях бытовали заимствованные песенно-игровые комплексы, такие, как рождественские игрища. При исследовании подобных песенных блоков необходимо исходить из того, что все составляющие комплекс песенные тексты воспринимались как единый метатекст. Соответственно освоение лексико-семантического уровня происходило не только на уровне отдельного песенного текста, но и на уровне общего метатекстового смысла. Это в какой-то мере объясняет парадоксальный, на первый взгляд, факт: тексты хороводно-игровых песен – одни из самых деформированных на лексическом уровне “кыдъя роч” песен. Даже зная аналогичный фольклорно-игровой материал русских традиций, иногда просто невозможно определить исходный вариант русского текста. Но при этом именно эти тексты во многих локальных коми традициях оказываются наиболее стабильными, поскольку смысловое содержание песен растворяется в контексте» [Панюков 2009. С. 153].

Прежде всего, адаптация заимствованных текстов довольно отчетливо заметна на уровне фонетики. Так, практически во всех текстах мы встречаем результаты воздействия фонетической системы коми на русские тексты. Звук о часто звучит в песнях как *ӧ*. *Ӧ* – гласная фонема, при произношении которой кончик языка находится в более переднем положении, чем при образовании *ы*, но в более заднем, чем *а*. Также встречаем употребление звука *п* вместо *ф* (Марпа), *к* вместо *х* (квалился, крен, пӧкӧди), *ч* вместо *ц* (молодеч) и др. Происходит вставка *j* в некоторые слова: чер[jо]мушка, бер[jо]за.

Другой яркой чертой, выделяющей коми тексты, в том числе и фольклорные, является отсутствие категории рода в коми языке, что приводит к несогласованию слов друг с другом («Анна без платки»).

На лексическом уровне мы выделили две группы песен с точки зрения степени искажения и адаптации текстов.[111] В первую группу мы включили неискаженные тексты и тексты, имеющие незначительные трансформации. К ним же отнесены сюжеты с нарушениями в последовательности воспроизведения текста, вызванные выпадением отдельных формул, мотивов и легко «восстанавливаемые» при обращении к текстам из русских традиций.

В качестве примера текста из первой группы можно привести хороводную песню «Собиралися девушки да собиралися красную»:

Собиралися девушки
Да собиралися красную,
Собиралися красную
Да собирай своя ***девновой*** круг.
Они думушки думали
Да советы советовали,
Советы советовали.
Да только дай боже, дай боже,
Каково была батюшко
Да таково же лютая ***секарӧ***.
Секар-батюшко не да прелесть,
Секар-батюшко не прелесть.
Да каравод да поставили
Да ещё ***церки*** соборную [Микушев и др. 1960-1961, № 39].

В этом песенном тексте содержится несколько искаженных, но узнаваемых слов: «секарӧ», «секар-батюшко» – «свекор», «церки» – «церковь», «девновой» – «девичий».

Ко второй группе мы отнесли песни с сильными языковыми искажениями (так называемые лексически деформированные тексты «кыдъя роч»), при которых песня «держится» на отдельных лексемах, позволяющих «узнать» известный сюжет. «Кыдъя роч» – специфическое языковое явление, обозначающее смешанную русско-коми речь (букв. «кыдъя роч» – это «русский с мякиной, т.е. с примесью»). Коми-русский словарь 1961 г. дает этому выражению такое определение: «ненастоящий русский (о нерусском, выдающем себя за русского)» [Коми-русский словарь 1961. С. 350]. Наибольшее количество трансформированных текстов встретилось нам именно в песенно-игровом фольклоре. В работах В.А. Лапина, Ю.А. Новикова, Т.В. Краснопольской и др., обращенным к характеристике подобных заимствований, звучит мысль о том, что для хороводных и плясовых песен были важнее не содержание, а четкий ритм и рифма, т.е. первоначально был усвоен напев, а затем песенный текст [Лапин 1977. С. 188;

[111] Заметим, что термин «искажения» по отношению к заимствованным текстам используется в научной литературе о межнациональных культурных взаимодействиях довольно часто. Еще в работах А.Н. Веселовского находим употребление этого термина [Веселовский 1938. С. 218]. Также его использует Ю.А. Новиков при характеристике необрядовых лирических песен русских старообрядцев Литвы, проживавших в тесном контакте с другими народами [Фольклор старообрядцев Литвы 2010. С. 32].

Фольклор старообрядцев Литвы 2010. С. 32; Краснопольская 2007. С. 139; Миронова 2011. С.139].

Лузская песня «Да уж по морью синею» имеет близкий вариант в традиции Лузского района Кировской области. Сравниваемые тексты имеют общий инципит:

Да уж по морью,
Уж да уж по морью,
Ой, уж по морью,
Морью синею,
Да ой, уж по морью,
Морью синею [Микушев, Рочев 1963, № 226].

Как по морю,[112]
Как по морю, морю синему [ВФ, № 683].

Также их сближает мотив встречи девушки и молодца:

Бог на помечь,
Да красную девица,
Да ой, бог на помечь,
Ой, краснöй девица, пометуй,
Ой, не склоняйся,
Не споклоняйся.
Да поклоняйся,
Ой, да споклоняйся,
Поцелуемся [Микушев, Рочев 1963, № 226].

«Бог на помочь, красна девица душа,…
Смотри, девка, ты покаешься:…
Зашлю сватов, засватаю за себя»…
«Прости, милый, виноватую меня,…
Я думала, что не ты, милый, идешь,…
Я думала, что прохожий человек»…
Тут они уж помирилися,…
Друг другу поклонилися… [ВФ, № 683].

Как видно из этого фрагмента, в песне прилузских коми девушка сначала не кланяется юноше, лишь после происходит их примирение. В лузском тексте из традиции Кировской области девушка просит прощения у молодца, и они кланяются друг другу.

В прилузском тексте отсутствуют мотивы «лебедь плывет с лебедятами», «молодец убил лебедь, пух пустил по морю», «девушка собирает перья», которые реализуются в русском варианте:

Плыла лебедь с лебедятами, …
Со малыми со дитятами …
Плывши, лебедь встрепенулася, …
Под ней вода всколыхнулася.
Нигде взялся добрый молодец душа, …
Убил лебедь, лебедь белую, …
Он пух пустил по синю морю, …
А перышки по поднебесью…
Нигде взялась красна девушка душа, …
Сбират перья, приговаривает: …
«Ко батюшке в изголовьице, …
Ко матушке во перинушку, …
Милу дружку в изголовьице» …
Нигде взялся добрый молодец душа [ВФ, № 683].

Часть текста в прилузском варианте, таким образом, «выпала», и песня приобрела редуцированный вид. В то же время, несмотря на утрату отдельных мотивов, в варианте прилузских коми сохранились мотивы, раскрывающие взаимоотношения девицы и молодца, поцелуйные формулы и формулы сближения, необходимые для акционального плана.

[112] Здесь и далее повторяющиеся стихи опущены.

В качестве еще одного примера из этой группы можно выделить песню «Пивӧ, пивӧ вари, мӧлӧдӧй». В этом песенном тексте встречаем несколько малопонятных слов и выражений: «человальнички наскали» (возможно, «наскакали»), «сама сяду я, рӧссаду» («сама сяду я, рассяду»), а также вовсе непонятные фразы: «рӧс чужейся рӧсплечуся», «штӧ на варъя река назарьев», «из-за сӧсема».

Рассмотрим песню «Расколися, N, на четыре грани». Сравним текст из прилузского с. Читаево (запись 1963 г.) с песней из собрания А.И. Соболевского. Лексически трансформированный зачин прилузского текста содержит имя юноши или девушки; в русском варианте обращение адресовано сырому дубу:

Рӧскӧлися Валерьян тэ шачеты игре [Микушев, Рочев 1963, № 198].	Расколися, сырой дуб, на четыре части! [Соб. IV, № 120].

В тексте прилузских коми возможно уловить лишь отдельные узнаваемые лексемы и выражения («люби», «чужие», «душа», «красна девица спӧлби», «грека ӧтпусти»), которые в целом не дают представления о связном сюжете. Сопоставление с близким вариантом позволяет восстановить утраченный смысл:

Он ты люби чужие да тово душа во, Красна девица спӧлюби, грека ӧтпусти [Микушев, Рочев 1963, № 198].	А кто любит чужих жен, – нет душе спасенья; А кто девушку полюбит, – грехам отпущенье [Соб. IV, № 120].

Аналогичное можем наблюдать в реализации мотива застилания постели и дарения подушки:

Стелю, стелю пӧдушенька, стелю пуковӧй, Жена мӧя бӧяруня, жёна мӧлӧдӧй, Е ко секто снова, снова, снова поцелует, Пӧдушенька, пӧдушенька его пӧдарует [Микушев, Рочев 1963, № 198].	Стелю, стелю подушечку, стелю пуховую. Люблю, люблю девчоночку, люблю молодую. Я которую люблю, тое подарую, Подушечкой пуховою тое подарую [Соб. IV, № 120].

Образ молодой девушки в прилузской песне «заменен» образом молодой жены. Близкий вариант из русской традиции «проясняет» смысловую «размытость» прилузского текста, в котором сохранились лишь те формулы и ключевые слова, которые необходимы для воспроизведения игрового действа (подушка, поцелуй).

В 2001 г. в с. Объячево был записан еще один вариант этой песни, в котором сначала обращались к девушке, затем к молодцу:

Расколися, Марюшка, да на четыре гранӧй, Ок, ты любишь чужӧй грӧш да тово душ Иванӧй. Стелю, стелю перина, да стелю пуковӧя, Стелю, стелю пӧдушечка, стелю пуковӧй я, Кому дарю я платочек, тово поцелую.	Расколися, Иванушка, на четыре бранӧй, Ок, ты любишь чужӧй грӧш да тово душ Иванӧй. Стелю, стелю перина, да стелю пуковӧя, Стелю, стелю пӧдушечка, тово душ Иванӧй. Надо жену молодую, надо бояруню, Кому дарю я платочек, тово поцелую [СыктГУ. 13104-12].

Вариант, зафиксированный почти через 40 лет, выглядит уже вполне понятным, соответствующим игровой ситуации. Первая, более «искаженная» в ранней записи, часть песни сократилась; вторая, опосредованно связанная с игрой, приобрела более

четкое языковое оформление. Изменения в текстах связаны с попыткой осмыслить слова: «Тэ шачеты игре» – «На четыре гранӧй»; «да тово душа во» – «да тово душ Иванӧй»; «Е ко секто снова, снова, снова поцелует» – «Кому дарю я платочек, тово поцелую». Таким образом, варианты, которые записывались в более позднее время, оказываются менее искаженными. Произошло своеобразное «упрощение» текстов за счет замены незнакомых слов более понятными.

Как видим, трансформации в игровых песнях мы можем наблюдать как на уровне отдельных слов, так и на уровне целого текста.

Стоит отметить еще одну особенность прилузских вариантов – переосмысление отдельных слов. Приведем в пример песню **«Ехал Дунай»**:

Ехал Дунай, ехал Дон,
Ехал к речке мой Дунай.
Пара коней брӧнӧй
Да узды, узды тасмакнӧй,
Да стременочки золотой,
Да ***подруженька шёлковой*** [Микушев и др. 1960-1961, № 36].

Исходя из логики сюжета, вместо слова «подруженька / подруга» должна звучать формула «подпруга шелковая», которую мы находим, например, в описании коня в одной из русских (усть-цилемской) песен [ПИФУЦ, № 30]. Заметим, что во многих русских вариантах этой песни данной формулы нет [например, Выходцев 1990, № 89], хотя ее появление довольно логично при описании конской упряжи. Произошла своего рода «подмена» слов, которая выглядит вполне логично: в песенных текстах из русских традиций реализация образа молодца, который ведет за собой коня, зачастую предполагает появление и девушки. Эта подмена как бы компенсировала отсутствие самостоятельного образа девушки. Отметим, что подобное явление встретилось нам в лирической песне прилузских коми «Сизенький голубчик».

Отдельные тексты прилузских песен дают любопытные примеры бытования русских слов (оригинального осмысления значений русских слов). В хороводно-игровой песне «Бояра» в качестве рефрена звучит вопрос «Пошто, бояра светлою приходите, приезжаете?». Привлекает внимание слово «светлою». С одной стороны, это слово может обозначать обстоятельство времени – «светлое время», «светлая неделя». С другой, его можно отнести к образу бояр как уважительное к ним отношение. Подобное обращение встретилось в песне летских коми «Девушки, девушки, не сидеть пришли»: «Есть ли у вас что купить, что продать? // Ежею продать у тово светла. // Свет родной на три волюшки даёт» [СыктГУ. 13004-3].

Зачастую в текстах песен мы встречаем вставки комиязычных слов и мотивов на коми языке, при этом их появление было как осмысленным, так и спонтанным.

Например, пояс молодца в песне «Каково у вас добрöй молодеч да жениче?» получил характеристику через комиязычный эпитет:

Каково у вас добрöй, добрöй молодечöй да поясöй, ой, да поясöй?
Вот у нас, добрöй, добрöй молöдечой да поясöй, ой, ***нывъяслöн сетöма***…[Микушев, Рочев 1963, № 293].

Последняя фраза на коми языке *нывъяслöн сетöма* переводится на русский язык как *подаренный девушками*. Перед нами – осмысленное включение словосочетания на родном языке.

В хороводно-игровой песне «Юсь по морью, морью синему» частица *уж* звучит как *юсь*, что в переводе с коми языка значит «лебедь». Появление этого нового слова вполне соответствует контексту:

Юсь пö шу морю ***юсь***,
Да ***юсь*** по морю, морю да синему,
Ох, и ***юсь*** по морю, морю да синему(й) [ФА СыктГУ. АФ 13163-15].

К особенностям адаптации русскоязычных песен в традиции прилузских коми стоит также отнести осмысленное усвоение русской лексики с очевидным влиянием коми языка. Песня «Каково у нас добрöй молодеч да жениче» является довольно редкой для коми традиции. Эпитет к слову молодец *добрöй* звучит практически по-русски, поскольку окончание *öй* вполне соответствует русской флексии *ый* в прилагательных такого типа. В коми языке это притяжательный суффикс, который не противоречит с точки зрения русского языка в такой структуре слова окончанию *ый*. В песенном стихе встречаем результат освоения песенной фразы на фонетическом уровне: ключевое сочетание *добрый молодец* звучит в данной песне как *добрöй молодечи* или *добрöй молодечöй*. Русская флексия, таким образом, стала звучать на коми манер как «мой добрый молодец». Слово «добрый», тем не менее, выглядит вполне «по-русски»: как *добрöй* или *добрэй*. Слово «молодец», к которому относится эпитет *добрый*, и следующие за ним в песенной фразе слова *поясöй*, *рубашкöй*, *штаничöй* и даже *женичöй* получают это же окончание. Возможно, тенденция к упорядочиванию, приведению к «одному знаменателю» всего песенного текста послужила причиной появления такой формы глагола как *женичей*. В русских традициях близких вариантов этой песни нами не выявлено. Фраза «Каковой у вас добрöй молодеч да жениче» в общем состоит из русских слов, но адекватного перевода это предложение не получает. Перед нами творческий «продукт» – коми попытались воссоздать русский сюжет, звучащий на коми манер. Заметим, что текст записывался неоднократно в разных кустах поселений Прилузья (Черныш, Объячево).

Таким образом, адаптация заимствованного игрового и хороводного репертуара прилузских коми происходила на разных уровнях. Прежде всего, затрагивался ***фонетический уровень*** – по звучанию тексты были максимально приближены к родному языку. На ***уровне морфологии*** можно наблюдать разного рода несогласования слов, которые связаны с отсутствием категории рода в коми языке. На ***лексическом уровне*** мы выделили тексты неискаженные и искаженные с точки зрения языка. «Вершиной заимствования» мы можем считать осмысленное усвоение русской лексики, которое привело ***к созданию собственных сюжетов***. Уникальный песенный сюжет «Каково у вас добрӧй молодеч да жениче», устойчиво бытовавший в разных населенных пунктах Прилузья, мы вполне можем отнести к местному произведению. Овладев русской лексикой и поэтическими приемами, а также будучи знакомыми с песнями, построенными на диалоге («Бояра», «Просо»), прилузские певицы создали свой собственный сюжет.

К особенностям адаптации когда-то искаженного хороводно-игрового репертуара прилузских коми относятся также своеобразное «упрощение» текстов за счет замены искаженных слов более понятными («Расколися, N, на четыре грани»), вкрапления комиязычной лексики («Каково у вас добрӧй молодеч да жениче?, «Юсь по морью, морью синему»).

Отметим, что на примере удорской традиции Республики Коми Т.И. Орнатская выделила схожие особенности, а именно – замену отсутствующих в коми языке звуков «х» и «ф» звуками «к» и «п» (корошо, пранцуз); отсутствие родового различия; проникновение отдельных коми слов [Орнатская 1963. С. 170-171].

Говоря о характере заимствования, подчеркнем, что в хороводно-игровом репертуаре летских коми трансформированных текстов не обнаружено, что связано с более поздней фиксацией этого пласта фольклора на Летке. В лузской традиции искаженными выглядят тексты, записанные в начале XX в. В современных записях эти тексты уже имеют более «адаптированный вид», т.е. доля трансформаций в них минимальна.

§ 4. Плясовые песни в репертуаре прилузских коми

Наряду с плясовыми припевками (целовальными – по Г.С. Савельевой), которые были рассмотрены выше, в Прилузье бытовали плясовые песни с традиционным набором жанровых признаков: отсутствие сюжета, быстрая смена образов, плясовой ритм [Колпакова 1962. С. 121-133], текст по отношению к напеву имеет в них

второстепенное значение и представляет собой комбинации песенных мотивов, построенных на ассоциативных связях [Колпакова 1962. С. 124-125]. Отметим, что в исследуемом нами материале практически отсутствуют комментарии о характере исполнения и приуроченности плясовых песен, что затрудняет их характеристику.

Всего нами выявлено 40 сюжетов плясовых песен в 70 вариантах записи. Общими сюжетами для двух локальных традиций являются песни с инципитами «Во саду ли в огороде», «Уродиласе Дуня» («Ок, ты Дунюша Дуня»), «По бережку ходила да гуляла», «По уличи мостовой шла девица за водой», «Молодка, молодка молоденькая», «Сидит кабачкой» / «Шел, чуть не замерз».

Самый ранний по времени фиксации плясовой текст был записан в Прилузье М.С. Косаревым в 1850-х г. Плясовую песню «Не с тамыским[113] веселиться», по замечанию собирателя, исполняли на помочах [Косарев 1863. Л. 47]. Запись М.С. Косарева ценна описанием «пермяцкой пляски»: «Под такт подобных песен, а иногда и под звуки <нрзб> гармоники открывается Пермяцкая пляска. Она походит на пляску Пурисов Бразиловских и Индейцев Чилийских и состоит в том, что молча, ударяя только едва поднятыми от полу по очереди ногами, в такт идут кругом один за другим сначала девицы и потом за ними парни. Иногда этот порядок нарушается, т.е. за девицею идет парень, за ним девица и так далее, образуя вертящийся медленно и дружно топающий круг молодежи» [Косарев 1863; 47-47об.].

К 1882 г. относится запись плясовой песни «Поиграй, моя гармошка» (с. Слудка) [Поздеев 2010. С. 53].

Два плясовых сюжета было выявлено в записях 1930-х гг. [НМ РК. КП 12493. Л. 82; КП 12482. Л. 12-12об.].

Несколько плясовых песен записано в начале 1960-х гг. фольклористами Коми филиала АН СССР. В 1960-1961 гг. зафиксирована одна песня в с. Ношуль, 3 песни в с. Объячево, 7 песен в с. Поруб Спаспорубского с/с [Микушев и др. 1960-1961]. Несколько сюжетов плясовых песен было выявлено А.К. Микушевым и Ю.Г. Рочевым в 1963 г.: в с. Занулье было записано 4 песни, в с. Читаево – 5, в д. Керос Объячевского с/с – 2 [Микушев, Рочев 1963].

В ходе экспедиции Ю.Г. Рочева в с. Летка в 1976 г. было зафиксировано 4 плясовых текста [Рочев 1976]. Также им было описано два вида пляски: «В Летке традиционно бытуют две пляски, каждая из которых имеет свое собственное название:

[113] Не с таковским, не с любезным (комментарий М.С. Косарева).

“Русскӧй”[114] и “Коми трӧпа”. Подробности их бытования выведать не удалось, но скорее всего, это та же мелодия частушек, более быстрая и более медленная, во всяком случае, мелодия танца “Коми трӧпа” напоминает наигрыш “Шондібанӧй”[115], ее играют значительно медленнее, чем танец “Русскӧй”, и при этом исполняются частушки (“гласӧнджык сьылӧны”[116]), а при танце “Русскӧй” пляшут в кругу (“ӧдйӧ, дак и кругӧн”[117])» [Рочев 1976. Л. 11].

Немалую ценность имеют записи студентов и преподавателей СыктГУ в Чернышском, Спаспорубском, Объячевском, Летском, Мутницком с/с (1974, 1978, 1979, 1996, 2001, 2002, 2007 гг.). Всего ими записано 35 плясовых песен.

Плясовые песни зафиксированы у прилузских коми не только на русском, но и коми языке. Отдельную группу составляют шуточные песни на коми языке. Данный блок песен по содержательному признаку выделил Ю.Г. Рочев [Рочев 1991]. В своей статье он рассматривает специфический тип циклизации – объединение в один цикл «усеченных песенных фрагментов, которые потеряли или почти утратили жанровую самостоятельность. Устойчивыми в этих циклах являются составляющие его компоненты, которые без изменений или с несущественными вариациями могут переходить из песни в песню, не теряя своего внутреннего, формульного единства» [Рочев 1991. С. 25]. На примере «особого разряда» песенного фольклора – шуточных песен, которые изначально выполняли функцию плясовых, исследователь выделяет 16 таких текстостроительных компонентов. Им приводятся вариации каждой из них и возможные более или менее устойчивые комбинации в определенных локальных традициях, а также по возможности отмечается использование их в других песенных жанрах. В заключение статьи автор говорит о перспективности изучения «данной жанровой разновидности», поскольку оно «может подсказать нетривиальный подход к освещению проблемы развития национальной культуры» [Рочев 1991. С. 35].

Шуточные песни представляют собой развернутые, контаминированные из различных формул и трудно переводимые «сюжеты», определяемые самими исполнителями как *шуточная песня*, «*серамбана кывпесан*» – «шуточное упражнение для языка», букв. «для разминания языка». Это комиязычные тексты (созданы в коми среде), здесь не приходится говорить о заимствовании. К этой группе мы отнесли такие прилузские песенные тексты, как «Кути-коти Матрёна» (6 вариантов) и «Кыз, кыз

[114] Русская.
[115] Солнцеликий.
[116] Голосистее поют.
[117] Быстро, так и в кругу.

кӧса» (1 вариант). Первая [Прил. II-В, № 27] включает в себя перечисление женских имен (Матрёна, Малапея, Дарья, Марья). Заметим, что глаголы действия в этом тексте практически отсутствуют, за исключением фразы «поди, девка, повод», которая, возможно, «расшифровывается» как «пойди, девка, повод». Весь текст состоит из именных слов и словосочетаний, при этом в песне содержатся близкие по звучанию слова (кути-коти, пурски-порски, перед-переда). Отметим, что песня включает слова и мотивы на коми языке: «кӧті мазанӧй» (башмаки мазаные), «сера чышъян юр вылад» (серый платок на голове). Формула «тотарин-вотянин, весь пӧлӧвинӧ штоп» встречается в другом песенном тексте [Микушев, Рочев, 1963, № 208]. Добавим, что все 6 вариантов этой песни устойчивы по своей композиции.

Кроме того, в рассказах информантов упоминается комиязычная плясовая песня «Иванушка-кӧрӧван»[118]. По словам исполнительницы, эту песню пели на рождественских гуляниях (сначала стоят, потом пляшут в кругу), а также на берегу реки летом, при этом имя в тексте могло быть любым [СыктГУ. 1348-9]. А.К. Микушев определил ее как шуточную лирическую: «В Прилузье родилась шуточная песня “Иванушко-Караван”. Нет ничего удивительного в том, что все эти песни строятся в частушечной форме» [Микушев, Рочев 1963. Л. 35]. Отметим, что она опубликована в сборнике «Коми народные песни» [КНП I, № 38] с небольшим комментарием А.К. Микушева: «Лирическая. Район распространения ограничен (встречается только среди объячевских певцов). По словам певцов, это круговая плясовая песня (*“кругӧн йӧктан песня”*). Исполнялась сразу вслед за *“Ме кӧ петі гуляйтны”* в сопровождении игры на чипсанах, что отложило свой отпечаток на стиль напева [КНП I. С. 272]. И.А. Осипов, также определивший эту песню как плясовую («кругӧн йӧктан песня»), выявил семантику имени Иван-Караван: «Кӧрӧван – чурка – сійӧ быттьӧ нимтӧмкодь» (Караван – чурка – это как прозвище) [Осипов 1939. Л. 16].

Бóльшая часть прилузских плясовых сюжетов вполне «узнаваема» на фоне так называемой «общерусской» традиции. Так, среди известных в русских традициях сюжетов можно отметить песни «По уличи мостовой шла девичи за водой» (встреча молодца и девушки), «Ок, ты Дунюша Дуня» (женитьба Ванюши на Дуне), «Тӧ ни пӧшла, тӧнчивала» (девушка пляшет, устает, садится к милому на колени, батюшка бранит девушку) и др.

[118] Добавим, что в традиции летских коми бытовала хороводно-игровая песня «Ездил Иван-Караван», которую мы отнесли к числу песен с уникальным сюжетом.

Если летские тексты представляют собой заимствованный русскоязычный репертуар, который не подвергся языковой трансформации, то лузские плясовые песни неоднородны по своему составу. Так же, как и в хороводно-игровом репертуаре, весь блок прилузских плясовых песен можно разделить на две группы с точки зрения языковой адаптации: первая – песни, не претерпевшие существенных языковых трансформаций, вторая – плясовые песни, подвергшиеся таковым («кыдъя роч» песни – букв. ‘русский с примесью’).

К первой группе мы отнесли 30 сюжетов в 42 вариантах записи. Отметим, что сюда мы отнесли тексты, имеющие небольшие искажения на уровне отдельных слов, формул, мотивов. Мы включили в эту группу следующие песни: «Спеть-погулять стало некому», «Во саду ли в огороде», «Пö уличи мостовой шла девичи за водой / ходит девица с ведром», «Из-за лесу летит гölуб», «Не с тамыским веселиться», «Уродиласе Дуня, се Дуня», «Перевозчик, перевозчик молодой» / «У нас горенка нова», «По бережку ходила да гуляла», «Вечору, по вечору мил катился ко двору», «Как за речушки слободушки стоит», «Во лужку девки гуляли» / «Ляли, ляли загуляли», «Во кузнице молодые кузнецы», «Сенька тюречку телегу продала», «Не велят любить Ивана», «Вечор был я у любезной во дворе», «Поиграй, моя гармошка», «Ох, ты зимушка-зима», «Ох, ты хмель, ты мой хмель», «Как у наших у ворот», «Январь, февраль, март, апрель», «Ходила младёшенька по борону», «Наши девушки гуляют в табуне», «Силки да вилки, носилки, подавалки», «Ох, ты ноченька темна», «Ок, ты Дунюша Дуня», «Кусту, кусту моя ластонька», «Лекрут молодой да со русою со косой», «Брала девка лен», «Ну ведет да ведет».

Вторая группа включает в себя *«кыдъя роч»* (букв. ‘русский с примесью’) песни: «Пить-погулять, старалика доричöк гулять», «Изу лесу, перелесу летит гölуб», «Олö-вылö голубенька красная девонька», «Кватя, Кватя квати брöшит», «Сидит кабачкой» / «Кабачкой сидит», «Тö ни пöшла, тöнчивала», «Шурик-шарик шандарин», «С кандалы ты ю далы». К этой же группе сюжетов можно отнести песню «Как у нынешнему, прошлому году». Заметим, что этот сюжет был записан в трех вариантах, два из которых не имеют искажений, и поэтому мы их включили в первую группу. Принадлежность этого текста к группе с искажениями, возможно, связана, с тем, что текст был записан «на карандаш», и собиратель мог внести свои неточности в его передаче. Еще один сюжет, который попал в обе группы, имеет в прилузских традициях зачины «Спеть погулять стало некому» / «Пить-погулять, старалика доричöк

гулять» (об этом см. ниже). Таким образом, к этой группе относится 9 сюжетов в 11 вариантах записи.

Рассмотрим эти две группы песен.

Песня **«Как за речушки слободушки стоит»** [Прил. II-В, № 18] включает в себя целый ряд мотивов: «у вдовы растет хорошая дочь», «замужество за старым», «старый не пускает гулять на улицу», «муж покупает жене платье» и др. Незначительные трансформации в языковом плане позволили отнести нам эту песню к первой группе. Сочетание «и примеру не возможно отыскать» в лузской песне имеет вид «не умею по примечка рассказать», ср.:

Не могу я красну девицу познать
Да не умею по примечка рассказать [Микушев и др. 1960-1961, № 64].

Красоты ея не можно описать
И примеру не возможно отыскать [Соб. II, № 440].

В другом мотиве этой песни также находим искажения:

Я куплю жене на платьичо.
Перво платьечо-й аленькое,
Ште другое-то розовое,
Ещё третее берёзовое,
Это аленькой-от солнышко ли нет,
Это розовой-от дождичке,
Ште берёзовое-от жари волочет [Микушев и др. 1960-1961, № 64].

Сошью милой платье розовое,
.
А другое голубой цвет отличит;
Уж как третие малиновое.
– Алый цвет, мой друг, от солнышка бежит,
А голубенький марается,
А лиловый лицу тени придает [Соб. II, № 440].

Как видно из сопоставления, искажению подвергся мотив «рассуждение о разных цветах платья». В песне наблюдается плясовой каламбур – «розовое-берёзовое». Далее следует менее понятный фрагмент (аленькой-от солнышка ли нет). Обратим внимание, что собиратели зафиксировали этот текст таким образом, что *от* выгладит как частица к прилагательному, тогда как в одной из русских публикаций этой песни *от* является предлогом. Тем не менее, и лузский текст имеет свой смысл, поскольку может быть прочитан следующим образом: «это аленькой-от солнышка ли нет».

Лузская песня **«Уродилася Дуня, се Дуня»** [Прил. II-В, №№ 12, 12а], которую мы отнесли к первой группе, не содержит языковых трансформаций. В песне мотив «Дуня со едным гуляла» реализуется как «своей да милой гуляла». Обращает на себя внимание появление слова *мама* в качестве обращения («ой, мамö, гуляла»), вполне логично вписывающееся в содержание песни:

Уродиласе Дуня, се Дуня,

Своей да милой гуляла,
Ой, мамö, гуляла, гуляла [Микушев и др. 1960-1961, № 32].

Уродиласе Дуня,
Да невелика, немала,
Невелика, немала,

Да со едным я гуляла [ПИФУЦ, № 70].

Мотив «Дуня не верит своему возлюбленному» в лузской песне также получил оригинальное оформление через ряды повторов однокоренных слов: «решила во реши», «верна да не веруй», «верут, не верут, не верут», «не одну меня любит, сполюбит». Подобные повторы, как нам кажется, заполняют пространство музыкальной строки в тех случаях, когда слова песни либо не усвоены вовсе, либо малопонятны:

Ой, да своей дружка да решила,
Свое дружка решила во реши,
Ой, да верна да не веруй,
Дуня верут, не верут, не верут,
Ой, да не одну же да меня не любит,
Не одну меня любит, сполюбит
И да сполюбит да тебя брошу [Микушев и др. 1960-1961, № 32].

Для того его лишила,
Что неверен мальчик был,
Да что неверен мальчик был,
Он неверен, неверён,
Да не одну меня любил,
Меня, бедную, несчастную покинул, позабыл,
Да мил покинул, позабыл… [ПИФУЦ, № 70].

Песня **«По бережку ходила да гуляла»** [Прил. II-В, № 16] строится на хорошо известных в русском песенно-игровом фольклоре мотивах «девушка гуляет с молодцами, мать наказывает ее за вольности (заставляет полоть капусту)». Сравним с вариантом из новгородской традиции [ТФНО, № 74]. В зачине прилузской песни можно отметить несогласование прилагательного с существительным (белая рыбочка):

По бережку ходила да гуляла,
Да белой рыбочка ловила не одна,
Да не одна ли со товарищами.

Близко к речке гуляла молода,
Белу рыбицу ловила она.

Мотив «моя матушка – не лихом, не добром» получил в тексте лузских коми оригинальное выражение («маменька велика нету друг»):

Вот сказала мой-от маменька,
Да мой-от маменька велика нету друг,
Да презаставила капусту садить,
Да поневолила рассаду поливать,
Да ой, полю-полю, не пой-полятся…[Микушев и др. 1960-1961, № 48].

Рассказали моей матушке.
Моя матушка – не лихом, не добром:
Она заставила капусту полоть,
Поневолила рассаду поливать.
Я полю-полю – не полётцы… [ТФНО, № 74].

В летском репертуаре выявлена песня **«Молодка, молодка молоденькая»** [Прил. II, № 28]. Сюжет во всех вариантах довольно устойчив. В песне реализуются следующие мотивы: девушка в разлуке с молодцем, грусть-тоска («далеко милый живёт, на той стороне»), молодец машет девушке рукой. Символическим воплощением разлуки в песне становится образ отсутствующего моста, перехода: «Перехода нет, жердочка тонка, речка глубока»[119]. Кроме того, в летской песне возникает образ бобра и мотив «шуба для девушки». Схожий сюжет встречаем в русских вариантах, например, в «Собрании народных песен П.В. Киреевского», ср.:

Штой на этой речке купался бабёр,
.
Купался, купался, невыкупался,

На речке-реке, на речке быстрой
Купался бобер, черный, молодой.
Он не выкупался, только вымарался,

[119] См.: [Потебня 1989].

Ötракивался,
.
Чёрнова-белова ищут,
Хочут шубу сшить,
Да сöвсем снарядить [ФФ ИЯЛИ. В 1544-3].

На берег узшел – обтряхивался,
На горку узшел – обсушивался.
Охотнички ездят, черного бобра ищут,
Хочут бобра бить, кунью шубу сшить,
Бобром опушить, жену снарядить,
К обедне отпустить, во след поглядеть! [Кир. 1983, № 29].

З.И. Власова, характеризуя песню «На речке-реке, на речке быстрой» из сборника П.В. Киреевского, дает к ней следующий комментарий: «Песня известна в публикациях XIX-XX в. как протяжная лирическая и как плясовая, исполнялась самостоятельно и в устойчивой контаминации с песней “Молодка”» [Кир. 1983. С. 288]. Отметим, что песня «Молодка, молодка молоденькая» в летской традиции исполнялась как плясовая, в лузской же традиции эта песня с зачином «Ночка тёмная да ночь осённая» бытовала как протяжная.

В одном летском варианте мотив «шуба для девушки» сменяется мотивом «молодец выспрашивает о своих чувствах девушку», который встретился нам в песне «Наталюшки, Марьюшки, городские девушки» из сборника «Фольклор русского Устья»:

Кочут снарьядить да надеждöй назвать.
Надежда, надежда, любишь ли меня?
Ежели ты любишь, ежели ты хочешь,
Ежели ты хочешь, друг, садися возле меня,
Ох, возле меня öли против меня,
Против меня люди бают,
Ой, люди бают или люди скажут,
Люди скажут: «Ты любишь меня».
[СыктГУ. 1363-3].

«…Да алой лентой обовью.
Белыма руцками совью,
Да алой лентой обовью.
Надеженькой надозву,
Крепко к серцу прижму.
Надеженькой надозву,
Крепко к серцу прижму».
– «Ти, надеженька моя,
Верно ли любишь ты меня?
Ти, надеженька моя,
Верно ли любишь ты меня?»…[ФРУ, № 179].

Вторая группа песен представляет бóльший интерес в плане анализа заимствованных текстов. Одна из таких плясовых песен – **«Тö ни пöшла, тöнчивала»** (То ни пошла, танцевала) [Прил. II-В, № 3].

Мотив «героиня спать ложилась» в прилузской песне имеет оригинальное выражение:

Прийустала, спать играла,
Спöч играла
Да спöч играла,
Спач играла ско милом,
Ско милово, ско милово,
Ско милова на колене.

Приустала, задремала;
Задремавши, спать ложилась
Ко молодцу на колени [Соб. II, № 28].

Лузская песня имеет явные «следы адаптации». В тексте появляется образ «вина стопочки», отсутствующий в русских вариантах:

На коленьö вина стопка,
Вина стопка, вина стопка,
Вина стопочка играет.

В конце возникает «заумное» окончание. Произошла замена реальных действий героев (в данном случае батюшки) звукоподражательной лексикой:

Мой батюшко скочибричи,
Скочибричи, скочибричи,
Скочибричи, образили,
Образили, образила [СыктГУ. 1331-42].

Хоть побранит,
Хоть побранит – перестанет [ТФВРАО, № 24].

«Хоть / хочь побранит», таким образом, сливается в одно слово «скочибричи». Образование подобного «заумного» слова произошло, скорее всего, из слов «коч» / «хоть» и «бричи» / «бранит».

Песня **«Кватя, Кватя квати брёшит»** [Прил. II-В, № 10] имеет размытую лексико-семантическую структуру. Зачинный стих «Кватя, Кватя, квати брёшит, Катя пёчелует» в песне из Пермской губ. реализуется как «Катю хвачу, Катю брошу, Катю поцелую» [Соб. IV, № 773]. При сопоставлении можно проследить, как произошла трансформация: Кватя ← Катя, квати ← хвачу, брёшит ← брошу, пёчелует ← поцелую.

В песне просматривается тема взаимоотношений девушки и молодца. С опорой на ключевые слова в песне можно выделить ведущий мотив этого текста – «молодой человек обманывает девушку»: «Это мальчик-разудальчик – / Левитса ёбманчик, / Ёбмана краснёй девица».

Перечисление дней недели в данном тексте (пятница, суббота, воскресенье) выступает формализующим признаком, который упорядочивает текст.

Уж я пятницу не буду,
Суббёта недельса,
Вёскресенньё неприменнё
Сам гости приеду,
Гёстинечу уведу,
Пёчёлует заведу [НМ РК. КП 12493. Л. 82].

Отметим, что текст был выявлен нами из рукописного источника, поэтому субъективное восприятие собирателя отложило определенный отпечаток при его фиксации.

Интересно отметить, что в пределах одного района один и тот же сюжет исполнялся с разными языковыми изменениями. Так, у лузских коми выявлена плясовая песня с зачином **«Сидит кабачкой»** [Прил. II-В, №№ 11, 11а, 11б]. В летской традиции этот текст с зачином **«Шёл, чуть не замерз»** бытовал как лирический. Варианты одного и того же сюжета были адаптированы двумя локальными группами по-разному: с сильными языковыми искажениями у лузских коми и отсутствием таковых у летских. В лузском варианте сохранился только образ монаха и в целом

текст выглядит бессмысленным. Мотив «монах надел ризу, очки, пошел плясать, садится на коня» получил разное воплощение в летском и лузском текстах:

Монах ризу надевал,
Большӧй ӧчки накладай,
Возы для монашеской,

Сын плясать пошёл,
Поплясал с охотой,
До охоты до здоволь,
Будет или нет.
Еле-еле конь бежит,
Еле-еле конь кудри,
Под монастыр в зелёный сад [СыктГУ. РФ 13-VI-11; лузский вариант].

Манак ризу надевал,
Большей книгу в ручки брал,
Очки награждал.
Возыграл манак в щёлчки,
Сам плясать пӧшёл.
Вышел манак на крылечко,
Выгӧваривал слӧвечко.
Ему конь бежит,
На коня манак садился,
Пӧд манаком конь бодрился,
В зелёном саду [СыктГУ. 13002-6; летский вариант].

В летской песне реализуется также образ девушки Саши, которую хотят наказать родители. Такая разница в передаче сюжета связана во многом с разным видом фиксации: аудиозапись в одном случае и запись «на карандаш» в другом.

Еще более трансформированный вариант был записан в с. Читаево [Прил. II-В, № 11а]. По отдельным словам этого текста («кабачок», «Гришка-мужичӧк», «стал плясывайтны», «манастыр», «плесать пошел», «зеленӧй садой») сюжет становится вполне узнаваемым.

Песня **«Спеть-погулять стало некому» / «Пить-погулять, старалика доричӧк гулять»** [Прил. II-В, №№ 4, 4а] имеет «искаженный» и «неискаженный» варианты. В «неискаженном» варианте мотивы узнаваемы, хотя не все слова и сочетания слов переданы адекватно. Мотивы «девушка гуляет по берегу, загоняет гусей домой, встречается с молодцем» довольно распространены в русских традициях [Соб. II, № 56 (Вологодск. губ.); ПП, № 117; ТФВРАО, № 25 (с. 91)]. Сравним с вариантом из усть-цилемской традиции. Мотив «скотинушка во долинушку ушла» в прилузском тексте оказался переосмысленным как обращение к девушке Катеньке («ты, Катенька, водуленько-солнышко»); мотив «осталась на крутом бережку» в прилузском варианте раскрывается как «не косу-ко, ни ко бережку». Также в тексте лузских коми появляется образ «гусли-мусли» вместо традиционных гусей-лебедей, ср.:

Спеть-погулять стало некому,
Во дворе загулять.
Ты, Катенька, водуленько-солнышко,
Не косу-ко, ни ко бережку,
Ни с по бережку похаживала,
Зелёну траву заломливала,
Ой, гусли-муси,
Гуси-лебеди, домой,
Неужели не наплавалися?

Стало не с кем спопить, спогуляти,
Да мене некого во садик загонять,
Ой, да скотинушка во долинушку ушла,
Ой, дак я осталась на крутом бережку,
Ой, да вдоль с-по бережку спохаживала,
Ой, да лебедей-гусей заганивала.
Ой, да вы летите, гуси серые, домой.
Да вы, серы гуси, наплавалисе [ЛПУЦ, № 104].

Прилузская формула «гусли-муси» созвучна русской «гусли-мысли», как, например, в песне из новгородской традиции [ТФНО, № 184].

В прилузской песне появляется глагол «задремала» вместо привычного «зарыдала» / «нарыдалась»:

Заплакала, задремала молодой,
Увидали, не видали года два.

Ой, да я, младешенька, наплакаласе,
Ой, да наплакалась, нарыдалась молода,
Ой, да с милым дружком не видалась три года [ЛПУЦ, № 104].

В прилузском варианте содержится оригинальная фраза «кури, кури папиросочка».

Вторая часть песни с мотивами «молодец торопится в баню», «девушка жарит рыбу» имеет близкий вариант в песне из Ленинградской области:

Бежит, бежит, не торопится.
Косогоре баня топится,
У милашки рыба жарится,
Ох, не мелка, не кружка
Да на голе сидёши [Микушев, Рочев 1963, № 175].

Под горушкой байня топится,
Милый в баенку торопится,
Поскорее надо париться,
У милашки рыбка жарится [ЛФ 2008, № 258].

Последние две строки прилузского текста не имеют сходства с русским вариантом и представляют собой лексически трансформированные выражения.

Второй вариант песни – «кыдъя роч» (букв. ‘русский с примесью’) текст [Прил. II-В, № 4]. Мотив «девушка идет по бережку, заламывает траву, гонит гусей», «девушка не виделась с милым два года» выражен в этом варианте еще более размыто. Кроме того, вместо образа гусей-лебедей появляется «заумное» «көстер-мөстер-гостер лебеди»:

Пить-погулять, пить-погулять,
<Старалика > <доричӧк> гулять
<Якачука с мыска с> бережку,
Не ко бережку покаживает,
Не кӧ зеленӧй трава положивает.
Көстер-мөстер-гостер, лебеди, домой,
Увидали, не видали куда два.

Как и в «неискаженном» варианте, в песне появляется образ бани и мотив «кури, кури папиросточка»:

Кури-кури папиросточка,
Бежи, бежи, не торопится,
Ёгорина Ваня топится.

Плясовая песня включает фрагменты на коми языке:

Ӧсинь купли-клопки,
Ӧчень дзурки-верки,
Аня-моня нянь сёйӧнӧ,
Пиверыслы вевтысян,
Моньыслӧ куран чунь.

Дверь купли-клопки,
Очень дзурки-верки,
Аня-невестка ест хлеб,
Деверю – укрытие,
Невестке – палец от граблей.

Концовку на коми языке исполнительница прокомментировала следующим образом: *«Последнее слово знаешь что – это том йӧзлӧн узьлӧмъяс чирк, узьлӧмъяс делӧяссьыс»* (это у молодых постельная возня, постельные дела). В данной «кыдъя роч»

песне А.В. Панюков усматривает эротический план, характерный для песенного репертуара молодежных собраний[120].

В Прилузье в результате коми-русских связей сложились оригинальные образования – гибридные тексты, включающие мотивы на русском и коми языке. По замечанию А.В. Панюкова, «общераспространенным вариантом освоения заимствований являются фольклорные контаминации, в которых коми и русские тексты составляют структурно-семантическое единство» [Панюков 2009. С. 27]. Так, в лузской плясовой песне **«Пö уличи мостовой шла девичи за водой»** [Прил. II-В, №№ 6, 6а] часть текста исполнялась на русском языке, а вторая его часть (ответ девушки своим родителям) звучала на коми языке и связана по смыслу с предыдущей:

Пö уличи мостовой
Да шла девичи за водой
Да за холöднöй, ключевой.
Да за юсь парень молодой,
Да кричит: «Девица, постой,
Да красавица, обожди,
Да белöй ручки подожди».
«Да юсь ты парень, паренек,
Да мой батюшко у ворот,
Да зовет меня в огород».

«Да батюшко и матушка,
Батюшко-й да матушка,
Да лэдзлö менö гуляйтны,
Лэдзлö менö да гуляйтны».
«Да мун жö, мун, муса нылöй,
Вой шöр кадъя гортö лок».
Да сомидз пос вылас петі,
Да друганöй паныд локтö,
Да веськыд зептас штоп вина,
Да шульга зепъяс сё поэтыр,
Да коймöд зепъяс пунт преник.

«Батюшка и матушка,
Батюшка и матушка,
Да отпустите меня погулять,
Отпустите меня погулять
Да иди же, иди, любимая дочь,
Домой приходи в полночь».
Да вышла на мост,
Да друг навстречу идет,
Да в правом кармане штоф вина,
Да в левом кармане сто яиц,
Да в третьем кармане фунт пряников [Микушев, Рочев 1963, № 213].

Отметим, что выделенный коми текст был довольно известным, в частности, он был опубликован В.А. Савиным еще в 1926 г. в составе другой коми песни «Ичöтиксянь быдтöмаöсь, дзоляникöн шуöны» (С малолетства воспитали, маленьким зовут) [Савин 1985. С. 56].

Стоит отметить появление в песне комиязычного слова *юсь*, что в переводе с коми языка означает «лебедь». В одном случае это слово заменяет слово *ней*, в другом – частицу *уж*:

[120] «<…> *тюни* ономатопоэтическое слово, обозначающее *коитус* (омонимичное заимствованному рус. *тюни* “валенки, зимняя обувь, состоящая из валенных головок и пришитых к ним суконных или холщовых голенищ”). Это значение связано с обыгрыванием слов *тюнь*/*чунь* “палец, перст; зубец, зубцы (граблей, бороны и т.п.)” и изобр. *тюнь*, *тюнь-тюнь* “метнуть; юркнуть, заскочить”; <…> *чирк* еще одно изобр. “коитус”, *чирсны* “дробить, толочь, шастать”» [Панюков 2009. С. 112]. Авторский курсив сохранен.

Шла девичи за водой
Да за колöднöй ключевой,
За колöднöй ключевой,
Да за юсь парень молодой…
«Юсь ты парень, паренек,
Да мой батюшкой у ворот,
Мой батюшкой у ворот,
Да зовет меня в огород» [Микушев, Рочев 1963, № 213].

Добавим, что в хороводно-игровой песне «Юсь по морью, морью синему», рассмотренной ранее, это слово также заменяет частицу *уж*.

Контаминация мотивов на коми и русском языке наблюдается также в плясовой песне **«Перевозчик, перевозчик молодой»** [Прил. II-В, №№ 14, 14а]. Заметим, что в одном варианте песня имеет зачин «У нас горенка нова, нова, нова» и начинается с мотива «по горенке гулял молодец, щипал сладки ягоды». Далее следует мотив «не во нынешнего, прошлого года», который является традиционным зачином в русских вариантах. После просьбы перевозчика дать золотой перстень в прилузском варианте возникает дополнительный фрагмент, состоящий из мотивов на коми и русском языке: «Мил сердечной на уме да разуме. // Как бы девушка мне сватьюшки была, // Взял бы ее замуж за себя, // Упросил бы, убасил бы для себя. // На полтину взял белы румяночек, // На другие сладки прянички, // Штё на третьи алы ленточки. // Первой кадö люлю-бай да люлю-бай, // Мöд во кежö двöйник вай да двöйник вай». В другом варианте концовка сюжета содержит разнообразные мотивы: «Мне не надо тысяча, // Только надо золотой перстень, // Зöлöт перстень на руке, // Жöлтöй перстень на руке, // Алö лента на косе, // Красна девка на уме, // Гöлубая лента смерти не люблю».

Только в одном варианте этой песни содержится образ реки Вычегды, что роднит эту песню с вариантом из Ленского района Архангельской области [СыктГУ. 0801-115, 0805-18].

Еще в одном прилузском варианте песни «Перевозчик, перевозчик молодой» комиязычная «вставка» сближает ее с текстом песни «Уродилася Дуня, се Дуня»:

Юродилась се Дуня, се Дуня,
Своя мама гуляла, гуляла,
Свою дружку грешила, грешила
Он не верит, не верит.
Он не берет меня, не берет
Не одну меня любит, любит
Полюби меня, полюби.
.
.
.
.
.
Прöстöй ленточка не надо,
Надо куим пöлöс печатöсь, печатöсь,

Перевозщик, перевозщик молодой да,
Ой, ляли перевозщик молодой,
Перевозь меня за реку.
Ой, ляли, ляли возьми же,
Ты возьми 100 рублей,
Ой, ляли, ляли перевези же.
Нам не надо 1000 рублей,
Ой, ляли, ляли не надо,
Только надо зöлöтöй перстень,
Ой, ляли, ляли на руке, на руке,
Алöй лента на косе, на косе,
Ой, ляли, ляли на руке.
Прöстöй лента не надо, не надо,
Ой, ляли, ляли не надо,

Куим пӧлӧс печатӧсь надо,
Мед быдсӧн тугъя дора,
Мед быдсӧн шӧвк виз лада,
Мед быдсӧн тугъя дора [СыктГУ. РФ 13-VI-6].

Куим пӧлӧс печатӧсь,
Ой, ляли, ляли куим пӧлӧс печатӧсь,
Мед быдсӧн сыръя дора,
Ой, ляли, ляли тугъя дора [СыктГУ. РФ 13-VI-13].

Завершающий мотив на коми языке в переводе выглядит следующим образом:

Простой ленточки не надо,
Надо трех сортов, сортов,
Трех сортов надо,
Чтобы каждая с кисточками,
Чтоб каждая шелковая,
Чтоб каждая с кисточками.

Таким образом, перед нами четыре варианта песни «Перевозчик, перевозчик молодой», которые имеют разные финальные мотивы.

Подобное явление соединения мотивов на коми и русском языке наблюдается также в песне **«Ох, ты, зимушка зима»** [Прил. II-В, № 33].

Еще одна особенность русских плясовых песен, бытовавших в Прилузье, – это вкрапления отдельных комиязычных слов, как, например, в песне «Сенька тюречку телегу продала» [Прил. II-В, № 21]:

Под горою баня топится,
На горе баня валяется,
На горниче, на столе.
Чаем чашкой я давим довед,
Вот чашочек плавает.
Коді же черпает,
Дай Анфисушка черпает.
Коді же да выкушай,
Да и горюшко выкушай.

Слово *коді* переводится на русский язык как *кто* и вполне органично вписывается в песенную строку: кто же черпает, кто же выкушай.

Песня **«Кыз, кыз кӧса»** (Толстая, толстая коса) [Прил. II-В, № 9] содержит «вставку» на русском языке:

Кыз, кыз кӧса,
Быдкай йылын красӧта
Айлы-мамлы потлавны,
Дзоляяслы дзольгыны,
Пӧрысьяслы ручитыны,
Гымышас, лэптыштас,
Быд керка вылӧ кайны,
Мича ныл петалӧ,
Сылӧн кияс вина штоп,
Вина штопыс киссьӧ,
Слободаыс сотчӧ.
Быдтӧ пыр и погоди.
Катша с маслӧвые,
Жена ласкӧвые,
Жена пиведивее,
Тотарин, вотянин,

Толстая, толстая коса,
На горе красота,
Отцу-матери расколоться,
Маленьким щебетать,
Старым поручать.
Прогремит, приподнимет,
На каждый дом подняться,
Выходила красивая девушка,
У нее в руках штоф вина,
Штоф вина проливается,
Слобода горит.
Всегда погода.
Катша с маслӧвые,[121]
Жена ласкӧвые,
Жена пиведивее,
Тотарин, вотянин,

[121] Формула «каша масляная» встречается в плясовых текстах Архангельской области: см., например: [СыктГУ. 0828-41].

Весь пӧлӧвинӧ штоп [Микушев, Рочев 1963, № 208].

Весь пӧлӧвинӧ штоп.

Формула *«тотарин, вотянин, весь пӧлӧвинӧ штоп»* встретился нам еще в ряде лузских текстов [ФФ ИЯЛИ. К 425-11, Микушев, Рочев 1963, № 276 и др.]. Образы «каши масляной» и жены мы обнаружили в песнях из Ленского района Архангельской области и Ульяновского Присурья [СыктГУ. 0828-41; Ульяновское Присурье II. С. 265].

В прилузских традициях зафиксирована песня **«Шурик-шарик, шандарин»** [Прил. II-В, № 15], построенная по принципу детских считалок: «Колду раз, кӧлду два, // Кӧлду спа серебра». Кроме того, известный песенный мотив «кумачу я не хочу, китайки не надо» в тексте реализуется как «кумачу я не хочу, китаеч-то не мода».

В песне **«С кандалы ты ю далы»** [Прил. II-В, № 13] отмечается нанизывание малосвязных друг с другом слов. Большая часть «узнаваемых» слов в этом тексте – существительные: нога, штук, калека, денежки в карман, по рублям, подруга. Также в песне содержатся числительные (двенадцать штук, полтора рубля). Глаголов действия встречается немного: ехали-переехали, пиши-ка. В этой песне малопонятным остается слово *ю* (ср. с использованием этого же слова в песне «Еще царю, пӧ еще царю» – рассмотрена раньше):

С кандалы ты ю далы,
Да ю да лы ты седалы,
Как нога ты седалы,
Ю не штук,
Двенадцать штук.
Ю ехали-переехали,
Всё касанӧй пиши-ка,
Ой, ой калека.
Ёна денежки в карман,
По рублям и по мошням,
Рублевӧй мошняанӧй,
Полтора рубля подруга [СыктГУ. РФ 13-VI-12].

Песня заканчивается формулой «книжками, бумажками, билетами, паспортами», которая встретилась нам в другой прилузской песне «Тіян Дарья» (Ваша Дарья) [Микушев, Рочев 1963, № 200]. Опять же встречаем вкрапление коми слова *ёна*[122] в текст песни.

Можно отметить такую особенность русскоязычных лузских плясовых песен, как стабильные «искажения» текста – устойчивое воспроизведение одной версии «искаженного» в процессе усвоения поэтического текста, заимствованного так изначально. Эту черту можно объяснить устной природой усвоения и передачи фольклорного произведения. В качестве примера рассмотрим лузскую песню **«Олӧ-**

[122] Переводится с коми языка как очень.

вылӧ гӧлубенька» (Жила-была голубонька) [Прил. II-В, №№ 8, 8а]. Для сравнения приведем нижневычегодский текст (Архангельск. обл.), «проясняющий» языковые искажения. Заметим, что зачины всех вариантов довольно близки:

Олӧ-вылӧ гӧлубенька,
Олӧ-вылӧ гӧлубенька,
Красная девонька,
Красная девонька [Микушев, Рочев 1963, № 154].

Олӧ-вылӧ да олӧ-вылӧ,
Олӧ-вылӧ гӧлубенька,
Гӧлубенька да гӧлубенька,
Гӧлубенька красная девка
[СыктГУ. РФ 13-VI, № 8].

Ала-бела голубонько,
Да ала-бела голубонько,

Красная девонька [СыктГУ. 0816-26].

Мотивы «девушка пошла плясать», «девушка просит молодца поиграть в гусли» получили в лузских текстах специфическое оформление:

Пӧкатилася девонька,
Пӧм плясате,
Пӧгусьӧм плясате
Она чори рӧставайте,
Она чори рӧставайте,
С молодцом играйте,
С молодцом играйте,
С молоденька розьобелёным
[Микушев, Рочев 1963, № 154].

Красная девка пошла плясать.
Пригласи девонеха погуси,
Пригласи погуси играть,
плясать,
Через доставай-ка играй.
Молодеч идёт [СыктГУ. РФ 13-VI, № 8].

Ой, да захотелося девоньке,
Да спохотелося девоньке,
С-по гуслям играти,
Да с-по гуслям играти,
Да она стала заставляти,
Да она стала заставляти
Молодца играти,
Ой, да молодца играти:
Ой, да молодец мой возлюбленный,
Да молодец мой возлюбленный,
Душа возлюбленной,
Да душа возлюбленной
Да поиграй пожалуй в гусли,
Да поиграй пожалуй в гусли…
[СыктГУ. 0816-26].

Прилузские плясовые песни имеют довольно бессмысленные окончания, значение которых не доступно «уразумению ни русских, ни коми слушателей» [КНП I. С. 14]. Подобное нанизывание созвучных лексем позволяет заполнить «пустоты», которые образовались в результате адаптации песенного текста в иноязычной среде.

Русские нижневычегодские варианты этой песни имеют продолжение: молодец дает девушке ответ, в котором объясняет, почему не может поиграть. Видимо, эта концовка в лузских текстах и подверглась такому «разрушению»:

Молодечка розыгроным,
Душа во зеленой,
Душа во зеленой.
Зили-били барабан,
Зили-били барабан,
Число-мисло сера,
Число-мисло сера.
Сера куша чизлӧвала,
Сера куша чизлӧвала,
Милой разлучило
[Микушев, Рочев 1963, № 154].

Молодечкой возлюбленнӧй,
Душа возеленая.
.
Чирин бирин полагали,
Чирин бирин полагали,
.
Число-мисло сё.
Сера кумӧ дзиздывала,
Сера кумӧ дзиздывала
[СыктГУ. РФ 13-VI, № 8].

– Да уж я рад в гусли играти,
Рад я танцевати,
Как услышит мой родитель,
Да как услышит мой родитель,
Батько-благодатель,
Да батька-благодатель,
Станет бить меня <бранити>,
Да станет бить меня <бранити>,
Тобой попрекати.
Как услышит мой родитель,
Батько-благодетель,
Да станет бить меня бранить,
Всяко ругати,
Всяко-всячески ругати,
Тобой попрекати [СыктГУ. 0816-26].

Подобную «размытость» песенного текста можно отметить в схожем коми варианте из Княжпогостского района Республики Коми (с. Ляли) [ФФ ИЯЛИ. К 115-21][123].

Добавим, что в песне лузских коми произошла замена малопонятных слов «ала-бела голубонько» более доступными и конкретными *«ала-бела голубонька»*. Эта фраза переводится с коми языка как «жила-была голубонька». Тем самым, текст становится «своим», приспосабливается к родной языковой среде. Также стоит отметить, что в одном из вариантов произошло соединение с мотивом «тӧ ни пӧшла, тӧнчивала» [СыктГУ. 13104-4], который реализуется в другом песенном тексте [Прил. II-В, № 3].

Песня **«Изу лесу, перелесу»**, записанная у лузских коми в одном варианте [Прил. II-В, №№ 7, 7а], имеет близкий вариант в корткеросской традиции Республики Коми, который является пограничным с Прилузским районом. Примечательно, что по своим структурно-семантическим особенностям они практически идентичны. Мотив «голубь летит из-за лесу» строится на нанизывании повторяющихся слов:

Из у лесу да из у лесу,
Из у лесу, перелесу,
Перелесу да перелесу,
Перелесу летит гӧлуб,
Летит гӧлуб да
Летит гӧлуб, сизӧй гӧлуб,
Сизӧй гӧлуб да
Сизӧй гӧлуб некавеску [Микушев и др. 1960-1961, № 38].

Изу лесу, изу лесу,
Изу лесу, перелесу,
Перелесу, перелесу,
Перелесу летит гӧлуб,
Летит гӧлуб, летит гӧлуб,
Летит голуб, сизӧй голуб,
Сизӧй гӧлуб, сизӧй гӧлуб,
Сизӧй гӧлуб, никавеска [Коми календарь 2002, № 40].

Далее идет набор лексически трансформированных слов:

Некавеску про невестку
Про невестку да про невестку,
Про невеску весел ладӧсь,
Весел ладӧсь, ой, навели,
Ой, навели да, ой, навели,
Ой, навели, скоро пели [Микушев и др. 1960-1961, № 38].

Ни кавеска, никавеска,
Ни кавеска, проневеска,
Поневеска, поневёска,
Поневеска вечор ради,
Вечорами, вечорами…[Коми календарь 2002, № 40].

Исследуя заимствованные тексты, необходимо брать во внимание источник – исходный архивный документ. В рукописях зачастую отражается субъективный фактор в восприятии песенного текста. Собиратель, фиксируя текст на карандаш, допускает в нем разного рода неточности. Отсутствие аудиозаписи затрудняет «проверку» данного рукописного текста. Среди наиболее ярких огрех собирателя мы можем указать следующие. Зачин песни «Уродилася Дуня» выглядит как «Юродилась седуня, седуня» [СыктГУ. РФ 13-VI-6]. Парное сочетание «ноженек-складенек» выглядит как «Ножки разгибала слабенӧк, // Разрушила, разгибала слабенёк» [НМ РК. КП 12482. Л. 12об.].

[123] Цитируется по: [Панюков 2009. С. 118-119].

Добавим, что в других лузских вариантах «правильного» образа не возникает: он либо вовсе отсутствует, либо звучит как «ноженёк-ваденёк» [Микушев, Рочев 1963, № 66].

Таким образом, в прилузских традициях мы выделили плясовые припевки и традиционные плясовые песни без функции припевания. С точки зрения языковых особенностей мы провели деление песен на песни трансформированные в процессе усвоения и менее искаженные. К последней группе относятся все песни летских коми, а также часть лузских. К искаженным принадлежат некоторые песенные сюжеты из традиции лузских коми. Летский и лузский репертуар тем самым демонстрируют разную степень адаптации песенных текстов. Адаптация лузского плясового фольклора проявляется в ряде признаков: вкрапления мотивов на коми языке, «выпадения» отдельных мотивов. Часто песни связаны между собой на уровне общих мотивов и текстовых фрагментов. Также можно наблюдать такую особенность плясовых текстов, как устойчивое воспроизведение искажений, усвоенных в процессе заимствования. Заметим, что для летского репертуара данные особенности не характерны: все тексты воспроизводятся без искажений и трансформаций, что связано с более поздней фиксацией собирателями этого пласта фольклора на Летке. Плясовые песни в бóльшей степени имеют близкие варианты из традиций Архангельской, Вологодской, Кировской областей, Пермского края.

Мы рассмотрели два варианта проведения рождественских игрищ в пределах одного района. Имеющиеся разночтения проявляются на уровне репертуара и на уровне сценария. Совпадения в репертуаре немногочисленны. Так, общими хороводно-игровыми сюжетами являются «Хрен», «Посадили молодец» (рефрен «Дунай, мой Дунай»). Общими сюжетами плясовых песен лузской и летской традиций являются «Во саду ли в огороде», «Уродиласе Дуня» («Ок, ты Дунюша Дуня»), «По бережку ходила да гуляла», «По уличи мостовой шла девица за водой», «Молодка, молодка молоденькая». Две автономные традиции (лузская и летская), тем не менее, дают некую общую картину бытования молодежных собраний.

Треть лузских текстов записана по одному варианту, что не дает возможности говорить об устойчивом бытовании того или иного сюжета. Несмотря на неполноту комментариев к текстам песен, можно говорить о том, что в лузской традиции бытовали собственно игровые, хороводные, хороводно-игровые (исполнялись в кругу и на две стороны) песни, которые разными способами выделяли главных героев молодежной игры – девушку и юношу (плясовые припевки).

Летские игрища включали в себя наборный хоровод, «плетень», «столбы», песни с разыгрыванием и припевки.

Весь рождественский хороводно-игровой комплекс был сосредоточен на брачной тематике. Тема «свадьбы / женитьбы» на молодежных игрищах в Прилузье была ведущей и пронизывала весь песенно-игровой репертуар. Практически все хороводно-игровые сюжеты прилузских коми были известны в русских традициях. Особое внимание оказали вологодско-архангельские традиции. Близкие варианты прилузских песен «Под пенем, пенем анистровым», «Марпа пö сидят-кодят», «Собиралися девушки да собиралися красную», «Кругом-ко кругом да сöкола летела», «Чашечки литы, литы, литы» встретились нам только в публикациях из Архангельской области.

Лузская и летская традиции представляют собой разную степень освоения заимствованного фольклора. В летской части района материал выглядит более целостным и однородным, в нем отмечается хорошая сохранность традиции. Лузские песенные тексты отличаются бóльшими языковыми искажениями. На материале лузского песенно-игрового фольклора можно наблюдать, как традиция вырабатывает способы адаптации русских текстов к иноязычной среде (контаминации, осмысление песен на языковом уровне). На Лузе довольно активно бытовали так называемые «кыдъя роч» (букв. «русский с примесью») тексты – специфические тексты с соответствующей стилистикой и организацией лексико-семантического уровня. Примечательно, что только на Лузе были выявлены тексты на коми языке («Воча-воча ветламöй», «Иванушка-караван, «А ми проса кöдзамö», припевки и др.). В летской части зафиксированы только русскоязычные песни. Лузская традиция оригинально обрабатывает известные хороводно-игровые сюжеты. Так, песня «Бояра, бояра молодою» строится не как диалог бояр и княгинь, в ней содержатся вопросы к боярам и просьба показать детали одежды. Не менее интересен текст песни «Каково у вас добрöй молодеч да жениче?»: данную песню мы склонны рассматривать как творческий «продукт» прилузских коми – используя русские слова и грамматику коми языка, исполнители создали свой уникальный сюжет.

Говоря о плясовых песнях, отметим, что лузские плясовые песни, заимствованные из русской среды, в языковом отношении неоднородны: часть текстов усвоена коми традицией без изменений, часть представляет собой *кыдъя роч* тексты. Примечательно, что в пределах лузской локальной традиции один и тот же плясовой сюжет исполнен по-разному: в одном случае текст звучит без трансформаций, в другом

случае мы можем говорить об адаптации песни к коми традиции («Спеть-погулять стало некому» / «Пить-погулять, старалика доричек гулять»). С другой стороны, в пределах одного района у лузских и летских коми один и тот же вариант воспроизводился по-разному («Шел, чуть не замерз» / «Сидит кабачкой»). Летские русские плясовые песни усвоены традицией в основном без языковых изменений. Плясовой репертуар, созданный в местной среде, образуют шуточные песни (по терминологии Ю.Г. Рочева). Они включают в себя мотивы на русском и коми языке.

Процессы адаптации иноязычного песенно-игрового фольклора мы проследили на фонетическом, морфологическом, лексическом уровнях. К особенностям адаптации мы отнесли включение слов и мотивов на коми языке, переосмысление и замена малопонятных слов более доступными, оригинальное осмысление значений русских слов, осмысленное усвоение русской лексики с очевидным влиянием коми языка, выпадение отдельных мотивов, устойчивое воспроизведение искажений, усвоенных в процессе заимствования, связанность текстов на уровне общих мотивов и текстовых фрагментов.

ГЛАВА III. РУССКИЕ ЛИРИЧЕСКИЕ НЕОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ В РЕПЕРТУАРЕ ПРИЛУЗСКИХ КОМИ

§ 1. Источники изучения русских лирических песен прилузских коми

Самые ранние записи русских лирических песен в Прилузье относятся к XIX в.: один текст был записан М.С. Косаревым в 1850-м г. у «орловских пермяков» (летских коми), три песни выявлены Н.А. Добротворским в 1882 г. в с. Слудка Орловского у. Стоит отметить, что варианты этих записей были зафиксированы собирателями в 1970-80-е гг.

Следующие по времени материалы по народной лирике Прилузья относятся к 1930-м гг. В материалах рукописного фонда НМ РК нами выявлена 1 лирическая песня из с. Объячево в записи студентов педтехникума [НМ РК. КП 12484. Л. 238].

Интересные данные приведены в отчете И.А. Осипова по результатам поездки в Объячевский с/с в 1939 г. Он представил некоторые сведения об исполнителях народных песен. Говоря о составе колхозного хора, собиратель указал на репертуар каждой из певиц. Примечательно, что женщины в равной степени знали и русские, и коми песни. Так, характеризуя репертуар Елизаветы Ефимовны Стрекаловой, И.А. Осипов пишет следующее: «Старожилка, сьылӧ ичӧтсянь[124]; репертуар: ”Югыд шонді синмӧ швачкис” (ас лӧсьӧдӧм)[125], “Сад йӧрын кӧ ныв гуляйтӧ”[126], “Ме кӧ ветлі гуляйтныс”[127], “Кор ме вӧвлі кызь арӧса”[128], “Шонді банӧй олӧмӧй”[129], “Кокын башмак”[130], “Иванушко Кӧрӧван”[131], “Гажтӧм лоис мича нывлы” (кык мотивӧн)[132], “Девья красӧта” (бӧрдӧм)[133], “Зумлӧс лыддьӧм”[134], “Мамӧ, ӧшиньтӧ восьты”[135], “Я вечор дружка”, “Юродилася я”, “Новой песни я васкую / плавскую”, “Кӧкушенька спӧдняла” (свадебнӧй), “Столья засыпайте”[136], “Я пойду с горья”, “Кончил, кончил”, “Бежит ричка”, “Рӧштво дыръя сьылӧм” (йӧктӧмъяс-сьылӧмъяс)[137], “Сӧлӧвей, ты

[124] Поет с детства.
[125] Яркое солнце в глаза светит (собственного сочинения).
[126] В саду девушка гуляет.
[127] Выйду-ко я погулять.
[128] Когда мне было 20 лет.
[129] Солнцеликая жизнь.
[130] На ногах башмаки.
[131] Иванушко-Караван.
[132] Скучно стало красивой девушке (на два мотива).
[133] Девья красота (причитание).
[134] Приговор дружки «Зумлӧс».
[135] Мама, открой окошко.
[136] Возможно, «Стал я засыпати».
[137] Пение в Рождество (пляски-песни).

сӧлӧвей”, “Разлука”» [Осипов 1939. Л. 24]. Стоит отметить, что И.А. Осипов зафиксировал сведения о репертуаре не только от женщин. Так, он привел репертуар Михаила Логиновича Стрекалова: «Колхозник, 72 арӧса, н/гр. Сибирын 5 во овлӧма. Старожил, репертуар сійӧ жӧ, но тӧдӧ и ёна важсаясӧс[138]: “Ванивачаёт”, “Как по матушке на Неве”, “Дом не низок, не высок”, “Шлин молодца”, “На угоре дом стоит”» [Осипов 1939. Л. 24]. Также в своем отчете собиратель привел инципиты таких русскоязычных песен, как «По улице мостовой», «Во саду ли, в огороде», «Приказщика жена торговала», «Золотые ваши коденькой», «Корошо я дочи Аннушка», «Юродилась седунья»[139], «Я гуляюсь день и ночь» [Осипов 1939. Л. 25]. Непосредственно в отчете им названы и приведены лишь песни на коми языке. Добавим, что И.А. Осипов в отчет включил пословицу, связанную с пением песен: *«Сьылӧмнас и кадыс пӧйдитас, а сьывтӧгыд оз и пӧйдит»* [Осипов 1939. Л. 24] (С пением и время проходит, а без пения и не проходит).

Большую ценность в материалах по прилузской лирике имеют записи фольклористов Коми филиала АН СССР 1960-1970-х гг. Благодаря их собирательской деятельности зафиксировано более 70 текстов русских лирических необрядовых песен. Заметим, что основной песенный материал был записан в лузской части района. Так, коми музыковед П.И. Чисталев в 1960 г. выявил 2 лирические песни в с. Объячево, 3 в с. Ношуль и 7 в с. Поруб Спаспорубского с/с. [Микушев и др. 1960-1961, №№ 23, 37, 39, 40, 42, 59, 60, 65, 71-74]. Об этой экспедиции и о выявленном репертуаре музыковед упоминает в своей статье: «Во время фольклорной экспедиции на верхнюю Сысолу и в Прилузье в 1960 г., например, автором данной статьи записано 114 наименований песен, русских песен – 40. Среди них – “За Невагою”, “Ехал Дунай” (местное название – “Окол Дон”), “Во лузях”, “Ивушка да Ивушка”, “Вдоль по Питерской”, “Вы прощайте, девки, бабы”, “Вдоль по бережку”, “У нас горенка нова”. Жанровый состав их разнообразный. Наряду со свадебными песнями и причитаниями (на русском и коми языках) соседствуют такие разноплановые песни, как “А мы просо сеяли”, “Скакал казак через долину”, “Сижу за решеткой”, “Разлука”, “Кирпичики” [Чисталев 1976. С. 20-21].

Единичные записи русских песен имеются в материалах 1961-1962 гг. (см. [Микушев 1960-1961, № 84; ФФ ИЯЛИ. А 1531]).

[138] Колхозник, 72 года, неграмотный, жил в Сибири 5 лет. Старожил, репертуар тот же, но знает и очень старинные.
[139] Очевидно, это инципит песни «Уродилася Дуня», широко бытовавшей среди лузских коми.

В отчете к экспедиции 1963 г. А.К. Микушева и Ю.Г. Рочева представлено 14 русскоязычных лирических песен [Микушев, Рочев 1963], это при том, что собиратели ставили своей целью сбор коми песен, которые впоследствии были опубликованы А.К. Микушевым в сборнике «Коми народные песни»: 8 из с. Читаево, 5 из с. Объячево, по одному тексту из с.с. Ношуль и Занулье [КНП I, №№ 4, 8, 14, 32, 37, 38, 57, 64, 65, 66, 80, 83, 104, 108, 120].

В статье «Русско-коми фольклорные музыкальные связи» П.И. Чисталев указал на песенные записи экспедиции 1968 г. в с. Спаспоруб: «Мы записали от старейших певиц – женщин, живущих среди русских со дня замужества, большое количество классических русских народных песен на “вятском наречии”, среди них: “На заре-то на зорюшке”, “Сохнет, вянет в поле травка”, “Ходила младешенька по борочку”, “Что ни гулюшка, сизый голубочек”, “Ой да, с по заре рано летала” и др. В селах с русско-коми населением на равной основе распеваются и русские, и коми народные песни» [Чисталев 1976. С. 19]. К сожалению, нам не удалось выявить материалы данной экспедиции, но инципиты указанных песен встречаются в материалах других собирателей,[140] что указывает на устойчивое бытование русскоязычного репертуара у прилузских коми.

Довольно плодотворной оказалась экспедиция Ю.Г. Рочева в с. Летка в 1976 г., в результате которой выявлено 32 лирические песни на русском языке [Рочев 1976].

Из более поздних записей, хранящихся в ФФ ИЯЛИ и НА Коми НЦ, стоит отметить материалы двух поездок А.К. Горчакова в Прилузский район. Так, в 1989 г. им было зафиксировано всего 2 лирические песни в с. Объячево [ФФ ИЯЛИ. К 425, №№ 2, 15] и в 1992 г. 2 песни в с. Слудка [ФФ ИЯЛИ. К 433, №№ 19, 20]. Эти тексты являются довольно популярными в традиции прилузских коми.

В 1998 г. сотрудниками ИЯЛИ Коми НЦ А.В. Панюковым и Г.С. Савельевой записано 3 песни в д. Ивановка Прокопьевского с/с [ФФ ИЯЛИ. В 1503].

Таким образом, фольклористами Коми НЦ выявлен богатый песенный материал по прилузской лирике. Стоит заметить, что большое количество песенных сюжетов, зафиксированных фольклористами Коми филиала АН СССР, в дальнейшем не записывались собирателями, и в комментариях исполнителей эти песни либо

[140] В частности, песня «Сохнет-вянет в поле травка» встречается в материалах А.К. Микушева, Ю.Г. Рочева: [Микушев, Рочев 1963, № 155]; в записях Ф.В. Плесовского [ФФ ИЯЛИ. 1531-2]. Песня «На заре-то было да всё на зорюшке» фиксировалась фольклористами СыктГУ: [СыктГУ. 13121-37, 38, 47, 13131-35, 6]. Песня «Ой да, с по заре рано летала» в прилузском репертуаре имеет зачин «Горе-горькая кокушка», также выявлена в ФА СыктГУ: [СыктГУ. 13121-35, 36; 13130-2].

обозначены в виде инципитов, либо текст не воспроизводился вовсе. Хронологические рамки зафиксированных текстов – 1960-1990-е гг.

В ФА СыктГУ также содержится богатый материал по прилузской лирике, собранный преимущественно в экспедициях 1990-2000-х гг., а также в ходе индивидуальных фольклорных практик студентов в разные годы. Кроме того, в ФА СыктГУ находятся записи песенного материала краеведа П.Г. Сухогузова из Прокопьевского с/с в 1978, 1980 гг. Это 34 лирические песни в исполнении женских коллективов [СыктГУ. 13001-13005].

В результате экспедиционной деятельности СыктГУ гг. в 1990, 1991, 1996, 2001, 2004, 2006, 2007 гг. было зафиксировано более 50 записей песен [Прил. IV]. В результате фольклорных практик студентов СыктГУ в лузскую и летскую части района в 1974, 1978, 1979, 1998, 1999, 2000-2002, 2005, 2010 гг. записано 32 текста лирических песен.

Стоит отметить, что записи СыктГУ производились по всему летскому кусту деревень, в лузской части района охвачена бóльшая часть территории – Объячевский, Спаспорубский, Ношульский, Чернышский, Читаевский с/с.

В 2006 г. в ходе совместной экспедиции фольклористов СыктГУ и ИЯЛИ Коми НЦ в летскую часть района (Прокопьевский с/с) записано 20 лирических песен [ФА СыктГУ. АФ 13261-13264, ФФ ИЯЛИ. В 1542-1545].

На основе представленных записей мы составили репертуарные списки лирических песен обеих прилузских традиций. Репертуар лузских коми насчитывает 22 сюжета в 45 вариантах. Он был зафиксирован в 1960-2000-е гг. в нескольких населенных пунктах бассейна реки Луза: с.с. Объячево, Ношуль, Поруб, Читаево, Занулье, Черныш, д.д. Керос и Пожмадор Объячевского с/с [см. Прил. III]. В материалах по летской традиции нами выявлено 44 сюжета русских лирических песен в 210 вариантах, основной блок которых записан в Прокопьевском с/с (с. Прокопьевка, деревни Ивановка, Вавиловка, Лавровка). Отметим, что для этих двух локальных традиций общими являются только 2 сюжета: «За Невагою» и «Сизенький голубчик сидел на кудивой» (в лузской традиции песня имеет зачин «Очи ево ясны»). Песенный репертуар, зафиксированный в 1960-70-х гг., более разнообразен, нежели современные записи (1990-2000-е гг.), в которых этнографический материал преобладает над песенным. Подчеркнем, что лузские лирические песни еще не являлись предметом исследования ученых. Изучению же летской традиции посвящен ряд современных исследований филологов-русистов, среди которых следует отметить работы А.Н.

Власова [СыктГУ Власов], Г.С. Савельевой [Савельева 2004; Савельева 2007], Т.С. Каневой [Канева 2008].

§ 2. Народная лирика прилузских коми: особенности бытования и терминология исполнительства

Русские лирические необрядовые песни исполнялись в Прилузье в любое время («*кӧть кор сьыв*» – хоть когда пой). Их пели в праздники, на вечеринках, посиделках («посидёнокын»), при работе (в поле, на сенокосе, при заготовке дров, при шитье), во время отдыха *(«шойччиг сьылӧнӧ»*). Любопытно, что на сенокосе во время точения косы лопатой создавался особый ритм для исполнения песни (пели, как под музыку): *«Эса ведь мамым сьылывліс ытшкигас. Сія чожа сьылсьӧ. Лопатитігас сьылліс. Кыдзи тай музыка артмӧ лопатитігӧн. Сійӧ звукыс, лопата шыыс»* [ФФ ИЯЛИ. В 1545-1] (Это ведь мать пела, когда косила. Она быстро поется. Когда лопатила, пела. Как музыка получается, когда точат косу. Это звук, звук лопаты).

Ю.Г. Рочев отметил исполнение лирических песен в с. Ношуль на летних гуляниях: «Кроме рождественских вечеров песни пелись и в другие праздники. Например, в так называемые “Юан недель лун” [букв. – “Пивное воскресенье” – С.М.], который происходил через неделю после Троицы. В Слудке (33 км от Летки) этот день назывался “Перескачка”. Мусанова Д.В., уроженка этих мест, так описывала проведение этих увеселений. У реки на большой поляне собирались молодые и пожилые, дети – все население Слудки. Играли в мяч и другие игры (например, “Ыж кутасьӧм” [“Ловля овец” – С.М.][141], катали куриные яйца, плясали, прибаутки рассказывали, пели; пожилые пели и протяжные песни: “Кӧнкӧ кузь сьыланкылъяс, чукӧрччӧны пӧрысьджыкъясыс, сьылӧны сэні”[142]» [Рочев 1976. Л. 5]. В репертуаре прилузских коми зафиксировано 3 варианта песни «Золотые ваши кудреньки» [Прил. III, № 55], которые, по словам исполнительниц, пели «летом и во время Пасхи. Сядешь на качели и запоешь ее» *(«Гожӧмын, Ыджыд лун дырйи. Гытсанӧ пуксян да тайӧс босьтан сьылны»*) [Микушев, Рочев 1963, № 212].

Кроме того, по замечанию Ю.Г. Рочева, лирические песни пелись и на свадьбе и заменяли некоторые причитания[143]. В качестве примера фольклорист приводит

[141] Русская игра «Жмурки». Ю.Г. Рочев описал ее разыгрывание в этом же отчете [Рочев 1976. Л. 41, № 96].
[142] Собираются, кто постарше, длинные песни поют там.
[143] Как пишет И.В. Королькова, «в целом ряде локальных традиций оказывается типичным звучание лирических песен в процессе свадебного обряда. Важно отметить, что исполнение лирики

инципит песни «Ок, слетелась кукушица» [Рочев 1976. Л. 11]. К сожалению, сам текст собирателем не выявлен. Единственный вариант этой песни в записи 1978 г. с зачином «[Летела] кокушица» строится на мотивах «мать родила дочь, истопила баню для невесты-дочери, отдала в чужи люди» [Прил. III, № 52]. Отметим, что текст по своему содержанию отсылает к свадебному обряду: в нем детально описывается момент приготовления бани, мытья в нем дочери, послебанные действия, выдача замуж и представления о «чужой стороне». Вариантов песни найти не удалось.

Также стоит сказать о мужском и женском исполнении лирических песен. Доминирующим в прилузских традициях является женское пение. Но нами выявлены записи, в которых мужчины также пели эти песни вместе с женщинами [СыктГУ. 13004-29, 30]. Исполнительницами отмечается и сольное мужское исполнение: «С*тарик Макар пел песню*» [СыктГУ. 13130-9]; «*У меня муж Осипов-то был, тоже иногда пел длинные песни*» [ФФ ИЯЛИ. В 1542-1]. В нашем распоряжении имеется полевая запись, в которой песню «Ох, как поехал наш-от император» запевает мужчина [СыктГУ. 13004-27].

Отдельно стоит остановиться на терминологии исполнительства в Прилузье. Богатая песенная терминология характерна для летской певческой традиции. В 1976 г. Ю.Г. Рочев (сотрудник ИЯЛИ) совместно со студентами-практикантами СыктГУ совершил экспедицию в с. Летка. Отчет Ю.Г. Рочева содержит разнообразные сведения, связанные с исполнением песен. Им делался специальный акцент на сборе этого материала. Всего в ходе этой экспедиции зафиксировано около 60 терминов, дающих широкий контекст бытования лирической песни и песни как таковой [Рочев 1976]. Материалы, собранные в ходе данной экспедиции, являются основным источником по изучению летской песенной терминологии[144]. Кроме того, в ходе экспедиций в с. Прокопьевку в 1998 и 2006 гг. также были записаны некоторые термины, касающиеся исполнения русской лирической песни. Материалы этих экспедиций и легли в основу характеристики терминологии песен летских коми. Заметим, что в нашем распоряжении совсем немного сведений о терминологии исполнительства в лузской части района.

ограничивается довенечным этапом свадьбы и охватывает обрядовые ситуации, маркирующие различные ступени “отчуждения” невесты от “своего” мира и приобретения ею нового социального статуса» [Королькова 2011. С. 25].

[144] Песенной терминологии летских коми посвящена отдельная статья Г.С. Савельевой, С.С. Мусановой, см.: [Савельева, Мусанова 2009].

Лирические песни прилузских коми пелись исключительно на русском языке, но осмысление текстов, номинация песенных жанров отражаются в терминологии на родном языке.

Ю.Г. Рочев подчеркивал, что исполнители хорошо осознают, что свои песни они поют на русском языке, но эти песни все же считают именно своими, старинными (*нэмся*) и даже местными по происхождению, песнями своих предков: *«Миян вед стариннӧй, а тіян томджык»* (У нас-то ведь песни все старинные, а у вас (т.е. на Сысоле, Вычегде) помоложе) [Рочев 1976. Л. 4]. В комментариях к данному примеру отмечается, что «томджык» относится к коми народным песням литературного происхождения, которые поются на коми языке. По замечанию Ю.Г. Рочева, русская песня пользуется большим признанием у коми исполнительниц: «С большой охотой и уважением исполняются протяжные лирические песни, которые певцы называют стариннӧй сьыланкыл. Этим термином обозначаются песни протяжные и плясовые, русские народные, которые только и почитаются за истинные коми песни, в отличие от коми народных песен литературного происхождения, которые возникли намного позже» [Рочев 1976. Л. 4]. Добавим, что и в ходе современных экспедиций русские протяжные песни певицами назывались старинными, песнями их матерей; песни на коми языке, по словам информантов, не исполнялись [СыктГУ. 13244-1]. Ю.Г. Рочев зафиксировал выражения, указывающие на особенности «возраста» текстов: *нэмся* (вековечный), *стариннӧй сьыланкыл* (старинная песня), *важ ног шуавны кылъяссӧ* (произносить слова песни как раньше, по старинке, то есть так, как когда-то пелись русские песни, слишком коверкая на коми лад русские слова) [Рочев 1976. Л. 150].

В рассматриваемой традиции отношение к пению было строго регламентировано. Петь просто так (*«прӧста сідзи сьылны»*), без соответствующей причины (свадьба, праздник, крупная вечеринка) считалось занятием предосудительным. Ю.Г. Рочев отметил сложность фиксации песенного материала в экспедиционной работе, связанную с отсутствием «положенного» повода. По замечанию информанток: *«Старукаяс Богу молятся, а ми сьылам»* (Старухи Богу молятся, а мы поем – притворное осуждение своего времяпрепровождения) [Рочев 1976. Л. 152]. Даже разговоры о пении вызывали смущение исполнительниц: *«Висьталӧмыс сія вед грек лоӧ»* (Наговоришь – это ведь грех будет), *«Грекас тай вӧим»* (увязли, букв.: утонули в грехах – в контексте разговора о песнях), *«Грекас тай вӧим, ёна рачкӧдчим да»* (В грех впали, много натрещали-наговорили) [Рочев 1976. Л. 8].

В традиции летских коми имеется ряд терминов, в которых маркируется жанровый признак: *люлькӧдчыны* – люлькать, петь колыбельную песню, *бӧрдны* (варианты: *бӧрдӧдны*, *йӧлӧдны*) – причитать, *кулӧм молитва сьылны* – петь «смертные» молитвы (которые приурочены в качестве обязательного элемента к похоронно-поминальной обрядности) [Рочев 1976. Л. 150, 152].

Качественная характеристика, связанная с содержательным наполнением текстов и музыкальной стилистикой, отражена в термине *уставнӧй сьыланкыл* – песни с развитой мелодикой, с подголосочными партиями, серьезные по содержанию («уставные»): *«Коді уставнӧйджык, веськӧ сійӧ же сьылны-а»* (Какая «поуставней», ту бы и спеть) [Рочев 1976. Л. 148].

По особенностям музыкального звучания песни получили название *кузь сьыланкывъяс (песняяс)* (длинные песни) [Рочев 1976. Л. 147]. Также может использоваться обозначение *дӧлгӧй сьыланкыл* – синонимичен «*кузь*»; как отмечают сами исполнители, являются коми и русским вариантами [Рочев 1976. Л. 151]. Отметим, что среди особенностей структурной организации таких текстов значительное место занимают цепевидные структуры, синонимичные ряды, рифмованные перечисления [Савельева 2007. С. 384]. Коми музыковед П.И. Чисталев в статье «Русско-коми фольклорные музыкальные связи» отметил эту особенность прилузской лирики: «Для прилузской традиции (как в коми, так и в русских селах) присуще исполнение лирических протяжных песен и свадебных причитаний с длительным распевом – задержанием тонического звука и его скольжением в конце напева, понижением II ступени» [Чисталев 1976. С. 23]. Ю.Г. Рочев, говоря в своем отчете о песенной традиции в с. Летка, писал: «Песни, которые распевали здесь исстари – это русские народные протяжные песни (кузь сьыланкыл) и более частые игровые, а скорее хороводные песни, исполнявшиеся также на русском языке (йӧктан сьыланкыл)» [Рочев 1976. Л. 4]. Любопытные сведения имеются по результатам экспедиции в с. Прокопьевку в 2006 г.: и лирические, и плясовые песни исполнительницы обозначали термином «кузь сьыланкыв». Как нам кажется, в этот термин информанты вкладывали не музыкальные характеристики песни, а объем текста: тем самым, «длинные» по протяженности песни они противопоставляли коротким частушкам.

По функциональному признаку песни называли *йӧктан сьыланкывъяс* (плясовые песни). Их особенностью является то, что под любую из этих песен можно было плясать [Савельева 2007. С. 382]: «*Под все длинные песни плясали. Если быстрее*

поешь, то и пляшешь быстрее, а если медленно поешь, то и пляшешь медленно. Это от мотива зависит, как по гармошке» [ФФ ИЯЛИ. В 1542-14]. По сведениям некоторых исполнителей, поющие постарше притопывали, сидя за столом, а молодые могли пританцовывать, двигаясь по кругу [ФФ ИЯЛИ. В 1503-20]. В то же время в отчете Ю.Г. Рочева указывается, что, в отличие от хороводных, «кузь сьыланкыв» пели сидя: *«Кузь сьыланкылсӧ пуксьӧмӧн сьылӧны»* [Рочев 1976. Л. 4] (Протяжные песни исполняются сидя). Любопытно в этой связи, что напев «танцевальной формы» приобретает особый вид: удлиняется окончание, последний слог становится очень протяженным, настолько, что возможно исполнить плясовую дробь. В последних экспедиционных записях лирические песни так и определяются исполнителями *кузь йӧктан сьыланкыв* (длинные плясовые песни) [ФФ ИЯЛИ. В 1542-1]. Особенности мелодической структуры, связанные с плясовым сопровождением или его отсутствием, имеют свои обозначения: *чожа сьыланкыл* – частые песни; *под пляску*: *«Тайӧ сьыланкылсӧ под пляску сьылӧнӧ, не кузя нюжӧдӧмӧн»* (Эту песню под пляску поют, не долго растягивая) [Рочев 1976. Л. 149]; *нюжӧдӧмӧн* – растянуто; *нюжью* – растянуто: *«Муköд песнясӧ нюжью сьылам, а тайӧ плясӧвӧй»* [Микушев, Рочев 1963. Л. 161] (Некоторые песни протяжно поем, а это плясовая). Напев одной и той же песни мог отличаться по темпу и характеру исполнения. Например, комментируя исполненную песню «Сизенький голубчик» участники прокопьевского ансамбля замечают: *«Но эса чожа сьылӧнӧ. Ми как бӧрдам-сьылам сійӧ как, ми как ньӧжӧна сьылам. Сійӧ чожа сьылӧны, йӧктӧны»* (Ну эту чаще (быстрее) поют. Мы как плачем поем, медленно поем. Ее чаще поют, пляшут) [ФФ ИЯЛИ. В 1542-9а].

С точки зрения приуроченности некоторые песни называли *посидёночные, вечерние* – исполнялись во время будничных вечеринок, на «посидёнках» [ФФ ИЯЛИ. В 1503-20, 21], а также во время и после работы. Тем самым они противопоставлялись хороводно-игровым песням, которые исполнялись исключительно на рождественских игрищах (*рӧштво сьыланкыв – рождественская песня*) [СыктГУ. 13244-1]. А.К. Микушев зафиксировал любопытную терминологию, связанную с календарной приуроченностью песен: «На Масленицу катались на лошадях и пели любые веселые песни. Весной во время ледохода собирались на берегу Лузы и пели “берег сьыланкыв” (букв. «береговые песни» – песни, исполняемые на берегу реки), катались на лодке. А на Пасху сооружали качели и пели качельные песни (“гытсасиг сьылім”)» [Микушев, Рочев 1963. Л. 32].

Вся терминология, приведенная Ю.Г. Рочевым, отражает в основном коллективное исполнение песен. Как отмечает сам собиратель, с одной стороны, хороводные песни по своей функции не могут исполняться вне коллективного сборища молодежи, с другой стороны, и протяжные, сложные по своему характеру, было не вытянуть одному исполнителю: *«Мед вӧчны глас, колӧ куим морт»* (Чтобы песня получилась в голос, нужно, по крайней мере, три человека) [Рочев 1976. Л. 4].

Ю.Г. Рочевым зафиксировано четыре термина, обозначающих сольное пение: *низгыны-сьылны* – петь долго, без устали и с любовью, но в одиночку (особенно, что-то делая, напевать под нос); *ызгыны-сьылны* – то же, что и предыдущее, только громче, относится к мужчине (по предположению Ю.Г. Рочева, в значении термина, возможно, имеется отрицательный подтекст); *мазьгыны-сьылны, ӧтнадӧн* – когда кто-то хорошо поет в одиночку [Рочев 1976. Л. 148, 150]. Ю.Г. Рочев приводит в пример слова одной из исполнительниц, Д.В. Мусановой. Вспоминая свое детство и родителей, больших любителей песни, она говорит: *«Бать вӧлі кӧм кыӧ да ызгӧ-сьылӧ, а мам вурсьыны пуксяс да тӧлькӧ низгӧ-сьылӧ»* (Отец, бывало, сядет лапти плести и давай напевать себе, а мать тоже сядет за шитье да только мурлычет себе под нос) [Рочев 1976. Л. 6]. Термин «ызгыны» определяется в словаре следующим образом: 1. Громко, шумно разговаривать, галдеть, базарить (о большом сборище людей); 2. Шуметь (о массе воды); 3. Брюзжать, галдеть, жужжать (о мухе) [Словарь коми-зырянских диалектов 1961. С. 342]. Значение слова «низгыны» – пищать, хныкать (о детях) [Словарь коми-зырянских диалектов 1961. С. 256]. Можно предположить, что отличие двух терминов «ызгыны-сьылны» и «низгыны-сьылны» связано с противопоставлением мужского и женского голоса по высоте и силе звука: низкого у мужчин и более высокого у женщин. Отметим, что в экспедиции 2006 г. на вопрос собирателя о мужском исполнительстве Мария Михайловна Осипова ответила, что мужчины в основном пели только с женщинами, реже – сольно [ФФ ИЯЛИ. В 1542-2].

Тот или иной термин Ю.Г. Рочев приводит в контексте его употребления, чтобы яснее уловить его значение. Так, говоря о хоровом исполнении песен на помочах, собиратель приводит слова А.Д. Поповой: *«Микол Васька Павеллӧ мунлі помӧчӧ, да кыдзи пӧрысь йӧзыс сьылісны помӧчас, да сія век оз вун <…> вундігас сьылісны <…> вундӧны и сьылӧны старукаяс <…> кузь песнясӧ и сьылӧны бабаясыд, брунгӧны-сьылӧны, вундӧны да»* [Рочев 1976. Л. 6] (К Микол Васька Павлу ходила на помочи да это до сих пор не могу забыть: поют при жатве, жнут и поют старухи, протяжные песни и поют женщины, жнут и дружно поют). Пели на помочах, таким образом, легко,

свободно, дружно, как в один голос. Значение слова «брунгыны» определяется как «делать что-либо с гулким шумом, громко» [Словарь коми-зырянских диалектов 1961. С. 122].

Наибольшее количество терминов отражает качественные характеристики исполнительства. В отчете Ю.Г. Рочева говорится об исчезновении в с. Летка традиционной лирической песни и подтверждается это репликами исполнителей, главная мысль которых заключается в том, что современная молодежь этих песен уже не знает и петь не умеет: *«Öні том йӧзыд оз кужны, баксӧны толькӧ»* [Рочев 1976. Л. 7] (Теперь молодежь не умеет петь, только мычат). Ю.Г. Рочев дает следующее значение слова *баксыны* – «букв. ‘мычать’, плохо петь, не понимая тонкостей пения, законов и закономерностей традиционного исполнительства, имея также не очень хороший голос» [Рочев 1976. Л. 148]; *«Тшӧктан нин бӧрсяныд сьылны, а сьылан да шуас: “Мамӧ, нем юрам эз коль”»* (Попросишь после себя спеть, споешь, а она говорит: “Мама, ничего в голове не осталось” (т.е. ничего не запомнила)) [Рочев 1976. Л. 7].

Хороших исполнителей называют на Летке *прамӧй сьылысь*: *«Прамӧй сьылсьыд некод нин абы»* [Рочев 1976. Л. 150] (Настоящих певцов никого уже не осталось). Также собирателем выявлен такой термин, как *берсяма (зэвсяма) сьылысь* (т.е. толковый, умелый, искусный певец) [Рочев 1976. Л. 148]. По замечанию Ю.Г. Рочева, эти обозначения связываются в первую очередь с теми, кто хорошо знает и исполняет именно лирические песни [Рочев 1976. Л. 150].

Положительные оценки качества пения имеют различные оттенки и отражают возможные вариации в исполнении голоса, темпа, слаженности и т.д.: *яра сьылны* (вариант *яраджыка*), *збоя (збойджыка)* – с подъемом, живо, бодро [Рочев 1976. Л. 152]; *дзельгыны* – звонко распевать, с переливами (ср. журчание ручья), с переливами (= *зильгыны*) [Рочев 1976. Л. 150]; *йӧлгыны* – петь красиво, заливисто [Рочев 1976. Л. 148] (букв. «раздаваться (эхо, о звуке), громко кричать, петь» [Словарь коми-зырянских диалектов 1961. С. 142, 453]); *брункыштны* – спеть легко, свободно, дружно, как в один голос [Рочев 1976. Л. 148] (букв. «кинуть, бросить с гулким шумом что-л. тяжеловесное; разогнуться, распрямиться, оборваться, сорваться с места с гулким шумом; упасть, удариться с гулким шумом» [Словарь коми-зырянских диалектов 1961. С. 130]); *брунӧтчыны* – букв. «бренчать», спеть легко, свободно, дружно, как в один голос [Рочев 1976. Л. 148]; *зымкнитны* – спеть дружно, без задержек и без устали до конца, значение идентично предыдущему [Рочев 1976. Л. 148] (букв. «громко стучать, издавать громкий стук, ходить, громко стуча ногами» [Словарь коми-зырянских

диалектов 1961. С. 135]). В качестве контраста используются отрицательные характеристики: *тыдзи-тадзи (сьылны)* – петь так себе, кое-как, иногда и путаясь, не «классически» [Рочев 1976. Л. 148]; *дзугны* – путать, мешать пению: *«Кужтӧмыс вед дзугӧ тӧлькӧ»* (Неумеющий (петь) ведь только перепутает, помешает) [Рочев 1976. Л. 151].

Также зафиксированы обозначения, характеризующие качество голоса: *киссьӧм гӧлӧс* (букв. – развалившийся голос) – о старческом голосе, с хрипением, кашлем, обычно говорят о тех, у кого некогда был хороший, чистый голос, но из-за старости уже изменился [Рочев 1976. Л. 9, 149]; *омӧль гӧлӧс* – плохой голос [Рочев 1976. Л. 150]; *лёк гӧлӧс* – сильный, хороший голос: *«Лёк гӧлӧсыд вӧллі»* (голос когда-то был хороший, сильный) [Рочев 1976. Л. 150]; *ён гӧлӧс* – сильный голос: *«Гӧлӧс вылас ён на»* (На голос еще сильна) [Рочев 1976. Л. 150].

Наиболее интересными с точки зрения осознания текста и его квалификации являются термины, отражающие отношение певиц к своему исполнению: *агсасьны* (букв. – «боронить») – подпевать, поддерживать запевал в хоре (иронично, в основном о себе самой) [Рочев 1976. Л. 148]; *герскыны* (букв. «скрипеть, скрежетать») – с хрипотцой, с оттенком иронии о своем исполнении: *«Ноко, восьтыл, кылза, кыдзи герска»* (Ну-ка, открой (включи запись), послушаю, как я скриплю) [Рочев 1976. Л. 8, 148]; *баксыны* – букв. «мычать, плохо петь, не понимая тонкостей пения, законов и закономерностей традиционного исполнительства, имея также не очень хороший голос» [Рочев 1976. Л. 148]. Отметим, что Ю.Г. Рочев такие термины, как *баксыны*, *герскыны*, отнес к манере исполнения, не учитывая качественный оттенок значений слов.

Ю.Г. Рочевым проводится сравнение между манерой исполнения песен в с. Ношуль и с. Летка. Отличительные признаки обозначаются следующим образом: в с. Ношуль принято *нюжкӧмӧн сьылны* – петь, растягивая окончания стиха, а в Летке – *яркӧя сьылны* (*яркӧя помавны*) – ярко заканчивать стих, выделяя окончания песни характерным усилением звука, усечением [Рочев 1976. Л. 152].

Ю.Г. Рочевым отмечены также термины, которые отражают внутреннюю организацию голосов в хоре: *водзын мунны, водзын сьылны* – идти / петь впереди – запевать, вести песню [Рочев 1976. Л. 8]; *олтсалны* – букв. «помогать», помогать петь, подтягивать, быть подсобником у запевалы: *«Водзад сійӧ оз мун, а только отсалӧ»* (Впереди она не идет, а только помогает) [Рочев 1976. Л. 152]; *сьӧкталны* (букв. – «подковыривать, проплетать для крепости берестой, чинить лапоть» [Словарь коми-

зырянских диалектов 1961. С. 355]) – поддерживать запевалу, подхватывать, завершать песенный стих [Рочев 1976. Л. 8, 148]. Значение слова «сьӧкталны» на образном уровне соответствует песенному обозначению.

Особыми словами обозначались композиционные особенности музыкально-поэтического текста. Довольно регулярно маркируются зачин и конец песни. В летской традиции песня, по мнению носителей традиции, имеет такие значимые элементы, как *завод* (зачин, начало песни), *ним* – начало песни, первый стих, он же, как правило, является названием песни. Устойчивым завершением песни становилась частушка. Об этой концовке исполнители добавляют: *«Дак эсӧ, пожалуй, каждӧй песня бӧрын и сьылывлісны. Кузь сьыланкылсӧ сьыласны, понасяс, бара "Песня вся"»* [ФФ ИЯЛИ. В 1542-8] (Да это, пожалуй, после каждой песни пели. Песню споют, закончится, опять «Песня вся»):

Песня вся, песня вся,
Песня кончилася.
Мы допели до конца,
Нам по румочке винца,
Пол стаканчика пивца,
По стакану мало
Да по бутылке надо [ФФ ИЯЛИ. В 1542-8].

Т.И. Орнатская также отметила это явление в прилузской песенности при характеристике феномена бытования русских песен в коми вашкинской традиции: «Пожилые женщины, исполняя протяжные песни, любят завершить песни особыми частушками <…>. Такое же явление было зафиксировано экспедицией 1937 г. в с. Ношуль Прилузского района. Здесь мы имеем дело с довольно устоявшейся традицией» [Орнатская 1963. С. 169].

Обращает на себя внимание целый ряд выражений, связанных с акциональным уровнем исполнения песен: *гурбаӧн ветлыны* – ходить гурьбой, толпой (в особенности при исполнении частушек) [Рочев 1976. Л. 7, 152]; *параасьны* – ходить парами [Рочев 1976. Л. 151]; *пуксьӧмӧн сьылны* – петь сидя: *«Кузь сьыланкылсӧ пуксьӧмӧн сьылӧны»* (Долгие песни поют сидя) [Рочев 1976. Л. 4, 8, 150]; *петны кругӧ* – выйти в круг: *«Оз кужны и петны кругад»* (Не умеют и в круг выйти, т.е. не знают песен, не знают местных танцев) [Рочев 1976. Л. 152].

Наряду с песенной терминологией Ю.Г. Рочеву удалось записать пословицы и поговорки, связанные с исполнением песен: *«Сьылны вед абы кер зоръялны»* – Петь – не бревна толкать [Рочев 1976. Л. 152]; *«Сьылны вед абы лӧсны»* – Петь – не тесать [Рочев 1976. Л. 152]; *«Не кытчи ни идти, ни ехать»* – Никуда ни идти, ни ехать, то есть не до песен уже при старости [Рочев 1976. Л. 152].

Таким образом, прилузские лирические необрядовые песни обладают свободной приуроченностью. Они сопровождали как будни, так и время отдыха, праздников и развлечений. Также отмечается их включенность в обрядовую сферу. Пели эти песни в основном женщины, но зафиксировано и мужское пение. В материалах по летскому фольклору (прежде всего в записях Ю.Г. Рочева) содержится «целый корпус высказываний о формальных, содержательных и функциональных признаках жанра» [Филиппова 1999. С. 181-182]. В летской традиции сложилась разработанная система терминов, которая в совокупности с хорошей сохранностью песенного репертуара отражает состояние данного фольклорного уровня, что создает все предпосылки для адекватной и объективной характеристики этой локальной традиции. Добавим, что термины бытовали в Прилузье на коми языке, что говорит об осмысленном воспроизведении русской песенной культуры.

§ 3. Сюжетно-тематический состав лирики прилузских коми

Русские лирические песни, представляющие собой одно из ярких явлений музыкального фольклора Прилузья, занимают в этой двуязычной традиции особое место. Оценивая этот репертуар в плане сопоставления с другими традициями, отметим, что большинство из зафиксированных сюжетов являются довольно популярными, и в первую очередь известны на Русском Севере. По замечанию П.И. Чисталева, они были заимствованы прилузскими коми из соседних русских традиций: «Непосредственно этнические и культурно-бытовые контакты коми с русскими из соседних районов особенно способствовали распространению русских народных песен. Так, например, много общего в репертуаре певцов коми Прилузья и соседних русских сел Кировской области, нижней Вычегды, Удоры и близлежащих районов Архангельской области» [Чисталев 1976. С. 19].

Задачей данного параграфа является представление сюжетно-тематического состава русской лирики Прилузья. Проведение текстологического анализа прилузских текстов и их сравнение с общерусским репертуаром позволит выявить специфику прилузской лирики. Отметим, что выделение песенных сюжетов дается условно. Важной для нас является мысль Г.И. Мальцева о формульности русской лирики.

В репертуаре прилузских коми выявлен единственный балладный сюжет **«Из-под ельничка было, под березничкой»** [Прил. III, № 1] на тему «жена сгубила (зарезала) мужа». Текстологический анализ показал, что близкие мотивы этой баллады находят развитие в текстах из печорской, вятской, вологодской, рязанской традиций

[Прил. III, № 1]. Так, зачинный мотив прилузского текста сходен с вятским вариантом. Фрагмент, в котором описывается конь, в прилузском варианте более распространен, ср.:

Из-под ельничка было, под бере…ой, березничкой, Березничка Да выбегает розворо…ой, розвороной конь, <…>[145] Да вороной-от то не нака…ой, не наказано, <…> Да не наказанной, восподвоз…ой, восподвязаной, …вязано Да дубовой столбу привя…ой, конь привязанной, Шолковой повод во граде стоптал, Да немецкой седло на бок сбил, Всю неделюшку не поен стоял, Трои суточки конь не кормливан [Микушев, Рочев 1963, № 196].	Как во ельничке, во березничке, Да во частом мелком орешничке, Ходит и гуляет развороный конь; Шелковый повод в грязь втоптал, Черкальское седло на бок сбил [Соб. I, № 129].

Отметим некоторые варьирующиеся детали. В прилузском варианте возникает мотив «конь не поен и не кормливан», отсутствующий в вятском варианте. Этот мотив раскрывается в тексте из вологодской традиции:

Тут стоял, стоял вороный конь;
Трои сутки не кормленый был,
Неделюшку не поен стоял [Соб. I, № 130].

В прилузской балладе возникает лексически искаженное «безременича». Возможно, это трансформированное «безвременьице», как в рязанском варианте, ср.:

Солучилася беда, несчасьте, Да что-й такое безременича[146], Во великом-то главном Устюге [Микушев, Рочев 1963, № 196].	У нас сделалось, братцы, несчастьице, Большая, братцы, безвремяньица [Соб. I, № 128].

Обращает на себя внимание появление топонима Устюг: судя по историческим сведениям, Прилузский район имел торговые связи с этим городом. Добавим, что в близких вариантах этого сюжета также содержатся местные топонимы: «Мещанская славная улица» [Соб. I, № 130], «во Стрелецкой было улице» [Соб. I, № 129] и др.

Мотив расправы над мужем наиболее близок мотиву из вологодской баллады, но прилузский вариант отличается детальностью действий, ср.:

Что жене мужа покинула, Вострым ножичком зарезала, Вот булатненьким сердце вынула, Погребную яму бросила, Шелковым платком закинула, Гробовой доской подвинула, Правой ноженькой притопнула, Сама пошла заплакала [Микушев, Рочев 1963, № 196].	Тут жена мужа потребила, Вострым ножиком зарезала; На ноже-то сердце выняла, На булатном встрепенулося; А жена-то усмехнулася, Во холодный погреб бросила, Правой ноженькой притопнула. Пришла домой, села под окошечко, Правый локоть на окошечко, Горючия слезы за окошечко! [Соб. I, № 130].

[145] Здесь и далее знаком <…> мы показываем сокращенные нами повторы.
[146] В расшифровке «без ременича».

В вологодском варианте, как мы видим, не находят развитие такие действия лирической героини, как «шелковым платком закинула», «гробовой доской подвинула». Таким образом, прилузские коми сохранили этот балладный сюжет в более целостном виде, с подробными деталями. Лексических искажений в тексте практически не обнаруживается. Возможно, это объясняется тем, что текст был записан в с. Занулье, которое имеет тесные контакты с соседней русской традицией с. Лоймы.

Условно весь прилузский репертуар можно разделить на пять сюжетно-тематических блока: солдатские (рекрутские), любовные, солдатско-любовные песни, песни с темой замужества или женитьбы и сюжеты семейной тематики. Отметим, что это деление характерно и для самих исполнителей. Так, в ходе экспедиции фольклористов ИЯЛИ и СыктГУ (ноябрь 2006 г.) на вопрос собирателя о тематике песни, певицы четко отделяли песни любовные от солдатских:

Соб.: Вот вы её не называете солдатская? Это солдатская? (О песне «Петенбург – город»).

Исп.: Это любовная песня.

Соб.: А солдатская только «Полюшко»?

Исп.: Да есь ещё. Забыли уже.

Соб.: «Как поехал наш-от император»?

Исп.: Это солдатская. «Ох, как поехал наш император, ох, свою армию, армию смотреть» [ФФ ИЯЛИ. В 1543-2].

При характеристике песенных текстов прилузских коми мы исходили из принципа посюжетного анализа по тематическим группам.

Большой пласт прилузской необрядовой лирики составляют **солдатские песни**, в которых отражается тяжелая доля солдата, его прощание с родными, с любимой, служба на чужбине. В эту группу входят 9 сюжетов: «За Невагою», «Вставай, моё дитятко», «Из-за Питера да из-за города», «Рябинушка моя раскудряваёй», «Соловей, ты соловей, где / везде ты жила-прожила», «Сказано было указано», «Нападал снежочек», «Что на крутом на бережочке», «Ох, ты полюшка наша». К этой группе мы отнесли также два сюжета, в которых упоминаются исторические события или лица, связанные с военными событиями: «Как поехал наш император свою армию смотреть», «Рӧзӧринушка путь-дороженька».

В прилузской песенной традиции зафиксирован широко распространенный сюжет **«За Невагою»** (8 вариантов) [Прил. III, № 2]. Пять вариантов этой песни записано у лузских коми и три – у летских. В песне находит развитие тема «молодец на

чужой стороне», ведущие мотивы песни – «жалобы на солдатскую жизнь», «служба царская Петру Первому». Заметим, что песня была известна в других коми традициях, в частности, Т.И. Орнатская указывает на ее бытование в Удорском районе Республики Коми: «Старики могут припомнить когда-то очень популярную, по их словам, песню “За Невагою”, которую обычно относят ко времени Петра I» [Орнатская 1963. С. 164].

Варианты песни устойчивы и близки вариантам из русских традиций. Разночтения в текстах наблюдаются только в финальных мотивах. Так, встречаем следующие концовки этой песни: «Наша Павелович, наша сила умилая, умил сухопутная» [ФФ ИЯЛИ. Х 149-16]; «Да штё у Павловича ночи были тёмные, часы во <…> тарей» [НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 178]; «Павелӧчинӧй да наша Павелӧ, наша была темнова, на свете много, часӧ два часа упалой» [НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 236]; «Павлӧвичанӧй да рӧ шу Павелович, ночка темново, часы две часа да опорой» [ФФ ИЯЛИ. К 425-5]. Как видно из этих примеров, окончания песни несколько трансформированы. В двух вариантах выделяется образ ночи, в трех появляется образ часов, в одном релизуется образ силы сухопутной. Во всех вариантах устойчиво присутствует отчество императора.

Возможная ошибка неопытных собирателей-практикантов привела к тому, что в полевой тетради нам встретилась запись этой песни в «искаженном» виде:

Занивага да пӧдруга,
Подругаӧй на лица.
Была перебрага ю,
Была Перебрага ю да,
Неохота, да неохота,
Молодцам волюшко брала,
Воля же твоя ой, (2)
Жить бы я,
Жить бы я да.
Служба Петра I,
Ой, служба Петра I
Петра I Миколаю Павловичу,
Начибылаки
Ой, начибыла невиданова,
Ночка тёмная [СыктГУ. РФ 13-VI-14].

Сравнение этого текста и его варианта из русской традиции позволяет отметить несколько особенностей: вместо привычного предложно-падежного сочетания «За Невагою» появляется «Занивага»; встречается слово «пӧдруга», которое не соответствует содержанию этого текста; отмечается вкрапление малопонятных слов (*начибыла*); происходит осмысление окончания *ю* в качестве отдельного слова, которое переводится с коми языка как «река» и вполне органично вписывается в контекст песни. Субъективную причину искажений можно связывать с личностью самого собирателя, который на слух записывал песенные тексты, тем самым создавая «свой вариант» текста. Подобные «ошибки» при фиксации песни говорят о незнании собирателями этого сюжета. Отметим, что в рукописных источниках такого рода искажения встречаются довольно часто[147].

[147] См., например: [СыктГУ. РФ 13-III, №№ 9, 12].

Песня **«Вставай, моё дитятко»** бытовала на Летке, записана в семи вариантах [Прил. III, № 3]. Ведущий мотив песни – мать снаряжает корабль для сына-рекрута. Сюжет завершается обещанием молодца прилететь к матери в сад кукушкой. Песня в собраниях фольклора встречается довольно редко [Прил. III, № 2]. Самый ранний вариант записи был сделан в 1882 г. Разночтения в текстах связаны с зачином песни. В более поздних вариантах в зачине содержится мотив бужения молодца: «вставай, вставай, моя дитятко, поутру ранö, умывайся, моя дитятко, сö свежöй вода, утирайся, моя дитятко, дай чистым белым пölötнöм» [СыктГУ. 13002-11]. В самой ранней записи этот мотив отсутствует – песня начинается с мотива наделения сына различными дарами: «пристроила сударыня сына своего равным животом, что и чистым серебром, красным золотом» [РГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 41, № 3]. Варьирование наблюдаются также в мотиве получения корабля. Так, в более позднем варианте мать сама строит его, в самом раннем – мать покупает корабль, ср.:

Пöстроила я сама, сударуня, караб новую, ой и,
Кöраби-караб новую, весь дубовую, ох и,
Весь дубовую, весь карашеную [СыктГУ. 13002-11].

Выйду я, сударыня, на пристань кораблей,
Куплю я сударыня корабль новую.
Корабль новая со гребцам стоит,
Со гребцам стоит, дожидается [РГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 41, № 3].

В ранней записи отсутствует мотив «мать всходит на гору, смотрит, как плывет корабль». В поздних записях этот мотив представлен в развернутом виде:

Пöсадила я сама, сударуня, сына своево, ох и,
Отпустила я сама, сударуня, во синёё во морьё.
Вышла я сама, сударуня, на крутую на гору.
Пöсмöтрела я сама, сударуня, каково караб бежит.
Караби-караб летит, как сöкöл(ы) да летит.
Как сöкöл летит, как и утöчка плывйöт.
Утöчка плывйöт да как и серая плывйöт [СыктГУ. 13002-11].

Таким образом, более ранняя запись представляет собой более краткий вариант.

Одна из самых популярных песен солдатского цикла – **«Ох, ты полюшка наша»** – зафиксирована в летской традиции в 21 варианте [Прил. III, № 4]. В основе лежит известный сюжет смерти молодца на чужбине[148]. В одном варианте зачин этой песни содержит мотивы «на полях нет урожая», «под вербою лежит солдат»:

Ах, поля да вы поля,
Да широки да вы поля.
Почему на вас, поля, да
Урожаю да нема,
Только выросла одна
Да кучерявая верба,
Как под тою под вербою
Там солдатик лежит [СыктГУ. РФ 13-III-15].

[148] См.: [Лопатин, Прокунин 1956. С. 96-102].

Отметим, что данный зачин является единичным в прилузских традициях. Близкие варианты с мотивом «поле ничего не спородило, кроме ракитового куста» встретились нам в воронежской и усть-цилемской традициях [Соб. I, № 361; ЛПУЦ, №№ 20, 21].

Можно отметить использование в прилузской песне развернутых формул: «женился на чужой стороне, на другой жене, обвенчали за землю русскую»; «постелюшка – зеленый луг, подушечка – трава шелковая, одеялушка – ночка темная, умывальница – утренняя роса, утиральница – солнце красненькое»; «закопали меня в сырой земле, засыпали желтым песком, затоптали солдатским каблучком». В единственном варианте встречаем мотив «положили меня в гроб дубовую доску» [СыктГУ. РФ 13-III-11]. Заметим, что в русских вариантах этого сюжета формула постели менее развернута, как, например, в песне из Саратовской губ. – «постель у него мать сыра земля» [Лопатин, Прокунин 1956. С. 97], но в песнях с другим сюжетом формула постели состоит из нескольких стихов, как, например, в усть-цилемской песне «Эх, по дорожечке по широкоей» [ЛПУЦ, № 12]. Возможно, в прилузском тексте произошло соединение мотивов разных солдатских песен. Мотив «женитьбы» в песнях из русских традиций представлен более подробно [ПФМ, № 54; Кир. 1977, № 140; ТФНО, № 16]. В четырех прилузских вариантах из с. Летка возникает мотив просьбы к коню написать и отослать родным письмо-грамоту [ФФ ИЯЛИ. Х 149-11; СыктГУ. РФ 13-III-15; НА Коми НЦ. Ф.5. Оп.2. Д.209а, № 18; ФФ ИЯЛИ. К 433-19].

Оригинальную концовку этой песни находим в еще одном летском варианте: она содержит мотив просьбы солдата к коню передать обручальное кольцо жене и сказать, что он сохранил свою любовь навсегда («скажи, что я под кустом замерз, а ее любовь с собой унес») [СыктГУ. 13217-31].

В летской традиции выявлено две записи **«Из-за Питера да из-за города»** на известный сюжет о трех сыновьях, одного из которых отдают в солдаты [Прил. III, № 5]. В одном из вариантов основной сюжет представлен в пересказе. Текст заканчивается жалобой младшего сына на свою участь [ФФ ИЯЛИ. В. 1543-4]. Во втором варианте после просьбы молодца об откупе возникает мотив отрицания взятки («нам не тын стелить чистым серебром, нам не мост мостить красным золотом, а нужно нам добра молодца, князя-боярина») [СыктГУ. РФ 13-III-10]. В русских вариантах не возникает мотива взятки – выбор младшего сына на службу в армию определяется через жребий [Прил. III, № 5].

Летский текст по мотиву сетования молодца («Разве я вам не кормитель был, не кормитель, не поитель»?) близок мезенскому варианту [ПФМ, № 52]. Примечательно, что песня хорошо известна во многих районах России, но везде с разными топонимическими

зачинами (в частности, в мезенском варианте реализуется образ Москвы, в новгородском – Саратов). Появление города Питера не является уникальным для данного сюжета – мы отметили его не только в прилузском, но и в других русских вариантах [Кир. 1977, № 171].

Еще одна песня солдатского цикла **«Рябинушка моя раскудряваёй»** зафиксирована в одном варианте [Прил. III, № 6]. Сюжетная ситуация строится на обращении молодца к майору с просьбой отпустить его домой «к отцу-матери родной». Близкие варианты бытовали также в традиции Пермского края и в репертуаре русских старообрядцев Литвы [Прил. III, № 6]. По сравнению с ними в лузской песне появляются дополнительные образы песка и уток, ср.:

Ты рябинушка моя да
Раскудряваёй, <…>
Ты не стой, ребинка,
На крутой горе, <…>
На житой песке, <…>
Синей море <…>
У синею-то пӧ с море
Утки плавают <…>
Скарами идут <…>
На стакан полкой…[Микушев, Рочев 1963, № 216].

Ты, калинушка,
Ты, малинушка,
Ты не стой, не стой
На горе крутой,
Не спущай листья
Во сине море.
Как по синю морю
Корабель плывет…[Выходцев 1990, № 540].

Остаются малопонятными сочетания «на житой песке» (возможно, искаженное «желтой»), «**скар**ами идут» (возможно, это «осколки» слова «корабль»), «на стакан полкой» (трансформированное «три полка солдат»). Наличие искаженных фраз в тексте можно объяснить, во-первых, возможной некачественной расшифровкой собирателями этого сюжета, а во-вторых, самим устным характером усвоения и бытования текстов, при котором разного рода искажения допустимы и для исполнения на родном языке.

Сюжет песни **«Соловей, ты соловей, где ты жила-прожила / везде ты было да прожила»** записан у лузских коми в трех вариантах [Прил. III, № 7]. Близких сюжетов в публикациях русского песенного фольклора нами не выявлено, но ведущий мотив лузской песни – «солдат стоит на часах» – встретился нам в нескольких русских вариантах [ПФМ, № 26; Кир. 1977, № 195; Выходцев 1990, № 530]. Сравнение разновременных записей этого сюжета (1963 и 2001 гг.) показало, что значительных изменений в текстах не произошло. В более поздних записях возникает дополнительный мотив «солдатское слово честь», в одном из вариантов появляется мотив «солдат на войну пошёл» и реализуется образ Байканской горы, которому в ранней записи соответствует Балаганская гора.

Две летские песни солдатского цикла «Сказано было указано» и «Нападал снежочик» относятся к числу редких – близких вариантов в публикациях русского песенного фольклора нам не встретилось. Песня **«Сказано было да указано»** была

выявлена П.Г. Сухогузовым в репертуаре певиц д. Ивановка, больше в Прилузье песня собирателям не встречалась [Прил. III, № 8]. В ней можно выделить два ведущих мотива: набор солдат в армию и мотив заботы о родителях, «где некому стало пашню пахать». Мотив родного дома, но реализованный по-другому, встречается в песне **«Нападал снежочек»**. Она записана в трех вариантах, один из них в виде фрагмента [Прил. III, № 9]. В песне раскрывается мотив приготовления скудной солдатской еды. Сходный мотив присутствует в исторической песне из Пермской губ., ср:

Кричала я вас вӧ единӧй гӧлӧса и, ох и,
Есь ли у вас, салдатушки, крупа да мука?
Крупа да мука да весь солдатская запас.
Муку-то насеем, сами квашню рӧстворим [СыктГУ. 13003-2].

Уж как есть у нас, ребятушки,
Есть крупа, есть мука,
Уж как есть у нас, ребятушки,
Аржаные сухари [ИП XIX, № 44].

Мотив тоски по семье и крестьянскому труду реализуется через целый ряд деталей: «ӧтцу-матерь не видать», «свӧйӧй жӧнӧ не сыпать», «чистова тела не марать», «своё дети не рожать», «свӧю дитю не качать», «зелен траву не кӧсить», «сухӧй сено не грести», «большӧй копны не носить», «большӧй зорӧд не метать», «добырова коня не держать» [СыктГУ. 13003-2, 1306-1]. В финале упоминаются Москва, Петербург и Казань – города, в которых солдатам не удастся побывать из-за военной службы.

Песня **«Что на крутом на бережочке»** [Прил. III, № 10] имеет единственную запись, сделанную в XIX в. Как и предыдущие два сюжета, песня не обнаруживает близких аналогов в публикациях песенного фольклора. Мотив нежелания идти на солдатскую службу является основным в этом тексте: разворачивается диалог между матерью и сыном («московский Иванушко»), который сидит в темнице и не хочет идти в солдаты. Сюжетная ситуация «в тюрьме сидел добрый молодец» реализуется в песне из коми традиции Выми [СыктГУ. АФ 1007-46].

Две песни из традиции летских коми содержат образы конкретных исторических лиц и исторических событий. А.Н. Власов [СыктГУ. Власов. Л. 13], Т.С. Канева [Канева 2008. С. 264] относят к этой группе песню **«Как поехал наш-от император свою армию смотреть»**, которая в летской традиции записана в 6 вариантах [Прил. III, № 11]. В ней описываются смерть и похороны императора Александра I в Таганроге. Сами исполнители не знают, о ком здесь идет речь, лишь добавляют, что «был какой-то император Александр, который умер в Таганроге» [СыктГУ. 13228-21]. Наиболее полно сюжет передан в варианте, который был записан в 1979 г. в д. Кулига Прокопьевского с/с. Остальные записи передают основной сюжет песни без дополнительных деталей и подробностей.

Песня о смерти Александра I широко распространена по всей России и встречается в различных районах [ПФМ. С. 320]. По замечанию Т.И. Орнатской, песня с зачином

«Отправлялся наш Олександра» находилась в живом бытовании в вашкинской традиции Удорского района Республики Коми [Орнатская 1963. С. 163].

Сопоставим прилузский текст с текстом из «Собрания» П.В. Киреевского [Кир. 1983, №135]. Прилузский вариант отличается бóльшей описательностью, детальностью, в частности, при изображении супруги императора: «Мölöдая-тö ево супруга // День и ноченькай она не спит, // День и ноченькай она не спала, // Всю (й)окошечку она глядит». В тексте из сборника П.В. Киреевского женского образа как такового не возникает, лишь прямая речь подсказывает о переживаниях женщины, можно предположить, – супруги императора: «Пойду-выйду на ту башню, которая башня выше всех, // Погляжу я в ту сторону, в коей Александр наш царь был». Мотив похорон императора отличается деталями. Так, в прилузском варианте 112 офицеров несут гроб и охраняют его, 112 архиереев читают молитвы. В варианте из сборника П.В. Киреевского хоронят императора 12 генералов, 2 армейских служащих и 4 гвардейских, ср.:

Во гробах тело ево лежит.
Сто двенадцать, öли, офицеров, ок и,
На руках тело ево несут.
Стö двенадцать, öли, офицеров, ок и,
На часах только ево стоят,
Да сто двенацать, öли, аркиреев, ок и,
Вечный память у ево поют [СыктГУ.13004-27] .

В Таганроге тело ево бело, ох и,
Двенадцать генералов на главах царя несут,
Вот не двоя армейския ворона коня ведут,
Не четверо ли гвардейских со знаменами
За ним идут [Кир. 1983, № 135].

Сюжет известной исторической песни о событиях Отечественной войны 1812 г. – **«Рöзöринушка путь-дороженька»** – не получил широкого распространения в районе [Прил. III, № 12]. Варианты данной песни имеются в сборнике П.В. Киреевского [Кир. 1986, №№ 273, 303], ср.:

Рöзöринушка путь-дороженька,
Рöзöрили-тö ее вöр-пранцуз [Рочев, 1976, № 65].

Разоренная путь-дорожка от Можаева до Москвы.
– Уж кто тебя, дороженьку, разорил?
– Разорил меня, путь-дорожку, неприятель, вор-француз…[Кир. 1986, № 273].

Можно отметить использование необычного существительного «рöзöринушка», которое построено по типу русских слов с уменьшительными суффиксами.

Таким образом, мы рассмотрели лирические песни прилузских коми с солдатской тематикой. Судя по имеющимся записям, бóльше распространение они получают в летской части района, среди них имеются редкие в целом для русского репертуара сюжеты.

Прилузский репертуар включает песенные тексты, в которых происходит **соединение солдатской (рекрутской) и любовной тем**. К этой группе мы отнесли 7 сюжетов: «Попила моя головушка», «Вы прощайте, девки, жёнки», «Штой по Питерской

дороге», «Ванька, ты Ванюшенька» «Новый калиновый», «Петенбург – город», «Клала да клала она девонюша». Рассмотрим их подробнее.

Песня **«Попила моя головушка»** зафиксирована в летской традиции в трех вариантах [Прил. III, № 13]. Все они были записаны с промежутками в 10 лет от коллектива из с. Прокопьевка. Текст отличается от всех известных печатных вариантов своеобразным развитием сюжета. В частности, в сборнике П.В. Киреевского песня определяется как «рекрутская». В Прилузье текст строится на контаминации солдатской и любовной тем. Сравним коми и русский варианты этой песни. Их близость наблюдается в зачинном мотиве «попила головушка, погуляла», ср.:

Пӧпила моя гӧлӧвьюшка, да,
Пила, толькӧ пӧгуля...эй-ой, да,
Пила, толькӧ пӧгуляла(й).
...ляла, да не свӧей дай око...ёй, ой, да,
Не свӧей окота(й) [СыктГУ. 13004-33].

Папила ли мая галовушка, папила (о)на, пагуляла
Ни за матушкой, ни за батюшкай, ни за роднинким за братцем,
Папила-та моя галовушка сама, шельма, за сабою [Кир. 1983, № 514].

В летской песне появляются трансформированные выражения «льӧгкӧй работа», «льӧгӧнькӧй омачек», которым нет соответствий в русском варианте. Любовная тема в прилузском тексте передается через образ миленького дружочка, который расчесывает голову («чашот частая времея»), ср.:

Миленькӧй да дружӧчек.
...ӧчик, мил гӧлӧвку тя...ёй, ой, да,
Мил гӧлӧвку чашот.
Чӧшот, да чашот частая вре...ё, ох, да,
Чашот частая времея(й).
Времея, да времьячка да быстрӧ...йӧ, ой, да,
Времьячка да (быст) времья(й).
Времья, да времячка да прико...ё, ой, да,
Времьйӧчка да прикодят [СыктГУ. 13004-33].

Ох, да што ни гребинь кудри чешить…
Только чешить мою галовушку, чеша кудри пара-время [Кир. 1983, № 514].

Оригинальность прилузского варианта связана с появлением в песне образов зимы, снега, посредством которых раскрывается тема перемен в природе и жизни человека:

Времьйӧчка да прикодят,
Зима наступа(ӧ)ойӧт,
Бел снег напада(ӧ)йӧт.
Нападал снежӧчек.
Миленькӧй дружӧчек [СыктГУ. 13004-33].

Далее появляется образ саней, характерный для игровых песен. Тем самым песня переключается в прямо противоположный сюжетно-эмоциональный план. Аналогию мы нашли в русской хороводной песне из сибирской традиции, ср.:

Сани во Казане(й),
Комут на база(ӧ)рэ(й),
Вӧжжи-тей (й)у спасе(й),
Лежат на запа(ӧ)се(й) [СыктГУ. 13004-33].

Сани-то в Казани,
Хомут-от на базаре,
Ременна уздечка
В сеничках на спичке,
Шелковая плетка
У Савушки на лавке,
Лежит на прилавке,
В голубой китайке [ХИПС, № 203].

Появление данного образа, как нам кажется, произошло не случайно. Логична тема пути, которая связана с армией. В другой солдатско-любовной песне «Вы прощайте, девки, жёнки» образ саней присутствует в контексте отправления молодцев (солдат) на службу [Прил. III, № 14].

Песня **«Вы прощайте, девки, жёнки»** записана в двух вариантах фольклористами Коми филиала АН СССР в 1960 и 1963 гг. [Прил. III, № 14]. В первой части реализуется мотив отъезда молодцев на военную службу. Он встречается в русской лирике довольно часто [Соб. IV, № 260; ПЛО 1978, № 207; Стародубцева 1999, № 22; ЛФ 2008, №№ 202, 203]. В одном лузском варианте этот мотив сменяется описанием состояния героини («Прежде я не верила подружке, // Да почему милого жаль») [Микушев и др. 1961, № 59], тем самым обе части текста логично связаны. Подобное описание близко варианту из Вологодской губ. [Королькова 2010, № 82]. Таким образом, в лузском тексте произошла контаминация мотивов, которые в текстах из русских традиций встречаются в разных сюжетах.

В другом варианте лузской песни мотив отъезда молодца на службу соединяется с мотивом разлуки девушки с милым. Этот фрагмент лузского текста обнаруживает сходство с фрагментом воронежской песни, ср.:

Вы прощайте, девки, жон…девки, жонки да,
Нам топере, ой, нам топере не до вас,
Не до вас да пришел горе, ой, пришел го… город вот указ,
Вот указ да во саночки, ой, во саночки садят нас,
Садят нас да во салдаты, ой, во салдаты везут нас,
Везут нас да с горя ноже…ой, с горя ноженьки да не носят,
Не носят да глаза на свет, ой, глаза на свет не глядят,
Не глядят да это ште за, ой, ето ште такой за сонце,
За сонце да днем красит, ой, днем красит ночью нет,
Ночью нет да ета ште за, ой, это ште месец да,
Месец да ночью светит, ой, ночью светит, днем и нет,
Днем нет да ето ште же, ой, это штё такой да милой,
Милой да летом любит, ой, летом любит, зимой нет
[Микушев, Рочев 1963, № 177].

…Прощай, девки, прощай, бабы!
Нам тепере не до вас:
Во солдаты везут нас!
С горя ноженьки не ходят,
Со слез глазки не глядят!»
.
.
.
.
.
Что это за солнышко: летом греет, зимой нет?
.
.
Что это за месяц: ночью светит, а днем нет?
.
.
Что это за милый друг: летом любит, зимой нет?
[Соб. IV, № 260 (Воронеж. губ.)]

Кроме того, в лузском тексте появляется ответ молодца девушке, в котором он объясняет причину, почему не пришел к ней на свидание. Близкий мотив встречаем в соседних традициях Прикамья (один текст записан от удмуртки) [Соб. IV, № 259; Стародубцева 2001, № 71], ср.:

…Да уж и рад бы, ой, уж я рад да мила тебя любить,
Те любить да зимой холод, ой, зимой холод кодить,
Ой, кодить да были летны, ой, были летние да

– Рад бы, душечка, любить, –
.
Зимой холодно ходить:
.

башмачки,	.
Мы башмачки да по ночам их, ой, по ночам их истоптам да,	.
Истоптам да шуба рвана, ой, шуба рвана да без корма…	Шуба рвана, без кармана, .
Без кормана да без подола, ой, без подола без полы…[Микушев, Рочев 1963, № 177].	Без подошев сапоги! [Соб. IV, № 259 (Перм. губ.)].

Лузский текст заканчивается мотивом «девушка хочет проведать милого и переправляется на другой берег»:

…Проведала бы милого,
Милого да где мой милой, ой, где мой миленькой живет.
Ой, живет да меж горами, ой, меж горами да меж крутыми,
Крутыми да розливала, ой, розливалося вода,
Ой, вода да, возьму я лодку, ой, возьму лодку да перевей…
Переёсла да перееду, ой, перееду да за рекой …[Микушев, Рочев 1963, № 177].

В тексте наблюдаем соединение известных и оригинальных мотивов. В результате комбинации мотивов разных песен в лузской традиции появились уникальные песенные сюжеты.

В летской песне **«Штой по Питерской дороге»** [Прил. III, № 15] (2 варианта записи) объединились мотивы «расставание матерей с сыновьями» и «корение Орины». Первый широко распространен в русских традициях [Кир. 1983, № 243; ПП, № 182; ТФВРАО, №№ 27, 27а]. Последний является довольно оригинальным, в нем сильно ощущается этническая принадлежность певиц. Сходный мотив мы нашли в песне из Московской губ. Причина, по которой девушка не пряла всю неделю, в русском варианте выражена более отчетливо, ср.:

Ты, (й)Орина, ты корина, на базаре да кödила, ох,	В воскресенье я на рыночек ходила,
На кöпеечку куделькöчку да купила(й).	На три денежки куделюшки купила,
На кöпеечку куделечку да купила, ох,	
Ялытын и веретёночöк захватила(й).	На алтынец верентенец захватила.
Ялытын и веретёночöк захватила, ох,	Положу эту куделю на неделю,
Пö деничкам-денёчикам да не пряла.	Как у доброй у пряхи, на другую.
Пöнеделиничкам, пö питöчкам, ох,	В понедельник я банюшку топила,
Пö во вторничкам да веретёнкам.	А во вторник я в баню проходила,
Пö во вторничкам и пö веретёнкам, ох,	И я середу с угару пролежала,
	А в четверг буйну голову чесала,
	А в пятницу добрыя жены не пряли,
Пö рöдительскöм суббöты мöты да не мötала(й).	А в субботу на родителей ходила,
Мöты не мötала, ох,	
Пö вöскресные дни пасмы да не читала [СыктГУ. 13003-5].	В воскресенье на веселье прогуляла [Собрание Киреевского, № 105].

Русский вариант представляет собой более полный текст. Из прилузского «выпал» фрагмент с перечислением действий в среду, четверг и пятницу. Не совсем ясными остаются такие выражения, как «пöнеделиничкам пö питöчкам», «пö во вторничкам пö веретёнкам», «пасмы не читала» (возможно, от искаженного «псалмы не читала»).

В единственном варианте выявлена песня **«Клала да клала она девонюша»** [Прил. III, № 16]. Сюжет был записан от ансамбля с. Прокопьевки в 1980 г. В песне

раскрываются два мотива – ожидание девушкой возлюбленного и похороны полковника. Близкий вариант этого сюжета находим в «Собрании народных песен П.В. Киреевского» [Кир. 1983, №№ 282, 413, 529]. Мотив ожидания в летском варианте более развернут, нежели в вариантах из русских традиций: «поутру рано вставала, умывалась, вытиралась, Богу помолилась, окошко открывала», ср.: «по утру рано вставала, весть услыхала» [Кир. 1983, № 282]. Мотив похорон полковника в летской песне также более распространен: «полковничка моют», «полковничка наряжают», «домовищӧ строют», «полковничку хороняют», в отличие от близкого варианта в русских публикациях: «Маладые агаречки могилушку роют, // Они роют, и копают, и стенушку тешут, // Молодому полковничку домовище строют. // Тело несут, коня ведут, конь головку клонит» [Кир. 1983, № 282]. Прилузская песня заканчивается пересказом: «любезная хотела броситься в могилу». Мотив смерти и похорон сближает данный текст с летской песней «Как поехал наш-от император» [Прил. III, № 11].

В песне **«Петенбург – город»**, зафиксированной в летской традиции в семи вариантах, солдатская тема сочетается с любовной через образы солдата-часового и девушки в саду [Прил. III, № 17]. Летская песня так же, как и русские аналоги, относится к тематическому блоку «девушка и солдат». Исполнительницы с. Прокопьевки относят данную песню к любовной лирике: *«Тайӧ любовнӧй»* (Эта любовная) [ФФ ИЯЛИ. В 1543-2]. Летская песня соотносится с песней из сборника П.В. Киреевского «Соловей, ты мой соловушка» [Кир. 1977, № 195] и с мезенской «Что вы, девушки, призадумались?» [ПФМ, № 26]. Наиболее полное сходство обнаруживается во фрагменте «солдат на часах стоял» (в летском варианте – матрос) и встреча солдата / матроса с возлюбленной. Первая часть летской песни представлена очень оригинально. Вместо «Пскова-города», мелкой рощицы и зелен сада, куда летит-машет соловей, появляется образ разрушенного славного Питербурга, а также возникает образ сада:

Петенбур-гӧрад, о-ой,
Петенбур-славнӧй гӧрӧд, э-ок да,
Гӧрӧд слав, ой рушится.
Славнӧй рушится, ого-ой,
Которова рушится жӧ, ок да,
Рушуина рӧ...рӧзгуляй.
...ина рӧзгуля, ого-ой,
(й)Ина рӧ саду гулял жӧ, ок да [СыктГУ. 13002-8].

Соловей ты мой, соловушка,
Ты куды летишь, куды думаешь?
Я лечу, лечу в Псков-город,
В мелку рощицу, во зеленый сад [Кир. 1977, № 195].

«Ты соловьюшко, ой, роден батюшко,
Да ты куда, сокол, летишь, да куда машешься?»
«Я лечу, только машу, ох, да через реченьку,
Да через быструю реку, ох, да в мелку рощицу» [ПФМ, № 26].

Летская песня акцентирует внимание непосредственно на тяготах службы часового. Далее в песне представлен образ зеленого сада с виноградом, черносливом, изюмом. Примечательно, что подобное описание сада встречается в песне лузских коми «Саду жить невесело» [Прил. III, № 30], ср.:

Все сады тай зелё...лёныя.
...лёныя, ögo-ой,
Во зелено во саду жö, ох да,
Во саду виноград толькö растьöт.
Винöград рöстет, ох-ой,
Виноград в саду растьöт жö, ох да,
Рöстьöт чёрнöй...дай слив толькö дай цветёт.
Чорнослив цветёт, ох-ой,
Чорнойслив в саду светёт жö, ох да,
Цветёт изюм- я(о)...ягöду(й).
Изюм-ягöду, ой,
Изюм-ягöду брала жö, ох да…[СыктГУ. 13004-31].

…Саду место, саду дом,
Где бы ро-ой, родныё,
Где бы ро-ой, родныё,
Где бы родной места дом,
Да где изюм-от цветет,
Где изюм-от растет,
Где изюм-трава растет,
Да чёрношлива цветет,
Черношлива цветет,
Черношлив, черношлив,
Да сладкие ой ягодой,
Сладкие ягодой [Микушев, Рочев 1963, № 186].

Прилузская песня «Петенбург – город» оканчивается уговорами «дружка милого» не плакать; в варианте из сборника П.В. Киреевского представлена встреча молодых людей, ср.:

Как увидела дружка жö, ох дай,
Ольö дружка да ми...милова.
Дружка милова, ох-ой,
Милова сердешнова жö, ох да,
Сердешной да пла(ö)...плакала.
Заплакала, ох ой.
Ты не плачь-ко, ты не плачь жо, ой да,
Не плачь, красная де-девушка.
...эвушка, ох-ой,
Не марай-кö ты своё жö, ох да,
Свöю лицу бе...белую(й) [СыктГУ. 13004-31].

Молодой солдат на часах стоит.
На часах стоит, караул кричит.
Барабанщики в барабаны бьют.
Душу Машеньку уговаривал:
.
.
«Ты не плачь, не плачь, Машенька,
Не лей горючи слезы,
Не мочи лицо белое,
Не марай свои щечки румяные».
«Уж как-то мне, Маше, не плакати,
Молодой солдат во поход пошел,
Меня, Машиньку, с собой возьмет» [Кир. 1977, № 195].

Описание лица девушки в одном из летских вариантов дополняется еще некоторыми характеристиками (румяное светлое зеркало, зеркало хрустальное):

Не марай-кö ты свою же,
Ок, да свою личу белую, <…>
Белова, румянова же,
Ок, и румян светлö зеркалö, <…>
Зеркалö крустальнова жö,
Ок, да крустальнöй сморозила, <…>
Сморозила милого же,
Ок, до белова, румянова [ФФ ИЯЛИ. В 1543-2].

Отметим, что песня «Петенбург – город» с тем же набором мотивов бытовала в другой коми традиции (Княжпогостский р-н, с. Ляли) [ФФ ИЯЛИ. А 0671-3].

Песня **«Новый калиновый»** [Прил. III, № 18] известна в Прилузье по одной записи из с. Летка. Обращает на себя внимание редуцированный зачин, из которого «выпало» определяемое слово (мост). Близких вариантов этой песни в публикациях русского песенного фольклора нами не выявлено, но текст имеет устойчивые мотивы и образы, которые довольно часто встречаются в других песнях. Можно сопоставить мотив «девушка у ключа черпает воду» с мезенским вариантом:

Во ключе стояла,
Водицу черпала,
В котел наливала,

О-ох, да у ключика да у холодного,
Что у ключика да у холодного,
О-ой, раскрасавица да за водой пришла,

Коням пить давала [СыктГУ. 13202-55].

Да девица да за водой пришла,
О-ой, за водой-то пришла да за ключевою.
Ой, ведра ставила да воду черпала.
Ведра ставила да воду черпала [ПФМ, № 12].

В одном из вариантов этой песни основная часть обнаруживает вариант в записи песни «Сизенький голубчик» из с. Прокопьевка, где этот фрагмент оказался, по замечанию исполнительницы, случайно:

Ружья заряжают,
Машу замечают,
Где Машенька была,
Во включе стояла,
Водицу черпала,
В котел наливала,
Коням пить давала,
Конь водичку не пьет,
Копытичком гребет,
Конь дорожку чует,
Где милый ночует,
В поле на поляне,
Бережек <прекрасен>,
Под белой березе,
Под <кляпой> осиной,
Под самой вершиной,
Вершинушка низко,
Мой милова близко,
Казаки гуляют [СыктГУ. 13202-55].

Ружьем заряжала <…>
Машу замечала, <…>
Где Машенька был и я,
Во ключе стояла, <…>
Водичу черпала, <…>

Коням пить давала, <…>
Конь водичу не пьёт, <…>
Копотичкöм гребйöт, <…>
Путь-дорожку чуйöт, <…>
Где милой ночуйöт, <…>
Поле на полене, <…>

Под белой берьёзой, <…>

Под самой вершиной, <…>
Вершинушка низко, <…>
Мой миленькöй близко [ФФ ИЯЛИ. В 1545-3].

Можно предположить, что и прокопьевским певицам был известен этот сюжет, но собирателям не удалось его зафиксировать.

Сюжет песни **«Ванька, ты Ванюшенька»** выявлен в Летском с/с в трех вариантах [Прил. III, № 19]. Имеется ряд вариантов из публикаций русского фольклора. В сравнении с ними основные сюжетные ситуации в летской песне переданы довольно полно. Сравним, например, зачинный мотив «у Ванюши болит голова, связана платком»:

Ванька, ты Ванюшенька,
Да Ванька голова болит, <…>
Да голова болит у сердечного, <…>
Платким связанö,
Платки сполюбовная…[СыктГУ. 13202-53].

Как у Ванюшки голова болит,
У дородного платком связана,
Шелковым платком, гарнитуровым…[Кир. 1986, № 425].

Примечательно, что в летской традиции возникают дополнительные детали в описании волос молодца («белые волосы») – устойчивые формулы «чистое серебро», «красное золото»:

Да сполюшка белая,
Поле белая,
Сполюшка белая,
Белые волосы,
Волосы, ок, и волоса
Да чисто серебра,
Чистым серебром
Да красного золота [СыктГУ. 13202-53].

Общим для двух вариантов является также мотив «молодец гулял за рекой», ср.:

Да звали ль Ванюшой, <…>

Звали Ванюшку за реку в гости

Звали ль Ванюша
Да звали ль Ванюша.
Да Ванька за рекой гулял [СыктГУ. 13202-53].

К сударушке, душе Аннушке,
На единый час, на минуточку [Кир. 1986, № 425].

Прилузский текст отличается от песни из сборника П.В. Киреевского появлением образов «той стороны», «женской слободы», «большой улицы»[149]:

И гулял на ту сторону, <…>
Да женского слободе, <…>
Да большой улицой … [СыктГУ. 13202-53].

Солдатская тема передана в известном русской лирике образе трех полков солдат, которые бьют в барабаны, ср.:

Ок, да каменной Москва,
Москва-государыня,
Государьева, <…>
Три полка солдат <…>
И солдат барабаны бьют, <…>
Барабаны бьют
Да барабаны бьют не по-здешнему,
Не по-здешнему, <…>
Или по-другишному, <…>
Или по-кручинному, <…>
Или по-печальному…[СыктГУ. 13202-53].

Мимо города, мимо крепости,
Мимо матушки каменной Москвы
Проходили тут три полка солдат…[Кир. 1986, № 425]. См. также: [ЛПУЦ, № 12].

Таким образом, группа песен с контаминацией любовной и солдатской тем является в прилузской песенности довольно обширной. Эти темы, как правило, связаны друг с другом по смыслу (отъезд молодцев на службу – тоска девушки).

Большое место в репертуаре прилузских коми занимают песни **любовной тематики**. В них раскрываются традиционные мотивы: встречи и расставания с любимым, тоска девушки по молодцу.

Несколько песен прилузской лирики объединены мотивом свидания. К этой группе мы отнесли 6 сюжетов.

Песня **«У тесовую кроватушку стояла»** записывалась только в Спаспорубском с/с, выявлена в трех записях [Прил. III, № 20]. Устойчивые варианты этого сюжета находим в ряде сборников русских песен [Прил. III, № 20]. Наиболее близкие варианты представлены в вологодской, архангельской и печорской традициях [Леонтьев 1979, № 150; Бахтин 2004, №№ 46, 173]. Сюжет построен на традиционных мотивах женской лирики: «ожидание молодца», «свидание», «угощение возлюбленного». Последний мотив перерастает в монолог девушки, в котором она жалуется на свою горькую участь. Песня заканчивается сюжетной ситуацией «девушка копает канаву, теряет кольцо, приходит нелюбимая подруга, мать бранит девушку», характерная также для песни из традиции Камско-Вятского междуречья, но в нем девушка поливает капусту, ср.:

[149] Отметим, что аналогичные образы встречаются в песне из коми традиции Корткеросского района (с. Сторожевск) [СыктГУ. 1508-9].

Возле грядушки конавушку копала,
Золотое-то колечко уронила,
Золотое-то колечко потеряла,
Нелюбимая подружка приходила,
Не за то ли меня маменька бранила [СыктГУ. 13130-9].

Я немецкую капустку поливала, <…>
Золотоё колечкё потеряла, <…>
Укатилося колечко под крылечко, <…>
Нелюбимая подружка находила, <…>
Родной мамоньке объясняла [Стародубцева 2001, № 46].

В русских вариантах подружка отдает кольцо милому [Бахтин 2004, № 46; Леонтьев 1979, № 150].

Песня **«Вечор молодой всю ночь не сыпал»** представлена семью вариантами в записях из Летки. Ведущие мотивы прилузской песни – «ожидание возлюбленного» и «свидание» – встречаются и в песне из коми-пермяцкой традиции, а также в песне из сборника В.С. Бахтина [Прил. III, № 21]. Оба мотива более развернуты в прилузском варианте. Мотив свидания получил оригинальное оформление за счет утверждения и отрицания одного и того же действия:

В ызбу не зайду.

В ызбу не зайдут(ы),
Кётя в избу-тӧ зайду, да,
Богу не молюсь.

Богу не молюсь,
Кётя богу-тӧ молюсь, да,
Лавку не сяду.

Лавку не сяду, ок и,
Кётя лавӧчку сяду, да,
Перьёд не сяду.
…Стӧкан не примью.
…Всю-тӧ не выпъю.
…Пьяна не буду.
…Песню не скажу.
…Плясать не пӧйду.
…Всю-тӧ не пляшу [СыктГУ. АФ 13001-13].

Г.С. Савельева, проанализировав структурные особенности этого текста, пришла к выводу, что «внешняя алогичность, присущая данному фрагменту, компенсируется четкостью структурной организации, создающей эффект поступательного действия» [Савельева 2007. С. 383]. Два варианта этой песни, расшифрованные с аудиокассет, более подробны, нежели варианты из Рукописного фонда СыктГУ, сделанные от одной исполнительницы. Так, мотив ожидания молодца в аудиозаписях включает следующие детали: стелит кровать, кладет перинушку, подушечку [СыктГУ. АФ 13001-13; ФФ ИЯЛИ. В 1545-1]; в вариантах же из рукописного источника этот мотив краток – «милой дружку ждал» [СыктГУ. РФ 13-XII-70; СыктГУ. РФ 13-XIV-17]. Приезд молодца в них также краток – «мой милой идет», в расшифровках с аудиокассет этот мотив развернут – на мосту идет, сапожки стучат, колечки бренчат.

Песня **«Стал я засыпати да горе забывати»** выявлена в одном варианте из с. Поруб Спаспорубского с/с [Прил. III, № 22]. Сюжет строится на мотивах «встреча молодца и девушки»; «молодец ведет девушку в горницу, угощает вином». Аналогичный вариант обнаруживаем в собрании А.И. Соболевского [Соб. IV, № 725]. Отметим, что прилузская песня выглядит вполне «по-русски» – полностью совпадает с вариантами из

русских традиций, языковых трансформаций не выявлено, что связано, скорее всего, с пограничным положением с. Поруб.

Песня **«Ок, и не от радость, дай, радось мой же»** выявлена в двух вариантах [Прил. III, № 23]. Начальный мотив песни – «девушка идет с горя в лес» – реализуется во многих песнях из русских традиций. Далее возникает описание природы («зелёныя луга», «луженька», «травенька», «цветӧнька рӧсцвела»), а затем – мотив встречи возлюбленных (тут мой миленький гулял, красную девку сповидал). Заканчивается песня развернутым описанием постели. Один из летских вариантов отличается дополнительной сюжетной линией, включающей мотивы «гибель молодца», «девушка видит происходящее из высокого терема, идет с ведрами за водой» [СыктГУ. 1306-16]. Аналогичную сюжетную ситуацию встречаем в русской песне из Карелии [Карельский край 1984, № 101].

Песня **«Как на матушке на Невой реку»**, зафиксированная у лузских коми в единственном варианте, принадлежит к числу довольно распространенных в русской традиции [Прил. III, № 24]. В песне содержится мотив встречи девушки и молодца. Образы матроса на корабле и девушки в тереме, которые представлены в этом тексте, в песенной традиции Забайкалья встретились нам в разных песенных сюжетах [Забайкалье 1989, №№ 1, 22]. Наиболее близкий вариант лузской песни зафиксирован в Вологодской губернии [Выходцев 1990, № 537]. Лузский текст сохраняет все основные мотивы вологодского текста: матрос на корабле, девушка в тереме, их встреча, но тем не менее текст испытал некоторые утраты. В лузской песне «утерян» образ острова, который устойчиво присутствует в сюжете песни, ср:

…На Невой, реку на Васильёвскӧй
На Васильёвскӧй **трав**енӧй мой,
Трове славнӧй мой……[ФФ ИЯЛИ. К 425, № 12].

Как на матушке на Неве-реке,
На Васильевском славном острове…[Выходцев 1990, № 537].

Вместо острова появляется «затемненное» сложносоставное определение «травенӧй мой, трове славнӧй мой», лишенное смысла и самого определяемого слова, не имеющее отношения к характеристике Васильевского острова. Вместе с тем, в словах «травенӧй», «трове» проглядывают «осколки» слова «остров».

Мотив «молодой матрос корабли снастил» также имеет в лузской песне размытую структуру, появляются образ ночи, местоимение «мы», отсутствующие в других вариантах, например, в вологодском, ср.:

Мӧлӧдӧй матьрос караблей,
Ночки с карабле, сночки на море(й) спустит,
На море спусти возле нас, спусти возле нас двери полотяной…[ФФ ИЯЛИ. К 425, № 12].

Молодой матрос корабли снастил
О двенадцати тонких парусах,
Тонких, белых да полотняных…[Выходцев 1990, № 537].

Мотив встречи в сравниваемых вариантах имеет расхождения: в вологодском варианте девица увидела матроса, в лузском – наоборот, матрос девицу: «Увидала же увидала же красным девицу, // Красным девицу из баклуйского, из баснуйского нова теремой».

Разночтения в вариантах из коми и русских традиций отмечаются также на уровне эпитетов. В лузском варианте полотняными названы двери, в вологодском – паруса. Терем в лузской традиции обозначен как «баклуйский», «баснуйский», «новый», в вологодской – «высокий», «новый». Отличия наблюдаются и в финальном мотиве: вологодская песня оканчивается мотивами «смерть девушки» и «печаль молодца», отсутствующие в лузской песне.

В летской песне **«Ты не пой, моя соловеюшка, да во да этом во часоченьке»** (3 варианта) любовная тема раскрывается через мотивы ожидания милого: «Сидела нашай Овдотюшка ёдна с терема, // Шила дай она (й)ушивала милёму дружку платок, // Ждала дай она, дожидала себе сёкёла» и свидания [Прил. III, № 25]. Заканчивается песня диалогом, в котором молодец объясняет девушке, почему «вечор в гости не пришел». Первая часть летской песни с образами соловья и терема имеет сходство с вариантом из печорской традиции, ср.:

Ты не пой, моя сёлёвеюшка, да во да(й) этём во часё...эченькэ, да,
Не давай тёски, **назад дружка** серьдца да толькё моево.
Не давай тёски назад, дружка (да) серьдце да толькё моево, ох да,
Без тово моя сердеченька рёстёкнюшина.
Без тово моя сердеченька да рёстакнюшина, ох да,
Рёсташным-тё рёстакнюшина (да) с ёгорчушина.
Огорчушина, э-ох да, где жё да моя любезная, (да) Олдотюшина.
Где же моя любезна(ё)ая да Олдотюшина, ох да,
Сидела(й) нашай Овдотюшка (й)ёдна с терема [СыктГУ. 13001-1].

Ты не пой-ко, не пой, да соловьюшко,
Во этом да часу,
Э-эх-и, не давай-ко тоски да **надзолушки**
Сердцу-то мо…ой, да моему,
Ах, не давай-ко тоски да надзолушки
Сердцу-то мо…ой, да моему.
И-эх-и, без того-то мое да сердечушко,
Эх-ы, да изныло оно во мне,
Эх, вот во девице, во забавнице.
И-эх-и да из-под камешка да горючего,
Эх, да клю…да ключики да не текут.
Эх, во чистом-то поле да во раздольице
Стоял новенький да высок-то терем…[ПП, № 28].

Любопытно отметить, как малопонятное для носителей традиции слово «назолушка» становится сочетанием «назад дружка».

Мотив «девушка ожидает возлюбленного и вышивает платок / рубашку» встретился нам в песне из коми-пермяцкой традиции [СыктГУ. 3004-5].

Причина, по которой молодец «вечор в гости не пришел», в прилузском варианте довольно развернута: в монологе возникают образы жены, с которой «журья-браночка была», «свестеньки», которую замуж выдавал, тещи, которую «гёсти снаряжал», и шурина, которого «в Питер-Мёскву провожал». В варианте из вологодской традиции присутствует только образ жены, ср.:

Вечор, вечор не пришёл да велик было, недосуг, э-ох «Я за тем, за сем, девица, призамешкался в дому....

да,
Сӧ свӧей-тӧ, сӧ свӧей скудӧй женӧй журья-браночка была. <…>
Журилай она, пӧ бранила доброва меня мӧлӧдца. <…>
Малую-ту свестеньку да замуж, замуж выдала. <…>
Баскую-ту тьӧщеньку да гӧсти снаряжал. <…>
Богатова шурина да в Питер-Мӧскву провожал [СыктГУ. 13001-1].

Со своей худой женой побраночка была;
Бил, бил жену бестию, чуть живу на свет пустил;
Журит-бранит бестия тебя, радость, и меня!» [Соб. III, № 501].

В песне из коми-пермяцкой традиции имеется сходный мотив, в котором молодец объясняет, почему не пришел: «любезная шурина встречай-провожай, любезной своячена Казань провожай» [СыктГУ. 3004-5].

Бóльшая часть лирических песен любовного цикла раскрывает мотив разлуки молодца и девушки. Часто разлука представлена как состояние лирических героев (мотивы одиночества, грусти-тоски девушки).

С разлукой связан отъезд молодца. Этот мотив зачастую раскрывается наряду с другими песенными мотивами, в частности, со свиданием, встречей. В группу песен с мотивом отъезда молодца мы отнесли 7 сюжетов.

Песня **«Я вечор да дружка милого унимала ночевать»** выявлена в трех вариантах. Песня включает три мотива – свидание, разлука и встреча, также в ней дается описание природы. Близкие мотивы первой части (молодец ночует у девушки, утром она его провожает до околицы) находим в ряде песен из русских традиций [Прил. III, № 26]. Далее в вариантах имеются разночтения. В летской песне появляется образ перевозчика, а, к примеру, в усть-цилемской – образ матросов на шлюпке, которые говорят о разлуке, ср.:

…На им нету толькӧ перевоз. <…>
Перевозщик мӧлӧденькӧй, да,
Неженатӧй парень, кӧлӧстӧй. <…>
Неженатӧй, парень вот женатӧй, да,
Кудреватенькӧй, делевӧй, баскӧй [СыктГУ. 13003-3].

Лёгка шлюпка проплыла…
Э-ой, да чтой-то во этой было лёгкой шлюпке,
Э-ой, да два-то ле матросика сидят. <…>
Э-ой, да два-то ле матросика они сидели,
Э-ой, да про-й... про разлуку говорят [ЛПУЦ, № 46].

Вторая, финальная часть песни, имеет оригинальное окончание сюжета, которого нет в русских вариантах:

Тут мой миленькӧй гулял жӧ, да,
Красную девку толькӧ спрӧвидал.
Баскую девку толькӧ целӧвал. <…>
Рӧзлапушкӧй называл. <…>
Рӧзлапушка-девушка жӧ, <…>
Сизая толькӧ гӧлубушка(й). <…>
Белая толькӧ лебёдушка(й) [СыктГУ. 13003-3].

Как видно из этого фрагмента, здесь раскрываются счастливые взаимоотношения между влюбленными. Эта часть сближает песню «Я вечор да дружка милого унимала ночевать» с песней «Ок, и не от радость, дай, радось мой же» [Прил. III, № 23]. Как отмечает Г.С. Савельева, «в плане структурной организации анализируемых текстов

можно отметить, что лирические песни достаточно часто связаны между собой на уровне общих формул и даже на уровне общих текстовых фрагментов» [Савельева 2007. С. 382].

Образ природы, который скрепляет две самостоятельные формульные темы летской песни, реализуется также в усть-цилемском варианте, но в отличие от русского варианта, в летской песне он более развернут:

Неширокӧй речка глубока.
Неширокӧй и глубистӧй, <…>
Каменистая речка быстра(й).
Камениста речушка быстра.
Бережками толькӧ крутыйӧ(й). <…>
Все гӧрами толькӧ высоко(й). <…>
Все лугами толькӧ зелёна(й). <…>
Все травами толькӧ шӧлкӧвӧй [СыктГУ. 13003-3].

Э-ой, да не-й... не широкая речка, не глубока,
Э-ой, да всё-то ле крутые бережка.
Всё крутые бережка… [ЛПУЦ, № 46].

Включение в текст песен описаний природы связано, по мнению Г.С. Савельевой, с механизмом упорядочивания текста: «Именно тенденция к такой структурной организации восполняет пробелы в осмыслении иноязычных текстов» [Савельева 2007. С. 384].

Песня **«На заре было да всё на зорюшке»** выявлена в Прилузском районе лишь в одной из последних экспедиций в одном варианте [Прил. III, № 27]. Мотивы, на которых строится данный текст, в сочетании с другими мотивами или в качестве самостоятельных известны разным традициям: 1) молодец покидает девушку: «Не ясён-то сокол да со гнезды слетел, // Со гнезды слетел дай добрый молодец»; 2) прощание с милой («Ты прощай-прости, да моя милая, да еще раз прощай, да любезная»); 3) свивание венка: «Пойду в лесок, сорву цветок, совью венок на головушку, // “Носи венок, не скидывай, люби – не обманывай”». Последний мотив широко распространен в русском песенном репертуаре.

Сравнение «не сокол слетал – добрый молодец» встречается в песне из Кировской обл. (Слободской р-н, с. Ильинское), ср.:

…Не ясён-то сокол да со гнезды слетел,
Со гнезды слетел дай добрый молодец.
Доброй молодец да из гости пошёл,
Из гости-то прошёл с милым прощается… [СыктГУ. 13121-37].

…Не сокол то с гнезда слетает.
Не сокол то с гнезда слетает –
Молодец с двора съезжает… [Выходцев 1990, № 402].

Обращает на себя внимание сочетание предлога с существительным «из гости» в прилузском варианте, в отличие от «с двора» в кировском.

В результате контаминации известных мотивов в традиции лузских коми сложился стройный сюжет. Примечательно, что в песне практически не наблюдается принадлежность к коми традиции. Скорее всего, это связано с тем, что она зафиксирована в Спаспорубском с/с, который является пограничным с русским с. Лойма.

Песня **«(В) саду жить невесело»** выявлена также в одном варианте [Прил. III, № 28]. Она включает 2 основных мотива: «молодец полюбил девушку и покинул» и «молодец ведет коня». Эти мотивы соединены описанием сада. Первый мотив и описание сада обнаруживают сходство с вариантом из вятской традиции, ср.:

Саду жить невесело, <…>
Любить не, ой, некого. <…>
Сполюбил парень девочки
На три год годничкой, <…>
На четвертый год надо,
Роставатися стал, <…>
Росставаться роспрощался,
Чтой полынюша зва, <…>
Чтой полынь наша полынь,
Полынь го-ой горькая, <…>
Занялась штё полынь
Саду ме-ой местечко, <…>
Саду место, саду дом,
Где бы ро-ой, родныё, <…>
Где бы родной места дом,
Где изюм-от растет, <…>
Где изюм-трава растет
Да чёрношлива цветет, <…>
Да сладкие, ой, ягодой…[Микушев, Рочев 1963, № 186].

Жить невесело во садике,
Любить некого....
Полюбил парень девонюшку
На три годика;
На четвертый-ет на годик
Разставаться стал,
Спокидатися,
Стал полыней звать,
Стал: «Полынушка, полынюша,
Полынь горькая!»
Заняла наша полынюша…
В саде местечко,
Да в саде доброе,
Хлебородное,
Да в хлебе местечко,
Чернозем земля.
Чернозем земля хорошая, —
Тут изюм растет,
Виноград цветет,
Виноград, виноградушко,
Да сладки яблочки, орешечки,
Для потешечки…[Соб. III, № 339].

Близкое описание сада (чернослив, изюм) встретилось нам в тексте песни из Тверской губ. [Выходцев 1990, № 410]. Лузский текст заканчивается мотивом «добрый молодец ведет коня» с описанием коня и телеги. Близкие варианты этому фрагменту находим в песенных текстах печорской и мезенской традиций [ПП, № 350; ПФМ, № 92]. Отметим формульную реализацию этого мотива в песне лузских коми:

Да тут шел ли прошел
Да доброй мо-ой молодец,
Доброй молодец идет, <…>
За собой коня ведет, <…>
Коня вороные <…>
Да ножки новенькая,
Ой, да новенькая,
Ум да новенькая
Ножки кованыё, <…>
Телега крашёные, <…>
Дуга устьтюжская [Микушев, Рочев 1963, № 186].

Начальный и финальный мотивы не связаны друг с другом по содержанию, они соединены описанием сада. Заметим, что традиционное описание сада отличается появлением образа полыни. Тексты с подобной структурной организацией, бытовавшие в летской традиции, уже были отмечены нами.

Песня **«Выпила-то я вино с перчом»** зафиксирована в лузской традиции в единственном варианте [Прил. III, № 29], строится на мотивах разлуки молодца и девушки

(«уезжает милой в город да оставляет с горя»); печаль девушки («как кораблик воду бьются, из глаз слезы льются»). Это довольно известный сюжет в ряде традиций: архангельской, вологодской, пермской, кировской и др. Порубский вариант имеет оригинальный зачин, отсутствующий в вариантах из русских традиций. Наиболее близкий вариант с зачином «Распечальное девье сердце всегда занывает» встретился нам в архангельской традиции [Соб. V, № 557]. Заметим, что текст не содержит искажений и следов адаптации, что связано с тем, что с. Поруб, в котором был зафиксирован текст, имеет непосредственную близость с русскими традициями.

Песня **«Запевай-ко, моя любезна, я которой да сполучше» / «Напевай, кому я любезная, который да получшима»** выявлена на Лузе в двух вариантах [Прил. III, № 30, 30а]. Можно заметить, что зачины песни имеют различную смысловую нагрузку. В занульском варианте звучит просьба спеть песню, «которая получше», а в порубском – просьба спеть песню для того, кому по сердцу лирическая героиня («напевай, кому я любезная»).

Текст построен на сочетании мотивов, которые по отдельности встречаются и в составе других песен. Мотив «запевай, моя любезная» распространен в русском репертуаре [Леонтьев 1979, № 177; Выходцев 1990, № 330; ЛПУЦ, №№ 27, 28]. В песне реализуется мотив просьбы молодца к девушке не печалиться:

Лучше да ты живий-ко,
Моя любезная,
Живи не да печалься,
Печалься да тоским-печаль,
Милый, не сдавайся,
Сама не да скушайся [Микушев, Рочев 1963, № 187].

Лучше да ты же,
Веко, моя любезной,
По вине да печалься,
Печалься да тоские, печаль,
Милой, не сдавайся,
Сама не да скрушайся [Микушев и др. 1960-1961, № 65а].

На наш взгляд, слово «веко» возникло в результате неправильного деления расшифровщиком песенных стихов. В действительности, нужно читать «живи-ко», как в другом прилузском варианте.

Далее в варианте из с. Занулье появляется образ ветра с родимой стороны, который приносит ясного сокола. Слово «ветер» в тексте имеет искаженный вид – «ветре». В варианте из с. Поруб образ ветра отсутствует, появляется невнятное в смысловом отношении сочетание «во доле вольными, при с родимой да сторонке»:

Да ду-дунет ветре,
С родимой да сторонке,
Ой, сторонки да со родимой,
Были все дорожки,
Кто ко мне долетаёт,
Летают да не летай-ко,

Ясненькой сокольчик,

Да не во доле,
Доле да вольными,
При с родимой да сторонке,
Сторонке да со родимой,
Был я да со широким,
Сокол не да летает,
Летает да не летай-ко
Ясненькой соколик.

Занедужка дай сведёт,
Сведёт да мил на гнедышкой,
Милой садился [Микушев, Рочев 1963, № 187].

На гнездышко садёт,
Да-й он на гнёздышко
Милой садится [Микушев и др. 1960-1961, № 65а].

Возникающие разночтения в лузских вариантах связаны с трансформированными словами и фразами. В порубском варианте лучше сохранены ключевые слова «скрушайся» и «гнездышко» («скушайся» и «гнедышко» – в занульском).

Следующий мотив песни – «милый ночку не ночует, всю ночь протоскует» – также известен в русских традициях [Томское Приобье 1986, № 11; Забайкалье 1989, № 84]. Вариант подобной сюжетной ситуации с образом батюшки бытовал в хороводно-плясовой традиции [ТФВРАО, № 27; ВФ, № 682].

Занульский вариант этой песни содержит мотив строительства кровати из осины, который встретился нам в песнях из сборников разных русских традиций [Соб. I, № 449, 450, IV, № 334 (Терск. обл.); V, №№ 498 (Курск. губ.), 628; Зырянов 1962, № 40 (Перм. губ.)]. В другом лузском варианте образ кровати отсутствует, появляется образ деревенского парня, который «много работает» («тысечи да сробит сроботушки»), во фрагменте встречаются искаженные слова (избесчастной, из самова да жинке):

Мы построим нову кроватушку,
Из бесчестных древа,
Из бесчестной было деревенский,
Изгорьки да осины [Микушев, Рочев 1963, № 187].

Тысечи да сробит сроботушки,
Избесчастной был я,
Избесчастной был я да деревенской,
Из самова да жинке [Микушев и др. 1960-1961, № 65а].

Добавим, что порой и собиратели неадекватно передавали текст песни, в частности, «изгорьки» в расшифровке имеет слитное написание.

Финальные фрагменты в рассматриваемых вариантах различны. В одном он имеет смысловую связь с образом кровати через образ дерева: «Вершиночки стали подсыпати, // Девки погибати» [Микушев, Рочев 1963, № 187], где, очевидно, следует читать «подсыхати». В другом варианте заключительный мотив связан с образом деревенского парня, который находится в удрученном состоянии: «Ночи каждой стал я подсыхати, // Маша погибати». Этот фрагмент заканчивается формулой «Хошь спокинёшь, милой, заспокинёшь, // Вспомнёшь меня» [Микушев и др. 1960-1961, № 65а]. Данная формула известна русской лирике, в частности, встретилась нам в усть-цилемской песне [ЛПУЦ, №№ 18, 19]. Таким образом, два, казалось бы, близких варианта в результате лексических трансформаций получили две различные сюжетные ситуации: «выпадение» образа кровати из текста привело к тому, что слово «деревянный» «превратилось» в «деревенский», и сюжетное развитие песни пошло по другому пути.

В прилузской песенной традиции бытовала песня **«Сизенький голубчик сидел на кудивой»**. В лузской традиции песня имела усеченный зачин «Очи ево ясны». Там она

была выявлена в 5 вариантах, в летском репертуаре – в 6 [Прил. III, № 31]. Текст по всем вариантам довольно устойчив. Заметим, что эта песня известна и другим коми традициям, в частности, она встретилась на Выми (д. Гам) [ФФ ИЯЛИ. А 0671-11]. В русской лирике эта песня известна с зачином «Сизенький голубчик сидел на дубочку». В прилузском тексте зачин песни содержит слово «кудивой» с несколько «затемненным» лексическим значением.

Расставание пары, состояние героини («Шила я, вышивала милому рубашку, // Плакала, рыдала, слезы я вытирала») связаны с отъездом милого на службу («Робит, роботает, конечка седлает»). В прилузских вариантах эта тема отсутствует, текст разрабатывает только любовную тематику. Варианты оканчиваются мотивом «девушка шьет-вышивает милому рубашку» или описанием конской упряжи.

В лузской песне раскрывается внешность молодца («очи ево ясны», «брови ево черны», «личенька белое», «щечки румяное», «глазки весёлое»), а также дается описание конской упряжи. В русских вариантах подобного описания упряжи коня не встречается. В прилузских вариантах здесь наблюдаются разночтения. Так, в одном варианте в перечислительный ряд входят такие предметы, как «домповод шелковой», «шлия гумажной», «мегор печатный», «вожжи шелковой» [СыктГУ. 1331-18а], в другом появляются такие дополнительные детали упряжи, как «вожжи лапеньковöй», «супонь муржевöй», «деревча дубöвöй» [Микушев, Рочев 1963, № 283].

В тексте встречаются «непереводимые» на русский язык слова (вожжи) «лапеньковöй», (супонь) «муржевöй», «домповод». Слово «мегор» переводится с коми языка как «дуга», что вполне соответствует контексту песни. Тем самым наблюдаются своего рода вкрапления как малопонятных, так и «воспринятых» на родном языке (комиязычных) слов, придающих песне национальный колорит. Можно предположить, что эта особенность связана с тем, что певицы не понимали значений русских слов и заменяли своими, более доступными. Это говорит об осмыслении песни самими исполнителями, творческом подходе к пению. Эту особенность отметил П.И. Чисталев: «В песнях нередко встречаются словообразования и грамматические обороты, которые исходят из коми лексики и грамматики и ярко проявляются в русской речи коми исполнителей. <…>. Неверное произношение отдельных слов или замены созвучными словами <…> вероятно, происходит из-за их недопонимания» [Чисталев 1976. С. 21].

Искаженная форма пава «пала, серы зарыпала» становится понятной при обращении к «первоисточнику», ср.:

…Прилетела – пава, …Эх, прилетела пава,

Прилетела гölупала,
Прилетела – пала, серы зарыпала,
Серы милый зарыпала [ФФ ИЯЛИ. В 1542-9].

.
Среди двору пала,
Сама про это знала,
Сама и замечала…[ПП, № 27].

Слово «гölупала», возможно, следует рассматривать как результат трансформации «среди двору пала»; «серы зарыпала» – от «сама про это знала, замечала». Отметим, что эти искажения являются устойчивыми во всех прилузских вариантах песни.

Летский вариант помимо развернутых формул внешности молодца («очи ёво ясны», «бровы ёво чёрны», «личенька беленька», «щачки румяненька») и конской упряжи («узреньки зрöчаны / дрöчöна», «поводы шöлкövöй», «сиделка шитавай») включает мотив вышивания рубашки милому («шила она, ушивала милöму рубашку», «зöлötнöй узоры») и связанный с ним мотив переживания девушки («плакала-рыдала, сльöзы уливала»). Опять же в летских текстах можем наблюдать вкрапления малопонятных слов: «зрöчаны», «дрöчöна», «сиделка шитавай». Слов «сиделка», предположительно, образовалось от слова «седло». Остальные слова имеют «затемненные» значения.

Мотив отъезда молодца на службу, раскрывающийся в текстах из русских традиций, в летском репертуаре не представлен. В обоих вариантах встречается мотив седлания коня:

…Чово, милöй, робишь,
…Робишь-роботаешь, кö двору гуляешь,
Кö двöру, милöй, гуля(о)йöшь.
Кö двöру гуляешь, конюшку имаешь [СыктГУ. 13003-4].

…Что мой милый робит,
Эх, робит, роботает,
Да коня оседлает,
Со двора милый съезжает.
Эх, будто ты ведь, милый,
В царскую службу
И в немецкую дружбу [ПП, № 27].

Один из летских вариантов оканчивается фрагментом, состоящем из мотивов на коми и русском языках:

Другыд жö шöртöвöй, пöдруга шöлкövöй, <…>
Пöдруга шöлкövöй, сводник мишурövöй, <…>
Сводник мишуровöй, аддзысь дöстальövöй, <…>
Аддзысь дöстальövöй, видзись сунисовöй, <…>
Видзисид да сунисövöй.

Друг же нитяной, подруга шелковая,
Подруга шелковая, сводник мишуровый.
Сводник мишуровый, основа досталевая,
Основа досталевая, фактура нитяная,
Фактура да нитяная [СыктГУ. 13003-4].

А.В. Панюков, проанализировав текст, пришел к выводу о переосмыслении исполнителями непонятных русскоязычных слов более доступными, что привело к развитию в песне дополнительного свадебного сюжета. Так, неизвестное для носителей коми традиции слово «подпруга» сменилось более понятным «подруга», которое в свою очередь привело к появлению парного образа «друг»[150].

[150] «<…> лексически “затемненное” сочетание “подпруга шелковöй” осмысляется как *подруга шелковöй* – соответственно, с дальнейшим разворачиванием ключевой формулы: “пöдруга шелковöй – другыс сунисовöй” (букв. подруга шелковая – друг нитяной»). Далее возникает спектр возможных способов развертывания текста-примитива в соответствии со смысловым ядром лирического сюжета. <…> аддзысь

В летской традиции зафиксирован еще один сюжет с тем же зачином, но в нем реализуется мотив разгульного поведения юноши:

Сизенький голубчик
Сидел на дубёчке, <…>
Сидел милый на дубёчке,
Да прилетела к нему пава,
Прилетела пава
Да с горья зарыдала, <…>
Где ты, милый, ходишь, <…>
Да где ты, милый, по ночами бродишь. <…>
Да дома не бываешь, <…>
Да конюшек-воронушек имаешь, <…>
Да на них девушек катаешь. <…>
А меня забываешь [СыктГУ. 13217-32].

К тексту дается комментарий исполнительницы, в котором она пересказала содержание песни: *«Длинная песня, старинная, очень старинная. Воображают мужа. Муж по ночам гуляет, по садам, по деревьям. Пава – это жена, прилетела к нему да с горя зарыдала, что муж гуляет и чужих коней имает, катает подружек, а жену забывает»* [СыктГУ. 13217-32а].

Еще в одном варианте [ФФ ИЯЛИ. В 1545-3] произошла контаминация с песней «Новый калиновый», которая в летской традиции зафиксирована как самостоятельный сюжет [Прил. III, № 18]. После описания внешности молодца («очи ёво ясны», «бровы ёво чёрны») и детали конской упряжи («сиделка шёлкавая») появляются мотивы «девушка стоит у ключа, черпает воду, поит коня», описание места, где живет молодец (в поле на поляне, под белой березой, под самой вершиной).

Такое сочетание мотивов этого сюжета с другими сюжетами и мотивами говорит о его популярности в среде летских певиц, о наличии в арсенале исполнительниц большого количества мотивов и формул, которые они умело совмещали и создавали уникальные сюжеты. Из рассмотренных примеров видно, что даже в пределах одной традиции одни и те же сюжеты реализуются по-разному. Творческий потенциал летских певцов довольно

можно перевести как “видящий, свидетель”, “тот, кто нашел”, кроме того, в текстильном контексте слово адз букв. “пойма” может иметь значение “основа” – основа досталевая; досталь “красная пряденая бумага”, видзись в паре с аддзысь здесь может иметь значение “глядящий, зритель”, “тот, кто хранит, присматривает”, и в текстильном контексте видз букв. “луг, пожня” может означать “поперечные нити, утоки, то, чем заполняется основа” – фактура нитяная. Соответственно, с этими взаимодополняющими значениями слово сводник, помимо значения “часть упряжи” приобретает дополнительное значение “сводник, тот, кто сводничает”. Таким образом, возникает дополнительный «свадебный» сюжет: друг – подруга – сводник (аддзысь «тот, кто нашел» дополняет эту функцию) – свидетель (зритель – видзысьяс, свадебные зрители, погощане и/или охраняющий свадьбу. Эти дополнительные слои возникают в результате случайности: подпруга (часть упряжи) переосмысляется в подругу, происходит “фазовый переход” на другой сюжет. Можно исходить из того объяснения, что слово подпруга стало непонятным и было переосмыслено; на наш взгляд, более правомерно в контексте самоорганизации текста говорить о том, что слово подруга здесь выступило в роли семантического “притяжателя” (аттрактора), к которому спонтанно «подтянулись» остальные образы» [Панюков 2009. С. 139-141].

высок: в традиционных сюжетах русской лирики («Сизенький голубчик») появляются дополнительные мотивы (вставки на коми языке).

В песне **«Ок, дай отлетает мой да соколичек»** (1 вариант) тема разлуки с молодцем тесно связана с темой переживаний девушки [Прил. III, № 32]. Текст строится на мотивах «отъезд милого»; «просьба девушки пожить вместе год»; «соседи велят бросить-позабыть»; «обещание не забыть до смерти». Сюжет широко известен в русских традициях. Как отметил А.Н. Власов при характеристике песенной традиции с. Прокопьевки, в пределах которого была записана и эта песня, «бытование среди других сюжетов классического сюжета молодецкой любовной лирики “Ох-да, отлетает мой соколик далеко”, известного в других традициях по запеву “Отлетает душечка соколик”, указывает на несомненную глубину проникновения лучших образцов севернорусской традиционной культуры в этом регионе и ее единстве с общерусской традицией. Причем речь идет здесь не об усвоении элементов другой традиции, а о том, что песенный репертуар с. Прокопьевки является органичной частью целостной национальной традиции и ее носители не имеют существенных отличий между собой, имеют одно и то же традиционное мировоззрение» [СыктГУ. Власов. Л. 13].

В песне присутствует образ Петербурга, незнакомого, «славного города», который предстает как дальнее, чужое пространство. Сюжет с таким топонимом встречается в некоторых вариантах, например, находим его в песне из сборника П.В. Киреевского [Кир. 1983, № 556]. Отметим, что в русских текстах он присутствует не всегда. Например, в мезенском и печорском вариантах вместо города – формула «высоко и далеко» [ПФМ, № 24; ЛПУЦ, № 109], в тексте из «Собрания» П.В. Киреевского – «чужи дальние города» [Кир. 1983, № 342].

Мотив обещания «не забыть до смерти» реализуется также в песне из традиции Лузского района Кировской области:

Дай уж тӧгда, ок, тебья да друг забуду, дай, ок и,
Когда скрӧ...когда скрӧются да мои глаза(й).
Когда скрӧются да мои глӧза, да,

Призакрӧются дай очи ясные, дай, ок и,

Со травӧю толькӧ муравӧй.
Муравой, да,
Кӧгда есь у вас да со муравинӧй, дай, ок и,
Гӧрьюч ка...гӧрьюч камень толькӧ пӧлӧжу.
Ок, и гӧрьюч камень толькӧ пӧлӧжу, дай,

Да я тогда дружка забуду,
Когда скроются мои глаза.
Глаза…
Когда скроются мои глаза, да
Призакроют-то лицо тонким белым полотном.
Полотном…
Да призасыплют-то очи ясные мои, да
Сыпучим жёлтым песочком.
Песочком…
Да заростёт моя могилушка, да
Вся, вся травою, да травой-муравой.
Муравой…
Да я на эту же на могилушку, да
Серый камень я, камень накачу…[Браз 1977, № 12].
См. также: [Вологодская область 1981, № 14].

Этö вö да сö любовью сподаё...ок, и,
Присига... присягайöт толькö скорöй смерть
[СыктГУ. 13004-31].

Последние два «размытых» в смысловом плане стиха «держатся» на словах «любовь» и «смерть». После мотива «девушка кладет камень на могилу» в песне из вятской традиции реализуется сюжетная ситуация «девушка рисует на нем милого, пишет наказ всем девушкам любить только своих возлюбленных». Тема смерти присутствует также в песне лузских коми **«Уж ты мати, моя мать»** (1 вариант записи) [Прил. III, № 39].

Разлука как состояние лирических героев раскрывается в 8 сюжетах прилузской лирики.

Песня **«Я спойду с гöрья»** зафиксирована в трех вариантах в с. Черныш в разные годы, также имеется фрагментарная запись из с. Объячево [Прил. III, № 33]. Зачин песни – «девушка идет с горя в лес» – представляет собой традиционный в русской лирике мотив [Прил. III, № 33]. Он встречается также в другом прилузском тексте любовной тематики – «Черноброва, черноглаза» [Прил. III, № 34].

В лузской песне «Я спойду с гöрья» далее появляется мотив «росла трава, розами цвела». В одном из вариантов слово «трава» сопровождается эпитетом «розарнисовые», очевидно, от «анисовые», как в формульном описании лугов, встречающемся в разных песнях, ср.:

Росла травенькой да росла трöвенькой, росла трö, ой да трöвенькой,
Ой да, розарни, ой да сöвые,
Розарнисöвöй, пöрозарнисöвöй, ой да роза… свежöя [СыктГУ. 1331-23];

… В зелена-те ле лужка, ай, да где ростёт трава,
Ой, да ростёт травонька, трава шелковая <…>,
Ой, да где цветут-то ле цветы, ай, цветы лазорьевыя <…>.
Ой, да где несло-то ле духи, духи малиновыя, <…>.
Ой, да не малиновые, духи анисовые
[«Я пойду-то ле с горя…», ЛПУЦ, № 58];

Как во лузях,
Во лузях было зелёных во лузях,
Там росла трава,
Вырастала трава шёлковая,
Росчвели чветы,
Росчвели чветы лазорьевые,
Пронесли духа,
Пронесли духа анисовые…[ТФВРАО, № 20 (с. 87)][151].

Возможно, в варианте лузских коми произошло переосмысление слова «розанисовый» («розарнистовый»), в результате которого в песне появилась «роза свежая».

Вместо традиционного венка, который плетет девушка для милого в русских вариантах песни «Я пойду с горя», в лузской песне реализуется образ платка на голове, причем в песне он назван «шалевым». Можно сказать, этот образ вызвал появление ряда однородных конструкций: «лисарьёв цветок» / «царёв цветок», «сарьёвскöй лавка» /

[151] Образ растущей травы и цветов ср. также: [ПП, №№ 17, 41].

«царёвскöй лавка», «сарьёвскöй купеч» / «царёвскöй купеч», «сарьёвскöй шинель», «сарьёвскöй шапка». Стоит отметить оригинальное оформление словосочетаний «царский цветок», «царская лавка», «царский купец», «царская шинель», «царская шапка». Остается неясной семантика словосочетания «лисарьёв цветок». Возможно, здесь произошло соединение слова «царский» с другим словом или просто с частицей «ли».

Песня **«Чернoброва, черноглаза»** записана у лузских коми в трех вариантах (один – фрагмент) в с. Поруб Спаспорубского с/с [Прил. III, № 34]. Ведущие мотивы песни – «тоска девушки в разлуке с молодцем», «девушка идет с горя в лес», «обращение к рябинке», «диалог молодца и девушки». Аналог встречаем в вологодской традиции [Соб. V, № 556].

Зачинный мотив более ранней записи (1960 г.) отличается от текста, записанного в 2002 г. Более поздний вариант краток – в нем отсутствует образ миленького (хорошего и расхорошего), ср.:

Чернoброва, черногла…
Ой, черноглаза,
Черноглаза да мой-от миленькой да хорош…
Ой, да расхорошой,
Хорошой да не сердце да зажа…
Ой, зажалась,
Да не начала да горева…
Ой, да горевати,
Горевати да без милого-то не тужи…
Ой, да не тужити,
Не тужити да нетужити [НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а, № 71].

Чернoброва, черноглаза
Зажил серчо, зажил смысли,

Не начала горе быти,

Без милого ле тужити,
Ле тужити да не стужити [СыктГУ. 13121-30].

В обоих прилузских записях искажается главная мысль – отсутствуют определяемые слова к определениям, ср. с вологодским вариантом: «Черноглазый ты мальчик, чернобровый, // Мой-ет миленький хороший, хороший!» [Соб. V, № 556]. Также вместо «зажег сердце», «зажег мысли» появляется «зажил» и «зажалось».

В более раннем варианте возникает дополнительный мотив «молодец прожил-прошатался три года»:

Не тужити да прожил лето я,
Прожил, проша…
Ой, прошатался,
Прошатался да ровно три те года да с год…
Ой, да вот с годочка,
Да ровно три те часа ко часа…
Ой, да вот часочка [НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а, № 71].

Отдельные мотивы этой песни довольно распространены в русских традициях. Так, мотив «девушка идет с горя в лес» является традиционным в русской лирике [Соб. I, № 320; Соб. V, № 457; УП I, № 37; Выходцев 1990, №№ 256, 308, 400; ЛПУЦ, № 58].

Обращение к рябинке с просьбой «не шататься» и к девушке с просьбой «писать письма» встретилось нам в печорской песне, ср.:

…Стой, рябинка, не шатайся,
Живи, Маша, не печалься.
Если, Маша, скучно будёт,
Напиши-кӧ ты, Маша, письмӧ…[СыктГУ. 13121-30].

…Стой-ко, стой, моя рябинушка,
В поле не шатайся,
Живи-ко, моя любезная,
В горе не печалься!
Если будет тебе скучно,
Пиши грамотки почаще! [Леонтьев, № 177].

Сюжетная ситуация «молодец обращается к девушке с просьбой писать письма, на что та дает отрицательный ответ» реализуется в ряде традиций [Соб. V, №№ 549, 555, 558; ПФМ, № 18; Леонтьев 1979, № 178; Бахтин 2004, № 57].

Песня **«Полюбил парень девоньку да водил»** имеет один вариант записи [Прил. III, № 35]. Можно отметить в тексте несколько формульных тем. Первая из них – разлука молодца и девушки; вторая «с горя – в чисто поле» раскрывается посредством формулы «чисто поле, широко раздолье»:

Полюбил парень девоньке да водил,
Рӧ... рӧсскажи(э)ка.
Пӧ ...эка, да этот любил сам пӧкину...(ы)лы,
На штӧ пӧ(а)...пӧкида...(о)ешь.
...ёешь, да ты на штӧ ево спӧкинул, да,
Разьве чё... чёво знайӧшь.
...ёешь, да чово зна...(ӧ)ешь, замечайӧшь, ӧле,
Во путю толькӧ дай рӧешь.
...ёешь, дай штой за этова горе, ох да,
Пойду чи...чисто поле.
Полё, да чисто поле, поле во рӧздоле, эх да,
Шыроким толькӧ рӧздоле(й) [СыктГУ. 13002-1].

Заметим, что прилузский текст имеет довольно невнятный зачин. Далее появляется мотив срубленной калины, символическое значение которого определяется исследователями как «любовь к девушке» [Еремина 1978. С. 111]:

Стояла толькӧ да калин(ы)ка.
...ин(ы)ка, да пӧвезу (й)эту калинку, ой да,
Срублю не толькӧ дай с вершинкой [СыктГУ. 13002-1].

Мотив заломленной калины содержится также в прилузской песне «Шел, прошел детинушка» [Прил. III, № 45]. Заканчивается песня оригинальной формулой корения неустроенного житья:

Гӧсти не(й)...не приеду(й).
Життьӧ толькӧ спрӧвида...(ӧ)ойӧшь.<…>
Куденькой толькӧ да домишико. <…>
Маленькӧй да толькӧ избушика(й). <…>
Низенькӧй толькӧ дай окошэка. <…>
Маленькӧй толькӧ мальчишико [СыктГУ. 13002-1].

Близкие варианты этой песни в известных публикациях фольклора нам не встретились.

Песня **«Сохнет, векнет в поле травка»** выявлена в трех вариантах, два из них представлены фрагментарно [Прил. III, № 36], самый полный зафиксирован

фольклористами СыктГУ в Спаспорубском с/с в 2002 г. Песня с зачином «Сохнет-вянет в поле травка» известна во многих русских традициях [Прил. III, № 36]. Мотив разлуки молодца и девушки в прилузском тексте («Было времечко прекрасно, когда мил да меня-то любил, / Нынче всё-то переменилось, / Ой, мил другую да сполюбил») известен в русских традициях, в частности, он встретился нам в печорской традиции [ПП, № 73]. Более полное сходство этой песни обнаруживаем с песней из традиции Кировской области (Лузский р-н, д. Кузьминская) [Бахтин 2004, № 90], но в нем ведущим является мотив не измены, а разлуки лирических героев: «Было времечко прекрасно, ой, / Когда мил да меня любил. / Меня горькую, милой, несчастную, / Спокинул да позабыл». Текст в исполнении спаспорубских певиц не закончен («Еще есть, да потом не знаю») [СыктГУ. 13130-23]. В прилузской и вятской традициях песни имеют различные концовки. Так, у лузских коми финальный мотив одиночества девушки раскрывается через образ одинокого соловья в саду, в вятской традиции текст имеет прямо противоположный в сюжетно-эмоциональном плане финальный мотив – «обещание молодца взять девушку замуж», ср.:

Ничего не было в саду слышно,
Ох, и кроме (п)тачки да в саду соловья,
Соловья,
Да одной (п)тачке пары нету,
Ох, и как сироточка да и одна.
Одна дай одна бедная была сиротка,
Ох, и без милово да без дружка,
Без дружка,
Да не нашла себе она парочка,
Ох, и павличу (Павличу?) да своего(ой) [СыктГУ. 13130-23].

Никого в саду ничуть не слышно,
Кроме пташки-соловья.
Все пташицы сидят попарно,
Все поют, как соловьи.
Одна пташица сидит, горюет
На кусточике одна.
«Не горюй-ка, пташка, не тоскуй,
Ты не будешь жить одна,
Ты не будешь жить одна –
Возьму замуж за себя,
Возьму замуж за себя,
Соловью будешь жена» [Бахтин 2004, № 90].

В другом лузском варианте, записанном Ф.В. Плесовским, мотив разлуки молодца и девушки дополняется мотивом ожидания: «Долго ждаться-дожидаться / Дружка верного к себе, / Ой, да было времечко, / Ой, да когда миленькой меня любил» [ФФ ИЯЛИ. А 1531-2]. Фрагмент в записи А.К. Микушева и Ю.Г. Рочева раскрывает лишь зачин песни, в котором описываются природные образы [Микушев, Рочев 1963, № 155].

Песня **«Ночка тёмная да ночь осённая»** (1 вариант) также строится на мотиве разлуки и связанной с ней тоски девушки. Подробнее об этом сюжете мы писали во второй главе, поскольку в летской традиции эта песня с зачином «Молодка, молодка молоденькая» бытовала как плясовая [Прил. II, № 28].

Одним из самых популярных в летской песенной традиции оказался сюжет песни **«Соловей мой, молодой же»** (14 вариантов) [Прил. III, № 37]. В его основе лежит широко распространенный мотив размышлений молодца о том, кого послать к девушке: старого, малого, ровню. Сюжетная тема песни – печаль в разлуке. Все прилузские варианты

довольно устойчивы. Анализ песни с зачином «Не пой, не пой, соловьюшко» представлен в сборнике Н.М. Лопатина, В.П. Прокунина[152].

Песня **«Горе-горькая кокушка»**, зафиксированная в Прилузье в одном варианте [Прил. III, № 38], раскрывает мотив «девушка, терпеливо ожидающая милого». Наиболее близкие варианты мы выявили в княжпогостской традиции Республики Коми с зачином «Потозорила на лето» [СыктГУ. 14-II-11] и на Мезени с зачином «Есть у Ванюши вот подружка горемычная кокушка» [ПФМ, № 27]. Эти варианты заканчиваются мотивом «девушка теряет с головы платок, жалеет не платок, а милого друга». Прилузский вариант имеет продолжение: «девушка выглядывает в окно, видит лодку». Данная сюжетная ситуация встретилась в отдельных русских песнях. В лузском варианте в лодке плывут гребцы, в песнях из пермской и вологодской традиций – возлюбленный [Соб. V, № 165; Зырянов 1962, № 38], ср.:

Погляжу я сверх по речке,
.
Не сплывёт да сверху да лодка.
Спловёт лодка, лодка небольшая,
Лодка небольшая, лодка неспростая,
Лодка со сгребчами
Да лодка с молодцами,
Два молодцы да два молодцы
Ой, да удалыё,
Чёрные шляпы,
На шляпе той алые ленты,
На ленте-то пряжи золотыё [СыктГУ. 13121-35].

Погляжу с горя в окошко,
Да в окошко,
Не бежит ли сверху речка,
Сверху речка,
Не плывет ли косна лодка,
Косна лодка,
Не сидит ли мой миленький,
Мой миленький
[Зырянов 1962, № 38].

Обращает на себя внимание детальное описание головных уборов молодцев в лузском варианте. В песне «Вниз по матушке по Волге» [Соб. IV, № 551; Лопатин, Прокунин 1956. С. 158] находим более сжатое описание – «на гребцах шляпы чернеют». Данная песня демонстрирует творческие способности лузских певиц – обладая большим набором формул и мотивов русской лирики, исполнительницы умело их комбинировали и создавали оригинальные тексты.

Лузская песня **«Уж ты мати, моя мать»** (1 вариант записи) [Прил. III, № 39] имеет близкий вариант в вилегодской традиции Архангельской области с зачином «Не вздыхай-ко, душа Маша» [СыктГУ. 0403-5].

Сравниваемые варианты имеют близкие зачинные мотивы – «мать-разлучница», ср.:

[152] Как отмечают исследователи, «в сборниках Кашина, Лаговского и Шейна есть очень старинные песни с картиной весеннего пения соловья в саду и с основным содержанием – тоски по отъехавшей далеко сударушке, за которой молодец придумывает, кого бы послать, и подымается сам на ее поиски. Большое количество вариантов этой песни во всех губерниях Великороссии указывает на весьма широкую распространенность и на общий ее интерес» [Лопатин, Прокунин 1956. С. 147-148].

Уж ты мати, моя мать, мать разлучница моя,
Разлучила, розвела со милым дружком меня [СыктГУ. 13130-11].

Уж ты, мать моя родная,
Ой, мать-розлучница моя,
А розлучила меня с парнём,
Ой не дала в люб[в]е пожить [СыктГУ. 0403-5].

Добавим, что сходный мотив содержится в песне из традиции Томского Приобья, только разлучницей выступает не мать, а невестка [Томское Приобье 1986, № 23].

Мотив «девушка просит сделать гроб и схоронить ее в том месте, где живет возлюбленный», присутствует в обоих текстах по-разному, ср.:

Мне-ка делайте гробнич из осиновых досок,
Из осиновых досок, шестаковские садок.
Скороните меня, бладу, где мой миленькой живет,
Где мой миленькой живет, да шестаковские садок,
Шестаковские садок, да где мой миленькой гулял [СыктГУ. 13130-11].

А я со той большой печали
Ой, во постелюшку слегла,
Да во сыру землю ушла.
Ой, схороните моё тело
Ой, между трёх больших дорог,
А между трёх больших широких,
А во Ивановской садок.
Ой, во Ивановском садочке,
Ой, возле милова дому [СыктГУ. 0403-5].

Обращает на себя внимание необычное словосочетание «шестаковские садок», в русском аналоге звучащее как «Ивановской садок».

В лузском варианте далее реализуется мотив «молодец нашел серебряный крест» и появляются образы воробья и соловья, который поет песни. В вилегодском этот мотив отсутствует, в нем появляется мотив «крест стоит на могиле», ср.:

Где мой миленькой гулял да муравы травы стоптал,
Муравы травы стоптал да крест серебряной,
Крест серебряной нашел, да буквы подзолочены,
Буквы подзолочены, да сидит воробеюшко,
Сидит воробеюшко, да сидит соловеюшко,
Сидит соловеюшко да долгих песенок поёт [СыктГУ. 13130-11].

А пусть-ко миленькой гуляет
Ой, на могилке на моёй.
А на моёй-то на могилке
А крест серебреной стоит...[СыктГУ. 0403-5].

Следующую группу песен образуют тексты **с темой замужества / женитьбы.** Мотив неудачного брака раскрывается в четырех сюжетах.

Песня **«Рано росцвела»** записана на Летке в семи вариантах [Прил. III, № 40]. В песне отмечается устойчивое выпадение ключевого слова в зачине. Песня строится на ситуациях: любимую выдают замуж за брата, диалог разлученных влюбленных. В тексте находят развитие мотивы раннего замужества, тоски / печали молодца. Эта песня представляет собой «размытый» вариант сюжета «Недозрелая да калинушка» [УП I, № 28; УП II, № 39, 55; Кир. 1983, №№ 170, 290; Карельский край 1984, № 100; ТФВРАО, № 12]. С этим сюжетом летский вариант сближает мотив разлуки, который находит отражение в диалоге между юношей и девушкой:

Рöспрöстесь, душа, сö мной
Ещö рад и пö да я с тобой прöстилася –
Доброй кони не стоят. <…>
У нас ямщички были мölöдые. <…>

А ты, моя милая, поедешь взад, хоть маленечко постой.
А рада я, радёшенька, мои кони не стоят, а они едут да палят.
Ну дак ты, милая, хоть ноженькой качни.
А рада я, радёшенька, с ноги башмачок слетит.

Кӧть бы рученькӧй макнул, <…> Кӧть бы глазӧнькӧй да мигнулась [СыктГУ. 13002-7]..	Ну дак ты, моя милая, хоть рученькой махни, А рада я, радёшенька, с руки перстеньки слетят. Ну дак ты, моя милая, хоть платочиком махни. А рада я, радёшенька, в руках платочка нет. Ну дак ты, моя милая, хоть на поклети помяни. А рада я, радёшенька, тоды воля не моя [ТФВРАО, № 12].

«Препятствия», которые мешают возлюбленным проститься, в вилегодском варианте описаны довольно подробно: «кони не стоят», «с ноги башмачок слетит», «с руки перстеньки слетят», «в руках платочка нет», «воля не моя». В летском варианте мы находим только мотив «доброй кони не стоят». Кроме того, в прилузском варианте в обращении молодца к девушке звучит предложение «мигнуть глазом», отсутствующее в песне из архангельской традиции.

В прилузском варианте отчетливо звучит мотив раннего замужества, сближающий летский вариант с некоторыми песнями из русских традиций:

Раном росцвела, Росцвела-тӧ поля да во садӧчека, Желтой цвет, цветной залӧмал, …Залӧмал-тӧ ломал да чер…черьёомушка [СыктГУ. 13002-7].	Во поле-то грушица раным-рано расцвела, На ту пору матушка меня, горькую, родила, Не собравшись с разумом, в чужи люди отдала [Кир. 1983, № 73].

Также в песне представлена сюжетная ситуация «батюшка бела света дожидает», которая характерна для сюжета «Как за речкой хмель родился», ср.:

…Моему-тӧ братцы да сӧ светёл месец, эй-ох да, Всю найче...ченька прӧсветёл. <…> Прӧсветёры-тӧ нынчесь да нынчесь ба(ӧ)тюшко, ой-ох и, <…> До (й)утра, раннӧй до зарья(й) [СыктГУ. 13002-7].	Ко мне батюшка приедет, Недолго пробудет, Одну ноченьку ночует, Всю он протоскует [ТФВРАО, № 27].

В песне из сборника П.В. Киреевского с зачином «У батюшки, у матушки зелен сад растет» в подобном контексте встречаем образ брата:

Я кормил, поил сударушку, прочил за себя,
Досталась же сударушка другому, не мне,
Не родному, двоюродному братцу моему [Кир. 1983, № 170].

Таким образом, несмотря на языковую искаженность текста, прилузский вариант представляет собой довольно оригинальный сплав песенных сюжетов, мотивов и образов, популярных в русской лирике. Определенным образом их скомбинировав, летские коми создали свой уникальный сюжет.

Песня **«В чистом поле, при долине»** [Прил. III, № 41] зафиксирована «на карандаш» учителем гимназии М.С. Косаревым. Эта запись относится к 1850-му г. В более поздний период песня не записывалась. Основные мотивы прилузской песни: «обещание друг другу не жениться», «измена девушки и ее замужество», отъезд девушки к венцу, которая не может проститься со своим милым, потому что не велит жених. Последний сближает данный текст с сюжетом «Недозрелая калинушка» (см. выше).

Характеристика близких вариантов с зачином «Вспомни, моя любезная» представлена в сборнике Н.М. Лопатина, В.П. Прокунина [Лопатин, Прокунин 1956. С. 144-147].

Песня **«Ково верно люблю»** бытовала на Летке, записана в 10 вариантах [Прил. III, № 42]. В зачинном мотиве песни представлена оппозиция «постылый – любимый»: «Ково вернӧ люблю, нет здеся, ково ненавижу – завсегда в глаза». Далее разворачиваются мотивы «встреча влюбленных», «молодец просится к девушке в дом»: «Домнушка-душа, отпирь ворота, встричай мӧлӧдца» – «Мӧлӧдеч, ты, мӧлӧдеч, не времья пришёл, не часьйӧ твӧёй, злӧчасьйӧ моё». Эмоциональный настрой грусти выражен в стихах «не часьйӧ твӧёй, злӧчасьйӧ моё», которая может иметь разное прочтенье: «не часьйӧ твӧей» – в значении не твой час, не время и «нечасьйӧ твӧей» – несчастье твое.

Во второй части (со слов «по гурьёнкам пӧкажу» – возможно, «по горенкам») происходит переключение в прямо противоположный сюжетно-эмоциональный план, который больше характерен для игровых песен:

Ялую-ту лентӧчку
Ктӧ тебе купил?
Батюшко купил,<…>
Милӧй пӧдарил, <…>
Два гӧда носил, <…>
Три гӧда любил, <…>
Безӧтходян был, <…>
Безприказан жил, <…>
Трӧпинку тропил, <…>
Дорожку твӧрил [СыктГУ. 13001-5].

Как видно, здесь так же, как и в первой части, показаны взаимоотношения девушки и молодца. Но, если в первой части представлено несчастное замужество девушки, то во второй – ухаживания молодца за девушкой, отношения молодых до свадьбы. В с. Летка был записан вариант этой песни, где милый не только «тропинку тропил, дорожку торил», но еще и «пряничком манил, колачом кормил, изюмом сулил / водкой напоил» [ФФ ИЯЛИ. Х 149-20; СыктГУ. 13202-48].

Песня **«Дунька думала при мней»** выявлена в 3 вариантах, все относятся к Летке [Прил. III, № 43]. В песне сопоставляются женская и мужская линии неудачного брака:

Дунька думала при мней, ох да,
Она думала, гада...дала го, да,
Прӧ свӧйӧ...йӧй худа життьӧ [СыктГУ. 13002-5].

Не пӧ сӧвеснӧ женится, го да,
Не кӧры...ры...рыстнӧ жӧнку взять.
Не кӧрыстлӧ, не промы...мысла го,
Я не бу...ой, буду с нею жать.
…Я не буду с ней пӧжы...жыти год,
Буду я де... девушек любить.
…От красных девок я стануся год,
Мӧлӧду...ой душӧк любить стал [СыктГУ. 13002-5].

Сходный мотив мужской линии неудачного брака встретился нам в песне из сборника П.В. Киреевского:

Не пӧ сӧвеснӧ женится, го да,
Уж ты, мальчик молодой, неженатый, холостой!

Не кöры...ры...рыстнö жöнку взять.
Не кöрыстлö, не промы...мысла го,
Я не бу...ой, буду с нею жать.
…Я не буду с ней пöжы...жыти год,
Буду я де... девушек любить.
…От красных девок я стануся год,
Мöлöду...ой душöк любить стал [СыктГУ. 13002-5].

Спод невлюшки мальчик женился,
Некорыстно жену взял,
Некорыстну, не по мысли, не по совести своей.
Я не буду жену любить, буду к девушкам ходить!
На свою шельму-жену буду смерти умолять…
Пошла девичья гульба, молодецка чистота [Кир.1986, № 99].

В песне также разворачивается мотив заплетения косы девушки и расчесывания волос парня, отсутствующий в русском варианте. Здесь вновь наблюдается переплетение двух линий в сюжете:

Гöлöву...ву...вушку рöсчашу(й).
…Рöсчасала да свöи ку...ой, кудри го,
Гладкие вö...вö...вöлöсы глажу.
…Пригладила да гладкие вö...вöлöсы,
Русые кö... кöй...кöсы заплету.
…Заплетела свои ку...ой кудри го,
Ялую ле...ле... ленту налöжу.
…Нало...надила да ялую ле...лентöчку, да,
Пöгляжу(о) я, пöсижу [СыктГУ. 13002-5].

В одном из вариантов песня оканчивается мотивом «девушка садится на лавочку, выглядывает в окно, видит речку и калиновый мост» [СыктГУ. 1306-15].

Две песни летского репертуара включают мотив наказа матери о замужестве / женитьбе. Отметим, что обе относятся к Прокопьевскому с/с, записаны в единичных вариантах.

Зачин песни **«Черёмушка в саду выросла»** представляет развернутую формулу черемушки-рябинушки [Прил. III, № 44]. Ведущий мотив песни – мать родила сына, назвала Иванушкой, велит жениться на Аннушке. Вариантов песни обнаружить не удалось. Можно лишь отметить вилегодскую песню с довольно близкой сюжетной ситуацией (мать родила сына) и зачином [ТФВРАО, № 1].

Текст песни **«Шёл, прошёл детинушка»** строится на мотивах «заламывание молодцем калины» и «девушка на сенокосе». Сюжет известен в русских традициях [Прил. III, № 45]. Разночтения наблюдаются в финальных мотивах. Так, к примеру, вилегодский вариант заканчивается мотивом «девушка порезала руку, не рассказала матери», в летской же традиции песня имеет продолжение в мотиве наказа матери о замужестве. Прилузский текст имеет оригинальное окончание, привязывающее песню к данной местности: появляется своего рода «адрес жениха», причем практически конкретный – в песне перечисляются местности, известные в соседней Кировской области («Ищи себе рöвнюшу, рöвнюшу хорошую, писаря медянскова, село Верходвöрская, правленье Верховьская»)[153].

[153] Села Медяны, Верходворье, Верховино входят в состав Юрьянского района Кировской области.

Мотив размышления девушки о том, за кого выйти замуж, представлен в двух песнях.

Песня **«Долина-долинушка да рöздолинушко»** выявлена в с. Прокопьевка в одном варианте. Близкий вариант с зачином «Долина, долина, раздолье широкое» распространен в калужской, тверской, вологодской традициях [Прил. III, № 46]. Обращает на себя внимание зачин прилузской песни: словосочетание «разолье широкое» «сжимается» в одно слово – «раздöлинушко». Сравнение «греет-греет солнышко зимой не по-летнему» также нашло отражение в прилузском тексте, но в нем утрачено согласование, и к слову «солнышко» добавлен эпитет «красное»: «Да греет красная солнушка // Да зима не по-летнему». В русском варианте встречается мотив «молодец обманывает девушку, зовет замуж», в прилузском же он отсутствует, и вместо него появляется мотив «молодец любит девушку и уговаривает», ср.:

Да любил мальчик де… о-ё-ё-ой да любил мальчик де… девушка.
Девушка,
Да любил угова… о…ой, да любил угова… варивай.
…варивал,
Да на слова крова… о-ё-ё-ой, да <на слова крова только лежа> [ФФ ИЯЛИ. В 1544-2].

Любит парень девушку, любит не по-прежнему.
Любил, все обманывал, замуж подговаривал:
«Пойди замуж, девица, за меня, за молодца!» [Соб. IV, № 5].

Мотив размышления девушки о том, кого любить, также получил в прилузском варианте специфическое оформление: он более краток, в отличие от аналога из вологодской традиции, в котором появляются образы «женатого» и «холостого». В прилузском тексте сохранился только образ холостого парня, ср.:

…Ково сполюби о….ой, да ково сполюбил дружка будёт? <…>
Да лучше дружка да… о…ой, да лучше дружка дальнова любить. <…>
Да дальнёва коло… о…ой, да дальнова кöлостова любить. <…>
Хöлост скоро же о…ой, да кöлост скоро же… женится,
Да жена ёво се… о…ой, да жена ёво се… сердится [ФФ ИЯЛИ. В 1544-2].

Полюблю-то ли я дружка жонатово –
У жонатово дружка жона серьдитца,
Она сердитце, бранитце, ругаетце,
Бранитце, ругаетце, да мною похваляетце.
Мною, девушкой, Пашей-Прасковьюшкой.
Полюблю-то ли я дружка холостово,
Холостой-от ли парень скоро женитце,
Скоро женитце и рано повенцяетце [Королькова 2010, № 79].

Своеобразием прилузской песни является мотив корения жены молодца:

Да жена ёво се… о…ой, да жена ёво се… сердится. <…>
Да сердится да сойдётся – руга о…ой сойдётся – ругаётся, <…>
Да курва-блядём называется о…ой да курва-блядём называется [ФФ ИЯЛИ. В 1544-2].

В летской песне **«Сидела Катюшенька поздно вечером одна»** [Прил. III, № 47] на предложения капитана и дворянина о замужестве девушка дает отказ, и только после сватовства музыканта из Москвы девушка соглашается: «Родитель мой батюшко, я за этого пойду, пьяная – не пьяная, завсегда я весела, сытая – не сытая, завсегда плясать буду. Родная моя матушка, отдай за яво, я всегда буду весела». Песня записана в двух

вариантах у летских коми. Добавим, что сюжет известен в русских традициях [Прил. III, № 47].

В репертуаре прилузских коми выявлено три сюжета **семейной тематики**. Песня **«Все / Везде были цветки»** зафиксирована в трех вариантах в виде фрагментов [Прил. III, № 48], которые были в разное время записаны в с. Ношуль, причем поздние записи (СыктГУ) являются более полными. Песня строится на мотивах «наказ свекра», «недозволенная любовь замужней женщины». Наиболее близкий сюжет встретился нам в традиции Кировской области, ср.:

Все были цветки да весёлые вечерки,
Да ой-ой-ой темной,
Свёкор-батюшка заставила гумной ночи сиди,
Дай ой-ой-ой темной.
Гумной ночи села да лопатушку сломала,
Да ой-ой-ой темной.
Лопатушку сломала да сторонушку бросила,
Да ой-ой-ой темной.
Сторонушку бросила, сама к милёночке пошла,
Ой-ой-ой темной [СыктГУ. 13172-12].

…А молодушкам не дивья, да у них воля не своя,
У них воля не своя, воля свекрушкова.
Заставил свекор-батюшка работу работать,
Что работу работать, на овине молотить.
На овине молотила, молотило изломала,
Молотило изломала, свое сердце извела.
Свое сердце извела, потом на игрище ушла [Руднева 1977, № 13].

Слово «гумной» произошло, возможно, от искаженного русского «темной». У сравниваемых вариантов можно отметить три смысловые точки соприкосновения: образ свекра, его наказ и сломанное «орудие труда», при этом в текстах разрабатываются две разные сюжетные темы. Так, в кировском варианте отсутствует мотив «недозволенная любовь замужней женщины»: молодушка стремится на гулянье и ломает молотило. В варианте из коми традиции, как мы можем предположить, молодушка ослушивается свекра, который заставляет ночью сидеть дома, ломает лопату, которой, возможно, заперта дверь, и убегает к возлюбленному. Таким образом, в песнях по-разному реализован мотив «наказ свекра» (в лузском варианте – сидеть дома, в кировском – работать) и образ сломанного «орудия труда»: образ лопаты в тексте лузских коми выступает в качестве подпоры, а не орудия труда, каким выступило молотило в кировском варианте.

В единственном варианте зафиксирована песня **«Лучина-лучинушка»**. Текст представляет собой фрагмент лирической песни, известной в русских традициях [Прил. III, № 49]. В лузской песне раскрывается мотив взаимоотношений между молодушкой и свекровью. В близких вариантах из русских традиций этот мотив является зачином, после которого разворачивается основной сюжет песни (в частности, в сборнике «Фольклор русского Устья» представлены мотивы ожидания мужа и его приезд [ФРУ, № 156]).

Еще один песенный сюжет семейной тематики **«На заре, на заре овин молотят»** раскрывает мотив «строптивая невестка отказывается работать». Сюжет распространен в

русской лирике [Прил. III, № 50]. Отметим, что прилузский текст записан без языковых искажений и имеет полное сходство с вариантом из вятской традиции [Соб. II, № 553].

В остальных сюжетах прилузской лирики раскрываются различные мотивы, поэтому объединение их в группы по сюжетно-тематическому принципу не является целесообразным.

В песенном репертуаре летских коми зафиксирована песня **«Ох ты, скука, ты наша работа»** на сюжет «молодец на сенокосе ранит руку». Песня является самой распространенной в летской традиции (26 вариантов). Сходные варианты встречаем в собраниях А.И. Соболевского, П.В. Киреевского [Прил. III, № 53]. Сравниваемые варианты отличаются финальными мотивами. В одном варианте реализуется мотив просьбы полюбить молодца: «Туровым я платким завязала, спӧлюбов меня» [СыктГУ. 13001-6]. В других вариантах встречаем мотив «Ванька воспевает песню про свою жизнь, про Питербург»: «Новую песню Ванька воспевает про житьё своё или славный город, Петербург-город» [СыктГУ. 1364-19; ФФ ИЯЛИ. В 1542-4, В 1543-1]. В одном из вариантов образ города не возникает вообще [ФФ ИЯЛИ. Х 149-18]. Еще в одном варианте находим мотив, в котором упоминаются сразу несколько городов: «Песенку поет Ванька, воспевает, Петербург – славный город, московский славный город, ох, и Казань-город, мы в Сибирь пойдем» [СыктГУ. РФ 13-III-16]. В некоторых вариантах перечисляются не все города: Петербург и Казань [ФФ ИЯЛИ. К 433-19], Петербург и Сибирь [СыктГУ. РФ 13-III-4], Петербург и Москва [СыктГУ. 1398-18]. Как видим из этого ряда, постоянным остается образ Петербурга, остальные города варьируются.

Текст песни **«Струбенька струбила»** (3 варианта) строится на диалоге девушки и молодца о любви и замужестве [Прил. III, № 54]. В смысловом отношении зачин песни несколько размыт, но с формальной он более развернут – дружок назван милым и чернобровым, ср.:

Струбенька струбилӧ,
Сево я самила,
Сево я да самила(й).
...Мила,
Ох, ты, дружӧк, ӧли, дружек милӧй, ок и,
Дружек милӧй чёрнобровӧй [СыктГУ. 13003-10].

Не трубою я трубила,
С милым речь говорила [Кир. 1986, № 414].

Возможно, из зачина выпало ключевое слово «говорила». Кроме того, неясным остается значение предложения «сево я самила». Можно сделать предположение, что русская фраза «с милым речь говорила» «спряталась» за прилузской «абракадаброй».

Летская песня заканчивается мотивом предложения к совместной жизни. В просьбе молодого человека наблюдаем замены отдельных подробностей и другие детали, ср.:

Да буди же ты, девица, будь же ты, красна, ок и,
Да будь же красная за мнöю. <…>
Я за мнöю, öли, предо мнöю, <…>
Да предо мнöю спать со мнöю.
Спать сö мнöю, öли, сö душöю, <…>
Да сö душöю, со телöю(й).
Сö телöю, öли, сö спинöю, <…>
Да сö спинöю, хлеб чужöю [СыктГУ. 13003-10].

Будь же ты, девка, будь прекрасна,
Будь ты, девушка, за мною!
– Уж я буду за тобою, за твоею головою [Кир. 1986, № 414].

«Опущенный» мотив разговора с милым компенсируется в летской песне деталями внешности. Здесь мы можем наблюдать удачную переработку русских сюжетов за счет конкретизации деталей. По замечанию Г.С. Савельевой, нанизывание рифмованных строк при отсутствии содержательно-смысловой стороны текста является одной из характерных черт в организации летских лирических песен [Савельева 2007. С. 383].

Летская песня **«Не листочки шумят»** (4 варианта записи) представляет собой сочетание трех мотивов: думы девушки о милом, ожидание праздника, девушка в лесу / саду. Сюжет хорошо известен в русских традициях [Прил. III, № 55]. Наиболее близкие летскому варианты выявлены нами в вятской традиции [Соб. IV, № 628; Склярова 2012, № 3]. В некоторых русских вариантах этой песни появляется дополнительный мотив постоялого двора и разгульного поведения молодцев и девушек [Бахтин 2004, № 38.].

Песня **«Что Прокопьевка-деревня да большая»** выявлена в двух вариантах записи [Прил. III, № 56]. Ведущие мотивы песни – молодец гуляет, знакомится с девушкой, укоры девушки. Близких вариантов в русских традициях нами не выявлено. Мотив «деревня большая, улица грязная» в песне из кировской традиции реализуется схожим образом: «дорожка большая, улочка грязная» [Ефименкова 2012, № 11]. В песне находит развитие местный топоним Прокопьевка. Добавим, что варианты записывались от двух коллективов Прокопьевского с/с в 1979 и 1998 гг.

Песня **«Кöкушенька кöкуйöт да кöкуйöт»** (5 вариантов) была записана в Прокопьевском с/с [Прил. III, № 57]. Мотивы «(не) кукушка кукует, (не) горюшка горюет», «Маша во саду» сближают летский текст с песней из традиции Кировской области (Котельничский р-н) [Склярова 2012, № 2]. Образы кукушки, тёмненького леса («стеманöй лесок»), маменьки (возможно, произошло искажение имени Машенька) присутствуют в лузской песне **«Кокушенька мало поднялась»**, которая дважды была записана в с. Объячево (тексты фрагментарны) [Прил. III, № 58].

Как следует из полевой записи, сразу после песни «Кöкушенька кöкуйöт да кöкуйöт» исполнялась прозвищная песня **«Заимшана – бöсикъяс»** (Заимшана – босяки). Примечательно, что два варианта, сделанные в 2006 г. от ансамбля с. Прокопьевки, практически не раскрывают любовный сюжет: для исполнительниц было важнее

вспомнить все деревенские прозвища и назвать их по порядку (по мере удаления от с. Прокопьевка). Любовный сюжет, таким образом, полно представлен только в самой ранней записи (1979 г.). Вероятно, здесь мы сталкиваемся с оригинальным бытованием песен с прозвищами в контаминации с песней любовной тематики.

Песня **«Вöля девичья минöвалася»** записана в двух вариантах [Прил. III, № 59]. На примере данной песни мы снова можем говорить об оригинальном комбинировании мотивов разных лирических песен: две самостоятельные части песни, разрабатывающие темы «проходящая молодость» («воля девичья миновалася») и «молодец гуляет с товарищем в саду», скреплены образом сада. В тексте изображен разлив реки, который встречается в песнях с зачином «Разливалась мати весенняя вода» [Соб. III, № 450]. Сходное описание мы встретили в песне с зачином «Ой, вы грязи мои, грязи чёрные, разосенние»: «Широко-то Волга разливалася, в круты бережки не вбиралася, затопила-то Волга берега высокие» [Лопатин, Прокунин 1956. С. 89-90 (№ 6)]. Подобное заполнение пространственной структуры лирического текста природными образами служит, по мнению Г.С. Савельевой, характерной особенностью летской лирики. Аналогичное композиционное строение текста мы можем наблюдать в таких летских песнях, как «Я вечор да дружка милого унимала ночевать» [Прил. III, № 26], «Петенбур-гöрад» [Прил. III, № 17]. В последней описание сада соединяет темы «молодец стоит на часах» и «встреча девушки и молодца». Близких вариантов к сюжету «Вöля девичья миновалася» нами не выявлено. Финальный мотив песни («молодец с товарищем гуляют в саду») выступает зачином к песне **«Отгулял мöлодец»** [Прил. III, № 60], которая выявлена у летских коми в одном варианте. После указанного мотива в песне дается развернутое описание наряда молодца.

В прилузском репертуаре встречаются песни, в которых находят развитие плясовые мотивы. Как отмечает Т.С. Канева, «много в Прокопьевском репертуаре оригинальных контаминированных песен, некоторые из них по характеру сочетания мотивов близки плясовым» [Канева 2008. С. 264]. К этой группе мы отнесли 4 сюжета. Рассмотрим ее подробнее.

Песня **«Как у нашево кöзяина»** зафиксирована на Летке в двадцати вариантах [Прил. III, № 61]. По замечанию собирателя П.Г. Сухогузова, ее пели первой на любом застолье. Женское имя в тексте могло быть любым, но обычно пели «Катя». Каждая хозяйка заменяла при исполнении слово «хозяин» именем своего мужа, так песня становилась ей ближе и казалась своей: *«Сійö вед быдöн аслас кöзяин сертиыс сьылö»* [Рочев 1976. Л. 11] (Это ведь каждый про своего хозяина поет); *«Кöть кин нимыс, Катя*

нима унджыксӧ шуӧны. Хозяиныслысь нимсӧ тоже вежлалӧны. Тэнад дінын кӧ пукалӧны, тэнӧ и шуӧны. Хозяиныслысь нимсӧ шуӧны. Сійӧ пыр первойӧн сьылӧны» [ФФ ИЯЛИ. В 1503-23] (Хоть какое имя, чаще «Катя» говорят. У хозяина имя тоже меняют. У тебя если сидят, тебя и говорят. У хозяина имя говорят. Эту всегда первой поют). По замечанию исполнительниц, этой песней восхвалаляли хозяина дома. В ходе экспедиции Ю.Г. Рочева в 1976 г. песня записана с тремя вариантами зачина: «Как у нашего кӧзяина», «Как у нашева Павела» и «Как у нашева Василия» [Рочев 1976. Л. 11].

В тексте можно выделить следующие мотивы: «у хозяина дочь хороша», «пир-беседа», девушка выбирает молодца», «молодец выводит Катю на крылечко». Завершается песня описанием внешности девушки («бело лицо, шачки яленькӧй цветок») и мотивом покупки «водочки-вина, полуштофчика пивца, для закуски пирожка».

Целый фрагмент этого текста представляет собой сцепление плясовых формул и мотивов:

Во кампанья пир-беседа, ок и,
Пир-беседушку да весёлай. <…>
Пир-беседа у суседа, ок и,
Станем таньчишко да танцевать. <…>
Танцевала-плясала, ок и,
Себе дружӧньӧчек да выбрала. <…>
Себе дружка Иванушку,
Уж ты, наш Иванушка, да мой сӧкӧл. <…>
Иванушко ясный сӧкӧл, ок и,
Пӧглянулася да раза два(й). <…>
Пӧглянулась-пӧказалась, ок и,
Зял Катюшеньку да за ручку(й). <…>
Взял Катюшу за рученьку, ок и,
Вывел Катеньку да на крылей [СыктГУ. 13001-7].

Мотив «пир-беседа у соседа» встретился нам также в лузской плясовой песне «Как за речушки слободушки стоит» [Прил. II-В, № 18], мотив «танцевала-плясала, себе дружӧньӧчек выбрала» – в лузской плясовой песне «Тӧ ни пӧшла, тӧнчивала» [Прил. II-В, № 3]. Финальные стихи песни «для закусӧчку пирожка, на заглядочку девушка» реализуются в колядных песнях Печоры и в свадебных песнях Вологодской области [Прил. III, № 55].

В песне **«Девушки гулять прӧшли»** [Прил. III, № 62] (5 вариантов) содержится мотив перечисления названий ярмарок:

Девушки гулять прӧшли, да, <…>
Красненькӧй да на я(э)...ярманку <…>
Ярманга да Мака...карьёвьська. <…>
Другӧй Ольӧксандровьскӧй. <…>
Третьӧй Миколаёвска. <…>
Третья-тӧ Петрӧпӧ...павловська. <…>
Ночь-тӧ гуляй день да ве...эё, ой да, <…>
Гулял день да вечора(й) [СыктГУ. 13002-3].

Любовная тема в песне раскрывается через обращение девушки к молодцу с просьбой погостить неделю:

Приди моя да ми...миленькӧй. <…>
Пӧгӧсти да неде...делюшко(й). <…>
Неделька за дним толькӧ прӧйдёт. <…>
День-ӧт на часы толькӧ стоял. <…>
Часы на на мину..нутыя. <…>
Минутны многа толькӧ стоял [СыктГУ. 13002-3].

В двух лирических песнях летских коми «Хмелю, хмелю, я по хмелю», «Шёл, чуть не замерз» прослеживается связь с игровыми песнями. Как отметил А.Н. Власов в своей статье, «две песни, которые П.С. Сухогузов определил как шуточные лирические (“Хмелю, хмелю я, похмелю”, “Шел, чуть не замерз”) явно игрового характера, хотя в настоящее время уже не разыгрываются исполнителями» [СыктГУ. Власов. Л. 12]. Экспедиция в с. Прокопьевка 2006 г. показала, что современные носители традиции относят данные песни к разряду лирических («кузь сьыланкыв») [СыктГУ. 13261-2].

Летская песня **«Шёл, чуть не замерз»** [Прил. III, № 63] (6 вариантов) имеет сходные мотивы с сибирской хороводной с зачином «И шел монах из похода», которая определяется как «хороводная»:

Шел, чуть не замерз,
Некуда солдату деться,
Зашел в кабачок,
Манак ризу надевал, очки награждал,
Сам плясать пошел,
Вышел манак на крылечко,
На коня манак садился,
Под манаком конь бодрился,
В зеленом саду
Сашу не нашел.

Чуть монах не смерз,
А шо…негде деться,
Он зашел в кабак погреться,
Скинул мундир и очки, порвал ризу на клочки,
Сам пошел плясать,
Монах вышел на крылечко,
Монах на коня садился,
Под монахом конь ложился,
В зеленом лугу
Монах девок не нашел [ХИПС, № 301].

Далее сюжеты развиваются по-разному: в летском варианте появляется образ девушки Саши и ее матери, которая ругает девушку за непослушание. Заметим, что у лузских коми эта песня была зафиксирована в двух вариантах и бытовала в качестве плясовой[154].

Песня **«Хмелю, хмелю, я по хмелю»** является довольно популярной в русских традициях [Прил. III, № 64]. У летских коми сюжет зафиксирован в двух записях. Отметим, что мотивы «как за речкой хмель родился» и «нащиплю я хмелю» в прилузском варианте отсутствуют. Летский текст строится на мотивах «наварю пива, созову батюшку», «батюшка долго не ночует, всю ночь протоскует, открывает окошко, дожидается рассвету». Заканчивается песня образом саней, которые «во Казани, кӧмут на базаре, вӧжжи тей у спасе, лежат на запасе» [СыктГУ. 13003-8]. Данный образ мы

[154] Об этом подробнее см. в Главе II, с. 146.

встретили в песнях из архангельской, пермской, сибирской традиций [Соб. VII, № 235, 453; ХИПС, № 203]. Отметим, что он реализуется и в летской песне «Попила моя головушка» и актуализирует тему пути, связанную с отправкой на военную службу [Прил. III, № 13].

Для выявления специфики песенной традиции прилузских коми мы провели сравнительный анализ местного репертуара с так называемым общерусским репертуаром [Канева 2002. С. 6]. В результате всю прилузскую лирику можно разбить на три пласта сюжетов: во-первых, сюжеты, имеющие близкое сходство с известными в русских традициях сюжетами; во-вторых, песни с оригинальной обработкой сюжета, в которых происходит контаминация известных и редких мотивов; в-третьих, редкие и уникальные сюжеты, бытующие только у прилузских коми.

В первую группу мы отнесли 28 сюжетов: «Из-под ельничка было, под березничкой», «За Невагою», «Полюшка наша да поля чистая», «Ты рябинушка моя да раскудряваёй», «Как поехал наш-от император», «Рӧзӧринушка путь-дороженька», «Клала да клала она девонюша», «У тесовую кроватушку стояла», «Стал я засыпати да горе забывати», «Как на матушке на Невой реку», «Черноброва, черноглаза», «Сохнет-векнет в поле травка», «Выпила-то я вино с перчом», «Ночка тёмная да ночь осённая», «Ок, дай отлетает мой да соколичек», «Уж ты мати, моя мать», «Соловей мой, молодой же», «Горе-горькая кокушка», «Сизенький голубчик сидел на кудивой», «В чистом поле при долине», «Шёл, прошёл детинушка», «Ох, ты, скука, / докука, ты наша работа», «Не листочки шумят», «Сидела Катюшенька поздно вечером одна», «Хмелю, хмелю я по хмелю», «Шёл, чуть не замёрз», «Лучина-лучинушка», «На заре, на заре овин молотят».

Ко второй группе также принадлежит 28 сюжетов: «Из-за Питера да из-за города», «Попила моя головушка», «Вы прощайте, девки, жёнки», «Штой по Питерской дороге», «Петенбург – город», «Новый калиновый», «Ванька, ты Ванюшенька», «Вечор молодой всю ночь не сыпал», «Ок, и не от радость, радость мой же», «Ты не пой, моя соловеюшка, да во да этом во часоченьке», «Я вечор да дружка милого унимала ночевать», «Я спойду с гӧрья», «На заре было да всё на зорюшке», «(В) саду жить невесело», «Запевай-ко, моя любезна, я которой да сполучше» / «Напевай, кому я любезная, который да получшима», «Рано росцвела», «Ково верно люблю», «Дунька думала при мней», «Черёмушка в саду выросла», «Струбенька струбила», «Что Прокопьевка-деревня да большая», «Долина-долинушка да рӧздолинушко», «Кӧкушенька кӧкуйӧт да кӧкуйӧт», «Вӧля девичья

минӧвалася», «Как у нашево кӧзяина», «Все / Везде были цветки», «Зӧлӧтые ваши кудреньки», «Летела кокушица».

Восемь песенных сюжетов в репертуре прилузских коми мы отнесли к числу редких: «Вставай, вставай, моя дитятко», «Соловей тэ, соловей, где ты жила-прожила / везде ты было да прожила», «Сказано было да указано», «Нападал снежочек», «Что на крутом на бережочке», «Полюбил парень девоньку да водил», «Отгулял мӧлодец», «Девушки гулять прӧшли».

С тематической точки зрения весь песенный репертуар прилузских коми мы условно разделили на пять сюжетно-тематических блоков: песни солдатские, любовные, солдатско-любовные, с темой «женитьба / замужество» и сюжеты семейной тематики. Наибольшее количество сюжетов раскрывает любовные взаимоотношения юноши и девушки: встреча / свидание, разлука и связанные с ним ожидание, тоска.

Сюжеты прилузской лирики являются примером консервации севернорусской традиции, характерной для контактных зон коми-русского пограничья. Прилузский репертуар обнаруживает близость с традициями Пермского края, Вологодской, Архангельской и Вятской областей. Схожесть указанный традиций с прилузской объясняется, скорее всего, территориальной близостью и совместными длительными культурными контактами. Кроме того, нельзя не принимать во внимание факторы формирования местного населения, участие в котором немаловажную роль сыграли русские переселенцы, со временем ассимилировавшиеся, но, вероятно, не утратившие культурную память (память предков).

Также мы провели сопоставительный анализ прилузской лирики с русскими песнями из других коми традиций. Лирика Прилузья обнаружила близкие варианты с песнями из Удорского, Усть-Куломского, Усть-Вымского, Княжпогостского, Корткеросского, Сыктывдинского и Ижемского районов. Также сходные сюжеты и мотивы мы выявили в коми-пермяцкой традиции. Наибольшее количество общих вариантов мы наблюдаем с песнями из Удорского, Усть-Вымского, Княжпогостского и Ижемского районов.

Особенности бытования лирических песен прилузских коми в целом схожи с русскими традициями [Королькова 2011. С. 23-25]. Они не имели строгой приуроченности и исполнялись в будничные и праздничные дни, а также могли звучать на свадьбе.

Богатая песенная терминология свидетельствует о процессе глубокого освоения иноязычного фольклора, высокой степени его адаптации.

Село Прокопьевка с прилегающими деревнями представляет собой уникальную певческую традицию. 37 сюжетов русской лирики бытовало в Прокопьевском с/с, из них 16 известны только в данной локальной традиции. Несколько уступает ему по количеству записей и уникальности материала традиция с. Поруб Спаспорубского с/с: в ней мы обнаружили 10 сюжетов, 5 из которых в пределах района зафиксированы только в этом селе.

Специфика прилузского репертуара связана с процессами освоения заимствованного фольклора. Село Поруб имело более тесные контакты с русским населением, нежели село Прокопьевка. Даже на фонетическом уровне следов адаптации в порубских текстах меньше, нежели в прокопьевских.

Можно выделить различную степень языковой сохранности заимствованных текстов. Как и в песенно-игровом репертуаре, фонетические особенности прилузских лирических текстов связаны с произнесением звуков *п* и *к* вместо *ф* и *х* (пранцуз, ок, кölöст), звук *ö* часто заменяет звук *о* (кökушица, сöлдат и др.). Также отмечается вставка j между мягким согласным и гласным звуками: чер[jo]мушка, бер[jo]за. С точки зрения морфологии, как правило, наблюдаются трансформации, связанные с отсутствием категории рода в коми языке: «первый снопичек Ванька нажала», «черпом ручку Ванька обрезала», «свёкор-батюшка заставила» и т.д.

В некоторых песнях отмечаются искажения на уровне отдельных слов (формул) («скарами идут», «на стакан полкой» «рушуина рöзгуляй»). Нередко подобные изменения приводят к другому разворачиванию сюжета. Так, в песне «Запевай, моя любезная, которая да сполучше» образ деревянной кровати трансформировался и вместо него появился образ деревенского парня.

В редких случаях происходили трансформации на уровне целого текста. Эту группу составляют тексты песен, содержание которых размыто, общий смысл песни держится на отдельных мотивах и формулах. Сюжет прилузской песни «Рано расцвела» трансформирован, но в нем «угадывается» сюжет «Недозрелая калинушка», мотив раннего замужества сближает этот текст с рядом песен из русских традиций. Образ батюшки, который «бела света дожидает», реализуется в плясовой песне «Как за речкой хмель родился».

В прилузских лирических текстах происходило переосмысление отдельных слов («подпруга» – «подруга»), что приводило к появлению дополнительных сюжетных мотивов. В песне «Сизенький голубчик» слово «подпруга» заменилось словом «подруга», и в тексте нашел развитие дополнительный свадебный сюжет.

Переосмыслению подвергались непонятные коми певицам слова: например, «назолушка» распадается на два слова – «назад дружка».

Вкрапления комиязычной лексики, малопонятных слов также является одной из «примет» прилузской лирики. Так, в песне «Сизенький голубчик» появляется коми слово «мегор» (дуга), а также малопонятные «домповод», «муржевой».

В прилузских текстах отмечается также выпадение ключевых для конкретного сюжета слов, непонятных певицам. Например, в песне «Новый калиновый» «утеряно» слово «мост», в песне «Черноброва, черноглаза» отсутствует образ молодца, в песне «Как на матушке на Невой реку» «выпал» образ острова, который подразумевается сюжетом песни.

Адаптация песенных текстов происходила не только на языковом, но и на собственно фольклорном уровне.

Можно отметить творческий потенциал летских певиц, которые оригинально обрабатывали песенные тексты. Так, в летской песенности к известным сюжетам русской лирики добавляются оригинальные финальные мотивы. В песне «Соловей мой только молодой» известный песенный мотив размышления молодца о том, кого послать к девушке: старого, малого или ровню заканчивается описанием лица девушки и мотивом покупки «водочки, винца, полуштофчика пивца». В песне «Шёл, прошёл детинушка» появляется финальный мотив «наказ матери о замужестве», в котором содержится перечисление топонимов Вятского края.

Лирические песни летских коми часто связаны между собой на уровне общих формул, мотивов и на уровне общих текстовых фрагментов. Для песен «Девушки гуляти прошли», «Питенбург-горад» общим является мотив «матрос стоит на часах»; в песнях «Попила моя головушка», «Хмелю, хмелю я похмелю» содержится образ саней, которые лежат в Казани; в песнях «Как у нашего хозяина» и «Соловей мой молодой же» – описание лица девушки и покупка водки, вина, пива.

В традиции летских коми бытовали песни с контаминацией разноплановых в сюжетно-эмоциональном плане мотивов. В песне «Кого верно я люблю, нет здеся» несчастное замужество девушки (кого верно люблю – нет здеся, кого ненавижу – завсегда в глаза) сменяется описанием отношений молодых до женитьбы (алую ленту милый подарил, два года носил, три года любил, «безотходен был», «безприказан жил»). Песня «Ок, и не от радость, дай, радось мой же» начинается с мотива «девушка бежит с горя в лес», после чего разворачивается описание счастливых взаимоотношений юноши и девушки.

Среди композиционно-стилевых особенностей летских лирических текстов Г.С. Савельева отметила использование цепевидных структур: «в каждой строфе чередуются отрицание и утверждение одного и того же действия с присоединением следующего отрицания, которое, в свою очередь, повторяется в следующей строфе» (как в песне «Вечор молодой всю ночь не сыпал»); перечисление синонимичных в смысловом отношении объектов, заполняющее собой пространственную структуру «длинной» песни (в песне «Вöля девичья миновалася» в пяти из тринадцати строф изображены природные ландшафты); нанизывание рифмованных строк, при этом содержательно-смысловая сторона отходит на второй план (как в песне «Струбенька струбила») [Савельева 2007. С. 383-384].

В качестве еще одной особенности летских лирических песен мы можем отметить устойчивое использование развернутых поэтических формул. Так, в песне «Ох, ты полюшка наша» подробно раскрывается формула постели, на которой лежит убитый молодец. В иноязычной среде, по мнению музыковедов [Лапин 1977. С. 188; Краснопольская 2007. С. 139], лучше сохраняется музыкальный напев, но здесь мы можем наблюдать и лучшую сохранность самих текстов.

Еще одна специфическая черта летской лирики – плясовой характер исполнения. Как нам кажется, обозначение этих песен «кузь сьыланкыв» связано как с мелодическими особенностями протяжной песни, так и с объемностью самих текстов, требующих при исполнении больших затрат во времени.

Особенности песен, зафиксированных у коми в бассейне Лузы, связаны с оригинальной контаминацией мотивов, которые в текстах из русских традиций реализуются в разных сюжетах. Такое явление мы можем наблюдать в песне «Вы прощайте, девки, жёнки», в которой комбинируются мотив отъезда молодцев на службу и описание состояния героини, известные в разных песенных сюжетах. Лузские коми также подвергали творческой переработке некоторые песенные сюжеты – в них появлялись дополнительные образы. Так, например, в песне «Рябинушка моя раскудряваёй» возникают образы песка и уток, которые отсутствуют в русских вариантах.

Таким образом, песенные традиции летских и лузских коми различны по сюжетному составу, но сам механизм освоения заимствованного материала был схож. Даже самые известные сюжеты получили оригинальную обработку в виде вставок дополнительных мотивов и образов. Наличие в арсенале исполнителей большого количества формул и мотивов позволило комбинировать их, контаминировать с разными мотивами, придавая местный оттенок песенным текстам. Немаловажным показателем

доминирующего положения русских сюжетов в прилузской лирике является осознание коми певицами русскоязычных песен именно своими, старинными (нэмся – вековыми), местными по происхождению, песнями своих предков, т.е. органичной частью их культурного наследия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прилузский район представляет собой контактную зону расселения коми и русских. Межэтнические связи стали одним из важных факторов формирования специфики традиционной культуры Прилузья, которая во многом определяется явлением фольклорного двуязычия.

Как показал анализ фольклорного репертуара, рассматриваемый район состоит из двух больших самостоятельных локальных традиций – лузской и летской, отдаленных друг от друга значительным расстоянием, в пределах которых возможно более дробное выделение микролокальных образований.

Для характеристики русского репертуара традиций и анализа феномена фольклорного двуязычия нами был использован большой круг источников: мы привлекли записи восьми архивов (более 800 единиц). Хронологические рамки выявленного материала охватывают полтора столетия (1827 – 2000-е гг.). Специфика рассматриваемых традиций анализировалась на материале нескольких фольклорных жанров: свадебные причитания и песни, песенно-игровой фольклор, лирика.

Русский поэтический репертуар по-разному был усвоен этническими коми. Свадебные причитания исполнялись в Прилузье преимущественно на родном языке, но в двух населенных пунктах бассейна Лузы – Поруб и Зануле – на свадьбе звучали русскоязычные причеты. Пять обрядовых актов прилузской свадьбы (девичник, расплетение косы, баня, приезд жениха, благословение) включали и русскоязычные, и комиязычные тексты. В четырех свадебных этапах зафиксированы только комиязычные тексты (приготовление пива, обходы родни, бужение невесты, одевание). Тем не менее, в комиязычных причитаниях отмечается использование русских слов и формул. По своей форме русскоязычные причитания напоминали песни, поскольку имели устойчивую композицию и исполнялись коллективно. Об особой освоенности русскоязычной причети говорят примеры перевода русского причитания на коми («После моево мывальнича да раскатися, тёпла парушö» – «Пывсянöй, пывсянöй, меам волöм бöрын, мыссьöм бöрын киссьы да мун кос ягö»). У летских же коми был зафиксирован только один текст русскоязычного причитания, выявленный в рукописном источнике. «Осколочно» на Лузе были обнаружены и русские свадебные песни (9 сюжетов в 12 вариантах записи). Наши наблюдения подтверждают выводы исследователей о том, что этот жанр фольклора не нашел своего распространения в коми традициях, их место в обряде заняли причитания. Небольшое количество текстов свадебных песен исполнялось в основном после венчания,

в доме жениха. Говоря о характере заимствования, подчеркнем, что в иноэтнической среде русские свадебные тексты не претерпели никаких искажений. Возможно, это связано с тем, что свадебный фольклор был записан в 1960-х гг., когда исполнительницы уже в хорошей степени владели русским языком. Таким образом, обрядовый фольклор в некоторой степени был закрыт для проникновения иноэтнического. Можно предположить, что небольшое количество русских текстов выполняло сакрализирующую функцию, поскольку исполнялось в наиболее значимые моменты обряда (рукобитье, баня, благословение перед венцом).

Наиболее очевидно усвоение «чужого» прослеживается на песенном материале. Прилузский песенный репертуар можно считать лидером в плане русских заимствований: ни у одной другой группы этнических коми не отмечено бытование такого количества русскоязычных песен.

Русский песенно-игровой фольклор прилузских коми составляют песни хороводные, игровые, хороводно-игровые, плясовые и припевочные. Отметим, что весь молодежный репертуар в Прилузье был стянут к зимнему периоду, о летних увеселениях имеются довольно скромные сведения. Неслучайно весь песенно-игровой репертуар здесь обозначался термином «*рöштво сьыланкывъяс*» (рождественские песни) вне зависимости от календарного сезона.

Этот пласт фольклора довольно наглядно демонстрирует автономность лузской и летской традиций. Среди общих сюжетов песенно-игрового фольклора мы выделили 8 сюжетов: «Хрен», «Посадили молодец» (рефрен «Дунай, мой Дунай»), «Во саду ли в огороде», «Уродиласе Дуня», «По бережку ходила да гуляла», «По уличи мостовой шла девичи за водой», «Молодка, молодка молоденька», «Сидит кабачкой» / «Шел, чуть не замерз». Песенно-игровой репертуар Лузы насчитывает 54 сюжета, Летки – 48. Наибольшее количество «точек соприкосновения» (6) у лузских и летских коми было выявлено в плясовом репертуаре.

Еще одна особенность, отличающая лузскую и летскую традиции – это степень сохранности традиции. В летской части района традиция до сих пор жива, наблюдается разыгрывание традиционных хороводно-игровых сюжетов на местных культурно-массовых праздничных мероприятиях. У лузских коми эта традиция утрачена. Добавим, что только в лузской части района наблюдается бытование комиязычного репертуара: хороводно-игровые песни «Воча-воча ветламöй», «Просо кöдзамö», шуточная плясовая «Иванушка-караван», припевочный фольклор.

Языковая сохранность заимствованных текстов в песенно-игровом фольклоре различна. Пять хороводно-игровых сюжетов, зафиксированных в 1927 г., представляют собой тексты на ломаном русском языке (*кыдъя роч* песни – букв. ‘русский с примесью’), в текстах отмечается большое количество трансформаций и искажений на уровне лексики. Записи, сделанные в 1960-е гг., дают уже иную картину – тексты воспроизводились практически без искажений. Песенно-игровой репертуар летских коми был в основном записан в 1970-1980-е гг. Эти песни были зафиксированы в законсервированном виде без искажений. Кроме того, мы можем говорить об осмысленном восприятии этих песен летскими коми, которые утверждали, что понимают содержание песен. Более поздний слой записей, таким образом, отражает хороший уровень владения исполнительницами русским репертуаром.

Подчеркнем, что в количественном отношении заимствованных текстов в песенно-игровом репертуаре больше, нежели в свадебном. Песенно-игровая сфера оказалась более открытой для проникновения иноэтнического фольклора в прилузские традиции.

«Вершиной творчества» прилузских коми стало усвоение ими русских лирических песен. Нами выявлено 4 текста русской лирики из рукописных источников 1850 и 1882 гг. Основной блок песен фиксировался в 1960-2000-е гг. Подчеркнем, что корпус лирических песен довольно весом – 64 сюжета. Данные песни исполнительницы считают своими, местными. Они довольно отчетливо разделяют их на солдатские и любовные. Прочно укоренившись в традиции Прилузья, русские лирические песни исключили возможность создания собственной песенной лирики. Примечательно, что осмысление текстов, номинации песенных жанров отражаются в терминологии прилузских коми на родном языке. Заметим, что лирический репертуар лузских и летских коми также различен. Среди общих сюжетов отмечаются лишь «За Невагою» и «Сизенький голубчик». Возможно, усвоение этого пласта фольклора у двух групп прилузских коми произошло в результате контактов с разными русскими традициями (или в результате ассимиляции среди этнических коми русских переселенцев – выходцев из разных мест России), но сам механизм заимствования был схож.

Особенностью лирических песен прилузских коми являлось их плясовое сопровождение, что отражалось и на терминологическом уровне – *кузь йӧктан сьыланкыв* (длинные плясовые песни). Лирические песни, как более поздний по происхождению песенный жанр, оказались адаптированными этническими коми в большей степени: тексты воспроизводятся практически без языковых трансформаций и представляют собой классические варианты русской лирики, форму бытования которых А.К. Микушев

обозначил как «механический перепев русских песен». «Отклонения» проявляются, главным образом, на собственно языковом уровне.

Таким образом, в обрядовом фольклоре мы наблюдаем превалирование комиязычных текстов над русскоязычными, в свадебном репертуаре отмечено небольшое количество песен и причитаний на русском языке, искажений русских текстов нами не выявлено. В песенно-игровом фольклоре доминировали русские сюжеты, их исполнение происходило на смешанном коми-русском языке. Лирические песни исполнялись прилузскими коми только на русском языке без существенных языковых трансформаций. Подобное соотношение языков в жанровой системе характерно также для удорской традиции Республики Коми (на что обратила внимание музыковед Е.Е. Васильева), коми-пермяцкого фольклора (по наблюдениям А.В. Черных).

В результате сравнения прилузского песенного репертуара с так называемым общерусским материалом мы выделили 3 группы сюжетов: известные, песни с оригинальной обработкой сюжета и редкие. Отметим, что бóльшая часть текстов попала в первую группу, т.е. прилузские исполнители свободно владели хорошо известными в большинстве русских традиций сюжетами. Более того, в прилузских традициях в результате творческих переработок происходило появление оригинальных песен. Кроме того, в репертуар и лузских, и летских певиц входили песни редкие, близких вариантов к которым обнаружить не удалось. Наибольшая близость свадебного, песенно-игрового, лирического прилузского репертуара обнаруживается с песенными традициями Кировской (прежде всего – Лузского района), Вологодской, Архангельской областей, Пермского края. Сильнейшее влияние на Прилузье оказали, прежде всего, вологодско-архангельские традиции: в ходе проведенного исследования обнаружилось большое количество схождений с репертуаром именно этих территорий, что обусловлено, прежде всего, историческими и культурными связями. Таким образом, прилузский репертуар, на наш взгляд, правомерно рассматривать как вариант севернорусской традиции.

Обобщая наблюдения о характере адаптации русского фольклора в разных песенных жанрах Прилузья, можно сказать, что ее следы в песенных текстах ярче всего заметны на уровне языка. В первую очередь, русские слова «подстраивались» под законы грамматики, т.е. затрагивался, прежде всего, фонетический и морфологический уровни. Что касается лексического уровня, то на более ранней стадии контактирования происходило искажение формы и значения слова, на поздних этапах – осмысленное усвоение русской лексики (как, например, в хороводно-игровой песне «Каково доброй молодеч да жениче»).

Мы выделили целый ряд особенностей адаптации прилузских текстов: трансформации на уровне отдельных слов, целого текста, переосмысление отдельных слов, оригинальное осмысление значений русских слов, вставки коми слов и мотивов, осмысленное усвоение русской лексики с очевидным влиянием коми языка, замена искаженных слов более понятными, выпадение отдельных мотивов, ключевых слов, связанность текстов на уровне общих мотивов и текстовых фрагментов, устойчивое воспроизведение искажений, усвоенных в процессе заимствования.

На собственно фольклорном уровне специфика прилузской песенности проявляется в комбинации широко распространенных мотивов, в результате чего возникали уникальные песенные тексты (см., например, песенные сюжеты «Вы прощайте, девки, жёнки», «На заре было да всё на зорюшке», «(В) саду жить невесело» и др.). Синтез двух культур, коми и русской, привел к образованию оригинальной фольклорной традиции.

В условиях билингвизма исконный русский песенный материал сохранился в более целостном виде, т.е. мы можем говорить о консервации традиции. По замечанию музыковедов, коми сохранили русский репертуар в том звучании, в каком он был усвоен в момент появления его на территории.

Активные контакты с русским населением способствовали быстрому усвоению русского языка. Населенные пункты, удаленные от русскоязычных сел, сохраняли родную речь. Так, песенные тексты, записанные в с. Поруб, которое непосредственно граничит с русским с. Лойма, практически не содержат «следов адаптации»: на фонетическом и морфологическом уровнях мы не наблюдаем влияния коми языка. В то же время, песенные тексты, записанные в Прокопьевском с/с, который значительно отдален от русских сел, по фонетическим и морфологическим характеристикам приближены к системе коми языка.

Удаленность от административного центра способствовала не только «закрытости» в плане усвоения русского языка, но и консервации жанров. Традиция летских коми отличается хорошей степенью сохранности и разнообразием фольклорно-этнографического материала. В отличие от него лузская традиция характеризуется гораздо более скромными записями. Активные экономические, административные, культурные и другие связи привели к утрате целостности традиции.

Языковые контакты влекли за собой фольклорные заимствования. Зоны концентрации языковых контактов являлись одновременно зоной концентрации фольклорных произведений. Проживание на одной территории коми и русских,

ассимиляция русских переселенцев в среде прилузских коми, а также пограничное положение Прилузского района способствовало не только усвоению языка, но и заимствованию коми традицией «чужих» текстов. Можно предположить, что воспроизведение этих песенных текстов было «механическое», без ясного понимания содержания песен. С другой стороны, на более поздних стадиях контактирования, когда певицы осмысленно стали исполнять русские тексты, фольклорные произведения помогали лучшему усвоению языка.

Таким образом, прилузский песенный репертуар, сложившийся в результате усвоения русской традиции, представляет несомненный интерес в плане характеристики межэтнических взаимодействий. Большой корпус фольклорных текстов прилузских коми позволяет поставить эту традицию в один ряд с известными русскими песенными культурами. Мы можем говорить не о механическом сплаве двух культур, а о создании самостоятельной певческой традиции, в которой из большого количества русских сюжетов, мотивов и формул, очевидно, хорошо известных певцам, был создан местный песенный репертуар, бытовавший у нескольких поколений певцов.

Дальнейший сравнительно-сопоставительный анализ прилузских песен с русской традицией, с русскоязычными текстами других коми и финно-угорских традиций, а также этномузыковедческий анализ прилузского фольклора позволят расширить наши представления о специфике прилузских традиций, механизмах усвоения, адаптации и порождения подобных новообразований.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Государственный архив Кировской области:

ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 130. Косарев М.С. Пермяки Вятской губернии, преимущественно Орловского уезда. 74 лл.
ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 190. Е. Косарева. Несколько слов о М.С. Косареве. 5 лл.

Музей истории просвещения Коми края СыктГУ:

О.Ф. № 1769 1/6. Личный фонд А.К. Микушева. Фото ч/б. Занулье, декабрь 1963 г. Фольклорная экспедиция.

О.Ф. № 1771 1/5. Личный фонд А.К. Микушева. Фото ч/б. Фольклорная экспедиция Сысольско-Лузская. 1963 г.

Научный архив Коми НЦ УрО РАН (НА Коми НЦ)

Ф.1. Оп.11. Д.36. Осипов И.А. Фольклорный материал 1939 г. Сыктывкар. 105 л.

Ф.1. Оп.11. Д.147. Жилина Т.И. Материалы диалектологической экспедиции в Летский р-он в 1951 г. (с. Слудка, Ловля Коми АССР).

Ф.1. Оп.11. Д.211 «а». Микушев А.К., Чисталев П.И., Муравьева Г.А. Материалы Сысольско-Лузской и Верхне-Сысольской фольклорных экспедиций (1960-1961 гг.). Сыктывкар, 1972 г. (= **НА Коми НЦ. Ф.27. Оп.1. Д.81.** Материалы Сысольско-Лузской и Верхне-Сысольской фольклорных экспедиций. 1960-1961. Рукопись).

Ф.1. Оп.11. Д.226. Микушев А.К., Рочев Ю.Г. Сысольско-Лузский фольклор. Материалы фольклорной экспедиции за 1963 г.

Ф.1. Оп.13. Д.48. Лашук Л.П., Жеребцов Л.Н. Отчет Прилузской этнографической экспедиции 1959 г. Сыктывкар, 1960. 151 л.

Ф.1. Оп.13. Д.140. Научный отчет об этнографической экспедиции 1966 г. в Прилузский район Коми АССР, Кировскую область и Коми-Пермяцкий национальный округ Пермской области. Исполнители: Л.Н. Жеребцов, Ю.В. Гагарин, Л.С. Грибова, П.А. Куратов, Н.И. Дукарт. Сыктывкар, 1967 г.

Ф.5. Оп.2. Д.143. Жилина Т.И. Лузско-Летский диалект коми языка. Заключительный отчет.

Ф.5. Оп.2. Д.147. Жилина Т.И. Материалы диалектологической экспедиции 1974 г.

Ф.5. Оп.2. Д.148. Коснырева Р.И. Материалы диалектологической экспедиции 1971 г. в с. Прокопьевка Прилузского р-на Коми АССР.

Ф.5. Оп.2. Д.149. Коснырева Р.И. Материалы диалектологической экспедиции 1972 г. в с. Гурьевка и Летка Прилузского р-на Коми АССР.

Ф.5. Оп.2. Д.155. Лоскутова Н.И. Материалы диалектологической экспедиции 1972 г. в с. Объячево. Сыктывкар, 1972. Т.3.

Ф.5. Оп.2. Д.157. Лоскутова Н.И. Материалы диалектологической экспедиции 1973 г. в с. Поруб Прилузского района. Сыктывкар, 1973.

Ф.5. Оп.2. Д.158. Лоскутова Н.И. Материалы диалектологической экспедиции 1974 года в с. Ношуль, Прилузский р-он. Сыктывкар, 1974.

Ф.5. Оп.2. Д.209 «а». Рочев Ю.Г. Материалы фольклорной экспедиции в Летку Прилузского района в 1976 г. Сыктывкар, 1976.

Национальный архив Республики Коми (НА РК)

Ф.Р-2309. Оп.1. Д.132. Плесовский Ф.В. Свадьба народа коми. Обряды и причитания. Машинописные варианты и оглавления, главы «Особенности причитаний отдельных районов». Сыктывкар, 1968. 39 лл.

Ф.Р-2309. Оп.1. Д.154. Плесовский Ф.В. Свадебные причитания. Машинописный вариант главы для книги «История коми литературы». Т.1. Сыктывкар. 1979. 35 лл.

Ф.Р-2309. Оп.1. Д.229. Материалы фольклорных экспедиций в Железнодорожный, Сыктывдинский, Прилузский районы (записи сказок). Расшифровка. На коми языке. Сыктывкар, 1948-1959. 130 лл.

Ф.Р-2309. Оп.1. Д.232. Сказка Е.Д. Низовцева. С. Летка Прилузского района. Рукопись. На русском языке. Сыктывкар, 1951. 12 лл.

Ф.Р-2309. Оп.1. Д.235. Сказка В.А. Сердитова с. Объячево. Прилузский район. Рукопись. На коми языке. Сыктывкар, 1954. 23 лл.

Ф.Р-2309. Оп.1. Д.242. Описание свадебного обряда в Койгородском, Удорском, Железнодорожном, Прилузском районах Коми АССР, в Лешуконском районе Архангельской области. На коми и русском языках. Сыктывкар, 1961-1968. 51 лист.

Ф.Р-2309. Оп.1. Д.258. Материалы фольклорных экспедиций в Усть-Куломский, Корткеросский и Прилузский районы (Записи свадебного обряда. Черновики. На коми и русском языках). б/д. 39 лл.

Национальный музей Республики Коми (НМ РК)

КП 12481 / 1-31. Фольклор учащихся педтехникума. 1934-1935 гг.

КП 12482. Фольклор коми учащихся педтехникума, 1935 г.

КП 12484 / 1-19. Фольклор коми учащихся педтехникума и пединститута, 1921-1936 гг.

КП 12485. Попов С.А. Фольклор коми Летского района 1928-1929 гг. Сказки и народные песни. 143 лл.

КП 12493. Свадебные песни 1918-1930 гг.

КП 12496. Фольклор русский. 1911-1923 гг. П.Г. Доронин.

КП 12498. Фольклор русский. 1911-1936 гг.

Русское географическое общество

РГО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 41. Сказки, легенды, предания и т.д. (Орловск. у[езд], Вятской губ.) Запис. Н. Добротворский. Песни. 28 лл., г. Санкт-Петербург.

Санкт-Петербургский филиал архива РАН

Ф.94. Оп.1. Д.9. Географическое описание Ношульской пристани / Manuscripta A. Sjagreni. Л. 114-138, г. Санкт-Петербург.

Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета

Прилузское собрание: АФ 13001-13364; РФ 13-III-1328.

Фольклорный Фонд Института языка, литературы и истории Коми Научного центра УрО РАН

Х149, К425, К433, 1520-1521, 1523, 1530, В1503, В1508, В1509, В1542-1545

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ И СОКРАЩЕНИЙ

Учреждения

ГАКО – Государственный архив Кировской области, г. Киров

НА КНЦ – Научный архив Коми Научного центра УрО РАН, г. Сыктывкар

НА РК – Национальный архив Республики Коми, г. Сыктывкар

НМ РК – Национальный музей Республики Коми, г. Сыктывкар

РГО – Архив Русского географического общества, г. Санкт-Петербург

СыктГУ – Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета (аудио- и рукописный фонды); АФ – аудиофонд

ФФ ИЯЛИ КНЦ – Фольклорный Фонд Института языка, литературы и истории Коми Научного центра УрО РАН, г. Сыктывкар; А – аудиофонд, В – видеоматериалы

Условные обозначения

ВФП – выездная фольклорная практика
губ. – губерния
ИФП – индивидульная фольклорная практика
обл. – область
П – пересказ песни
Пр – запись-проба (от одной до трех строк)
РК – Республика Коми
р-н – район
с – село
с/с – сельский совет
у. – уезд
ФДЭ – фольклорно-диалектологическая экспедиция
Фр – фрагмент записи
ФЭ – фольклорная экспедиция
<…> – плохо прослушивающаяся запись

Архивные источники и издания

Агапкина 2005 – *Агапкина Т.А.* Сюжетный состав восточнославянских заговоров (мотив мифологического центра) // Заговорный текст. Генезис и структура. М.: Индрик, 2005. С. 247-292.

Аничков 2002 – *Аничков Е.В.* Песня // Народная словесность / Под ред. Аничкова Е.В., Бороздина А.К., Овсянико-Куликовского А.Н. М., 2002.

Байбурин 1993 – *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.

Бахтин 2004 – Русская лирическая песня / Вступ. ст., сост., подг. текстов и прим. В.С. Бахтина. СПб., 2004.

Бернштам 1982 – *Бернштам Т.А.* Обряд “расставание с красотой” (К семантике некоторых элементов материальной культуры в восточнославянском свадебном обряде) // Памятники культуры народов Европы и европейской части СССР (Сб. МАЭ. Т. XXXVIII) / Под ред. Т.В. Станюкович. Л., 1982. С. 43-66.

Бернштам 1986 – *Бернштам Т.А.* Свадебный плач в обрядовой культуре восточных славян (XIX- начало XX в. // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л.: Наука, 1986. С. 82-100.

Бернштам 1991 – *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX века: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1991.

Бойко 2011 – *Бойко Ю.И.* Традиционная культура прилузских коми (конец XIX – первая половина XX вв.). Дис. … канд. истор. наук. Сыктывкар, 2011.

Бойко 2011а – *Бойко Ю.И.* Традиционная культура прилузских коми (конец XIX – первая половина XX вв.): Автореф. дис. … канд. истор. наук. Сыктывкар, 2011.

Браз 1977 – *Браз С.* Песни реки Лузы. М.: Советский композитор, 1977.

Бунчук, Шевченко 2007 – *Бунчук Т.Н., Шевченко Е.А.* Некоторые особенности похоронно-поминальной обрядности прилузских коми // Славянская традиционная культура и современный мир. Сб. научных статей по материалам конференции. Вып. 10. М.: ГРЦРФ, 2007. С. 188-198.

Бунчук, Шевченко 2008 – *Бунчук Т.Н., Шевченко Е.А.* Рассказы о колдунах в традиции с. Ношуль Прилузского района Республики Коми (по записям фольклорной экспедиции СыктГУ 2004 г.) // Актуальные проблемы полевой фольклористики: Сб. науч. тр. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2008. Вып. 4. С. 179-189.

Веселовский 1938 – *Веселовский А.Н.* Лорренские сказки // Веселовский А.Н. Собрание сочинений. М.; Л., 1938. Т. 16. С. 212-231.

Висер вожса сьыланкывъяс 1986 – Висер вожса сьыланкывъяс да мойдкывъяс (Песни и сказки Вишеры) / Сост. И.А. Осипов. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1986.

Вихман 1903 – Kurzer Bericht uber eine Studienreise zu den Syrjanen 1901-1902 // Journal de la Societe Finno-ougrienne. Helsinki, 1903. XXI. P. 3-47.

Вихман 1916 – *Wichmann Y.* Syrjanische Volksdichtung // MSFOu. Helsinki, 1916. B. XXXVIII.

Власов 1992 – *Власов А.Н.* Проблема двуязычия в традиционной народной культуре на территории Коми республики (по материалам фольклорных экспедиций Сыктывкарского университета) // Духовная культура: история и тенденции развития. Тезисы докладов. 1-5 июня 1992. Сыктывкар, 1992. Ч. 1. С. 81-85.

Власов, Канева 2008 – *Власов А.Н., Канева Т.С.* Фольклорные традиции Европейского Северо-Востока России: полевые исследования СыктГУ // Актуальные проблемы полевой фольклористики: Сборник научных трудов. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2008. С. 60-73.

Власов, Филиппова 2000 – *Власов А.Н., Филиппова В.В.* Фольклорное двуязычие в традиционной культуре коми // Традиционная культура. 2000. № 2. С. 87-89.

Вологодская область 1981 – Народные песни Вологодской области. Песни Средней Сухоны / Сост. А.М. Мехнецов. Л., 1981.

Вологодские ГВ 1857 – *Косарев М.С.* Обычаи ношульских зырян // Вологодские губернские ведомости. 1857. № 16. С. 93-95.

Вологодские ГВ 1883 – Очерки крестьянских игр в Сольвычегодском у. Вологодской губ. // Вологодские губернские ведомости. 1883. № 14. С. 9-10.

Воронежские песни 1982 – Воронежские народные песни в современной записи. М., 1982.

ВФ – Вятский фольклор. Народный календарь / Сост. А.А. Иванова. Котельнич, 1995.

Выходцев 1990 – Лирические песни / Сост., пред., подг. текстов и примеч. П.С. Выходцева. М.: Современник, 1990.

Вятские ГВ 1856 – *Косарев М.* Обычаи ношульских зырян // Вятские губернские ведомости. 1856. № 49. С. 297-299.

Глазунов 1894 – Русская народная лирика / Изд. И. Глазунов. СПб., 1894.

Гура 1999 – *Гура А.В.* Красота, краса // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 651.

Дети и детство 2008 – Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы: исследования и материалы / Сост. Т.И. Дронова, Т.С. Канева. Сыктывкар, 2008.

Дукарт 1978 – *Дукарт Н.И.* Святочная обрядность коми конца XIX – начала XX вв. // Традиционная культура и быт народа коми. Сыктывкар, 1978. С. 91-103 (Труды ИЯЛИ; Вып. 20).

Еремина 1978 – *Еремина В.И.* Поэтический строй русской народной лирики. Л., 1978.

Еремина 1991 – *Еремина В.И.* Ритуал и фольклор. Л., 1991.

Ефименкова 1980 – *Ефименкова Б.Б.* Севернорусская причеть. М., 1980.

Ефименкова 2008 – *Ефименкова Б.Б.* Восточнославянская свадьба и ее музыкальное наполнение: введение в проблематику. М.: РАМ им. Гнесиных, 2008.

Ефименкова 2012 – Музыкальная культура Русского Севера в научном наследии Б.Б. Ефименковой: к 80-летию со дня рождения ученого. М.: Музыка, 2012.

Жеребцов 1982 – *Жеребцов Л.Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М.: Наука, 1982.

Жеребцов 1994 – *Жеребцов И.Л.* Где ты живешь: Населенные пункты Республики Коми. Историко-демографический справочник. Сыктывкар, 1994.

Жеребцов и др. 1967 – НА Коми НЦ. Ф.1. Оп.13. Д.140. Научный отчет об этнографической экспедиции 1966 г. в Прилузский район Коми АССР, Кировскую область и Коми-Пермяцкий национальный округ Пермской области. Исполнители: Л.Н. Жеребцов, Ю.В. Гагарин, Л.С. Грибова, П.А. Куратов, Н.И. Дукарт. Сыктывкар, 1967 г.

Жилина 1951 – НА Коми НЦ. Ф.1. Оп.11. Д.147. Жилина Т.И. Материалы диалектологической экспедиции в Летский р-он в 1951 г. (с. Слудка, Ловля Коми АССР).

Жилина 1974 – НА Коми НЦ. Ф.5. Оп.2. Д.147. Жилина Т.И. Материалы диалектологической экспедиции 1974 г.

Жилина 1975 – НА Коми НЦ. Ф.5. Оп.2. Д.143. Жилина Т.И. Лузско-Летский диалект коми языка. Заключительный отчет.

Жилина 1985 – *Жилина Т.И.* Лузско-летский диалект коми языка. М.: Наука, 1985.

Жуланова 2008 – Жуланова Н.И. Многоствольные флейты в традиционной культуре коми-пермяков. М.: Издательский Дом «Композитор», 2008.

Забайкалье 1989 – Русские народные песни Забайкалья. Семейский распев. М.: Советский композитор, 1989.

Заонежье 1987 – Песни Заонежья в записях 1880-1980 гг. / Сост., предисл. и примеч. Т.В. Краснопольской. Л., 1987.

Золотова 1998 – *Золотова Т.А.* Таусеневые песни русских Поволжья: региональное своеобразие и межэтнические связи: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 1998.

Золотова 2000 – *Золотова Т.А.* Русские таусеневые песни Поволжья и их финно-угорские параллели // Традиционная культура: Науч. альманах. М., 2000. № 2. С. 62-66.

Зыряне и зырянский край 2010 – Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / Сост., вступ. ст. В.А. Лимеровой. Сыктывкар: ООО «Издательство “Кола”», 2010.

Зырянов 1962 – Лирические народные песни / Собрал и составил И.В. Зырянов. Пермь: Пермское книж-ое изд-во, 1962.

Зырянов 1975 – *Зырянов И.В.* Сюжетно-тематический указатель свадебной лирики Прикамья. Пермь, 1975.

Зырянов 1975 – *Зырянов И.В.* Сюжетно-тематический указатель свадебной лирики Прикамья (учебное пособие). Пермь, 1975.

ИП XIX – Исторические песни XIX века / Изд. подг. Л.В. Домановский, О.Б. Алексеева, Э.С. Литвин. Л.: Наука, 1973.

Иванова 2000 – *Иванова А.А.* Этническое самосознание как фактор межэтнических культурных взаимодействий // Традиционная культура: Науч. альманах. М., 2000. № 2. С. 55-61.

Ипатьдорса фольклор 1980 – Ипатьдорса фольклор (Анастасия Шуктомовалӧн сьыланкывъяс, мойдъяс, шусьӧгъяс да с.в.) (Фольклор села Ипатово (Песни, сказки, пословицы и т.д. Анастасии Шуктомовой)). Сыктывкар: Коми книж-ое изд-во, 1980.

Исторические песни. Баллады 1991 – Исторические песни. Баллады. М., 1991.

Калашникова 1999 – *Калашникова Р.Б.* Бесёды и бесёдные песни Заонежья второй половины XIX века. Петрозаводск: изд-во Петрозаводского гос-ого ун-та, 1999.

Канева 1998 – *Канева Т.С.* Песенно-игровой фольклор Усть-Цилемского района Республики Коми: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1998.

Канева 2002 – *Канева Т.С.* Фольклорная традиция Усть-Цильмы. Отдельные аспекты характеристики локальной традиции: уч. пособие по спецкурсу. Сыктывкар, 2002.

Канева 2008 – *Канева Т.С.* Краеведческие материалы П.Г. Сухогузова в контексте изучения фольклорной традиции села Прокопьевка Республики Коми // Славянская традиционная культура и современный мир. Личность в фольклоре: исполнитель, мастер, собиратель, исследователь. Сборник научных статей. М., 2008. Вып. 11. С. 260-266.

Канева 2009 – *Канева Т.С.* Репертуар усть-цилемских святочных гаданий: опыт представления архивных записей // Труды конференции «Покровские дни» (Н. Новгород, 10-11 октября 2009 г.). Н. Новгород, 2009-2010. Вып. 1. С. 34-61.

Канева и др. 2008 – *Канева Т.С., Филиппова В.В., Шевченко Е.А.* Фольклорные экспедиции Сыктывкарского государственного университета (2000-е гг.) // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2008. Т. XXXII. С. 502-509.

Карельский край 1984 – Песни Карельского края / Сост. и примеч. Л. Асанова. М., 1984.

Карельский фольклор 1992– Карельский фольклор: Хрестоматия / Изд. подг. Н.А. Лавонен. Петрозаводск: Карелия, 1992.

Карельское Поморье 1971– Русские народные песни Карельского Поморья / Под ред. Н.П. Колпаковой. Л., 1971.

Карельское творчество 1981 – Карельское народное поэтическое творчество / Подг. и перевод текстов В.Я. Евсеева. Л.: Наука, 1981.

Кир. 1977 – Собрание народных песен П.В. Киреевского. Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях / Подг. текстов, статья и коммент. А.Д. Соймонова. Л., 1977. Т. 1.

Кир. 1983 – Собрание народных песен П.В. Киреевского. Записи П.И. Якушкина / Подг. текстов, вступ. Статья и коммент. З.И. Власовой. Л., 1983. Т. 1.

Кир. 1986 – Собрание народных песен П.В. Киреевского / Записи П.И. Якушина. Л., 1986. Т. 2.

КНП I – Коми народные песни / Сост. А.К. Микушев, П.И. Чисталев. Сыктывкар, 1993. Т. 1. Вычегда и Сысола.

Колесницкая, Телегина 1977 – *Колесницкая И.М., Телегина Л.М.* Коса и красота в свадебном фольклоре восточных славян // Фольклор и этнография: связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 112-123.

Колпакова 1962 – *Колпакова Н.П.* Русская народная бытовая песня. М.; Л., 1962.

Коми календарь 2002 – Традиционный народный коми календарь. Материалы. Сыктывкар, 2002.

Коми легенды и предания 1984 – Коми легенды и предания / Сост. Ю.Г. Рочев. Сыктывкар: Коми книж-ое изд-во, 1984.

Коми-русский словарь 1961 – Коми-русский словарь / Сост. Д.А. Тимушев, Н.А. Колегова; под ред. В.И. Лыткина. М., 1961.

Конкка 1978 – *Конкка У.С.* Имя, волосы и белая воля невесты – главные объекты оплакивания в карельских свадебных плачах // Фольклористика Карелии. Карельский филиал АН СССР. Петрозаводск, 1978. С. 71-94.

Королькова 2010 – *Королькова И.В.* Лирические песни в традиционной культуре Северо-Запада России. М.: ГРЦРФ, 2010.

Королькова 2011 – *Королькова И.В.* Особенности бытования лирических песен в локальных традициях Русского Севера (к проблеме межэтнических контактов) // Рябининские чтения-2012. Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2011. С. 297-301.

Косарев 1859 – *Косарев М.* Ильин день в с. Ношульском // Русский дневник. 1859. № 65.

Косарев 1863 – ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 130. Косарев М.С. Пермяки Вятской губернии, преимущественно Орловского уезда. 74 лл.

Коснырева 1971 – НА Коми НЦ. Ф.5. Оп.2. Д.148. Коснырева Р.И. Материалы диалектологической экспедиции 1971 г. в с. Прокопьевка Прилузского р-на Коми АССР.

Коснырева 1972 – НА Коми НЦ. Ф.5. Оп.2. Д.149. Коснырева Р.И. Материалы диалектологической экспедиции 1972 г. в с. Гурьевка и Летка Прилузского р-на Коми АССР.

Краснопольская 2007 – *Краснопольская Т.В.* Певческая культура народов Карелии: статьи и очерки. Петрозаводск, 2007. http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=6750

Крашенинникова 2006 – *Крашенинникова Ю.А.* Записи свадебных приговоров и диалогов в локальных традициях Республики Коми // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога: Материалы I Межрегиональной конференции и VII Международной школы молодого фольклориста. Ижевск, 23-26 октября 2005 г. / Отв. ред. В.М. Гацак, Т.Г. Владыкина. Ижевск: АНК, 2006. С. 100-105.

Крашенинникова 2007 – *Крашенинникова Ю.А.* Свадебные приговоры и диалоги Прилузского района Республики Коми (по экспедиционным материалам второй половины XX-XXI в.) // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 10. Сб. научных статей по материалам конференции. М.: ГРЦРФ, 2007. С. 33-50.

Крашенинникова 2007а – *Крашенинникова Ю.А.* Обзор материалов вятского архива по традиционной культуре южных коми // Вятский родник: Сборник материалов научно-практической конференции. Киров, 2007. Вып. 8. С. 55-59.

Круглов 1982 – *Круглов Ю.Г.* Русские обрядовые песни М., 1982.

Куединская свадьба 2001 – Куединская свадьба. Свадебные обряды русских Куединского района Пермской области в к. XIX – пер. пол. XX в. Сборник фольклорно-этнографических материалов / Сост. А.В. Черных. Пермь, 2001.

Кузнецова 1993 – *Кузнецова В.П.* Причитания в северно-русском свадебном обряде. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1993.

Лапин 1977 – *Лапин В.А.* Русская песня у вепсов (К вопросу о генезисе народного музыкального мышления) // Музыкальное наследие финно-угорских народов / Сост. и ред. И. Рюйтель. Таллин: Эхти Раамат, 1977. С. 183-215.

Лапин 1986 – *Лапин В.А.* Воля – групповое голошение в лужско-шелонской свадебной традиции // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л.: Наука, 1986.

Лашук, Жеребцов 1959 – НА Коми НЦ. Ф.1. Оп.13. Д.48. Лашук Л.П., Жеребцов Л.Н. Отчет Прилузской этнографической экспедиции 1959 г. Сыктывкар, 1960. 151 л.

Леонтьев 1979 – Печорские былины и песни / Зап. и сост. Н.П. Леонтьев. Архангельск, 1979.

Лимеров 1998 – *Лимеров П.Ф.* Мифология загробного мира. Сыктывкар, 1998.

Лопатин, Прокунин 1956 – Русские народные лирические песни. Опыт систематического свода лирических песен с объяснением вариантов со стороны бытового и художественного их содержания Н.М. Лопатина, с положением песен для голоса и фортепиано В.П. Прокунина и с приложением полной расстановки слов некоторых вариантов по их напеву. М.: Госуд-ое муз-ное изд-во, 1956.

Лоскутова 1972 – НА Коми НЦ. Ф.5. Оп.2. Д.155. Лоскутова Н.И. Материалы диалектологической экспедиции 1972 г. в с. Объячево. Сыктывкар, 1972. Т.3.

Лоскутова 1973 – НА Коми НЦ. Ф.5. Оп.2. Д.157. Лоскутова Н.И. Материалы диалектологической экспедиции 1973 г. в с. Поруб Прилузского района. Сыктывкар, 1973.

Лоскутова 1974 – НА Коми НЦ. Ф.5. Оп.2. Д.158. Лоскутова Н.И. Материалы диалектологической экспедиции 1974 года в с. Ношуль, Прилузский р-он. Сыктывкар, 1974.

ЛПУЦ – Традиционная культура Усть-Цильмы. Лирические песни / Сост. Т.С. Канева, А.Н. Власов, А.Н. Захаров, Ю.И. Марченко, З.Н. Мехреньгина, Е.А. Шевченко. М.: ГРЦРФ, 2008.

ЛРС – Лирика русской свадьбы / Изд. подг. Н.П. Колпакова. Л: Наука, 1973.

ЛФ 1989 – Музыкально-песенный фольклор Ленинградской области: В записях 1970-1980 гг. Вып. 2 / Сост. и ред. В.А. Лапин. Л.: Сов. композитор, 1989.

ЛФ 2008 – Музыкально-песенный фольклор Ленинградской области в записях 1960-1980 гг. / Редактор-составитель В.А. Лапин. СПб., 2008.

Лыткин 1931 – Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка / Под ред. В.И. Лыткина. М., 1931. Вып. 2.

Мальцев 1989 – *Мальцев Г.И.* Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики (Исследование по эстетике устно-поэтического канона) / Отв. ред. А.Ф. Некрылова. СПб., 1989.

Марковский песенник – *Шенталинская Т.С.* Марковский песенник // Традиционная культура. 2013. № 2. С. 160-178.

Марченко 1991 – *Марченко Ю.И.* Замечания о напевах вологодских причитаний // Русский фольклор. Проблемы текстологии фольклора. Л., 1991. Т. XXVI. С. 189-202.

Мезенская традиционная свадьба в записи М.Н. Мякушина – Мезенская традиционная свадьба в записи М.Н. Мякушина. Подготовка и комментарии Е.И. Якубовской // Из истории русской фольклористики. СПб.: Наука, 2006. Вып. 6. С. 335-419.

Микушев 1956 – *Микушев А.К.* Песенное творчество народа коми. Сыктывкар: Коми книж-ое изд-во, 1956.

Микушев 1959 – *Микушев А.К.* Из истории русской науки о коми народной поэзии (по материалам фондов А.М. Шёгрена и П.И. Савваитова) // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.; Л., 1959. Т. IV. С. 230-239.

Микушев 1973 – *Микушев А.К.* Эпические формы коми фольклора. Л.: Наука, 1973.

Микушев и др. 1960-1961 – НА Коми НЦ. Ф.1. Оп.11. Д.211 «а». Микушев А.К., Чисталев П.И., Муравьева Г.А. Материалы Сысольско-Лузской и Верхне-Сысольской фольклорных экспедиций (1960-1961 гг.). Сыктывкар, 1972 г. (= НА Коми НЦ. Ф.27. Оп.1. Д.81. Материалы Сысольско-Лузской и Верхне-Сысольской фольклорных экспедиций. 1960-1961. Рукопись).

Микушев, Плесовский 1979 – *Микушев А.К., Плесовский Ф.В.* Причитания // История коми литературы. Фольклор. Сыктывкар, 1979. Т. 1. Гл. 4. С. 42-68.

Микушев, Рочев 1963 – НА Коми НЦ. Ф.1. Оп.11. Д.226. Микушев А.К., Рочев Ю.Г. Сысольско-Лузский фольклор. Материалы фольклорной экспедиции за 1963 г.

Миронова 2011 – *Миронова В.П.* Сюжет о сватовстве в мифической стране Хийтола в контексте карельской эпической традиции. Дис…на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. Петрозаводск, 2011.

Морозов, Слепцова 2004 – *Морозов И.А., Слепцова И.С.* Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX-XX вв.). М.: Индрик, 2004.

Мусанова 2011 – *Мусанова С.С.* Прощание с девьей красотой в свадебных причитаниях прилузских коми // Традиционная культура: Научный альманах. 2011. № 3. С. 47-59.

Мусанова 2012 – *Мусанова С.С.* Образы природы в свадебных причитаниях прилузских коми (противопоставление девичьей жизни и замужества) // Человек и окружающая среда. XXII Коми республиканская научная конференция студентов и аспирантов: тезисы докладов. Сыктывкар: изд-во СыктГУ, 25-27 апреля 2012. С. 105.

Мусанова 2013 – *Мусанова С.С.* Мотивы благодарения в свадебных причитаниях прилузских коми // Народная культура в слове и тексте: Сборник исследований и материалов памяти Валентины Викторовны Филипповой. Сыктывкар, 2013. С. 143-156.

Надеждин 1983 – *Надеждин Н.И.* Народная поэзия у зырян // В дебрях Севера. Русские писатели XVIII – XIX веков о земле Коми / Сост., вступ. ст. З.Я. Немшиловой. Сыктывкар, 1983. С. 68-69.

Народные песни Симбирской губернии 1906 – Народные песни Симбирской губернии, собранные Суриным, Красовским, Сытиным, Логиновым и Горчаковым / Под ред. М.Ф. Суперанского // Сборник в память Симбирской губ. ученой Архивной комиссии 1895-1905. Симбирск, 1906.

Нижегородская свадьба 1998 – Нижегородская свадьба. Пушкинские места, Нижегородское Поволжье, Ветлужский край. Обряды, причитания, песни, приговоры / Изд. подг. М.А. Лобанов, К.Е. Корепова, А.Ф. Некрылова. СПб., 1998.

Обрядовая поэзия Пинежья 1980 – Обрядовая поэзия Пинежья. М., 1980.

Обрядовые песни Сибири 1981 – Обрядовые песни русской свадьбы Сибири. Новосибирск: Наука, 1981.

ОП – Обрядовая поэзия / Сост., предисл., примеч., подг. текстов В.И. Жекулиной, А.Н. Розова. М.: Современник, 1989.

Орнатская 1963 – *Орнатская Т.И.* Русская песня на Вашке // Историко-филологический сборник. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1963. Вып. VIII. С. 161-173.

Осипов 1939 – НА Коми НЦ. Ф.1. Оп.11. Д.36. Осипов И.А. Фольклорный материал 1939 г. Сыктывкар. 105 л.

Панюков 2009 – *Панюков А.В.* Динамика развития коми фольклорных традиций в контексте теории самоорганизации. Сыктывкар, 2009.

Песни Карельского края 1977 – Песни Карельского края / Сост. и вст. ст. Т.В. Краснопольской. Петрозаводск, 1977.

Пинежье 1937 – Песни Пинежья. Материалы фонограмм Архива Академии наук СССР, собранные и записанные и разработанные Е.В. Гиппиусом и З.В. Эвальд. Кн. II. М., 1937.

Письма Шёгрену 2009 – Письма составителей первого русско-коми словаря академику А. Шёгрену / Подг. к публ. письма Marja Leinonen (Хельсинки, Финляндия) // Арт. 2009. № 3. С. 109-126.

ПИФУЦ – А в Усть-Цильме поют: традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы / Подгот. текстов и коммент. А.Н. Власов, З.Н. Бильчук, Т.С. Канева. СПб: Инка, 1992.

Плесовский 1968 – *Плесовский Ф.В.* Свадьба народа коми. Обряды и причитания. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1968.

ПЛО 1978 – *Бахтин В.С.* Песни Ленинградской области. Записи 1947-1977. Л.: Лениздат, 1978.

ПЛО 2005 – 50 русских народных песен Ленинградской области по материалам студенческих фольклорных экспедиций 60-70-х гг. СПб., 2005.

Поздеев 2010 – Вятские песни из архива РГО, записанные Н.А. Добротворским. Предисловие, публикация и примечания В. А. Поздеева // Живая старина. 2010. № 1. С. 52-55.

Померанцева 1979 – *Померанцева Э.В.* Русская сказка в устном репертуаре Коми // Советская этнография. 1979. № 6. С. 32-45.

Попов 1906 – Русские народные песни и свадебный обряд в д. Жуково Никольского у. Волог. губ. Зап. А. Попов // Труды музыкально-этнографической комиссии. 1906. Т. 1. С. 475-495.

Потебня 1989 – *Потебня А.А.* Слово и миф. М.: Правда, 1989.

ПП – Песни Печоры / Изд. подг. Н.П. Колпакова, Ф.В. Соколов, Б.М. Добровольский. М.; Л., 1963.

Прикамье 1982 – Русские народные песни Прикамья / Зап. Ф.В. Пономарева. Пермь, 1982.

Прилузский район 2006 – Прилузский район Республики Коми: взгляд в прошлое и современное / Авт.-сост. А.А. Сидорова. Киров: Кировская областная типография, 2006.

Причитанья Северного края 1997 – Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым / Изд. подг. Б.Е. Чистова, К.В. Чистов. СПб.: Наука, 1997.

Путилов 1994 – *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. СПб., 1994.

ПФМ – Песенный фольклор Мезени / Подг. Н.П. Колпакова, Б.М. Добровольский, В.В. Митрофанова, В.В. Коргузалов. Л., 1967.

Рассыхаев 2007 – *Рассыхаев А.Н.* Забытые собиратели фольклора коми (по материалам рукописей отдела фондов Национального музея РК) // Рябининские чтения-2007. Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. С. 379-381.

Рочев 1976 – НА Коми НЦ. Ф.5. Оп.2. Д.209 «а». Рочев Ю.Г. Материалы фольклорной экспедиции в Летку Прилузского района в 1976 г. Сыктывкар, 1976.

Рочев 1985 – *Рочев Ю.Г.* Национальная специфика коми преданий о чуди. Сыктывкар, 1985. 28 с. Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 124.

Рочев 1991 – *Рочев Ю.Г.* Шуточная песня коми и проблема ее бытования // Общее и особенное в жанрах коми фольклора и литературы. Сыктывкар, 1991. С. 24-33 (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 48).

РС I – Русская свадьба: в 2-х т. / Под ред. А.С. Каргина. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2000. Т. 1.

РС II – Русская свадьба: в 2-х т. / Под ред. А.С. Каргина. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2000. Т. 2.

Руднева 1977 – *Руднева А.* Песни Смоленской области, записанные от Е.К. Щеткиной. Песни Кировской области, напетые А.А. Кениной. М.: Советский композитор, 1977.

Русская свадьба 1985 – *Балашов Д.М.*, *Марченко Ю.И.*, *Калмыкова Н.И.* Русская свадьба. Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногорский р-он Вологодской области). М.: Современник, 1985.

Русская свадьба Заонежья 2001 – *Кузнецова В.П.*, *Логинов К.К.* Русская свадьба Заонежья (кон. XIX-XX вв.) Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2001.

Савваитов 1850 – Грамматика зырянского языка. Сочинение Павла Савваитова. СПб., 1850.

Савельева 1995 – *Савельева Г.С.* Песенно-игровой фольклор // Традиционный фольклор Вилегодского района Архангельской области (в записях 1986-1991 гг.). Исследования и материалы / Отв. ред. А.Н. Власов. Сыктывкар, 1995. С. 74-108.

Савельева 2003 – *Савельева Г.С.* Специфика бытования заимствованного песенного фольклора в коми традиционной культуре // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003»). Петрозаводск, 2003. С. 106-111.

Савельева 2004 – *Савельева Г.С.* Коми песенно-игровой фольклор праздничных молодежных собраний: Дис. … канд. филол. наук. Сыктывкар, 2004.

Савельева 2004а – *Савельева Г.С.* Коми песенно-игровой фольклор праздничных молодежных собраний: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Ижевск, 2004.

Савельева 2006 – *Савельева Г.С.* К вопросу специфики молодежной «женитьбы» (на материале песенно-игровой традиции коми) // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 9. Сб. научных статей по материалам конференции. М.: ГРЦРФ, 2006. С. 203-225.

Савельева 2006а – *Савельева Г.С.* Проблема поэтики коми припевочных песен (сьылӧдчан сьыланкыв) // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога: Материалы I Межрегиональной конференции и VII Международной школы молодого фольклориста. Ижевск, 23-26 октября 2005 г. / Отв. ред. В.М. Гацак, Т.Г. Владыкина. Ижевск: АНК, 2006. С. 148-154.

Савельева 2007 – *Савельева Г.С.* Песенный фольклор с. Прокопьевка Прилузского района: механизмы консервации иноэтнической традиции // Рябининские чтения-2007. Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 382-385.

Савельева 2007а – *Савельева Г.С.* Поэтика фольклорных заимствований: коми припевочные песни // Традиционная культура. 2007. № 4. С. 51-60.

Савельева, Мусанова 2009 – *Савельева Г.С.*, *Мусанова С.С.* Песенная терминология Летки Прилузского района Республики Коми // Слово и текст: история, культура, этнос: сборник научных трудов памяти Лидии Яковлевны Петровой. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2009. С. 170-176.

Савин 1985 – *Нёбдінса Виттор*. Мусюр сайын. Прозаа гижӧдъяс / Лӧсьӧдіс да примечаниеяссӧ гижис Г.И. Торлопов. Сыктывкар: Коми книж-ое изд-во, 1985. С. 44-72.

Свадебные песни Терского берега Белого моря – *Балашов Д.*, *Красовская Ю.* Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. Л.: Музыка, 1969.

Свадьба Карельского Поморья 1980 – Русская свадьба Карельского Поморья (в селах Колежме и Нюхче). Петрозаводск: Карелия, 1980.

Свадьба Сибири 1981 – Обрядовые песни русской свадьбы Сибири. Новосибирск: Наука, 1981.

Святочная поздравительная поэзия – Святочная поздравительная поэзия в Фольклорном архиве СыктГУ: систематический указатель / Сост. Т.С. Канева (отв.), И.И. Демченко. В печати.

Склярова 2012 – *Склярова Е.А.* Лирические песни села Вишкиль Котельнического района Кировской области // Вятский родник: сборник материалов одиннадцатой научно-практической конференции. Киров, 2012. С. 50-53.

Словарь коми-зырянских диалектов 1961 – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Сост. Т.И. Жилина, М.А. Сахарова, В.А. Сорвачева. Сыктывкар, 1961.

Соб. – Великорусские народные песни / Изд. А.И. Соболевский. СПб., 1895-1902. Т. 1-7.

Собрание Киреевского – Собрание народных песен П.В. Киреевского. Песни, записанные П.В. Киреевским в Московской, Тульской, Орловской, Калужской и Рязанской губерниях. Тула: Приокское книж-ное изд-во, 1986.

СОВК – Семейные обряды Вятского края / Сост. К.А. Балобанова, А.В. Волкова, А.А. Иванова, Е.В. Киевская, В.В. Кононова, Е.В. Логунова, С.Ю. Павленко, А.В. Шмелькова. М.: Котельнич, 2003.

Стародубцева 1999 – *Стародубцева С.В.* «Ох, роспечальное моё сердечко». Песни из репертуара Натальи Власовой. Ижевск, 1999.

Стародубцева 2001 – *Стародубцева С.В.* Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 2001.

Старообрядческий центр на Вашке – Старообрядческий центр на Вашке: Устная и письменная традиция Удоры: Материалы и исследования. Сыктывкар: изд-во Сыктывкарского ун-та, 2002.

Старцев 1926 – *Старцев Г.* Свадебные причитания зырян // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926.

Степанова 1983 – *Степанова А.С.* Русские заимствования в карельских плачах // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1983. С. 96-115.

Сурхаско 1981 – *Сурхаско Ю.Ю.* О русско-карельском этнокультурном взаимодействии (по материалам свадебной обрядности к. XIX-XX в.) // Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л.: Наука, 1981. С. 260-271.

СыктГУ. Власов – ФА СыктГУ. *Власов А.Н.* О традиционной культуре с. Прокопьевка. Машинопись.

Тимонина 2000 – Русский фольклор в межэтнических взаимодействиях и параллелях. Библиографический список публикаций (1991-1999) / Материал подготовила Н.Р. Тимонина // Традиционная культура. 2000. № 2. С. 75-80.

ТК 2010 – Конференция «Славянская традиционная культура и современный мир. Комплексные исследования традиционной культуры в постсоветский период» // Традиционная культура. 2010. № 3. С. 135-141.

Томское Приобье 1986 – Лирические песни Томского Приобья / Сост. А. Мехнецов. Л., 1986.

Топоров 1983 – *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227-284.

ТФВРАО – Традиционный фольклор Вилегодского района Архангельской области (в записях 1986-1991 гг.). Исследования и материалы. Сыктывкар, 1995.

ТФНО – Традиционный фольклор Новгородской области (по записям 1963-1976 гг.). Песни, причитания / Изд. подг. В.И. Жекулина, В.В. Коргузалов, М.А. Лобанов, В.В. Митрофанова. 1979.

Ульяновское Присурье I – Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь. М.: Индрик, 2012. Т. 1.

Ульяновское Присурье II – Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь. М.: Индрик, 2012. Т. 2.

Уотила 1989 – *Uotila T.E.* Syrjanische texte. Helsinki, 1989. B. III.

УП I – Устьянские песни / Сост. А. Мехнецов, Ю. Марченко, Е. Мельник. Вып. 1. Л., 1983.

УП II – Устьянские песни / Сост. А. Мехнецов, Ю. Марченко, Е. Мельник. Вып. 2. Л., 1984.

Усачева 1999 – *Усачева В.В.* Коса // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 615-618.

Филимонов 2011 – *Филимонов В.В.* Бытование русского фольклора у коми народа по материалам периодической печати XIX – начала XX вв. // Рябининские чтения-2011. Материалы VI конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 403-405.

Филиппова 1999 – *Филиппова В.В.* К вопросу о народной терминологии в традиционной культуре (на примере жанровой классификации коми фольклора) // Пермистика: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками (сборник статей). Сыктывкар, 1999. С. 180-185.

Филиппова 2006 – *Филиппова В.В.* Свое / чужое в традиционной культуре коми // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога: Материалы I Межрегиональной конференции и VII Международной школы молодого фольклориста. Ижевск, 23-26 октября 2005 г. / Отв. ред. В. М. Гацак, Т. Г. Владыкина. Ижевск: АНК, 2006. С. 179-182.

Фольклор старообрядцев Литвы – Фольклор старообрядцев Литвы. Народные песни. Частушки. Детский фольклор / Изд. подг. Ю. Новиков, Ю. Марченко, И. и Н. Захаровы. Вильнюс, 2010. Т. 3.

Фольклорный архив СыктГУ – Фольклорный архив Сыктывкарского университета: Опыт научного описания. Вып. 1. Песенный фольклор Печоры: Систематический указатель / Сост. Т.С. Канева (отв.), Н.Н. Николаева, О.Г. Шабанова. Под ред. А.Н. Власова. Сыктывкар, 2000.

ФРУ – Фольклор русского Устья. Л., 1986.

ХИПС – Хороводные и игровые песни Сибири / Сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников. Новосибирск: Наука, 1985.

Чердынская свадьба 1969 – Чердынская свадьба / Зап. и сост. И. Зырянов. Пермь, 1969.

Черных 2007 – *Черных А.В.* Народы Пермского края. Культура и этнография. Пермь: изд-во «Пушка», 2007 // Электронный ресурс: http://www.kaminski.ru/index.php/matertop/31-materkat/248-komi-perm-jubilee

Чисталев 1976 – *Чисталев П.И.* Русско-коми фольклорные музыкальные связи // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1976. С. 16-31 (Труды ИЯЛИ. Вып. 17).

Чисталев 1984 – Из выступлений на Всесоюзной научной конференции по координации собирательской работы и архивному хранению произведений русского народного творчества // Русский фольклор. Полевые исследования. Л.: Наука, 1984. Т. XXII. С. 158-160.

Чистов 1982 – *Чистов К.В.* Причитания у славянских и финно-угорских народов (некоторые итоги и проблемы) // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 101-114.

Шевченко 2000 – *Шевченко Е.А*. Корильные песни сватье в Лузском районе Кировской области // Традиционная культура. 2000. № 2. С. 93.

Шевченко 2006 – *Шевченко Е.А*. К проблеме формирования фольклорной традиции Прилузья (на примере свадебной лирики) // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога: Материалы I Межрегиональной конференции и VII Международной школы молодого фольклориста. Ижевск, 23-26 октября 2005 г. / Отв. ред. В.М. Гацак, Т.Г. Владыкина. Ижевск: АНК, 2006. Ижевск, 2006. С.182-185.

Шевченко 2009 – *Шевченко Е.А*. Отражение взаимодействия культур в структуре и семантике свадебного обряда (на материале лузской и прилузской традиции) // Слово и текст: история, культура, этнос. Сборник научных трудов памяти Лидии Яковлевны Петровой. Сыктывкар, 2009. С. 229-237.

Шевченко 2010 – *Шевченко Е.А*. Свадебный обряд Лузского района Кировской области (функциональные аспекты поэтических жанров). Сыктывкар, 2010.

Шёгрен – Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 9. Географическое описание Ношульской пристани / Manuscripta A. Sjagreni. Л. 114-138.

Шергина 1984 – *Шергина А.А*. Национальное своеобразие коми народной песенности в сравнении с русским музыкальным фольклором. Сыктывкар, 1984.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агапкина Т.А. Сюжетный состав восточнославянских заговоров (мотив мифологического центра) // Заговорный текст. Генезис и структура. М.: Индрик, 2005. С. 247-292.
2. Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; ЗАО ТИД «Амфора», 2004.
3. Айбабина Е.А. Коми и русские: отражение контактирования народов в фактах коми языка // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов. Сыктывкар, 2005. С. 42-45.
4. Аничков Е.В. Песня // Народная словесность / Под ред. Аничкова Е.В., Бороздина А.К., Овсянико-Куликовского А.Н. М., 2002.
5. Астахова А.М. Импровизация в русском фольклоре (Ее формы и границы в разных жанрах) // Русский фольклор. М.; Л., 1966. Т. X. С. 71-78.
6. Байбурин А.К. Причитания: Текст и контекст // Artes popoulares. T.14. Budapest, 1985. С. 59-77.
7. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.
8. Бернштам Т.А. Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье в XIX – начале XX в. // Русский народный свадебный обряд (исследования и материалы) / Под ред. К.В. Чистова и Т.А. Бернштам. Л.: Наука, 1978. С. 48-71.
9. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX века: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1991.
10. Бернштам Т.А. Обряд “расставание с красотой” (К семантике некоторых элементов материальной культуры в восточнославянском свадебном обряде) // Памятники культуры народов Европы и европейской части СССР (Сб. МАЭ. Т. XXXVIII) / Под ред. Т. В. Станюкович. Л., 1982. С. 43-66.
11. Бернштам Т.А. Свадебный плач в обрядовой культуре восточных славян (XIX -XX в.) // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л.: Наука, 1986. С. 82-100.
12. Бернштам Т.А. Совершеннолетие девушки в метафорах игрового фольклора (традиционный аспект русской культуры) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. М., 1991. С. 234-257.
13. Бойко Ю.И. Лузско-летские коми: коллективные номинации и культурные границы // Европейский Север: локальные группы и этнические границы. Сыктывкар, 2012. С. 122-132. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 71).
14. Бойко Ю.И. Традиционная культура прилузских коми (конец XIX – первая половина XX вв.). Дис. … канд. истор. наук. Сыктывкар, 2011.
15. Бойко Ю.И. Традиционная культура прилузских коми (конец XIX – первая половина XX вв.): Автореф. дис. … канд. истор. наук. Сыктывкар, 2011.
16. Бунчук Т.Н. Коми трудовые песни и причитания как разновидность Текстов Vita herbae et rei // Народная культура Европейского Севера России: региональные

аспекты изучения. Сборник научных трудов к 10-летию кафедры фольклора и истории книги. Сыктывкар, 2006. С. 113-126.

17. Бунчук Т.Н., Шевченко Е.А. Некоторые особенности похоронно-поминальной обрядности прилузских коми // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 10. Сб. научных статей по материалам конференции. М.: ГРЦРФ, 2007. С. 188-198.
18. Бунчук Т.Н., Шевченко Е.А. Рассказы о колдунах в традиции с. Ношуль Прилузского района Республики Коми (по записям фольклорной экспедиции СыктГУ 2004 г.) // Актуальные проблемы полевой фольклористики: Сб. науч. тр. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2008. Вып. 4. С. 179-189.
19. Вершинина Е.Б. Этнокультурные зоны европейской части России: восточнославянская и финно-угорская (сквозь призму этномузыкологии) // Вятский родник: Сборник материалов десятой научно-практической конференции. Киров, 2010. С. 20-27.
20. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л., 1940.
21. Веселовский А.Н. Лорренские сказки // Веселовский А.Н. Собрание сочинений. М.; Л., 1938. Т. 16. С. 212-231.
22. Владыкина Т.Г. О финно-угорском и славянском в исторической динамике фольклорного пространства России // Народные культуры Русского Севера. Фольклорный энтитет этноса. Вып. 2: Материалы российско-финского симпозиума (Архангельск, 20-22 ноября 2003 года) / Отв. ред. В.М. Гацак, Н.В. Дранникова. Архангельск: Поморский ун-тет, 2004. С. 25-32.
23. Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики: Монография. Ижевск: Удмуртский ИЯЛИ УрО РАН, 1997.
24. Власов А.Н. Проблема двуязычия в традиционной народной культуре на территории Коми республики (по материалам фольклорных экспедиций Сыктывкарского университета) // Духовная культура: история и тенденции развития. Тезисы докладов. 1-5 июня 1992. Сыктывкар, 1992. Ч. 1. С. 81-85.
25. Власов А.Н. Проблема фольклорного двуязычия: коми-русские связи // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога: Материалы I Межрегиональной конференции и VII Международной школы молодого фольклориста. Ижевск, 23-26 октября 2005 г. / Отв. ред. В.М. Гацак, Т.Г. Владыкина. Ижевск: АНК, 2006. С. 5-12.
26. Власов А.Н., Канева Т.С. Фольклорные традиции Европейского Северо-Востока России: полевые исследования СыктГУ // Актуальные проблемы полевой фольклористики: Сборник научных трудов. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2008. С. 60-73.
27. Власов А.Н., Филиппова В.В. Фольклорное двуязычие в традиционной культуре коми // Традиционная культура: Науч. альманах. 2000. № 2. С. 87-89.
28. Вятские песни из архива РГО, записанные Н.А. Добротворским. Предисловие, публикация и примечания В.А. Поздеева // Живая старина. 2010. № 1. С. 52-55.
29. Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: «Восточная литература» РАН, 1999.

30. Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012.
31. Гура А.В. Воля // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 428-430.
32. Гура А.В. Канун свадьбы // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 454-457.
33. Гура А.В. Красота, краса // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 651.
34. Гура А.В. Опыт выявления структуры севернорусского свадебного обряда (по материалам Вологодской губ.) // Русский народный свадебный обряд (исследования и материалы) / Под ред. К.В. Чистова и Т.А. Бернштам. Л.: Наука, 1978. С. 72-88.
35. Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы: исследования и материалы / Сост. Т.И. Дронова, Т.С. Канева. Сыктывкар, 2008.
36. Дианова Т.Б. Логика обрядового перехода: к вопросу об эволюции необрядовой лирики // Традиционная культура. 2007. № 4. С. 30-39.
37. Дмитриева С.И. Русско-финно-угорские связи (по материалам севернорусского фольклора) // Русский фольклор. Т. XXVII: Межэтнические фольклорные связи. СПб.: Наука, 1993. С. 136-147.
38. Добровольская В.Е., Алексеевский М.Д. Конференция «Славянская традиционная культура и современный мир. Комплексные исследования традиционной культуры в постсоветский период» // Традиционная культура: Науч. альманах. 2010. № 3. С. 135-141.
39. Дукарт Н.И. Святочная обрядность коми конца XIX – начала XX вв. // Традиционная культура и быт народа коми. Сыктывкар, 1978. С. 91-103 (Труды ИЯЛИ; Вып. 20).
40. Дуркина Л. Петр Сухогузов. Исследования на Северо-Востоке Европейской России в XVI-XVIII веках (Глава из рукописи) // Дым Отечества 1998-1999 / Автор-сост. А.Н. Сивкова. Сыктывкар, 2007. С. 429-433.
41. Еремина В.И. Классификация народной лирической песни в советской фольклористике // Русский фольклор. Проблема свода русского фольклора. Л., 1977. Т. XVII. С. 107-119.
42. Еремина В.И. Поэтический строй русской народной лирики. Л., 1978.
43. Еремина В.И. Ритуал и фольклор. Л., 1991.
44. Еремина В.И. Специфика художественного образа в песнях земледельческого календаря // Русский фольклор. Проблемы художественной формы. Л., 1974. Т. XIV. С. 61-73.
45. Ершова Л.Л. Свадебные песни с комментирующей функцией (на материале северных районов Кировской области) // Духовная культура финно-угорских народов России: Материалы Всероссийской научной конференции к 80-летию А.К. Микушева (1-3 ноября 2006 г., г. Сыктывкар) / Отв. ред. Канева Т.С. Сыктывкар: ООО «Изд-во «Кола», 2007. С. 40-43.

46. Ефименкова Б.Б. Восточнославянская свадьба и ее музыкальное наполнение: введение в проблематику. М.: РАМ им. Гнесиных, 2008.

47. Ефименкова Б.Б. Севернорусская причеть. М., 1980.

48. Жекулина В.И. Песня «Из-за гор-то, гор высоких, из-за лесу, лесу темного» в новгородском свадебном обряде // Лирическое стихотворение: анализ и разборы. Л., 1974. С. 128-146.

49. Жеребцов И.Л. Где ты живешь: Населенные пункты Республики Коми. Историко-демографический справочник. Сыктывкар, 1994.

50. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М.: Наука, 1982.

51. Жеребцов Л.Н. Расселение коми в XV-XIX вв. Сыктывкар, 1972.

52. Жилина Т.И. Лузско-летский диалект коми языка. М.: Наука, 1985.

53. Жилина Т.И. О говоре села Слудка // Историко-филологический сборник. Сыктывкар: Коми книж-ное изд-во, 1956. Вып. III. С. 79-86.

54. Жуланова Н.И. Многоствольные флейты в традиционной культуре коми-пермяков. М.: Издательский Дом «Композитор», 2008.

55. Зайцева М., Муллонен М. Образцы вепсской речи. Л., 1969.

56. Зеленин Д.К. Избранные статьи. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М.: «Индрик», 1995.

57. Золотова Т.А. Русские таусеневые песни Поволжья и их финно-угорские параллели // Традиционная культура: Науч. альманах. М., 2000. № 2. С. 62-66.

58. Золотова Т.А. Таусеневые песни русских Поволжья: региональное своеобразие и межэтнические связи: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 1998.

59. Иванова А.А. Этническое самосознание как фактор межэтнических культурных взаимодействий // Традиционная культура: Науч. альманах. 2000. № 2. С. 55-61.

60. Из выступлений на Всесоюзной научной конференции по координации собирательской работы и архивному хранению произведений русского народного творчества // Русский фольклор. Полевые исследования. Л.: Наука, 1984. Т. XXII. С. 158-160.

61. Ильина И.В., Уляшев О.И. Мужчина и женщина в традиционной культуре коми. Сыктывкар, 2009.

62. Калашникова Р.Б. Бесёды и бесёдные песни Заонежья второй половины XIX века. Петрозаводск: изд-во Петрозаводского госуд-ного ун-та, 1999.

63. Калуцков В.Н., Иванова А.А. Географические песни в традиционном культурном ландшафте России. М., 2006.

64. Канева Т.С. «Поэтический инвентарь» песенного сюжета в контексте местной традиции // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 9. Сборник материалов научно-практической конференции. М.: ГРЦРФ, 2002. С. 25-32.

65. Канева Т.С. Краеведческие материалы П. Г. Сухогузова в контексте изучения фольклорной традиции села Прокопьевка Республики Коми // Славянская

традиционная культура и современный мир. Личность в фольклоре: исполнитель, мастер, собиратель, исследователь. Сборник научных статей. М.: ГРЦРФ, 2008. Вып. 11. С. 260-266.

66. Канева Т.С. Нижневычегодский песенно-игровой фольклор в материалах Фольклорного архива Сыктывкарского университета // Культурное наследие Русского Севера: память и интерпретации: к 90-летию Сольвычегодского историко-художественного музея. СПб., 2009. С. 19-30.
67. Канева Т.С. Песенно-игровой фольклор Усть-Цилемского района Республики Коми: Дис. … канд. филол. наук. СПб., 1998.
68. Канева Т.С. Репертуар усть-цилемских святочных гаданий: опыт представления архивных записей // Труды конференции «Покровские дни» (Н. Новгород, 10-11 октября 2009 г.). Н. Новгород, 2009-2010. Вып. 1. С. 34-61.
69. Канева Т.С. Тема «гуляния» в усть-цилемском песенно-игровом фольклоре (к вопросу о логике хороводного текста) // Этнопоэтика и традиция: К 70-летию чл.-корр. РАН В.М. Гацака / Отв. ред. В.А. Бахтина. М.: Наука, 2004. С. 157-165.
70. Канева Т.С. Усть-Цилемская вечёрка и «вечёрочный» фольклор (О некоторых особенностях местной традиции) // Старообрядчество: история, культура, современность. С. 78-82.
71. Канева Т.С. Фольклорная традиция Усть-Цильмы. Отдельные аспекты характеристики локальной традиции: уч. пособие по спецкурсу. Сыктывкар, 2002.
72. Канева Т.С., Филиппова В.В., Шевченко Е.А. Фольклорные экспедиции Сыктывкарского государственного университета (2000-е гг.). // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2008. Т. XXXII. С. 502-509.
73. Климас И.С. Лексика севернорусских лирических песен как отражение народной аксиологии // Традиционная культура: Науч. альманах. 2004. № 3. С. 22-31.
74. Колесницкая И.М. Простейшие типы русских народных свадебных песен // Русский народный свадебный обряд (исследования и материалы) / Под ред. К.В. Чистова и Т.А. Бернштам. Л.: Наука, 1978. С. 106-121.
75. Колесницкая И.М., Телегина Л.М. Коса и красота в свадебном фольклоре восточных славян // Фольклор и этнография: связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 112-123.
76. Колпакова Н.П. Восточнославянская лирическая песня (Сравнительный анализ поэтики) // Русский фольклор. М.; Л., 1968. Т. XI. С. 102-112.
77. Колпакова Н.П. Крестьянские бытовые величальные песни // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.; Л., 1959. Т. IV. С. 54-79.
78. Колпакова Н.П. Опыт классификации традиционной крестьянской бытовой песни // Русский фольклор. М.; Л., 1960. Т. 5. С. 167-187.
79. Колпакова Н.П. Русская народная бытовая песня. М.; Л., 1962.
80. Коми язык. Энциклопедия / Отв. ред. Г.В. Федюнёва. М.: изд-во ДИК, 1998.
81. Коми-русский словарь / Сост. Д.А. Тимушев, Н.А. Колегова; под ред. В.И. Лыткина. М., 1961.

82. Конкка У.С. Имя, волосы и белая воля невесты – главные объекты оплакивания в карельских свадебных плачах // Фольклористика Карелии. Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1978. С. 71-94.

83. Королькова И.В. Лирические песни в традиционной культуре Северо-Запада России. М.: ГРЦРФ, 2010.

84. Королькова И.В. Особенности бытования лирических песен в локальных традициях Русского Севера (к проблеме межэтнических контактов) // Рябининские чтения-2012. Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2011. С. 297-301.

85. Королькова И.В. Свадебные песни и причитания центральных районов Кировской области // Вятский родник: Сборник материалов десятой научно-практической конференции. Киров, 2010. С. 13-19.

86. Косарев М. Ильин день в с. Ношульском // Русский дневник. 1859. № 65.

87. Косарев М. Обычаи ношульских зырян // Арт. 2010. № 3. С. 106-107.

88. Косарев М. Обычаи ношульских зырян // Вятские губернские ведомости. 1856. № 49. С. 297-299.

89. Косарев М.С. Обычаи ношульских зырян // Вологодские губернские ведомости. 1857. № 16. С. 93-95.

90. Косарев М.С. Обычаи ношульских зырян // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / Сост., вступ. ст. В.А. Лимеровой. Сыктывкар: ООО «Издательство “Кола”», 2010. С. 319-321.

91. Кравцов Н.И. Проблема традиции и вариантов в лирических бытовых песнях // Традиции русского фольклора. М., 1986. С. 193-204.

92. Краснопольская Т.В. Жанры «традиционной импровизации» в записях А.К. Микушева и П.И. Чисталева // Духовная культура финно-угорских народов России. Материалы Всероссийской научной конференции к 80-летию Анатолия Константиновича Микушева (1-3 ноября 2006 г., г. Сыктывкар) / Отв. ред. Канева Т. С. Сыктывкар: ООО «Издательство “Кола”», 2007. С. 63-66.

93. Краснопольская Т.В. Певческая культура народов Карелии: статьи и очерки. Петрозаводск: ПетрГУ, 2007. Электронный ресурс: http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=6750

94. Крашенинникова Ю.А. Записи свадебных приговоров и диалогов в локальных традициях Республики Коми // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога: Материалы I Межрегиональной конференции и VII Международной школы молодого фольклориста. Ижевск, 23-26 октября 2005 г. / Отв. ред. В.М. Гацак, Т.Г. Владыкина. Ижевск: АНК, 2006. С. 100-105.

95. Крашенинникова Ю.А. Обзор материалов вятского архива по традиционной культуре южных коми // Вятский родник: Сборник материалов научно-практической конференции. Киров, 2007. Вып. 8. С. 55-59.

96. Крашенинникова Ю.А. Свадебные приговоры дружки (структурно-семантический, функциональный аспекты жанра). Автореф. дис. … канд. филол. н. Ижевск, 2003.

97. Крашенинникова Ю.А. Свадебные приговоры и диалоги Прилузского района Республики Коми (по экспедиционным материалам второй половины XX- XXI в.) //

Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 10. Сб. научных статей по материалам конференции. М.: ГРЦРФ, 2007. С. 33-50.

98. Круглов Ю.Г. Вопросы классификации и публикации русского свадебного фольклора // Русский фольклор. М.; Л., 1977. Т. 17. С. 85-98.

99. Круглов Ю.Г. Русские обрядовые песни: учеб. пособие для вузов. М., 1989.

100. Кудряшова В.М. А.К. Микушев – фольклорист-полевик // Духовная культура финно-угорских народов России. Материалы Всероссийской научной конференции к 80-летию Анатолия Константиновича Микушева (1-3 ноября 2006 г., г. Сыктывкар) / Отв. ред. Т.С. Канева. Сыктывкар: ООО «Издательство “Кола”», 2007. С. 69-71.

101. Кузнецова В.П. Причитания в северно-русском свадебном обряде. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1993.

102. Лапин В.А. Вепсы и русские в музыкально-фольклорных традициях Северо-Запада // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989.

103. Лапин В.А. Воля – групповое голошение в лужско-шелонской свадебной традиции // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л.: Наука, 1986. С. 101-115.

104. Лапин В.А. Групповая свадебная причеть: вид, жанр или жанровая разновидность? (доклад на Конгрессе фольклористов).

105. Лапин В.А. Историческая проблематика русского музыкального фольклора: Автореф. дис. … д-ра. искусствоведения. СПб., 1999.

106. Лапин В.А. Русская песня у вепсов (К вопросу о генезисе народного музыкального мышления) // Музыкальное наследие финно-угорских народов / Сост. и ред. И. Рюйтель. Таллин: Эхти Раамат, 1977. С. 183-215.

107. Лапин В.А. Русский дружка – naitaa на вепсской свадьбе (к проблеме фольклорного двуязычия) // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Сыктывкар, 2005. С. 266-271.

108. Лапин В.А. Русскоязычная причеть Обонежья – этнокультурный феномен // Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры «Рябининские чтения-95». Сборник докладов. Петрозаводск, 1997. С. 113-123.

109. Лимеров П.Ф. Мифология загробного мира. Сыктывкар, 1998.

110. Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики (Исследование по эстетике устно-поэтического канона) / Отв. ред. А.Ф. Некрылова. СПб., 1989.

111. Марченко Ю.И. Замечания о напевах вологодских причитаний // Русский фольклор. Проблемы текстологии фольклора. Л., 1991. Т. XXVI. С. 189-202.

112. Мезенская традиционная свадьба в записи М.Н. Мякушина / Подг. и коммент. Е.И. Якубовской // Из истории русской фольклористики. СПб.: Наука, 2006. Вып. 6. С. 335-419.

113. Микушев А.К. Из истории русской науки о коми народной поэзии (по материалам фондов А.М. Шёгрена и П.И. Савваитова) // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.; Л., 1959. Т. IV. С. 230-239.

114. Микушев А.К. Коми йӧзкостса творчество (устнӧй проза) (Коми народное творчество (устная проза)): Уч. пособие. Сыктывкар, 1992.

115. Микушев А.К. Песенное творчество народа коми. Сыктывкар: Коми книж-ое изд-во, 1956.

116. Микушев А.К. Эпические формы коми фольклора. Л.: Наука, 1973.

117. Микушев А.К., Плесовский Ф.В. Причитания // История коми литературы. Фольклор. Сыктывкар, 1979. Т. 1. Гл. 4. С. 42-68.

118. Миронова В.П. Карельские лирические песни (К вопросу об особенностях бытования песенной традиции у южных карелов) // Народная культура в слове и тексте: Сборник исследований и материалов памяти Валентины Викторовны Филипповой. Сыктывкар, 2013. С. 137-143.

119. Миронова В.П. Сюжет о сватовстве в мифической стране Хийтола в контексте карельской эпической традиции. Дис. … канд. филол. наук. Петрозаводск, 2011.

120. Мордовское устное народное творчество: учебное пособие. Саранск, 1987.

121. Морозов И.А. Женитьба добра молодца. Происхождение и типология традиционных молодежных развлечений с символикой «свадьбы» / «женитьбы». М.: Лабиринт, 1998.

122. Морозов И.А., Слепцова И.С. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX-XX вв.). М.: Индрик, 2004.

123. Музыкальная культура Русского Севера в научном наследии Б.Б. Ефименковой: к 80-летию со дня рождения ученого. М.: Музыка, 2012.

124. Надеждин Н.И. Народная поэзия у зырян // В дебрях Севера. Русские писатели XVIII – XIX веков о земле Коми / Сост., вступ. ст. З.Я. Немшиловой. Сыктывкар, 1983. С. 68-69.

125. Нёбдінса Виттор (Савин В.А.). Мусюр сайын. Прозаа гижӧдъяс / Лӧсьӧдіс да примечаниеяссӧ гижис Г.И. Торлопов (За лесным холмом. Прозаические очерки / Подготовил и составил примечания Г.И. Торлопов). Сыктывкар: Коми книж-ое изд-во, 1985. С. 44-72.

126. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.

127. Новикова А.М. О строфической композиции традиционных лирических песен // Русский фольклор. Л., 1971. Т. 12. С. 47-54.

128. Окунева Т.В. Удмуртская свадьба как текст: Автореф. дис. … канд. филол. н. Казань, 2012.

129. Орнатская Т.И. Причитания русской фольклорной традиции. Л., 1969.

130. Орнатская Т.И. Русская песня на Вашке // Историко-филологический сборник. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1963. Вып. VIII. С. 161-173.

131. Очерки крестьянских игр в Сольвычегодском у. Вологодской губ. // Вологодские губернские ведомости. 1883. № 14. С. 9-10.

132. Панюков А.В. Динамика развития коми фольклорных традиций в контексте теории самоорганизации. Сыктывкар, 2009.

133. Панюков А.В. К проблеме «коми язык и язык коми»: «Кыдъя роч» // Финно-угорские народы: Проблемы этнической и языковой идентификации / Тезисы докладов и выступлений на международной конференции. Сыктывкар, 1999. С. 51-53.

134. Панюков А.В. Коми и русские: диссипативные механизмы в системе фольклорных заимствований // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы (сборник статей). Сыктывкар, 2000. С. 418-421.

135. Панюков А.В. *Роч* ‘русский’ в коми традиционной картине мира // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003»). Петрозаводск, 2003. С. 216-218.

136. Петрова А.А. Фольклорная рифма: структура, семантика, прагматика // Славянская традиционная культура и современный мир. Сборник материалов научной конференции. М., 2006. Вып. 9. С. 128-140.

137. Письма составителей первого русско-коми словаря академику А. Шёгрену / Подг. к публ. письма Marja Leinonen (Хельсинки, Финляндия) // Арт. 2009. № 3. С. 109-126.

138. Плесовский Ф.В. Свадьба народа коми. Обряды и причитания. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1968.

139. Померанцева Э.В. Русская сказка в устном репертуаре Коми // Советская этнография. 1979. № 6. С. 32-45.

140. Потебня А.А. Переправа через воду как представление брака // Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989.

141. Прилузский район Республики Коми: взгляд в прошлое и современное / Авт.-сост. А.А. Сидорова. Киров: Кировская областная типография, 2006.

142. Пропп В.Я. Жанровый состав русского фольклора // Русская литература. 1964. № 4. С. 58-76.

143. Пропп В.Я. Принципы классификации фольклорных жанров // Советская этнография. 1964. № 4. С. 147-154.

144. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994.

145. Пчеловодова И.В. Удмуртская песенная лирика: композиционные особенности поэтических текстов // Традиционная культура в изменяющемся мире: Материалы VIII Международной школы молодого фольклориста «Традиционная культура в изменяющемся мире» и семинара «Пермистика: язык и стиль фольклора» (Ижевск, 19-21 июня, 12-13, 15 ноября 2009 г.) / Отв. редакторы Т.Г. Владыкина, В.М. Гацак: УИИЯЛ УрО РАН, Ижевск, 2009. 190-204.

146. Рассыхаев А.Н. Забытые собиратели фольклора коми (по материалам рукописей отдела фондов Национального музея Республики Коми) // Рябининские чтения-2007. Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 379-381.

147. Рогачевская Е.М. Проблема изучения художественной специфики хороводных игр // Советская этнография. 1980. № 5. С. 113-120.

148. Рочев Ю.Г. Национальная специфика коми преданий о чуди. Сыктывкар, 1985. 28 с. Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 124.

149. Рочев Ю.Г. Импровизация в коми народной лирике // Жанровое развитие коми фольклора и литературы на современном этапе. Сыктывкар, 1988. С. 17-21 (Тр. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 45).

150. Рочев Ю.Г. Шуточная песня коми и проблема ее бытования // Общее и особенное в жанрах коми фольклора и литературы. Сыктывкар, 1991. С. 24-33 (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 48).

151. Русский фольклор в межэтнических взаимодействиях и параллелях. Библиографический список публикаций (1991-1999) / Материал подг. Н.Р. Тимонина // Традиционная культура. 2000. № 2. С. 75-80.

152. Рыбакова Л.В. Мифологические и обрядовые связи русских народных необрядовых песен. Дис. … канд. истор. н. Л., 1984.

153. Савельева Г.С. К вопросу специфики молодежной «женитьбы» (на материале песенно-игровой традиции коми) // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 9. Сб. научных статей по материалам конференции. М.: ГРЦРФ, 2006. С. 203-225.

154. Савельева Г.С. Коми песенно-игровой фольклор праздничных молодежных собраний: Дис. … канд. филол. наук. Сыктывкар, 2004.

155. Савельева Г.С. Коми песенно-игровой фольклор праздничных молодежных собраний: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Ижевск, 2004.

156. Савельева Г.С. Корильные мотивы в коми песенно-игровом фольклоре // Духовная культура финно-угорских народов России: Материалы Всероссийской научной конференции к 80-летию А.К. Микушева (1-3 ноября 2006 г., г. Сыктывкар) / Отв. ред. Канева Т.С. Сыктывкар: ООО «Изд-во «Кола», 2007. С. 108-113.

157. Савельева Г.С. Песенно-игровой фольклор // Традиционный фольклор Вилегодского района Архангельской области (в записях 1986-1991 гг.). Исследования и материалы / Отв. ред. А.Н. Власов. Сыктывкар, 1995. С. 74-108.

158. Савельева Г.С. Песенный фольклор с. Прокопьевка Прилузского района: механизмы консервации иноэтнической традиции // Рябининские чтения-2007. Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 382-385.

159. Савельева Г.С. Поэтика фольклорных заимствований: коми припевочные песни // Традиционная культура. 2007. № 4. С. 51-60.

160. Савельева Г.С. Праздничные молодежные собрания // Вымская земля – родина Питирима Сорокина. Очерки истории и культуры / Сост. Э.А. Савельева. Сыктывкар, 2011. С. 322-343.

161. Савельева Г.С. Проблема поэтики коми припевочных песен (сьылӧдчан сьыланкыв) // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога: Материалы I Межрегиональной конференции и

VII Международной школы молодого фольклориста. Ижевск, 23-26 октября 2005 г. / Отв. ред. В.М. Гацак, Т.Г. Владыкина. Ижевск: АНК, 2006. С. 148-154.

162. Савельева Г.С. Специфика бытования заимствованного песенного фольклора в коми традиционной культуре // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003»). Петрозаводск, 2003. С. 106-111.

163. Савельева Г.С., Мусанова С.С. Песенная терминология Летки Прилузского района Республики Коми // Слово и текст: история, культура, этнос: сборник научных трудов памяти Лидии Яковлевны Петровой. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2009. С. 170-176.

164. Самоделова Е.А. Свадебный плач: сопоставление севернорусской и среднерусской традиций и особенности исполнения // Palaeoslavica. XVII. 2009. № 1. С. 149-164.

165. Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка / Под ред. В. И. Лыткина. М., 1931. Вып. 2.

166. Святочная поздравительная поэзия в Фольклорном архиве СыктГУ: систематический указатель / Сост. Т.С. Канева (отв.), И.И. Демченко. В печати.

167. Семенов В.А. Традиционная духовная культура коми-зырян: ритуал и символ. Сыктывкар, 1991.

168. Семенов В.А. Традиционная семейная обрядность народов Европейского Севера: к реконструкции мифопоэтических представлений коми-зырян. СПб., 1992.

169. Смирнов Ю.И. Местные традиции. Уровни опознания местного // Локальная специфика и жанровые формы фольклора / Под ред. Араевой А.А., Волчека В.А., Лутовиновой Е.И., Ходанен Л.А. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1992. С. 3-8.

170. Смирнов Ю.И. Русский фольклор и иные фольклорные традиции (типология отношений) // Русский фольклор в иноэтнической среде. Изучение и собирание: материалы к конференции. М., 1991. С. 21-24.

171. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Сост. Т.И. Жилина, М.А. Сахарова, В.А. Сорвачева. Сыктывкар, 1961.

172. Старообрядческий центр на Вашке: Устная и письменная традиция Удоры: Материалы и исследования. Сыктывкар: изд-во Сыктывкарского ун-та, 2002.

173. Старцев Г. Свадебные причитания зырян // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926. С. 199-217.

174. Степанова А.С. Русские заимствования в карельских плачах // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1983. С. 96-115.

175. Суров Н. Перекрестки Петра Сухогузова // Дым Отечества 1998-1999 / Автор-сост. А.Н. Сивкова. Сыктывкар, 2007. С. 429-433.

176. Сурхаско Ю.Ю. О русско-карельском этнокультурном взаимодействии (по материалам свадебной обрядности к. XIX-XX в.) // Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л.: Наука, 1981. С. 260-271.

177. Сухогузов П.Г. Легенды и действительность (очерки развития географических знаний о Севере и Коми крае с древнейших времен до начала XX века). Сыктывкар, 2000.

178. Толстая С.М. Мотив расставания с волей / красотой в северно-русской свадебной причети: поэтика и мифология // «Уведи меня, дорога»: Сборник статей памяти Т.А. Бернштам / Под ред. Н.Е. Мазаловой, И.Ю. Винокуровой, В.А. Лапина, О.М. Фишман. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 151-160.

179. Толстая С.М. Полесский народный календарь: Материалы к этнодиалектному словарю: К-П // Славянский и балканский фольклор. М., 1986. С. 178-242.

180. Топоров В.Н. Мост // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1988.

181. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227-284.

182. Традиционная культура народа коми. Этнографические очерки. Сыктывкар, 1994.

183. Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь. М.: Индрик, 2012. Т. 1, 2.

184. Традиционный народный коми календарь. Материалы. Сыктывкар, 2002.

185. Усачева В.В. Коса // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 615-618.

186. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.

187. Уткина И.М. Национальный головной убор // Родники Пармы. Научно-популярный сборник. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1990. С. 176-179.

188. ФА СыктГУ. Власов А.Н. О традиционной культуре с. Прокопьевка. Машинопись.

189. Федорова В.П. Особый тип припева в необрядовых лирических песнях // Русский фольклор. Поэтика русского фольклора. Л.: Наука, 1981. Т. XXI. С. 36-48.

190. Филимонов В.В. Бытование русского фольклора у коми народа по материалам периодической печати XIX – начала XX вв. // Рябининские чтения-2011. Материалы VI конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 403-405.

191. Филиппова В.В. К вопросу о народной терминологии в традиционной культуре (на примере жанровой классификации коми фольклора) // Пермистика: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками (сборник статей). Сыктывкар, 1999. С. 180-185.

192. Филиппова В.В. Причитание в контексте обрядовой поэзии // Фольклористика коми. Сыктывкар, 2002. С. 61-72. (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН; Вып. 63).

193. Филиппова В.В. Свое / чужое в традиционной культуре коми // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога: Материалы I Межрегиональной конференции и VII Международной школы молодого фольклориста. Ижевск, 23-26 октября 2005 г. / Отв. ред. В. М. Гацак, Т. Г. Владыкина. Ижевск: АНК, 2006. С. 179-182.

194. Филиппова В.В., Лимерова В.А. Научная деятельность А.К. Микушева // Духовная культура финно-угорских народов России. Материалы Всероссийской научной конференции к 80-летию Анатолия Константиновича Микушева (1-3 ноября 2006 г., г. Сыктывкар) / Отв. ред. Канева Т. С. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2007. С. 7-13.

195. Фольклорный архив Сыктывкарского университета: Опыт научного описания. Вып. 1. Песенный фольклор Печоры: Систематический указатель / Сост. Т.С. Канева (отв.), Н.Н. Николаева, О.Г. Шабанова. Под ред. А.Н. Власова. Сыктывкар, 2000.

196. Хроленко А.Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж, 1992.

197. Черных А.В. Народы Пермского края. Культура и этнография. Пермь: изд-во «Пушка», 2007 // Электронный ресурс: http://www.kaminski.ru/index.php/matertop/31-materkat/248-komi-perm-jubilee

198. Чисталев П.И. Музыкальная культура коми // Зырянский мир: Очерки о традиционной культуре коми народа. Сыктывкар, 2004. С. 349-362.

199. Чисталев П.И. Русско-коми фольклорные музыкальные связи // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1976. Вып. 17. С. 16-31 (Труды ИЯЛИ. Вып. 17).

200. Чистов К.В. Причитания у славянских и финно-угорских народов (некоторые итоги и проблемы) // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 101-114.

201. Шевченко Е.А. Исторические и культурные корни фольклорной традиции Лузы (к постановке проблемы) // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера: Межвуз. сборник научных трудов. Сыктывкар, 1997. С. 200-208.

202. Шевченко Е.А. К проблеме формирования фольклорной традиции Прилузья (на примере свадебной лирики) // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога: Материалы I Межрегиональной конференции и VII Международной школы молодого фольклориста. Ижевск, 23-26 октября 2005 г. / Отв. ред. В.М. Гацак, Т.Г. Владыкина. Ижевск: АНК, 2006. С. 182-185.

203. Шевченко Е.А. Отражение взаимодействия культур в структуре и семантике свадебного обряда (на материале лузской и прилузской традиции) // Слово и текст: история, культура, этнос. Сборник научных трудов памяти Лидии Яковлевны Петровой. Сыктывкар, 2009. С. 229-237.

204. Шевченко Е.А. Свадебный обряд Лузского района Кировской области (функциональные аспекты поэтических жанров). Сыктывкар, 2010.

205. Шенталинская Т.С. Марковский песенник // Традиционная культура. 2013. № 2. С. 160-178.

206. Шергина А.А. Национальное своеобразие коми народной песенности в сравнении с русским музыкальным фольклором. Сыктывкар, 1984.

207. Kurzer Bericht uber eine Studienreise zu den Syrjanen 1901-1902 // Journal de la Societe Finno-ougrienne. Helsinki, 1903. XXI. P. 3-47.

208. Uotila T.E. Syrjanische texte. Helsinki, 1989. B. III.

209. Wichmann Y. Syrjanische Volksdichtung // MSFOu. Helsinki, 1916. B. XXXVIII.

Сборники текстов:

1. 50 русских народных песен Ленинградской области по материалам студенческих фольклорных экспедиций 60-70-х гг. СПб., 2005.
2. А в Усть-Цильме поют: традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы / Подг. текстов и коммент. А.Н. Власов, З.Н. Бильчук, Т.С. Канева. СПб: Инка, 1992.
3. Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И. Русская свадьба. Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногорский р-он Вологодской области). М.: Современник, 1985.
4. Бахтин В.С. Песни Ленинградской области. Записи 1947-1977. Л.: Лениздат, 1978.
5. Браз С. Песни реки Лузы. М.: Советский композитор, 1977.
6. Великорусские народные песни / Изд. А.И. Соболевский. СПб., 1895-1902. Т. 1-7.
7. Висер вожса сьыланкывъяс да мойдкывъяс (Песни и сказки Вишеры) / Сост. И.А. Осипов. Сыктывкар: Коми книж-ое изд-во, 1986.
8. Воронежские народные песни в современной записи. М., 1982.
9. Вятский фольклор. Народный календарь. Котельнич, 1995.
10. Грамматика зырянского языка. Сочинение Павла Савваитова. СПб., 1850.
11. Зырянов И.В. Сюжетно-тематический указатель свадебной лирики Прикамья (уч. пособие). Пермь, 1975.
12. Ипатьдорса фольклор (Анастасия Шуктомовалӧн сьыланкывъяс, мойдъяс, шусьӧгъяс да с.в.) (Фольклор села Ипатово (Песни, сказки, пословицы и т.д. Анастасии Шуктомовой)). Сыктывкар: Коми книж-ое изд-во, 1980.
13. Историческая память в устных преданиях коми: Материалы / Подгот. текстов М.А. Анкудиновой, В.В. Филипповой. Под ред. Т.С. Каневой. Сыктывкар, 2005.
14. Исторические песни XIX века / Изд. подг. Л.В. Домановский, О.Б. Алексеева, Э.С. Литвин. Л.: Наука, 1973.
15. Исторические песни. Баллады. М., 1991.
16. Карельские причитания / Изд. подг. А.С. Степанова, Т.А. Коски. Петрозаводск, 1976.
17. Карельский фольклор: Хрестоматия / Изд. подг. Н.А. Лавонен. Петрозаводск: Карелия, 1992.
18. Карельское народное поэтическое творчество / Подг. и перевод текстов В.Я. Евсеева. Л.: Наука, 1981.
19. Коми легенды и предания / Сост. Ю.Г. Рочев. Сыктывкар: Коми книж-ое изд-во, 1984.
20. Коми народные песни / Сост. А.К. Микушев, П.И. Чисталев, Ю.Г. Рочев. Сыктывкар, 1995. Т. 3. Вымь и Удора.

21. Коми народные песни / Сост. А.К. Микушев, П.И. Чисталев. Сыктывкар, 1966. Т. 1. Вычегда и Сысола.
22. Коми народные песни / Сост. А.К. Микушев, П.И. Чисталев. Сыктывкар, 1993. Т. 1. Вычегда и Сысола.
23. Коми народные песни / Сост. А.К. Микушев, П.И. Чисталев. Сыктывкар, 1994. Т. 2. Ижма и Печора.
24. Коми фольклор: Хрестоматия / Сост. В.В. Филиппова, Н.С. Коровина. Сыктывкар: Коми книж-ое изд-во, 2002.
25. Круглов Ю.Г. Русские обрядовые песни М., 1982.
26. Куединская свадьба. Свадебные обряды русских Куединского района Пермской области в к. XIX – пер. пол. XX в. Сборник фольклорно-этнографических материалов / Сост. А.В. Черных. Пермь, 2001.
27. Кузнецова В.П., Логинов К.К. Русская свадьба Заонежья (кон. XIX-XX вв.) Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2001.
28. Лирика русской свадьбы / Изд. подг. Н.П. Колпакова. Л.: Наука, 1973.
29. Лирические народные песни / Собрал и составил И.В. Зырянов. Пермь: Пермское книж-ное изд-во, 1962.
30. Лирические песни / Сост., пред., подг. текстов и примеч. П.С. Выходцева. М.: Современник, 1990.
31. Лирические песни Томского Приобья / Сост. А. Мехнецов. Л., 1986.
32. Музыкально-песенный фольклор Ленинградской области в записях 1960-1980 гг. / Ред.-сост. В.А. Лапин. СПб., 2008.
33. Музыкально-песенный фольклор Ленинградской области. В записях 1970-1980 гг. Вып. 2 / Ред.-сост. В.А. Лапин. Л., 1989.
34. Народная поэзия коми / Сост., вступ. ст., коммент. А.К. Микушева. Сыктывкар: Коми книж-ое изд-во, 1988.
35. Народные песни Вологодской области. Песни Средней Сухоны / Сост. А.М. Мехнецов. Л., 1981.
36. Народные песни Вологодской области. Песни Средней Сухоны / Сост. А.М. Мехнецов. Л., 1981.
37. Народные песни Ленинградской области / Сост. Ф.А. Рубцов. М., 1958.
38. Народные песни Симбирской губернии, собранные Суриным, Красовским, Сытиным, Логиновым и Горчаковым / Под ред. М.Ф. Суперанского // Сборник в память Симбирской губ. ученой Архивной комиссии 1895-1905. Симбирск, 1906.
39. Нижегородская свадьба. Пушкинские места, Нижегородское Поволжье, Ветлужский край. Обряды, причитания, песни, приговоры / Изд. подг. М. А. Лобанов, К.Е. Корепова, А.Ф. Некрылова. СПб., 1998.
40. Обрядовая поэзия / Сост., предисл., примеч., подг. текстов В.И. Жекулиной, А.Н. Розова. М.: Современник, 1989.
41. Обрядовая поэзия Пинежья. М., 1980.
42. Обрядовые песни русской свадьбы Сибири. Новосибирск: Наука, 1981.

43. Песенный фольклор Мезени / Подг. Н.П. Колпакова, Б.М. Добровольский, В.В. Митрофанова, В.В. Коргузалов. Л., 1967.

44. Песни Заонежья в записях 1880-1980 гг. / Сост., предисл. и примеч. Т.В. Краснопольской. Л., 1987.

45. Песни Карельского края / Сост. и вступ. ст. Т.В. Краснопольской. Петрозаводск, 1977.

46. Песни Карельского края / Сост. и примеч. Л. Асанова. М., 1984.

47. Песни Печоры / Изд. подг. Н.П. Колпакова, Ф.В. Соколов, Б.М. Добровольский. М.; Л., 1963.

48. Песни Пинежья. Материалы фонограмм Архива Академии наук СССР, собранные и записанные и разработанные Е.В. Гиппиусом и З.В. Эвальд. Кн. II. М., 1937.

49. Печорские былины и песни / Зап. и сост. Н.П. Леонтьев. Архангельск, 1979.

50. Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым / Изд. подг. Б.Е. Чистова, К.В. Чистов. СПб.: Наука, 1997.

51. Руднева А. Песни Смоленской области, записанные от Е.К. Щеткиной. Песни Кировской области, напетые А.А. Кениной. М.: Советский композитор, 1977.

52. Русская лирическая песня / Вступ. ст., сост., подг. текстов и прим. В.С. Бахтина. СПб., 2004.

53. Русская народная лирика / Изд. И. Глазунов. СПб., 1894.

54. Русская свадьба: в 2-х т. / Под ред. А.С. Каргина. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2000. Т. 1.

55. Русские народные лирические песни. Опыт систематического свода лирических песен с объяснением вариантов со стороны бытового и художественного их содержания Н.М. Лопатина, с положением песен для голоса и фортепиано В.П. Прокунина и с приложением полной расстановки слов некоторых вариантов по их напеву. М.: Госуд-ое муз-ное изд-во, 1956.

56. Русские народные песни Забайкалья. Семейский распев. М.: Советский композитор, 1989.

57. Русские народные песни и свадебный обряд в д. Жуково Никольского у. Волог. губ. Зап. А. Попов // Труды музыкально-этнографической комиссии. 1906. Т. 1. С. 475-495.

58. Русские народные песни Карельского Поморья / Под ред. Н.П. Колпаковой. Л., 1971.

59. Русские народные песни Прикамья / Записала Ф.В. Пономарева. Пермь, 1982.

60. Русские народные песни Смоленской области в записях 1930-1940-х годов / Сост., расшифровка, коммент. Ф.А. Рубцова. Л., 1991.

61. Русские народные песни. Л., 1988.

62. Семейные обряды Вятского края / Сост. К.А. Балобанова, А.В. Волкова, А.А. Иванова, Е.В. Киевская, В.В. Кононова, Е.В. Логунова, С.Ю. Павленко, А.В. Шмелькова. М.: Котельнич, 2003.

63. Собрание народных песен П.В. Киреевского / Записи П.И. Якушина. Л., 1986. Т. 2

64. Собрание народных песен П.В. Киреевского. Записи П.И. Якушкина / Подг. текстов, вступ. статья и коммент. З.И. Власовой. Л., 1983. Т. 1.

65. Собрание народных песен П.В. Киреевского. Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях / Подг. текстов, статья и коммент. А.Д. Соймонова. Л., 1977. Т. 1.

66. Собрание народных песен П.В. Киреевского. Песни, записанные П.В. Киреевским в Московской, Тульской, Орловской, Калужской и Рязанской губерниях. Тула: Приокское книж-ое изд-во, 1986.

67. Стародубцева С.В. «Ох, роспечальное моё сердечко». Песни из репертуара Натальи Власовой. Ижевск, 1999.

68. Стародубцева С.В. Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 2001.

69. Традиционная культура Усть-Цильмы. Лирические песни / Сост. Т.С. Канева, А.Н. Власов, А.Н. Захаров, Ю.И. Марченко, З.Н. Мехреньгина, Е.А. Шевченко. М.: ГРЦРФ, 2008.

70. Традиционный народный календарь коми: Материалы / Сост. В.В. Филиппова, Т.С. Канева. Сыктывкар, 2002.

71. Традиционный фольклор Вилегодского района Архангельской области (в записях 1986-1991 гг.). Исследования и материалы. Сыктывкар, 1995.

72. Традиционный фольклор Новгородской области (по записям 1963-1976 гг.). Песни, причитания / Изд. подг. В.И. Жекулина, В.В. Коргузалов, М.А. Лобанов, В.В. Митрофанова. 1979.

73. Устьянские песни / Сост. А. Мехнецов, Ю. Марченко, Е. Мельник. Вып. 1. Л., 1983.

74. Устьянские песни / Сост. А. Мехнецов, Ю. Марченко, Е. Мельник. Вып. 2. Л., 1984.

75. Фольклор народа коми / Сост. В.В. Филиппова. Сыктывкар, 2007.

76. Фольклор русского Устья. Л., 1986.

77. Фольклор старообрядцев Литвы. Народные песни. Частушки. Детский фольклор / Изд. подг. Ю. Новиков, Ю. Марченко, И. и Н. Захаровы. Вильнюс, 2010. Т. 3.

78. Хороводные и игровые песни Сибири / Сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников. Новосибирск: Наука, 1985.

79. Чердынская свадьба / Зап. и сост. И. Зырянов. Пермь, 1969.

Сыктывкар
Архангельская обл.
Визинга
Сысольский район
Спасо-Луза
Лойма
Читаево
Вухтым
Койгородок
Панево
Объячево
Черныш
Ваймес
Прилузский район
Койгородский район
Верхолузье
Ловля
Летка
Кировская обл.
Слудка
Прокопьевка

ПРИЛОЖЕНИЯ

Данная часть работы состоит из пяти приложений. Они подготовлены на основе материалов из восьми архивов: Фольклорного архива СыктГУ (Прилузское собрание, 1970-2010-е гг.), Фольклорного фонда ИЯЛИ Коми (записи П.И. Чисталева, А.К. Микушева, Ю.Г. Рочева, Ф.В. Плесовского, А.Г. Горчакова; 1960-2006 гг.), Научного архива Коми НЦ (материалы А.К. Микушева, Ю.Г. Рочева, П.И. Чисталева, лингвистов и этнографов Коми филиала АН СССР; 1960-1976 гг.); Национального архива Республики Коми (записи Ф.В. Плесовского, 1960-е гг.); Национального музея Республики Коми (записи С.А. Попова, А.С. Сидорова, студентов педагогического техникума; 1930-е гг.); Государственного архива Кировской области (рукопись М.С. Косарева; 1863 г.); архива Русского географического общества (рукопись Н.А. Добротворского; 1882 г.); Санкт-Петербургского филиала архива РАН (рукопись А.М. Шёгрена; 1827 г.).

В Приложении I даются тексты свадебных причитаний на русском и коми языке, русских свадебных песен, приводится схема свадебного обряда прилузских коми, а также содержится систематический указатель с описанием сюжетов свадебных песен. Часть комиязычных причитаний, приведенных в самом исследовании, переведена на русский язык; остальные комиязычные причитания даются без перевода. Тексты русскоязычных свадебных причитаний приводятся в полном виде с выделением основных сюжетных мотивов. Для свадебных песен приводятся сведения о времени исполнения в обряде и жанровой разновидности.

Приложение II включает три систематических указателя песенно-игрового фольклора. Хороводно-игровой репертуар прилузских коми сгруппирован по двум микролокальным традициям (лузской и летской) и представлен по жанровым разновидностям (хороводные, игровые, хороводно-игровые, припевочные). Для плясовых песен делаются пометы о месте записи – «Луза» или «Летка».

В Приложении III приводится систематический указатель русских лирических необрядовых песен прилузских коми. Они сгруппированы по сюжетно-тематическому принципу. Как и для плясовых песен, указывается место записи («Летка» или «Луза»).

Приложение IV обобщает данные по собиранию и изданию устно-поэтического творчества прилузских коми. Оно состоит из двух таблиц-указателей и списка публикаций. В указателе «Архивные собрания фольклора прилузских коми: источники изучения» в виде таблицы в хронологическом порядке представлены сведения о времени записи, собирателе, населенном пункте, приводятся архивы, шифры, дается общая характеристика записей. В отдельный указатель «Русский музыкально-поэтический фольклор прилузских коми: источники изучения» помещены сведения о

годе записи, собирателе, месте хранения русских свадебных песен и причитаний, песенно-игрового фольклора и лирики. История публикаций фольклорных текстов, записанных у прилузских коми, отражена в указателе «Издание памятников фольклора прилузских коми: хронологический перечень».

Приложение V представляет собой Указатель шифров записи.

При характеристике песенных сюжетов мы опираемся на схему, разработанную в Центре фольклорных исследований Т.С. Каневой[1]:

- Первые строки песни без буквальных повторов.
- Пересказ (аннотация) произведения как сводный вариант всех записей данной песни; при существенных отличиях, контаминациях указывается шифр записи.
- ***Обобщенная жанровая атрибуция*** *(звездочкой* отмечено отсутствие данных об особенностях исполнения песни, жанровая атрибуция выполнена на основе самого песенного текста. Жанровые и иные оценки собирателей, комментарии исполнителей (последние – в кавычках).*
- Архивные шифры с указанием места записи (если село является центром сельсовета (с/с), его название опускается) и исполнителей; данные сгруппированы по архиву, далее – по шифрам (по порядку номеров); П – пересказ, Пр – проба (1-3 стиха), Ф – фрагмент. Паспортные данные раскрываются в «Указателе шифров записей».

Аннотации (пересказы) сюжетов максимально приближены к исходным текстам и таким образом передают все языковые искажения и особенности адаптации песен.

[1] См.: [Фольклорный архив СыктГУ 2000].

ПРИЛОЖЕНИЕ I.
СВАДЕБНЫЙ ФОЛЬКЛОР ПРИЛУЗСКИХ КОМИ

А. Русскоязычные свадебные причитания прилузских коми: тексты архивных записей

1.
Лучилось ли высоко,
Лучилась ли во тереме.
Ты родимой мой батюшко,
Да отдаёшь меня, бросаёшь,
Ты родимой мой батюшко,
Да отдаёшь меня да бросаёшь,
Отдаёшь да меня бросаёшь
Да в чужу дальную сторонушку,
В чужу дальную сторонушку,
Да в незнакомую семеюшку,
В незнакомую семеюшку,
Да неужели надоела я,
Неужели надоела я.
Да молодая моя дорогой,
Дорогая моя молодость,
Не умела с вами я пожить.

Сетования на батюшку за выдачу «в чужу дальнюю сторонушку»

«Вот тадзи и бӧрдӧны ки кутiгас. Тані гӧсть-гӧстяыс сёйӧны-юӧны кыкнан пӧлӧсӧс, пызан саяс. Жӧникыс чукӧртӧ, и невеста бать-мамыс» (Вот так и причитают на рукобитье. Здесь гости едят-пьют за столом. Жених собирает <гостей>, и родители невесты <собирают>).

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226. Л. 152: с. Занулье, 1963 г.

2.
Ой, дикая да я кватилася,
Да глупая да догодалася,
Ой, глупая да догодалася,
Ото сну я пробудилася,
Ото сну я пробудилася
Да от дремотушки хватилася,
Ой, от дремотушки хватилася.
Да не сон-то меня долит,
Да не сон-то меня долит,
Да не дремотушка меня клонит,
Ой, не дремотушка меня клонит,
Да клонит да долит молодость,
Ой, что клонит да долит молодость,
Да тоска да кручинушка,

Да печаль да великая.

Мотивы самоуничижения, пробуждения ото сна, печали

«Плач невесты» (комментарий П.И. Чисталева)

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а, № 63а: Спаспорубский с/с, с. Поруб, 1960 г. = **ФФ ИЯЛИ. А 1520-6**

3.
Не дремотушка меня клонит,
Не дремотушка меня клонит,
Да что клонит да долит молодость,
Что клонит да долит молодость,
Да тоска да кручинушка,
Да тоска да кручинушка,
Да печаль да великая,
Да печаль да великая,
Да чужа дальняя сторонушка(й),
Чужа дальняя сторонушка,
Да стороной да всё недальнёё,
Сторона кёша недальнёё,
Да земля да неродимая,
Да земля да неродимая,
Да матушка да мне неродная,
Ой, матушка да мне неродная.
Да неровён да замуж выйдётся,
Неровён да замуж выйдётся,
Да неровён да муж навернётся(й).

Мотив тоски, чужой дальней стороны

ФФ ИЯЛИ. А 1523-1: Спаспорубский с/с, с. Поруб, 1960 г.

4.
Моя теплая да паруша,
Ты топилась-курилась
Ты без чаду зеленого да
Без дыму кудрявого.
Истопила мне-ка подруженька
Мне теплую-то парушку,
А пришли да меня не томи.

Мотив приготовления бани

«Пывсянас öд мунöны да сэсся бытсö пылсяныслы вöд тöжö бöрдöны. Тöжö бöрдöдöны. <…> Тайö нин ми пачсö кисьтiм. Тая нин каменкаыд миян пач сiя шусьö» (В баню же идут и потом всякое бане ведь тоже причитают. Тоже причитают. <…> Это мы уже печку разрушили. Каменка у нас печкой называется).

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226. Л. 157: с. Занулье, 1963 г.

5.
Спасибо-пöспасибо, моя теплая парушка,
Рöскатися, тёплая паруша,
По сукому-то по бору,
Да по своим-то пенничкам,
Да по своим да по коренничкам.
Розвалися, моя камянка,
По чистому-то по полю,
По чистому-то по полю
Да по своим-то ямочкам.

Мотив благодарности бане и просьба разрушиться

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226. Л. 157: с. Занулье, 1963 г.

6.
Спасибо-поспасибо, да моя тёплая парушö(й),
Моя тёплая паруша да моя чистая банюшö,
Моя чистая банюша.
Да я топилась, курилöсьö,
Да топиласьö, курилöсьö
Да без дыму кудрявово,
Да без дыму кудрявово,
Да без чаду да без зелёныё(й),
Да без чаду зелёново,
Да без угору без ядрёново(й),
Без угору ядрёнова,
Да без свечи да восковой.

Мотивы благодарности бане, ее приготовления

ФФ ИЯЛИ. А 1523-2: Спаспорубский с/с, с. Поруб, 1960 г.

7.
После моево мывальнича
Да раскатися, тёпла парушö,
Раскатися, тёпла паруша,
Да по старым-тö местечкöм,
Да по старым-тö местечкам,
Да по старым да по кореньичкам,
По старым да по кореньичкам
Да после моево мывальнича,
После моего мывальнича
На своём году не первоё,
На своём году не первыё,
Да во девиче последныё.

Просьба к бане разрушиться

ФФ ИЯЛИ. А 1523-3: Спаспорубский с/с, с. Поруб, 1960 г.

8.
Здорово-поздорово,
Да мой родимой батюшко(й),
Мой родимой батюшко,
Моя родимая матушка(й),
Родимая матушка,
Да принесите молодёшеньку(й),
Прибасите молодёшеньку,
Да мне стакан да зелено вино(й),
Мне стакан да зелёно вино.
Да коштово[1] да не лучилöсьö,
Коштово да не лучилося,
Да выкай пиво-то пьяново,
Выкай пиво-то пьяново.
Да коштово да не лучилося(й),
Штово да не случилося,
Да мне-ка хлеба из солёй.
Угорела головушка
Да после тёплыё парушу,
После тёплую парушу,
Да после чистыё банюшу(й),
Чистые банюшу,
Да призажало сердечико,
Да зажало сердечико,
Да изколели резвы ноженьки,
Околяли резвы ноженьки.
Да отворяйся, высок терем,
Отворяйся, высок терем,
Да до пяты да белы дубовы,
До пяты да белы дубовы,
Да на грелки те железныё(й).

Просьба к родителям принести вино, пиво, хлеба, поскольку угорела головушка; обращение к терему с просьбой открыться

ФФ ИЯЛИ. А 1523-4: Спаспорубский с/с, с. Поруб, 1960 г.

9.
Случилось ли во тереме
Да мой родимой батюшко,
Мой родимой батюшко,
Да лучилась ли во высоком,
Лучилась ли во высоком
И моя родимая матушкö,
Родимая матушка,

[1] Вероятно: хошь тово / того.

Да вынесите молодёшенько
Да мне стакан да зелёно вино.
Пошто да не лучилася
Да вынесите молодёшенько
Мне-ка пива пьяного,
Пиво пьяного
Да угорела головушка
Да после тёплыю паруши,
Тёплые паруши
Да после чистыю банюши.
Отворится высок терем
Да на пятый[2] да белый дубовый,
Да на крюки железные.
Да здорово-то, здорово,
Да мой родимой батюшко,
Моя родимая матушка,
Потом братьице-соколы,
Да сестрицы-голубушки,
Сестрицы-голубушки,
Да милые мои подруженьки.

Просьба к родителям вынести вино, пиво после бани; мотив открытия высокого терема; встреча со своими родными

«После бани» (комментарий П.И. Чисталева)

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а, № 63в: Спаспорубский с/с, с. Поруб, 1960 г. = **ФФ ИЯЛИ. А 1520-8**

10.
Ставай кӧ, ставай кӧ, рӧднӧй батюшко (братушко),
Умывайся кӧ сӧ свежей водой
И утирайся кӧ белым полотном,
Надевай кӧ кожанӧй сапӧг,
Кожанӧй сапӧг и зипун ситцевӧй,
И пӧдиткӧ во темну лесу,
Во темну лесу через чисту полю –
Не попадет ли чернова медведя.
Выстрели-кӧ чёрную медведь,
Не попадёт ли чёрнӧму медведю,
Привязывай кӧ чернова медведя,
Чернова медведя толстым верьёвкам.
Домой приведи, привязывай-ко,
Привязывай ко толстую столбу.
Кӧть вед придут купцы-бояре –
Не баятся ли чернова медведя,
Не оставит ли краснова девица.
Югыд лунанӧй, ныл олӧманӧй! Светлый мой день, девичья жизнь!

[2] На пяту / на пяты.

Тэнад олан пöланöй муö жö видзö –	Твой суженый если смотрит в землю,
Енмысь жö аддзö,	То видит в небе,
Енмö жö видзö – муысь жö аддзö.	Если в небо смотрит – видит землю.

Просьба к батюшке поймать черного медведя

«*Утром, в день свадьбы, после каризны невеста встает и начинает плакать такими словами*» (комментарий С.А. Попова)

НМ РК. КП 12485. Л. 110: Летский с/с, д. Черемково, 1928-1929 гг.

11.
Моя крестная матушка,
Да наряжу я тебя, наряжу.
Ох, ох, ой!
Наряжу я тебя, наряжу.
Да возьми белые рученьки,
Возьми белые рученьки
Да частым ровненькой гребешок,
Частым ровненькой гребешок
Да росчеши мою русу косу,
Ох, ох, ой!
Росчеши мою русу косу,
Мою девичью красоту,
Мою девичью красоту,
Да заплети да ленту алую,
Заплети да ленту алую,
Завяжи да три узла немецкию…

Просьба к крестной расчесать русую косу, девичью красоту, завязать три узла

«Юр сыналöм» (расчесывание волос) (комментарий А.К. Микушева, Ю.Г. Рочева)

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 171 (Л. 153): с. Занулье, 1963 г.

12.
Моя крёстная матушка,
Да возьми белыя рученьки,
Возьми белыё рученьки,
Да часты ровныя гребешок,
Часты ровныя гребешок,
Да росчёши мои русы косы,
Росчёши мои русы косы,
Дай отдельные волосы,
Дай отдельные волосы,
Дай один волосочикой,
Дай один волосочикой,
Да по конеч-то русы косы,
По конеч-то русы косы,
Да три ялыё ленточки(й),
Три ялые ленточки,

Да посередь-то русы косы
Да три узла да три немечкиё,
Три узла да три немечкиё,
Да по конеч-то русы косы,
Конеч-то русы косы
Да три ялыё ленточки(й),
Да три ялыё ленточки,
Да это пусть да князьева сватья
Да по возту побегала,
По повозту побегала,
Да ножечки да попрощила,
Ноженька попрощила,
Да рученьки да приобрезала,
Рученьки да приобрезала,
Да чёрно платьо приобмарала,
Чёрно платьо приобмарала,
Сама себя да избесчестила,
Сама себя да избесчестила,
Меня домой бы отпустила(й).

Просьба к крестной матушке взять в руки гребешок, расчесать волосы, завязать три ленточки; мотив корения князьевой сватьи

ФФ ИЯЛИ. А 1523-5: Спаспорубский с/с, с. Поруб, 1960 г.

13.
Родимой батюшко,
Да не крепки да твои насеки,
Не крепки да твои насеки,
Да не крепки да подворотнички,
Не крепки да подворотничи –
Да все прошли да все проехали,
Все прошли да все проехали,
Да чужи, ой, люди наехали,
Чужи, ой, люди наехали,
Да чужи люди, незнакомыё,
Чужи люди, незнакомыё.
Да мой родимой батюшко,
Ой, ты родимой батюшко,
Да отдаёшь ты меня, бросаёшь,
Отдаёшь да меня бросаёшь
Да за коровьёво пастукöй,
За коровьёво пастуха,
Да за овечьего пестуна,
Овечьево пестуна,
Да под окошком дров не водится,
Под окошком дров не водится,
Да одна чурочка валяётся,
Одна чурочка валяётся,
Да ещё то да не росколото,

Ещё то да не росколото.
Да мой родимой да батюшко,
Родимой-от то батюшко,
Да у нас дом этот как город,
Да дом этот как город,
Да изба да как высок терем,
Да изба да как высок терем,
Да оконичики стеклянныё,
Оконичики стеклянные,
У нас люди те ветляныё,
У нас люди те ветляныё
Да у чужого-то чуженина
Да оконичики брушинныё.
Родимой батюшко,
Да не скушайся, мой батюшко,
На вино да на зелёноё,
На вино да на зелёноё,
Да на стоканы-то глубокиё,
На стоканы-то глубокиё,
На полуштофные высокиё.

Сетование батюшке; приезд жениховой родни; корение жениха; противопоставление своей и чужой стороны; просьба к батюшке не искушаться на вино зеленое

«Тайӧ вот сэсся и кулитӧны пӧдругаясыс, пастукнас да пестуннас шуӧны жӧниксӧ» (Это вот потом и корят подруги, пастухом и пестуном называют жениха).

ФФ ИЯЛИ. А 1523-7: Спаспорубский с/с, с. Поруб, 1960 г.

14.
Родимой батюшко,
Возьми белые рученьки
Да косу-то востру.
Засеки да путь-дороженьку,
Эта пусть бы чужие-то люди
Не пришли да не приехали.
Ты родимой мой батюшко,
Не крепки да твои засеки,
Не крепки-то твои засеки,
Не крепки да подворотнички.
Это все они приехали
Да розрушили да розломали.
<Пырисны свадьбаыд – свадьба зашла>
Ты родимой мой батюшко,
На чего ты обзарился,
На деньги ленилые,
На сусеки стоялые.
Остаешь да меня бросаешь
За чужого-то чуженина.

Чужек чуженин
На ногах высок кажется,
На ногах-то высок кажется,
Да под ногами-то колодочки.
За коровьего-то пастуха,
Да за овечьего-то пестуна,
У чужого-то чуженина
Сажи-то под носом,
Двор-от стрильнича
Да изба-то мякиннича,
Изба-то мякиннича
Да оконочки холожные (пучинные).

Просьба к батюшке засечь путь-дороженьку; сетование на батюшку; приезд жениховой родни; корение жениха

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226. Л. 153: с. Занулье, 1963 г.

15.
Ты, родимой мой батюшко,
Мне-ко дай да бласловленичӧ,
Бласловленичо великоёт.
Мне твое-то бласловленичо
Мне шибко да нужно-надобно –
Из тёмна да леса выведёт,
Из синя да моря выкачёт.

Испрашивание благословения у батюшки

«Венчайтчигас. Образ босьтан и сійӧ сэсся первой жӧниксӧ кресталан куйимысь. Но сідзи важӧн. Сэсся и мыйкӧтӧ, невестатӧ» (При венчании. Образ возьмешь и им потом сначала жениха перекрестишь три раза. Но так раньше было. Потом и невесту).

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226. Л. 156: с. Занулье, 1963 г.

16.
Ты родима моя матушка,
Да ты ставай-ко, моя матушка,
Да у тя спится да лёжится,
У тя спится да лёжится
Да на мягкой да на постелюшке,
На мягкой да на постелюшке
Да на крутой да на сголовьичо,
На крутой да на сголовьичо.
Да ты родима моя батюшка,
Ты родима моя батюшко,
Да мне-ка дай да бласловленичо,
Мне-ка дай да бласловленичо,
Да бласловеничо великоё,
Блӧсловленичо великоё,

Да от серца да от рекивоё[3].

Описание жизни в родительском доме, испрашивание благословения у батюшки

ФА СыктГУ. АФ 13130-4 (= ФА СыктГУ. АФ 13121-45): Спаспорубский с/с, с. Поруб (д. Красный Рай), 2002 г.

17.
Ты родимая моя маменька,
Мне-ка дай да бласловленничо,
Мне-ка дай да бласловленничо
Да от серца да от рекивоё,
От серца да от рекивоё
Да от бело личо бумажноё.
<Потом у отца также поют>:
Ты родимая батюшко,
Да мне-ка дай да бласловленничо,
Мне-ка дай да бласловленничо
Да от серца да от рекивоё,
От серца да от рекивоё
Да от бело личо бумажноё.

Испрашивание благословения у родителей

«Сэсся сочыслысь, вокыслысь корӧ. Сэсся вичкоӧ мунӧ» (Потом у сестры, брата просит. Потом в церковь идут).

ФА СыктГУ. АФ 13130-14: Спаспорубский с/с, с. Поруб (д. Красный Рай), 2002 г.

[3] Ретивое.

Б. Комиязычные свадебные причитания прилузских коми: тексты архивных записей

1.

Югыд лунанӧй да Аннушкаанӧй,	Светлый мой день да Аннушка,
Аннушкаанӧй Ивановнаанӧй,	Аннушка Ивановна,
Пукалан тэ талун кык ӧшинь костын.	Сидишь ты сегодня здесь между двумя окнами.
Чукӧртчисны талун тэнад	Собрались сегодня у тебя
Да дона пӧдругаясӧй гажӧдчыштыны бӧръяысь	Дорогие подруги повеселиться напоследок
Да нывбур воштыны.	И проводить девичество.

ФА СыктГУ. АФ 13231-1ж: с. Слудка, 2006 г.

2.

Пукалан тэ рыт рытаныс ӧстаткианӧс	Сидишь ты вечер вечером в последний раз
Батюшко ордын кокньыд юрбӧжӧн,	У батюшки с легким телом,
Стекляннӧй ли кӧ кӧсякӧй дорын,	У стеклянного <…> окна,
Дубӧвӧй ли кӧ лабачӧй вылын,	На дубовой <…> лавке,
<Пильнӧвӧй> пӧтӧлӧк ултын.	Под <…> потолком.
Чукӧртчисны тэныд та рыт рытнас пӧдруженькаясанӧй	Собрались сегодня в вечер вечером у тебя подруженьки
Нылбур кольлыны, краса воштыны.	Девичество проводить, красу потерять.

НМ РК. КП 12485. Л. 121, 134: с. Летка, 1928-1929 гг.

3.

Пасибӧ тіянлӧ сем пӧ семействӧ,	Спасибо вам, всему моему семейству,
Сем пӧ семействӧ да сем великую	Всему моему семейству да всему великому
Медыджыдсяньыд дай медичӧтӧдзныд,	От больших до самых малых,
Кок подворсяньыд да юр вылӧдзныд.	С ног до головы.
Лактӧ ті, лактӧ дай свадьбаӧй вылӧ	Приходите вы, приходите на свадьбу
Батюшкоыслысь вина румка юны,	У батюшки моего рюмку вина выпить,
Матушкаыслысь небыд страпня сёйны,	У матушки мягкую стряпню есть,
Муса сочыслысь да сур стӧкан юны.	У любимой сестры стакан браги выпить.
Пуктӧ ті, пуктӧ волӧманӧй туйӧ,	Проложите вы, проложите дорогу для приходящих,
Волӧманӧй туйӧ, корӧманӧй туйӧ.	Дорогу для приходящих, дорогу для званых.
Эн ті виччысьӧ мӧдысь волӧманӧйӧс,	Не ждите вы следующего моего
Эн жӧ виччысьӧ уна корӧманӧйӧс,	прихода,
Эн ті чужайччӧ да эн ті лӧмайччӧ.	Не ждите вы много приглашений,
	Не чужайтесь да не ломайтесь вы.

НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 147. Л. 232: с. Летка, 1974 г.

4.

Ветла пö ме öні бур рöдня ордті,	Схожу я теперь к любимой родне,
Бур рöдня ордті, любöй рöдня ордті.	К хорошей родне, к любимой родне.
Лактö ті, лактö, эд жö ыждöдчö,	Приходите вы, приходите, не отказывайтесь,
Эд жö ыждöдчö менам вылö,	Не отказывайте вы мне,
Кольлыны, воштыны менчым ныл буранöйöс и красанöйöс!	Проводить, потерять мое девичество и красу.

НМ РК. КП 12485. Л. 91: д. Черемуховка, 1928-1929 гг.

5.

Пасибö же тэныд, тьötушкаöйлö,	Спасибо тебе, тётушка,
Екатеринушкайлö Тимофеёвнайлö	Екатеринушка Тимофеевна,
Асыл водзанöйöс водз чеччöм вылö,	За раннее утром твое вставание,
Рыт сёранöйöс сёр водöм вылö,	За поздним вечером засыпание,
Мысьтöм рожатö мысьöмыс вылö,	За испачканное лицо свое умывание,
Рытъя шомöссö кötöмыс вылö,	За вечернюю квашню да заквашивание,
Асъя шомöссö суктöмыс вылö,	За утреннюю квашню да замешивание,
Пес ношаанöс пыртöмыс вылö,	За охапки дров твое ношение,
Керка пачанöс лонтöмыс вылö,	За печь в избе да затапливание,
Ва гозъянöйöс вадзöмыс вылö,	За ведрами воду ношение,
Кок подворъястö дзумöдöм вылö,	За отбивание пяток своих,
Чунь пел понанöйöс сотöмыд вылö,	За обжигание концов пальцев своих,
Тöлысь кымöстö жаритöм вылö,	За прожигание луноподобного лба своего,
Зарни морöстö пöжалöм вылö,	За обжигание золотой своей груди,
Эзысь гырдзатö пуджöмыд вылö,	За закатывание рукавов на серебряных своих локтях,
Чöскыд обедтö индöмыд вылö,	За приготовление вкусного ужина,
Индöмыд вылö, заптöмыд вылö (туйдöмыд) вылö.	За приготовление да запасание.
Лактö жö, лактö, тётушкоанöй,	Приходи же, приходи, тетушка,
Менам пир вылö, менам бал вылö	На мой пир, на мой бал,
Ныл бур кольлыны, ныл краса воштыны,	Девичью жизнь проводить, девичью красу потерять,
Батюшкоыслысь сур стöкан юны,	У батюшки стакан браги выпить,
Матушкаыслысь чöскыд стряпня сёйны.	У матушки вкусной выпечки поесть[4].

НМ РК. КП 12485. Л. 124-125: с. Летка, 1928-1929 гг.

6.

Югыд лунанöйлö да вежанюшколö,	Светлому дню моему, крестной моей,
Пасибö тэныд толькö ыджыдджыка	Спасибо тебе пребольшое
Рытсёранöй пö да сёр водöм вылö,	За поздним вечером засыпание,
Рытъя кötасöй да кötömöй вылö,	За вечернюю квашню да заквашивание,
Асылводзанöй пö водз чеччöм вылö,	За ранним утром твое вставание,
Асъя суктасöй да суктömöй вылö,	За утренний замес да замешивание,
Керка пачанöйсö лонтöмыс вылö,	За печь в избе да затапливание,

[4] Перевод А.В. Панюкова.

Пуӧмӧй вылӧ, пӧжалӧмӧй вылӧ, Эзысь гырдзатӧ да пуджӧмӧй вылӧ, Зарни морӧстӧ да пӧжӧмӧй вылӧ, Тӧлысь кымӧстӧ дай жаритӧм вылӧ, Топыд чуньпомтӧ дай сотӧмӧй вылӧ, Кок подворъястӧ да дзумӧдӧм вылӧ, Пызан чегтӧдзыс дай катӧдлӧм вылӧ, Вердӧмӧй вылӧ да удӧмӧй вылӧ, Ыджыдлунъя пӧ дай ӧбедӧй вылӧ, Петырлунъя пӧ да пажынӧй вылӧ, Пасибӧ сылӧ толькӧн ыджыдджыка.	За варение да за печение, За закатывание рукавов на серебряных своих локтях, За обжигание золотой своей груди, За прожигание луноподобного лба своего, За обжигание крепких пальцев своих, За отбивание пяток своих, За ношение еды, под которой стол ломится, За то, что кормила да поила, За пасхальное такое угощение мое За петровский такой обед, Спасибо же ей пребольшое[5].

НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 147. Л. 230: с. Летка, 1974 г.

7.

Спасибӧ пӧ тэныд, дядюшкоӧйлӧ, Вердӧмыд вылӧ, удӧмыд вылӧ, Пызан чегтэдзыд ваялӧм вылӧ, Джуджыд йирӧйысь кыпӧдӧм вылӧ, Паськыд ва вылысь лэптӧмыд вылӧ, Кыйӧмысь вылӧ, выйӧмысь вылӧ. Витчысьӧмыд тэ менӧ, бур гӧсьтяанӧс, Бур гӧсьтяанӧс, любӧй гӧстяанӧйӧс!	Спасибо тебе, дядюшка, За то, что кормил и поил, За столько еды, что стол ломится, За поднятие с глубокого омута, За доставание с широкой воды, За пойманное, за принесенное. Ждал ты меня, хорошую гостью, Хорошую гостью, любимую гостью!

НМ РК. КП 12485. Л. 91: д. Черемуховка, 1928-1929 гг.

8.

Пасибӧ жӧ тэд, дядюшкоанӧйлӧ, Иванушколӧ Петровичлӧ Асыл водзанӧйӧс водз чеччӧм вылӧ, Рыт сёранӧйӧс сёр водӧм вылӧ, Мысьтӧм рожатӧ мысьӧмыд вылӧ, Кӧмтӧм коканӧйӧс кӧмалӧм вылӧ, Ыб йӧранӧйӧс гӧгӧртӧм вылӧ, Кӧдзыд лысвасӧ пыркӧдӧм вылӧ, Кузь <талічанӧйӧс> юклӧдлӧм вылӧ, Мыр вужъянӧйӧс йӧралӧм вылӧ, <Сылаясӧс> вожмалӧм вылӧ, Сісь сылаяссӧ бергӧдлӧм вылӧ, Потшӧсанӧйӧс потшӧмыд вылӧ, Майӧг гозъянӧйӧс султӧдӧм вылӧ, Діныш ньӧръяс сьылмалӧм вылӧ, Стынкодь потшӧстӧ потшӧмыд вылӧ, Эжа пластанӧс бергӧдӧм вылӧ,	Спасибо тебе, дядюшке, Иванушке да Петровичу, За утреннее раннее вставание, За вечернее позднее засыпание, За испачканное лицо умывание, За босые ноги да обувание, За обход полей наших, за бережение, За отряхивание холодной росы, За срезание длинных жердей, За корчевание корневищ-пней, За перешагивание через завалы, За выворачивание гнилых лесин, За огораживание полей, За установление жердей, За свивание комлистых прутьев, За огораживание изгородью, подобной тыну, За переворачивание пластов терновой земли,

[5] Перевод А.В. Панюкова.

Гӧрӧмыс вылӧ, кӧдзӧмыс вылӧ, Агсалӧмыс вылӧ, Кызӧмыс вылӧ, выйӧмыс вылӧ. Кыйӧмыс вылӧ, выйӧмыс вылӧ, Кыйтыранӧйӧс и пийтыранӧйӧс, Чӧскыд ӧбедтӧ стрӧйитӧм вылӧ. Пасибӧ тэныд, дядюшкоӧйлӧ, Кузь пуӧй йылсьыс лэдзӧмыс вылӧ, Паськыд ва вылсьыс судзӧдӧм вылӧ. Лактӧ тi, лактӧ свадьбаӧй вылӧ.	За пахоту, за сев, За боронование, За пополненное, приготовленное. За пойманное, приготовленное, Пойманное и запасенное, За устроенный вкусный обед, Спасибо тебе, дядюшка, За спущенное-добытое с высоких деревьев, За добытое-выловленное с широкой воды. Приходите, приходите на мою свадьбу[6].

НМ РК. КП 12485. Л. 123-124: с. Летка, 1928-1929 гг.

9.

Югыд лунанӧйлӧ дай дядюшкоӧйлӧ, Дядюшкоӧйлӧ дай Иванушколӧ, Иванушколӧ дай Иванӧвичлӧ, Пасибӧ сылӧ толькӧ ыджыдджыка Асылводзанӧй пӧ да водз чеччӧм вылӧ, Кӧмтӧм коканӧйтӧ дай кӧмалӧм вылӧ, Шапкатӧм юртӧ шапкаалӧм вылӧ, Петӧмӧй вылӧ да мунӧмӧй вылӧ, Кӧдзыд лысвасӧ да пыркӧдӧм вылӧ, Вылын силаяссӧ шаглалӧм вылӧ, Ыб йӧранӧйсӧ да гӧгӧртӧм вылӧ, Майӧг гозъянӧйсӧ сувтӧдӧм вылӧ, Поноль нӧръянӧйсӧ силмалӧм вылӧ, Сыл кодь потшӧссӧ дай кӧлтӧмӧй вылӧ, Паськыд ва вылсьыс дай кӧлтӧмӧй вылӧ, Пыдын йиранӧйсьыс судзӧдӧм вылӧ, Кыйӧмӧй вылӧ дай выйӧмӧй вылӧ, Пийттыранӧй пӧ дай ноптыранӧй пӧ, Пасибӧ сылӧ толькӧ ыджыдджыка.	Светлому дню моему да дядюшке, Дядюшке да Иванушке, Иванушке да Ивановичу, Спасибо ему только пребольшое За ранним утром да ранее вставание, За босые ноги да обувание, За непокрытую свою голову покрывание, За выход из дома да отправление, За отряхивание холодной росы, За перешагивание через завалы, За обход полей наших, За вбивание парных кольев, За свивание их еловыми ветками, За загораживание жердями толщиной в обхват, За лов бреднем на большой воде, За вытаскивание из глубокого омута, За добытое и принесенное, За наполнившее до краев да полную котомку, Спасибо ему пребольшое[7].

НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 147. Л. 231: с. Летка, 1974 г.

10.

Кресная матушка, ме пӧследней раз тэнад дінӧ вои, Талун последней раз кора ме тэнӧ аслам дінӧ бӧрдны, Пӧследней гостя ме тэнад талун. Сударина кресная матушка, Кытысь нин ме тэнӧ мӧда аддзывны,	Крестная матушка, я последний раз к тебе пришла, Сегодня в последний раз я прошу тебя к себе попричитать, Последняя гостья я у тебя сегодня. Сударыня крестная матушка, Откуда я теперь тебя буду видеть,

[6] Перевод А.В. Панюкова.
[7] Перевод А.В. Панюкова.

Гашкö ме нин ог пыр, кресная вежанюшка-матушка,	Может быть, я уже не зайду к тебе, крестная матушка,
Кытчы и менö сираліс енманöй, кристосанöй,	Куда меня и определил господь, Христос,
Аслам да деревняысь йöз чужöй деревняö,	Из своей деревни в чужую деревню,
Вед ме кыдзи и мöда олнытö,	Как ведь я и буду жить,
Оз же нин менö, гашкö, мöдны пуктыны морттуйö,	Может быть, меня там уважать не будут,
Да ог же нин куж ме мöд вöчны энька-айкаыдлö.	Да не буду я уметь делать ничего свекрови и свекру.
Спасибö матушка, кресная вежанюшка,	Спасибо матушка, крестная вежанюшка,
Менö бур гостя туйö менö примитін	Как хорошую гостью меня приняла
Да бур соч пыддьö.	Да вместо сестры.
Öні ми, гашкö, ог мöдö гöдъясön мöда-мöдöс аддзылны.	Теперь мы, может быть, годами не будем видеться.
Кресная матушка, пасибö тэныд	Крестная матушка, спасибо тебе
Юр увтсеньыд да кок ултэдзыд.	С головы до ног.
Ог же нин ме вунöдчы тэнсьыд примитömъястö некор,	Не буду же забывать твое гостеприимство никогда,
Кувтэдз вед менам сія лоö тэнад гöститöдömыд.	До смерти ведь у меня останется твое гостеприимство.
Пасибö, матушка, менö кольлы да вошты бура, местит местаö.	Спасибо, матушка, меня проводи и оставь хорошо, определи на место.
Пöследней раз ме нин, гашкö, талун татön пукала,	Последний раз я, может быть, сегодня здесь сижу,
Оз же нин мöдны лэдзны тэнö, сударина-матушка, кресная вежанюшка,	Не будут отпускать тебя, сударина-матушка, крестная матушка,
Да волынытöй,	Да приходить ко мне,
Пасибö тэныд ёна унаысь юр ултсеньыд да кок ултэдзыд.	Спасибо тебе за многое с головы до ног.

ФА СыктГУ. АФ 13100-13: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 2001 г.

11.

Югыд лунанöй дай ныл олöманöй,	Светлый мой день, девичья жизнь,
Пöследней лунъяс менам колис	Последние дни у меня остались
Да вöльнöй олöманöй.	Да вольной жизни.
Дона вежанянöй, да волы тэ жö меным	Дорогая крестная, да приди же ты ко мне
Да пöследней гöститны,	Да последний раз погостить,
Свадьба лун кежлö да менö кольльöдны,	К свадебному дню да меня проводить,
Менö кольльöдны да йöз семьяö.	Меня проводить в чужую семью.
Кольönö менам да муса бать-маманöй,	Оставляют меня да любимые отец с матерью,
Муса бать-маманöй да и чой-воканöй.	Любимые отец с матерью да и сестра с братом.
Кутшöми менам лоас дай олöманöй выль семьяын?	Какая у меня будет жизнь в новой семье?
Мöдасны-оз менö пуктыны да морттуянöйö?	Будут ли меня уважать?
Батюшкоанöй, да пасибö тэныд,	Батюшко, да спасибо тебе,
	Матушка, да большое спасибо тебе за то,

Матушкаанӧй, дай ыджыд пасибӧ менӧ быдтӧмысь.	что вырастили меня.

ФА СыктГУ. АФ 13276-6: Летский с/с, д. Выставка, 2007 г.

12.

Маменькаанӧй пӧ,	Маменька,
Пасибӧ тэныд быдтӧмсьыд	Спасибо тебе за то, что вырастила,
Юрси вылсяньыд да кок гыж йылӧдзыд.	С головы до ног [спасибо].
Ёна тэ менӧ бура вердін	Очень ты меня хорошо кормила,
Да кӧмӧдін, паськӧдін,	Да обувала, одевала,
Да, тыдалӧ пӧ, лишнейӧн лои,	Да, видимо, лишней стала,
Мӧд семьяӧ кӧсъян сетны.	В другую семью хочешь отдать.

ФА СыктГУ. РФ 13-VII-28: с. Ношуль, 1997 г.

13.

Спасибӧ пӧ батюшко,	Спасибо, батюшко,
Менӧ бура пӧ быдтін	Меня хорошо растил,
Да бура кышӧдін-кӧмӧдін,	Да хорошо одевал-обувал,
Да бура быдтін.	Да хорошо растил.

ФА СыктГУ 1349-32: Объячевский с/с, д. Елинская, 2001 г.

14.

Югыд шонді, батюшкоанӧй,	Светлое солнце, батюшка,
Шыбитны кутін дай аслад дінысь	Стал бросать от себя,
А томыникӧн да норыникӧн.	Молоденькую и жалостливую.
Эг эшты вед ме быдмыныанӧй.	Не успела ведь я вырасти.
Красуйчи вед и, батюшкоанӧй,	Красовалась ведь, батюшко,
Батюшкоанӧй, матушкаанӧй,	Батюшко, матушка,
Ме тіян дінын: ох, ох, ой.	Я у вас, ох, ох, ой.
Пасибо тэныд да батюшколы	Спасибо тебе, батюшко,
А мича нимӧн шуӧмӧй вылӧ,	За то, что назвал красивым именем,
Мичаника кышӧдӧм-кӧмӧдӧм вылӧ,	За то, что обувал-одевал красиво,
Хо-хо-хой,	Хо-хо-хой,
А чӧскыдика удӧм-вердӧм вылӧ,	За то, что вкусно кормил-поил,
А кокньыдика уджӧдӧм вылӧ.	За легкий труд.
А коли менам югыд шондіяс дінын	А осталась у моих милых
А дивъян вӧд ді красотаанӧй,	Дивная ведь красота.
Хо-хой.	Хо-хой.
Пасибӧ тэныд да матушкалы	Спасибо тебе матушке
А чӧскыд онмӧн узьтӧдӧм вылӧ,	За сладкий сон.
Хо-хой.	Хо-хой.
А чечча тай ме да тэ дінӧ –	А встану я (утром) к тебе –
Пӧжалӧма тэнад пӧсь нянянӧй.	Напекла ты горячего хлеба.

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226. Л. 153: с. Занулье, 1963 г.

15.

Югудлунанӧй, пӧдружэнькаанӧй,	Светлый мой день, подруженька,
Колис кӧ тай батюшкоанӧй,	Оставил батюшко,
Батюшкоанӧй матушкаанӧйӧс.	Батюшко матушку.
Колис-ӧтортсис да пипӧланӧйӧн.	Осталась-отошла с детьми.
Быттін кӧ эд тэ да пипӧланӧйӧс	Вырастила ведь ты своих детей
Шоныд паччӧранӧйын, небыд шебрасӧй ултын,	На теплой печи, под тёплым одеялом,
Эз жӧ дзэрӧдлы, матушкаанӧй,	Не обижала, матушка,
Матушкаанӧй, батьтӧм дитяясанӧйӧс,	Матушка детей без отца,
Эз жӧ шыбитлы лежнӧг кустанӧйӧ.	Не бросила в кусты шиповника.

НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 147. Л. 234: с. Летка, 1974 г.

16.

Пасибӧ ыджыд шонді матушкалы,	Спасибо большое милой матушке,
Менӧлӧ быд робота дінӧ	Меня ко всякой работе
Да быд удж дінӧ велӧдӧмвылӧй.	Да ко всякому делу приучила.
Пасибӧ югыд шонді муса воклӧ	Спасибо милому брату
Менӧлӧ мича-мича вӧчӧдӧмвылад.	За то, что сделал меня красивой.

ФФ ИЯЛИ. А 1530-12: с. Читаево, 1962 г.

17.

Пасибо батюшколӧ ӧстанӧк ужын ужнӧдӧмвылӧй,	Спасибо батюшке за то, что последний раз дал поужинать,
Пасибӧ матушкалӧй ыджыд ужин лӧсьӧдӧм вылӧ.	Спасибо матушке за большое приготовление.
Лӧсьӧдін тэ ыджыд ужин ӧбедӧй вылӧ	Приготовила ты обед,
Да лӧсьӧдін тэ миянлӧ ӧстанӧк лунын-тӧ	Да приготовила ты нам в последний
Петыр лунъяс пажынӧй вылӧ (й).	Петров день обед.
Пасибӧ муса воклӧ пӧтка яй вылӧ	Спасибо брату за мясо птицы
Да чери нянь вылӧ(й),	И за рыбные пироги,
Пасибӧ муса сочлы небыд блин вылӧ	Спасибо любимой сестре за мягкие блины
Да чӧскыд ужин вылӧ (й).	И за вкусный ужин.
Чӧскыд кӧть вӧлі ужинанӧй,	Хоть и вкусным был ужин,
Да эз вед кылал менам талунъя дай ужинанӧй.	Но этот ужин мне в горле застревает.

«Бать-мамлы невеста висьталӧ спасибӧ ужнӧдӧмысь» (Невеста говорит «спасибо» отцу-матери за ужин)

ФФ ИЯЛИ. А 1530-11: с. Читаево, 1962 г.

18.

Мӧйса ме татӧні пукала,	И чего я сегодня здесь сижу,
Разьсис тай менам руса кӧсаӧй,	Расплелась моя русая коса,
Руса кӧсаӧй, зарни юрсиӧй.	Русая коса, золотые волосы.
Потласа вӧлі еджыд мишур кодь.	Разделенная, как белая мишура.
Сетіс тай менӧ батюшко аслас дінысь,	Отдал меня батюшко от себя,
Кольӧ пӧ менам батюшко дінӧ	Остается у моего батюшки красование,

красуйччӧманӧй,	
Чӧскыдика сейӧм-юӧманӧй.	Вкусное еда-питье.
Пасибӧ, сударыня-матушка,	Спасибо, сударыня-матушка,
Чӧскыдика вердӧм вылӧ,	За вкусную еду,
Мичаника новлӧдлӧм вылӧ, батюшкоанӧй.	За красивое ношение, батюшко.
Янсӧдін тай, сударыня-матушка, аслад дінысь.	Отдаляешь, сударыня-матушка, от себя.
Кольӧ тай менам матушка дінӧ красуйччӧманӧй,	Остается у моей матушки красование,
Дыр узьӧманӧй, чӧскыд сёйӧманӧй,	Долгий сон, вкусная еда,
Кок бӧж йылын бергалӧманӧй.	Хождение на кончиках пальцев (ног).
Пасибӧ юр вывсянь юр увтӧдз, батюшкоанӧй,	Спасибо с головы до ног, батюшко,
Пасибӧ, матушкаанӧй.	Спасибо матушка.
Красуйччи тай ли тіян дінын 21 арӧсӧдз.	Красовалась у вас до 21 года.
Пасибӧ Михаил Андреевичлӧ, муса воклӧ,	Спасибо Михаилу Андреевичу, милому брату,
Пасибӧ Катерина Андреевналӧ, муса сочлӧ,	Спасибо Екатерине Андреевне, милой сестре,
	Спасибо Мауре Андреевне и
Пасибӧ Маура Андреевналӧ да	Ульяне Андреевне, милым сестрам.
Ульяна Андреевналӧ, муса сочъяслӧ.	Были мы четыре сестры,
Нёль соч тай вӧвлім,	Много пели,
Ёна и сьылімӧ,	Не говорили плохих слов.
Эг жӧ нин лёк кывтӧ шулӧ.	Расстались с милыми сестрами,
Янсалім тай муса сочъясмыд,	Остается у четырех сестер красование,
Кольӧ тай нёль сочлӧн красуйччӧманӧй,	У батюшки и у матушки.
Батюшко дінын да матушка дінын.	

ФА СыктГУ. РФ 13-VI-1: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 1974 г.

19.

Югыдлунӧйлӧ да муса сочӧлӧ,	Светлому дню моей дорогой сестре,
Пасибӧ сылӧ толькӧ ыджыдджыка	Спасибо тебе большое
Матушкааслӧ да кесйӧдӧминӧ,	За помощь матушке,
Кесйӧдӧминас дай кесъялӧм вылӧ,	За то, что поручения выполняла,
Ва гозъянӧйсӧ дай вайӧмӧй вылӧ,	За то, что по два ведра воды приносила,
Пес ношаанӧйсӧ пыртӧмӧй вылӧ,	Дрова заносила,
Ёгӧсь джоджанӧйсӧ чышкӧмӧй вылӧ,	Мусор с пола мела,
Сьӧд джоджанӧйсӧ да мыськӧмӧй вылӧ,	Грязный пол мыла,
Пасибӧ сылӧ дай медыджыдджыка.	Спасибо тебе большое.

НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 147. Л. 231: с. Летка, 1974 г.

20.

Югыд лунанӧй да ныл олӧманӧй,	Светлый мой день, девичья жизнь,
Ныл олӧманӧй, кокньыд олӧманӧй,	Девичья жизнь, легкая жизнь,
Кокньыд олӧманӧй, вӧльнӧй олӧманӧй.	Легкая жизнь, вольная жизнь.
Спасибӧ тэныд пӧ, батюшкоанӧй,	Спасибо тебе, батюшко,
Батюшкоанӧй, матушкаанӧй,	Батюшко, матушка,

Вердöм-удöм вылад, кышöдöм-кöмöдöм вылад.	За то, что поили-кормили, одевали-обували.
Кольны тай мöдіс менö, матушкаанöй,	
Матушкаанöй пö, ныл олöманöй,	Покидать меня стала, матушка,
Ныл олöманöй, кокньыд олöманöй,	Матушка, девичья жизнь,
Ныл олöманöй, вöльнöй олöманöй,	Девичья жизнь, легкая жизнь,
Тöлалöманöй да лэбалöманöй.	Девичья жизнь, вольная жизнь,
Тöлалсис видзан пö, лэбалсис видзан,	Порхание и летание.
Лэбаліс нин видзан пö кокньыд юрбöжаöн	Отпархалось, видимо, отлеталось, видимо,
Юрйыд и бöжаöн да мича водзöрöн.	Отлеталось уже легким телом,
Югыд лунанöй пö, мунан, кöть лактан,	Легким телом и красивым платьем.
Мунан, кöть лактан, кöйöдас-лактас.	Светлый мой день, пойдешь, хоть придешь,
Мöдпöл чужтасны да мöд пöл пыртасны,	Пойдешь, хоть придешь, все равно настигнет.
Мöдпöл и пыртасны пö, мöд пöл рöдтасны.	Заново родят и заново окрестят,
	Заново окрестят, заново родят.

ФА СыктГУ. АФ 1306-5: Гурьевский с/с, с. Талица, 1978 г.

21.

Югыд лунанöй, ныл олöманöй,	Светлый день, девичья жизнь,
Мунöм-лактöмöй йöз ай-мам дінö,	Твой уход к чужим отцу-матери,
Йöз пи-ныв дінö.	К чужим детям.
Йöз пи-ныланöй да чорыд лежнöганöй,	Чужие дети – шиповник жгучий,
Йöз ай-мамöй – чорыд петшöранöй.	Чужие родители – жгучая крапива.
Аслад гортын рöднöй бать	В своем доме у родного отца
Да рöднöй матушка дорын	И у родной матери
Вöлін тэ ömидз тусь кодь,	Была как ягодка малиновая,
Шöлк тупыль кодь.	Как шёлковый клубок.

ФА СыктГУ. АФ 1359-11: с. Прокопьевка, 2001 г.

22.

Югыдлунанöй Аннушкаанöй,	Светлый мой день, Аннушка,
Вöлін кö тэ бать-мам дінын бур ныланöйöн	Если была ты у родителей хорошей девушкой
Да уджалысь мортанöйöн,	Да работающим человеком,
Лоан кö тэ йöз бать-мам дінын омöль монянöйöн,	Будешь у чужих отца-матери плохой невесткой,
Ковмас жö тэныд удж вылад мунны первöйöн,	Придется же тебе на работу идти первой,
Удж вылсьыд пырны да медбöръяöн.	А с работы заходить последней.
Пызан саяд кö ковмас пуксьыны медбöръяöн,	За стол придется садиться последней,
Пызан сайсьыд ковмас чеччыны первояöйöн.	А из-за стола придется вставать первой.

ФА СыктГУ. РФ 1323. Л. 2: с. Летка, 2006 г. (лето).

23.

Сэтчы кор мунан, йöз пи-нылыдлöн	Пойдёшь туда – у чужих детей
Небыд вольпасьöй лоö сарай посканöй,	Мягкой постелью будет голый пол в сарае,
Шоныд шебрасöй лоö льöм пу ньöръянöй,	Теплым одеялом будет черёмуховая вица,
Небыд юрултанöй лоö чер пу тышканöй.	Вместо подушки – деревянная чурка.

ФА СыктГУ. АФ 1359-11: с. Прокопьевка, 2001 г.

24.

Аслад гортын рöднöй бать дорын да рöднöй матушка дорын	У себя дома у родного батюшки, у родной матушки
Тэ вöлін ömидз öч кодь, шöлк тупыль кодь, сöдз зудöсöй кодь.	Ты была, как ягодка малиновая, как шелковый клубок, как лучший пучок кудели,
Йöз пипöлыдлöн небыд вольпасьöй лоö сарай посканöй,	У чужих детей мягкой постелью будет лестница сарая,
Шоныд шебрасöй лоö льömпу ньöръянöй,	Теплым одеялом будет черемуховая вица,
Небыд юрултанöй черпутышканöй.	Мягкой подушкой будет обух топора.
Оз жö нин мöд вунлыны гортса олömöй,	Не будет же забываться жизнь в родительском доме,
Матушка дінын красуйтчöманöй,	Красование у матери,
Пöсь öбед дорын да вый латка дорын.	С горячим обедом и с плошкой для масла.

ФА СыктГУ. РФ 1323. Л. 2: с. Летка, 2006 г. (лето).

25.

Менам югыд шонді матушка дінын,	У моей милой матушки,
Тэнад діныд дыр узьöманöй да сёр водöманöй.	У тебя долгое спание и позднее засыпание,
Кольö менам тэнад діныд красуйччöманöй.	Оставленное у тебя красование.
Да туйлі ме тіян дінын,	Да была я у вас,
Батюшко дінын да матушка дінын попаддя вылö-а.	У батюшки и матушки, как попадья.
Муна йöзас да дугда туйны джодж чышкан да гöлик вылö(й).	Пойду в люди и перестану годиться быть веником для пола.
Ылалі ме аслам муса соч дінысь да муса вок дінысь,	Отдаляться я стала от своих любимых сестры и брата,
Кор ми куйлім тэнад дінын, матушкаöй,	Когда мы лежали рядом с тобой, матушка,
Да аслад борд ултын соча-вока ултынöй да	Под твоим крылом, с сестрой-братом
Янсалны мöді ме тіян дінысь.	Да отдаляться я стала от вас.

ФФ ИЯЛИ. А 1530-3: с. Читаево, 1962 г.

26.

Разсис тай менам руса кöсаöй,	Расплелась моя русая коса,
Помасис менам том пöрааноöй.	Закончилась моя молодая пора.
Ме пö матушкалö-судариналö туя öні	Я у матушки-сударыни гожусь теперь
Зöлötöй часы пыддьö,	Вместо золотых часов,

Öні пö ме муна энька дінас,	А теперь пойду к свекрови,
Дугда пö ме туйны, югыд шонді,	Перестану годиться я, светлое солнце
Джодж чышкан рос вылö.	Быть веником для пола.

ФА СыктГУ. АФ 1383-17а: Объячевский с/с, д. Елинская, 2001 г.

27.

Мöд местаöйын мöд пöл чужтасны,	В другом месте заново родят,
Мöд пöл пыртасны.	Заново окрестят.
Муйса тэ надейчан йöз ай-мам вылас?	Зачем ты надеешься на чужих родителей?
Йöз ай-маманöй дзирыд öгыр кодь,	Чужие родители – как горячие угли,
Ас ай-маманöй асъя шонді кодь!	Свои родители – как утреннее солнце!

НМ РК. КП 12485. Л. 42: с. Прокопьевка, 1928-1929 гг.

28.

Чеччö ті, чеччö муса сочъяс, муса вокъясанöй,	Вставайте вы, вставайте, любимые сестры, любимые братья,
Чипан и петук чеччömны да сьылöнö нин,	Курица и петух встали и поют уже,
Миянöс катöны (й).	Нас будят.
Чеччö ті, чеччö да мыссьыштö ті ключевöй ваöн да	Вставайте вы, вставайте и вымойтесь вы ключевой водой да
Чышкысьыштö ті еджыд чышкödöн.	Вытритесь вы белым полотенцем.
Чеччö, чеччö муса сочъяс, муса вокъясанöй,	Вставайте, вставайте, любимые сестры, любимые братья,
Шондіыс лыбö, да кыаыс петöй.	Солнце встает, и заря наступает.

«Чеччödö бара бöрдömön. Нывъяссö да том йöзсö да. Водз чеччö невестаыс да бöрдömön чеччыны тшöктö» (Будит опять причитанием. Девушек и молодых людей. Рано встает невеста и причитанием велит вставать).

ФФ ИЯЛИ А 1530-8: с. Читаево, 1962 г.

29.

Мödін тай тэ, муса сочöй, пöсь пывсянö мунны.	Стала ты, любимая сестра, в теплую баню идти.
Стрöитіс пö тэныд батюшко пöсь пывсянтö,	Построил тебе батюшко теплую баню,
Нетшкисны пö нитштö мича сочьяс,	Мох собрали красивые сестры,
Вокыд керъяс вайис, пельöс тшупис,	Брат бревна привез, сруб срубил,
Муса сочömöй, пасибö нитштö вайömыд вылад,	Любимая сестра, спасибо за мох,
Пасибö мамыслö нитшкалöм вылад.	Спасибо матери за то, что мох нарвала.

ФА СыктГУ. АФ 1331-21: Чернышский с/с, д. Ивановская, 1996 г.

30.

Морöс дорö босьтіс пес ношаанöс,	К груди взяла ношу с дровами,
Лонтіс пылсянанöйöс,	Затопила баню,
Вадзис ва гозъянöйöс,	Принесла воды,

Вöчис пöсь ваанöйöс.	Сделала горячую воду.
Пасибö муса сочöйлö да ыджыдика	Спасибо любимой сестре большое
Пылсянанöйысь дай лонтömöй вылö,	За то, что затопила баню,
Ва гозъянöйöс вадзömöй вылö,	За то, что принесла воды,
Низкöй споклоном да великую да легонькую.	Низкий поклон, великую да легонькую.

НМ РК. КП 12485. Л. 135: с. Летка, 1928-1929 гг.

31.

Пасибö вежанюшкалö,	Спасибо крестной,
Кресная́лы матушкаöйлö	Крестной матушке
Свежö корсяöн пылсьöдöм вылö,	За то, что попарила свежим веником,
Свежö куиманöйöн юр мыськöм вылö,	За то, что помыла волосы,
Свежö ваанöйöн мысьöдöм вылö!	За то, что помыла свежей водой!
Пасибö батюшкоöйлö	Спасибо батюшке
Пылсян вöчöм вылö,	За то, что сделал баню,
Керъянöйöс вадзömöй вылö,	За то, что привез бревна,
Нитшканöйöс нетшкömöй вылö,	За то, что нарвал мох,
Тшупömöй вылö да лэптömöй вылö,	За то, что срубил и построил,
Лэптömöй вылö и велтьömöй вылö!	Построил и крышей накрыл!
Пасибö пöдруженькаяслö	Спасибо подруженькам
Сьылömыс вылö, йöктömыс вылö,	За то, что пели и плясали,
Ныл олöманöйöс кольльöдöм вылö!	За то, что проводили девичью жизнь!

НМ РК. КП 12485. Л. 135-136: с. Летка, 1928-1929 гг.

32.

Спасибо, баня-матушка,	Спасибо, баня-матушка,
Чиститöм-мостиτömсьыд,	За то, что почистила-помыла,
Менöлö чиститін да мостиτін.	Меня почистила и помыла.
Пасибö, теплая парушенька,	Спасибо, теплая парушенька,
Менö чиститömсьыд,	За то, что меня почистила,
Пöследней раз нин ме мысси да малтчи тэнад пывсянын,	Последний раз я уже помылась и натерлась в твоей бане,
Öні, гашкö, ме ог и мöд пырлавны пывсянад,	Теперь, может быть, я уже и не буду заходить в баню,
Оз и мöдны менö некытчы да сибöдлыный,	И не будут меня никуда отпускать,
Ковмас и сідзи мучитчыны мыссьытöг	Придется так и мучиться без мытья
Да пылсьытöг олны, ой.	Да без бани жить, ой.

ФА СыктГУ. АФ 13100-17: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 2001 г.

33.

Пывсянöй, пывсянöй,	Банюшка, банюшка,
Менам волöм бöрын, мыссьöм бöрын	После меня, после моего мытья
Киссьы да мун кос ягö,	Распадись и уходи в сухой бор,
Аслад мыр дінö да аслад вуж дінö.	К пням и корням деревьев.
А горъянöй да пачанöй,	Каменка и печь,

Киссьы тэ, киссьы ме бӧрын, Да мун тэ бӧр поле вылас, Аслад гӧпторъясӧ.	Распадись, развались после меня Да уходи ты обратно на поле, К своим ямкам.

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226. Л. 157: с. Занулье, 1963 г.

34.

Югыд лунанӧй, ныл олӧманӧй, Ныл олӧманӧй, вӧльнӧй олӧманӧй, Коліс жӧ олны батюшко дінад да маменька дінад. Тӧлдзисны кӧ тэнад мича лентаясӧй, Лентаясанӧй пылсян чад йылӧ, пылсян ӧд йылӧ. Югыд лунанӧй, ныл олӧманӧй, Ныл олӧманӧй, вӧльнӧй олӧманӧй Олан пӧл пуыдлӧн гырысь кулакъясанӧй, Паськыдӧсь сылӧн матьясанӧй…	Светлое солнце, девичья жизнь, Девичья жизнь, вольная жизнь, Надо же было жить у батюшки да у матушки. Улетели твои красивые ленты Ленты с дымом бани, с паром бани. Светлое солнце, девичья жизнь, Девичья жизнь, вольная жизнь. У твоего мужа большие кулаки, Широкие у него матюки….

ФА СыктГУ. РФ 13-XIV-3: с. Прокопьевка, 1999 г.

35.

Дзебсис тай шондіанӧй, Пуксис тай кыанӧй, Сідз жӧ дзебсяс Ныл олӧманӧй Шондіӧй бӧрысь, кыаӧй бӧрысь!	Спряталось солнце, Села заря, Также спрячется Девичья жизнь Вслед за солнцем, вслед за зарей!

НМ РК. КП 12485. Л. 119, 135: с. Летка, 1928-1929 гг.

36.

Югыд лунанӧй, тӧлзис тай, Тӧлзис ныл олӧманӧй Войтӧлӧй йылӧ! Кайис тай кайис Пылсян тшын йылӧ, Пылсян чад йылӧ.	Светлый мой день, улетела, Улетела девичья жизнь На север! Поднялась, поднялась С дымом бани, С паром бани.

НМ РК. КП 12485. Л. 119, 135: с. Летка, 1928-1929 гг.

37.

Менам женикanӧй вед тыла вылын настой кодь[8] сулалӧ, Коді мед омоль вӧрваас пуанӧй, Сэтшӧм жӧ менам мужикпуанӧй, Кыдзи мӧда ме сэтӧн нэм чӧжыс олны сія дінын,	У меня жених, как настой стоит, Какое самое плохое в лесу дерево, Такой же мой муж, Как я буду там всю жизнь жить у него,

[8] Слово *настой* в словарях не зафиксировано; возможно, окказиональное «оставшееся стоять на подсеке корневище, которое не удалось убрать». Возможна расшифровка «на стой кодь сулалӧ» («стоймя стоит»), по смыслу аналогично предыдущему выражению (примечание А.В. Панюкова).

Сэтшӧм омӧлик да морт дінас,	Такого плохого человека,
Кытчы и менӧ енманӧй, кристосанӧй веськӧдіс,	Куда меня Бог, Христос отправил,
Кутшӧм человек дінӧ,	К какому человеку,
Да мукаанӧйӧс мучитны,	Муку мучиться,
Сударина-матушка,	Сударина-матушка,
Некытчы ме ог мун сія мужик сайӧ,	Некуда я не пойду за этого мужика,
Аслым ме корся ачым кутшӧмкӧ тӧварыш,	Сама я найду себе какого-нибудь товарища,
Матушка, ог мун да ог мун ме сія сайӧ,	Матушка, не пойду да не пойду я за него,
Нем вед сія оз куж вӧчнытӧ,	Ничего ведь он не умеет делать,
Не вурсьыны, не тшупсьыны	Ни шить, ни подрубать
Черӧн, не пуртӧн.	Топором, ни ножом.
Ковмас вед менам нем чӧж сія дінын мучитчыны,	Придется ведь мне весь век у него мучиться,
Сёйтӧг да ютӧг олнытӧй.	Без еды и питья жить.
Сударина-матушка, кытчы тэ менӧ вувдзан	Сударина-матушка, куда ты меня отправляешь
Да öні аслад дінысь.	Теперь от себя.
Катан тэ тай менӧлӧ,	Будишь ты меня,
Ӧтіг кинад катан,	Одной рукой будишь,
А мӧд кинад шебралан,	А другой рукой укрываешь,
А сэтӧн вед менӧ мӧдасны катны узянінсьыд	А там ведь меня будут будить
Ыджыд шагӧн.	Большим шагом.

ФА СыктГУ. АФ 13100-15: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 2001 г.

38.

Ӧспӧдар, спӧдар да спӧдарина	Господин, господин и госпожа,
Пукалан же тэ ӧстаткиянӧс часанӧйӧс.	Сидишь же ты последние часы.
Лактӧнӧ тэныд любӧй гӧсь гӧсьтья	Идут к тебе любимые гости
Купчи-бӧяра – <…> господа!	Купцы-бояре, господа!
Вайӧнӧ тэныд любӧй гӧсьтинеч	Несут тебе дорогой гостинец,
Чистӧ серебрӧ, краснӧй зӧлӧтӧ.	Чисто серебро и красно золото.
Кайӧ тэд кайӧ лёк кымӧранӧй,	Идёт на тебя, идёт злая туча,
Гымалӧ тэд лёк гыманӧй,	Гремит на тебя, гремит злой гром,
Лёк гыманӧй юр выланӧйын,	Злой гром над твоей головой.
Агсаласны тэнӧ тыла агасӧн!	Боронят тебя подсечной бороной!

НМ РК. КП 12485. Л. 135-136: с. Летка, 1928-1929 гг.

39.

Локтӧны тай, муса сочойлы, тэнад талун купчи-бӧяраанӧй,	Идут, милая сестрица, купцы и бояре
Пӧлӧнитасны талун нида асланыс судӧн,	Заполонят тебя сегодня под себя,
Ёна тай нӧ да вольсьӧны нида да чорыд пуӧйн пӧнеткавнысӧ,	Пытаются они крепким загнетом придавить,
Лэчыд коса дор кодь вед тэнад айка пуанӧй,	Как острый топор, милая сестра, твой свекор.

Лэчыд чер кодь да жӧник пуанӧй,	Как весенний дергач, твоя свекровь.
Лежнӧг куст кодь вед энька пуанӧй,	Как острая коса, твой деверь!
Петшӧр куст кодь вед ая-нывъянӧй.	Как серп с зубьями, твоя золовка[9].

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 302: Объячевский с/с, д. Юговская, 1963 г.

40.

Югыд лунанӧй, подруженькаанӧй,	Светлый день моя подруженька,
Кутшӧм жӧ нин и лэчыд войтӧланӧй,	Какой же ветер северный резкий,
Ӧшшӧ лэчыдджык да ӧшшӧ кӧдзыдджык	Еще суровее да еще холоднее
Нерӧднӧянӧйыс ай-маманӧйыс.	Неродные отец с матерью.
Кутшӧм жӧ вед нин да кос туся кустыс,	Какой же ведь сухой куст можжевельника,
Ӧшшӧ на горыдджыг, ӧшшӧ на лэчыдджык	Ещё твердее, ещё острее
Нероднӧйанӧй да соч-воканӧйыс.	Неродные брат с сестрой.
Лёк гым кодь нидалӧн гӧлӧсъясанӧй,	Их голос, как суровый гром,
Кыз кымӧр кодь нидалӧн синъясанӧйыс,	Их глаза, как туча грозная,
Чорыд куль кодь нидалӧн кок шыясанӧй,	Ноги их, как тяжёлый куль.
Ылысянь кылан дай ылысян тӧдан,	Издалека слышишь да издалека знаешь,
Дзирыд ӧгыр кодь нидалӧн вед кулакъясанӧй.	Кулаки у них ведь, как угли горячие.
Коді вед эз оллы да коді вед оз тӧд,	Кто ведь не был да кто не знал,
Сэтшӧмъясыслӧ, можӧт, теш да смеканӧй.	Таким, может, потеха да смех.
Коді вед оллас да коді вед тӧдӧ,	Кто ведь живет да кто знает,
Ыджыд вед колӧ дай терпенньеанӧй.	Большое ведь надо терпение.
Сэтшӧм вед миян дай кӧленаанӧй.	Такие ведь у нас колени.
Ог вед ми тӧдӧ батюшкаясӧйӧс,	Не знаем ведь мы жизнь с батюшкой,
Кутшӧм сія батя олӧманӧй.	Каково это жить с отцом.
Ог жӧ нин ми тӧдӧ сэтшӧм лунанӧйӧс,	Не знаем же мы таких дней,
Кыа кӧ петӧ дай бур йӧзӧй вылӧ,	Когда заря восходит на добрых людей,
Дай красуйччӧнӧ нидай басуйччӧнӧ,	Да и красуются они, басуются,
Дай басуйччӧнӧ батюшкояс сайсянь.	Да басуются благодаря батюшке.
Миян красуйччӧм пыддьӧ да басуйччӧм пыддьӧ,	У нас вместо красования и басования,
Басуйччӧм пыддьӧ дай толькӧсь страдуйтам,	Вместо басования только страдания,
Пыжйӧн нин кӧ а кылтӧ гӧрӧанӧй а,	На лодке плывем в гору,
Ӧшшӧ изйӧвӧй, ӧшшӧ кӧдзыдик.	Еще каменистее, еще холоднее.
Вот миян кутшӧм дай красӧтаанӧй,	Вот какое у нас красование,
Красӧтаанӧй да басӧтаанӧй.	Красование и басование.

НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 147. Л. 235: с. Летка, 1974 г.

41.

Сюрис тай тэныд да бур жӧниканӧй,	Достался тебе хороший жених,
Бур жӧниканӧй, бур оланпӧланӧй.	Хороший жених, хороший муж.
<Значит, оланпӧл – это муж, оланпӧл называли, но как половина жизни, пол	

[9] Выражаем свою благодарность А.В. Панюкову за помощь в переводе данного причитания.

жизни>.

Красуйчыны, может мӧдан, бур мужик дінын,	Красоваться, может, будешь, рядом с хорошим мужем,
Бура кӧ мӧдас видзны дай.	Хорошо если будет содержать.

ФА СыктГУ. АФ 1827-44: с. Верхолузье, 1990 г.

42.

Лактӧнӧ талун бур гӧстьясанӧй, бур гостяясӧй!	Идут сегодня хорошие гости, хорошие гости (2р)
Еджыд юсьясанӧй! (2р)	Белые лебеди! (2р)
Вежайыс лактӧ каменӧй стенакодь,	Крестный идет, как каменная стена,
Жӧникыс лактӧ зӧлӧтӧй гора кодь,	Жених идет, как золотая гора,
Вежаньыс лактӧ сьӧд утка кодь,	Крестная идет, как черная утка,
Мамыс лактӧ ыджыд дзодзюг кодь,	Мать идет, как большой гусь,
Батьыс лактӧ югыд шонді кодь,	Отец идет, как светлое солнце,
Вокыс лактӧ как Илья Муромец,	Брат идет, как Илья Муромец,
Сочыс лактӧ еджыд тӧлысь кодь,	Сестра идет, как белый месяц,
Золотой семья (2р).	Золотая семья (2р).

ФА СыктГУ. РФ 1319. Л. 16об, 18, 19-20: с. Ношуль.

43.

Ме пӧ тэнӧ ылӧ мӧдӧда,	Я тебя далеко отправляю,
Талун кышӧда муса нылӧс ӧстаткианӧй, пӧследняӧнӧй,	Сегодня одеваю любимую дочь напоследок, в последний раз,
Ог нин пӧ сэсся ме тэнсьыд мӧд керка пияынӧс пырны,	Не буду потом к тебе домой заходить,
Он нин мӧд менсьым аддзылны керкапиянӧс.	Ты не будешь видеть мой дом,
Шальӧда пӧ ме тэнӧ.	Поглаживаю я тебя.

Кышӧдігас (При одевании) (комментарий А.К. Микушева).

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а. Л. 128 (**= ФФ ИЯЛИ 1525-3, № 23Р2**)**:** с. Ношуль, 1961 г.

44.

Югыд лунанӧй тэ вежанянӧй,	Светлое солнце, крестная моя,
Креснӧя ли пӧ матушкаанӧй,	Крестная матушка,
Мӧдін тай тэ дзугны мишур юрсианӧйӧ,	Стала ты спутывать мишурные волосы,
Мӧдін тай тэ вӧчны катша позъянӧйӧс.	Стала ты делать сорочье гнездо.
Мӧдас пӧ вӧд тэнчыд сынавны олан пӧланӧй	Будет же муж расчесывать твои [волосы] Пятипалым гребнем.
Вит чуня сынанӧйанӧй(ӧн).	Спутала же ты, расплела мою красивую косу,
Дзугин тай тэ, разин менчум мича кӧсаанӧй(ӧс),	Терять стала свою красивую косу,
Воштыны тай мӧді мича кӧсаанӧйӧс,	Пропадет ведь у меня после сегодняшнего вечера
Вошас пӧ вед менам та рытъя бӧрын	Девичья краса.
Нывъя красаанӧй.	

НА Коми НЦ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 209а. Л. 104, № 24: с. Летка, 1976 г.

45.

Разсис тай менам руса кӧсаӧй да зарни юрсиӧй, (2р)	Расплелась моя русая коса да золотые волосы, (2р)
Да дӧлкъялан кӧ вӧлі еджыд мишур кодь,	Да развевались, как белая мишура,
Пӧртмасян кӧ гулю зобйӧй кодь.	Переливались, как голубиный зоб,
Куим лунтӧ бӧрын сэсся туплясьӧ ракаӧй позйӧй да катшаӧй позйӧй.	Через три дня спутаются в воронье гнездо, в сорочье гнездо.

НМ РК. КП 12493. Л. 54: с. Летка, 1928-1929 гг.

46.

Господянӧй, благӧслӧвианӧй,	Господи, благослови,
Благӧслӧвит тэ менӧ,	Благослови ты меня,
Батюшкоанӧй и матушкаанӧй,	Батюшко и матушка,
Менӧ олнысӧ няньӧн и солӧн,	Чтобы жила я с хлебом и солью,
Скӧтӧн-жывӧтӧн, йӧлӧн и выйӧн!	Со скотом, с молоком и маслом!

НМ РК. КП 12485. Л. 105: с. Летка, 1928-1929 гг.

47.

Племянничаанӧй, дитяткоанӧй менам,	Племянница, дитятко мое,
Мӧдін тай тэ мунны	Стала ты уходить
Ас куреньысь йӧз куреньӧ.	Из своего дома в чужой дом.
Благӧслӧвита ме	Благословлю я,
Лючки-ладнӧ мед олны.	Хорошо чтобы жила.

ФА СыктГУ. РФ 13-XII-73: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2000 г.

48.

Маменькаанӧй, прӧстит менӧ,	Маменька, прости меня,
Гашкӧ, мыйкӧ неладнӧ тэныд висьталі,	Может быть, что-то не так тебе сказала,
Гашкӧ, мыйыськӧ ӧткажитчи	Может быть, в чем-то отказала
Либӧ ӧскӧрбитлі.	Либо оскорбила.
Прӧстит менӧ, пӧжалуйста, да благословит.	Прости меня, пожалуйста, и благослови.

ФА СыктГУ. РФ 13-VII-28: с. Ношуль, 1997 г.

49.

Пасибӧ тэныд нин тэ, матушкаанӧй,	Спасибо тебе, матушка,
Быдтӧмсьыныд и пасьтӧдӧмсьыныд.	За то, что воспитала, одевала, обувала.
Ой, простит же, простит жӧ нин,	Ой, прости, прости меня,
Да благославит тэ, матушкаанӧй	Да благослови ты, матушка,
Йӧз семья дінын.	В чужую семью идти.
Эхе-хе, хей.	Эхе-хе, хей.

ФА СыктГУ. АФ 13266-3: с. Летка, 2007 г.

50.

Маменька, менö пö мöдöдан турун додьла али пес додьла?	Маменька, меня отправляешь за возом травы или за возом дров?
А ме пö тэнö пö быд работа вылö мöдöда.	А я тебя на всякую работу отправляю.
Чветитi тай ме нен кодь чветкаанöй моз.	Цвела я как цветы шиповника.
Усьö тай менам талун ненкодь чветкаанöй,	Опадают сегодня у меня цветы шиповника,
Нюглясысь чери вугыр шатьöй моз,	Как согнутая удочка,
Чегъялö тай пö менам вугыр шатянöй.	Ломается сегодня моя удочка.
Ылала тай пö ме муса вокъяс дiнысь, муса зонъяс дiнысь.	Отдаляюсь я от любимых братьев, от любимых парней.
Ог пö мöд аддзыны муса вокъясанöй дай муса зонъясанöйöс.	Не буду видеть любимых братьев и любимых парней.
Ог пö мöд ме гуляйтны мöдны ветлыны да ныв табунöн.	Не буду больше гулять с подругами.
Талун пö менам ки-коканöй чегö.	Сегодня у меня руки-ноги ломаются.
Силькъялi-сёлькъялi ме пипу листöй моз.	Шуршала-шелестела, как лист осины.
Гылдöй пö тай менам талун пипу листанöй.	Опадает сегодня мой лист осины.
Кельдöдö пö тай менам талун пипу листанöй.	Желтеет сегодня мой лист осины.
Усьö тай пö му вылö пипу листанöй.	Падает на землю лист осины.
Ме пö чайта гылдiг пипу листанöй,	Я думала, падает лист осины,
Гылдö тай пö менам да синваанöй.	А это мои слезы текут.
Менсьым тай, маменька, талун пö дорöдö кöрд чепанöй да сизим сывъя.	Маменька сегодня выковывает железную цепь в семь саженей.
Ме пö тай ветлi-муні, силькъялi-сёлькьялi зöлöтöй да чем йылын,	Я ходила-гуляла, шуршала-шелестела на золотой цепи,
А талун тай меным пö кöрт чепанöй дорöдöма.	А сегодня мне железную цепь выковали.

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а. Л. 128: с. Ношуль, 1961 г. (**= ФФ ИЯЛИ 1525-4, № 23 Р2**).

51.

Ме югыдлунöй пö тай талун силькъялi-сёлькъялi пипу листöй моз.	Я светлый мой день шуршала-шелестела сегодня как осиновый лист.
Маменька менö пö талун мöдiс янсöдны.	Маменька сегодня меня стала отделять.
Шоныд бур дукöс, шоныд бур дукöс пö пипу лист цветöй.	Теплый, приятный запах, теплый, приятный запах осинового листа.
Ог пö мöд ме öнi шоныд борданöйöс дай пö аддзыны.	Не буду я теперь теплого крыла видеть.
Абы пö ли мöй ме маменькалы жаль дай	Не жалко что ли матери
Биысь ваö да тшын пиö да мука пиö,	Из огня в воду, в дым и в муку.
Тöлалi пö тай ме нен коль чветка кодь.	Веяла я как цвет шиповника.
Менам пö усьö талун нен коль чветкаанöй.	Осыпается сегодня цветок шиповника.
Чегъялö пö менам талун вугыр шатянöй да сизим пельö.	Ломается сегодня у меня удочка да на семь частей.
Ог пö и мöд некыдз некытчö дай муса вокъяс дiнö дай ныл гурба пиö	Не буду проводить время с любимыми братьями и подругами,

Нетöштö ли мый пö зон гурба пиö.	Не то, что с парнями.
Ог пö мöд лысьтыны ме да кыльчö понö дай пö юасьтöг, дай пö и петны.	Не буду осмеливаться я на крыльцо, не спросясь, выйти.

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а. Л. 130: с. Ношуль, 1961 г. (**= ФФ ИЯЛИ 1525-5, № 23 Р2**).

52.

Разсис тай менам талун руса кöса зарни юрсианöй,	Расплелась сегодня моя русая коса, золотые волосы,
Потласа вöлі руса кöсаöй, зарни юрсиöй еджыд мишур кодь,	Разделенная была русая коса, золотые волосы как белая мишура,
Дöлаліс и воляліс бур шöвканöй кодь,	Сияли и блестели как хороший шелк,
Сударинушка-матушкалой вöлі сынавлöм торöй,	Сударушкой-матушкой расчесанная,
Осподарушко-батюшколöн зунавлöм торöй.	Господарушкой-батюшкой заплетенная.
Туплясяс менам руса кöса зарни юрсиöй ракаöй позйö,	Спутается моя русая коса, золотые волосы в воронье гнездо,
Ракаöй позйö да катшаöй позйö.	В воронье да сорочье гнездо.
Светитліс и руса зарни юрсиöй сизимдас сизим дай цветкаöн,	Светилась русые, золотые волосы 77 цветами,
Сырзяс кö менам сизим дас сизим цветкаöнöй кык лунъя бöрын.	Растреплют мои 77 цветов через два дня.

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 304: Объячевский с/с, д. Юговская, 1963 г.

53.

Тэ югуд лунöй да тэ, муса сочöй,	Ты, светлый мой день да ты, любимая сестра,
Мыйла тэ татöн да бара пукалан,	Зачем ты здесь опять сидишь,
Кузь думасö йыли дай дженьдöдан?	Длинную думу укорачиваешь?
Дженьыд думасö йöли нюжöдан?	Короткую думу удлиняешь?
Мöдöдö тай пö сударина матушка	Отправляет сударушка-матушка
Кузь вöлöк сайö да паськыд ва сайö.	В долгий путь да за широкую воду.
Кодлы пи кö батюшко донъяліс-беръяліс чигурöй пыддьö,	Батюшка оберегал,
Сударина матушка видзöдіс пö лöзорöй пыддьö.	Сударушка-матушка оберегала.
Кутшöм нин пö менам сьöлöманöй?	Какое у меня сердце?
Изйöсь кö вöлі, важöн пöри нин да дзинбырö,	Если бы из камня оно было, давно бы уже раскололось,
Пуысь кö вöлі, важöн пöри нин да сісь пуö,	Если бы из дерева было, давно бы уже сгнило,
Яй сьöлöмыд жö вед дай нем оз ло,	С человеческим сердцем ничего не случится.
Пасибö матушкалы бура быдтылöм вылад да вердöмöй вылад,	Спасибо матушке за хорошее воспитание и еду,
И оз мöд гашкö дöндзыны сэтчаньын чашка мыськöм ваанöй.	Может быть, там мне не будет доставаться и вода от вымытой чашки.

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 318: Объячевский с/с, д. Юговская, 1963 г.

54.

Разсис тай менам руса кӧсаӧй,	Расплелась моя русая коса,
Зарни юрсиӧй потласа вӧлі менам бур шӧлканӧй кодь.	Золотые волосы разделенные были у меня, как хороший шелк.
Кытчы тэ менӧ, батюшкоӧй, мӧдін вувдзыны да томыдикӧн?	Куда ты меня, батюшка, стал бросать молоденькую?
Эг на вед ме вӧл тая кад мунанторанӧй.	Не была ведь я готова к отъезду.
Удин тай менӧ томыдикӧн дай аслад дінысь.	Успел отправить меня молоденькую от себя.

Кӧса разигӧн бӧрдӧм (Плач при расплетении косы).

ФФ ИЯЛИ. А 1530-1: с. Читаево, 1962 г.

55.

Пукала батюшко пуктӧм керкаын останок и лунъяс,	Сижу в доме, построенном батюшкой, последние дни,
Пукала нин ме мамушко кок пыдӧс пӧсьӧдӧминын ӧстанӧк лун-вой.	Сижу у согретых ног матери последние день-ночь.
Удинныд менӧлӧ,	Успели отправить меня,
Эз на вӧв некытчы мунантор дай томыдикӧн.	Не была готова я к отъезду своей молодостью.
Эгӧ мӧй тіянлӧ быдтӧмсьыд уджаллы?	Не работала разве я вам за то, что вырастили меня?
Пасибӧ батюшколӧ бурыдика быдтӧм вылад да велӧдӧм вылад.	Спасибо батюшке за то, что хорошо вырастил и выучил меня.
Эг на вед ме тэд быдтӧмсьыд нулы паськыд покостӧ	Не несла ведь я еще тебе за воспитание широкого покоса
Да турун додьтӧ вайлы.	И сани с травой не приносила.
Кыдзи ме йӧзас муна да мӧда олны-а	Как я пойду в люди и буду жить
Дай ачымӧс петкӧдлыны(й)?	И себя показывать?
Янсӧдны тай менӧ мӧдін, матушкаӧй,	Отрывать стала меня, матушка,
Аслад дінысь дай аслад шоныд борд ултысь.	От себя и от своего теплого крыла.
Кытчы тэ менӧ лӧсьӧдан, кок пыдӧстӧ пӧсьӧдан	Куда ты меня готовишь, ноги подогреваешь
Да со печальтӧ вӧчан, печальтӧ менсьым,	И печаль создаешь, печаль мне
Тайӧ аслыд печальтӧ.	Да себе печаль.

ФФ ИЯЛИ. А 1530-2: с. Читаево, 1962 г.

56.

Вежанюшка-матушка пӧ талун менӧ пӧследньӧй пылсянын пылсьӧдін
Менам пӧ талун девъя красотаӧй пидзӧс пон вылӧ летитіс.
Пидзӧс пон вылсян пӧ петіс пылсян жӧлӧбӧй дорӧ.
Думайтӧ пӧ сія кузь думаанӧй.
Кытчы пӧ ме талун девья красотаанӧй вошъя ме пӧ ачым ы…

Босьтіс сія берегöй дорö, гажа берегöй дорö, паськыд ва вылö
Пуксис сія, мöдіс кывтны йи плака вылын пö.
Плесöысь плесöö, вомönысь вомönö, локтіс Устюг кар вылö.
Устюг кар вылын пö уна магазинанöй, гырысь-гырысь пö магазинанöй.
Öтіг магазинö пö пыралла, девъя красотаö оз сэтчö игнась да сьöлöманöй
Видзалö-видзалö пö, сылы нем оз глянитчы да töварönöй.
Петö пö мöд магазинö, пырö öщö бурджык,öщö оз глянитчы.
Кытчы пö ме татысь мöда вошны девъя красотанаöй, своя вöляанöй.
Лактö сія, девъя красатаанöй, гажа йöл берег дорö.
Думайтö, кутшöм сія яг вылö мунны, мунö сія озъя яг вылö.
Гöрдыд-гöрдыд земляникаанöй, ме пö ачым гöрдыдджык.
Оз сылы кажитчи земляникаанöй
Кытчы пö ме татысь земляника дінысь муна.
Мунö сія чödъя расö, черника расö, черникаын пö сылön чödъянöй уна.
Оз сылы бара кажитчы, кытчö пö ме вошся да черникаанайön.
Ме пö ачым, черника, ачым ыджыдджык.
Пöследньöй жизнь пö ме гуляйта.
Мунö сія черника расысь ömидза куст тыла вылö.
Ömидза кустын сылön уна гöрдыд-гöрдыд пö ömидзаанöй-малинаанöй.
Оз сылön сöгласитчи бара малинаанöй.
Мунö сія льömъя сэтöра войтö.
Оз сылы кажитчис сэтöра войтанöй.
Мунö сія черемухаö кустö, бара льömъянöй öктыны.
Бара сылы оз кажитчы тая ягödаанаöй.
Льömъя яг вылысь сія петö пулъя яг вылö, уна сылön брусникаанöй.
Оз сылы бара кажитчы да брусникаанöй,
Мунö сійö сэтысь нюрмоля нюрö.
Оз сылы кажитчы да мырмоляной.
Петö сія, лактö нюрмоля нюрысь пöследньöй ягödаанöйинысь гажа берегöй дорö.
Кытчы пö ме öні муна
Пырö сія сельсöвет пытшкöсö.
Сельсовет пытшкöсын, кылö, куйлö дас кык пызан сайын
Кыз нигаанöй, ыджыд нигаанöй сія сэтчö.
Потö сылön вöлись сельсöвет пытшкöсын девья красотаалön пö да сьöлöманöй.
Сылысь нин ним- памильöанöй сэтчö вежönö.
Сельсовет пытшкöсögижöны сылысь ним-памильаанöй.
Вöлисти сылön сэтчö игнассьö девъя красаталön да сьöлöманöй.
Сельсовет пытшкöсö дас кык замок сайö.
Дас кык özь сайö дай не воссьылöм выв кежö.

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а. Л. 124: с. Ношуль, 1961 г. (**= ФФ ИЯЛИ 1525-2, № 23 Р2**).

57.
Пасибö Тикон Васильевичыс пö сударушко батюшколы пывсян кер пöрödöм вылöй
Мед вильыд пусö, мед веськыд пусö бöрйödлöм вылöй
Пасибö, муса вокöй, пывсян кер вайömöй вылö,
Пывсян кер вайömöй вылö, вöрöна вöлön кыскömöй вылö,
Пасибö сударинушка-матушкалы пывсян кер нитшкалöм вылöй
Мишурнöй нитшнас да нитшкалöм вылö

(сэсся миян вед бӧрддзыны мӧдас)
Пасибӧ, муса сочӧйлы,
Пывсян пач тэчӧмӧй вылӧ,
Се да вед изнас да тэчӧмӧй вылӧ
Пасибӧ муса сочӧйлы
Пывсян ва вайӧмӧй вылӧ,
Да дас кык ключысь да бӧрйӧдлӧм вылӧй,
Мед югыдінсьыс да мед визывинсьыс вайӧмӧй вылӧй
Пасибӧ тэн пывсянӧй да ломтӧмӧй вылӧ,
Пасибӧ кресная вежанюшка-матушкалы мыськӧмӧй вылӧ,
Отпыр кӧ эськӧ тэ, скреснӧя вежанюшка матушка,
Лэсис девъя красота, мича ним да….йылӧ,
Восьтіс тай креснӧя вежанюшка-матушкалы(й) пывсян ӧзъянӧй,
Петіс тай девъя красота мича нима пывсн жӧлӧбӧй вылӧ,
Босьтіс тай девья красӧта мича нима кузь думаанӧй.
Кодӧрӧ жӧ пӧ меным вед ӧні да лотчынысӧ?
Муніс тай девья красӧта мича нима керка жӧлӧбӧй йылӧ,
Босьтіс тай девья красӧта мича нима кузь думаанӧй,
Мӧдӧдчис девья красота мича нима да пулъя ягӧй,
Пуксис тай девъя красӧта мича нима пув чветка вылӧй,
Еджыд да еджыд чветитӧ пув светкаанӧй,
Ещӧ еджыдджык и мича девья красӧта мича нимаӧй,
Муніс тай девья красӧта, мича нима да чӧдъя ягӧй,
Лӧзыд да лӧзыд чветитӧ чӧд чветкаанӧй,
Ещӧ лӧзджык и мичаджык девья красӧта мича нимаӧй.
Мунас тай чӧдъя ягсьыс девья красӧта мича нима вичко кресс йылӧ,
Думайтӧ сэтӧн девья красӧта мича нима кузь думаанӧй,
Кытчӧ жӧ нин пӧ меным ловӧ да лотчынысӧй?
Лэссяс жӧ девья красӧта мича нима вӧлтарысь дорӧ,
Пуксяс жӧ девья красӧта мича нима вӧлтарысь дорӧ,
Думайтӧ сэтӧн кузь думаанӧй,
И пырас девья красӧта мича нима евангельльӧ костӧй,
Вӧлисьти инасяс сылӧн сэтчӧ да сьӧлӧманӧй,
Донъяліс бӧръялісны девья красӧта мича нимаанӧс купчи-бӧяра.

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 301: Объячевский с/с, д. Юговская, 1963 г.

58.
Пасибӧ теплӧя парушенька-матушкалы
Мыськӧм мавтӧмӧ вылӧ,
Чистӧя банюшенькалы,
Пасибӧ креснӧя вежанюшка-матушкалы
Мыськӧм-мавтӧмӧй вылӧ.

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 303: Объячевский с/с, д. Юговская, 1963 г.

59.
Здорово пӧ, теплая парушенька,
Мыськышты, мавтышты менӧлӧ
Венеч ултын сулалыштыштны

Да бур йӧзанӧйлӧ ошкыштыны,
А лёк йӧзанӧйлӧ на завидӧсь.
Мыссьӧдышты менӧ, ключевӧй воданӧй.

<*«Сэсся эз дырыс, сэсся пырӧны пывсьыны»*> (Потом недолго, потом заходят париться).

Спасибӧ, теплая парушенькалы да ключевӧй водалӧ
Мен мыссьӧдӧм, мавтӧм вылад, лӧсьӧдӧм, ладитӧм вылӧ.

Пывсян бӧрдӧм («Банное» причитание).

ФФ ИЯЛИ. А 1530-4: с. Читаево, 1962 г.

60.
Вайышты, батюшкоӧй,
Меным пӧ суртортӧ кос голялӧ пывсян бӧрын кӧтӧдыштыны.
Вайышты тэ, матушка,
Закускатортӧ пӧсь пывсян бӧрын закуситыштыны.

(«Сэсся вердыштасны бара сэки пырасны да») (Потом покормят, когда зайдут).

ФФ ИЯЛИ. А1530-5: с. Читаево, 1962 г.

61.
Кытчы тэ, вежанюшка, менӧ зуалан, сыналан?
Водзті не бӧрті тай эн сынавлы-а.
Кытчы мӧдін лӧсьӧдны, ладитны менӧлӧ?

<*Ся вежаньыс бара:*> (Потом крестная опять)

Сынала пӧ ме тэнӧ венеч ултын сулалыштыны,
Да бур йӧзлӧ ошкыштыны,
Лёк йӧзлӧ на завидӧсь.

«Сэсся вежаньыс пуксьӧдӧ сыналны, сэки бара бӧрдыштӧ» (Потом крестная сажает расчесывать, там опять причитают).

ФФ ИЯЛИ. А 1530-6: с. Читаево, 1962 г.

62.
Колис тай менам мича нима девья красӧтаанӧй,
Оз аддзы некытчы сія да местаанӧй.
Мунас первой сія льӧм пу кустӧ.
Еджыд ветка вылӧ пуксьылас да оз инась сылӧн сэтчы да местаанӧй.
Пуксяс мунас сія лежнӧг кустӧ,
Лежнӧг чветка вылӧ да оз инась сылӧн да сьӧлӧманӧй.
Мунас да пуксяс ӧмидз кустӧ дай оз инась да сьӧлӧманӧй.
Пуксяс мунас да мича нима девья красӧтаанаӧй озъя тыла вылӧ да абы сэн сылӧ местаыс.

Пуксяс-лэччас да мича нима девья красӧтаанӧй йы плака вылӧй.
Кылалас мича нима девья красӧтаанӧй, кывтас дай Устюг каредз.
Каяс сія Устюг карӧ мича нима девья красӧтаанӧй да пырас медыджыд соборӧй.
Пӧдлаласны мича нима девья красӧтаӧс дай ыджыд ӧзь сайӧ,
Да игналасны мича нима девья красӧтаӧс дас кык томанӧн,
Да кольӧ сэтчы менам мича нима девья красӧтаанӧй.

ФФ ИЯЛИ. А1530-7: с. Читаево, 1962 г.

63.
Колис тайӧ менам югыд шондіӧй ныл олӧманӧй,
Ныл олӧманӧй, югыд шондіӧй
Да <…> пукала нин ме татӧн дай ӧстанӧксӧй.
Колис тай менам югыд шонді красуйчӧманӧй
Да <….> чегалӧманӧй.
Муна югыд шонді, ой, ме том йӧз дінӧ,
Ныв-зон дінӧ да первӧя овлім да петысянӧй.
Да кольны тай менӧ мӧдіс югыд шонді красӧтаанаӧй.
Кыдзи и ме муна да мӧда первӧй кольлыны югыд шонді йӧзас,
Времяясанӧй дай оз же нин прӧйдит.
Менам ӧтігӧн джына не кӧ мӧд,
Да и менамӧй ёна же нин жальӧн кольӧ менӧ ныл олӧманӧй,
Ой, вед ёна жальӧн кольӧ ныл олӧманӧй,
Да ещӧ жӧ нин ёнджык жаль кольӧ менам
Бать-мам дінын быдмӧманӧй да красуйчымӧнӧй.
Бура радита кышасьлӧм-кӧмасьӧма,
Чветитлі ме батюшкой дінын
Ой, да чветка моз.

ФФ ИЯЛИ. А 1530-11: с. Читаево, 1962 г.

64.
Кольӧ менам матушка дінысь
Дыр узьӧманӧй да небыд кудель печкылӧманӧй.
Да кужлі ме аслам матушка дінын всякӧйсӧ вӧчны,
Мичаа и бура вӧчлі-а.
Ог вед мӧд кужны йӧзас муна да йӧзлы печкыны да шӧртанӧн.
Мыйла тэ, матушкаӧй, лэдзин менӧлӧ да чветіг костіыс?
Пасибӧ ыджыд шонді матушкалы
Менӧлӧ быд робота дінӧ
Да быд удж дінӧ велӧдлӧмыдӧй.
Пасибӧ югыд шонді муса воклӧ
Менӧлӧ мича-мича вӧчӧдӧмвылад.

ФФ ИЯЛИ. А 1530-12: с. Читаево, 1962 г.

65.

Разсис тай менам руса кӧсаӧй да зарни юрсиӧй (2р)	Расчистая моя русская коса да золотые волосы,
Да дӧлкъялан кӧ вӧлі еджыд мишур кодь	Блистала, бывало, ты, как белый мишур,

Пöртмасян кö, гулю зобйöй кодь куим лунтö бöрын,	Цветами ты играла, как голубеный зоб. Три дня после этого она валяется,
Сэсся туплясьö ракаöй позйöй да катшаöй позйöй.	Как сорокино гнездо, как воронье гнездо.
Пасибö, батюшкоöй, Миколай Васильевич	Спасибо тебе, батюшка Николай Васильевич.
Öспöдар батюшколы пывсян кер пöрöдöм вылад	Государь батюшка, за бревна для бани
Да мед мича ягсьыс да бöрйöдöм вылад	И за заготовку бревен для нее.
Медмичасö, медвеськыдсö, мед <визöдсö>,	За выбор их в красивом бору, За выбор самых красивых, самых прямых,
Рубльöвöй чернад пöрöдöм вылöй,	За то, что рубил их рублевым топором.
Мишурöн нитшкöн нитшкалöманöй да пывсянанöй,	Мишуровым мхом законопаченная баня, Баня ты моя.
Пасибö муса сочлы, Аннушка Ивановналы	Спасибо тебе, дорогая сестра Аннушка Ивановна,
Ва вайöм вылад дас кык бöрйöдöм вылöй.	За водоношение и за двенадцать раз выбранную воду.
Медюгыдсö кö тэ муса сочöй вайин да мед визыв инысь.	Ты принесла, сестрица, воду самую чистую с быстроходной реки.
Пасибö муса сочышкалы Аннушкалы Ивановналы	Спасибо, дорогая сестра, Аннушка Ивановна,
Пес кералöм вылад дай пывсян ломтöм вылад.	За то, что дрова наколола, баню затопила.
Пасибö югыд шонді вежанюшкалы Марья Ивановналы	Спасибо, светлое солнышко, крестная моя Мария Ивановна,
Пывсьöдöм вылад да мыськöм вылö	За баню-то, за умывание, парение.
Öтпырысь киськöптін менö вежанюшка	Первый раз меня всплеснула водой (окатила),
Да кок ултöдз лэтчис,	Да до ног дошло,
Мöдыськö киськöптін менö, вежанюшка,	Второй меня окатила,
Да пидзöс увдорöдз лэтчис,	Ниже колен дошло,
Коймöдысь кö киськöптін вежанюшкаöй	Третий раз меня окатила,
Да кок чунь йылöдз лэтчис.	Да до стоп дошло.
Восьсис сэсся, вежанюшка, пывсян öзьзянöй,	Открылись потом, крестная, у бани двери,
Чадыс кö вежанюшка пывсян руыскöд,	А угар-то, моя крестная, как банный дым,
Петіс кö вежанюшка менам мича нима,	Вышла у меня моя девичья краса,
Девья красöтаöй пуксис пö сія сэсся Пывсян жöлöбöй вылö.	Да села она на баню на желоб,
Думайті тай ме, думайті, кытчö ме та рытйö лотча?	Думала я думала, куда же я направлюсь?
Лэбзьö жöй менам мича нима девья красöта	Улети ты, моя девичья краса,
Вичко крес йылö.	Да садись на церковный крест.
Öтарö видзыштіс да тыдалö пувъя яганöй,	Посмотрела она в одну сторону – брусничный бор,
Мöдарö видзыштіс да тыдалö чöдъя яганöй.	В другую сторону посмотрела – черничный бор,
Часköть жö ветла чöдъя яг вылас	Пойду-ка схожу я на черничный бор,

Лӧзыд да лӧзыд чӧд светкаанӧй
Ещӧ жӧ лӧзыд мича нима девья красӧтаӧй.

Оз инась сэтчы менам сьӧлӧманӧй.
Часкӧть жӧ ветла пувъя ягӧй вылӧ.
Гӧрдыд да гӧрдыд светитӧ пув чветкаанӧй

Оз инась сылӧн сэтчы сьӧлӧманӧй.
Тыдалӧ жӧй сэсся мыр пон нюръянӧй,

Гӧрдыд да гӧрдыд светитӧ мыр пон чветкаанӧй,
Ещӧ жӧ гӧрдыд мича нима девья красӧтаанӧй,
Оз инась сылӧн сьӧлӧманӧй.

Озъя тылаанӧй, веж луг выланӧй,

Льӧм пу кустанӧй, лежнӧг кустанӧй, нен коль чветкаанӧй.
Час кӧть ме пукся пипу чагйӧй вылӧ,
Пета жӧ сэсся Луз кузя кывтны,
Пуксьылас сэтчы девья красӧтаанӧй,
Прилукас воас да четчас сэсся,

Сэсся медбур лавкаас каяс
Да мед дона тӧварсӧ босьтас.
Донъясьӧ жӧ да берталӧ мича нима девья красӧта,
Оз инась сэтчы сьӧлӧманӧй.

Часкӧть жӧ ветла асланым Микола дорӧ (церковь или монастырь).
Вичко крес йылӧ пуксяс, пукалас да пукалас,
Часкӧдь жӧ лэтчыла вичко <брундук> вылӧ.
Пырӧны жӧй, петӧный йӧзанӧс.
Вӧвлӧма жӧ сылӧн дас кык ӧзянӧй
Вольсьӧма жӧ сэтчы гӧрдыд ноянӧй,
Пуктӧмай жӧ сэтчы кык блюданӧй
Ӧтик блюд вылас пуктӧма <ӧреканӧй>,
Мӧд блюд вылас Евангильӧанӧй.
Мӧдас жӧ сёйны сэсся ӧреканӧйӧс
Мича нима девья красӧтаанӧй.
Евангельӧ костас пӧдласны
Мича нима девья красӧтаанӧйӧс,
Игналасны дас кык ӧдзӧс сайӧ,
Ловас мича нима девья красӧта вичко пытшкын.

Синь-синева черничные цвета,
А еще синее с красивым именем
Девичья краса.
Не устраивается там мое сердечко.
Пойду-ка схожу я на брусничный бор,
Красным-красно отдается брусничный цветок,
Не устраивается там мое сердечко.
Пойду-ка схожу я морошкой усыпанное болото,
Красным-красно отдается морошкой цвет,

Но еще красней с красивым именем девичья краса,
Не устраивается мое сердечко, девичья краса.
Девичья краса летает на земляничную поляну, на зеленый луг,
В лозу черемухи, в куст шиповника.

Сейчас я сяду на осиную щепу
И буду я плыть по Лузе реке.
Присядет туда моя девичья краса,
Пойдет она к завороту реки и встанет потом,
Поднимется она в самую лучшую лавку
Да самые дорогие товары накупит.
Цены она запрашивает, моя девичья краса,

Не устраивается и там она, сердечко мое, девичья краса.
Пойду, говорит она, к своей Миколе Святой (в церковь).
Полетела она на церковный крест,
Сидела да сидела.
Спущусь-ка, говорит она, на церковное крыльцо,
А люди-то заходят и заходят.
Было же у церкви 12 дверей,
Постелен же туда красный материал,
Поставлено же туда два блюда.
В одно блюдо положили орехи,
В другое блюдо Евангелие.
Станет же есть потом орехи
Девья красота с красивым именем.
Меж листами Евангелия закроют,
Девью красоту с красивым именем,
Запрут за 12-ть дверей,
Будет девья красота с красивым именем внутри церкви.

НМ РК. КП 12493. Л. 54-56: с. Объячево (текст).
НМ РК. КП 12496. Л. 259-260: с. Объячево, 1911-1923 гг. (перевод)

66.

Локтöны жö нин миян тарыт бöяра вужöй,	Вот ждет уже наша близорукая боярская родня,
Бöяра вужöй да тотара вужöй,	Боярская родня да татарская родня,
Тотара вужöй да вотяк табунöй,	Татарская родня да вотяцкой табун.
Тэнö жö, муса сочанöй, энькаанöй	У него, дорогая сестра, свекровь-то,
Да лёк петшöр кодьöй.	Как худая крапива,
Кутшöм жö тэнад муса сочушкö	На черной подсеке пугало.
Сьöд тыла вылын настоянöй,	Такой же у тебя, у дорогой сестры,
Сэтшöм жö, муса сочушко, тэнад да мужиканöй.	муженек-то:
Первой жö тэнад, муса сочушко, мужиканöй.	
Быд празьник вылын драчун,	На каждом празднике первый драчун.
Оз тай пуктыны, муса сочушко,	Не принимают, дорогая сестра, твоего
Тэнсьыд мужиктö да бур мужикö,	муженька,
	За мужика приличного.
Оз тай сяммы сійö бур мортмыд кыв горöдчыны.	Не умеет с хорошими людьми слова вымолвить.
Кутшöм жö тэнад, муса сочушко, айкаанöй	Какая же у тебя, дорогая сестра, свекровь сердитая,
Да лёк лежнöг кодь.	Как шиповник худой.
Кыдзса тэ кутан овны сія дінын	Как же у него будешь ты жить,
Муса сочушкоöй жö нин	Дорогая наша сестрица?
Мам дінад тай туйлывлін жö тэ	Около матери-то своей ты, сестрица,
Да поповна вылö.	Поповной была,
Дугдан сэсся туйны тэ муса сочушко	А там ты, сестрица, перестанешь годиться
Да джодж чышкыны	На голик подметальный.
Да гöлик вылö.	
Судзліс тэнад сударыня-матушка	Доставало все у тебя, матушка,
Карысь карö.	От одного города до другого города,
Дугдас тэнад сэсся судзны öзь порог дорöдз.	А теперь у тебя будет доставать только до порога.
Тэнад тай муса сочушкööй жö	У тебя, у дорогой сестрицы, родня, как
Морт сойысь кодь да рöдвужанöй,	людоеды,
Мöс кодь тай сюраöсь тэнад, муса сочушко	Как коровы, рогатая у тебя родня,
Да рöд вужанöй	Как собаки шерстастые твоя родня.
Понкодь тай гöна, муса сочушко,	У тебя-то ведь родня, дорогая сестра,
Тэнад да рöдвужанöй.	
Оз тай тэнад, муса сочушко,	
Сибав рöдвужанöй да бур йöз дінö.	Недопустима к приличным людям.
Кывлан кö, муса сочушко, тэнсьыд рöдвуж	Если знаешь ты, дорогая сестра,
Оз сибавны тай некытчы	Родня-то твоя
Тэнад празьник вылö да рöд вужанöй.	Недопустима никуда, ни на праздники.

НМ РК. КП 12493. Л. 55: с. Объячево (текст)
НМ РК КП 12496. Л. 258: с. Объячево, 1911-1923 гг. (перевод)

67.
Сьылмаласны тэнсьыд лысьӧманӧй поньыдик понӧль ньӧръянӧй моз,
Усяс, пӧ тэнад вошас кучик пиысь яянӧйыд,
Кельдӧдас-косьмас мича чужӧманӧй (ыд)
Усяс пӧ, вошас нылъя честянӧй
Не тӧ вӧд, пӧ лоӧ рӧдимӧй ай-маманӧй,
<Кытчӧдз тырмас кылъясыд, сы мында и бӧрдӧдан>
Коляс жӧ, пӧ, вӧд тэнад матушкаанӧй,
Мунан жӧ, пӧ, тэ йӧз ай-мам дінӧ,
Мӧдасны-а-озъя тэнӧ пуктыны морт туянӧйӧ?
Он вӧд тэ кужны мӧд юрӧдчыны кывъянӧйӧ
Югыд лунанӧй пӧ йӧз ай-маманӧй
Йӧз ай-маманӧй – лёк петшӧранӧй,
Йӧз соч-воканӧй, пӧ, лежнӧг кустанӧй…

НА Коми НЦ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 209а. Л. 105, № 27: с. Летка, 1976 г.

68.
Югыдлунайанӧй, пӧдруженькаанӧй,
Мед жӧ нин нувас менчым ювoранӧйӧс.
Ювoранӧйӧс лэчыд войтӧланӧй,
Лэчыд войтӧланӧй да батюшкоӧйлӧ,
Батюшкоӧйлӧ паськыд морӧс вылӧ.
Паськыд морӧс вылӧ, шерыд лыа вылӧ.
Мед жӧ нин лактас керка сигӧр йылӧ
Кылзыныс менчым дай гӧлӧсанӧйӧс,
Гӧлӧсанӧйӧс аслас дитянӧйлысь.
Эм-я, абы-я сылӧн тӧданкӧдянӧй,
Тӧданкодянӧй чуствуйтанкодянӧй,
Кылӧ-я оз-я дай пир баланӧйӧс?
Тӧдӧ-я оз-я дай пир-баланӧйӧс?
Аддзӧ-я оз-я народнанӧйӧс?
Вӧчис кӧ меным дай матушкаанӧй,
Матушкаанӧй ыджыд праздниканӧйӧс,
Лэптыны мӧдіс дай ӧбеданӧйӧс,
Пуктыны мӧдіс дай ӧбеданӧйӧс,
Чукӧртіс меным тарыт рӧднӧй рӧдвужанӧйӧс
Рӧднӧй рӧдвужанӧйӧс, любӧ рӧдняанӧйӧс.
Чукӧртчисны меным тарыт рыт кежӧ,
Тарыт рыт кежӧ да керка гӧгӧрпӧл,
Керка гӧгӧрпӧл ныл-мӧлӧдяжанӧй,
Югыдлунайасанӧй пӧдруженькайасанӧй,
Бур суседанӧй, бур суседанкайасанӧй,
Ныл горт колльыны да керка восьтыны.

НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 147. Л. 233: с. Летка, 1974 г.

69.
Югыдлунанӧй пӧдруженькаанӧй,
Муйя тэ вӧчин дай асьтӧ ачыдӧй?
Сюйин-кӧмлин ассьыд юранӧйӧс,
Ассьыд юранӧйӧс да сир пӧртйанӧйӧ
Сир пӧртъянӧйӧ да толаӧ пийӧ
Нэма нэм кежӧ дай века век кежӧ,
Мунан кӧ лактан да сэтчанянӧйӧ,
Тӧжӧ кутшӧмъя лувӧ олан тӧлкуанӧй
Мӧдас-я оз-я пуктыны тэнӧ морттуйанӧйӧ,
Мортуянӧйӧ, бабатуянӧйӧ?
Можӧт, ылӧдас тэнӧ ӧтор береганӧйыс,
Оз, можӧт, матӧд мӧдор береганӧйӧ.
Колзяс, можӧт плавайтны дай паськыд ва вылын,
Паськыд ва вылын, пыдын море шӧрын,
Пыдын море шӧрын да пелыстӧм пыжйӧн.
Вӧлись кватитчан, вӧлись дӧгӧдайччан,
Вӧлисьти садьман дай кыз онмӧй ултысь,
Кыз онмӧй ултысь да лёк вӧтӧй ултысь.
Бӧр, можӧт, колмас да кэлмысьныанӧй,
Кэлмысьныанӧй дай матушкаыдлӧ.
Пидзӧсчань вылын дай шапкатӧм юрӧн,
Небыдиканӧй да кыл-оранӧйӧн.
Ыджыдджык нимӧн да матушкаӧйӧн.
Колі вед олны дай матушка дінын,
Кӧть вед и олін дай кызь вит арӧсӧдз,
Эз на жӧ вед вӧл дай кайӧтаанӧй.

НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 147. Л. 236: с. Летка, 1974 г.

70.
Югыд лунанӧй, пӧдруженькаанӧй,
Ӧні кӧ вӧлі тэнад кучик тыр яянӧй,
Кучик тыр яянӧй дай сӧн тыр виранӧй,
Сӧн тыр виранӧй дай лытыр вэманӧй.
Мунан кӧ лактан да сэтчанянӧйӧй,
Сэтчанянӧйӧ да нидаӧ ордӧ,
Кыдз нин нюкльӧдлӧнӧ поноль ньӧръянӧйӧс,
Сідз жӧ нюгльӧдласны том тэнчыд лысьӧманӧйӧс,
Кыдз нин нюгльӧдлӧнӧ льӧм пу ньӧръянӧйӧс,
Сідз жӧ нюгльӧдласны тэнчыд
Нерыник суставъясӧйӧс.
Колі телмысьны дай батюшкоӧйдлӧ,
Батюшкоӧйлӧ да пидзӧсчуньнылӧн,
Пидзӧсчуньнылӧн дай шапкатӧм юрӧн,
Небыдиканӧй дай кылоранӧйӧн,
Ыджыдик нимӧн дай батюшкоӧйӧн.
Мед жӧ тулсодіс тэнӧ гажа тулысанӧйӧн,
Мед жӧ гожйӧдіс шоныд гожӧманӧйӧс,

Мед жö ытшкöдіс лэчыд косаанöйöн,
Мед же курöдіс кокньыд курананöйöн,
Мед на тöлалін, дай мед на лэбалін,
Мед на лэбалін, дай мед на чветитін.
Кыдз нин лэбалö бордйыл пöткаанöй,
Кыдз нин радуйччö да тулсол тöланöй,
Кыдз нин чветитö ненколь чветкаанöй,
Мед сідзи жö чветитны, мед сідзи же лэбалны,
Мед сідзи же лэбалін, мед сідзи же тöлалін.
Кокни типликöн да юрбöжанöйöн,
Мичаник водзöн, дай шыльыдик юрöн.
Öні кö вöлі тэнад шöлкövöйанöй,
Шöлкövöйанöй тэнад поводанöй,
Кытчы нюжöдін, дай сэтчы нюжаліс,
Котяин улын дай комын верс вийö.
Мунан кö лактан дай сэтчаньанöйöй,
Сэтчаньанöö, дай нидаö ордöй,
Вöлисти лувö можöт чепövöйанöй,
Чепövöйанöй тэнад поводанöй,
Оз может мöд мыджалны да ыбöсöй тайöн,
Ыбöсöй тайöй дай суседöй ордö,
Вöлисти кватитчан, вöлись дöгадайччан.

НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 147. Л. 247-248: с. Летка, 1974 г.

71.
Пылсьöдіс талун менö вежаньушка-матушка öстатки пылсянанöй.
Пасибö вежанюшка-матушкалö пылсьöдöм вылад.
Öтпыр кисьтöптіс пö – лэччис пельпомедз вылэдз.
Мöд раз кисьтöптіс пö – лэччис пидзöспон йылэдз,
коймöдысь пö кисьтöптіс – кок-чуньйылэдз лэччис пö.

Пересказ

НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 158. Л. 333-334: с. Ношуль, 1974 г.

72.
Югыд лунанöй, ныл олöманöй,
Красуйтчöманöй,
Тöлалöманöй,
Лэбалöманöй!
Югыд лунанöй, пöдруженькаанöй!
Пукалан тэ вед батюшко дорын –
Муйса татöн бара пукалан?
Муйса татöн бара думайтан?
Кузь думаанöс али дженьдöдан?
Дженьыд думасö али нюжöдан?
Эштытöминсö али эштöдан?
Тырмытöминсö али тырмöдан?
Суччытöминсö али суччöдан?

Муйса тэ вöчин асьтö ачыдöс?
Удайччас кö тэнад мунöм-лактöманöй, места вежöманöй,
Оз кö удайччы места вежöманöй,
Ыджыд жö луö кайöтаанöй.
Колі жö олны батюшко дінын, матушка дінын.
Колі жö красуйччыны гажа гожоманöйöс.
Мунан кö лактан йöз ай-мам дінас, йöз пипöл дінас, –
Ыджыд жö луö кайöтаанöй.
Медыджыдсяньыс и медичöтöдзыс,
Уна жö колдзас нöрöванöй.
А медичöтыслö не нöрöвиччас даскык нöрöвöн.
Вöлі жö тэнад батюшко дінын шöлкöвöй повод даскык сыл кузя,
А луас жö тэнад олан пöл дінад
Чепöвöй повод <сылйöн> джынйöн кузя.
Ыджыд жö луö тэнад кайöтаанöй
Мунöманöйысь, лактöманöйысь.
Баба олöманöйöс кöть пö шыбитлан жар бианöйö,
Кöть пö шыбитлан паськыд ва вылö,
Оз жö вед нин сот жар бианöй,
Оз жö вед кылöд визыл ваанöй.
Колі жö чветитны мича чветöйöн, алöй чветöйöн,
Усяс жö тöлдзас мича чветöйöн.

НМ РК. КП 12485. Л. 19-21: с. Мутница, 1928-1929 гг.

73.
Югыд лунанöй, ныл олöманöй!
Красуйтчöманöй, басуйтчöманöй!
Ай-мамöй дінын красуйтчöманöй!
Усяс жö красаанöй, кокултанöйöс тальсяс,
Коляс жö батюшко ордö ен улт пельöсö,
Матушка ордö пач водз кöсяк дорö.
Толькö тай лои, сімда тай лои,
Кутшöмса луö тіян олöманöй,
Местаас вежан да.
Мöдас ли оз ли олан пöланöй
Пуктыс морттуянöйö?
Кылзыны мöдас ли оз ли менчым шыанöйöс?
Кутшöмса луö энька пуанöй?
Петшаранай кодь пö луö сія миян вылын.
Мöдас ли оз ли лючки кесйöднысö, велöднысö?
Ая-нылъясанöй оз мöдны пуктыны морттуянöйö,
Горöдчасны нида миянöй вылö чорыдика да лöгыника.
Уджалам ми нидаысь кык мыда,
Оз пуктыны миянлысь удж туянöйö,
Проктöмöсь луам, кужтöмöсь луам,
Коляс миян прок-соданöй ай-мамöй дінö.
Чайтім вед ми шуткаанöйöс шутитöны,
Кватитчим да збыльез да стöчедз луви.
Он нин сія местаыс бергöдчы!

Лактісны миянӧ мортӧн джынйӧн,
Пуксисны мӧд мӧд лабичӧ,
Видзыштісны нида синмысь синмӧ
Мӧда мӧд вылӧ.
Пӧръяллісны сэсся нида миянӧс
Небыд кылворӧн, бур кылворанӧйӧн.
Ӧспӧдар, спӧдар, спӧдар батюшко, –
Спӧдаринушка миян матушка!
Ме чайті лутшӧ вӧчны,
Кватитчи да <…> куже лои олӧманӧй.
Том мывкыданӧйӧн да небур юр садянӧйӧн.
Муля жӧ абы велӧдӧмась бур суседанӧй!
Муля жӧ абы юасьлысьӧма <нищейлысь>, портнӧйлысь!
Вӧллӧма бестолкӧванӧй мортанӧй –
Вӧльысь жӧ колӧма местаыс вӧрзьыныс.
Усисны тай миян лентаясанӧй,
Тальсисны тай ниданӧйӧ кокултӧанӧйӧ,
Поньталісны тай миянӧс пыж тыр поньӧдӧн!
Плавайтім тай ми мича пӧткаяс моз
Ва вылтанӧйын!
Сюйимӧ тай ассьыным мишур юрсианӧйӧс
Сир пӧртъянӧйӧ да смолаанӧйӧ!
Ӧні жӧ кӧть вулдзан визыл ва вылӧ,
Он жӧ нин кылал, бергалас сія
Ӧтіг местаанӧйын,
Кӧть и жӧ вулдзан жар бианӧйӧ,
Он жӧ нин сотчы!
Шутитны чайчим, сералны чайчим,
Кватитчим да збыльез лои,
Да стӧчез лои.
Несворотимӧй лои дорожкаанӧй,
Непременнӧй лои местаанӧй!
Вӧлікӧ веськӧ ме девичаанӧй –
Куды закотел, туды и полетел.
Вӧлі кӧ веськӧ ачым девичаанӧй –
Даскык сыл кузя шӧлкӧвӧй повод.
Ӧні ме муні олан пӧл дінӧ
Да куим сыл кузя чепӧвӧй повод!
Кватитчан да он и бергӧдчы.
Ӧспӧдар, спӧдар рӧднӧй батюшко,
Спӧдаринушка рӧдная матушка,
Муля жӧ тэ гажа гожӧмтӧ
Эн уджӧдышты лэчыд косанад,
Кокньыд кураннад –
Колі жӧ видзны асладӧй дінын –
Шоныд борд ултын!
Кыдзи жӧ абы жаль вулдзыны
Ассьыд дитяӧс кычан пиӧс моз!
Колі юасьны бурлысь омольлысь,
Вӧлись коліс тэнӧ янсӧднысӧ

Неманӧй кежӧ да веканӧй кежӧ!
Чайтін жӧ сетны лунанӧй кежӧ,
Кватитчин – неманӧй кежӧ лои.
Омоль кӧ луӧ олӧманӧй,
Пыр жӧ мӧдам тэнад вылӧ баитны,
Тэчны тэнадӧй вылӧ,
Ыджыд жӧ лувӧ кайетаанӧй дай кручинаанӧй,
Оз жӧ мӧд тэнад узьсьыны воянӧй,
Кӧть и пуксян пызанӧй дорӧ,
Оз жӧ мӧд кылалны нянь крӧшкианӧй –
Видзыштан да абы тай тэнад дитяанӧй,
Чеччан жӧ пызан дорысь,
Оз и пӧтлы тэнад кынӧманӧй!
Петан жӧ сусӧданӧйӧ,
Мӧдан жӧ юасьны
Муля жӧ пӧ ме вулдзы ассьым дитяанӧйӧс,
Нем кужтӧманӧйӧс, нем тӧдтӧманӧйӧс.
Ӧні пӧ сьылмаласны как льӧм пу ньӧръянӧйӧс,
Сысъяласны как нин пу шульянӧс моз,
Чайчас пӧ сія водны небыд пӧдушка вылӧ,
Пӧдушка пыддьӧ лувӧ куш пороганӧй –
Юрултӧй пыддьӧ,
Куш посъянӧйӧ – небыд вольпасянӧй!
Сэсся кватитчас, сэсся дӧгадайтчас –
Кӧть сэсся <вулдзысь> сир юанӧйӧ,
Он и кылал дай он и вӧч вед –
Непременнӧй да несвӧрӧтимӧй дорожкаанӧй.
Энӧ муй вӧллы менамӧй кодьыс –
Гореӧй кодьыс, злыдниӧй кодьыс!
Ме нин кӧ омолик – ме нин кӧ ичӧтик,
Эг кӧсйы пуксьыны ас омӧль вӧсна эса местаӧ.
Пуктыны видзан кӧсйӧнӧ бур йӧзанӧй
Морттуянӧйӧ.
Самӧй омолик, самӧй ичӧтик –
Эг жӧ ме пуксьыл шань туянӧйӧ,
Олі жӧ ме ас <омоль> туйӧн, ас ичӧт туйӧн,
Кин жӧ вед менӧ мӧдӧдіс –
Сэтчӧ и кылзьышті, сэтчӧ и мунышті, –
Сійӧн жӧ вед и кажитчи,
Пӧслушен вӧлі ме мортанӧй,
Рученьки пӧ вӧллӧм зӧлӧтаныйӧ!
Кодлӧн пӧ вӧллӧм ыджыд туша рожаанӧй,
Пукалӧ сія неманӧй муса вокыслӧ пинь сёйӧд.
Мамсӧ сія вӧсна ёна пурӧнӧ, ёна йирӧнӧ-сёйӧнӧ –
Йӧк вед матушка винӧват,
Он жӧ вед пачӧ сюй да ӧні сот,
Колдзас тужа-кужа терпитны.
Югыд лунанӧй, пӧдруженькаанӧй,
Янсалам тай ӧтикакӧйысь,
Ӧтикакӧйысь да ӧтлаанӧйысь!

Эг көсйӧ ми неманӧйысь янсӧдчыны,
Янсалны мӧдім неманӧй кежӧ, веканӧй кежӧ!
Аддзылам ли ог ли подвужӧранӧйӧс,
Вежӧн мунӧманӧйӧн,
Кӧть пӧ <…> вежӧнанӧйӧн,
Ог пӧ лысьтӧ видзыштыны мӧда мӧд вылӧ,
Кутшӧмъя лувӧ мылкыдьясанӧй
Олан пӧлъясанӧйлӧн!
Ёна водзті олім любӧя и дружнӧя,
Коднымлӧ лувӧ шаньджык олӧманӧй,
Шаньджык мунӧманӧй,
Коднымлӧ лувӧ счасьсьӧанӧй,
Может мӧдам заведуйтны мӧда мӧд вылӧ,
<Баитім> тай батюшко вылӧ
И матушка вылӧ.
Кужин ли эн ли бӧрйыны миянлӧ местаанӧйӧс.
Чайтін чӧлтны йӧзлысь дитяӧс,
<Но> же тэ куртчы ассьыд чуньпонъясанӧс,
Ӧтсяма доймас куртчан да –
Сідз жӧ мӧдас потны аслад сьӧлӧманӧй
Дитяыд вӧсна.

НМ РК. КП 12485. Л. 28-33: с. Слудка, 1928-1929 гг.

74.
Югыд лунанӧй, ныл олӧманӧй,
Гуляйтӧманӧй, плавайтӧманӧй
Уткаанӧй моз, пӧткаанӧй мӧз
Кокньыдик ли вед юр бӧжанӧйӧн!
Сьӧктамас тэнад бур бӧжанӧй!
Муйса тэ этӧн бара пукалан?
Муйса тэ этӧн бара думайтан?
Кузь думатӧ али дженьдӧдан?
Лактісны тэныд да мортӧн джынйӧн,
Пуксисны тэныд мӧд, мӧд лабичӧ,
Горӧтчисны тэныд кылйӧн джынйӧн.
Эн жӧ тэ куж видзны ӧтветанӧйӧс.
Ёна жӧ нин вӧлін кыл вора садя, юра садя.
Эн жӧ тэ куж видзны нидалӧ ӧтветанӧйӧс.
Чайтін тэ шутка шутитӧны,
Серам сералӧны.
Кватитчин толькӧ и збыльез луи
Кватитчин тӧкӧ не пӧраӧйын.
Муйса тэ этӧн бара пукалан.
Югыд лунанӧй, ныл олӧманӧй.
Югыд лунанӧй Матрена Семеновнаӧй,
Чветитін тэ вед нин коль чветӧй моз,
Оз дзоридзӧй моз!
Тӧлдзас тэнад нин коль чветанӧй, оз дзоридзанӧй.
Тӧрмытӧм вӧлін зар гумъянӧй кодь,

Кисьмытӧм вӧлін оз дзоридзӧй кодь,
Югыдлунанӧй пӧдруженькаанӧй!
И <мунлытыкӧсь> йӧз ай-мам дінӧ, йӧз пипӧл дінӧ,
Йӧз ай-маманӧй, йӧз пипӧланӧй,
Лежнӧг кустӧй кодь, петшӧр кустӧй кодь!
Висьтӧм кӧ сісьтӧм вӧлі лысьӧманӧй,
Поводдя тӧдтӧм вӧлі суставъясанӧй,
Кручина тӧдтӧм нин сьӧлӧманӧй!
Югыд лунанӧй, батюшкоанӧй,
Югыд лунанӧй, матушкаанӧй,
Менӧ мӧдін вулдзӧдны
Йӧз ай-мам дінӧ кычан пиӧс моз
И томыникӧн, норыникӧн!
Кыдзи нин дзебсьӧ шоныд шондіанӧй,
Сідзи жӧ дзебсяс тэнад ныл олӧманӧй –
Шондіӧймыд тшӧтш, кыаӧймыд тшӧтш!
Сьӧктамас тэнад кокньыд юр бӧжанӧй,
Дзебсяс тэнад ныл олӧманӧй!
Тӧлдзасны тэнад лентаясанӧй,
Ыскольчас тэнад головедечанӧй,
Пуксяс кӧ тэнад лентаясанӧй кузь пуӧй йылӧ.
Тӧлдзас кӧ тэнад сітурун йылӧ
И пуксяс кӧ тэнад пелыстӧм пыжйӧ,
Пелыстӧм пыжсьыс морйӧӧй шӧрӧ!
Ылалан кӧ ӧтіг берегӧйысь,
Он нин матал мӧд берегӧйӧ.
Ыджыд жӧ лувӧ тэнад кайӧтаанӧй.
Кӧть биад вулдзыс – он жӧ нин сотчы,
Кӧть ваад вулдзыс – он жӧ нин кылал.
Муйя радуйччан мунӧм-лактӧм вылас,
Мунӧм-лактӧм вылас – баба олӧм вылас.
Баба олӧмыс арсёл пӧслӧта нин лунанӧй кодь.
Ныл олӧманӧй – гожся гӧгрӧс Илля лунӧй кодь!
Югыд лунанӧй, матушкаанӧй,
Арӧн кӧ чужтін, муля эн пуктыл нид гӧпакӧйӧ,
Бур мортанӧйлӧ пос пуӧй пыддьӧ!
Ӧтпыр янсӧдін сьӧлӧмӧй дінысь,
Мӧд здук янсӧдін чӧскыд нёнь дінысь,
Коймӧд здук янсӧдін пидзӧсӧй понысь,
Нёльӧд здук мӧдін янсӧдны немакӧй кежӧ.
Кӧть кутшӧм лактас празьник лунанӧй,
Кар базаранӧй, ныл пӧсаданӧй –
Быттор ӧшалӧ, быттор тӧлалӧ,
Толькӧ оз ӧшал, толькӧ оз тӧлал
Ныл олӧманӧй, вӧльнӧй олӧманӧй!
Ныл олӧманӧй, красуйчӧманӧй!
Кутшӧмса лувӧ тэнад олан пӧлӧйлӧн нин мылкӧданӧй!
Небыд вольпасьӧй пыддьӧ – сарай посканӧй!
Небыд юрылтӧй пыддьӧ – куш кулаканӧй!
Шоныд шебрасӧй пыддьӧ – вӧл пу ньӧръянӧй!

Сöсъяласны тэнö нин шуляноöй моз,
Сьылмаласны тэнö льöм пу ньöрйöс моз!
Югыд лунаноöй, батюшкоаноöй!
Мед тэ гожйöдiн шоныд борд ултад
Шоныд борд ултад – зарни тош ултад!
Югыд лунаноöй, матушкааноöй,
Коляс пö каяс мича ниманöй
Матушка ордö – пач водз пельöсö,
Батюшко ордö – ен улт пельöсö.
Мед тэ ытшкöдiн, батюшкоаноöй, лэчыд косанад,
Мед тэ гожйöдiн гажа гожömсö,
Мед тэ курöдiн кокньыд куранас,
Мед тэ вундöдiн лэчыд чарланас!
Разясны тэнчыд мишур юрсианöс, зарни köсаанöс,
Поздасны тэнчыд рака позöс моз,
Дзугасны тэнчыд кай дзугъянöс моз,
Сиграласны тэнчыд куйим сигörön,
Поньталасны тэнчыд пытш тыл поньöдöн
Öшсис кö тэныд öжин нöшканöй,
Дзебсис кö тэнад ныл олöманöй,
Каяс кö каяс пылсян ру йылö,
Пылсян жар йылö!

НМ РК. КП 12485. Л. 34-38: с. Слудка, 1928-1929 гг.

75.
Югыд лунаноöй, ныл олöманöй!
Муйса тэ этöн пукалан,
Муйса тэ этöн думайтан?
Кузь думааноöй али дженьдöдан,
Дженьыд думатö али нюжöдан?
Тырмытöминтö али тырмöдан,
Судзытöминтö али судзöдан?
Югыд лунаноöй, Аннушкааноöй Ивановнааноöй!
Колi жö олны гажа гожömсö
Кокньыдик лои вед юр бöжанöйöн!
<…> лои вед тэнад мишур юрсианöй!
Тöлдзасны тэнад лентаясаноöй,
Усясны тэнад бытш (моль – бусинка) <…> кианöй
Дзугасны тэнчыд мишур юрсианöс,
Вöчасны тэнчыд рака позъянö.
Югыд лунаноöй, ныл олöманöй, вöльнöй олöманöй!
Вöльнöй кö вöлiн тэ пöткааноöй,
Лэбалiн тай тэ пöткааноöй моз,
Плавайтiн тэ тай уткааноöй моз,
Пу вылö пуксьылтöм пöткааноöй,
Ва вылö кайлытöм уткааноöй!
Югыд лунаноöй, дитяткоаноöй,
Мунан кö лактан мöд местаöйö,
Йöз ай-мамайö, йöз пипölöйö.

Кутшӧмъя лувӧ тэнад олӧманӧй!
Мӧдасны озъя морттуянӧйӧ тэнӧ пуктыны?
Мӧдасны озъя удж туянӧйӧ тэнад уджалӧмӧйӧс пуктыны?
Кутшӧмъя лувӧ оланпӧланӧйлӧн мылкыданӧй да юрсадянӧй?
Омӧля кӧ мӧдас видзны, ыджыд лувӧ кайетаанӧй,
Мунӧм-лактӧмӧйыс – баба олӧмӧйыс.
Не жӧ вед вӧлі эса местаанӧй.
Колі жӧ олны ешшӧ батюшко ордын,
Батюшко ордын, матушка дінын,
Батюшко ордын ен улт пельӧсын,
Матушка ордын пач водз пельӧсын.
Толькӧ тай луи, сімда тай луи
Ныл олӧманӧй, красуйтчӧманӧй!
Усяс тэнад быд красаанӧй!
Муйса тэ надейтчан
Мунӧм-лактӧм вылас,
Места вежӧм вылас.
Мӧд местаӧйын мӧд пӧл чужтасны,
Мӧд пӧл пыртасны.
Муйса тэ надейтчан йӧз ай-мам вылас.
Йӧз ай-маманӧй дзирыд ӧгыр кодь
Ас ай-маманӧй асъя шонді кодь!
Югыд лунанӧй, пӧдруженькаанӧй!
Колі жӧ олны ешшӧ ныланӧйын матушка дінын.
Четчин кӧ тэ матушка дінын
Пӧсь ӧбед дінӧ,
Мунан кӧ лактан мӧд местаӧйӧ,
Чеччыны мӧдан может водзджыгӧн,
Нувасны тэнӧ дыр узигӧн.
Удайтчас ли оз ли мунӧм-лактӧманӧй!
Оз кӧ удайтчы, тэ и каитчан.
Пуктасны ли оз ли тэнӧ морттуянӧйӧ,
Уджанӧс тэнчыд удж туянӧйӧ.
Петан кӧ мунан тэ вӧляанӧйӧ,
Пырны мӧдан гортанӧйӧ:
Кылзысиг тырйӧ, ӧзь куричъясӧс зыраліг тырйӧ,
Скӧбаясӧйӧс малаліг тырйӧй.
Югыд лунанӧй, ныл олӧманӧй!
Батюшко дінын вӧллін тэ вед
Прока и сода, тӧлка паметьын.
Чӧжин жӧ батюшко дінын
Гожа тыр вирӧйӧс, кучик тыр яйӧдӧс.
Мунан кӧ лактан мӧд местаӧйӧ,
Усяс, вошас тэнад прок соданӧй,
Сылас-косьмас тэнад вир яянӧй.
Он жӧ тэ мӧд кужны нем уджалнытӧ,
Сюлтчасны тэнад кырымъясанӧй уджанӧй дінын,
Сырмыны мӧдас тэнад лы тыр веманӧй!
Югыд лунанӧй, пӧдруженькаанӧй!
Муйса тэ надейтчан баба олӧм вылас,

Баба олöманöй крутö чойööс кайöм кодянöй!
Ныл олöманöй нен коль чветöй моз чветитöманöй!
Баба олöманöй лежнöг кустанöй кодь!
Колі жö олны ешшö ныланöйöн
Бать-мамöй дінын,
Соч-воканöй быттіг дырйö!
Колян тэ тай поньыд соч-воканöйöс,
Сьöкыд жö лувö нидалö уджанöй!
Югыд лунанöй, пöдруженькаанöй!
Кутшöмса лувö тэнад оланпöланöй,
Лувö ли оз ли сылöн мылкыданöй,
Ёнöсь может лувö кулакъясанöй,
Лэчыдöсь может чепельясанöй,
Паськыдöсь может маттьяланöй,
Оз может мöд быраллыны лöзъясанöй тэнад выланöйысь.
Колі жö ордйыны эсö местаöйöс <сизим> верс выйті.

НМ РК. КП 12485. Л. 40-44: с. Прокопьевка, 1928-1929 гг.

76.
Югыд лунанöй, ныл олöманöй,
Тöлалöманöй, лэбалöманöй!
Лэбалöманöй, ныл олöманöй,
Вöльнöй олöманöй!
Вöльнöй кö ме вöлі
Уткаанöй кодь, пöткаанöй кодь,
Ва вылö пуксьылтöм пöткаанöй кодь,
Пу йылö кайлытöм уткаанöй кодь!
Сісьтöм, висьтöм менам лысьöманöй,
Погоддя тöдтöм суставъясанöй!
Югыд лунанöй, ныл олöманöй!
Мунан жö лактан йöз ай-мам дінö, йöз пипöл дінö.
Йöз пипöланöй – тотарйönанöй,
Йöз ай-маманöй – лежнöг кустанöй!
Не дай господи йöз ай-мам дінын,
Йöз пипöл дінын олэм.
Мунан жö лактан, вежан местаанöйöс,
Чайтчан жö вöчны лутшеанöяöс,
Луö жö может сизим кужеанöй,
Кватитчан жö может куим лунöй бöрын –
Он жö öд бергöд, он жö öд вулдзöд –
Кöть вед вулдзödан, оз жö öд вулдзысь,
Не жö бергödчöс, не жö вулдзödчöс,
Век жö каяс тэнад юр вылö!
Ныл олöманöй, вöльнöй олöманöй –
<вöв…> чайтöманöй!

НМ РК. КП 12485. Л. 65: Летский с/с, д. Бебера, 1928-1929 гг.

77.

Кӧдзыд, шу, лысватӧ пыркадӧм вылӧ,
Лёк чашшата йылӧдлӧм вылӧ.
Кольӧ тай, кольӧ, кольӧ
Гажа деревняанӧй,
Мича пӧдругаанӧй!
Югыд лунанӧй, ныл олӧманӧй,
Тӧлалӧманӧй, лэбалӧманӧй,
Лэбалӧманӧй, ныл олӧманӧй.
Вӧльнӧй кӧ пӧ ме вӧлі уткаанӧй кодь,
Пӧткаанӧй кодь,
Ва вылӧ пуксьылтӧм пӧткаанӧй кодь,
Пу йылӧ кайлытӧм уткаанӧй кодь.
Сісьтӧм пӧ висьтӧм менам лысьӧманӧй!
Погоддя тӧдтӧм суставъясанӧй!
Югыд лунанӧй, ныл олӧманӧй!
Мунан жӧ лактан йӧз ай-мам дінӧ,
Йӧз пипӧл дінӧ.
Йӧз пипӧланӧй – тоторйӧнанӧй.
Йӧз ай-маманӧй – лежнӧг кустанӧй.
Не дай господи йӧз ай-мам дінын,
Йӧз пипӧл дінын олны.
Мунан жӧ лактан, вежан местаанӧйӧ,
Чайччан жӧ вӧчны лутшеанӧйӧс,
Луӧ жӧ может сизим кужеанӧй.
Кватитчан жӧ может куим лунӧй бӧрын,
Он жӧ ӧд бергӧд, он жӧ ӧд вулдзӧд.
Кӧть вед вулдзӧдан, оз жӧ ӧд вулдзыв.
Не жӧ бергӧдчӧс, не жӧ вулдзӧдчӧс.
Век жӧ каяс тэнад юр вылӧ.
Ныл олӧманӧй, вӧльнӧй олӧманӧй,
Вӧльничайтӧманӧй, чайтӧманӧй!
Кӧть ме вулдзӧда нид гӧпанӧйӧ,
Кок ултанӧйӧ –
Оз жӧ вед тальсьы кокултанӧйӧ,
Нид гӧпанӧйӧ –
Век жӧ вед каяс менам юр вылӧ.
Кӧть ме вулдзӧда лӧма бианӧйӧ,
Оз жӧ вед сот лӧма бианӧй,
Век жӧ вед каяс менам юр вылӧ баба юранӧй!
Кӧть ме вулдзӧда юанӧй шӧрӧ,
Стрежанӧй шӧрӧ –
Оз жӧ вед кылӧд менчым стрежанӧй.
Ылалӧма ме ӧтор берегсьыс,
Ог же вед матал мӧдор берегас.
Пуксьӧма ме пелыстӧм пыжйӧ,
Плавайта ме пелыстӧм пыжйын
Ю шӧранӧйын.
Кӧть пӧ ме муна кар базарӧйӧ,
Быдтор ӧшалӧ, быдтор тӧлалӧ,
Абы жӧ толькӧ менам ныл олӧманӧй,

Вöльнöй олöманöй!
Югыд лунанöй, ныл олöманöй,
Кузь думаанöс дженьдöдöм вылö,
Дженьыд думатö нюжöдöм вылö,
Нем тöдтöманöй, нем аддзылтöмторанöй!
Абы жö менам матушкаанöй,
Абы жö менам жальытысянöй,
Абы жö менам батюшкоанöй.
Вулдзöдіс менö кычан пиöс моз.
Не нида сьöлöм дінысь кыркöдöмторанöй,
Янсöдöмторанöй.
Абы жö нидалö толькö жалянöй,
Йöз пипöл дінас толькö вулдзыныс.
Кöть ме вулдзöда нид гöпанöйö, кокултанöйö,
Оз жö вед тальсьы кокултананöйö, нид гöпанöйö,
Век жö вед каяс менам юр вылö!
Кöть ме вулдзöда лöма бианöйö,
Оз жö вед сот лöма бианöй,
Век жö вед каяс менам юр вылö баба юранöй!
Кöть ме вулдзöда юанöй шöрö, стрежанöй шöрö,
Оз жö вед кылöд менчым стрежанöй.
Ылалöма ме öтор берегсьыс,
Ог жö вед матал мöдор берегас.
Пуксьöма ме пелыстöм пыжйö,
Плавайта ме пелыстöм пыжйын
Ю шöранöйын!
Кöть ме муна кар базарöйö –
Быдтор öшалö, быдтор тöлалö,
Абы жö толькö менам ныл олöманöй,
Вöльнöй олöманöй!

НМ РК. КП 12485. Л. 66-68: Летский с/с, д. Бебера, 1928-1929 гг.

78.
Югыд лунанöй, тэ вежанянöй,
Крёсная ли матушкаанöй!
Дзугны тэ мöдін менчым
Мишур юрсианöйöс,
Мишур юрсианöйöс, зарни көсаанöйöс.
Кыдзи жö пö лыбö тэнад коканöй?
Кыдзи жö пö вöрö тэнад кырыманöй?
Кыдзи жö абы тэныд жалянöй?
Энö муй вöллы тэ менам кодьыс,
Тэ менам кодьыс, красöта кодьыс.
Дзугны жö мöдін менчым юрсианöйöс
Кай дзугъянöйö, рака позъянöйö.

НМ РК. КП 12485. Л. 91-92: д. Черемуховка, 1928-1929 гг.

79.

Спӧдар, спӧдар
Девья крастӧта, девья басӧта,
Красуйтчӧманӧй, басуйтчӧманӧй!
Ас вӧля, вӧля – ныл кӧ бур вӧля.
Ныл олӧманӧй, вӧльнӧй олӧманӧй!
Югыд лунанӧй, тӧлалӧманӧй,
Лэбалӧманӧй!
Тӧлаліс тэнад, лэбаліс тэнад
Кокньыд юр бӧжайӧн,
Мича водзанӧйӧн.
Красуйтчис тэнад батюшко дінын,
Матушка дінын.
Колі телмысьны батюшкоыдлӧ,
Мед жӧ гожйӧдіс гажа гожомсӧ
Асланыс дінын.
Мед жӧ ытшкӧдіс лэчыд косанас,
Мед жӧ курӧдіс кокньыд куранас.
Мед жӧ вундӧдіс пиня чарланас.
Чайтчин же тэ вед
Шутка шутитны.
Шутка шутитны, серам сералны.
Кватитчин же кӧ тэ,
Стӧчӧдз жӧ лувис.
Муй же надейчан баба юрвылас.
Да <ика> лунвылас
Лактӧмны тэныд мортӧн джынйӧанӧй,
Пуксьӧмны тэныд мӧд мӧд лабичӧ.
Горӧдчӧмны тэныд кылйӧн джынйӧнӧнӧй.
Пӧръяллӧмны тэнӧ небыд кыл ворӧйӧн.
Абы кужӧм тэ видзны нидалӧ ӧтветанӧйӧс,
Игнасьылӧм тэнад кылъянӧй!

НМ РК. КП 12485. Л. 93-94: д. Черемуховка, 1928-1929 гг.

80.
Господианӧй, благӧслӧвианӧй,
Бласлӧвит менӧ, батюшкоанӧй, матушкаанӧй,
Бур йӧзанӧйлӧ ошкымӧн,
Лёк йӧзанӧйлӧ зависьмӧн.
Домӧн и лӧмӧн, скӧтӧн и жывӧтӧн,
Неманӧй кежлӧ, веканӧй кежӧ.
Бласлӧвит менӧ, кресная матушка,
Неманӧй кежӧ.
Бласлӧвит менӧ, муса воканӧй,
Неманӧй кежӧ, веканӧй кежӧ.
Югыд лунанӧй, ныл олӧманӧй,
Тӧлалӧманӧй, лэбалӧманӧй,
Ай-мамӧй дінын олӧманӧй,
Шань олӧманӧй, красуйтчӧманӧй!
Коляс пӧ ай-мамӧй дінӧ шань олӧманӧй.

Может, оз мӧдны пуктыны морт туянӧйӧ.
Видзны, может, мӧдасны, омӧлик понманӧй моз.
Сылас пӧ косьмас, может, лысьыд веманӧй,
Лысьыд веманӧй, кучиксьыд яякӧй.
Панӧд пӧ <…> тӧдса мортамӧй.
Оз тэнӧ тӧдны моз тӧдса мортанӧй,
Может, оз мӧд пуктыны
Тэнад олан пӧланӧй морт туянӧйӧ.
Видзис пӧ тэнӧ батюшкоанӧй <танін> моз,
Пасьтӧдіс пӧ тэнӧ мичаника.
Петін пӧ тэ туй выланӧйӧ,
Сорласин тэ пӧ бур йӧзӧй пӧлсӧ,
Вӧчӧдіс пӧ тэнӧ как куклаанӧйӧ,
Кӧмӧдіс тэнӧ гожоманӧй <лакй…> башмаканӧйӧ,
Тӧланӧй лактіс, эн пӧ кульлы гын сапӧг коканӧйысь.

НМ РК. КП 12485. Л. 95-96: д. Черемуховка, 1928-1929 гг.

81.
Господианӧй, благӧслӧвианӧй!
Благӧслӧвит тэ менӧ,
Батюшкоанӧй и матушканӧй,
Менӧ олнысӧ –
Няньӧн и солӧн,
Скӧтӧн-жывӧтӧн,
Йӧлӧн и выйӧн.
Югыд лунанӧй, ныл олӧманӧй,
Тӧлалӧманӧй, лэбалӧманӧй!
Муйса татӧн бара пукалан,
Муйса тэ ӧні бара думайтан?
Ӧли эштӧдан эштытӧминанӧйӧс?
Ӧли тырмӧдан тырмытӧминӧйӧс?
Ӧли сутчӧдан сутчытӧминанӧйӧс?
Пуксьӧмыд тэ этчы нем тӧдтӧманӧй,
Нем аддзылтӧманӧй,
Бур йӧзанӧйӧ петаллытӧманӧй,
Йӧз нянь-солнас сёйлытӧманӧй!
Мунан же ӧні нидаӧй ордӧ,
Содас жӧ ыждас тэнад кынӧманӧй,
Ыджыдджык пӧ колдзас тэнад вӧснаыд
Шыд гырничанӧй и нянь шомасӧнӧй!
Мӧдан кӧ тэ мунны джодж кузяанӧй,
Нерасны пӧ тэнчыд покодкаанӧйӧс, баснианӧйӧс.
Пуктас ли оз ли тэнӧ олан пӧл пуанӧй морттуянӧйӧ?
Толькӧ тэнчыд уджанӧйӧс удж туянӧйӧ,
Роботаанӧйӧс роботатуянӧйӧ,
Сылдасны, косьтасны тэнчыд телӧанӧйӧс.
Вӧлін тэ ӧні стальнӧй свечакодь,
Тӧчитӧм трубкакодь,
Заргумъянӧйкодь.

Та рытъя бӧрын, рытанӧй бӧрын
Коляс жӧ пӧ тэнад ныл олӧманӧй
Батюшка ордӧ, матушка ордӧ.
Кольласны пӧ воштасны тэнчыд ныл олӧманӧс.
Ныл буранӧйӧс и красаанӧйӧс.
Каяс жӧ пӧ тэнад та рыт, рыт бӧрын
И рытанӧй бӧрын ныл олӧманӧй
Пылсян чад йылӧ, пылсян ру йылӧ,
Пылсян ру йылӧ, ныл олӧманӧй!
Каяс пӧ каяс кузь пуӧй йылӧ,
Кузь пуӧй йылсьыд туганӧй йылӧ,
Туганӧй йылсьыд турун чвет вылӧ.
Турун чвет йылсьыс нень коль чвет йылӧ,
Нень коль чвет йылсьыс пӧ визыл ва вылӧ.
Визыл ва вылсьыс морйӧӧй шӧрӧ.
Мӧдас плавайтны тэнад морйӧӧй шӧрын,
Пуксяс пӧ пуксяс пелыстӧм пыжъянӧйӧ.
Ылалан пӧ тэ ӧтор берегсьыс,
Он жӧ пӧ матал мӧдор берегӧ.
Кӧть пӧ вед мунан кар базарӧйӧ,
Быдтор пӧ ӧшалӧ, быдтор тӧлалӧ,
Абы тай толькӧ ныл олӧманӧй!

НМ РК. КП 12485. Л. 101-103: д. Черемуховка, 1928-1929 гг.

82.
Ныл олӧманӧй, красӧтаанӧй,
Муя вӧчӧма ай-маманӧйлӧ омӧлянӧйӧс.
Абы кылзысьӧм мӧдӧдӧм инӧ,
Абы кесъялсьӧм кесйӧдӧм инӧ.
Вӧлі пӧ менам муса воканӧй,
Муй пӧ вӧчлысьӧма менам сілӧ омолянӧйӧс,
Вулдзӧдӧ менӧ кычан пиянӧс моз.
Эз жӧ кол мунны эсӧ доманӧйӧ (местаанӧйӧ).
Пуксин тэ ӧні дубӧвӧй ли кӧ лабичӧй вылӧ,
Дорожнӧй ли кӧ керка велт ултӧ,
Стружӧнӧй ли кӧ джодж пӧлӧй вылӧ.
Югыд лунанӧй, ныл олӧманӧй,
Дитяткоанӧй, чаденькоанӧй!
Муйя же пӧ вӧчӧмыд асьтӧ ачыдӧс
Нем тӧдтӧманӧй, нем аддзылтӧманӧй.
Ва выланӧйӧ лэсьылытӧманӧй,
Пу йыланӧйӧ пуксьыллытӧманӧй пӧткаанӧй кодь.
Ва выланӧйӧ лэсьылтӧманӧй уткааноӧй моз.
Сісьтӧм пӧ висьтӧм
Тэнад лысьӧманӧй,
Печикӧн вӧрзьлытӧм тэнад телоанӧйӧй,
Чуньӧн ляпкылтӧм юрси вӧлӧтянӧйӧс.
Вӧлін тэ ӧні турун утка кодь,
Тӧрчитін тэ ӧні ва выл шатянӧй моз.

Мунан пӧ лактан тэ нида ордӧ,
Нюгльӧдласны пӧ тэнчыд лысьӧманӧйӧс,
Сьылмаласны тэнчыд лысьӧманӧйӧс
Льӧм пу ньӧрйӧс моз.
Поньталласны тэнчыд лысьӧманӧйӧс.

НМ РК. КП 12485. Л. 103-104: д. Черемуховка, 1928-1929 гг.

83.
Ӧспӧдар, спӧдар да спӧдарина,
Пукалан же тэ ӧстаткианӧс, часанӧйӧс,
Лактӧнӧ тэныд любӧй гӧсь госьтья –
Купчи-бӧяра, <…> господа.
Вайӧнӧ тэныд любӧй гӧстинеч
Чистӧ серебрӧ, краснӧй зӧлӧтӧ.
Кайӧ тэд кайӧ лёк кымӧранӧй,
Гымалӧ тэд лёк гыманӧй,
Лёк гыманӧй юр выланӧйын.
Агсаласны тэнӧ тыла агасӧн.
Лактасны, пасибӧ висьталӧнӧ.
Морӧс дорӧ босьтіс пес ношаанӧс,
Лонтіс пылсянанӧйӧс,
Вадзис ва гозъянӧйӧс,
Вӧчис пӧсь ваанӧйӧс.
Пасибӧ муса сочӧйлӧ
Дай ыджыдика
Пылсянанӧйӧс дай лонтӧмӧй вылӧ,
Ва гозъянӧйӧс вайӧмӧй вылӧ,
Низкӧй споклоном да великую да легонькую.
Пасибӧ вежанюшкалӧ,
Крёснаялы матушкаӧйлӧ
Свежӧ корсяӧн пылсьӧдӧм вылӧ,
Свежӧ <ку…манӧйӧн> юр мыськӧм вылӧ,
Свежӧ ваанӧйӧн мысьӧдӧм вылӧ.
Пасибӧ батюшкоӧйлӧ
Пылсян вӧчӧм вылӧ.
Керъянӧйӧс вайӧмӧй вылӧ,
Нитшканӧйӧс нитшкӧмӧй вылӧ,
Тшупӧмӧй вылӧ да лэптӧмӧй вылӧ,
Лэптӧмӧй вылӧ, велтьӧмӧй вылӧ.
Пасибӧ пӧдруженькаяслӧ
Сьылӧмыс вылӧ, йӧктӧмыс вылӧ.

НМ РК. КП 12485. Л. 117-118: с. Летка, 1928-1929 гг.

84.
Ныл бур кольлыны, краса воштыны!
Ӧспӧдар, спӧдар да спӧдарина,
Югыд лунанӧй да дитяткоанӧй,
Баня пӧспелӧ, пӧра париться.

НМ РК. КП 12485. Л. 119: с. Летка, 1928-1929 гг.

85.
Господианöй, благöслöвианöй,
Благослöвитö ötеч и мати,
Öспöдар, спöдар, спöдаринö.
Спöдар батюшка, сударматушка.
Югыд лунанöй, ныл олöманöй!
Муй жö тэ вöчин асьтö ачыдöс,
Дзугин жö тэ ассьыд юранöйöс
Неманöй кежö!
Муй же тэ пукалан, муй же думайтан,
Кутшöм жö тэ вöлін пукалысянöй
Эса местаын.
Абы на тэнад кучик тыр яянöй,
Сöн тыр виранöй.
Сöн тыр виранöй, лы тыр веманöй.
Пукалан же тэ ай-мамöй ордын öстаткианöс
Кокни юр бöжанöйöн.
Коляс тай коляс тэнад ныл олöманöй,
Красöтаанöй батюшко ордö,
Быд сёйöманöй и быд юöманöй.
Югыд лунанöй тэнад ас маманöй –
Гожъя щшондіанöй!
Йöз ай-маманöй – чорыд пужъянöй,
Арсёл пужъянöй,
Арсёл пужъянöй, лэчыд вой тöланöй!
Вöлін же тэ пö рöзнöй тугйöй кодь,
Рöзнöй тугйöй кодь, сіли бöчкай кодь,
Силі бöчкаöй кодь, стрöчитöм трубкаöй кодь,
Стрöчитöм трубка кодь, стальнöй свеча кодь.
Мöдісны шыбитны тэнö ай-маманöй
Сигöрöй йылті гöр агас вылö.
Мед пö кöть гожйин гажа гожоманöйöс
Батюшко дінын.
Мед кöть ытшкöдіс лэчыд косаöн,
Мед тэнö курöдіс кокньыд курунöн,
Мед кöть вундöдіс лэчыд чарлаöн.

НМ РК. КП 12485. Л. 120-121: с. Летка, 1928-1929 гг.

86.
Господианöй, благöслöвианöй,
Бласлöвит пö тэ менö,
Батюшкоанöй, матушкаанöй!
Закон божий принимать,
Евангель человать.
Югыд лунанöй, ныл олöманöй,
Тöлалöманöй, лэбалöманöй.

Чайчин пӧ тэ шутитны шуткаанӧйӧс,
Луис пӧ тэныд збыльезанӧй,
Збыльезанӧй, стӧчезанӧй.
Сюйин тэ пӧ ассьыд юранӧйӧс
Сир пӧртъянӧйӧ.
Сир пӧртъянӧйӧ, смолаанӧйӧ.
Мунан тэ пӧ йӧз ай-мам дінӧ,
Йӧз пипӧл дінӧ.
Йӧз ай-маманӧй, йӧз пипӧланӧй!
Йӧз ай-маманӧй – лэчыд войтӧланӧй!
Ас ай-маманӧй – асъя шондіанӧй!
Йӧз соч-воканӧй – кос тусянӧй,
Лежнӧг кустанӧй, петшӧр кустанӧй.

НМ РК. КП 12485. Л. 122: с. Летка, 1928-1929 гг.

87.
Югыд лунанӧй да тэ вежанянӧй,
Тэ вежанянӧй да крёсная ли матушкаӧй!
Кыдзи тэнад и коканӧй лыбӧ,
Кыдзи тэнад и кианӧй усьӧ!
Энӧ тэ муй вӧллы менам кодьыс,
Мӧдін тэ тай дзугны зарни кӧсаанӧй,
Зарни кӧсаанӧй, мишур юрсианӧй
Неманӧй кежӧ, веканӧй кежӧ
Не на час кежӧ – долгӧвеч кежӧ.

НМ РК. КП 12485. Л. 131: с. Летка, 1928-1929 гг.

88.
Кутшӧм на вӧлін мунысь-лактысянӧй
Йӧз ай-мам дінад,
Толькӧ на вӧлін кӧсякӧй дорын куклаӧн ворсысь,
Паччӧрӧй дорын да кусьӧн (?) ворсысь,
Гор водзӧй дорын да желльӧн ворсысь.
Югыд лунӧнлӧн, олан пӧлӧйыдлӧн
Паськыдӧсь сілӧн матьясанӧй,
Вылынӧсь сілӧн кулакъясанӧй,
Первоя луӧ кабак чышкӧданӧй!

НМ РК. КП 12485. Л. 144: с. Летка, 1928-1929 гг.

89.
Спасибо же тэныд, батюшколӧ,
Менӧ быдтӧмӧй вылад,
Спасибӧ матушкалӧ тэныд, менӧ мыськӧм, мавтымӧй вылад.
Вувдзыдінныд тай менӧ, батюшкоӧй да матушкаӧй,
Янсӧдны мӧдінныд асланӧй бара борд увсьыд,
Мый пӧ ме муна, менӧ сетанныд чужӧй йӧз дінас,
Да вед меным ёна лоас…

ФА СыктГУ. АФ 1373-27: Объячевский с/с, д. Беляевская, 2001 г.

90.
Лишней пö ме лои,
Гортысь да вötлыны мödiнныд менö.
Мödödны пö ті менö мödiдö нерöднöй ай-мам дiнö, йöз семья дiнö.
Колис пö менам том пöраанöй да красотаанöй.
Муса вокъясанöй, менö пö тай ті соча-вока
Мödiнныд гортысь ыстыны пö.
Спасибö бать-мамлы менö быдтömöй вылö,
Да йöз семья дiнö mödödны mödiнныд,
Да йöз деревняö mödödны mödiнныд.
Колис пö менам том пöраанöй,
Колис пö менам красотаанöй.
Спасибö пö бать-мамлö,
Менö пö mödiнныд сетны йöз семья дiнö да йöз деревняö.
Пашкырö пö видзыштасны да менам мамъяс сёянöй,
Mödорö пö ме видзышта, тыдалö пö менам сьöд вöранöй,
Коймödö кö ме видзышта, колис тай менам авъя-чоянöй.

ФА СыктГУ. АФ 1380-13: с. Объячево, 2001 г.

91.
Муна пö вед ме, дитяткоöй, тэнölö, матушкаöй, коля.
Mödödан тай пö тэ менö йöз семья дiнö да йöз деревняö.
Лишней пö ме лои сымда энюшкалы-матушкалы талунъя лунöй.
Югыд шондiöй да муса вокъясöй,
Мыйла пö ті менö сетанныд йöз ай-мам дiнö да йöз семья дiнö.

ФА СыктГУ. АФ 1380-14: с. Объячево, 2001 г.

92.
Лишней пö ме лои тай, сударинушка-матушкаанöй да батюшкаанöй,
Mödödны пö менö mödiнныд йöз семьяö да йöз деревняö.
Бать-мамлö пасибö ёна ыджыд менö быдтömсьыд.
Ылö туйö mödödны mödiнныд да паськыд ва сайö да сьöд деревняö.

ФА СыктГУ. АФ 1380-18: с. Объячево, 2001 г.

93.
Сударина-матушкаönö, кытчы тэ mödiн
Да кывлытöм, аддзывтöм местаö.
Сударина-матушкалы, корошо меня воспитывала
Да корошо, слава богу, меня да проводитiн.
Спасибö любимöй да отечлö тоже,
Мамалы помогайтiн, ой.
<Всем «спасибо» скажет>.
Спасибö, матушкалö, тэ бура быдтiн менölö
Да бура и проводитiн да мужик саяд.

Юр увтсеньыд да кок ултэдзыд да судариналӧ,
Спасибӧ матушкалӧ,
Спасибӧ мамалӧ тэныд.

Пересказ

ФА СыктГУ. АФ 1381-32: с. Объячево, 2001 г.

94.
Югыд луланӧй дай ныл олӧманӧй,
Ныл олӧманӧй, вӧльнӧй олӧманӧй,
Югыд луланӧй да Ӧльгиньяанӧй,
Кытчы тэ мӧдӧдчин да кытчӧ юртӧ сюян?
Чужӧй рӧдняӧ да чужӧй семьяӧ.

ФА СыктГУ. АФ 1827-40: с. Верхолузье, 1990 г.

95.
Спасибӧ тэныд да матушкоӧйлӧ,
Матушкаӧйлӧ да батюшкоӧйлӧ,
Менӧ быдтӧмысь да менӧ вердӧмысь,
Спасибӧ тэныд да сочушкоӧйлӧ,
Муса сочӧйлӧ, тэ меным отсалін вурныд-кӧрнытӧ,
Спасибӧ тэныд да муса воканӧй,
Муса воканӧй, тэ отсалін меным кӧмкоттӧ вурны.

ФА СыктГУ. АФ 1827-41: с. Верхолузье, 1990 г.

96.
Югыд луланӧй пӧ, подруженькаанӧй,
Подруженькаанӧй, дай Ольгиньяанӧй,
Гуляйтлім тай ми тэмыд да плавайтлім ӧтіглаын, дай гуляйтім.
Колис тай миян да гажа пӧраанӧй.
Кытчы жӧ тэ мӧдін юртӧ сюйны да?
Бабаюрӧ вӧчны тэнӧ мӧдасны талун.
Гуляйтан кӧ тэ вед миянмыд талун
Пӧследньӧй часъяс.
Кӧрталасны кӧ тэныд аски да кӧртомӧн.
Да кыдз тэ мӧдан дай олны
Чорыд мужик дінад?
Чорыд мужик дінад
Дай чорыд энька дінад,
Стрӧг энька дінад да стрӧг айка дінад.

ФА СыктГУ. АФ 1827-42б: с. Верхолузье, 1990 г.

97.
Югыд луланӧй да ныл олӧманӧй,
Ныл олӧманӧй, вӧльнӧй олӧманӧй.
Кытчы тэ мӧдін да аслад бать дінысь,

Аслад бать дінысь да маменька дінысь?
Кузянаö тэ мöдöдчöмыд,
Тэ мöдöдчöмыд да нерöднöй ай мам-дінö.

ФА СыктГУ. АФ 1827-52: с. Верхолузье, 1990 г.

98.
Югыд лунанöй пö да тэ дитяткоанöй,
Дитяткоанöй да Нинушкаанöй,
Мöдöдчин пö тай тэ мунны бать-мам позъянöйысь,
Быдмин дай пö тэ гортын да мича позйын.
Мöдöдчин пö тай тэ мунный йöз ай-мам дінö,
Йöз ай-мам дінö да лёк-скöр семьяö,
Лёк-скöр семьяö да уна пипöл дінö.
Воан кö пö тэ пызан саяд,
Медбöръя пуксьысянöй.
Он жö пö тэ мöд лысьтыны видзыштыны, паньыштынытö,
Паньыштынытö, нянь курчынытö.
Ёна же пö тэныд колмас терпитны айкаанöс,
Айкаанöс да энькаанöс.
Колмас же пö тэныд мунны удж вылад да первöйöн,
Медпервöй мунны да медбöръя лакны.
Дитяткоанöй да Нинушкаанöй,
Почитайтны вед ковмас,
Юрбитны мужиканöйöс.

ФА СыктГУ. АФ 1827-54: с. Верхолузье, 1990 г.

99.
Пасибö сударина-матушкалö тэныд ыджы <…> большее,
Корошо меня воспитывала да корошо и слава Богу, меня да провожитін.
Пасибо любимöй да отецлö тоже,
Мамалö помогайтін.

ФА СыктГУ. АФ 13100-7: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 2001 г.

100.
Спасибö матушкалö,
Тэ бура быдтін менönö да бура и проводитін
Да замуж саяд,
Да мужик саяд.
Юр увтсеньыд да кок увтэдзыд да судариналöй.
Спасибö матушкалы,
Спасибö мамалö тэныд.

ФА СыктГУ. АФ 13100-8: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 2001 г.

101.
Девья красота пö ме эг куж ассьым видзöдны.
Мича девья красöта менам и некытчы оз вермы инасьныс,

Толькӧ нюр шӧрӧ вермӧ сія менам мича девья красӧтаанӧй инасьны.

ФА СыктГУ. АФ 13100-12: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 2001 г.

102.
Сударина-матушка, тарыт тэ менӧ ужнӧдін пӧследней ужинанӧй,
Быдтін тэ менӧ ичеликсянь,
Ужинтӧгыд эн узьтӧдлы,
Ни ӧбедтӧгыд эн узьтӧдлы.
Да олі ме тэнад дінын, сударина-матушка,
Неньчоӧй чветка кодь чветитӧ.
Ӧні, гашкӧ, ме мӧда олны сырсъя поныль кодь,
Матушкаанӧй, сёйтӧг да ютӧг.
Ковмас асывнад чеччыны да мунны робота вылад.
Кыдзи ме югыд шонді мӧдас пӧйдитны
Да лунанӧй да воянӧй.
Ог тӧд, гашкӧ, матушка ме тэнӧ ог мӧд аддзывны
Да месечъясӧн да гӧдъясӧн.
Сударина-матушкай, пасибӧ тэныд
Чӧскыд обед вылад да чӧскыд ужын вылад,
Пӧследнейсӧ ме тэнад ордын та рыт ужнайтӧ
Нэм чӧжӧй кежлӧ, гашкӧй.
Оз мӧдны лэдзлыны, матушка,
Тэнад дінӧ, гашкӧ, менӧ, да гӧдъясӧн.

ФА СыктГУ. АФ 13100-20: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 2001 г.

103.
Разсис тай талун менам мича зарни юрсианӧй,
Дугдас нин менам сэсся сялькъявны спина пасьта зарни юрсиӧй,
Сялькъялӧ вед менам ӧні мича юрсиӧй спинаӧй пасьта,
Гарта ме сэтчы ӧні да шыр позйӧ,
Шыр поз кодь менам лоас ӧні мича зарни юрсиӧй,
Гарта ме сэтчы, да ог гашкӧ, мӧд мисечӧн сынӧптыны
Мича зарни юрсианӧйӧс,
Матушкаанӧй, кытчы и тэ менӧ да и аслад дінысь вувдзӧдін?

ФА СыктГУ. АФ 13100-22: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 2001 г.

104.
Матушкалы туи, сударь-матушкалы зӧлӧтӧй часы пыддьӧ,
А ӧні пӧ ме муна энька дінас –
Дугда пӧ ме туйны югыд шонді
Джодж чышкан рос вылӧ.

ФА СыктГУ. АФ 13164-23: Объячевский с/с, д. Елинская, 2001 г.

105.
Спасибӧ тэд, дитятко,
Югыд шонді Нина Борисовналӧ

Юрсяньыд да кокӧдзыд.

ФА СыктГУ. АФ 13164-25: Объячевский с/с, д. Елинская, 2001 г.

106.
Мужикыдлӧн пӧ эм вит чуня сынан,
Сыналны мӧдас топыдика,
Вильыдик юрсиыд лоӧ.

ФА СыктГУ. АФ 13253-16: Мутницкий с/с, д. Макарсикт, 2006 г.

107.
…дас кык метра поводыд.
Мунан пӧ ӧні верӧс саяд
Да лоӧ пӧ сылйӧн-джынйӧн….

ФА СыктГУ. АФ 13253-17: Мутницкий с/с, д. Макарсикт, 2006 г.

108.
Ӧні тэ он обозанӧйясӧс кыал,
А сэтчы пӧ вед мунан да мӧдас пӧ сюсь буксӧм кылны тӧлькӧ.
Сюсь буксӧминас тэ мунан, кыллытӧминас тэ сэтчы мунан.

ФА СыктГУ. АФ 1309-9а: с. Прокопьевка, 1990 г.

109.
Мӧдін тай тэ мунны йӧз ай-мам дінӧ,
Он же вед тэ мӧд кужны джодж кузя прӧйдитны,
Мӧдасны кӧ тэнчыд нерны походкаӧӧйӧс, басниайӧнӧс мӧдасны,
Он же вед тэ лысьты паньӧн паньыштны, тӧрсьыны, паньыштӧптыны.
Дерт же век тэнӧ мӧдасны сералны.
Югыдлунанӧй, дитяткоанӧй, шуасны сэсся,
Мунан тай тэ тӧдтӧм семья дінӧ.

ФА СыктГУ. АФ 1309-9б: с. Прокопьевка, 1990 г.

110.
Мӧдӧдан тай йӧз сторонаӧ,
Кыдзи же тэныд абу жаль, матушкаанӧй?
Батюшкоанӧй, тэныд пасибӧ,
Быдтін-терин тэ менӧ
Да мӧдін тай ас дінысь янсӧдны.
Кыдз тэныд абу жаль
Менӧ мӧдін сетны йӧз семья дінӧ.

ФА СыктГУ. АФ 1309-9в: с. Прокопьевка, 1990 г.

111.
Чеччин тай пӧ тэ пӧсь ӧбед дінӧ,
А ӧні вед тэ муныштан да колдзас тэныд ӧбед индыны,

Пачтö ломтны колдзас.
Муса ныланöй, шуасны, ötка ныланöй тэ.
А ме кузь буксаминö да köч <нёльгаминö> муні.

ФА СыктГУ. АФ 1309-9г: с. Прокопьевка, 1990 г.

112.
Тэ югыдлунöй да тэ муса сочöй,
Мöйса тэ бара да, сочöй, талун татöн барай думайтан?
Кузь думатö ли да öли дженьдöдан?
Дженьыд думатö да öли нюжöдан?

ФА СыктГУ. АФ 1331-20: с. Черныш, 1996 г.

113.
(надиктовывает текст) Пывсянö мунöм
Мöдiн тай тэ муса сочöй пöсь пывсянö мунны
Стрöитiс по тэныд батюшко пöсь пывсянтö
Нетшкисны пö нитштö мича вокъясыд
(пересказ: сочыс кер вайис, вокыс пельöс тшупис).
Да муса сочömöй пасибö нитштö вайömыд вылад
Пасибö мамыслö нитшкалöм вылад.

(голосом показывает)
Муна пö пöсь пылсянö матушкаö
Мунан пö талун муса сочöй пылсянö
Со эд эз вöл батюшкаонöй пöсь пылсянанöй
Пасибö батюшколö пöсь пылсян строитöм вылö
Пасибö матушкалö нитшкалöм вылö
Пасибö муса сочлö нитш вайömсьыд, нитш нетшкöм вылад.

ФА СыктГУ. АФ 1331-21: с. Черныш, 1996 г.

114.
Тэ югыдлунöй да тэ муса сочöй,
Мöйса тэ талун да татöн думайтан?
Кузь думатö ли да öли дженьдöдан?
Дженьыд думатö да öли нюжöдан?
Вулдзödны мöдiс матушкаанöй
Йöзö-мортö, йöз семья дінö.

ФА СыктГУ. АФ 1331-43: с. Черныш, 1996 г.

115.
Неволя тебе будет, дитяанöй, тебе надо,
Не хочешь ты идти да силком тебя дают.
Коньöр дитяанö, коді тебя будет жалеть.
Жалей не жалей, всё равно выдают, раз плаканье сегодняшний день
Вот тебя никто не жалеет, оз жалитны
<по-русски и по коми>

Кутшöми луас мужикыд, всегда будет бить.

Пересказ

ФА СыктГУ. АФ 1347-43: с. Объячево, 2001 г.

116.
Он көсйы тай мунны да тэнö сетöнö.
Кытчы и ме лотча, быть тай ковмас мунны.
Жаль же эськö гашкö ай-мамыдлö да
Татшöм тай индыллöма женщинаяслö,
Нывбабаыдлö верöс саяд муннытö.
Кутшöми тэныд лоас да мужиканöй?
Гашкö тэнö и айкаыд нöйтас,
Гашкö и энькаыд нöйтас.

ФА СыктГУ. АФ 1347-44: с. Объячево, 2001 г.

117.

Пасибö пö доченька, меным пö уджалін	Спасибо, доченька, мне ты работала,
Да мунан да кыдзи пö и олны кутан.	Уйдешь, как и жить будешь

«Утром невеста встанет, в угол сядет. [Как этот угол называли?] *Ен улт. Вот и плачет с матерью-то в последний-то вечер».*

ФА СыктГУ. АФ 1349-34: Объячевский с/с, д. Елинская, 2001 г.

118.
Пасибö матушкалö, тэ менö дыр пыр узьтöдлін,
Тэ менö вердін-юкталін, тэ менö сьöкыд уджъясысь хранитін.
Кöрмилеч батюшка, ыджыд тэныд пасибö,
Тэ менö водзджык петукъясысь эн катлы,
Тэ меным сетін узьны, тэ менö прибаюкайтін,
Тэ вердысь-юкталысь, чöскыд сёянысь спасибö, кышöдін-кömöдін.
Спасибо брату за то, что баню топил,
Кыдзпуön ломтін, мед меным сія вöлі жарджык баняыд.
Спасибö сочлö, мый тэ ваялін ключевöй ва.

Пересказ

ФА СыктГУ. АФ 1351-6: с. Объячево, 2001 г.

119.
Руса көсаöй, девья красöтаönöй зэв же тэ менам вöлін кыöма ёна крепыда,
Разисны тай тэнöла
Да разисны менсьым.
Мишур юрсиöс дай руса да и көсаöс.

Девья красöта кольöм, прöщайчöм (Проводы девьей красоты, прощание).

ФА СыктГУ. АФ 1351-8: с. Объячево, 2001 г.

120.
Разсис тай менам да руса да көсаанӧй,
Ёна тай и вӧлі кыӧма,
Разисны тай сійӧс да зарни юрсиӧс,
Руса көсаӧй менам тэ,
Ыджыд нимaнӧй да мича нимaнӧй
Да девья красӧтаанӧй,
Мишур юрсиӧй.
Гӧтӧвитісны менӧ да свадьба кежӧ.
Да он вед мӧд аддзыны тэ
Югыд шондісӧ да югыд лунансӧ.
Сюясны тэнӧ, кӧртасны
Да руска ултӧ.
Белӧй светанӧй да оз мӧд тыдавны.
Менам руса көсаӧй
Да девья красӧта,
Мича нима да ыджыд нима.
Колис тай колис менам
Красуйтчӧманӧй,
Красуйтчӧманӧй да ныв-зонманӧй.
Кыдзи ме мӧда овны тіянтӧг
Да ныв-зонтӧгыс.
Колис тай менам чӧскыд унманӧй
Да бур бать-мам дінын
Менам да олӧманӧй.
Асылын тай менӧ, батюшкоанӧй,
Эн катлы менӧ водз
Петук чуксасьӧмедз.
Пасибӧ ыджыд да тэныд
Пызан сайын менӧ чӧскыд няньӧн-солӧн
Да и вердӧмысь.
Пасибӧ рӧдича-матушкалы тэныд
Бура менӧлӧ да и видзӧмысь,
Да и менӧ ошкӧмысь.
Руса көсаӧй да мишур юрсиӧй,
Мунін да лэбзин да девья красӧта
Ылӧ тай ылӧ да мореяс сайӧ
Да гӧраяс сайӧ.
Пуксин тэ пуксин
Да каменнӧй да и дом вылӧ.
Пырин тай менам да девья красӧта
Ӧкмысӧд жырйӧ
Да томанасин тай
Ӧкмыс томанӧн.
Ог же нин и сэсся
Аддзыв тэ белӧй светанӧс,
Девья красӧта менам ыджыд нима
Да мича нима.

Бел-румянöйöй да очи яснöйöй
Да шочки румянöй да мичаник, белöй личикоöй,
Ставыс вед и бырас,
Ставыс вед и кусас,
Руса кöсаöй, девья красöта
Да прöщай, прöщай.

ФА СыктГУ. АФ 1351-10: с Объячево, 2001 г.

121.
Югыдлунанöй, ныв олöманöй,
Тэнö тай сетö батюшкоыд нерöднöй ай-мам дінö,
Нерöднöй пипöл дінö, йöз семья дінö, вöр-ва матушкаыд йöз.

ФА СыктГУ. АФ 1359-3: с. Прокопьевка, 2001 г.

122.
Дитяткоанöй, Маринанöй, мунан да
Ыджыд жö спасибö батюшкоыдлö висьталлы,
Батюшкоыдлö висьталас.
Вöр-ва матушкаыд йöз, йöзыд йöз.
Он тэ лысьты пуксьыны пызан сайö,
Он тэ лысьты паньыштыны чöскыдтор.
Мунан, йöз пипöл дінö мунан.
Он же тэ куж вед джодж кузяыд прöйдитнытö.
Югыдлунанöй, Маринушкаанöй, дитяткоанöй,
Йöз ай-мам дійö, йöз пипöл дінö мунан,
Сьöкыд жö тэныд луö олныдö.

ФА СыктГУ. АФ 1359-4: с. Прокопьевка, 2001 г.

123.
Югыдлунанöй, ныл олöманöй,
Мöдін тай тэ мунны йöз пызан дінö, йöз домö.
Он мöд тэ кужны паньыштыны,
Он мöд тэ кужны джодж кузя мунны,
Колдзас жö тэныд йöк же терпитны.

ФА СыктГУ. АФ 1359-19: с. Прокопьевка, 2001 г.

124.
Мöдін тай тэ мунны йöз пöсёлокö,
Мöдін тай тэ мунны йöз семья дінö.
Югыдлунанöй, ныв олöманöй,
Мöдін тай мунны йöз семья дінö,
Йöз олан кöл дінö,
Кутшöмъя тэнад оланпöлыд.

ФА СыктГУ. АФ 1359-19а: с. Прокопьевка, 2001 г.

125.
Югыд лунанӧй да ныв олӧманӧй,
Ныв олӧманӧй да <…> олӧманӧй,
Ныв олӧманӧй да дитяткоанӧй,
<…> батюшкаӧдлӧ, матушкаыдлӧ,
Матушкаыдлӧ да муса вокыдлӧ.
Пукалан тэ татӧн кык кӧсяк костын,
Кык кӧсяк костын да матушка ордын.

ФА СыктГУ. АФ 1362-39: Прокопьевский с/с, д. Вавиловка, 2001 г.

126.
Мед пӧ тэнӧ тӧлйӧдісны кӧдзыдиг тӧлтӧ,
Тулсӧдісны гажа тулыстӧ, гажа гожӧмтӧ,
Мӧдасны пӧ тэнӧ шыльянӧй моз сысъялны, льӧм пу ньӧръяс моз.

Пересказ

ФА СыктГУ. АФ 1362-39а: Прокопьевский с/с, д. Вавиловка, 2001 г.

127.
Мӧдас пӧ сысъялны шулльӧс моз, льӧм пу морӧс моз.
Коліс пӧ телмысьны, батюшкаонӧй,
Кӧдзыд тӧлсӧ тӧлйӧдін, гажа тулыссӧ, гожӧмсӧ,
Купчи-бӧяраяс тэнӧ вадзӧнӧ.

Пересказ

ФА СыктГУ. АФ 1362-39б: Прокопьевский с/с, д. Вавиловка, 2001 г.

128.
Ог же ме кӧсйы мунны
Да йӧзӧ тӧдтӧм морт саяс,
Да ковмис тай мунны,
Бать-мам тай менӧ сетӧнӧ
Тӧдтӧм женик сайӧ.

ФА СыктГУ. АФ 1371-23: Объячевский с/с, д. Керос, 2001 г.

129.
Разсис тай пӧ менам
Мича руса кӧсаӧй,
Öні пӧ сэсся муна верӧс сайӧ
Да менам туплясяс пӧ катша позйӧй моз руса кӧсаӧй.

ФА СыктГУ. АФ 1378-5: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 2001 г.

130.
Разсис тай талун менам руса кӧсаӧй.
Муна нин ме гортысь талун

Сударина-матушка дінысь энька-айка дінö
Да кыдзи мöда ме сэтöн олнытöй,
Ог же вед мöд лысьтыны ме босьны нянь кусöк,
Да ковмас вед ёна водз чеччыны,
Да ёна сёр водны.
Коли тай менам сударина-матушка дінö
Да батюшко дінö лöсьыд олöманöй.
Матушкаанöй, менö мыйла тэ чужöй сторонаас сетан?
Ог же югыд шонді вермы ме олнысö
Йöз семья дінад
Ёна лöсьыд, матушка, тэнад дінын да и овнытö.
Уджалан кöть он,
Ведь энькаыдлö оз же нин ло уджтуйын,
Да оз же нин сія меным шу спасибöанöй,
А ведь только сійö менö видас.

ФА СыктГУ. АФ 1378-18: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 2001 г.

131.
Югыд лунанöй пö ныл олöманöй кольö тай тэнад…
Мöдпöл мунанö, мöдпöл пö пыртасны.
Мöдпöл пыртасны, мöдпöл чужтасны.
Колис тай тэнад ныл олöманöй,
Колис тай тэнад бур олöманöй.

ФА СыктГУ. АФ 1398-22а: с. Слудка, 2001 г.

132.
Югыд пö лунанöй да ныл олöманöй,
Ныл олöманöй, вöльнöй олöманöй…
Муйса тэ вöчин да муйса думайтін,
Кытчö жö мöдін йöз семьяанö.

ФА СыктГУ. АФ 1398-40: с. Черемуховка, п. Индом, 2001 г.

133.
Талун тай ме гортын пöследней рыт.
Кытчыя тай менö бать-мам сетöнö?
Лишнöй тай вед ме видимö лои нидалö.
Кутшöм семьяö да йöз семьяö öли лёк семьяö.
Уна же колмас, гашкö, терпитны,
Лёк кö лоас мужикыд.
Олöмсö вед он тöд,
Оз же гашкö и жалитлыны,
Пыр ковмас уджавны.

ФА СыктГУ. АФ 13103-11: с. Объячево, 2001 г.

134.
Руса кöсаöй, менам тай вöлі кык кöса,

Вöчисны тай меным тыдалö ракапозйöй.
Ракапозтö и гашкö мöдас мужикыд менсьым нетшкыны,
Вот и бур вылö мунан йöз семьяöй.

ФА СыктГУ. АФ 13103-11а: с. Объячево, 2001 г.

135.
Ме тай толькö, гашкö, талун öстанок лунъяс ола
Бур бать-мам дінам.
Муна тай ме йöзö.
Видимö, менö енмыс сетчö индöма
Да сетöн колмас олны ог и тöд мыйэтш.

ФА СыктГУ. АФ 13103-12: с. Объячево, 2001 г.

136.
Пасибö же тэныд батюшколö менö быдтömöй вылад,
Пасибö матушкалö менö мыськöм-мавтымöй вылö
Удитінныд тай менö, батюшкоöй да матушкаöй,
Янсödны мöдінныд асланыд бара борд увсьыд.
Мый пö ме муна, менö сетанныд чужöй йöз дінад,
Да вед меным ёна лоас сьöкыд бара олныдöй.

ФА СыктГУ. АФ 13105-10: с. Объячево, 2001 г.

137.
Кытчы тэ да руса да köсаанöй?
Туплясяс пö менам
Да руса мича köсаöй.

ФА СыктГУ. АФ 13105-11: с. Объячево, 2001 г.

138.
Спасибо тэныд, матушка-сударушка,
Бура видзömсьыд.
Судзис тай менам тэ дінын домповоданöй
Да карысь карö.
Дугдас тай пö менам судзны öні домповоданöй
Да порог доредз.

ФА СыктГУ. АФ 13110-56а: Спаспорубский с/с, д. Урнышевская, 2002 г.

139.
Матушкаönöй рöднöй,
Сетны тай мöдін менö верöссайö,
Мунны тай ме мöді да тіян дінысь.
Красуйтчи да тіян гортын олі.
Кутшöм менам да мужиканöй луас?

ФА СыктГУ. АФ 13145-12: Спапорубский с/с, д. Матвеевская, 2002 г.

140.
Дорогая маменька, родные батюшко,
Сетны мӧдін муса сочанӧй, муса воканӧй
Чужӧй семья дінӧ.
Чужие люди да неродимый матушко.
С родимой матушкой корошо жила,
С матушкой-то.

Пересказ

ФА СыктГУ. АФ 13145-13: Спапорубский с/с, д. Матвеевская, 2002 г.

141.
Сетны мӧдідӧ тай менӧ ылӧ
Да далеко-далеко,
Да йӧз сайӧ.
Красуйтчи тай ме
Бать-мам дінын.
Ковмис тай меным
Да чужӧй йӧз дінӧ.

Пересказ

«Свадьба-то идет, а невеста перед печью также сидит с крестной-то, или сестра ли, или брат-то тут, все сидят, и невеста-то плачет».

ФА СыктГУ. АФ 13145-14а: Спапорубский с/с, д. Матвеевская, 2002 г.

142.
Родимый батюшкоанӧй да матушкоанӧй,
Надо идти да вам жить-то,
А станете меня да чужим людям отдавать.
А как я буду там жить-то,
Родимая ты моя матушка да родимый отецанӧй.
Хорошо ведь дома-то жить
Да не надо как в людях.
А как я буду в людях-то жить-то?

Пересказ

ФА СыктГУ. АФ 13145-15: Спапорубский с/с, д. Матвеевская, 2002 г.

143.
Родимая матушкаанӧй,
Надоедитi тай ме тіянлӧ жить-то,
Стали тай меня чужим людям отдавать,
Как я буду да чужим людей жить.
Родимая тэ менам маменькаӧнӧй,
Родимая да отецанӧй,

Останутся тай брат да сестра,
Посматривайте меня да пожалейте.
Как я буду в чужих-то людях жить-то?

Пересказ

ФА СыктГУ. АФ 13145-15а: Спапорубский с/с, д. Матвеевская, 2002 г.

144.
Надоедитi тай менам энькаанӧй,
Надоедитi тай батюшкоанӧй.
Сетны тай менӧ мӧдiн чужӧй йӧз дiнӧ.
Кыдзи тай ме кута олныанӧй?
Рӧдимӧй тэ менам энькаанӧй,
Рӧдимӧй тэ менам батюшкоанӧй.

«В последний раз шибко дома плачет».

ФА СыктГУ. АФ 13145-19: Спапорубский с/с, д. Матвеевская, 2002 г.

145.
Любитлi же ме тэнӧлӧ, муса сочӧс,
Аслам рӧднӧй ныл пыддьӧ, дай рӧднӧй соч пыддьӧ,
Дай подруга пыддьӧ.
Да мӧдiм тай ми янсӧдчыны тэнадмыд.
Сетны тай менӧ мӧдiсны нелюбимӧй сайӧ, старик саяс.
Эг же веськӧ кӧсйылы сiйӧ сайӧ ме мунны
Да колмис же тай мунны,
Сетӧмӧн сетӧнӧ.
Быдми ме батьтӧг да быдми ме мамтӧг да сирӧтӧй.

ФА СыктГУ. АФ 13181-25а: с. Ношуль, 2004 г.

146.
Пӧследньӧй раз пӧ менӧлӧ вед мыськӧнӧ,
Сэсся оз же менӧ адддзылны.
Чиститӧнӧ же менӧлӧ,
Чиститӧнӧ менӧ, мужик сайӧ сетӧнӧ
Чистӧй благӧӧн.

ФА СыктГУ. АФ 13181-28: с. Ношуль, 2004 г.

147.
Лактӧнӧ кӧ менам дiнӧ
Гырысь шапкаясанӧй да кыз юрасанӧй.
Кытчы нӧ ме тай мӧдӧдчи
Кызь туйӧй вылӧ.
Кодлӧ ме кола мам-батьтӧг олӧм,
Кольӧ тай менам аслам (доманӧй).

ФА СыктГУ. АФ 13184-68б: Ношульский с/с, д. Яковлевская, 2004 г.

148.
Милӧянӧй же, кытчыя тэ мунан, дитяткоанӧй,
Кытчы же тэ мунан, шань ӧли омӧль семьяӧ?
Кытчы же тэ, дитяткоанӧй, Ӧленушкаанӧй, дитяткоанӧй,
Кытчы же тэ мӧдін, тэ вед мӧд семьяӧнӧй.
Кытчы тэ мӧдан олны да выль семьяад,
Мӧдасны оз пӧчитайтнытӧ мортанӧйӧс.
Мӧдан кӧ тэ ватӧ вайны да кутан же пӧ кылзысьны,
Кылзысигтырйи пырны керкаанӧйӧ.
Пызан вылӧ мӧдан вайны шыд бекаранӧй,
Он мӧд кужны пуктынытӧ.

ФА СыктГУ. АФ 13228-52: с. Летка, 2006 г.

149.
Дитяткоанӧй, тэ тӧлькӧ мунан,
Кытчы тэ мунан, кутшӧм семьяӧ тэ веськалан,
Кутшӧм тэ йӧз дінӧ веськалан?
Мӧдасны ӧли оз тэнӧ ӧбидитны,
Мӧдасны оз тэнӧ йӧз морттуяд пуктыны?

ФА СыктГУ. АФ 13229-2: с. Летка, 2006 г.

150.
Югыдлунанӧй да ныл олӧманӧй,
Кытчыя тэ мӧдан муса ныланӧй,
Кутшӧмъя семьяӧ веськалін же тэ тай,
Муса ныланӧй, дитяткоанӧй,
Кутшӧмъя семьяӧ веськалан, шань ӧли омӧль,
Мӧдас-ӧ тэнӧ морттуйӧ пуктыны?

ФА СыктГУ. АФ 13229-4: с. Летка, 2006 г.

151.
Пывсян вӧрсӧ вед кералісны дас кык ягысь,
Вайисны керсӧ Воронко вӧлӧн,
Кӧртісны сира-пратя гезйӧн,
Нитшкалісны мишурнӧй нитшкӧн,
Рублевӧй черӧн кералісны
Да жӧчӧн вевттісны.
<Бӧрдігӧныс невеста лыддьӧдлӧмӧн шуалӧ>:
Пукала ме батюшко керкаын
Стекляннӧй ӧсин дорын,
Жӧч вевта керкаын.
Шыбитіс менӧ батюшко биысь – ваӧ,
И разьсис менам руса кӧсаӧй, мишурнӧй юрсианӧй.

ФА СыктГУ. РФ 13-VI-1: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 1974 г.

152.
Ой-ой-ой, менö батюшкоӧй кузь вӧлӧк сайö сетіс.
Матушкаанӧй, тӧжö тай менö сетін.
Матушкаанӧй, разин тай менсьым баляшкаӧс.
Паськӧдін тай, батюшкоӧй, спина пасьта.
Юрсианӧй, руса кӧсаӧй,
Разьсин тай менам руса кӧсаӧй, зарни юрсиӧй.
Мича туша-рожанӧй менам.
Тӧдтӧминö тай менö
Мӧдінныд вувдзыны, сударина-матушкаанӧй.
Кузь вӧлӧк сайö, тӧдтӧм мужик сайö
Да сьӧд мужик сайö.
Ой, сударина-матушка,
Менам тай юрси девья красӧтаанӧй
Тэнад дінö тай кольӧ,
Менам чӧскыд сёсенканӧй.
Батюшкоаной, менам тай кольӧ
Мичаника новлӧманӧй.
Ёна тай мен тіян дінын
Красуйччи, батюшкоанӧй, матушкаанӧй.
Соч-вок дінö тай менам кольӧ
Менам югыд шондіанӧй красуйтчӧманӧй,
Кок бӧж йылын бергалӧманӧй,
Да бур басьни баитӧманӧй,
Да советнӧя олӧманӧй соч-вок дінын.
Кольӧ тай менам югыд шондіанӧй
Матушка дінö дыр узьӧманӧй.
Кольӧ тай менам водз водӧманӧй, дыр узьӧманӧй.
Кольӧ тай менам батюшко дінö
Чӧскыд сёянанӧй менам.
Кольӧ тай югыд шонді девья красӧтаанӧй.
Мича юрсианӧй спина пасьта той новлі.
Шӧвк мишуркодь вӧлі менам юрсианӧй.
Матушкаанӧй, мӧля жӧ нӧ
Менö кӧсйысинныд тӧдтӧм саяс?
Менам кольӧ милӧянӧй,
Мича сапӧга, вӧсньыд гиб коска,сӧчӧн вомдора.
Кольӧ тай менам милӧянӧй ыджыд ворсана.
Ме тай сія водзын сьылывлі,
Ме тай сія бӧрысь йӧктывлі.
Мӧля жӧ менö янсӧдінныд,
Батюшкоаной, матушкааной тӧдтӧминö?
Муса сочанӧй, зарни юрсиӧй менам,
Югыд шондіӧй, ныв олӧманӧй,
Ныв бур вӧляанӧй дай волюшкоанӧй менам,
Том бураноӧй кольӧ.

ФА СыктГУ. РФ 13-VI-2: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 1974 г.

153.
Менö маменька катö
Менö маменька катö,
Ачыс ёна и бöрдö:
Чеччы тэ, муса нылöй,
Ме тэнöлö көсйыси,
Ме тэнöлö көсйыси.
Ёна на ме шом вöлі,
Ёна на ме шом вöлі.
Кисьмытöм на оз öч кодь,
Сормытöм зарни гумм кодь,
Воймытöм ненколь цветка кодь,
Цветкаöн цветитö,
Цветкаöн цветитö,
Менам сьöлöм радуйччö.
Томыдик сьöлöманöй,
Томыдик сьöлöманöй,
Нерыник лисеранöй,
Менам сьöлöмöй.

ФА СыктГУ. РФ 13-VI-9: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 1974 г.

154.
Талун пö тэнсьыд көсатö
Шыльöдам последнейысь,
Мича юрситö да көсаястö
Уберитам бабушка-руска пиö.

ФА СыктГУ. РФ 13-VII-27: с. Ношуль, 1997 г.

155.
Югыд лунанöй да ныл олöманöй,
Ныл олöманöй, вöльнöй олöманöй,
Муй тэ пукалан да пызанöй понад,
Кык көсяк костад,
Батюшко дорад, матушка дінад.
Маменькаыд тай быдтіс тэнö пидзöсöй понад.
Янсöдас тай кö маменькаыд
Чöскыд нянь дорсьыд,
Чöскыд нянь дорсьыд да пидзöсöй понсьыд.
Ылалан кö тэ толькö мам дінсьыд
Да батюшко дінсьыд,
Мунан кö тэ толькö
Мам дінсьыд да батюшко дінсьыд,
Мунан кö тэ нерöднöй ай-мам дінö
Да йöз пипöл дінö.
Нерöднöй ай-мамыд пö
Лежнöг кустöй кодь.
Ылалан кö тэ мореöй шöрö
Пелыстöм пыжйö.

Югыд лунанӧй, ныл олӧманӧй,
Ныл олӧманӧй, вӧльнӧй олӧманӧй,
Коліс жӧ олны батюшко дінад
Да маменька дінад.
Тӧлдзисны кӧ тэнад мича лентаясӧй.
Югыдлунанӧй, ныл олӧманӧй,
Ныл олӧманӧй, вӧльнӧй олӧманӧй,
Оланпӧл пуыдлӧн гырысь кулакъясанӧй,
Паськыдӧсь сылӧн матьясанӧй.
Югыдлунанӧй, ныл олӧманӧй,
Ныл олӧманӧй, вӧльнӧй олӧманӧй.
Гожся кӧ гӧгрӧс Илля лунӧй кодь,
Арсёр пӧслӧта мед лёк лунӧй кодь.
Югыдлунанӧй, ныл олӧманӧй,
Ныл олӧманӧй, вӧльнӧй олӧманӧй,
Колі жӧ ещӧ красуйтчыштны
Батюшко дорад, матушка дінад.
Не дай же, господи, мунӧм-локтӧманӧй,
Баба олӧманӧй.

ФА СыктГУ. РФ 13-XII-71: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2000 г.

156.
Племянничаанӧй-дитяткоанӧй менам,
Мӧдін тай тэ мунны
Ас куреӊенӧйысь йӧз куреӊянӧйӧ.
Благӧслӧвита, лючки-ладно мед олны.

ФА СыктГУ. РФ 13-XII-73: с. Мутница, 2000 г.

157.
Важ моз на ӧд меӧй лакті
Ыджыд рӧдӧй ордӧ,
Юасьны да висьтасьны
Некодысь полтӧг да яндысьтӧг,
Батюшкоӧй чин кузя,
Матушкаӧй ласӧс кузя.
Кыдз ныл на ӧд меӧй лакта.
Югыд шондіӧй-аньӧй,
Матушкаӧй-мамӧй,
Чужтысьӧй-рӧдитысьӧй,
Небыд вольпасьын узьтӧдысьӧй,
Та вылӧ-ӧ мӧй тэ, майбырӧй,
Менӧ чужтін-рӧдитін.

ФА СыктГУ. РФ 13-XII-73а: с. Мутница, 2000 г.

158.
Югыд лунанӧй да ныв олӧманӧй,
Ныл олӧманӧй, вӧльнӧй олӧманӧй.

Муй тэ пукалан да пызанӧй понад,
Кык кӧсяк костад, батюшко дорад, матушка дінад?
Маменькаыд тай быдтіс тэнӧ пидзӧсӧй понас,
Янсӧдас тай кӧ маменькаыд чӧскыд нёнь дорсьыд,
Чӧскыд нёнь дорсьыд да пидзӧсӧй понсьыд.
Ылалан кӧ тэ тӧлькӧ мам дінсьыд да батюшко дінсьыд,
Мунан кӧ тэ тӧлькӧ мам дінсьыд да батюшко дінсьыд,
Мунан кӧ тэ нерӧднӧй ай-мам дінӧ
Да йӧз пипӧл дінӧ.
Нерӧднӧй ай-мамыд пӧ лежнӧг кустӧй кодь.
Ылалан кӧ тэ мореӧй шӧрӧ, пелыстӧм пыжйӧ.
Югыд лунанӧй, ныл олӧманӧй,
Ныл олӧманӧй, вӧльнӧй олӧманӧй,
Коліс жӧ олны батюшко дінад да маменька дінад.
Тӧлдзисны кӧ тэнад мича лентаясӧй.
Югыд лунанӧй, ныл олӧманӧй,
Ныл олӧманӧй, вӧльнӧй олӧманӧй,
Олам пӧл пуыдлӧн гырысь кулакъясанӧй,
Паськыдӧсь сылӧн матьясанӧй…
Югыд лунанӧй, ныл олӧманӧй,
Ныл олӧманӧй, вӧльнӧй олӧманӧй,
Гожся кӧ гӧгрӧс Илля лунӧй кодь,
Арсёр пӧслӧта мед лёк лунӧй кодь.
Югыд лунанӧй, ныл олӧманӧй,
Ныл олӧманӧй, вӧльнӧй олӧманӧй,
Колі же ешшӧ красуйтчыштыны
Батюшко дорад, матушка дінад.
Не дай жӧ, Господи, мунӧм-локтӧманӧй,
Баба олӧманӧй.

ФА СыктГУ. РФ 13-XIV-3: с. Прокопьевка, 1999 г.

159.
Югыд лунанӧй, ныл олӧманӧй,
Ныл олӧманӧй, кокньыд олӧманӧй,
Красуйтчӧманӧй батюшко дінын,
Матушка дорын.
Батюшко дінын лэчыд косаӧн ытшкӧманӧй,
Матушка дінын вый латка дорын шняпкӧдчӧманӧй.
Пасибӧ тіянлы.

ФА СыктГУ. РФ 13-XIV-3а: с. Прокопьевка, 1999 г.

160.
Югыд лунанӧй, ныл олӧманӧй,
Вӧльнӧй олӧманӧй.
Красуйтчӧманӧй мам-батьӧй дінын,
Мам-батьӧй дінын да соч-вокӧй дінын.
Муйса пукалан тэ, муйса думайтан,
Ӧли дженьдӧдан тэ кузь думаанӧй.

Тӧлдзасны тэнад вед лентаясанӧй.

ФА СыктГУ. РФ 13-XIV-25: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1999 г.

161.
Пукала кӧ ме батюшко ордын да енув пельӧсын,
Матушка ордын пачводзпельӧсын.
Янсӧдны мӧдіс менӧ матушкаанӧй
Аслас дінысь, пӧсь сьӧлӧм дінысь,
Небыд пидзӧс пом йылысь,
Лайкыд качель дінысь,
Небыд вольпась вылысь.
Янсӧдан тэ менӧ, матушкаанӧй,
Муса вокъяс дінысь, муса сочъяс дінысь,
Бур рӧдвуж дінысь, бур суседъяслысь.
Кузь жӧ пӧ вӧлі менам маменька дінын
Шёлковой поводанӧй.
Судзмис пӧ менам поводанӧй
Муса сочъяс дінӧ, муса вокъяс дінӧ,
Быд праздник вылӧ.
Дженьдаммас менам шёлковой поводанӧй,
Оз пӧ мӧд судзны ӧні ӧзь порог сайӧдз,
Не то что ли маменька ордӧдзь.
Оз пӧ мӧд судзны муса сочъяс дінӧ, муса вокъяс дінӧ.
Туйлі тай ме маменька дінын
Быд робота вылӧ.
Ӧні пӧ ме ог мӧд туйны
Джодж чышкан рос вылӧ.
Дарӧм кӧть пӧ мӧдасны чӧскыда вердны
Да курыда мӧдас кылавнытӧ.
Дарӧм пӧ мӧдасны небыда вольсьыны,
Чорыда мӧдас, маменька, узьсьыны.
Мӧд пӧв менӧ сені чужтасны,
Мӧд пӧв сэні пыртасны,
Вежасны менчым мича нимaнӧй,
Нерасны менчым мича походкаанӧй,
Не дай, господи, дай йӧзын овны,
Не тая колис меным семьянӧй,
Не тая колис меным женикaнӧй.

ФА СыктГУ. РФ 1319. Л. 16, 17-17об., 19: с. Ношуль

162.
Спасибо батюшкалы да матушкалы чӧскыд ужын вылад,
Ужнӧдід менӧ талун последней раз.
Чӧскыд сахара вӧлі став сёяныд,
Кыртіс тай менам сьӧлӧманӧй,
Помасис тіянкодь ӧтласа олӧманӧй (2р.).
Прощай, батюшка, прощай, матушка,
Бура быдтӧмсьыд, бура велӧдӧмсьыд, бура пасьтӧдӧмсьыд.

Прощай керка-картаанӧй, кильчӧ-посводзанӧй,
Прощайте, став бур йӧзанӧй.

ФА СыктГУ. РФ 1319. Л. 20: с. Ношуль

163.
Ужнӧдіс менӧ батюшка останӧк ужинӧн.
Чӧскыд жӧ талун ужинанӧй,
Сахарнӧй талун сёяныд,
Ыджыд лунъя обеданӧй,
Петырлунъя пажынанӧй,
Останок лунъя ужинанӧй.
Пасибӧ тіянлӧ последний ужинвылад.

ФА СыктГУ. РФ 1319. Л. 18 об.: с. Ношуль

164.
Югыдлунанӧй да ныл олӧманӧй,
Кольны тай мӧдіс тэнад гажа олӧманӧй,
Утка сямӧн лэбалӧманӧй,
Да югыдлунанӧй да Аннушкаанӧй,
Кытчы тэ мунан да йӧз бать-мам дорӧ.
Йӧз бать-мам дорӧ,
Дай бырас тэнад вӧлялунӧй.

ФА СыктГУ. АФ 13217-36: Летский с/с, д. Выставка, 2006 г. (зима)

165.
Югыд лунанӧй пӧ, ныл олӧманӧй менам прӧйдитӧ,
Кокньыд олӧманӧй,
Баба олӧманӧй, сьӧкыдлунанӧй локтӧ.
Муна пӧ вед ме йӧз ай-мам дінӧ, йӧз пипӧл дінӧ олны.

ФА СыктГУ. АФ 1344-3: с. Гурьевка, 1999 г.

166.
Югыдлунанӧй да *<Ме ачым мӧда бӧрдны>* ныл олӧманӧй,
Ныл олӧманӧй, вӧльнӧй олӧманӧй,
Красуйтчамӧнӧй мам-батьӧй дінын.
Муйса пукалан, муйса тэ думайтан
Пызанӧй понын да матушка ордын?

ФА СыктГУ. РФ 1328-11: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2010 г.

167.
Югыдлунанӧй да ныл олӧманӧй,
Ныл олӧманӧй, вӧльнӧй олӧманӧй,
Вӧльнӧй олӧманӧй да красуйтчӧманӧй,
Красуйтчӧманӧй да матушка дінын,
Матушка дінын да соч-вокӧй дінын.

Муйса пукалан, муйса тэ думайтан?
А тэ думайтан да, дитяткоанӧй,
Олін кӧ олін тэ матушка дінад,
Вӧлін кӧ вӧлін тэ вӧльнӧй пӧтка кодь,
Лэбалін кӧ тэ да пӧткаанӧй моз.
Кутшӧмъя луӧ тэнад дай олан пӧланӧй?
Мӧдас ли оз ли морттуянӧйӧ,
Морттуянӧйӧ тэнчыд дай уджтуянӧйӧ?
Кутшӧмъя луӧ да и энькапуанӧй, айкапуанӧй?
Энькапуанӧйыд тотор йӧнмӧй кодь,
Айкапуанӧй да лежнӧг кустӧй кодь.
Коліс же олны да матушка дінад.
Спасибӧ тэныд дай муса ныланӧй
Уджалӧмвылад да отсасьӧмвылад.

ФА СыктГУ. РФ 1328-14: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2010 г.

168.
Югыд лунанӧй, ныл олӧманӧй,
Мунӧм-лактӧмӧй йӧз ай-мам дінӧ, йӧз пипӧл дінӧ.
Йӧз пипӧланӧй да чорыд лежнӧганӧй,
Йӧз ай-мамӧй чорыд петшӧранӧй.
Аслад гортын рӧднӧй бать да рӧднӧй матушка дорын
Вӧлін тэ ӧмидз ӧч кодь, шӧлк тупыль кодь, сӧдз зудӧсӧй кодь.
Йӧз пипӧлыдлӧн небыд вольпасьӧй лоӧ сарай посканӧй,
Шоныд шебрасӧй лоӧ льӧм пу ньӧръянӧй.
Небыд юрултанӧй лоӧ черпу тышканӧй.
Оз жӧ нин мӧд вунлыны гортса олӧмӧй,
Матушка дінын красуйтчӧманӧй,
Пӧсь ӧбед дорын да вый латка дорын.
Не дай Господи верӧссайӧ мунӧм-лактӧмӧй.
Сэн тэнӧ вед сӧсъяласны зудӧсӧс моз,
Пӧвсаласны нинпушульӧс моз,
Сьылмаласны льӧм пу ньӧрйӧс моз.
Некор оз жӧ мӧд вунлыны тэныд олӧманӧй
Бать-мам ордын да соч-вокъясыдкӧд.
Югыдлунанӧй да нылолӧманӧй,
Нылолӧманӧй, вӧльнӧй олӧманӧй,
Гуляйтлім кӧ да ми,
Плавайтлім визув ю кузя.
Сьылім-йӧктім ми гажа берег йылын.
Быдмин-кӧ тэ бура-шаня бать-мам борд улын,
Бать-мам борд ултын, шоныд шебрӧд улын.
Эз-кӧ вӧл тэнад бать-мам дінын гӧре да печалянӧй,
Лэбалін кӧ тэ да вӧльнӧй птицаӧн,
Быдмин кӧ тэ да цветитін гӧрдыд оз ӧч кодь.
Югыдлунанӧй да Аннушкаанӧй,
Аннушкаанӧй Ивановнаанӧй,
Пукалан тэ талун кык ӧшинь костын.
Чукӧртчисны-кӧ талун тэнад да дона пӧдругаясӧй

Гажödчыштыны бöръяысь да ныбур воштыны.
Югыдлунанöй, Аннушкаанöй,
Вöлін кö тэ бать-мам дінын бур ныланöйöн
Да уджалысь мортанöйöн,
Лоан-кö тэ йöз бать-мам дінын омöль монянöйöн,
Ковмас жö тэныд удж вылад мунны первöйöн,
Удж вылсьыд пырны да медбöръяöн.
Пызан саяд кö ковмас пуксьыны медбöръяöн,
Пызан сайсьыд ковмас чеччыны первояöйöн.
Кытчы жö тэ мöдöдчин йöз семьяöйö,
Йöз семьяöйö да йöз вöрваöйö.
Лоасны кö тэнад вылын ставыс ыджыдöсь.
Первöй медыджыд кözяин лоö
Да тэнад мужиканöй,
Мöд кözяева лоöны энька да айка,
Коймöд пö кözяева лоöны пивер да аяныл.
Кыддза пö тэнö кутас видзны оланпöланöй.
Бура кö тэнö кутасны видзны – накрасуешься,
Омöля кö кутасны видзны – нагорюешься.
Пасибö тэд, батюшкоöй, бура быдтöмысь,
Кömкот лöсьöдöмысь да вердöм-удöмысь.
Пасибö тэд, матушкаöйлö,
Бура пасьтöдöмысь да бура вердöмысь.
Пасибö тіянлы соч-воканöйлы,
Пасибö тіянлы, пöдруженькаясöй,
Юрвылсяньыд да кок подултэдзыд!
Югыд лунанöй, ныл олöманöй,
Мунöм-лактöмöй йöз ай-мам дінö,
Йöз пипöл дінö.
Йöз пипöланöй – чорыд лежнöганöй,
Йöз ай-мамöй – чорыд петшöранöй.
Аслад гортын рöднöй бать дорын да рöднöй матушка дорын
Тэ вöлін ömидз öч кодь, шöлк тупыль кодь, сöдз зудöсöй кодь.
Йöз пипöлыдлöн небыд вольпасьöй лоö сарай посканöй,
Шоныд шебрасöй лоö льömпу ньöръянöй,
Небыд юрултанöй черпутышканöй.
Оз жö нин мöд вунлыны гортса олöмöй,
Матушка дінын красуйтчöманöй,
Пöсь öбед дорын да вый латка дорын.
Не дай, Господи, верöс сайö мунöм-лактöмöй.
Тэнö вед сöсъяласны зудöсöс моз,
Пöвсаласны нинпушульöс моз,
Сылмаласны льömпу ньöрйöс моз.
Некор оз жö мöд вунны тэнад
Бать-мам ордын да соч-вокъяскöд олöмöй.

ФА СыктГУ. РФ 1323. Л. 1-3об.: с. Летка, 2006 г. (лето)

169.
Югыд лунанöй, ныл олöманöй,

Кытчы жö тэ мунан?
Кутшöмъя луас тэнад оланпöланöй?
Кутшöмъя луасны кулакъясанöй?
Мöдас тэнö песны.
Коліс же келмысьны матушкаыдлö,
Коліс же олны матушка ордад.

ФА СыктГУ. АФ 13363-6: с. Прокопьевка, 2010 г.

170.
Господианöй, благöслöвианöй,
Только тай лоис, сымда тай лоис
Ныл олöманöй, вöльнöй олöманöй
Батюшка дінад да матушка дінад.

ФА СыктГУ. АФ 13364-51: с. Прокопьевка, 2010 г.

171.
Коліс же пö олны да батюшко дінад,
Батюшко дінад да гажа олöмыс.
Коліс же олны да матушка дінад,
Батюшко дінад да бур семья дінад.
Батюшкоыдлö да уджалін,
Отсасин да матушкаыдлö.

ФА СыктГУ. АФ 13364-58: с. Прокопьевка, 2010 г.

172.
Мый вылö тэ пö öні мунан сэтчаньö гожöмкежсьыс пö,
Колі пö гожöмсö олны маммыд, вокъясмыд.
Сійö пö мöдас кузь туянö мунны, армияö мунны.
Гашкö пö куим-нёль во ветлас.

ФА СыктГУ. АФ 13283-5: с. Летка, 2007 г.

173.
Вежанянöй, тэ вежанянöй креснöй матушкаанöй,
Мöдін тай менсьым разьны мишур юрсианöй, зарни көсаанöй.
Кыдзи тай тэныд абы жалянöй менсьым дзугнысö,
Менсьым разьнысö мишур юрсианöй да нин көсаанöй,
Вöлі тай пö менам тарыт <…> көртöм дорын разясны.

ФА СыктГУ. АФ 1305-22: с. Мутница, 1978 г.

174.
Спасибö тэныд, муса сочö,
Миян-тіянкöд бура олім да вылім.
Z
…да нэм кежö.
Тая бöрын пö вед öтлаын

Ог нин мöдöй сьылны да йöктыны(й).

ФА СыктГУ. АФ 1330-22: с. Черныш, 1996 г.

175.
…Öтлаын гуляйтны мöдны(й),
Сьылім да йöктім вед ми кык соч
Дай кык соч пыддьö(й).
Янсаламö вед сэсся вед миян-тіян
Барай <köч> кежö.

ФА СыктГУ. АФ 1330-24: с. Черныш, 1996 г.

176.
Пасибö, Тамарочка, муса ныланöй,
Тэныд юрвылсяньыд да кокчуньйылöдзыд,
Пасибö, меным ёна и олтсалин да ставсö вöчин.
Ёна же колмас меным тэнадтöг дай трудитчыныд öтнамлö, муса ныланöй.
Пасибö висьталамö батюшкоыдлö міянöс некор дай эз вунödлы(й).

ФА СыктГУ. АФ 1330-26: с. Черныш, 1996 г.

177.
Ой, да разьсис кö талун
Дай муса сочушколöн
Да мича руса кöсаöй,
Дай паськаліс спинаöй пасьтала.
Ведь цветитіс руса кöсайöй томлунанöй лентаöй
Лелькодь цветкаöй моз,
Ачыс цветитіс нёль цветкаöй моз.
Ведь талун <ъя бöрын> муса сочушкоöй тöлдзас цветкаясанöй
Да дзугзяс юр вылад рака позъянöй.
Пукьсödісны кык öшинь костö
Ведь талун тэнö невестаöй вылö.
Дай пасибö матушкалö
Дай ыджыдлунöй обедöй вылö,
Пасибö батюшколö да Петырлунакö пажынöй вылö.
Пасибö тіянлö юр вывсеньыд дай кокподулödзыд.
Пасибö батюшколöй быдтöм-нюжödöм вылö.
Вердін да юкталін чöскыдика,
Ваысь лэптін дай пу йылысь лэдзин.
Пасибö матушкалö чöскыдика вердöм вылö,
Мичаника кышödöм, кömödöм вылöй.
Локтö кö татчы да котöра вужöй да вотяк табунöй,
Локтö кö богатöй женикanöй,
Вайö ыджыд гöстинечанöй,
Шульга киас кутö да <…> колокольчикöй,
Веськыд киас кö кутö
Да кучик плетянöй.

ФА СыктГУ. 1332-30: с. Черныш, 1996 г.

178.
Дона тэ муса сочӧй,
Мӧйса тэ танi талун думайтан
Кузь думасӧ ӧли дженьдӧдан,
Дженьыд думасӧ да ӧли нюжӧдан.

…Да муса сочӧй,
Мӧйса тэ танi да талун думайтан,
Кузь думасӧ ӧли дженьдӧдан,
Дженьыд думасӧ да ӧли нюжӧдан,
Разсис пӧ тай талун тэнад руса кӧсаӧй.

ФА СыктГУ. 1332-33: с. Черныш, 1996 г.

179.
Мамушкоӧй да тэ менам да батюшкоӧй,
Да ме тай лишнӧй лои,
Менӧ верӧс сайӧ мӧдiн сетны,
Женикыс омӧлик
Да энькаыс омӧлик да <мамыс да>
Лёк йӧз дiнӧ да.
Z
Батюшкоӧй, мӧдiн сетны гажа дом дiнсьыд
Да кутшӧмкӧ….
Лёк йӧз дiнӧ да,
Лишней тай ме лои татчы тэныд, батюшкоанӧй.

ФА СыктГУ. 1333-37: с. Черныш, 1996 г.

Записи-пробы причетов на коми языке (1-3 стиха):

НА Коми НЦ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 209а. Л. 104, № 23: с. Летка, 1976 г.
ФА СыктГУ. АФ 1329-2: с. Черныш, 1996 г.
ФА СыктГУ. АФ 1342-19 «а»: с. Летка, 1999 г.
ФА СыктГУ. АФ 1344-12: с. Гурьевка, Черных М.Я., 1923 г.р., зап. студент, 1999 г.
ФА СыктГУ. АФ 1344-12а: с. Гурьевка, 1999 г.
ФА СыктГУ. АФ 1344-4: с. Гурьевка, 1999 г.
ФА СыктГУ. АФ 1359-2: с. Прокопьевка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 1361-27: с. Прокопьевка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 1362-31: Прокопьевский с/с, д. Вавиловка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 1363-21: с. Прокопьевка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 1363-22: с. Прокопьевка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 1373-29: Объячевский с/с, д. Беляевская, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 1373-31: Объячевский с/с, д. Беляевская, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 1383-17в: Объячевский с/с, д. Елинская, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 13100-11: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 13105-13: с. Объячево, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 13105-13а: с. Объячево, 2001 г.

ФА СыктГУ. АФ 13110-56: Спаспорубский с/с, д. Урнышевская, 2002 г.
ФА СыктГУ. АФ 13121-40: Спаспорубский с/с, с. Поруб, д. Красный Рай, 2002 г.
ФА СыктГУ. АФ 13121-44а: Спаспорубский с/с, с. Поруб, д. Красный Рай, 2002 г.
ФА СыктГУ. АФ 13164-22: Объячевский с/с, д. Елинская, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 13181-24: с. Ношуль, 2004 г.
ФА СыктГУ. АФ 13181-26: с. Ношуль, 2004 г.
ФА СыктГУ. АФ 13184-68а: Ношульский с/с, д. Яковлевская, 2004 г.
ФА СыктГУ. АФ 13212-11: с. Летка, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13212-13: с. Летка, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13216-29: с. Гостиногорка, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13216-30: с. Гостиногорка, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13216-32: с. Гостиногорка, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13216-33: с. Гостиногорка, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13216-35: с. Гостиногорка, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13217-35: Летский с/с, д. Выставка, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13253-21: Мутницкий с/с, д. Макарсикт, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13267-2а, 2в: с. Летка, 2007 г.
ФА СыктГУ. АФ 13276-4: Летский с/с, д. Выставка, 2007 г.
ФА СыктГУ. АФ 13364-17: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2010 г.
ФА СыктГУ. АФ 13364-20: с. Прокопьевка, 2010 г.
ФА СыктГУ. АФ 13364-21: с. Прокопьевка, 2010 г.
ФА СыктГУ. АФ 13364-56: с. Прокопьевка, 2010 г.
ФА СыктГУ. АФ 1827-42а: с. Верхолузье, 1990 г.
ФА СыктГУ. РФ 13-VII-29: с. Ношуль, 1997 г.

В. Свадьба прилузских коми: схема обряда и жанровый состав[10]

<table>
<tr><th colspan="2">Этапы ритуала</th><th>Лузские коми</th><th>Летские коми</th></tr>
<tr><td rowspan="5">Подготовительный период</td><td></td><td colspan="2">Корасьӧм (сватовство)
Енлӧ юрбитӧм (моление Богу)</td></tr>
<tr><td></td><td>–
Ки кутӧм (рукобитье) ▲</td><td>Вина юны (пропой невесты)
Ки кутӧм (рукобитье)</td></tr>
<tr><td rowspan="3">Неделя</td><td colspan="2">Заваривание пива ♦</td></tr>
<tr><td>–</td><td>Обход родни ♦</td></tr>
<tr><td colspan="2">Вечера у невесты ♦</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Канун свадебного дня</td><td>девичник</td><td>Рытва (Ловля, Ношуль, Черныш), «Блин сёян рыт» («Вечер с блинами», Черныш), каризна (Объячево, Читаево, Зануле, д.д. Керос, Юговская Объячевского с/с), плаканье (Лойма, Зануле) ♦▲ ■</td><td>Каризна, свадьба вечерня (вечер свадьбы), пылсьӧдчан рыт (вечер с мытьем в бане) ♦</td></tr>
<tr><td>баня</td><td>▲ ♦■</td><td>♦ ○</td></tr>
<tr><td colspan="2">Свадебный день</td><td>Утреннее бужение молодёжи ♦
Приезд жениха ▲♦●
Одевание невесты ♦

Пир в доме невесты (Блин сёйӧм, Читаево)
Благословение молодых ▲♦
Отъезд к венцу
Венчание
–
Пир в доме жениха (столуйтӧм, Читаево)
■</td><td>Утреннее бужение невесты ○
Приезд жениха ▲♦■
Шыльӧдӧм (расчесывание невесты крестной матерью)
Пир в доме невесты
Благословение молодых
Отъезд к венцу
Венчание
Встреча молодых после венца
Пир</td></tr>
<tr><td colspan="2">2-й день</td><td colspan="2">Утреннее бужение молодых; печение молодкой блинов</td></tr>
<tr><td colspan="2">3-й день</td><td colspan="2">Печение пирогов, испытания молодой, купание молодки в реке</td></tr>
</table>

Условные обозначения:

♦ – комиязычные причитания, ▲ – русскоязычные причитания
● – приговор дружки (русскоязычные)
■ – свадебные песни (русскоязычные)
○ – лирические песни (русскоязычные)

[10] За основу берется схема, предложенная Б.Б. Ефименковой в монографии «Восточнославянская свадьба и ее музыкальное наполнение» [Ефименкова 2008. С. 30, 50-52]. Реконструкция свадебного обряда прилузских коми проводилась по архивным материалам. Нами отмечены только те обрядовые акты, которые были выделены собирателями. Отсутствие сведений о том или ином моменте обряда обозначено прочерком (“–”).

Г. Русские свадебные песни прилузских коми:

систематический указатель сюжетов

1.
Под пенем, пенем анистровым,
Да под кустичком малиновым,
Под кустичком малиновым,
Да пробудись, душа отечкой сын,
Да у тя на море кораблик ушел, не простой кораб, со девичей, свет Надеждушкой Павловной…

Бужение молодца

«Невестасӧ бӧрдӧдӧнӧ» (Причитают невесте).

ФФ ИЯЛИ. А 1531-3: Спаспорубский с/с, д. Урнышевская, 1962 г.

Вар.: ЛРС, №№ 144 (Кар. АССР, Шуньгск. р-н), 145 (Архангельск. обл., Сурск. р-н; исполнялась при посещении жениха подругами невесты – «буженье жениха»). – НМ РК. КП 12481 / 1-31. Л. 133: РК, Прилузский р-н, Спаспорубский с/с, д. Ракинская (русские).

2.
Каменка да каменка
Розгорается, розгорается,
То ли мое да то ли мое,
То не суженое да то не ряженое.

«Девушки перед баноком-то пляшут» [свад. баня]

ФА СыктГУ. АФ 1349-30: Объячевский с/с, д. Елинская, 2001 г.

Вар: Соб. IV, № 236 (Пермск. губ.). – СОВК, № 7 (С. 38-39). – ЛРС, № 54 (Архангельск. обл., Лешуконск. р-н); № 55 (Куйбышевск. обл., Новодевиченск. р-н; исполнялась на просватанье). – ОП, № 568. – Руднева 1977, №№ 37а, 37б (Кировск. обл.). – Ефименкова 2012, № 12 (Вологодск. обл.). – ФА СыктГУ. АФ 1318-26: РК, Прилузский р-н, Лоемский с/с, д. Вотинская; АФ 1319-43: Лоемский с/с, д. Заполье.

3.
По горам, горам
Молодой сокол летал
И увидел сокол ясный
Лебедь белую,
Что плывет по морю синему. Подкрался сокол ясный под ракитов куст. Подшиб он лебедь белую под правое крыло. Перье туркнуло по морю синему. Перьё крупное собирает красна девица на периночку, мелкое – на подушечку.

Сокол убивает лебедь; девушка собирает перья

Исполнялась в доме невесты стороной жениха после выкупа

ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 130. Л. 28-28 об.: записано у орловских пермяков (летские коми), 1850 г.

Вар.: Соб. II, №№ 245, 247 (Пермск., Вологодск. губ.).– Кир., 1983, №№ 336, 404. – ХИПС, №№ 173, 174. – ВФ, № 683. – ТФНО, № 142. – ТФВРАО, № 22.

4.
Выдала, выдала,
Выдала да соколу,
Выдала голубушку…
Вот и выдала красную девицу за красного сокола.

«Поет крестная, которая выводит невесту прямо из комнаты, поет и пляшет».

ФА СыктГУ. АФ 1351-12: с. Объячево, 2001 г.

5.
На чужой-то дальней стороне
Да по рану да петуки поют,
По часу да куры говорят,
По рану-то молоду будят,
Да посылают младу-молоду без дубовых ведер, босую да нагую, без кленово коромыслечко на Дунай реку быструю за водой ключевою. Посылают младу-молоду мимо батюшкино дворичок да мимо матушкин высок терем. «Ты, родимой мой батюшко, мне-ка дай ведра дубовые, коромысьли-то кленовоё». – «Оснодаровок ты, дитятко, попросила бы, дитятко, на резьвы ножки обуточки, на белы ручки рукавочки». – «Бегучи мои ножки согреются, машути ручки розгорятся». Отдают тебя да бросают на чужую да на дальнюю сторону, за чужого-то чуженина.

Описание чужой стороны; девушку отправляют за водой; встреча с родителями

Исполнялась на свадьбе во время пира: «Тайӧ вот свадьба дырйи первой радыс пуксясны, воасны гортсеньыс бать-мамыс и ставыс, но, гашкӧ, вит пызан пуксьӧдӧ важӧн то кругӧн. Вот сэсся сія аслас чойясыс да коді рӧдимӧйясыс, ставыс жӧ и сьывны мӧдасны» (Это вот на свадьбе в первый ряд сядут, приедут из дома родители и все, ну, может, пять столов рассаживались по кругу. Вот потом ее <невестины> сестры да кто родня все и петь начнут).

НА Коми НЦ. Ф.1. Оп.11. Д. 226, № 174: с. Занулье, 1963 г.

Вар: Соб. III, № 56 (Орловск. губ.), № 58 (Олонецк. губ.), № 59 (Саратовск. губ.). – ЛРС, № 121 (Башк. АССР, Баймакс. р-он); № 128 (Саратовск. обл., Красавск. р-он; исполнялась на предсвадебной неделе). – Зырянов 1975, № 13 (С. 49). – СОВК, № 15 (С. 45). – ФА СыктГУ. АФ 1316-1: РК, Прилузский р-н, Лоемский с/с, д. Тарасовская; 1318-24: Лоемский с/с, д. Вотинская; 3012-3.

6.

Из кути да из кути,
Доль по лавочки
Кто-то сидит,
Князя-бояра сидят,
Витятуево[11] часты пуговки груде, светляя тово златой перстень на руке. Челуй они есьченэ да есьченэ.

Величание жениха

НА Коми НЦ. Ф.1. Оп.11. Д.226, № 149: с. Занулье, 1963 г.

6а.
Из кути, из кути
Вдоль по лавичу
Все корошо
Князья-бояра сидят,
Лучше всех да и князь молодой, Павелушко Тимофиёвич. Свитят у его часты пуговки груди, осветляя того злато перстень на руке. Три ставочки: первая стёвка сто рублей, другая стёвка вот тысячу, третяя ставка…

Величание жениха

ФФ ИЯЛИ. А 1520-9: Спаспорубский с/с, с. Поруб, 1960 г.

6б.
Приезд скуди, скуди
Вдоль по лавичу
Все хороши
Князья-бояра сидят.
Лучше всех да и князь молодой, Павелушко Тимофеевич. Свитят у его часты пуговки груди, светляя того злато перстень на руке. Во приставочки: первая ставка во сто рублей, другая ставка во тысячу, третяя ставка цены ёте да.

«Приезд чужих людей на свадьбу» (комментарий собирателей).

НА Коми НЦ. Ф.1. Оп.11. Д.211а, № 63г (Л. 94б): Спаспорубский с/с. с. Поруб, 1960 г.

Вар: ЛРС, № 287 (Архангельск. обл., Нарьян-Марск. р-н; величание новобрачному). – Зырянов 1975, № 9в (с. 165) (Прикамье). – Руднева 1977, № 33, 37а, 37б (Кировск. обл.). – РС I. С. 61 (Ленский р-н Архангельск. обл.). – РС II. № 396 (Арх., Пинега). – СОВК, № 31 (С. 61-62) (Лузский р-н Кировск. обл.). – Ефименкова 2012, № 6 (Кировск. обл.). – ФА СыктГУ. АФ 0801-10, 0802-8, 0803-4, 8, 67, 83, 0805-2, 0808-17, 0836-5 (Ленский р-н Архангельск. обл.); 1006-71 (Усть-Вымский р-н РК); 1318-34 (РК, Прилузский р-н, Лоемский с/с, д. Вотинская), 1319-78 (Лоемский с/с, д. Галактионовская); 3174-1, 3112-38 (Нагорск. р-н Кировск. обл.); РФ 14-III-28, РФ 14-VI-52, 109, 125 (Княжпогостский р-н РК).

7.

[11] Очевидно: свитят у ево.

У Ивана гӧлӧва учесаная,
Голова дай учесаная,
Кудерышки за Ивана.
Это кто голову чесал?
Учесала головушку да чёсала головушку Павла Микайловна, завивала кудёрушки родимая матушка. Миколаюшко, послушай, про те письни поем, тебя квалим, изотечество величаём, уж мы денешки дожидаём.

Величальная

Расчесывание волос молодца

НА Коми НЦ. Ф.1. Оп.11. Д.226, № 150: с. Занулье, 1963 г.

7а.
Павела-то Тимофеёвича
Голова-то учёсанӧё,
Кудельчики завиваныё,
Это кто голову чёсал?
Чёсала головушку милая да венчальнӧё Парасковья Афанасьёвнӧ на постелюшке лёжити, на правой ручке лёжити, левою…

Величальная

Расчесывание волос молодца

ФФ ИЯЛИ. А 1521-6: Спаспорубский с/с, с. Поруб, 1960 г.

Вар: ЛРС, № 356. – Браз 1977, №№ 17, 17а. – ТФНО, № 420. – РС I, № 356. – СОВК, № 32 (С. 62). – ФА СыктГУ. 0840-8 (Архангельск. обл., Ленский р-н); 1316-17 (Лоемский с/с, д. Тарасовская), 1316-27 (с. Лойма), 1321-15 (Лоемский с/с, д. Козловская), 1318-6 (с. Лойма). Примечание: в лоемских текстах мотив выпевания денег мог отсутствовать, см.: 1319-54 (РК, Прилузский р-н, Лоемский с/с, д. Заполье), 1322-32 (Лоемский с/с, д. Матвеевская).

8.
По болоту-с, по болоту-с
По-за кустичку,
Да атта-люли, атта-люли,
По-за кустичку
Да ходит голубь, ходит глубь
Со голубушкою.
Павелушко помолвит: «Как бы я да у меня да Парасковьюшка моя, да Афанасьевна моя, та и суженая, та и ряженая. Как были те во корытце золотой, как бы зимняя пора да во саркасточка, да по шивёночке». Они съехалися, поздоровалися, поцеловалися. Павелушко послушай, Тимофиёвич, догадайся, мы не писни поём, тебя хвалим, из отеческа да величаем, мы денежки дожидаем. У нас сорок девиц со девичой, у нас сорок молодич да молодичой.

Величание жениха и невесты

Величальная, «застольная» (комментарий П.И. Чисталева).

НА Коми НЦ. Ф.1. Оп.11. Д.211а. Л. 94а: Спаспорубский с/с, с. Поруб, 1960 г. (= **ФФ ИЯЛИ. А 1520-10):** Спаспорубский с/с, с. Поруб, 1960 г.

Вар: ЛРС, №№ 321, 322, 323 (Ленингр. обл.). – СОВК, № 13 (Малмыжск. р-н, г. Малмыж), № 18 (Белохолуницк. р-н, д. Леушенцы). – Круглов 1982, № 489. – ХИПС, № 64. – Выходцев 1990, № 168. – ПЛО 2005, № 31. – Марковский песенник, № 4 (С. 164). **–** ФА СыктГУ. АФ 1318-33 (РК, Прилузский р-н, Лоемский с/с, д. Вотинская); 1317-31 (с. Лойма); 1316-26 (с. Лойма).

9.
Кому чару пить, кому выпивать?
Ивану да Яковлевичу пить чару,
Анне Васильевне пить чару,
Хорошо жить да друг дружку уважать.
Не обижать друг друга, любите друг дружка.

Исполнялась на пиру при разливании вина; сопровождала обряд дарения

ФА СыктГУ. АФ 13145-20: Спаспорубский с/с, д. Матвеевская, 2002 г.

Вар.: СОВК, № 1 (С. 169-170). – ЛРС, № 381 (Куйбышевск. обл., г. Куйбышевск). – ОП, № 688 (Куйбышевск. обл.). – Воронежские песни 1982, № 74. – Карельский край 1984, № 142. – ХИПС, № 138. – ФА СыктГУ. АФ 1368-25, с. Объячево (русская исполнительница, уроженка с. Спаспоруб), 13134-2, Спаспоруб (русская), 13145-4, с. Спаспоруб (русская).

Д. Русские свадебные песни прилузских коми:

тексты архивных записей

1.
Под пенём, пенём ӧнистровым,
Да под кустечиком малиновым,
Под кустечиком малиновым,
Да пробудись, да царь отечской сын,
Да пробудись да ты…
Z
Пробудись, душа отечкой сын,
Пробудись да сарь отечой сын,
Да у тя на море кораблик ушёл.
У тя на море кораблик ушел,
Не простой караб, со девичой,
Не простой караб, со девичой,
Да свет Надеждушкой Павловной.

ФФ ИЯЛИ. А 1531-3: Спаспорубский с/с, д. Урнышевская, 1962 г.

2.
Каменка да каменка
Розгорается, розгорается,
То ли мое да то ли мое,
То не суженое да то не ряженое.

ФА СыктГУ. АФ 1349-30: Объячевский с/с, д. Елинская, 2001 г.

3.
По горам, горам
Молодой сокол летал.
И увидел сокол ясный
Лебедь белую,
Что плывет по морю синему,
И подкрался сокол ясный
Под ракитов куст.
И подшиб он лебедь белую
Под правое крыло.
И перье туркнуло
По морю синему!
Перьё крупное
Собирает красна девица
На периночку,
Мелкое – на подушечку!

ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 130. Л. 28-28 об.: записано у орловских пермяков (летские коми), 1850 г.

4.
Выдала, выдала

Выдала да соколу,
Выдала голубушку…
Вот и выдала красную девицу
Да за красного сокола.

ФА СыктГУ. АФ 1351-12: с. Объячево, 2001 г.

5.
На чужой-то дальней стороне
Да по рану да петуки поют,
По часу да куры говорят,
По часу да куры говорят,
По рану-то молоду будят,
По рану-то молоду будят,
Да посылают младу-молоду
Без дубавых-то ведер
Босую да нагую,
Без дубовых-то ведер,
Без кленово коромыслечко,
На Дунай да реку быструю,
На Дунай да реку быструю
За водой да за ключевою.
Посылают младу-молоду
Мимо батюшкино дворичок
Да мимо матушкин высок терем.
«Ты, родимой мой батюшко,
Мне-ка дай ведра дубовые,
Коромысьли-то кленовоё».
«Оснодаровок ты, дитятко,
Попросила бы, дитятко,
На резьвы ножки обуточки,
На белы ручки рукавочки».
«Бегучи мои ножки согреются,
Машути ручки розгорятся».
Отдают тебя да бросают
На чужую да на дальнюю сторону,
За чужого-то чуженина.

НА Коми НЦ. Ф.1. Оп.11. Д. 226, № 174: с. Зануле, 1963 г.

6.
Из кути да из кути,
Доль по лавочки, (2)
Кто-то сидит, (2)
Князя-бояра сидят, (2)
Витятуево, (2)
Часты пуговки груде (2)
Светляя тово, (2)
Златой перстень на руке, (2)
Перстень на руке. (2)

Да челуй они (2)
Есьченэ да есьченэ.

НА Коми НЦ. Ф.1. Оп.11. Д.226, № 149: с. Занулье, 1963 г.

6а.
Из кути, из кути
Вдоль по лавичу, (2)
Все корошо (2)
Князья-бояра сидят, (2)
Лучше всех (2)
Да и князь молодой, (2)
Да Павелушко Тимофиёвич.
Свитят у его (2)
Часты пуговки груди, (2)
Осветляя того (2)
Злато перстень на руке, (2)
Перстень на руке, (2)
Да три ставочки,
Вот три ставочки.
Первая стёвка,
Первая ставка,
Вот сто рублей,
Да вот сто рублей.
Другая стёвка,
Другая ставка
Вот тысячу,
Да вот тысячу,
Третяя ставка ,
Третяя стёвка …

ФФ ИЯЛИ. А 1520-9: Спаспорубский с/с, с. Поруб, 1960 г.

6б.
Приезд скуди, скуди
Вдоль по лавичу. (2)
Все хороши (2)
Князья-бояра сидят. (2)
Лучше всех (2)
Да и князь молодой, (2)
Да Павелушко Тимофеевич.
Свитят у его (2)
Часты пуговки груди, (2)
Светляя того (2)
Злато перстень на руке, (2)
Перстень на руке, (2)
Во приставочки. (2)
Первая ставка (2)
Во сто рублей, (2)
Да другая ставка (2)

Во тысячу, (2)
Да третяя ставка (2)
Цены ёте да (2)

НА Коми НЦ. Ф.1. Оп.11. Д.211а, № 63г (Л. 94б): Спаспорубский с/с. с. Поруб, 1960 г.

7.
У Ивана гölöва учесаная,
Голова дай учесаная,
Кудерышки за Ивана, ой,
Кудерышки за Ивана.
Это кто голову чесал? (2)
Учесала головушку,
Да чёсала головушку
Павла Микайловна (2)
Да завивала кудёрушки (2)
Да родимая матушка. (2)
Миколаюшко, послушай,
Да послушай,
Да про те письни поем,
Да тебя квалим,
Да тебя квалим,
Да изотечество
Да величаём,
Да величаем,
Дай уж мы денешки
Да дожидаём,
Дожидаём.

НА Коми НЦ. Ф.1. Оп.11. Д.226, № 150: с. Занулье, 1963 г.

7а.
Павела-то Тимофеёвича
Голова-то учёсанöё,
Ой, гölова-та учёсаная,
Кудельчики завиваныё,
Ой, кудельчики завиваныё,
Это кто голову чёсал? (2)
Это кто кудри завивöл? (2)
Да чёсала головушку,
Ой, да чёсöла головушку
Милая да венчальнöё,
Милая да венчальная
Парасковья Афанасьёвнö,
Парасковья Афанасьёвна
На постелюшке лёжити, (2)
На правой ручке лёжити (2)
Левою…<запись сделана не полностью>

ФФ ИЯЛИ. А 1521-6: Спаспорубский с/с, с. Поруб, 1960 г.

8.
По болоту-с, по болоту-с
По-за кустичку,
Да атта-люли, атта-люли,
По-за кустичку
Да ходит голубь, ходит глубь
Со голубушкою.
Атта-люли, атта-люли,
Со голубушкою.
Да Павелушко помолвит:
«Как бы я да у меня,
Атта-люли, атта-люли,
Как бы я да у меня,
Как бы я да у меня
Да Парасковьюшка моя,
Атта-люли, атта-люли,
Парасковьюшка моя,
Парасковьюшка моя
Да Афанасьевна моя,
Та и суженая,
Да та и ряженая.
Как были те, как были те
Во корытце золотой,
Атта-люли, атта-люли,
Во корытце золотой.
Как бы зимняя пора
Да во саркасточка,
Атта-люли, атта-люли,
Во саркасточка.
Во саркасточка
Да по шивёночке,
Атта-люли, атта-люли,
По шивёночка».
Они съехалися
Да поздоровалися,
Атта-люли, атта-люли,
Поздоровалися.
Да поздоровалися,
Поцеловалися,
Атта-люли, атта-люли,
Поцеловалися.
Да Павелушко послушай,
Да послушай,
Да Тимофиёвич
Да догадайся, догадайся.
Мы не писни поём
Да тебя хвалим,
Да из отеческа да величаем,
Величаем.

Да мы денежки да дожидаем,
Дожидаем.
Да у нас сорок девиц
Да со девичой,
Со девичой,
Да у нас сорок молодич,
Да молодичой,
Молодичой.

НА Коми НЦ. Ф.1. Оп.11. Д.211а. Л. 94а: Спаспорубский с/с, с. Поруб, 1960 г. (= **ФФ ИЯЛИ. А 1520-10):** Спаспорубский с/с, с. Поруб, 1960 г.

9.
Кому чару пить, кому выпивать,
Ивану да Яковлевичу пить чару,
Анне Васильевне пить чару,
Хорошо жить да друг дружку уважать.
Не обижать друг друга.
Любите друг дружка.

ФА СыктГУ. АФ 13145-20: Спаспорубский с/с, д. Матвеевская, 2002 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.
РУССКИЙ ПЕСЕННО-ИГРОВОЙ ФОЛЬКЛОР ПРИЛУЗСКИХ КОМИ: СИСТЕМАТИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ СЮЖЕТОВ

А. Русский хороводно-игровой фольклор лузских коми

1.
Марпа пö сидят-кодят,
Крен да капуста садит,
Лавки пö лавки Олёнка,
Повозкой гулела Окулина,
Мöскöй ко <...> Софья, баню топила Устиньня, воду носила Крестиньня, лавки пö лавки Олёнка.

Перечисление участников хоровода

*Сопровождала наборный хоровод**

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 210: с. Читаево, 1963 г.

Вар.: Соб. VII, № 383 (зачин «Кума-то к куме приходила») (Архангельск. губ., Онега).

2.
Собиралися девушки
Да собиралися красную,
Собиралися красную
Да собирай своя девновой круг.
Они думушки думали, советы советовали. Только дай, Боже, каково была батюшко, таково же лютая секарö. Секар-батюшко не прелесть. Каравод поставили, ещё церкви соборную.

Девушки собрались в круг, свекор-батюшка не прелесть, поставили хоровод, церковь соборную

*Хороводная**

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а, № 39: с. Ношуль, 1960 г.
ФА СыктГУ 1331-33, 36: с. Черныш, 1996 г.

Вар.: ФА СыктГУ. АФ 0811-16, 0817-2, 0831-6 (Архангельск. обл., Ленский р-н; девушки собирались в круг).

3.
Пивö, пивö вари, мöлöдöй,
Навари пивö пьяные

И зеленӧй вино-й,
Это ре зеленӧй вина,
Это штем будем пивӧ-тӧ пить, это штем будем варитенӧ, это штем голова веселой. Ещё найму я наймичку, мӧлӧдӧй человальничку. Человальнички наскали, свекор-батюшку не спривели. Сама сяду я, рӧссаду, рӧс чужейся рӧсплечуся. Штӧ на варъя река назарьев, колокольня высокие. Далеко из-за сӧсема собиралися девица, собиралися красная да сӧвету советами. Вы Богу мольнича, вы Спасу кланяешься.

Мотив пивоварения, веселья, девушки собирались, молились Богу

*Хороводная**

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 224: с. Читаево, 1963 г.

4.
Пӧкӧди да пӧла пӧпляшите бою,
Пӧпляшите бою да тӧда не боюся жены,
Тӧда не боюся жены да от того свекӧра,
От того свекӧра да свекӧр да батюшко,
Свекӧр батюшко, куни бӧръя пуговки, да ли на да блюдливӧе. Ме да блюдливӧе, плетен шӧлкӧвӧе.

Отсутствие боязни перед женой и свёкром; пуговки, шелковый плетень

Хороводно-игровая

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 214: с. Читаево, 1963 г.
ФА СыктГУ. АФ 1354-19, 29, 33, 33а, 35а (Пр.): Объячевский с/с, д. Керос, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 1373 (дубль 13105-5)-20, 20а (Пр.): с. Объячево, 2001 г.

5.
Каковой у вас добрӧй, добрӧй молодец да жениче,
Ой, да женичӧ?
Вот у нас-тӧ добрӧй, добрӧй молодец да вӧлӧсӧй,
Ой, да вӧлӧсӧй кудриватые,
Рубашкӧй бумажные, желётки машинаӧн вурӧмӧн, пиньшачи магазинское, поясӧй лендочкой, штаничӧй суконные, плисӧвӧй, портянкай суконные, сапожкӧй вытяжные, пояски солдатские, ёсьтӧн кыӧм, нывъяслӧн сетӧма, галстукӧй ёсьтӧн кыӧма, шабуркӧй, рукавичкӧй ёсьтӧн кыӧма, шеретӧвӧй, шапичӧй сӧбӧлинӧвӧй, круглӧй саратовскӧй, рубачӧй ӧлёксандровскӧй, пӧртянки калин бумажнӧй, сюртучӧй суконнӧй, чулӧчӧй горечкӧй, зипунӧй нижнегӧрёчкой, кушачей краснӧй борскӧй, покодка мӧсковскӧй да купечикӧй. Ой, прия тебе любо, прия тебе хорошо.

Величание молодца, восхваление одежды, волос

Хороводно-игровая

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 293: Объячевский с/с, д. Юговская,1963 г.
ФА СыктГУ. АФ 1331-18: с. Чёрныш, 1996 г.

ФА СыктГУ. АФ 1348-3; 1373 (= 13105-1, 2)-17, 17а; 13103-17, 18, 27: с. Объячево, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 13110-58: Спаспорубский с/с, д. Урнышевская, 2002 г.

6.
Бояра, бояра молодою,
Ой, молодою,
Пошто, бояра светлою, приходите,
Ой, приезжайте?
Ещё у вас, у молодчика, рубашка шелковыю, есть ли чего посмотреть-то, похвалить? Бояра, молодою, по што светлою бояра, приходите, приезжайте? Есть ли у молодчика штаны суконные? Есть ли чего посмотреть, похвалить? Есть ли у молодчика ремень лаковыю?

Восхваление одежды молодца

*Хороводно-игровая**

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а, № 41: с. Ношуль, 1960 г.

Вар.: Соб. VII, №№ 567-572 (Сибирь, Пермск., Уфимск., Томск., Вятск. губ.). – ПП, №№ 105, 270, 347. – Чердынская свадьба, № 66. – Зырянов 1975, № 25 (С. 26). – Руднева 1977, № 24 (Кировск. обл.). – ПЛО 1978, № 109. – Выходцев 1990, № 12 (Пермск. обл.). – ПИФУЦ, № 13. – ВФ, № 439. – Стародубцева 2001, № 31. – Марковский песенник, № 21 (С. 168). **–** ФА СыктГУ. АФ 0501-22, 0502-44 (Троицко-Печорский р-н РК), 1018-14, 1019-24 (Усть-Вымский р-н РК), 3001-17, 3012-12 (Коми-Пермяцкий АО), 3107-19, 3117-15, 3123-26, 3177-20 (Нагорский р-н Кировск. обл.).

7.
А мы просо сеяли, сеяли,
Ой, да, один ладо сеяли, сеяли.
А мы просо вытопчем, вытопчем,
Ой, да, один ладо вытопчем, вытопчем.
А чем же вам вытоптать, вытоптать? – А мы коней выпустим, выпустим. – А мы коней выловим, выловим. – А чем же вам выловить, выловить? – А шелковым поводом, поводом. – А мы дадим сто рублей, сто рублей. – Нам не надо сто рублей, сто рублей. – А мы дадим тысяча, тысяча. – Нам не надо тысяча, тысяча. – А мы дадим доброго молодца. – Нам не надо доброго молодца – А чем же вам надобно, надобно? – А нам надо красную девицу, красная девица надобно, надобно. В нашем полку убыло, убыло, наша полка прибыла, прибыла.

Противостояние сторон, партия жениха «выкупает» невесту

*Хороводно-игровая**

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а, № 51: с. Ношуль, 1960 г.

Вар.: Соб. VII, № 695-705 (Сибирь, Казанск., Костромск., Ярославск., Уфимск. губ., Воронежск. у., Вятск., Нижегородск., Владимирск. губ.). – Глазунов 1894, № 26. – Руднева 1977, № 23 (Кировск. обл.). – ТФНО, № 115. – Русская свадьба 1985, № 40 (с.

205). – ХИПС, №№ 193, 194. – Выходцев 1990, № 14 (Вологодск. губ.). – ВФ, №№ 437, 438. – ТФВРАО, № 3 (с. 78-79). – Стародубцева 2001, № 26. – ЛФ 2008, № 256. – Ефименкова 2012, № 19 (Вологодск. обл.). – ФА СыктГУ. АФ 0501-9, 0507-3 (Троицко-Печорск. р-н РК), 1203-56 (Усть-Куломск. р-н РК), 3103-2, 3120-35, 3122-33 (Кировск. обл., Нагорск. р-н).

8.
Солнышко да солнышко
Да не столь высоко да не столь далеко,
Столь высоко да не столь далеко.
Ой, жалобу твори, ой, жалобу твори,
Жалобу твори да жалобу твори для батюшко. «Батюшко, о чем пиво не варишь дай замуж не даёшь, отказываешь да приказываешь?». После людей ещё сам побыва.

Мотив сетования на батюшку за отказ в замужестве

*Хороводно-игровая**

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а, № 40: с. Ношуль, 1960 г.

8а.
Солнышко, солнышко, да не стой высоко,
Да не стой далеко, ой,
Жӧлӧбу твӧрил, жӧлӧбу твӧрил,
Забрал батюшко, забрал батюшкой.
«Батюшко, почём пива не варил да замуж не даешь?». Солнышко, не стой высоко, не стой далеко. Жӧлӧбу дӧрил, забрал батюшка, забрал матушкай. «Мӧтушка, мӧтушка, почем пирог не пекла, замуж не даешь?». Солнышко, не стой далеко. Жӧлӧбу дӧрил, забрал сестрица… *«Уна ешӧ, вежаньӧдз и вежайӧдз, вокыс» (Много еще, до крестной и крестного, брат).*

Мотив сетования на батюшку, матушку, сестру за отказ в замужестве

*Хороводная**

ФА СыктГУ. АФ 1331-32: с. Черныш, 1996 г.

9.
Пӧ шу морею да юсь по морю, морею да синею,
Ок, и юсь по морею да морею да синею
Едет со сёды да едет сёды да добрӧй, добрӧй молодеч,
Ой, едет сёды добрӧй мӧлӧдеч,
Идет шу сюдӧ да добирова молодеч. Надем шу шапка соболинӧя. Летит шу сӧкӧл лебедь белово. Спаметуй, девка, спаметуй, красная, не склоняйся да не споклоняйся.

Встреча молодца и девушки; девушка не кланяется молодцу

*Хороводно-игровая**

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 226: с. Читаево, 1963 г.

ФА СыктГУ. РФ 13-VI-5: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 1974 г.
ФА СыктГУ. АФ 1331-25: с. Чёрныш, 1996 г.
ФА СыктГУ. АФ 13104-2: с. Объячево, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 13163-15: с. Чёрныш, 2002 г.

10.
А уж по морью, морью,
Уж по морью да морю синею,
Ой, уж по морью да морью синею
Да летит же гӧлубь,
Ой, летит голубь лебедятами.

По морю летит голубь с лебедятами

*Хороводно-игровая**

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 311 (Фр.): Объячевский с/с, д. Юговская, 1963 г.

Вар.: Глазунов 1894, № 27. – ТФНО, № 142. – Кир. 1983, №№ 336, 404. – Русская свадьба 1985, № 16 (с. 162). – ХИПС, №№ 173, 174. – ВФ, № 683. – ТФВРАО, № 22. (с зачином «Как спо морю синенькому») – Стародубцева 2001, №№ 144, 145. – ФА СыктГУ. АФ 1006-74, 1008-4 (Усть-Вымский р-н РК).

11.
Ехал Дунай, ехал Дон,
Ехал к речке мой Дунай,
Пара коней брӧнӧй
Да узды, узды тасмакнӧй,
Стременочки золотой, подруженька шёлковой.

Описание конской упряжи; образы Дуная, подруженьки шёлковой

*Хороводно-игровая**

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а, № 36 (Фр.): с. Объячево, 1960 г.

Вар.: Соб. II, № 79. – Выходцев 1990, № 89. – ФА СыктГУ. АФ 1911-23 (Печорск. р-н РК).

12.
Рӧсколися, N, да на четыре граннӧй,
Ок, ты любишь чужӧй грӧш да тово душ Иванӧй.
Стелю, стелю перина да стелю пуковӧй я,
Стелю, стелю пӧдушечка, стелю пуковӧй я,
Кому дарю я платочек, тово поцелую.

Вариант окончания, когда песня поется для молодца:

Надӧ жену молодую, надӧ бӧярыню,
Кому дарю я платочек, тово поцелую.

Хороводно-игровая

НМ РК. КП 12493. Л. 83: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 1927 г.
ФА СыктГУ. АФ 1348-5, 5а, 5б, 7; 1354-11, 12; 1373-18 (= 13105-3, 3а, 4а); 13103-29, 30, 35, 36, 36а; 13104-12, 12а: с. Объячево, 2001 г.
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 198: с. Читаево, 1963 г.

Вар.: Соб. IV, №№ 116-121 (Казанск., Астраханск., Новгородск., губ., Вологодск. у., Томск., губ., Терск. обл.), № 667 (Вологодск. губ.), № 668 (Казань), № 768 (Курск. губ.), № 777 (Казанск. губ.), № 788. – Кир. 1983, № 40 (зачин «Расколись, сырой дуб, на четыре дранки») (плясовая). – Русская свадьба 1985, № 14 (с. 170). – Марковский песенник, № 5 (С. 165).

13.
Круго́м-ко круго́м да сёкола лети,
Радёсь пё радёсь, солнце катетью…

Хороводно-игровая

ФА СыктГУ. АФ 1373-18 (= 13105-8) (Фр.): с. Объячево, 2001 г.

Вар.: ЛРС, № 274 (Архангельск. обл., Карпогорск. р-н) («Кругом кругом да солнце катилось, // Рядом рядом бояра все едут»).

14.
По тискам я дубёвёй, дубёвёй…
… Красная девица сади… посади, посади…

Хороводно-игровая

«Это скамейка поставляют да. Круговую кодят вот так. Невеста, это девка, да парня садятся на скамейку, потом поцеловаться заставляют. <…> А парни-то сидит там. Сначала парень [садился], потом это поют. После опять парень-то идёт, а невеста оставляётся. Потом невеста-то, девка-то, кого хочет опять девка возьмёт парню. [А так вокруг скамьи ходят?] *Да, вокруг. Поют, запевают и ходят.* [И парни, и девушки ходят?]. *Да, да. Вкруговую парни и девушки и все»* [СыктГУ. 13175-51].

ФА СыктГУ. АФ 13175-51 (Фр.): Ношульский с/с, п. Орысь, 2004 г.

15.
Еще царю, пё еще царю,
Сон ю, мимо ю,
Королю ю, мимо ю,
Ена вед гёрёда,
Ена вед широка. Поставлю в середине базара, в середине широкого базара. Пётез королю, восыскачё. Пётерь сысаръя[1], пётери королю. Черною, дрою на Ношульскёй да базаровскёй.

[1] В оригинале – Сысаръя. Возможно: «сы саръя», «саръя» – от «царь».

*Хороводно-игровая**

ФА СыктГУ. РФ 13-VI-7: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 1974 г.

Вар.: Соб. VII, № 533-560 (Забайкальск. обл., Сибирь, Пермск., Архангельск., Вятск., Нижегородск., Вологодск. губ. и др.) (зачин «Ходит царь вкруг нова города, вкруг нова широка»). – ТФНО, № 116. – Вологодская область 1981, № 124. – ХИПС, № 27. – ВФ, №№ 431, 653. – ТФВРАО, № 6 (с. 81); № 8 (с. 81-82). – Стародубцева 2001, № 62. – Ефименкова 2012, № 10 (Кировск. обл.).

16.
Ищется да ищется,
За молю, молю да,
Королю молю да,
Королю молю да.
Она вед и гӧрӧда. Вот и сыскачӧ Аннушкаанӧй, вот и сыскачӧ Васильевнатӧ. Целует он да редко, целует он да правду.

*Хороводно-игровая**

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а, № 34: с. Объячево, 1960 г.

Вар.: Соб. VII, № 533-560. – ТФНО, № 116. – Вологодская область 1981, № 124. – ХИПС, № 27 (зачин «Ходе царь, ходе царь, ходе царь по городу»). – ВФ, №№ 431, 653. – ТФВРАО, № 6 (с. 81); № 8 (с. 81-82). – Стародубцева 2001, № 62 (зачин «По-за городу царь ходит, по-за новому гуляет»). – Ефименкова 2012, № 10 (Кировск. обл.).

17.
Посадили молодец,
Посадили удалец.
Дунай, мой Дунай,
Сын Иванович Дунай.
Пошла девица, пошла красота. Молодец девка целуй, ему шапочку долой. Сам возьму, на тебя наложу. Пир пировать.

*Игровая**

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а, № 50: с. Ношуль, 1960 г.

Вар.: Соб. IV, №№ 122-126, 128, 132, 134 (Сибирь, Владимирск., Тамбовск., Казанск., Уфимск., Калужск., Пермск., Вологодск., Костромск. губ.). – Глазунов 1894. № 28. – ХИПС, № 78 (зачин «Уж как звали молодца»). – Кир. 1986, № 453. – Выходцев 1990, № 52. – ВФ, № 657. – ТФВРАО, № 15 (с. 84). – ФА СыктГУ. АФ 1019-44 (Усть-Вымск. р-н РК). – ФА СыктГУ. АФ 0843-12 (Архангельск. обл., Ленск. р-н).

18.
Уж ты крен, ты мой крен,
Молодой, зеленой,
Ещё кто тебя садил?

Да садил меня Иван,
Поливал меня Иван, Селиванова жена да посматривала, приговаривала. Ещё едут бояра да завидели девицу да дружка. За нашего братца, за грамотничка, за серебряничка. По желтому песку да по крутому бережку.

*Игровая**

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 191: с. Занулье, 1963 г.

Вар.: Соб. VII, № 532 (Казань), №№ 612-614 (Архангельск., Пермск. губ.). – ХИПС, № 11. – ТФВРАО, № 2 (с. 78). – Стародубцева 2001, № 125. – ФА СыктГУ. АФ 1619-6, 1643-39, 1638-19 (Сысольский р-н РК).

19.
Светланушкаöй, любö,
Да Васильёвнаöй, милö,
Ой, прия тебе любö,
Прия тебе корошо.

Априканöй, любö
Да Ивановичöй, милöй,
Ой, милö, милö,
Какоя тебе мило,
Какоя тебе мило,
Прия тебе корошо.

*Припевка**

НМ РК. КП 12493. Л. 83: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 1927 г.р.
ФА СыктГУ. АФ 1354-30: Объячевский с/с, д. Керос, 2001 г.

20.
Ок, ты шурина-пигурина моя,
Потеряла пируга крыльчи,
Да со алые ленточки,
Да со которые торелочки,
Степанушко мал да удал, Васильёвич мал да удал, через семери вароча скакал, полушубок правый полы оторвал. Полушубок без полы, Анна без платки, Афанасьевна без шёлковые, без решётчатые.

*Припевка**

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 180: с. Занулье, 1963 г.

Вар.: ХИПС, № 31 (зачин «Шкатулочка новобронзовая, золоченая»).

21.
Берба, берба, бербочка,
Золотая веточка,
Сидит канареёчка.
Канарейка Олятэ,
Да целовечка Ванятэ.

*Припевка**

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 192: с. Занулье, 1963 г.

Вар.: Зырянов 1975, № 14 (С. 24) (зачин «Верба, моя вербочка, золотая веточка»). – ТФНО, № 190 (зачин «Верба, верба, вербочка, золотая веточка»). – ХИПС, № 229 (зачин «Ой ты, верба, вербушка, верба раскудрявая»). – Выходцев 1990, № 4. – ВФ, № 403. – Стародубцева 2001, № 107. – ФА СыктГУ. АФ 0839-28 (Архангельск. обл., Ленск. р-н), РФ 1003-11 (Усть-Вымский р-н РК); АФ 3012-14 (Коми-Пермяцкий АО).

22.
Пеклеста Семёновна,
Да ой, ляли, эй ляли,
Да Пеклестаанӧй Семяновна,
За правду Пеклиста,
Митрей Олексеевич, Митреюшко Олексеевич.

*Припевка**

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 248: с. Читаево, 1963 г.

23.
Лань-лань корошо,
Неласкӧвӧй тьӧща,
Блин да гӧрячки,
Сила во недельник,
Завтра во вторник, середы Орина, четверг Катерина, жена во Марина. Ещё сложимся, еще слажемся да поцелуемся.

*Припевка**

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 252: с. Читаево, 1963 г.

24.
Весёлся, весёлся
Рыжим батраком,
Квалимся, квалимся
Сему дочира,
Дочерьмя ребятушки, дочь корошо. Се я люблю Настасьяонӧй, се я люблю да Олёксеевич. Кӧсьтяньтин – пять аршин, Кузьма – восемь аршин. Пӧдзадорь, пӧдзадорь, пятьдесят рублей на стол.

*Припевка**

НА Коми НЦ Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 211: с. Читаево, 1963 г.

25.
Спала ли спала загагаръя нучӧк,
Мила ли мила Опонасьейӧй,
Почему мила да Иванӧвичӧй.
Девкима людима покварба,
Барка людима перекличка сидит, завсегда да вижу, быттьӧ не могу. Пуговки зӧлӧчаные, перстенье серебранные. Яко Колю кора додь, не могую рӧзваль додь.

*Припевка**

НМ РК. КП 12493. Л. 81: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 1927 г.р.

Б. Русский хороводно-игровой фольклор летских коми

1.
Девушки, девушки,
Не сидеть пришли.
Вы пришли
Да скакать да плясать.
Есть ли у вас что купить, что продать? Ежею продать у тово светла. Свет родной на три волюшки даёт: первая воля – с девичмой играть, вторая – скакать и плясать, третья – со девичмой играть.

Наборный хоровод (Сухогузов П.Г., ФФ ИЯЛИ. В 1503-3, игрища 1998 г.)

ФА СыктГУ. АФ 13004-3: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.
ФА СыктГУ. АФ 1310-2: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1990 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-3: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.

Вар.: Выходцев 1990, № 74 (Вятск. губ.).

2.
Девки в сад пошли,
Во зелён пошли,
Клубок ниточек нашли.
Клубок катится, нитка тянется. Клубок доле-доле-доле, нитка доле-доле-доле. В зубу ниточку взяла, откусила, порвала, парня за руку взяла и с собой повела.

1. *Наборный хоровод* (ФФ ИЯЛИ. В 1503-50, игрища 1998 г.; В 1508-2, игрища 2003 г.)
2. *Расходились из «столбов»* (ФФ ИЯЛИ. В 1503-3, д. Ивановка, 1998 г.)

ФА СыктГУ. АФ 13004-9: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.
ФА СыктГУ. АФ 1305-2: с. Мутница, 1978 г.
ФА СыктГУ. АФ 1336-2: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-3, 50, 65, 68: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.
ФА СыктГУ. АФ 1342-24: Гурьевский с/с, д. Корольки, 1999 г.
ФА СыктГУ. РФ 13-XII-61.1: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2000 г.
ФА СыктГУ. АФ 1361-3: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 1362-42а, 42б: с. Прокопьевка, 2001 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1508-2: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2003 г.
ФА СыктГУ. АФ 13199-1, 12: с. Прокопьевка, 2005 г.
ФА СыктГУ. АФ 13252-6а: Прокопьевский с/с, д. Кулига, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13262-14: с. Прокопьевка, 2006 г.

Вар.: ХИПС, № 243 (клубок катится, нитка тянется).

3.
Девка, выскочи у нас,
Парень, попляши у нас,
Со своей станкам,
Со коротенькам.

Встану коротык, подпоясочка долга, семисаженна изба – повернуться нельзя. Чем повернёшься – изачернёшься, поворотишься – заволотишься.

1. *Наборный хоровод* (Сухогузов П.Г.)
2. *Расходятся из «столбов»* (СыктГУ; ФФ ИЯЛИ. В 1503, игрища 1998 г.)

ФА СыктГУ. АФ 13004-4, 7: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.
ФА СыктГУ. АФ 1310-5: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1990 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-51, 53: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.
ФА СыктГУ. РФ 13-XII-60.4: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2000 г.
ФА СыктГУ. АФ 1362-47: с. Прокопьевка, 2001 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1508-5: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2003 г.
ФА СыктГУ. АФ 13199-18: с. Прокопьевка, 2005 г.
ФА СыктГУ. АФ 13252-7а: Прокопьевский с/с, д. Кулига, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13262-18, 18а: с. Прокопьевка, 2006 г.

Вар.: ФА СыктГУ. РФ 14-I-18, РФ 14-II-88 (Княжпогостский р-н РК) (семисаженна изба – повернуться нельзя), 30-02-12 (Коми-пермяцкий АО) (семисаженна изба – повернуться нельзя).

4.
Вейся ты, вейся, капуста,
Вейся ты, вейся, м(в)иловая.
Как мне, капуста, не виться,
Как, миловая, не завиться.
Вечор был на капусте, частый дождь накапает, белую капустку поливает, парень девку выбирает.

Наборный хоровод (ФФ ИЯЛИ. В 1509, игрища 2003 г.)

ФА СыктГУ. АФ 13004-5: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.
ФА СыктГУ. АФ 1314-5: с. Летка, 1990 г.
ФА СыктГУ. РФ 13-XII-60.2: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2000 г.
ФА СыктГУ. АФ 1362-48: с. Прокопьевка, 2001 г.

Вар.: Соб. IV, № 166 (Ярославск. губ.). – ТФНО, № 73. – ХИПС, №№ 189, 190. – Кир. 1986, № 150. – Стародубцева 2001, №№ 4, 107.

5.
Ешшӧ встать бы мне,
Походить бы мне,
Поломать бы костей
Для милых гостей.
Для Дарьи, для Марьи, для душицы для Катюшицы, всё для милого дружка, выйди пара из кружка.

1. *Расплетают «плетень»* (ФФ ИЯЛИ. В 1508, игрища 2003 г.)
2. *Расходятся из «столбов»* (ФФ ИЯЛИ. В 1508, игрища 2003 г.)

ФА СыктГУ. АФ 1314-6: с. Летка, 1990 г.

ФА СыктГУ. АФ 1336-4: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.
ФА СыктГУ. АФ 1361-6: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 1362-46: с. Прокопьевка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 13199-3, 19: с. Прокопьевка, 2005 г.

Вар.: Соб. VII, № 361, № 362 (Архангельск. губ.), № 363, № 364 (Казанск. губ.), № 365 (Вологодск. губ.), № 503 (Курск. губ.). – Вологодские губернские ведомости. 1883. № 14.

6.
Из-за гор, гор девина,
Из-за синёва морье
Я гусей выпускала,
Лебеди заискала,
Лебеди заставляла: «Пойдём, гуси, домой, пойдём, серы, домой. Я сама гостья, сама серенькая, сад уберу, садовольничаю, самовольничаю». Завивайся, плетень, завивайся, труба золотыё.

Заплетают «плетень»

ФА СыктГУ. АФ 1305-1: с. Мутница, 1978 г.
ФА СыктГУ. АФ 13004-6: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.
ФА СыктГУ. АФ 1310-3: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1990 г.
ФА СыктГУ. АФ 1336-3: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-51, 66: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.
ФА СыктГУ. АФ 1342-22: Гурьевский с/с, д. Корольки, 1999 г.
ФА СыктГУ. РФ 13-XII-60.1: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2000 г.
ФА СыктГУ. АФ 1359-8; 1362-43: с. Прокопьевка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 1361-2, 29: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2001 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1508-4: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2003 г.
ФА СыктГУ. АФ 13199-2, 11: с. Прокопьевка, 2005 г.
ФА СыктГУ. АФ 13252-6б: Прокопьевский с/с, д. Кулига, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13262-16: с. Прокопьевка, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13270-25; 13271-2в: Гурьевский с/с, д. Березовка, 2007 г.
ФА СыктГУ. АФ 13294-53, 55: Летский с/с, д. Прислон, 2007 г.

Вар. («Завивайся, плетень…»): Соб. II, № 442 (Саратовск. губ.), № 607 (Пермск. губ.); VII, 670-678 (Казанск., Олонецк., Вологодск. губ., Сибирь, Симбирск. губ.). – ПП, № 272. – Леонтьев, № 224.– ТФНО, № 72. – Выходцев 1990, № 80. **–** ПИФУЦ, № 15. – Стародубцева 2001, №№ 9, 10. – Морозов, Слепцова 2004. С. 162-163. – Марковский песенник, № 17 (С. 167). **–** ФА СыктГУ. АФ 1564-48, 1571-3, 1512-17 (Корткеросский р-н РК); 1906-25 (Вуктыльский р-н РК); 2595-19, 25136-11, 25152-42д, 25216-18 (Ижемский р-н РК).

7.
Вьётся, вьётся кругонёк,
Круг у нас тончаной,
Круг позолочёнай,
Пристави ко столбику

Красную девицу, красную красавицу.

1. *Встают в «столбы»* (ФФ ИЯЛИ. В 1503, игрища 1998 г.)
2. *Расходятся из «столбов»* (ФФ ИЯЛИ. В 1503, игрища 1998 г., ФФ ИЯЛИ. В 1508, игрища 2003 г.)

ФА СыктГУ. АФ 13004-8: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.
ФА СыктГУ. АФ 1310-4: Прокопьевский с/с, д. Ивановка,1990 г.
ФА СыктГУ. АФ 1336-5: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-3, 52, 53: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.
ФА СыктГУ. АФ 1361-8: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 1362-44: с. Прокопьевка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 1363-41: Прокопьевский с/с, д. Вавиловка, 2001 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1508-6: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2003 г.
ФА СыктГУ. АФ 13199-20: с. Прокопьевка, 2005 г.

8.
Остров мой зеленой,
Круг я острова хожу,
Круг зелёного хожу,
Себе сменушка ищу.
Сменушка-переменушка, красный молодец, красна девушка, кого любишь?

Хороводно-игровая

ФА СыктГУ. АФ 13004-24: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.
ФА СыктГУ. АФ 1310-12: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1990 г.
ФА СыктГУ. АФ 1336-12: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-4: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.
ФА СыктГУ. РФ 13-XII-61.2: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2000 г.
ФА СыктГУ. АФ 1361-18: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 1362-13, 13а, 49, 49б: с. Прокопьевка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 13199-8: с. Прокопьевка, 2005 г.
ФА СыктГУ. АФ 13220-5: с. Летка, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13294-54: Летский с/с, д. Прислон, 2007 г.

Вар.: ХИПС, № 30 («вкруг я острова хожу, вкруг зелена гуляю, ой, остров зеленый мой»).

9.
Как не по лугу, лугу,
Да по лугу, лугу
Рöсти травöй, лист травöй,
Да лист травöй, лист травöй.
Пö тöй траве с парнем шла. За парнишкой спöдлетел, схватил парня за ручку, за ту ручку левую. «Я ведь, парня, не твоя, не послушаюсь тебя. С пöлу шапку не сдыму, на гöлöвку не лöжу, на русые вöлöсы». Песня поется с начала: «Я ведь, парня, я твоя, я пöслушаюсь тебья, у тебья, у тебя.С пöлу шапку пöдыму, на гöлöвку налöжу, на русые вöлöсы». Поцелуй удалую. Три раз целöвалися, с милым рöстöвалися.

Хороводно-игровая

ФА СыктГУ. АФ 1305-6: с. Мутница, 1978 г.
ФА СыктГУ. АФ 13004-21: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-55, 14, 70: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.
ФА СыктГУ. АФ 1336-7: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.
ФА СыктГУ. АФ 1345-27: Гурьевский с/с, д. Берёзовка, 2000 г.
ФА СыктГУ. РФ 13-XII-50: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2000 г.
ФА СыктГУ. АФ 1361-14, 14а, 15: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 1362-53, 54: с. Прокопьевка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 1398-27: с. Слудка, 2001 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1508-10: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2003 г.
ФА СыктГУ. АФ 13199-4, 14: с. Прокопьевка, 2005 г.
ФА СыктГУ. АФ 13262-19: с. Прокопьевка, 2006 г.

Вар.: ПП, №№ 278, 284. – ТФНО, № 72. – ХИПС, № 115. – Кир. 1986, № 103. – Стародубцева 2001, №№ 77, 93, 139.

10.
Што / Все прошли, прошли весёлы вечера,
Не бывали волостные писарья,
Писарья были помощнички,
Деверья были извощички.
Тара-тары балалайшечки, у извощика коня-то увели, коня-то винопёрова, сокола-то винопёрова. Я ко девице иду, ко красавице иду, семь раз поцелую да уйду. Мы с тобой прощалися, три раза целовалися, с милым расставалися.

Хороводно-игровая

ФА СыктГУ. АФ 13004-25: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.
ФА СыктГУ. АФ 1310-14: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1990 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-56: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2001 г., 1998 г.
ФА СыктГУ. АФ 1362-50: с. Прокопьевка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 13199-9: с. Прокопьевка, 2005 г.

Вар.: ТФНО, № 114. – Кир. 1986, № 106. – Морозов, Слепцова 2004. С. 165. – Марковский песенник, № 8 (С. 165) («Я за девицей иду-иду, / За хорошинькой бегу-бегу, / Поцелую да назад отойду»).

11.
Ездил Иван-Караван
На своёй-то на доброй на коне,
На своёй-то на вейской на селе.
Приезжал он домой полночь,
Он ударил в ворота копьём. Все ворота растворяются, вереюшки раздвигаются. Выходила, сломать нельзя да сама князья-боярышня. Поклонились спонизко молодцу: «Не ты ли, Иван-Караван, не ты ли по горенке ходил, не ты ли медок шелков, из винные чарочки, из новые чашки точенные, из новые позолоченные?». Поставлю я свой батожок середи двора ко столбичку. Сама поскачу-попляшу, за ворот гостей провожу и с тятенькой с маменькою, и с братцу невестою, и с тёщею с зятюшкой.

Хороводно-игровая

ФА СыктГУ. АФ 13004-26: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.
ФА СыктГУ. АФ 1310-16: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1990 г.
ФА СыктГУ. АФ 1336-8: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-57: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.
ФА СыктГУ. РФ 13-XII-49: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2000 г.
ФА СыктГУ. АФ 1360-27: Прокопьевский с/с, д. Булатовка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 1361-11: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 1362-51: с. Прокопьевка, 2001 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1508-11: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2003 г.
ФА СыктГУ. АФ 13199-7, 10, 13: с. Прокопьевка, 2005 г.

12.
Ищет Бӧрис,
Ходят Бӧрис
Середе Казане,
Городе базаре.
Ласкову тёщу, баску невесту. Ты ли моя тёща, моя, чур, невеста. Пироги не мягки, блины студёно, мазанӧй, часникӧм сулёной.

Хороводно-игровая

ФА СыктГУ. АФ 13004-10: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.
ФА СыктГУ. АФ 1310-6: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1990 г.
ФА СыктГУ. АФ 1336-9: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-3, 54, 69: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.
ФА СыктГУ. РФ 13-XII-61.1: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2000 г.
ФА СыктГУ. АФ 1361-10: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2001 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1508-8: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2003 г.

13.
Хожу я гуляю
Вдоль по хороводу,
Розочка алая.
Я искал, я нашёл
Дорогого тестя. Ещӧ выбираю дорогую тёщу, дорогого братца, милую сестричку, шурина весёлого, сам себе невесту. Посмотрите, люди, как я гуляю со своей семьёю, со своей невестой. Наварю я пиво – прямо тестю в рыло, напеку я пирогов – тёща будет без зубов, восседлал я коня – шурин едет со двора. Милая сестрица, нам ведь не жениться. Милый братец, не сердись, поскорее уберись. Милая, милая, радость дорогая, сядем на карету, которой у нас нету.

Хороводно-игровая

ФА СыктГУ. АФ 1336-10: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.
ФА СыктГУ. АФ 1345-33: Гурьевский с/с, д. Берёзовка, 2000 г.
ФА СыктГУ. РФ 13-XII-47: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2000 г.
ФА СыктГУ. АФ 1361-17: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2001 г.

ФА СыктГУ. АФ 1398-1: с. Слудка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 13217-24: с. Летка, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13227-9; 13232-4; 13234-15: с. Слудка, 2006 г.

Вар.: Соб. VII, № 505-513 (Владимирск., Тамбовск., Тульск., Рязанск., Ярославск., Уфимск. губ.). – ПП, №№ 273, 344. – ТФНО, № 118. – ХИПС, № 50. – Русская свадьба 1985, № 18 (с. 171). – Кир. 1986, №№ 342, 445. – Стародубцева 2001, № 124. – ПИФУЦ, № 18. – ТФВРАО, № 5 (с. 80-81). – ФА СыктГУ. АФ 1001-8, 1002-13, 1006-70, 1008-5 (Усть-Вымский р-н РК); 1246-7, РФ 12-VIII-72 (Усть-Куломский р-н РК); РФ 14-I-20, 14-II-79 (Княжпогостский р-н РК); 25103-33 (Ижемский р-н РК).

14.
Крен, мой крен,
Гӧрӧдӧчкӧй крен,
Ӧшо кто тебя садил?
Селиван, Селиван,
Селиванова жена крен ухаживала, огораживала. Ты расти, расти, коса, однолучшая пляса, по сырой земле, золотой пояса.

Игровая

ФА СыктГУ. АФ 1305-7: с. Мутница, 1978 г.
ФА СыктГУ. АФ 1338-11: с. Летка, 1998 г.
ФА СыктГУ. АФ 1342-4, 21: Гурьевский с/с, д. Корольки, 1999 г.
ФА СыктГУ. АФ 1345-3: Гурьевский с/с, д. Берёзовка, 2000 г.
ФА СыктГУ. АФ 1362-62; 1362-11а, 11б: с. Прокопьевка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 1361-30а: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 1398-2а: с. Слудка, 2001 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1508-17, В 1509-7: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2003 г.
ФА СыктГУ. АФ 13231-14а, 16а, 18, 37; 13232-23; 13241-2, 4; 13242-5: с. Слудка, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13268-3, 17; 13270-20; 13277-25: Гурьевский с/с, д. Березовка, 2007 г.
ФА СыктГУ. АФ 13275-9; 13295-35а, 35; 13301-12а, 12: Гурьевский с/с, д. Корольки, 2007 г.
ФА СыктГУ. АФ 13291-26: с. Гурьевка, 2007 г.

Вар.: Соб. VII, № 532 (Казань), №№ 612-614 (Архангельск., Пермск. губ.). – ХИПС, № 11. – Кир. 1986, № 60. – ТФВРАО, № 2 (с. 78). – Стародубцева 2001, № 125.

15.
Из-под дубу, из-под вязу,
Из-под дубова коренья
Девка мыла-колотила,
Платок в воду отпустила.
Где-то взялся паренёк, подал девушке платок. «Вот спасибо, мой милой, прислужил моей беде, приходи вечор ко мне, у нас тятя дома нет, моя мама во гостях, сестра в тереме, она не скажет никому». Все суседушки гуляли, про мою любовь спознали, тятьке с мамой рассказали.

Хороводно-игровая

ФА СыктГУ. АФ 13004-16: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.
ФА СыктГУ. АФ 1310-18: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1990 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-9: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.
ФА СыктГУ. АФ 1361-12: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2001 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1508-16: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2003 г.
ФА СыктГУ. АФ 13199-15: с. Прокопьевка, 2005 г.

Вар.: Соб. IV, №№ 639, 640 (Архангельск. губ.). – Кир. 1983, № 24.

16.
Вдоль из улицу в конец
Шёл удалый молодец,
Ай Дунай, ай Дунай, сын Иванович Дунай.
Ещё звали Дуная, прозывали Дуная.
Дунай девицу поклон, его шапочку долой. Посадили в тесну круг против девицы на стул. Ок, и честь молодцу и хвала удальцу. Ок, и радость и весёлой, распрощался и пошёл.

Игровая / Плясовая

ФА СыктГУ. АФ 1345-29: Гурьевский с/с, д. Берёзовка, 2000 г.

Вар.: Соб. IV, №№ 122-126, 128, 132, 134 (Сибирь, Владимирск., Тамбовск., Казанск., Уфимск., Калужск., Пермск., Вологодск., Костромск. губ.). – Кир. 1986, № 453. – ХИПС, № 78. – Выходцев 1990, № 52. – ВФ, № 657 (Сибирь). – ТФВРАО, № 15 (с. 84). – ФА СыктГУ. АФ 1019-44 (Усть-Вымский р-н РК), РФ 14-IV-248 (Княжпогостский р-н РК).

17.
Александровская берьёза, берьёза,
Зили-зили, зили-зёль,
Сизонька, сизокрыленька,
Ты куда, голуб, пошёл,
Куда, сизый, полетел? – К красной девице пошёл.

ФА СыктГУ. АФ 1305-3: с. Мутница, 1978 г.

17а.
Берёза, берёза
Листьями шумела, шумела,
Золотым веком веяла, веяла,
Середе поля стояла, стояла.
Гули, гули, голубок, гули, сизенькой, сизокрыленькой. Ты куда, голуб, пошёл, куда, сизый, полетел? Я ко девицам пошёл да со красавицам пошёл. Коя лучше вся, коя <…> без белил бела, без румян короша, та невеста моя. Поцелуй же меня.

Голубь-жених направляется за невестой

Хороводно-игровая

ФА СыктГУ. АФ 1345-31: Гурьевский с/с, д. Берёзовка, 2000 г.

Вар.: Соб. IV, №№ 157-161 (Пермск., Казанск. губ.). – ПП, № 112. – ПИФУЦ, № 5. – ВФ, № 435. – Стародубцева 2001, № 160.

18.
Король-король, батюшко,
Да прöдай-ко лошадушку,
Которöй удалой,
Которöй бывалую.
На игрище гуляйте да красну девку смотрите.

«Сійö вöлъяс бара дорöнö [Это лошадей опять подковывают], *лошади, как сказать. Куёт, но подковы на ногах-то. Возьмут девушку да ноги-то куют»* [СыктГУ. 13271-2б].

Игровая

ФА СыктГУ. АФ 13271-2а, 2б (Фр.): Гурьевский с/с, д. Березовка, 2007 г.

19.
Пошли гуси, пошли серы,
Искупали лапки
Вдоль по скамейке.
Дарьюшка, Даровья, шöлкöвöй платочек. Тö ли обманули, тö ли приманули умную умницу, разумнöй разумницу.

Хороводно-игровая

ФА СыктГУ. АФ 1342-25: Гурьевский с/с, д. Корольки, 1999 г.
ФА СыктГУ. АФ 1398-30: с. Слудка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 13232-21, 22: с. Слудка, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13270-24: Гурьевский с/с, д. Березовка, 2007 г.
ФА СыктГУ. АФ 13277-24, 26: Гурьевский с/с, д. Березовка, 2007 г.
ФА СыктГУ. АФ 13301-16, 16а: Летский с/с, д. Корольки, 2007 г.

20.
Из нова города
Всех рябинова четыре топора,
Брали, мы брали рученьки тоненькие,
Делали гусёнышки солнцатые.
Кому эти гусёнушки достанутся играть, достанутся плясать, играть, Марья, поплясать. За тебя, Марьюшка, силою звöл, сватать посылал. Сват сватался, не споклоняется. Шляпонька держал. Шапка, шапка моё, рукавицы серебро.

Хороводно-игровая

ФА СыктГУ. АФ 1345-32: Гурьевский с/с, д. Берёзовка, 2000 г.

Вар.: ЛРС, № 328 (Архангельск. обл., Лешуконск. р-н), Ефименко, с. 66.

21.
Всё по-за кругу
Сöкöличек летал.
Залети-ко, сокол,
Во зелён сад.
Во зелёном саду девка-ягодка, поведи-ко её за рученьку, поведи её за правую, поведи её во горьенку, накорми её калачиком**.**

Хороводно-игровая

ФА СыктГУ. АФ 1398-31: с. Слудка, 2001 г.

22.
Венчик ли мой веночик,
Ой, да мой веночик,
На кого я тот веночик наложити,
Ой, да наложити.
Наложу я тот веночик на головку, на белую, на лебёдку. Своей кумушке становился, своей кумушке поклонился. Ещö я твöй кум, ещö я твöя кума. Где мы сойдёмся, поздороваемся, разойдёмся да распростимсе.

Хороводно-игровая

ФА СыктГУ. АФ 1345-28: Гурьевский с/с, д. Берёзовка, 2000 г.
ФА СыктГУ. АФ 13271-2а: Гурьевский с/с, д. Березовка, 2007 г.

Вар.: ХИПС, № 114. – Заонежье 1987, № 66. – Стародубцева 2001, № 63. – Марковский песенник, № 1 (С. 164).

23.
Прокачуся я по улочку,
Прокачуся вдоль по улочку,
Напою я песню новую
Про Аннушеньку чернобровую.
Аннушка, скажи своево жениха. Жениха зовут Иванушко, по отцу Петранович.

Припевочная

ФА СыктГУ. АФ 13004-22: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-15: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.

24.
Во поле стояли три кустика, / Во поле дом стоит,
Стояли три кустика.
Первый-öд кустик –
Василейко Иванович,

Втöрöй-öд кустик – Нинушка Михайловна. Третьöй-öд кустик – Василейко Андреевич. Четвёртöй-öд – кустик Нинушка Алексеевна. Как они будут прибладать, постель услать, прибладо головья слать, млада мужа положить, млада мужа подымать, млада мужа целовать.

Припевочная

ФА СыктГУ. АФ 1336-6: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.
ФА СыктГУ. АФ 1342-26: Гурьевский с/с, д. Корольки, 1999 г.
ФА СыктГУ. РФ 13-XII-48: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2000 г.
ФА СыктГУ. АФ 1361-16: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 1362-55: с. Прокопьевка, 2001 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1508-14, В 1509-9: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2003 г.
ФА СыктГУ. АФ 13199-16: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2005 г.
ФА СыктГУ. АФ 13242-2, 3, 6: с. Слудка, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13270-23а: Гурьевский с/с, д. Березовка, 2007 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-58: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.

25.
Как у нашего у Сени
Нет ни сена, ни солома,
Как у нашева села
Бела лебедь зацвела.
У нас Аннушка некогда носит шубы по пятам. Сарафан я заложила, полведра вина купила, штой ивановским парням всем по рюмочке подам, штой вавиловским парням одной румки не подам, дай Ивану-соколу шесть стаканов закачу, Петрияновичу ещё с мёдом поднесу.

Припевочная

ФА СыктГУ. АФ 13004-11: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.
ФА СыктГУ. АФ 1310-8: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1990 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-5: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.

Вар.: Кир. 1986, № 345.

26.
Все Аннушеньки подружки
Повели ю на Волге.
Где-то на Волге молодые,
Скрипушкам балалайка,
Скрипушка наиграет.
Тут же, тут наш Иван поиграла, тут же, тут Аннушка поплясала, с ножки на ножку поскакала, чоблочкам колотила, чоб-чоб-чоб-чоботочки, здравствуйте, миленьки дружочки.

Припевочная

ФА СыктГУ. АФ 13004-13: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.
ФА СыктГУ. АФ 1310-10: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1990 г.

ФФ ИЯЛИ. В 1503-7: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.
ФА СыктГУ. АФ 1361-19, 19а, 20: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2001 г.

27.
Киню-миню лебеду-то берегу,
Киню-миню приговариваю:
«Ох, нет не воды, не травы,
Уродилася лебёдка без воды».
Мой батюшко у воротушки, салдатушки продают гудки: «Тебе надо ли, Аннушенька, гудка?» – «Мне не надо ни свистка, ни гудка, только надо удалого молодца, Детина Детиновича, Хозяина Хозяиновича да Иванушко Петряновича».

Припевочная

ФА СыктГУ. АФ 13004-14: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.
ФА СыктГУ. АФ 1310-11: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1990 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-8: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.

28.
Чашечка литы, литы, литы,
Полной чашек налила, налила,
Востокнула, пролила, пролила.
Да кому это пить подала?
Все Аннушенька пить подала. Аннушка не пила да не пила, востолкнула, пролила да пролила. На кроватушку спать прогнала. На кроватушке на новенькую, всё перинушку пуховенькую. Выйду на улице гулять, посмотрю я на ивановских ребят. Все ивановски ребята хороша, не видали ле такова молодца, да Детина Детиновича, Хозяина Хозяиновича, да Иванушка Петряновича?

Припевочная

ФА СыктГУ. АФ 13004-15: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.

Вар.: ЛРС, № 108 (Архангельск. обл.). – ТФВРАО, № 8 (с. 21). – ФА СыктГУ. АФ 0809-43, 0822-5 (Архангельск. обл., Ленский р-н).

29.
Зайка из речку водичку пьёт,
Санька в воде приговаривает.
У Ивана сокола
Кудревата голова,
Кудри зарилися, девка зарилися, вся Аннушенька-душа посмотреть его пришла да Ивана поздороваться. Вышел маленький указ целовать 15 раз.

Припевочная

ФА СыктГУ. АФ 1336-11: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.
ФА СыктГУ. АФ 1361-13; 1362-52: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 13199-17: с. Прокопьевка, 2005 г.

30.
Штой по Питерском заводе,
При девонюшке, народе
На им платья гёлубые,
Юбки беленькия,
Полушалочки красны, целоваться нам согласны, башмачки-то нам готовы, башмачки наизготовы. Заиграли юбки-зубки, тёрöканы в овраге. Журавлевы долги ноги не нашли пути-дороги, они шли сторона, сторона и борона, борона железная, поцелуй, любезная.

Припевочная

ФА СыктГУ. АФ 13004-12: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-6: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.

Вар.: ТФНО, № 75 (журавлевы долги ноги не нашли пути-дороги). – Стародубцева 2001, № 135 (журавлевы долги ноги не нашли пути-дороги). – Ульяновское Присурье I. С. 615 (журавлины долги ноги, борона).

31.
По заводе были мы,
Были мы, были мы.
Сокола мы видели,
Видели, видели,
Соколицу-девицу, круглолицу белую. Стань девонька, повернись, втрое, вдвое обернись, раз семнадцать поцелуй.

Припевочная

ФА СыктГУ. АФ 13004-17: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-10: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.
ФА СыктГУ. АФ 1398-3: с. Слудка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 13232-23: с. Слудка, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13270-26: Гурьевский с/с, д. Березовка, 2007 г.

Вар.: ХИПС, № 47. – Стародубцева 2001, № 76. – Бахтин 2004, № 647 (Монголия). – Марковский песенник, № 11 (С. 166). – ФА СыктГУ. АФ 0514-42а (Троицко-Печорский р-н РК); 1006-76, 1007-36 (Усть-Вымский р-н РК); 1203-53, РФ 12-VIII-7 (Усть-Куломский р-н РК); РФ 14-I-19 ФА СыктГУ. 14-II-80 (Княжпогостский р-н РК); 1907-10 (Вуктыльский р-н РК, от урож. д. Кобра Койгородского р-на РК), 0815-14, 0822-4, 13 (Ленский р-н Архангельск. обл.), 0602-4, 0609-26, 0623-3 (Котласский р-н Архангельск. обл.).

32.
Калина моя, малина моя,
Калин мостик обломился.
Калина моя, малина моя,
Сера утка уплывала,
Калина моя, малина моя.
Молодой узник горюет. Сера утка уплываёт. Молодой веселился, где же радовался. После радость и весёльство, для великие потехи, целованье, любованье.

Припевочная

ФА СыктГУ. АФ 13004-18: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-11: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.

33.
Синь горюч камешек
Разгорается,
Будьто мой-от милой
Перемогается.
Будьто мой-от милой успокоился. Я во первом-то часу я с водой пошла, я во другом-то часу воду черпала, я во третьем-то часу я с водой пришла. Будто мой-от милой переде лёжит, успокоился, в голове-то у него свечи восковы горят, под ногам-то у ево попы-дьяконы поют. Не начала же я себе милова нажить. Нажила дружка лучше старова, я за рученьку брала, я из полу подняла.

Припевочная

ФА СыктГУ. АФ 13004-19: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1509-12: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2003 г.

Вар.: ПП, № 269. – Стародубцева 2001, № 102.

34.
Пошёл молодеч на гулянье,
Эх, ту ляли ляли, на гулянье.
Пошёл рыженькой на веселье,
Эх, ту ляли ляли, на веселье.
Мир вам, девушки, всех нӧзванье, всех кӧмпаньӧ. Мир вам, красненькӧй, всех сӧбранье. Мир вам, девушки, всех смилёней. Одна девушка всех смеляе, взяла молодца присборола, на нём синь кафтан рӧспорола, чериную шляпочку с головы сшибла, алую ленточку пристоптала. Пошёл молодеч с жалобами, к отчу с матерью с жалобами. На что малого спородила? На что молодого споженила? Меня жёнушка не любила, все постелюшку растоптала, возголовьюшку низко клала, одеялышко не давала, ручки-ноженьки поломала. Стала рученька все болети, стала ноженька все ноженький.

Припевочная

ФА СыктГУ. АФ 13004-20: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.
ФА СыктГУ. АФ 1310-19: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1990 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-13: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.

Вар.: Соб. VI, №№ 592-599 (Самарск., Вологодск., Владимирск., Псковск., Уфимск., Ярославск. губ., Москва, Новгород). – ПП, №№ 281, 343. – Кир. 1977, №№ 355, 356. – Леонтьев, № 230. – ТФНО, № 124. – ХИПС, № 94. – Кир. 1986, № 444. – ПИФУЦ, №№ 9, 9а. – Стародубцева 2001, № 92. – Ефименкова 2012, №№ 27, 28 (Вологодск. обл.).

В. Русский плясовой фольклор прилузских коми

1.
Не велят любить Ивана,
Велят любить Николая,
Я за то люблю Ивана –
Да у Иванушка головушки скудрява.
По садом мы, девичи, гуляли, потальянском плат вязали, светлы яблочки они щипали с милым дружко Иванушко. Не за то ли милой осердился, жить по Волге снарядился. Поживём-ко, милой, года двадцать до Крестова дни, до Спетрова, до Спокрова. Покров праздничок приходит, лето тёплое прокодит, ко мне миленькой гости не кодит, мне гостинеч милой не носит, мне не нанко, не китайко, поясочек шёлковую, мне на ручку перстенечек, мне на праву золотую.

«Луза»
ФА СыктГУ. АФ 13130-15: Спаспорубский с/с, с. Поруб, 2002 г.

Вар.: Зырянов 1962, № 38 («Мой миленький осердился, в путь-дорожку снарядился, что с Петрова до Покрова. Покров-праздничек проходит, ко мне милый не заходит»).

2.
Январь, февраль, март, апрель,
Выйди на лужочек,
Поиграй рожочек.
Январь, февраль, март, апрель,
Поиграй рожочек, поцелуй разочек. Январь, февраль, март, апрель, поцелуй разочек.

«Луза»
ФА СыктГУ. АФ 13104-1: с. Объячево, 2001 г.

***Вар.*:** Стародубцева 2001, № 70.

3.
Тӧ ни пӧшла, тӧ ни пӧшла,
Тӧ ни пӧшла, тӧнчивала,
Тӧнчивала да тӧнчивала,
Тӧнчивала, пӧй устала,
Прийустала, спать играла, спӧч играла да спӧч играла, спач играла ско милом, ско милова на колене. На коленьӧ вина стопка, вина стопочка играет. Вон где идёт мой батюшко. Мой батюшко скочибричи, образили.

«Луза»
ФА СыктГУ. АФ 1331-42: с. Чёрныш, 1996 г.

Вар.: Соб. II, №№ 25, 27 (Олонецк. губ.), 28 (Вологодск. губ.), 33. – ПП, № 101. – Выходцев 1990, № 332. – ПИФУЦ, № 12. – ТФВРАО, № 24 (с. 90-91) (зачин «Пошла в тонец, пошла в тонец тонцевать»). – ФА СыктГУ. АФ 0843-10 (Архангельск. обл., Ленский р-н).

4.

Пить-погулять, пить-погулять,
<Старалика > <доричёк> гулять.
<Якачука с мыска с> бережку,
Не ко бережку покаживает,
Не кӧ зеленӧй трава положивает. Кӧстер-мӧстер-гостер, лебеди, домой. Увидали, не видали куда два. Кури-кури папиросточка, бежи, бежи, не торопится. Ёгорина Ваня топится. Чиженнӧй, плаженнӧй пӧкрышка, куми-воробушка. Ӧсинь купли-клопки, ӧчень дзурки-верки. Аня-моня нянь сёйӧнӧ. Пиверыслы вевтысян, моньыслӧ куран чунь.

«Луза»
ФА СыктГУ. АФ 1354-28: Объячевский с/с, д. Керос, 2001 г.

4а.
Спеть-погулять стало некому,
Во дворе загулять.
Ты, Катенька,
Водуленько-солнышко,
Не косу-ко, ни ко бережку, ни с по бережку похаживала, зелёну траву заломливала. Гусли-муси, гуси-лебеди, домой, неужели не наплавалися? Заплакала, задремала молодой. Увидали, не видали года два. Кури папиросочка, бежит, не торопится, косогоре баня топится, у милашки рыба жарится, не мелка, не кружка да на голе сидёши.

«Луза»
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 175: с. Занулье, 1963 г.

Вар.: Соб. II, № 56 (Вологодск. губ.). – ПП, № 117. – ХИПС, № 241. – ТФВРАО, № 25 (с. 91). – ЛФ 2008, № 258. – ЛПУЦ, № 104 (зачин «Стало не с кем спопить, спогуляти»). – ФА СыктГУ. РФ 14-I-13 (Княжпогостский р-н РК).

5.
Во саду ли в огороде
Девица гуляла,
Она ростом невелика,
Сама круглолица.

«Луза», «Летка»
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а, № 28: с. Объячево, 1960 г.
ФА СыктГУ. АФ 1306-3 (Фр.): Мутницкий с/с, д. Талица, 1978 г.
ФА СыктГУ. АФ 1371-50, 51: Объячевский с/с, д. Кулига, 2001 г.

***Вар.*:** Соб. IV, №№ 286 (Казанск. губ.), 768; VII, №№ 314, 381, 382. – ФРУ, № 177. – ФА СыктГУ. АФ 0514-44 (Троицко-Печорский р-н РК); 1002-17, 1003-54, 1007-38 (Усть-Вымский р-н РК); 1202-17, 1203-52, РФ 12-Х-2а (Усть-Куломский р-н РК), РФ 14-II-78, 14-II-108 (Княжпогостский р-н РК), 25152-42а (Ижемский р-н РК).

6.
По улице мостовой ходит девица с ведром,
Ходит девица с ведром…

За ним парень молодой,
Кричит: «Девушка, постой!»
За ним парень молодой…
По улице мостовой кричит: «Девушка, постой», за ней парень молодой, кричит: «Девушка, постой!», за холодной, ключевой, за ним парень молодой.

«Луза»
ФА СыктГУ. АФ 1372-56: Объячевский с/с, д. Кулига, 2001 г.

6а.
Пö уличи мостовой
Да шла девичи за водой,
Да за колöднöй ключевой,
Да за юсь парень молодой,
Кричит: «Девица, постой, красавица, обожди, белöй ручки подожди». – «Юсь ты парень, паренек, мой батюшкой у ворот, зовет меня в огород». – «Батюшко и матушка, лэдзлö менö гуляйтны». – «Мун жö, мун, муса ныланöй, вой шöр кадъя гортö лок». Сомидз пос вылас петі, другöй паныд локтö, веськыд зептас штоп вина, шульга зепъяс сё поздыр, коймöд зепъяс пунт преник. [«Батюшка и матушка, отпустите меня погулять». – «Иди же, иди, любимая дочь, домой приходи в полночь». Вышла на мост, друг навстречу идет, в правом кармане штоф вина, в левом кармане сто яиц, в третьем кармане фунт пряников].

«Луза»
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 213: с. Читаево, 1963 г.

Вар.: Соб. IV, №№ 740, 741, 743 (Архангельск. губ.). – ТФНО, № 164. – Выходцев 1990, №№ 127, 128. – Стародубцева 2001, №№ 81, 119. – ЛФ 2008, № 262. – ФА СыктГУ. ФА СыктГУ. АФ 0814-26, 0819-9 (Архангельск. обл., Ленский р-н), 14-II-39 (Княжпогостский р-н РК), АФ 1915-67, 1916-48 (Усинский р-н РК).

7.
Из-за лесу, из-за лесу,
Летит гöлуб да летит гöлуб,
Летит гöлуб, сизöй гöлуб,
Ой, в народе скоро пили,
Скоро пили, гöвöрили, прö свой народ говорили. Ярöславль гöрöд ступив, на базаре пиво пив, зöдадочек пöлучив, чöрнöй шляпа пöдкупив. Народе гöвöрили. Тö ни пöшла, тöнчевала, приустала.

«Луза»
ФА СыктГУ. АФ 13104-4: с. Объячево, 2001 г.

7а.
Из у лесу да из у лесу,
Из у лесу, перелечу,
Перелесу[2] да перелесу,
Перелесу летит гöлуб

[2] В оригинале (архивная машинопись): «пере лесу».

Летит гӧлуб, сизӧй гӧлуб. Некавеску про невестку. Весёл ладӧсь навели, скоро пели.

«Луза»
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а, № 38: с. Объячево, 1960 г.

Вар.: См.: № 3 («Тӧ ни пӧшла, тӧнчивала, приустала»); ФА СыктГУ. АФ 1571-4 (Корткеросский р-н РК).

8.
Олӧ-вылӧ гӧлубенька,
Красная девонька,
Пӧкатилася девонька
Пӧ гусьӧм плясати,
Она чори рӧставайте, с молодцам играйте, с молодецка возумлённым, душа во зелёной. Зили-били барабан, число-мисло сера, сера куша чизлӧвала, милой разлучило.

«Луза»
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 154: с. Занулье, 1963 г.

8а.
Олӧ-вылӧ да олӧ-вылӧ,
Олӧ-вылӧ гӧлубенька,
Гӧлубенька да гӧлубенька,
Гӧлубенька красная девка.
Красная девка пошла плясать. Пригласи девонеха по гуси, пригласи по гуси играть, плясать, через доставай-ка играй. Молодеч идёт, молодечкой возлюблённӧй, душа возелёная. Чирин-бирин полагали, число-мисло сё. Сера кумӧ дзиздывала.

«Луза»
ФА СыктГУ. РФ 13-VI-8: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 1974 г.

Вар.: ФА СыктГУ. АФ 0801-116, 0806-45, 0807-3, 0808-22, 0809-29, 0816-26, 0831-21, 0834-9 (Ленский р-н Архангельск. обл.) (зачин «Ала-бела голубонько, красная девонька»), 1001-3, 1019-47 (Усть-Вымский р-н РК), 14-II-102 (Княжпогостский р-н РК), 1608-19, 1621-26, 1627-30 (Сысольский р-н РК).

9.
Кыз, кыз кӧса,
Быдкай вылын красӧта,
Айлы-мамлы потлавны,
Дзоляяслы дзольгыны,
Пӧрысьяслы руштыны. Гымышас, лэптыштас, быд керка вылӧ кайны. Мича ныл петалӧ, сылӧн кияс вина штоп. Вина штопыс киссьӧ, слободаыс сотчӧ. Быдтӧ пыр и погода [Толстая, толстая коса, на горе красота, отцу-матери расколоться, маленьким щебетать, старым поручать. Прогремит, приподнимет, на каждый дом подняться. Выходила красивая девушка, у нее в руках штоф вина. Штоф вина проливается, слобода горит. Всегда погода]. Катша с маслӧвые, жена ласкӧвые, жена пиведивее, тотарин, вотятин, весь пӧлӧвинӧ штоп.

«Луза»

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 208 (= ФФ ИЯЛИ. А1521): с. Читаево, 1963 г.

Вар.: Ульяновское Присурье II. С. 265 (каша масляная). – ФА СыктГУ. АФ 0828-41 (Архангельск. обл., Ленский р-н) («Бил жену к обеду, да к ужину опять, чтобы щи были горячи, каша масляная, блины заспеные»).

10.
Кватя, Кватя квати брöшит,
Катя пöчелует.
Сударушки Öкулина Öкушка глядила.
Чево кашасö глалила, мальчичсö глалила.
Это мальчик разудальчик, левитса öбманчик. Öбмана краснöй девица, выгоняйся. Уж я пятницу не буду, суббöта недельса, вöскресенньö неприменö сам гости приеду, гöстинечу <уведу>, пöчöлует, заведу.

«Луза»
НМ РК. КП 12493. Л. 82: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 1927 г.р.

Вар.: Соб. IV, № 773 (Пермск. губ.) (Катю хвачу, Катю брошу, Катю поцелую).

11.
Кабачкой сидит,
Сидит Якö кабачок
Да Гришка-мужичöк,
Сидит Гришка-мужичöк да
Стал плясывайтны, прикурывайтны. Тöдönö кодлö. Э-ой веселой, те ой веселой. Ешто те о весело, ешто о манастыро. Ели насыгой. Манастыр поит поедет. По истинус Кебраса. Ой, дев-ой. Большеыд ке паслаö, йось кö на спадо. Манастырксöй на сладö, во шутляла ношульскöй. Сö плесать пошел. Сыркйы сыры дöй. Охоты да здоволь. Будет али нет, будет али скöминакö. Скöндронö да зеленöй садой.

«Луза»
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 207: с. Читаево, 1963 г.

11а.
Кабачкой сидет,
Сидет дьякöн да дачöк,
Да Гришка-мужичöк.
Гришка-мужичöк,
Сидёт Гришка-мужичок, стали сплясываете. Вы откудываете, да сыздалеко облö-кийво весело(й). Кийво весело, из то Кийво весело, да из тово манастырьго, да где манастырьго(й). Где манастырьго, манастырьгу испужали, ручки брöса да ризу надеру(й). Манак ризу надеру, большой очки накладу. Манак (й)очки накладу, да возыграла Ношульской, да сöплясать пошел. Сöплясала да (й)окота да сдоволь, да будёт оли нет, да зеленой садой[3].

«Луза»
ФФ ИЯЛИ. А 1511 (= НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 207): с. Читаево, 1963 г.

[3] Расшифровка Г.С. Савельевой.

11б.
Сидит кабачкой,
Сидит дьякон задачей.
Сидит Гришка-мужичок,
Это тио веселой.
Из того монастыр голь, где монастыр голь. Монастыр голь исповала. Новостей гостям бросал, монах ризу надевал, большӧй ӧчки накладай. Возы для монашеской. Сын плясать пошёл. Поплясал с охотой, до охоты до здоволь, будет или нет, еле-еле конь бежит, еле-еле конь кудри. Под монастыр в зелёный сад. Хочет тятя холостить, хочет мама отдавать.

«Луза»
ФА СыктГУ. РФ 13-VI-11: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 1974 г.

Вар.: ХИПС, № 301 (зачин «И шел монах из похода, вся ненастная невзгода»).

12.
Юродилась се Дуня, се Дуня[4],
Своя мама гуляла, гуляла,
Свою дружку грешила, грешила,
Он не верит, не верит.
Он не берет меня, не берет. Не одну меня любит, любит. Полюби меня, полюби. Прӧстӧй ленточка не надо, надо куим пӧлӧс печатӧсь, печатӧсь. Куим пӧлӧс печатӧсь надо, мед быдсӧн тугъя дора, мед быдсӧн шӧвк виз лада, мед быдсӧн тугъя дора. [Простой ленточки не надо, надо трех сортов, сортов, чтобы каждая с кисточками, чтоб каждая шелковая, чтоб каждая с кисточками].

«Луза»
ФА СыктГУ. РФ 13-VI-6: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 1974 г.

12а.
Уродиласе Дуня, се Дуня,
Своей да милой гуляла,
Ой, мамӧ, гуляла, гуляла,
Ой, да своей дружка да решила,
Свое дружка решила во реши верна, не веруй, Дуня верут, не верут, не одну же меня не любит, сполюбит, тебя брошу.

«Луза»
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а, № 32: с. Объячево, 1960 г.

Вар.: Соб. II, № 482; V, № 262 (Новгородск. губ.). – ТФНО, № 169. – ЛФ 1989, № 76. – Выходцев 1990, № 184. – ЛФ 2008, № 76. – ПИФУЦ, № 70. – ФА СыктГУ. АФ 0907-23 (Удорский р-н РК); 1001-2, 1019-30 (Усть-Вымский р-н РК).

13.
С кандалы ты ю далы,

[4] В оригинале полевой рукописной записи: седуня, седуня.

Да ю да лы ты седалы,
Как нога ты седалы
Ю не штук,
Двенадцать штук. Ю ехали-переехали. Всё касанӧй пиши-ка. Ой, ой калека. Ёна денежки в карман по рублям и по мошням. Рублевӧй мошняанӧй. Полтора рубля подруга, книжками бумажками, билетами, паспортами, отправляем первый сорт, книжками, бумажками.

«Луза»
ФА СыктГУ. РФ 13-VI-12: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 1974 г.

Вар.: Микушев, Рочев 1963, № 200 (зачин «Тіян Дарья»: книжками, бумажками, билетами, паспортами).

14.
Перевозщик, перевозщик молодой,
Да ой, ляли, перевозщик молодой,
Перевозь меня за реку,
Ой, ляли, ляли возьми же,
Ты возьми 100 рублей, перевези же. Нам не надо 1000 рублей, только надо зӧлӧтӧй перстень. Алӧй лента на косе, прӧстӧй лента не надо, надо куим пӧлӧс печатӧсь, мед быдсӧн сыръя дора. [Простой ленточки не надо, надо трех сортов, чтобы каждая с кисточками, чтоб каждая шелковая, чтоб каждая с кисточками].

«Луза»
ФА СыктГУ. РФ 13-VI-13: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 1974 г.

14а.
У нас горенка нова, нова, нова,
Ох, у нас горенка яловенькая да,
У нас горенка яловенькая,
С-по той горенке горечкой сын гулял да
Он гулял да сладкий ягоды щипал. Сладки ягоды катаются, ровно сахар отсыпаются. Не во нынешнего прошлого года уродилась черна ягода бору, заблудилась красна девка во лесу. Выходила на крутой бережок, садилася на жёлтой песочек, вынимала ноженёк-складенёк («ваденёк»), розрушала белкруписчатый («мелкописчатый») колач. Розрушала, сама скушала, перевозщичка укала: «Перевозщик-рыболовщик молодой, перевези меня за речку, за рекой, за работу бери сто рублей». – «Мне не надо с тебя тысячу, только надо златой перстень на руке». Мил сердечной на уме да разуме. Как бы девушка мне сватьюшки была, взял бы ее замуж за себя, упросил бы, убасил бы для себя. На полтину взял белы румяночек, на другие сладки прянички, штё на третьи алы ленточки. Первой кадӧ люлю-бай да люлю-бай, мӧд во кежӧ двӧйник вай да двӧйник вай. [В первый год люлю-бай да люлю-бай, на второй год роди двойню, роди двойню].

«Луза»
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а, № 66: Спаспорубский с/с, с. Поруб, 1960 г.

14б.
Как у нынешнему, прошлому году
Уродилась цветна ягода в бору,

Заблудилась красна девица в лесу,
Она вышла на крутöй бережöк,
Остановился на желтый бережöк, вынимала граньетуровöй платöк, ножки разгибала слабенöк. Разрушила, разгибала слабенёк, разрушила бел-круписчатый калачок, белкруписчатый и беретчатый. Сама кричит перевозу за рекой: «Перевозчик, перевозчик молöдöй, перевез меня за быструю реку да быстро за Вычегдой». А что девица не едет за рекой, и за это красный двичек плачет.

«Луза»
НМ РК. КП 12482. Л. 12-12об.: с. Объячево; 1935 г.

14в.
Перевощик, перевощик мöлöдöй,
Да ой ляли, ой ляли,
Перевощик, перевощик мöлöдöй,
Мöлöдöй да перевезь меня на устье за рекой,
Перевезь меня на у тебя рекой. Ты возьми 100 рублей. Мне не надо тысяча, только надо золотой перстень, зöлöт перстень на руке, жöлтöй перстень на руке, алö лента на косе, красна девка на уме, гöлубая лента смерти не люблю.

«Луза»
ФФ ИЯЛИ. К 425-15: Объячево, 1989 г.

Вар.: Соб. II, №№ 205 (Тамбовск. губ.), 207, 208 (Вологодск. губ.), 209 (Новгородск. губ.), 210 (Терск. обл.), 211, 212, 213 (Пермск. губ.), 214 (Астраханск. губ.). – Кир. 1983, № 338. – Руднева 1977, № 4 (Кировск. обл). – Выходцев 1990, № 174. – ФА СыктГУ. АФ 0801-115, 0805-18 (Архангельск. обл., Ленский р-н).

15.
Шурик-шарик, шандарин,
Да денег, денег шандарин,
Да колду раз, кöлду два,
Кöлду спа серебра,
Кумачу я не хочу, китаеч-то не мода. Ещё тон при, милого платтьö, золотые тупöлати, серебряные <нрзб> ячки, на уличе дошла, на перину дöшла, тебе делö нету, наши девки – кралечки.

«Луза»
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а, № 33: с. Объячево, 1960 г.

Вар.: Соб. IV, №№ 353 (Архангельск. губ.) («кумачу я не хочу, китайки не надо»), 773 (Пермск. губ.); VII, № 280 (зачин «На улице мороз, на печи-то лето»: «кумачу не хочу, китайки не надо»). – Леонтьев, № 166 (зачин «Нам сказали про девицу небыль-небылицу»: «Кумачу я не хочу, // Китайки не надо»). – Стародубцева 2001, № 78 («Летел сокол по полю»: «кумачу я не хочу»).

16.
По бережку ходила да гуляла да,
Белой рыбочка ловила не одна да,
Не одна ли со товарищами да,

Вот сказала мой-от маменька, мой от маменька велика нету друг, презаставила капусту садить, поневолила рассаду поливать. Полю-полю, не пой-полятся.

«Луза»
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а, № 48: с. Ношуль, 1960 г.

Вар.: Соб. II, №№ 50 (Калужск. губ.), 51, 195 (Вологодск. губ.); IV, № 790 (Казанск. губ.), 791 (Пермск. губ.), 792 (Псковск. губ.), 793 (Костромск. губ.). – ТФНО, № 74. – Русская свадьба 1985, № 34. – ЛФ 1989, № 83. – Выходцев 1990, № 8. – ЛФ 2008, №№ 83, 175. – ФА СыктГУ. АФ 0831-14, 0837-14 (Архангельск. обл., Ленский р-н).

17.
Вечору, по вечеру
Мил катился ко двору,
Рученькой махнул да
Глазенькой мигнул
Ох, я увидала-то милого, вышла, встретила дружка, за ручку брала да зелен сад вела. Зелен садик ко двору, под кустечком да зелено, под зеленою да под кудрявою. Парень яренской-то жил, красной армии служил, по всему селу да по весёлою. Зажгу я-то свечку сальную, поведу дружка во спальню, в спальной уложу да чаем напою.

«Луза»
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а, № 73: Спаспорубский с/с, с. Поруб, 1960 г.

Вар.: Соб. II, № 109. – ПП, № 80.

18.
Как за речушки слободушки стоит,
Да вот слободки молода вдова живет,
У вдовы хорошая дочи растет,
Хорошая дочь растет, хорошая,
Хорошая дочь Аннушка, лицо бело, щёчки аленький цветок, брови чёрны, развесёлые глаза. Не могу я красну девицу познать, не умею по примечка рассказать. Полно, милой, во компаньице гулять, перестань же пусты речи говорить. Все пусты речи – напрасные слова. Отчего я молода замуж пошла. Пошла-вышла за старого старика. Стар не выпустит на улочке гулять. Хоша выпустит в окошко поглядеть, за окошко горючи слёзы ронить. Мы ронили горючи слёзы платок, вышла тоненька кисейна рукава, ште бело личи румяночки свои, розовы свои, не купленные. Сокатайте со бело личо долой. Ровно идёт росколяйной удалой. Он несёт, везёт подарок дорогой, подарочек – шелковую плеть. Шелкова плетка не свистывала, молода жена не учивана. Молода жена – хозяюшка своё. Я куплю жене на платьичо, перво платьечой аленькое, ште другое-то розовое, ещё третее берёзовое. Это аленькой-от солнышко ли нет, это розовой-от дождичка, ште берёзовое-от жари волочет. Я не знала два да пери вино. Невеликое про стопке за собой, у соседе во беседе спобыла, писарями я на стуле сидела, холостому стакан рюмку налила, по стакану, по серебряному, ште подносу подзолоченному. Не во горенке комарики поют, ште поют, поют, полетывают, мне младеньке ночью спать не дают. Чем заснула, вижу милого во сне. Воля, воля была батюшкина, нега-нега была матушкина. Ште глаза была мила дружка, ште мила дружка Иванушка. Я Ивана на смерть люблю, на походочку глядеться не могу. Ште форсистая

походочка, ште гладкая поговоренка. Пашни пахать начинаются, за сохой идёт, ругается.

«Луза»
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а, № 64: Спаспорубский с/с, с. Поруб, 1960 г.

Вар.: Соб. II, №№ 439, 440, 443 (Орловск. губ.); III, № 336 («У нашего соседа была собрана беседа»); IV, № 210 (Вологодск. губ.), 241 («А у нашего соседа весела была беседа») (Курск. губ.); V, № 776 («Воля батюшкина, нега матушкина») (Казанск. губ.). – ПФМ, № 19 («Вышла за старого старика, он не спустит меня никуда, хоть и спустит – сам в окошечко глядит»). – ТФНО, № 53 (Кумарочки-кумары, вы осенние, вы осени пискуны, не даете вы, кумарочки, ночки спать. Призаснула-то я, молоденька, над зарей, распрекрасной-то сон, сон-то привиделся во сне, будто мой-то милой да ён по горенке прошел). – Кир. 1983, № 59 («У соседа на беседе пробыла, холостому стакан меду поднесла; едет, едет мой ревнивый муж домой, везет, везет мне подарок дорогой, хочет, хочет меня молоду, побить»), № 471. – УП II, №№ 59, 60 (комарочки вы, комары). – Русская свадьба 1985, № 15 (с. 170) («Я одна дочи у батюшки была, у родимые мамушки. Я не знала ни пени, ни вины, а час узнала и пеню и вину. Из горницы в горницю прошла, за собой холостово привела. Холостому стакан водки налила, нежонатому зелёново вина. Нежонатой лиеливо принимал, ко стакану белы руцьки прижимал, душой-красной дивицей называл. Душа-красная дивиця хороша, поглянуласе походоцька твоя. У тя походоцька бастенькая, // Поговороцька прекрасненькая»). – ХИПС, № 294 (молода жена не учивана). – ФРУ, № 167. – Выходцев 1990, № 46 («И у соседок во беседе сидела, холостому стакан меду подала»), № 122 («Вон он, вон он, мой ревнивый муж идет, он несет, несет гостинец немилой, шелковую плеть вязовый батажок. Хочет, хочет меня, молоду, побить. Я не знаю, не ведаю за что, за какую за великую беду, что вечер поздно не была, у соседа на беседе пробыла, холостому стакан меду поднесла, а женатому зеленова вина»). – Стародубцева 2001, № 34 («Воля батюшкина, нега матушкина»). – Бахтин 2004, № 26 («Комарочки вы, комары, распроклятые осённые злые комары, не дают-то мне комарочки ночки спать»); № 31; № 175 («Воля батюшкина, нега матушкина»).

19.
Во лужку девки гуляли,
Забавные цветки рвали,
Алые цветки, алые цветки.
Сорвала девка цветок,
Через речушки мосток милому идти. С бегу Ванька торопился, Катин мостик подломился. На Ваню беда, на Катю друга. Скоро Катя подбежала, Ваню за руку схватала, звала во лесок, звала во лесок: «Пойдём, Ванюша, лесок, на жёлтенькой на песок, сядем под кусток». За железными дверями висят сами. Хотят Ваню бить да хотят поучить. Хоть не ради барыма, будет слава хороша, очень хороша.

«Луза»
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а, № 67: Спаспорубский с/с, с. Поруб, 1960 г.

19а.
Ляли, ляли загуляли,
Забавные цветы рвали,
Алыё цветки.

Скоро Катя подбежала, Ваню за руку схватала. Пойдём гулять да мы пойдём гулять, Наша до двора провожала молодца: «Прощай, мой милой, да прощай, дорогой».

«Луза»
ФА СыктГУ. АФ 13130-7: Спаспорубский с/с, с. Поруб, 2002 г.

Вар.: Соб. III, № 336; IV, № 294, 295 (Вологодск. губ.), 611 (Архангельск. губ.); VI, № 509; VII, № 245. – Кир.1983, № 171. – Бахтин 2004, №№ 12, 31.

20.
Во ку… во кузнице,
Во кузнице да молодые кузнецы,
Они, они куют,
Они куют, приговаривают:
(СыктГУ. 13130-21: себе Дуню наговаривают). «Пойдем, Дуня во лесок на часок, сорвем, Дуня, лопушок, сошьем, Дуня, сарафан, сарафан. Носи, Дуня, не марай, по праздничкам надевай, коробушку запирай». (СыктГУ. 13130-21: Проси Дунин сарафан над самою над дырой).

«Луза»
ФА СыктГУ. АФ 13130-21: Спаспорубский с/с, д. Лобановская, 2002 г.
ФА СыктГУ. АФ 13172-7: с. Ношуль, 2004 г.

Вар.: Соб. VII, № 266-268. – ТФВРАО, № 33 (с. 96). – Ефименкова 2012, № 33 (Вологодск. обл.). – ФА СыктГУ. РФ 14-II-103 (Княжпогостский р-н РК), АФ 1907-9 (Вуктыльский р-н РК).

21.
Сенькатюречку телегу продала,
На телегу балалайку завела,
Балалаечка заигрывала,
Сенькатюречка проплясывала,
Не моя ли маконька его, не моя ли возлюбленная. Аташутика, машутика моя, гуранты, гуранты моя, уморила у Маланьи бобы. Куда ты, девка, торопишься, бежишь? Под горою баня топится, на горе баня валяется, на горниче, на столе. Чаем чашкой я давим довед, вот чашочек плавает. Коді же черпает, дай Анфисушка черпает. Коді же выкушай, горюшко выкушай. Анфисушка послушай, уж долгие да короткие. Вот река глубока, река киновая и рябиновая. В одну сторону скочила, другу сторону мочила.

«Луза»
ФА СыктГУ. АФ 13130-22: Спаспорубский с/с, с. Поруб (д. Лобановская), 2002 г.

Вар.: Русская свадьба 1985, № 13 (с. 170) (зачин «Понтатуриха телегу продала, на те деньги балалайку завела»). – ФА СыктГУ. АФ 0971-17, 0976-14, 0981-34а (Удорский р-н РК) (зачин «Сенькатюрика телегу продала, на телегу балалайку завела»), 1002-100, 1004-56, 90, 1007-39 (Усть-Вымский р-н РК) («Сентятюриха телегу продала»), РФ 14-VI-9 (Княжпогостский р-н РК).

22.
Ходила младёшенька по борону

Да брала, брала ягодку земляничу,
Брала, брала ягодку земляничу
Да наколола ноженьку на шипичу.
Болит моя ноженька да небольно, любит меня миленькой недолго, недолго-немалою три годочек. Уехал мой миленькой городочек. Со всеми мой миленькой распростился, со мной, красной девицей, постыдился. Я за има девушка не гонюся, гонится душа моя он за мною, за русою косою. Коса моя косонька коротенькая. Вечер мою косоньку девицы сплели да поутру ранёшенько расплетали, под венчальной платьице снаряжали, добрыма с молодцами обвенчали. Матушка-голубушка, солнышко моё, пожалей, родимая, дитятко своё. Словно змея лютая серцу мне сосёт да из покою девушке спать мне не даёт, рай-рай-рай-рай.

«Луза»
ФА СыктГУ. АФ 13130-19, 20: Спаспорубский с/с, с. Поруб (д. Лобановская), 2002 г.

Вар.: Карельское Поморье 1971, № 88. – ПИФУЦ, № 148. – ФА СыктГУ. РФ 14-III-20 (Княжпогостский р-н РК), АФ 3002-6 (Коми-Пермяцкий АО).

23.
Вечор был я у любезной на дворе,
Наглядился, насмотрелся на ее да:
– Чтой же, любушка, невеселой сидишь,
Да невесёлой, ничего не говоришь,
Призаплакала весёлыё глаза, призатёрла кисейны рукава? «Уж вы братья, вы братьица мои, запрягайте две кореты золотой, посадите мою любушку со мной. Мы поедём в кабак, кабачок. Молодой чумак, чумак молодой, ты налей нам сладку водку полуштоп». Моя любушка не пьет, не берет, милому дружку ответ подает: «Как бы знала-ведала, милой тебя, не поехала б я миленькой, с тобой».

«Луза»
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 176: с. Занулье, 1963 г.

24.
Наши девушки гуляют
<…> в табуне,
Встала под окошком,
Да пяточка сломилася,
Милашка да осердилася. На четыре года да на пять лет от него словечка нет. Сшила милому кисет да от него спасибо нет. Шила, шила, маялась, отдала – спокаялась да отдавать-то тяжело.

«Луза»
ФФ ИЯЛИ. А 1524-7: Спаспорубский с/с, с. Поруб, 1960 г.

25.
Силки да вилки,
Носилки, подавалки,
Просил я у цыганки
Колечко поносить.
Раз дала, два дала, а третий раз подумала и сказала: «Завтра дам».

«Луза»
ФФ ИЯЛИ. А 1520-5: Спаспорубский с/с, с. Поруб, 1960 г.

26.
Ох, ты да ноченька темна,
Да не пойду домой одна,
Ой, да не пойду домой одна,
Дайте спровожателя,
Кого не женатова, Лешу горбоватова. Мы с подружкой толковали, сей год замуж не пойдем, по сизой кофте заведем, кофточку с кормашками, полусапожки с пряжками. Пряжки оторвалися, с миленьким росстались.

«Луза»
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 185: с. Занулье, 1963 г.

27.
Кути-коти Матрёна,
Дӧ Марья, дӧ Марья,
Дӧ ти ёва города,
Сарья Кӧстянтина,
Да пӧди девка повод,
Поди краснӧй повод. Чулки вязаные да кӧті мазаныё, сарапанскӧй шушун. Пурски-порски вӧрӧсь, сера чышъян юр вылын, шӧлкӧвӧй ширинка. Мосту, мосту, мосту да пилил переда. Тотарин да вотятин да весь пӧлӧвинӧ штоп.

«Луза»
НА Коми НЦ Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 276: Объячевский с/с, д. Керос, 1963 г.
ФФ ИЯЛИ. К 425-11: с. Объячево, 1989 г.
ФА СыктГУ АФ 1331-41: с. Чёрныш, 1996 г.
ФА СыктГУ АФ 13103-26: с. Объячево, 2001 г.
ФА СыктГУ АФ 13103-33, 34: с. Объячево, 2001 г.
ФА СыктГУ 13163-16: с. Черныш, 2002 г.

Вар.: См. № 9 (тотарин, вотянин да весь пӧлӧвинӧ штоп).

28.
Молодка, молодка, молоденькая,
Головка твоя да победненькая,
Не с кем мне, молодке, ночку ночевать,
Ночку ночевать да тёмнова коротать.
Лягу спать одна, без милого дружка. Нападала грусть-тоска. Далеко милый живёт, не близко ко мне. «Переди сударушки». Перехода нет, жёрдочка тонка, речка глубока. На речке купался бобёр. Хотят сшить шубу, снарядить и отправить к Надежде. «Надежда, Надежда, любишь ли меня?». Люди скажут, ты любишь меня.

Разлука, тоска девушки, шуба для девушки

«Луза», «Летка»
ФА СыктГУ. АФ 1363-3: с. Прокопьевка, 2001 г.

ФА СыктГУ. АФ 13199-5: с. Прокопьевка, 2005 г.
ФА СыктГУ. АФ 13236-5, 13244-5: с. Прокопьевка, 2006 г.
ФФ ИЯЛИ. А 1531-1: Спаспорубский с/с, д. Урнышевская, 1962 г. («Ночка тёмная да ночь осённая», бытовала как протяжная).
ФФ ИЯЛИ. В 1544-3 (= ФА СыктГУ. АФ 13262-3): с. Прокопьевка, 2006 г.

Вар.: Соб. V, № 184-194 (Рязанск., Курск., Пермск., Казанск., Калужск. губ.); VII, №152-155, 460-462. – Зырянов 1962, № 59. – ПФМ, № 104. – Кир., 1983, № 29. – Кир. 1986, №№ 117, 364. – Бахтин 2004, № 30. – Фольклор старообрядцев Литвы, № 286. – ФА СыктГУ. АФ 1004-73, 83, РФ 1004-187, 197 (Усть-Вымский р-н РК); 2549-9а, 9, 2553-10, 25134-3, 25181-16 (Ижемский р-н РК).

29.
Ок, ты Дунюша, Дуня,
Ок, ты Дунюша, Дуня
Не велика, не мала,
Свöим милым гуляла,
Своими-то со такима. Он не верен, шельма, был да не одну Дуню любил. Стали Ванюшку жёнить да за Ванюшу Дуню взять. За Ванюшу Дуню взяли. Полтора старик держал. Дуня в тереме была, Дуня в тереме гуляла, млада мужа бужала: «Встань-ко, Ванюша, Иван, да у новых-то у ворот дороги гости стоят, журъя-братья молодые». – «Отойди, жена немила, вся твоя семья простыла» (постыла?). Выходили на крылеч, говорили семь словечек: «Ох, вы братьи мои, братьи, поезжайте ближе дом, повезите пö поклон моему тяте родной». Ешшö ште была пошто выдавали молодую на чужую сторону за высокие дома, за роскрашеной окна, за светлые самовар, за хрустальные стокан, за фарфоровый блюда. Сколь я чаю не пила, боле слез пролила, сколь я сахару не ела, боле горе приняла, боле горя претерпела. Через блюдца слёзы льются, не могу чайком запить, не могу дружка забыть, дружка Иванушка.

«Летка»
ФФ ИЯЛИ. Х 149-12, 19: с. Летка, 1976 г.

Вар.: Соб. II, № 482-484; V, № 262; VII, № 758. – ПИФУЦ, № 70 («Уродиласе Дуня не велика, не мала»).

30.
Кусту, кусту моя ластонька,
Посади-ко в пусту ластонька,
По краймовью на белöй камешек,
Ок, она думала-выдумывала,
Она слушала-выслушивала. У девицы молодцы в гостях сидят. Молодеч, моя радость молодой, тут твоя жена давно не гуляла во лесу да в огородек мельнике. Уж твоя дочка парничка принесла, пеленали ёво Ваньке на полке, окрестили в зелёном кабаке. Öшö кто у тебя были кум да кума? Кум был кампанюшик мölöдöй, кума была гостимова жена. Мы поедем на тöрги, на базар, все честные тöвары закупать. Нам не нравилася честный товар, поглянулась нам люлюшечка, за люлюшечку челöй алтын дала, за качелечку пять денечку, за верёвочку три денежки, что за ложечку копеечку, что за ложечку орешечку, за бутылочку три денечку, что за лошечку орешечку. А куда я-то люлюшку повешу? Посередь Петьке на грядочку. Сама сяду я на лавочку, ножку повешу верьёвочку, стану кативати да покативати: «Лю-лю-лю, моя дитятко, баю-баю,

моя чаденько, Семьёнушко семи батёвич, нет у тебья настояшего отца, твой отец был прохожий человек, твоя мати была красная девица. Она сама себе убытку сделала, секретару пятьдесят рублей снесла, сыновьями-то по шапочке, дочерьями-то по ленточке». Погуляли-то по вечорам, много вечора гуляли.

«Летка»
ФФ ИЯЛИ. Х 149-15: с. Летка, 1976 г.

Вар.: ПИФУЦ, № 76а («У меня жена гульливая была, она гульливая-гулёшонька. От Ванюшки она брюшко принесла. Приносила у соседа в сеннику, пеленала в парной байны на полку, пелена были полотенные», плясовая); Дети и детство 2008, № 111 («Сяду я на лавочку, положу ногу в верёвочку, стану дитя байкати: Уж ты лю-лю-лю, божёное дитя, у тя нету настояшшего отца, твой-от татенька – дурак, дурацкой сын»).

31.
Лекрут молодой
Да сӧ русою сӧ касай,
Эта русая кӧса
Да присушила мӧлӧдца.
Как у девушки походки сторублёвая находки. Мы поедем, душа Маша, на рыночек, на базар много ведра покупать. Дубӧвӧй ведрӧ взяла, кӧрӧмысло завела, перевеслӧ я цвела, сама по воду пошла, так Самарину реку. Рӧзмахнула широко, рӧсчерпнула глубоко, на плавӧчеке взяла, подымнулась высоко по жёлтому песку, пӧ крутӧму бережку, подымнулась высоко. Стоит два терема, красна девушка идёт, сулея вина несёт. Сулея-тӧ разлила, она вина-то пролила. Что за этова вина да ӧчудилася пӧжар. Што не спылко горит, она распылкиваёт. Што приезжали устюжана, дивӧвались на пӧжар. Три недель <пӧка кисла>, она не выкисла. Крепко по полу валяла, вдоль по лавочкам валяла, на пече в углу пекла, ӧшӧ кулаки сожгла. Хлеб ӧд клала в коробок, поехала гӧрӧдӧк, становилась на рынӧк, на кӧлачнӧму ряду. Приезжали господа хлебу цену разводить. Пӧ полушке фунт, по три деньги каравай, куда хочешь вот девай.

«Летка»
ФФ ИЯЛИ. Х 149-14, 21: с. Летка, 1976 г.

Вар.: ПИФУЦ, № 56а («с молодцом гулять пошла на рыночек, на базар новых ведер накупать. Ведер набрала, перевесел навела, на ключ по воду пошла, на Дунай она реку»); ФА СыктГУ. АФ 0834-3 (Ленский р-н Архангельской области) («что от этого вина солучился пожар»).

32.
Ох, ты хмель, ты мой хмель
Да садӧвӧй-то, яровой,
Садӧвӧй-тӧ, ярӧвӧй
Да что провозился с тобой.
Родился, потрудился детинушка молодой, не женатый, холостой, мужеватый, русы кудреватой. Русы кудельки отпали, любить девушек не стал, молодушек перестал. Из-за леса, из-за гор да подымалась туча-грӧм сӧ частым мелким дождём. Чтой от этого дождя стала улица грязна, да не утоптанные, не уезженная. Мужик ходит в сапожках, сам-ӧт машет рукачам. По уличам мостовой шла деванька за водой, за ней парень молодой: «Ок, ты парень, парень мой, не кричи на весь народ. Мой батюшко у ворот,

зовёт меня в огород». В огороде во саду на левую руку саженную, на прямою частокол. Частоколы перешли, всех молодчик полюбил.

«Летка»
ФФ ИЯЛИ. В 1542-6 (= ФА СыктГУ. АФ 13261-12): с. Прокопьевка, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13236-6, 13244-6: с. Прокопьевка, 2006 г.

Вар.: См.: № 6а («По уличе мостовой…»).

33.
Как у наших у ворот
Молодушек табунок,
Да стоит девок хоровод,
Да где не взялся паренек,
Схватил девку поперек, за шелковый поясок. Повел девку во лесок за пень, за белу березу, за колоду. Стал парень девку валять, девка стала умолять: «Парень, парень, не валяй, сарафан мой не марай, сарафан гумажный, робота домашний».

«Летка»
ФА СыктГУ. АФ 13217- 30, 13275-32, 13298-17а, 17: Летский с/с, д. Выставка, 2007 г.

Вар.: ХИПС, № 53 («Как у наших у ворот стоит девок карагод, молодушек табунок»). – ТФВРАО, № 26 (с. 92).

34.
Ох, ты зимушка-зима,
Да <пути> замела,
Замела…
Закутила, замела,
Все да пути-дороженька,
Все тропья, нельзя Сашу подойти. Саша за водой ушла, за холодной ключевай <…> «Девица, постой, красёвина обожди, пара коня содержи, что восьмого школьница, девятого писарья». Писарь перьюшко писал, пятьдесят рублей считал, шестьдесят рублей оброк. Дай мича ныл öд гуляйтö, лöсьыд зонмыд волысьлö, шоча тай же волысьлö, немöн менам козьналны. Ме пö Питерад ветла, дона козинтö вая, козин, кык козин, кумач да китайка, серебряннöй пряжа, эзысь чунькытш, кык чунькытш, зарни перна, кык перна [Красивая девушка гуляет, хороший парень приходит, редко приходит, нечем мне тебя одарить. Я съезжу в Питер, привезу дорогой подарок, подарок, два подарка, кумач и китайку, серебряную пряжу, золотое кольцо, два кольца, золотой образ, два образа].

«Летка»
ФА СыктГУ. АФ 1306-2: Гурьевский с/с, д. Талица, 1978 г.

34а.
Ох, ты зимушка-зима,
Закрутила-замела
Все пути дороженьки,
Все осенний подати,

Нельзя Саше подойти. Саша за водой ушла, за холодной ключевой. Кличет: «Девица, постой, красавица, обожди, перед коня не бежи, со сторон люди глядят, хотят батюшке сказать». – «Я батюшки не боюсь, родимого не стужу, по семи парней держу, чтой восьмого школьника, девятого писаря». Писарь перушком писал, пятьдесят рублей считал, кому рублик, кому два, кому два с полтиною.

ФА СыктГУ. РФ 13-III-14: Летский с/с, д. Выставка, 1979 г.

34б.
Ох, ты зимушка-зима,
Закутила, замела
Все пути-дороженьки,
Негде Саше подойти,
Хочет конюшку имать, хочет батюшке сказать. Я батюшку не боюсь, конюшку имаю. Пойду с девушкой гулять, кому рубль, кому полтину раздавать. Кони наши вороные, уздоньки-то черные, горови черные, повода шелковые.

«Летка»
ФА СыктГУ. РФ 13-III-9: Летский с/с, с. Гостиногорка, 1979 г.

Вар.: ТФНО, №№ 150, 164.

35.
Поиграй, моя гармошка,
Со лазоревый цветок. (Sic!)
Приходи, моя милая,
Со горючею слезой.
Слеза канет, снег растает – тута вырастет трава. Никто травинки не сорвет, никто серпами не сожнёт. Никто милую не сватал, никто замуж не берёт. Я сидела бы, девчонка, на высоком под окном. Я взвилась бы, полетела, где живёт мой дорогой. Пригорюнилась бы, села в край дороженьки большой, по Симбирской трактовой. Мимо рощи зеленой, мимо рощи он идёт, радость песенки поёт, в терем голос подаёт, чтобы слышала милая, не дремала, не спала, к себе милого ждала. У мово-то да милова жена лютая змея, обесчестила меня. Хочет девушку бесчестить, всю на свете просмеять, русы косы приобрезать, алу ленту в грязь втоптать. Тебя, мой миленький женят, тебя (меня?) замуж отдадут, так и воли не дадут. Ох ты, тятька, тятька мой, я не пахарь буду твой, не коситель луговой, разоритель домовой. Разорил я мать-отца, сам в солдаты нанялся. С горя ноженьки не ходят, на подводе увезут. Ох ты, тятька, тятька мой, я на печке отдыхал. Я кошу, кошу, кошу, косу на межу брошу, сам за девкам побегу. Девок восемь, я – один, девки в баню, я в овин. Девки легли на полок, ручки ножки в потолок…

«Летка»
РГО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 41, № 2: с. Слудка, Орловский уезд, Вятская губерния, 1882 г.

Публ: Вятские песни из архива РГО, записанные Н.А. Добротворским. Предисловие, публикация и примечания В.А. Поздеева // Живая старина. 2010. № 1. С. 53.

Вар.: ПИФУЦ, № 65 («голос в терем подают, чтобы моя любезна не дремала, не спала, парня в гости ждала»). – ФА СыктГУ. АФ 0707-42 (Ненецкий АО, Архангельск. обл.)

(«Да он и хочет надсмеяться над тобой, русу косыньку отрезать у тебя, алу ленточку в грязь втоптать, тебя девушку на веки просмеять»).

36.
Не с тамыским веселиться,
Во печали слободиться!
Разгоню я грудь (грусть?) тоску
По зеленом по лужку!
Уродись, моя тоска, словно травка мурава. Под овином дворянин кроватушку снарядил.

«Летка»
ГАКО Ф. 170. Оп. 1. Д. 130. Л. 47 (у орловских пермяков, 1850-е гг. XIX в.).

37.
Ну, ведет да ведет
До того до конца,
Гуляет до конца,
До того до сконца,
С самого нельзя. Это денег-то куда мы будем девать? Все же пить да её. Нам ведь лучше же девкам раздавать и с парням давать. Белил-румян купить, румяниться да свою девку хвалить.

«Летка»
ФА СыктГУ. РФ 13-III-7: Летский с/с, с. Гостиногорка, 1979 г.

38.
Брала девка лен да
Брала убирала,
Землю выбивала.

«Летка»
ФА СыктГУ. АФ 13275-31 (Фр.): Летский с/с, д. Выставка, 2007 г.

39.
Ловлина моя, ловлина моя,
На всю зиму приготовливала,
Увидали ребятушки,
Усказали моей маменьке.
Моей маменьки велика, не добра, пöсылала туды-сюды меня, растуды-сюды, весёлый огород. На верковинке капусту полю, штöй полю-полю, нападываю. Высоко ли краснöй солнышка взошла, при туманенка не видно ничево. Приезжал из-за заморья купец, принöсил из-за матерья кöнец. Штöй матерьица глянется, спöлюбить купца не кочется, моя сердца не своротится. Ещö сын и баранку взыграл, еще здишься вода – не вода, ариканскöй вода дöрöга. Рыба без костей, прöпадает милöй без вести. На пöлатею да тятенька, на пече-то моя маменька.

«Летка»
ФА СыктГУ. АФ 13004-23, 23а: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.

Вар.: см. № 16 («увидали ребятушки, усказали моей матушке, моей маменьки велика, не добра, посылал туды-сюды меня. На верковинке капусту полю»).

40.
Танцевала пӧ я, плясала,
Себе дружку выбирала,
Себе дружку Иванушку,
Мой Иван – ясен сокол.

«Летка»
ФА СыктГУ. АФ 1338-9 (Фр.): с. Летка, 1998 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ III.
РУССКИЕ ЛИРИЧЕСКИЕ НЕОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ ПРИЛУЗСКИХ КОМИ:
СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ

В представленном систематическом указателе песни условно сгруппированы по сюжетно-тематическому принципу. Репертуар необрядовых песен прилузских коми представлен в указателе балладным сюжетом (№ 1), песнями рекрутской и солдатской тематики (№№ 2-12), любовно-солдатской (№№ 13-19) и любовной лирикой (№№ 20-39). Сюжеты последней сгруппированы по основным сюжетным темам и мотивам: встреча пары (свидание) (№№ 20-25), отъезд молодца (№№ 26-32), расставание и связанное с ним горе, тоска (№№ 33-39). Четыре сюжета прилузской лирики образуют группу песен с мотивом неудачного брака (№№ 40-43). Кроме того, в песенных текстах реализуются такие мотивы, как «молодец на сенокосе ранит руку» (№ 53), наказ матери о замужестве / женитьбе (№№ 44-45), предложение к совместной жизни (№ 54), размышление о том, за кого выйти замуж (№№ 46-47). Также в репертуаре прилузских коми представлены сюжеты семейной тематики (№№ 49-50). Несколько песен прилузских коми содержат игровые и плясовые мотивы и формулы (№№ 61-64).
♪ – Данным знаком отмечены шифры текстов из НА Коми НЦ, звукозапись которых находится в ФФ ИЯЛИ Коми НЦ.

1.
Из-под ельничка было, под березничкой,
Березничка да выбегает розвороной конь,
Конь да вороной-от то не наказано,
Не наказано да не наказанной, восподвязаной,
Дубовой столбу конь привязанной, шёлковой повод во граде стоптал, немецкой седло на бок сбил, всю неделюшку не поен стоял, трои суточки конь не кормливан. Солучилася беда-несчастье да чтой такое безвременьице («без ременича») во великом-то главном Устюге. У купца было у богатого, у приказчика у главного, что жена мужа покинула, вострым ножичком зарезала, вот булатненьким сердце вынула, погребную яму бросила, шелковым платком закинула, гробовой доской подвинула, правой ноженькой притопнула, сама пошла заплакала. Лютый свекор начал спрашивать: «Ты сноха ли моя, невестушка, ты куды дела моего сына, своего мужа?». – «Во чисто поле ушел, по коня по ворона». – «Ты не ври-ко, не обманывай, шёлкова узда на спине висит, пухова шляпа на столе лежит, добрый комонь во дворе стоит».

Жена сгубила (зарезала) мужа

«Луза»
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 196: с. Занулье, 1963 г. ♪

Вар.: Соб. I, № 126 (Саратовск. губ.), № 128 (Рязанск. губ.), № 129 (Вятск. губ.), № 130 (Вологодск. губ.). – ПП, № 44. – Леонтьев 1979, № 217. – ЛПУЦ, № 73 («Чтой во городе было во Саратове»).

2.
За Невагою, за другая ричка была с Перебрагою,
Не полынь травка во поле шаталася,
Зашаталася душа доброй молодец,
Он не сам шел, не своей окотою,
Штей окотушка молодцам неволюшка брала,
Воля жизнь боярская, служба государская (ФФ ИЯЛИ. Х 149-16: … государья первовая, Петра Павловича, наша Павелович, наша сила умилая, умил сухопутная); (НА Коми НЦ. Ф.1. Оп.11. Д.226, № 178: … государева, Николая Павловича, ночи были тёмные, часы во <…> тарей); (НА Коми НЦ. Ф.1. Оп.11. Д.226, № 236: …воля жить бöярила, служба Петра Перваю, Микелаю Павеловичу, наша была темнова, на свете много, часö два часа упалой); (ФА СыктГУ. РФ 13-VI-14: … воля жить твоя, жить бы я, служба Петра I, Миколаю Павловичу, начи былаки, начи была невиданова, ночка тёмная); (ФФ ИЯЛИ. К 425-5: … жизнь боярилой, служба Петра Первые, Миколаю Павеловичу, ночи были темновой, часы две часа да опорой); (ФА СыктГУ. АФ 13002-4: …травка замуравенька, во поле шаталася, с милым расставалася).

Молодец на чужой стороне, служба государю

«Вундiгас сьылöны, вундöны и сьылöны» (Поют при жатве, жнут и поют) [ФФ ИЯЛИ. К 425-5]

«Луза», «Летка»
НА Коми НЦ. Ф.1. Оп. 11. Д. 211а, № 74 (Фр.): Спаспорубский с/с, с. Поруб, 1960 г. ♪
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 178: с. Занулье, 1963 г. ♪
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 236: с. Читаево, 1963 г. ♪
ФА СыктГУ. РФ 13-VI-14: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 1974 г.
ФФ ИЯЛИ. Х 149-16: с. Летка, 1976 г.
НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 209а, № 64 (Фр.): с. Летка, 1976 г. ♪
ФА СыктГУ. АФ 13002-4 (Фр.): Прокопьевский с/с, д. Вавиловка, 1980 г.
ФФ ИЯЛИ. К 425-5: с. Объячево, 1989 г.

Вар.: Соб. VI, №№ 181-184 (Олонецк., Владимирск. губ.) – ПП, № 45. – ПФМ, № 22. – Браз 1977, № 9. – Кир. 1977, № 156. – Кир. 1983, №№ 148, 538, 551. – Кир. 1986, №№ 32, 430. – Выходцев 1990, № 552 (Вологодск. губ.), 553 (Архангельск. губ.). – ЛПУЦ, № 2.

3.
Вставай, вставай, моя дитятко, по утру ранö,
Умывайся, моя дитятко, сö свежöй вода,
Утирайся, моя дитятко, дай чистым белым пöлöтнöм.
Наделю я тебя, дитятко, разным животöм, чистым серебрöм, красным зöлöтöм. Пöстроила я сама, сударыня, караб новую, весь дубовую, крашеную (РГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 41, № 3: … Выйду я, сударыня, на пристань кораблей, куплю я, сударыня, корабль новую. Корабль новая со гребцам стоит, дожидается). Пöсадила я сама, сударыня, сына своево, отпустила в синёё морьё. Вышла я сама, сударыня, на крутую гору, пöсмöтрела, каково корабль бежит. Караб летит, как сöкöл летит, как утöчка плывйöт. «Пöстой, моя дитятко, прöстимся с тобой». – «Рад бы я прöстилася, караб не стоит. Прилечу я, матушка, через двадцать лет, через тридцать лет, через сöрöк лет. Не через сöрöк лет,

может буду, может нет. Прибуду я к тебе, матушка, пöд окошечко, твöй зелён сад кöкушицею да весь сад пöтöплю яблонькея крутой».

Мать снаряжает корабль для сына-рекрута, обещание молодца прилететь в родной дом кукушкой

«Летка»
РГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 41, № 3: с. Слудка, 1882 г.
ФА СыктГУ. АФ 1305-20: с. Мутница, 1978 г.
ФА СыктГУ. АФ 13002-11: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.
ФА СыктГУ. АФ 1827-47: с. Верхолузье, 1990 г.
ФА СыктГУ. АФ 1359-22 (Фр.): с. Прокопьевка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 13284-15: с. Летка, 2007 г.
ФА СыктГУ. АФ 13364-44 (Фр.): Прокопьевский с/с, д. Кулига, 2010 г.

Вар.: Соб. VI, № 118 (Архангельск. губ.). – ЛПУЦ, № 36.

4.
Полюшка наша да поля чистая,
Вö раздолюшка наша да все широкая,
Пöрöдила ты, поля, да част ракитöвый куст,
Пöд кустами-тö лежит да мöлöдöй сöлдат.
(ФА СыктГУ. РФ 13-III-15: Ах, поля да вы поля, да широки да вы поля. Почему на вас, поля, да урожаю да нема. Только выросла одна да кучерявая верба. Как под тою под вербою там солдатик лежит). Он убит лежит да шибкö раненöй, гöлöва-тö у ево да раны большия, на плечах-тö у ево да сабля вострая, пö бокам-тö у ево да ружья светлое. Пöд ногам-тö у ево да стоит доброй конь. «Еще кони, ты мой конь, конь töварищ мой, не сдавайся, мой конь, да неприятелю. (ФФ ИЯЛИ. Х 149-11; НА Коми НЦ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 209а, № 18; ФА СыктГУ. РФ 13-III-1; ФФ ИЯЛИ. К 433-19: …Обегайся, мой конь, землю русскую, землю родную. Ты пиши-кö, распиши письмö-грамота, öтсылай öтцу-матери). Ты скажи-кö, рöсскажи дай отцу-матери, как женился жö я да на чужом-тö стороне да другöм-тö жене. Обвенчали-тö меня за землю русскую. Вот постелюшка моя да луг зелёная, одеялушка моя да нöчка тёмненькая, умывальница моя да утреннöя рöса, утиральница моя да солнце крöсненькое. Закопали-тö меня да вö сырой-то земле, засыпали-тö меня да со желтым сö песком, затöптали-тö меня да солдатским кöблучком» (ФА СыктГУ. АФ 1398-20: … пöкупали-тö меня на сырöй земле, пöтöптали меня меж множеньки); (ФА СыктГУ. РФ 13-III-11: … положили меня в гроб-дубовую доску, схоронили меня в мать сыру землю. Еще передай поклон моей молодой жене); (ФА СыктГУ. АФ 13217-31: … передай ты кольцо дай обручальное молодой моёй жене и скажи, ты мой конь, чтобы она не печалилась, чтоб другим она обвенчалася. И еще скажи, чтоб я под кустом замёрз, а её любовь я с собой унёс).

Смерть молодца-солдата на чужой стороне

«Летка»
ФФ ИЯЛИ. Х 149-11: с. Летка, 1976 г.
НА Коми НЦ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 209а, № 18: с. Летка, 1976 г.
ФА СыктГУ. АФ 1304-4: с. Мутница, 1978 г.
ФА СыктГУ. РФ 13-III-1: с. Летка, 1979 г.
ФА СыктГУ. РФ 13-III-11: Летский с/с, д. Гостиногорка, 1979 г.

ФА СыктГУ. РФ 13-III-15: Летский с/с, д. Выставка, 1979 г.
ФА СыктГУ. АФ 13004-2: Ухтинский район, п. Водный, 1980 г.
ФА СыктГУ. АФ 1827-49: с. Верхолузье, 1990 г.
ФФ ИЯЛИ. К 433-19: с. Слудка, 1992 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-47, 65: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.
ФА СыктГУ. АФ 1398-20: с. Слудка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 13203-27 (Фр.), 13211-21 (Пр.): Летский с/с, с. Летка, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13217-31: Летский с/с, д. Выставка, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13228-45: с. Летка, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13236-9, 13244-11: с. Прокопьевка, 2006 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1542-3 (= ФА СыктГУ. АФ 13261-4): с. Прокопьевка, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13271-3: Гурьевский с/с, д. Березовка, 2007 г.
ФА СыктГУ. АФ 13363-35: с. Прокопьевка, 2010 г.

Вар.: Соб. I, №№ 358, 361-369, 381, 382, 388, 405 (Саратовск. губ.). – Пинежье 1937, № 61. – Лопатин, Прокунин 1956. С. 96-102. – ПП, № 152. – ПФМ, № 54 («Уж ты поле мое, да поле чистое»), № 59. – Кир. 1977, № 140. – ТФНО, № 16. – Прикамье 1982, № 114 («Вы поля ли, поля»); № 115 («Под крутою под горой»).

5.
Из-за Питера да из-за города
Туто шли-прошли солдатушки,
Все солдатушки молодый,
Новобранные, новостриженные.
У крестьянина у богатого было три сына. Уж какому сыну в солдаты идти? У большего детей много, у среднего жена хороша, малый сын задумался, заплакался, отцу-матери пожаловался. (ФФ ИЯЛИ. В 1543-4: Разве я вам не кормитель был, не кормитель, не поитель). Берите большие ключи, отпирайте сундука, возьмите чиста серебра, красна золота, пойдите к губернатору-начальнику. Нам не тын стелить чистым серебром, нам не мост мостить красным золотом, а нужно нам добра молодца, князя боярина.

Выбор одного из трех сыновей в армию, мотив взятки

«Летка»
ФА СыктГУ. РФ 13-III-10: Летский с/с, д. Гостиногорка, 1979 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1543-4 (= ФА СыктГУ. АФ 13261-35) (8 стихов + пересказ): с. Прокопьевка, 2006 г.

Вар.: ПП, № 2 («Из палаты-то было белокаменной»). – ПФМ, №№ 52, 53 («Край пути-то было, край дорожечки»). – Карельское Поморье 1971, № 17. – Кир. 1977, №№ 170-171. – ТФНО, № 14 («Как во городе да во Саратове»). – Кир. 1986, № 207 («У купца было у богатого»). – ФРУ, № 135 («У хриштиянина богатого»).

6.
Ты рябинушка моя
Да раскудряваёй,
Рöскудрявоей,
Ты не стой, ребинка,

На крутой горе, на желтом («житой») песке. Синей море утки плавают, стаями («скарами») идут. Три полка солдат («на стакан полкой»). «Господин майор, отпусти меня домой к отец с матери родной. Мне не жалко сторона, жалко маменька родной».

Обращение к майору с просьбой отпустить домой

«Луза»
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 216: с. Читаево, 1963 г. ♪

Вар.: Выходцев 1990, № 540 (Пермск. обл.). – Фольклор старообрядцев Литвы, №№ 239, 242.

7.
Соловей тэ, соловей,
Где ты жила-прожила, / Везде ты было да прожила,
Э-о, любы да люли, ой, люли,
Где ты жила-прожила, / Везде ты было прожила.
Балаганской на горе / на Байканской на горе стоял солдат на часах, себе смену ожидал. (СыктГУ. 13103-14, 13104-11: Как забили барабан, солдат на войну пошел). По три года послужил, две медали получил, третий крест. (СыктГУ. 13103-14, 13104-11: Солдатское слово честь).

Солдат стоит на часах

«Луза»
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 234: с. Читаево, 1963 г. ♪
ФА СыктГУ. АФ 13103-14, 13104-11: с. Объячево, 2001 г.

Вар.: ПФМ, № 26. – Кир. 1977, № 195. – Выходцев 1990, № 530 (Вологодск. губ.).

8.
Сказано только было да щей указа… про солдатива.
Про большой и славный толькӧ да миленикӧй.
Приезжал наборщик издалёко, из-за морья синего.
Набиралыся много сила с мӧлӧдёжи.
Тонким бела рубашками, все рубащечка, кӧмзолками, как золӧчано, зелёны цвета, строяныя. Сам пӧ гӧрӧду толькӧ гуляйӧт, золӧтной труба толькӧ играйӧт, солдатушенька утешаёт. Все солдатушки слёзным плачут. Как не плакай, возрыдает: устарели ӧтеч с матеч, некӧму стало пашню пахати, зарӧсли наши толькӧ пӧлӧсӧй, частым ельникӧм толькӧ да берьёзай, кудривастенькӧй рӧстьӧт ребина. Ребинушенка, не шатаеся, близкӧ бережка не валяйся.

Набор солдат в армию, мотив родного дома

«Летка»
ФА СыктГУ. АФ 13002-12 (продолжение: 13003-1): Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.

9.
Нӧпӧдал снежочик на доро… ой, на землю,

На земле лежал да весь во лагере стоял,
Лагерем стоял,
Лагерем стоял да тут гöре гöревал,
Töскöю töскöвалы, уж-тö слёз с töскою дай каменною вö Мöскве. Каменнöй Мöсква дай во темную во леса. Тёмненькöй лесочек и воскричала голоса, кричала же я вас в единой голоса: «Есь ли у вас, солдатушки, крупа да мука?» Крупа да мука да весь солдатская запас. Муку-то насеем, сами квашню растворим, сами хлеба «напекам» да сухари насушим. Сухарь да вода да весь солдатская еда. Крупу-то наколим и густую кашу наварим, сядем завтракаем. Сядем мы, ребятушки, во зелёный во лужок. Сложимися, солдатушки, по две гривенкой, вышлем мы, солдатушки, в царьёвöй кабачöк, пойдем мы, солдатушки, в царьёвöй кабачöк, выпьем мы, солдатушки, зелёнова вина, выпьем мы, солдатушки, пö рюмöчке, разгöвöры заведьöм. Пö другöму выпьем, развесёлимся, по третьёму выпьем, станем песню рöссказать прö свöйö життьö-быттьö: как же нам, солдатушки, домой не бывать, ötцу-матерь не видать, свöйöй жöнö не сыпать (ФА СыктГУ. 1306-1: … чистова тела не марать, своё дети не рожать), свöю дитю не качать, зелен траву не косить, сухöй сено не грести, большöй копны не носить, большöй зорöд не метать, добырова коня не держать, Питер-Мöскву не ежжать. (ФА СыктГУ. 1306-1: … Казань-город не бывать).

Солдатская служба, тоска по родному дому, крестьянскому труду

«Летка»
НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 209а, № 63 (Фр.): с. Летка, 1976 г. ♪
ФА СыктГУ. АФ 1306-1: Гурьевский с/с, д. Талица, 1978 г.
ФА СыктГУ. АФ 13003-2: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.

Вар.: ИП XIX, № 44 (Пермск. губ.) (есть у нас, ребятушки, есть крупа, есть мука).

10.
Что на крутом на бережочке
Да <…> как на жёлтеньком песочке
Стоял тут тёмненький лесочек.
Как во этом во лесочке
Стояла темница.
Что во этой во темнице сидит молодец удалый, московский <Иванушко>. В эту темницу никто не зайдет. Вот зашла туда дорогая матушка родимая. «Ох, дитя, чадо милое! Уж и полно тебе в темнице сидеть, не пора ли тебе, дитятко, на свет выходити, свою буйную головушку на свет выносити? Уж хотят тебя, Миронушка, в солдатушки отдать». – «Не пойду я, добрый молодец, в солдаты».

Молодец в темнице, отказ от службы в армии

«Летка»
РГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 41, № 5: с. Слудка, 1882 г.

Вар.: ФА СыктГУ. АФ 1007-46 (Усть-Вымский р-н) (во тюрьме сидел добрый молодец).

11.
Как пöехал наш-öт император

Свöю армию смöтреть,
Обещался наш-от император
К Рöждеству домой прибыть.
Все-ти празднички наши проходят – Олександра у нас дома нет. Мölöдая-тö ево супруга день и ноченькай она не спит, всю окошечку она глядит. Вы кидайте да моё чёрнöй моё платье. Кулийöрчик мой верной бежит. «Кулийöрчик, мой голубчик, ты куда больно скоро спешишь?» – «Я спешуся, больно тороплюся, всю вам правду вернö расскажу: умер, помер наш-öт император, в Таганроге жизнь свöю скöнчал. В Таганроге тело ево бело, во гробах тело ево лежит. Сто двенадцать офицеров на руках тело ево несут, на часах толькö ево стоят. Сто двенадцать аркиреев вечный память у ево поют».

Ожидание возлюбленного, смерть и похороны императора («курьер сообщает о смерти Александра I»)

«Летка»
ФА СыктГУ. АФ 1304-8: с. Мутница, 1978 г.
ФА СыктГУ. АФ 13001-6: Прокопьевский с/с, д. Кулига, 1979 г.
ФА СыктГУ. АФ 13199-5а: с. Прокопьевка, 2005 г.
ФА СыктГУ. АФ 13228-21, 13229-24, 13247-25: с. Слудка, 2006 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1543-3 (= ФА СыктГУ. АФ 13261-33): с. Прокопьевка, 2006 г.

Вар.: Народные песни Симбирской губ. 1906, с.113-173. – ПФМ, № 11. – ИП XIX, №№ 181-194 (Новгородск., Симбирск., Вологодск., Рязанск., Пермск., Вятск. губ). – Кир. 1977, № 135. – ТФНО, № 60 («Собирался наш Лександра»). – ФРУ, № 131. – Исторические песни. Баллады 1991, с. 634-635.

12.
Рöзöринушка путь-дороженька,
Рöзöрили-тö ее вöр-пранцуз.

Историческая

«Летка»
НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 209а, № 65 (Фр.): с. Летка, 1976 г. ♪

Вар.: ИП XIX, № 52 (Челябинск. обл.), № 58 (Костромск. обл.). – Кир. 1986, №№ 273, 303.

13.
Пöпила моя гöлöвьюшка,
Пила, толькö пöгуляла,
Да не свöей дай окотой,
Да на лёгкой работа.
Льöгöнькöй дай омачек, миленькöй дружöчек. Мил гöлöвку чашот, чашот частая времея. Времьячка да быстрö прикодят, зима наступайöт, бел снег нападайöт. Нападал снежöчек, миленькöй дружöчек. Сани во Казане, комут на базаре, вöжжи тей у Спасе, льöжат на запасе.

Набор солдат в армию, разлука

«Летка»
ФА СыктГУ. АФ 13004-33: Прокопьевский с/с, д. Кулига, 1980 г.
ФА СыктГУ. АФ 1310-24: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1990 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-48: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.

Вар.: Соб. VI, №№ 50-54 (Саратовск., Тверск., Вологодск., Пермск., Орловск. губ.). – Кир. 1983, № 514. – Кир. 1986, № 120 (первая часть); № 422.

14.
Вы прощайте, девки, жёнки,
Нам топере не до вас,
Не до вас, да пришел город вот указ,
Вот указ, да во саночки садят нас,
Садят нас да во солдаты везут нас.
С горя ноженьки не носят, глаза на свет не глядят. (НА Коми НЦ. Ф.1. Оп. 11. Д. 211а, № 59: … глаза на свет не глядят. Прежде я не верила подружке да почему милого жаль). Это что такой за солнце – днем красит, ночью нет. Это что такой за месяц – ночью светит, днем и нет. Это что такой да за милой – летом любит, зимой нет. «Уж я рад, мила, тебя любить да зимой холодно ходить. Были летниё башмачки, по ночам их истоптам. Шуба рвана, без кармана, без подола, без полы». Попроведала бы милого, где мой миленькой живет. Меж горами да меж крутыми розливалося вода. Возьму я лодку да перееду за рекой.

Разлука девушки с милым, который уезжает на военную службу; девушка на лодке отправляется к возлюбленному

«Луза»
НА Коми НЦ. Ф.1. Оп. 11. Д. 211а, № 59: с. Ношуль, 1960 г. ♪
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 177: с. Занулье, 1963 г. ♪

Вар.: Соб. III, № 450; IV, № 259 (Пермск. губ.), № 260 (Воронежск. губ.). – ПЛО 1978, № 207. – Стародубцева 1999, № 22. – ЛФ 2008, №№ 202, 203. – Королькова 2010, № 82 («С горя ноги меня не носят, глаза на свет не глядят. Я не верила подружкам, почему дружка не жаль») (Вологодск. обл.).

15.
Штöй по Питерской дороге,
При девонюшки на моде,
Тут и шли-прошли салдаты молодые,
За ними идут маменьки родные.
Штой вам, маменьки, не гнаться да расставаться, всю Россиюшку за нами не угнаться, мать-сыру землю слезами не наполнить. Напöлняется сырöй земля дожжами, со гöрами, сö грöзами, сö реками, с öзерами, сö ключами, с бöлöтами. Из-пöд бережка струячика выбегайöт, мölöдец-салдат квартирушку уежжайöт. Провожжайöт добрые люди. Добры люди, все наши суседи, суседушки, мölöдушки, красные девки. Красным девушкöй, мölöдушкой я пröстилыса, однöй любушкöй Аринушкöй не спрöсилыса. «Ты, Орина, ты корина, на базаре да кöдила, на кöпеечку кудельöчку купила, ялытын и

веретёночӧк захватила, пӧ деничкам-денёчикам да не пряла, пӧнеделиничкам, пӧ питӧчкам, пӧ во вторничкам да веретёнкам, пӧ рӧдительскӧм суббӧты мӧты да не мӧтала, пӧ вӧскресные дни пасмы да не читала.

Расставание матерей с сыновьями, корение Орины

«Летка»
ФА СыктГУ. АФ 13003-5: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-6: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.

Вар.: Соб. VI, №№ 109-112 (Орловск., Вятск. губ., Терск. обл.). – Пинежье 1937, №№ 4, 90, 135. – ПП, № 182. – Карельское Поморье 1971, № 16 («Славна питерска дорога»), № 49. – Кир. 1983, № 243 («В нас по Питерской по дорожки»). – Карельский край 1984, № 111. – Кир. 1986, № 308 («Как по славной ли по <Питерской> дорожке»). – Собрание Киреевского, № 105 (Московск. губ.) (мотив корения Арины). – Заонежье 1987, № 19 («Не ясён сокол со гнёздышка слётаё»), № 111 («Что по питерскому славному проспекту»). – ТФВРАО, №№ 27, 27а.

16.
Клала да клала она, девонюша,
Мягкую да пӧстеля,
Клала да клала она, девонюша,
Имяннӧй да пӧдушечка.
Ждала она, дожидалась полковничка в гӧсти. Могла она дӧждати, одна спать лӧжилася. Пой утру ранӧй она вставала, свежӧй водой мылася, умывалася, платкӧм утираласа, Богу помолилася. Окошко скрывала, письмо пӧлучила, сама два-три она прӧчитала: «Оли наш полковник помер сёводнешнево нӧчи, теперешнова часу». Полковничка моют, умывают, нарежают, домовищӧ строют, выстрегают, хороняют. (Далее пересказ: на конях его везут; любезная хотела броситься в могилу).

Ожидание, смерть и похороны полковника

«Летка»
ФА СыктГУ. АФ 13001-3: Прокопьевский с/с, д. Вавиловка, 1980 г.

Вар.: Соб. I, №№ 424-427 (Саратовск., Уфимск., Самарск., Олонецк. губ.); V, №№ 305-306. **–** Кир. 1983, №№ 282, 413, 529. **–** Кир. 1986, № 132 («Чует, ноет мое сердце, ноет, занывает»); №№ 185, 427.

17.
Петенбур – гӧрад,
Петенбур – славнӧй гӧрӧд,
Гӧрӧд слав рушится.
Славнӧй рушится,
Которова рушится, рушуина рӧзгуляй. Саду гулял, на часы толькӧ стоял, на часы матрос стоял, на минутою, пӧказалося ему часӧ дӧлгия. Все часы жӧ ти дӧлгие, все сады зелёныя. Во зелёном во саду виноград толькӧ растьӧт, чёрнӧслив толькӧ цветёт, цветёт изюм-ягӧду, изюм-ягӧду брала. Как увидела дружка милова, сердешнова, заплакала. «Ты не плачь-ко, ты не плачь, красная девушка, не марай-кӧ ты свӧю лицу

белую». (ФФ ИЯЛИ. В 1543-2: … личу белую, белова, румянова, румян светлӧ зеркалӧ, зеркалӧ крустальнова, крустальнӧй сморозила, сморозила милого, белова, румянова).

Солдат-часовой, девушка в саду

«Летка»
НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 209а, № 60 (Фр.): с. Летка, 1976 г. ♪
ФА СыктГУ. АФ 13002-8: Прокопьевский с/с, д. Вавиловка, 1980 г.
ФА СыктГУ. АФ 1363-7: с. Прокопьевка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 1398-26 (Фр.): с. Слудка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 13236-8, 13244-9 (Фр.): с. Прокопьевка, 2006 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1543-2 (= ФА СыктГУ. АФ 13261-31): с. Прокопьевка, 2006 г.

Вар.: ПФМ, № 26. – Кир. 1977, № 195. – ФФ ИЯЛИ. А 0620-3 (Княжпогостский р-н) (рощица, генерал с генеральшею).

18.
Новый калиновый,
По этому мосту
Казаки гуляют,
Ружья заряжают,
Машу замечают. Где Машенька была: во ключе стояла, водицу черпала, в котел наливала, коням пить давала. Конь водичку не пьёт, копытичком гребьёт, дорожку чует, где милый ночует. В поле на поляне, бережек <прекрасен>, под белой березе, под <кляпой> осиной, под самой вершиной. Вершинушка низко, мой милова близко. Казаки гуляют.

Солдатская служба, девушка у ключа черпает воду, описание места, где ночует милый

«Летка»
ФА СыктГУ. АФ 13202-55: с. Летка, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13261-34 (П.): с. Прокопьевка, 2006 г.

Вар.: ПФМ, № 12 (девушка у ключа черпает воду).

19.
Ванька, ты Ванюшенька,
Да Ванька голова болит,
Голова болит,
Да голова болит у сердечного.
Волосы чисто серебро, красно золото. За рекой гулял, на той стороне, в женской слободе. Каменная Москва-государыня. Солдаты в барабаны бьют не по-здешнему, по-печальному.

Молодец гуляет в «женской» слободе, солдатская служба

«Летка»
НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 209а, № 57 (Фр.): с. Летка, 1976 г. ♪
ФА СыктГУ. АФ 13202-53: с. Летка, 2006 г.

ФА СыктГУ. АФ 13216-26 (Фр.): Летский с/с, с. Гостиногорка, 2006 г.

Вар.: Соб. VI, №№ 124 (Пермск. губ). – ПП, № 39. – ПФМ, № 15. – Кир. 1983, № 42 («У Иванушки, у Иванушки голова болит»). – Кир. 1986, № 425 («Как у Ванюшки голова болит»). – ФА СыктГУ. АФ 1508-9 (Корткеросский р-н) («Болит голова, болит сердечна»), 3339-13 («Как у Ванюши голова болит») (Сыктывдинский р-н).

19а.
Из-за Питера, из-за города
Каменнöй Москва,
Да Мöсква государьöва,
Три пöлка сöлдат.
Солдаты в барабаны бьют не по-здешнему, по-старинному.

Солдатская служба

«Летка»
ФА СыктГУ. АФ 13216-27 (Фр.): Летский с/с, с. Гостиногорка, 2006 г.

20.
У тесовую кроватушке лёжала,
Соболино одеялышко дёржала,
Соболино одеялышко не гриёт,
Серцо жалобу да не радиёт.
Я вечор-то, блада, не сыпала, милому-то дружку я дожидала, белы маковичи я притопила, я во горниче во светличе ходила. Все лучинушку я присветила, три стеклянные шкапочки отворяла, кое больше стокан я выбирала, пополные сладки водки наливала, милому-то дружку я подарила: «Уж ты выпей, душа-радость молодчик. На меня, на красну девку, не ломайся. У меня, у красной девки, много дума, много думушка и много горе. Отдают да отеч-мати за детину, за детину, за которую не вижу. Не ему бы, дураку, обладати, не ему, шельма, прокосты снаряжати. Снаряжала бы стара прежнего дружочка, я которого в девичах любила, я которого красно целовала». Целовавши, колечко подарила. Возле грядушки конавушку копала, золотое-то колечко уронила, золотое-то колечко потеряла. Нелюбимая подружка приходила, не за то ли меня маменька бранила.

Ожидание молодца, свидание, угощение возлюбленного, девушку выдают замуж за немилого, девушка копает канаву, теряет кольцо, приходит нелюбимая подруга, мать бранит девушку

«Луза»
ФФ ИЯЛИ. А 1531-4: Спаспорубский с/с, д. Урнышевская, 1962 г.
ФА СыктГУ. АФ 13130-9 (= 13130-10): Спаспорубский с/с, с. Поруб (д. Красный Рай), 2002 г.
ФА СыктГУ. АФ 13131-1 (Фр.): Спаспорубский с/с, с. Поруб (д. Лобановская), 2002 г.

Вар.: Соб. II, №№ 275-279 (Архангельск., Пермск. губ.); V, № 654 (Вятск. губ.), № 655 (Вологодск. губ.). – ПП, № 12 («Как вечор-то тоска нам нападала»). – ПФМ, № 173. – Леонтьев 1979, № 150, 151. – Стародубцева 2001, № 46. – Бахтин 2004, № 46

(Вологодск. губ.), 173 (Архангельск. губ.). – ЛПУЦ, № 78 («Как вечор-то тоска нападала»).

21.
Вечор молодой
Всю ночь не сыпал,
Милый дружку ждал,
Кроватку ставлял,
Перинушку клал, стлал, пёдушечку клал, сама спать легла, руки на руке. Первёй на руке, на правёй руке, первёй сон сёснул – мой милова нет, другёй сон сёснул – сердечнова нет, третьёй сон соснул – мой милёй идьёт, скрипёчку несьёт, пёскрипывайёт, возыгрывайёт, на мосту-тё идьёт, сапёжки стучат, колечки бренчат. В избу не зайду, кётя в избу-тё зайду, Богу не молюсь, кётя Богу-тё молюсь, лавку не сяду, кётя лавёчку сяду, вперьёд не сяду, кётя вперьёд-тё сяду, стёкан не приму, кётя стёкан-тё приму, всю-тё не выпью, кётя всю выпью, пьяна не буду, кёть пьяна-тё буду, песню не скажу, кётя песенку скажу, плясать не пёйду, кёть плясати-тё пёйду, всю-тё не пляшу.

Ожидание, встреча

«Летка»
ФА СыктГУ. АФ 13001-13: Прокопьевский с/с, д. Кулига, 1979 г.
ФА СыктГУ. АФ 13002-6: Прокопьевский с/с, д. Вавиловка, 1980 г.
ФА СыктГУ. АФ 13005-1: Прокопьевский с/с, д. Кулига, 1979 г.
ФА СыктГУ. РФ 13-XII-70: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2000 г.
ФА СыктГУ. РФ 13-XIV-17: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2001 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1545-1 (= ФА СыктГУ. АФ 13262-9): с. Прокопьевка, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13363-33: с. Прокопьевка, 2010 г.

Вар.: Бахтин 2004, № 32. – ФА СыктГУ. 3004-5 (Коми-Пермяцкий АО) (первой сон заснула – петухи поют, другой сон – день бела заря, на этой зореньке мой милой идет, на ногах сапожки скрипливают).

22.
Стал-то я засыпати,
Горе забывати,
Горя пё забывати,
Да пришла ко мне радость,
Пришла радость дорогая, Сашенька милая. Взял Сашок за ручку, повёл во горницу, светлую светличу. Стал я угощати, чести принимати, налил вина чару, сам выпил пару.

Свидание

«Луза»
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а, № 65: Спаспорубский с/с, с. Поруб, 1960 г. ♪

Вар.: Соб. IV, № 725. – Кир. 1983, № 261.

23.
Ок, и не ёт радёсть,

Радöсь мой жö,
Сиз гöлубчик дöрöгöй,
Што ты сделал надо мной, жаль расстаться нам с тобой. От тебя бегу в тёмны леса, где угодные места, где зелёные луга, где шёлковая трава, где травонька выросла, где цветочек расцвела, тут мой миленький гулял. Красную девку сповидал, баскую девку целовал, разлапушкой называл: девушка, сизая голубушка, белая лебёдушка, не гневайся на меня. (СыктГУ. 1306-16: Вечор был я у тебя. Из-под калин мостичка мил сердешный спотонул, спотонул мой радостный, чёрная шляпа уплыла из-под матушки Волги. Как увидела красная девушка из высокого терема, из окошчато окна, дубöвöй ведро взяла, само по воду пошла, по крутенькому бережку, по желтенькому по песочика, почерпнула глубоко, размахнула широко). У кровати постоял, кроватушка тесовая, перинушка пуховая, подушенька шёлковая, одеяло плисовое. Приносил я штоп вина для доброво молодца, для ясного сокола.

Разлука – встреча

«Летка»
ФА СыктГУ. АФ 1306-16: Гурьевский с/с, д. Талица, 1978 г.
ФА СыктГУ. АФ 13003-7: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.

Вар.: Карельский край 1984, № 101. – Королькова 2010, № 37 (Тверск. обл.)

24.
Как на матушке на Невой реку,
На Невой реку
На Васильёвскöй, на Васильёвскöй травенöй мой,
Трове славнöй мой, трове
Смолодой матрус, мöлöдöй матрос караблей, ночки с карабле, сночки на море(й) спустит, на море спусти возле нас. Двери полотяной. Увидала же увидала же красным девицу из баклуйского, из баснуйского нова теремой.

Встреча молодца и девушки

«Луза»
ФФ ИЯЛИ. К 425-12: с. Объячево, 1989 г.

Вар.: Соб. V, №№ 725-727 (Тамбовск. у.). – ПП, № 21. – Забайкалье 1989, №№ 1, 22. – Выходцев 1990, № 537 .

25.
Ты не пой, сöлöвеюшка, да во да этöм во часöченьке,
Не давай тöски, назад дружка сердца да толькö моево,
Без тово моя сердеченька рöстöкнюшина.
Где же моя любезная да Олдотюшина. Сидела наша Олдотюшка ödна с терема, шила дай она ушивала милöму дружку платöк, дожидала себе сöкöла. Приезжал дружöк Олёшенька в пöлночь на коня, сöскачил дружöк Олёшенька сö доброва сö коня, заводил дружöк Олёшенька коня за собой, привьязал дружöк Олёшенька кö столбу, штöй это за столбаченька шестигрянноё, весь дубовоё, весь крашенную. Забегал дружöк Олёшенька на новую на крылеч, стукнул-брякнул Ольöшенька во серебряный колеч, штöй за это за серебряннöй пöдзöлöчаннöй. «Ты не бойсь, мояй Олдотюшка, я твöй гöсть пришёл, я

твöй милöй, дöрöгöй». – «Ты зачем, Олёшенька, вечор в гöсти не пришёл?». – «Велик было, не досуг. Сö свöей-тö скудöй женöй журья-браночка была. Журилай она, пöбранила доброва меня мölöдца. Малую свестеньку замуж выдала, баскую тьöщеньку гöсти снаряжал, богатого шурина в Мöскву-Питер провожал».

Девушка ожидает молодца, их встреча, диалог возлюбленных

«Летка»
ФА СыктГУ. АФ 13001-1, 1а: Прокопьевский с/с, д. Вавиловка, 1980 г.
ФА СыктГУ. АФ 1304-2: с. Мутница, 1978 г.

Вар.: Соб. III, № 501 (Вологодск. губ.). – ПП, № 28. – Марковский песенник, № 27 (С. 169). **–** ФА СыктГУ. АФ 3004-5 (Коми-Пермяцкий АО).

26.
Как вечоры жö пöдруженька милова,
Увидала, ой, во глаза(й).
Во глаза,
Увидала дружка любезнова, да,
Унимала дружка нöчевать, дружка нöчевати. Ты нöчуй, нöчуй миленькöй, нöчуй нöчка толькöй у меня(й). Я ранёшенька и встанусь. Боюсь дö свету рöдным прöспать, сö рöдным прöспать. До (й)утраннöйö зарьюшка околицей дружка провожой. Провожу ее, околицей провожала, нешироköй речка глубока, нешироköй и глубистöй, каменистая речка быстра, я речка быстрой. Камениста речушка быстра, бережками толькö крутыйö, ище бережкам все крутые, все гöрами толькö высоко, все горами, все высоко, все лугами толькö зелёна, все гöрами зелёные, все травами толькö шöлкöвöй, на им нету толькö перевоз. Перевозщик мölöденькöй, неженатöй парень кölöстöй, неженатöй парень вот женатöй, кудреватенькöй, делевöй, баскöй, кудривастенькöй да баскенькöй. Тут мой миленькöй вернö гулял, красную девку толькö спрöвидал, баскую девку толькö целöвал, рöзлапушкöй называл, рöзлапушка-девушка жö, сизая толькö гölубушка(й), белая толькö лебёдушка.

Свидание, разлука, встреча

«Летка»
ФА СыктГУ. РФ 13-III-12: Летский с/с. д. Мороковская, 1979 г.
ФА СыктГУ. РФ 13-III-8 (Фр.): Летский с/с., д. Гостиногорка, 1979 г.
ФА СыктГУ. АФ 13003-3: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.

Вар.: Соб. IV, №№ 466-471 (Томск., Архангельск., Вологодск., Новгородск., Олонецк., Воронежск. губ.). – ПП, №№ 42, 49. – ПФМ, № 75. – ТФНО, № 44. – Вологодская область 1981, № 6. – Кир. 1983, №№ 267, 363. – УП II, № 5. – Кир. 1986, № 75 (вторая часть). – Заонежье 1987, № 24. – ЛПУЦ, № 46. – Королькова 2010, № 8 (Новгородск. обл.), № 78 (Вологодск. обл.), № 78 (Вологодск. обл.).

27.
На заре-то было да всё на зорюшке,
На восток-то живет да красно солнышко,
Не ясён-то сокол да со гнезды слетел,
Со гнезды слетел дай добрый молодец,

Доброй молодец из гости-то прошёл, с милым прощается: «Ты прощай-ко, прости, моя милая, и еще раз распрощай, моя любезная». Я сижу у вас да я гляжу на вас, расцелую вас. Целовал бы дружка да слово молвила, речь говорила: «Ты постой-ко, дружок, я скожу на лужок, сорву цветок, совью венок милому дружку на русы кудри. Ты носи-ко, милой, не покидывай, люби девушку да не обманывай».

Отъезд молодца, прощание с милой, свивание венка

«Луза»
ФА СыктГУ. АФ 13121-37 (= 13121-47, 13130-3, 5): Спаспорубский с/с, с. Поруб (д. Красный Рай), 2002 г.

Вар.: Зырянов 1962, № 37. – ПП, № 41 («Я куды-то с горя, бедна, деваюся»). – ПФМ, № 62. – УП I, № 37 («Мне куда жо с горя да мне-то дёватисе»). – ФРУ, № 179. – Томское Приобье 1986, № 11. – Забайкалье 1989, №№ 54, 65. – Выходцев 1990, № 256 (Томск. губ.), № 402 (Кировск. обл., Слободск. р-н). – Бахтин 2004, № 57 (Ленинградск. обл.), № 62 (Новгородск. губ.). – ТФВРАО, № 6. – ЛПУЦ, № 58 («Я куда-то ле с горя сподеваюсе»). – Марковский песенник, № 28 (С. 170). – ФА СыктГУ. РФ 12-IX-27 (Усть-Куломский р-н).

28.
Саду жить невесело
Да любить некого.
Сполюбил парень девочки
На три год годничкой,
На четвертый год роставатися стал. Чтой полынюша наша, полынь горькая, занялась штё полынь саду местечко, где бы родной места дом, где изюм цветет, чёрношлива цветёт, сладкие ягоды. Тут шёл ли, прошел доброй молодец, за собой коня ведет. Коня вороные, ножки новенькая, кованыё, телега крашеные, дуга устюжская.

Молодец полюбил девушку и покинул; полынь в саду; описание сада; молодец ведет коня

«Луза»
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 186: с. Занулье, 1963 г. ♪

Вар.: Соб. III, № 339 (Вятск. губ.); V, № 165 (Вологодск. губ.). – ПП, № 350. – ПФМ, № 92. – Выходцев 1990, № 410 (Тверск. губ.).

29.
Выпила-то я вино с перчом,
Роспечальное моё сердчо,
Роспечальное моё ретивое
Да всё занывает,
Заныёт-то мое сердечко, тоске предавает, отдает тоски мою кручину да к ретивому сердчу. От ретивого-то сердечка нажила дружочка, дружка Иванушка. До меня-то дружок ласков, как соколик ясной. Высоко сокол летает, всё меня пытает, всё разлуку чует. Во разлуке мой миленькой в город уезжает, оставляет с горя. Со тоски, горя да кручины, как караблик пучине. Как караблик воду бьются, из глаз слезы льются. Льются да катятся, на час не доймутся. На час, на часочек, во денёчек.

Разлука с молодцем, печаль девушки

«Луза»
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а, № 72: Спаспорубский с/с, с. Поруб, 1960 г. ♪

Вар.: Соб. V, №№ 548, 557 (Архангельск. губ.), 549 (Воронежск. у.), 582 (Пермск. губ.), 476 (Вологодск. губ.). – Кир. 1977, № 146. – Выходцев 1990, № 321 (Вологодск. губ., Вологодск. у.), № 401 (Кировск. обл.).

30.
Запевай-ко, моя любезна,
Я которой да сполучше.
Лучше да ты живий-ко,
Моя любезная,
Живи не да печалься, печалься да тоским-печаль, милый, не сдавайся, сама не да скушайся. Дунет ветер («ветре») с родимой сторонке. Были все дорожки, кто ко мне долетаёт. Не летай-ко, ясненькой сокольчик, занедужка дай сведёт да мил на гнедышкой садился. Ночку не ночует, ночуёт дай одну и ноченьку, всю ночь прогорюёт. Про горёнкой кодит, в окошечко смотрит, когда свету россветаёт. Белой день да настанет, милого да не будёт. Мы построим нову кроватушку из бесчестных древа, из горьки осины. Вершиночки стали подсыпати, девки погибати.

«Луза»
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 187, с. Занулье, 1963 г. ♪

30а.
Напевай, кому я любезная,
Который да получшима,
Лучше да ты же веко,
Моя любезной,
По вине да печалься, тоски, печаль милой не сдавайся, сама не скрушайся. Не во доле да вольными, при с родимой да сторонке, был я да со широким, сокол не да летает, ясненькой соколик. На гнездышко садёт, милой садится, ночку не доночуёт, всю ночь протоскует, прогорюет. По горенке ходит, свету дожидает, не скоро ли свету да рассветает («росьсветают»). Бело день да настанет, хоша белой день да настанет, милого да не будёт. Тысечи да сробит сроботушки. Избесчастной был я да деревенской, из самова да жинке. Ночи каждой стал я подсыхати, Маша погибати. Хошь спокинёшь, милой, заспокинёшь, вспомнёшь меня.

«Луза»
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а, № 65а: Спаспорубский с/с, с. Поруб, 1960 г. ♪

Разлука, встреча, отъезд молодца

Вар.: Соб. I, №№ 449, 450 («кровать моя, кровать тесаная, из безсчастна древа»); IV, № 334 (Терск. обл.), V, №№ 498 (Курск. губ.), 628. – Зырянов 1962, № 40 (Пермь). – ПП, № 38. – Леонтьев 1979, № 177. – Томское Приобье 1986, № 11. – Забайкалье 1989, № 84. – Выходцев 1990, № 330 (Сольвычегодск. у.). – ТФВРАО, № 27. – ВФ, № 682. –

ЛПУЦ, №№ 18, 19, 27, 28. – ФА СыктГУ. АФ 3002-33 (Коми-Пермяцкий АО) (кровать нова тесовая, перинушка пуховая).

31.
Сизенькӧй голубчик
Сидел милый на скудрявай,
Ӧчи ёво ясны,
Ӧченька да ёво ясна.
Бровинька да ёво чёрина, личенька беленька, щёчки румяненька, прилетела пава, серы зарыпала. Чово, милой, работайӧшь, ко двору гуляешь, конюшку имаешь. Кони наши вӧрӧные, узреньки зрӧчаны, поводы шӧлкӧвӧй, сиделка шитавай. Шила-ушивала да милӧму рубашки, зӧлӧтнӧй узоры. Плакала-рыдала, сльӧзы уливала, платким утирала, белой пӧлӧтенцем. (СыктГУ. 13003-4: Другыд жӧ шӧртӧвӧй, пӧдруга шӧлкӧвӧй, сводник мишурӧвӧй, аддзысь дӧстальӧвӧй, видзись сунисовӧй); (ФФ ИЯЛИ. В 1545-3: Ружьем заряжала, Машу замечала. Где Машенька был и я, во ключе стояла, водичу черпала, коням пить давала. Конь водичу не пьёт, копотичкӧм гребйӧт, путь-дорожку чуйӧт, где милой ночуйӧт: поле на полене, под белой берьёзой, под самой вершиной, вершинушка низко, мой миленькӧй близко).
(СыктГУ. 13217-32: Сизенький голубчик сидел на дубочке. Прилетела к нему пава, с горья зарыдала: «Где ты, милый, ходишь, где ты, милый, по ночами бродишь? Дома не бываешь, конюшек-воронушек имаешь, на них девушек катаешь, а меня забываешь»).

Разлука

«Луза», «Летка»
НМ РК. КП 12484 / 1-19. Л. 238: с. Объячево, 1935 г.
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 283: Объячевский с/с, д. Керос, 1963 г. ♪
ФФ ИЯЛИ. Х 149-17: с. Летка, 1976 г.
НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 209а, №№ 66, 67: с. Летка, 1976 г.
ФА СыктГУ. АФ 1330-30: с. Черныш, 1996 г.
ФА СыктГУ. АФ 1331-18а: с. Черныш, 1996 г.
ФА СыктГУ. АФ 1338-9: с. Летка,1998 г.
ФА СыктГУ. АФ 13003-4: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.
ФА СыктГУ. АФ 13103-21 (Фр.), 25, 37: с. Объячево, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 1398-24: с. Слудка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 13217-32: Летский с/с, д. Выставка, 2006 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1542-9, 1545-3 (= ФА СыктГУ. АФ 13261-22, 13262-12): с. Прокопьевка, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13298-20: Летский с/с, д. Выставка, 2007 г.

Вар.: Соб. V, №№ 610-616 (Вятск., Пермск., Тамбовск., Казанск., Новгородск. губ., Терск., Кубанск. обл.). – ПП, № 27. – ЛПУЦ, № 108 (зачин «Сизенькой голубчик сидел на дубочку»). – Фольклор старообрядцев Литвы, № 117. – ФА СыктГУ. АФ 1006-9, 79, 1007-44 (Усть-Вымский р-н РК); ФФ ИЯЛИ. А 0671-11 (Усть-Вымский р-н РК).

32.
Отлетайӧт мой да сӧкӧличӧк
Жить во дальнӧй толькӧ да гӧрӧда.
Жить во дальнӧй дай незнакомой,
Славнӧй гӧрӧд толькӧ дай Питенбург.

Я не малö сльöзы ронила по тебе, гölубчик мой. Кöть немножкö с тöбой поживём («пöживьйöм»). Кöть и маленечкö, öдин кругленькöй гöдöк. Соседи люди знают, не сöветуют дружка любить, велят брöсить, вöвсе пöзабыть. Дай уж тögда тебя, друг, забуду, когда скрöются мои глаза, призакрöются дай очи ясные со травöю толькö муравöй. Гörьюч камень толькö пölöжу, присягайöт толькö скорöй смерть.

Отъезд молодца, печаль девушки

«Летка»
ФА СыктГУ. АФ 13004-31: Прокопьевский с/с, д. Кулига, 1980 г.

Вар.: Соб. V, № 518-529 (Пермск., Владимирск., Ярославск., Архангельск., Олонецк., Воронежск. губ., Москва). – Пинежье 1937, № 11. – ПП, № 333. – ПФМ, № 24. – Карельское Поморье 1971, №№ 24, 56. – Браз 1977, № 12. – Вологодская область 1981, № 14. – Кир. 1983, №№ 342, 556. – Кир. 1986, № 438. – Заонежье 1987, №№ 28, 28а, 29. – ЛПУЦ, № 109. – Ефименкова 2012, № 51 (Вологодск. обл.).

33.
Я спойду с гörья, чтö я спöйду с гörья,
Я спöйду с гörья да в зелёный толькö луга,
Зелёный луга, пö зелёный луга, зелёный, толькö луга,
Да выросла, росла, трава,
Росла травенькой, розарнисöвöй, роза свежöя на гölöвьюшка. Шалевöй платök, лисарьёв цветок, сарьёвскöй лавка, сарьёвскöй купеч, сарьёвскöй шынель, сарьёвскöй шапка.

Девушка идет с горя в лес

«Луза»
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а, № 37 (Фр.): с. Объячево, 1960 г. ♪
ФА СыктГУ. АФ 1331-23: с. Черныш, 1996 г.
ФА СыктГУ. АФ 13163-17: с. Черныш, 2002 г.

Вар.: Соб. I, № 320 (Олонецк. губ.); V, 457 (Вологодск. губ.). – УП I, № 37. – Выходцев 1990, №№ 256 (Томск. губ.), 308 (Смоленск. губ.), 400 (Кировск. обл., г. Котельнич). – ТФВРАО, № 20 (с. 87). – ЛПУЦ, № 58.

34.
Чернoброва, черноглаза,
Мой-от миленькой да расхорошой,
Не сердце да зажалась,
Не начала да горевати,
Без милого-то не тужити. Прожил лето я, прошатался ровно три-те года да с годочка, ровно три-те часа ко часочка. Пойду с горя в тёмные леса. Тёмном лесе да мила дружка. Только есть-то в лесу да рябинка, рябинушка миловата. Мой-от милой да кудряватой. Стой, рябинка, не шатайся, живи, Маша, да не печалься. Когда, Маша, скучно будет, напиши-ка, Маша, да письма. Я писать-то не умею, писарям-то, поварам не верю, отца-матери боюся, добрых-то людей стыжуся.

Тоска девушки в разлуке с молодцем, девушка идет с горя в лес, обращение к рябинке, диалог молодца и девушки

«Луза»
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а, № 60 (Фр.), № 71: Спаспорубский с/с, с. Поруб, 1960 г. ♪
ФА СыктГУ. АФ 13121-30 (= 13121-32, 33, 13130-1): Спаспорубский с/с, с. Поруб (д. Красный Рай), 2002 г.

Вар.: Соб. I, № 320 (Олонец. губ.); V, №№ 457 (Вологодск. губ.), 549 (Воронежск. у.), 553 (Вологодск. губ.), 555 (Воронежск. губ.), 556 (Вологодск. губ.), 558 (Олонецк. губ.). – ПФМ, № 18. – Леонтьев 1979, №№ 177, 178. – УП I, № 37. – Томское Приобье 1986, № 23. – Выходцев 1990, №№ 256, 289 (Тульск. губ.), 308, 400. – Бахтин 2004, № 57 (Ленинградск. обл.).

35.
Полюбил парень девоньке да водил, рёсскажика.
Пё... эка, да этот любил сам пёкинулы,
На штё пёкидаешь.
Разьве чёво знайёшь, замечайёшь,
Во путю толькё дай рёешь, штой за этова горе, пойду чисто поле, во рёздоле, шыроким толькё рёздоле. Стояла толькё калинка, пёвезу эту калинку, срублю не толькё дай с вершинко. Гёсти не приеду, гёсти буду спрёбёвае, життьё толькё спрёвидайёшь, каковой у тяба житьишко, куденькой толькё домишико, маленькёй толькё избушика, низенькёй толькё дай окошэка, маленькёй толькё мальчишико.

Молодец покинул девушку; девушка идет в поле, срубает калину; корение неустроенного жилья

«Летка»
ФА СыктГУ. АФ 13002-1: Прокопьевский с/с, д. Вавиловка, 1980 г.

36.
Сохнет, векнет в поле травка,
В поле травка да без дожжа,
Часты дожжи не споможе,
Со востока да ветерок.
Долго ждаться, не ожидаться дружка верного себе. Было времечко прекрасно, когда мил меня любил. Нынче всё-то переменилось, мил другую сполюбил, меня девушку безчасну одним духом наградил. Сколько дух-то я отсылалась, не единой не дошел, сколько слез я пролила – мил не верил во слёзах. Деревенская наша гражданка («рожданка») не в городе она жила, городской манер она не знала, пошла в зелен сад гулять. Ничего не было в саду слышно, кроме пташки («тычки») в саду соловья. Одной пташке («птачке») пары нету, как сироточка одна. Бедная была сиротка без милово дружка. Не нашла себе она себе парочка, павличу (Павличу?) своего.

Разлука

«Луза»
ФФ ИЯЛИ. А 1531-2: Спаспорубский с/с, д. Урнышевская, 1962 г.

НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 155 (Фр.): с. Занулье, 1963 г. ♪
ФА СыктГУ. АФ 13130-23: Спаспорубский с/с, с. Поруб (д. Лобановская), 2002 г.

Вар.: Соб. V, № 62 (Вологодск. губ.), 64, 325 (Олонецк. губ.). – ПП, №№ 25, 73. – ПФМ, № 90. – Браз 1977, № 13. – Леонтьев 1979, № 186. – УП I, № 39. – Бахтин 2004, № 90. – ПЛО 2005, № 15. – ЛФ 2008, № 207. – ЛПУЦ, №№ 38, 39. – Королькова 2010, № 51 (Вологодск. обл.). – ФА СыктГУ. АФ 1008-7 (Усть-Вымский р-н).

37.
Сöловей мой да толькö мöлöдöй,
Не пой грöмко во саду.
Не пой громкö, не пой звöнка
Для любезнöй свöево.
Еще где моя любезна «ödölила» от меня, отлетела за четыре ровно ста, за четыре с половинкой за «мötушки» за Москве. Из Москве мальчишко ходит, гуляет, извощичек нанимал, извощичек не нашёл, сам заплакал, сам пошёл, со товарищем зашёл. «Ты, товарищ, дружок мой, стой, пöбаем мы с тобой, пö пакурим, нам ково будьöм пöслать. Если старова пöслати, стар не дöйдёт до двöрот, если малова послати, мал не знает, штö сказать, если рöвнюшку пöслати, рöвня сам шельма такай: не отворит ворота, не прöпустит мöлöдца». Прöсиделся, прöгледелся на её белö лицö, щёчки – аленькöй цветöк. Алöй цвет принимала, лицьö спödлицö, купил водочку-винца, пöлуштопица пивца, öднарумушнöй румка.

Отъезд возлюбленной; размышления о том, кого отправить к любимой: старого, малого, ровню

«Летка»
ФА СыктГУ. АФ 1306-8: Гурьевский с/с, д. Талица, 1978 г.
ФА СыктГУ. АФ 13001-2: Прокопьевский с/с, д. Вавиловка, 1980 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-64: с. Прокопьевка, 1995 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-21: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-61: с. Прокопьевка, 1998 г.
ФА СыктГУ. АФ 1338-8: с. Летка, 1998 г.
ФА СыктГУ. АФ 1361-22, 23 (Фр.), 1363-6: с. Прокопьевка, 2001 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1508-10: с. Прокопьевка, 2003 г.
ФА СыктГУ. АФ 13199-25: с. Прокопьевка, 2005 г.
ФА СыктГУ. АФ 13236-4, 13244-3: с. Прокопьевка, 2006 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1544-4 (= ФА СыктГУ. АФ 13262-4): с. Прокопьевка, 2006 г.

Вар.: Соб. IV, № 291 (Владимирск. губ.), 676, 678 (Ярославск. губ.), 678 (Вологодск. губ.), 679 (Пермск. губ.), 680, 681 (Вологодск. губ.), 682 (Орловск. губ.), 683; V, №101 (Вятск. губ.), 659. – Пинежье 1937, № 144. – Лопатин, Прокунин 1956. С. 147-148. – Зырянов 1962, № 43. – ПП, № 63. – ПФМ, № 29. – Карельское Поморье 1971, № 35. – Леонтьев 1979, № 188. – Прикамье 1982, № 120. – Кир. 1983, №№ 320, 525. – Кир. 1986, № 215; № 409. – Бахтин 2004, № 99. – ЛПУЦ, № 56. – Ефименкова 2012, № 21 (Смоленск. обл.). – ФА СыктГУ. АФ 1006-86 (Усть-Вымский р-н) («нагляделся, насмотрелся на ее же красотой, на ее бело лицо»).

38.
Горе-горькая кокушка с-по заре рано летала,

Всю летала, горевала, своего дружка искала.
Нашла дружка ненадолго, мало время, на часочек,
Со часочек во зелён садочик.
Сад зелёной, виноградой. Девки просят, они гулели, с ног башмачки истоптали, с головы платки стеряли. Мне не жаль платки еловой, только жаль дружка милого. Пойду с горя на крылечко, стукну-брякну во колечко, отворю я в окошечко, погляжу я сверх по речке, не сплывёт да сверху лодка, лодка небольшая, лодка неспростая, лодка со сгребчами, лодка с молодцами. Два молодцы удалыё, чёрные шляпы, на шляпе той алые ленты, на ленте-то пряжки золотыё.

Девушка в ожидании милого

«Луза»
ФА СыктГУ. АФ 13121-35 (= 13121-36, 13130-2): Спаспорубский с/с, с. Поруб (д. Красный Рай), 2002 г.

Вар.: Соб. IV, № 551 («Вниз по матушке по Волге»), V, № 165. – Лопатин, Прокунин 1956. С. 158 («Вниз по матушке по Волге»). – Зырянов 1962, № 38 («Пришла Машенька с гулянья). – ПФМ, № 27 («Есть у Ванюши вот подружка горемычная кокушка»), № 28 («Горемычная кокушка, ох, и ты утренння моя да ранна покликуша»). – ФА СыктГУ. 14-II-11 (Княжпогостский р-н РК) («Потозорила на лето»).

39.
Уж ты мати, моя мать,
Мать разлучница моя,
Разлучила, розвела со милым дружком меня.
Мне-ка делайте гробнич из осиновых досок,
Шестаковские садок. Скороните меня, бладу, где мой миленькой живет, где мой миленькой гулял, муравы травы стоптал, крест серебряной нашел, буквы подзолочены. Сидит воробеюшко, долгих песенок поёт.

Мать-разлучница; просьба девушки схоронить ее в том месте, где живет возлюбленный

«Луза»
ФА СыктГУ. АФ 13130-11: Спаспорубский с/с, с. Поруб (д. Красный Рай), 2002 г.

Вар.: Томское Приобье 1986, № 23. – ФА СыктГУ. АФ 0403-5 (Вилегодский р-н Архангельск. обл., «Не вздыхай-ко, душа Маша»).

40.
Рано росцвела,
Росцвела-тӧ поля да во садӧчека,
Желтой цвет, цветной залӧмал.
Залӧмал-тӧ ломал да черьёмушка,
Кӧлӧст парень не жӧнат. Вот поил-тӧ, кӧрмил да сударь-батюшку для себя, не досталася да краснӧй девушка рӧдной братцы моево. Светёл месец, изобровушка шумит, частӧй мелким дождь пошёл, быстра речушка бежал. Через речушка да через быстрая калин мостичек льӧжал. Из-пӧд калин было из-пӧд мостичёк старӧпреж бояр да сидят. «Старӧпрежная, моя любезная, рӧспрӧстесь, душа, сӧ мной». – «Ещӧ рад да я

с тобой прöстилася – доброй кони не стоят. Доброй конюшки да три ворöные, ямщички мöлöдые, все были кöлöстые». – «Кöть бы рученькöй макнул, кöть бы глазöнькöй мигнулась».

Нежеланное замужество, диалог разлученных влюбленных
«Летка»
НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 209а , № 68: с. Летка, 1976 г. ♪
ФА СыктГУ. АФ 1305-17: с. Мутница, 1978 г.
ФА СыктГУ. АФ 13002-7: Прокопьевский с/с, д. Вавиловка, 1980 г.
ФА СыктГУ. АФ 1325-17: с. Прокопьевка, 1991 г.
ФА СыктГУ. АФ 1363-5: с. Прокопьевка, 2001 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1542-5, 1545-2 (= ФА СыктГУ. АФ 13261-9, 13262-11): с. Прокопьевка, 2006 г.

Вар.: Соб. III, № 19 (Воронежск. у.), № 21 (Терск. обл.), № 26 (Казанск. губ.); V, № 656-662 (Вологодск., Тамбовск., Вологодск., Курск., Архангельск. губ.). – Пинежье 1937, № 157. – ПП, №№ 28, 173. – Карельское Поморье 1971, № 19. – ТФНО, № 50. – УП I, № 28 («Ломал мальцик церёмушку»). – Кир. 1983, № 73 («Во поле-то грушица раным-рано расцвела»), № 170 («У батюшки, у матушки зелен сад растет»), № 290 («Сильно, сильно черемушка, сильно расцвела»). – УП II, №№ 39, 55 («Недозрелая да калинушка»). – Карельский край 1984, № 74 («Прощай, прощай, да весь белый свет»), № 100 («Куда я, девушка, ни пойду»; вторая часть). – Кир. 1986, № 304 («Не пой, не пой, соловушка»), № 377. – Заонежье 1987, № 15 («У меня как было у младёшенькой»; вторая часть). – ТФВРАО, № 1 (с. 53-54) («Чёрная черёмушка»), № 12 (с. 58) («Недозрелая да калинушка»). – Ефименкова 2012, № 15 («Я рыл, копал черёмушку во тёмном лесу») (Смоленск. обл.).

41.
В чистом поле, при долине
Стоял высок терем.
И в том ли поле, в теремочке
Мы сидели и думушку подумали:
Тебе, мой друг, не жениться, мне, девке, замуж не идти. И через часу я, девонька, передумалась назад. Женись, друг любезный, я замуж, девка, пошла. И в чистом поле, при долине стоял в зеленом саду новый высок терем. В том же новом теремочке красны девушки сидят, разговоры сговорят, сами песенку споют, не моего ли любезнаго замуж и сговаривают? Знашь-то мою любезную замуж сговаривают? Видно, мою любезную присватывают? Прощай, моя любезная! Как мы простимся с тобой? Как мы простимся: меня покрытой ведут! Жених держит за рученьку, а сваха держит за другую! – Прощай, моя любезная, как мы простимся с тобой? – Как же мы простимся: жених не велит! – Прощай, моя любезная, как мы простимся с тобой? Как же простимся: к венцу меня ведут! Прощай, моя любезная, как мы простимся с тобой!

Нежеланное замужество, диалог разлученных влюбленных

«Летка»
ГАКО Ф. 170. Оп. 1. Д. 130. Л. 46-47: с. Летка, 1850 г.

Вар.: Соб. V, №№ 667-674 (Терск. обл., Томск. губ.). – Лопатин, Прокунин 1956. С. 144-147 («Вспомни, моя любезная»).

42.
Ково вернö люблю, нет здеся, (й)ок и,
Ково ненавижу – завсегда в глазай.
Зöвсегдай в глазай, ок и,
Во глаза, глаза да во ясный öчах,
Во ясный öчасынька, во крайный вö двöр, во крайны во двöришко. «Домнушка-душа, дома ли ты, Домнушка, отпирь воротай, отперьяй воротушка, встричай мölöдца». – «Мölöдеч ты, мölöдеч, не времья пришёл, не часьйö твöёй, злöчасьйö моё». По горенкам («гурьёнкам») пökажу, гölöвку чашу, рöсчасала гölöвку, сам кöсу плету. Русы кöсы заплету, ленту налöжу(й). Алую-ту лентöчку ктö тебе купил? – Батюшко купил, милöй пödарил, два гöда носил, три гöда любил, безötходян был, безприказан жил, трöпинку тропил, дорожку твöрил.

Несчастное замужество, встреча с милым, диалог о ленте

«Летка»
РГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 41, № 4: с. Слудка, 1882 г.
ФФ ИЯЛИ. Х 149-20: с. Летка, 1976 г.
НА Коми НЦ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 209а, № 14 (Фр.): с. Летка, 1976 г.
ФА СыктГУ. АФ 1305-16: с. Мутница, 1978 г.
ФА СыктГУ. РФ 13-lll-8: с. Летский с/с, с. Гостиногорка, 1979 г.
ФА СыктГУ. АФ 13001-5: Прокопьевский с/с, д. Кулига, 1980 г.
ФА СыктГУ. АФ 13003-11: Ухтинский р-н, п. Водный, 1980 г. (продолжение **13004-1**)
ФА СыктГУ. АФ 13202-48: с. Летка, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13230-14, 15: с. Слудка, 2006 г.

Вар.: Соб. V, № 112 (Кубанск. обл.), № 113 (Вятск. губ.), № 115 (Архангельск. губ.). – ПП, № 14. – ТФНО, № 33. – Томское Приобье 1986, №№ 21, 22. – Королькова 2010, № 38 (Тверск. обл.), № 50 (Ленинградск. обл.). – ФА СыктГУ. АФ 0904-36 (Удорский р-н) («Кава нету – тово жаль»); 25176-34 (Ижемский р-н) («Кого на свете люблю, того не вижу, // Кого ненавижу – торчит на глазах»).

43.
Дунька думала при мней, ох да,
Она думала, гадала го да прö свöйö худа життьö.
Öли, ну житьтьöй, ох да,
Не пö сöвеснö женится, не кöрыстнö жöнку взять,
Не кöрыстлö, не промысла, я не буду с нею жать, я не буду с ней пöжыти год, буду я девушек любить. От красных девок я стануся год, мölöдушök любить стал. От мölöдушök öстануся год, тосковать я больнö стал. Töсковала она, гöревала, пö гурьёнкам пöхажу, мил пö горьёнкам кажу да вот кажу, гölöвушку рöсчашу. Рöсчасала да свöи кудри, гладкие вölöсы глажу. Пригладила гладкие вölöсы, русые кöсы заплету, заплетела свои кудри, алую ленту налöжу. Наложила алую лентöчку, пögляжу я, пöсижу.(ФА СыктГУ. 1306-15: … на лавочку посижу, в окошечку погляжу, поглядела мил окошечку, на быстру реку. Через речка, через быстра калин мостичек лежит).

Несчастное замужество, измена, тоска девушки

«Летка»

ФА СыктГУ. АФ 1306-15: Гурьевский с/с, д. Талица, 1978 г.
ФА СыктГУ. РФ 13-III-6 (Фр.): Летский с/с, д. Крутотыло, 1979 г.
ФА СыктГУ. АФ 13002-5: Прокопьевский с/с, д. Вавиловка, 1980 г.

Вар.: Соб. III, №№ 438-443, 513 (Архангельск., Олонецк., С-Петербургск., Пермск., Томск., Воронежск., Саратовск. губ.). – Кир. 1983, № 530 («Уж и нет на свете таво хуже»), № 557. – Кир. 1986, № 99 (первая часть).

44.
Черёмушка в саду вы...
Черёмушка в саду высь... да,
Из том саде вырӧсла(й).
Во зелёнӧм рӧсцвела,
Крутобелова зарья, дӧ краснова солнушка, все краснова солнушка, стояла рябинушка, рябинушка бравонька, сам белой да кудравенькӧй, пӧсылает сӧбирать, пӧспевала сӧбирать, не с кем ягӧд собирать. Мати сына рӧдила, гӧлӧвушку гладила, на кӧленьку садила, как же ему имя дать, Иванушкой назвала. Жӧнись, жӧнись, Ванюша, бери, возьми Аннушка, у нас Анна хороша, больнӧ личӧм-тӧ красна, больнӧ глазӧм-тӧ востра, больнӧ жӧ стать милая, походка как милая, работать-тӧ удала.

Мать заставляет сына жениться

«Летка»
ФА СыктГУ. АФ 13002-9: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.

Вар.: ТФВРАО, № 1 (с. 53) («Чёрная черёмушка да не во времё росцвела», мати сына родила).

45.
Шёл, прошёл детинушка,
Заломал калинушка,
Кидал во долинушка.
Сам пошёл беседушка, в беседушку тайную-претайную, любушку дӧсадную. Хочёт Ваню жӧнити. Жӧниться не кочется, серцо не своротится, не зима, не ӧсеня, середи-то теплова времья сенокоснова Маша сенӧ кӧсила, косу с гӧрья брӧсила. Коса изломалася, сарги розливалася, ноженьки пӧрезала, матери пӧжалвала. Ищи себе рӧвнюшку, рӧвнюшу хорошую, писаря Медянскова, село Верходвӧрская, правление Верховьская.

Молодец «заломал калинушку», девушка на сенокосе

«Летка»
ФА СыктГУ АФ 13002-10: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.

Вар.: Выходцев 1990, № 275 (Сибирь). – ТФВРАО, № 15. – Королькова 2010, № 57 (Вологодск. обл.), № 58 (Ленинградск. обл.).

46.
Долина-долинушка да рӧздолинушко,
Рӧздолинушко стоя,
Да греет красная солнушка.

Да зима не по-летнему. Да любит мальчик девушка, любит, уговаривал. На слóва тóлько велят. Ково сполюбил друга <…>. Да лучше дружка дальнова любить, дальнова, кóлостова. Да хóлостого женица. Жена его сердится, ругается, курва-блядём называется.

Молодец уговаривает девушку; размышление о том, что лучше любить дружка «дальнего холостого»; жена сердится-ругается; корение жены возлюбленного

«Летка»
ФФ ИЯЛИ. В 1544-2 (= ФА СыктГУ. АФ 13262-2): с. Прокопьевка, 2006 г.

Вар.: Соб. IV, №№ 5, 6 («Долина, долинушка, раздолье широкое») (Калужск. губ.), № 7 («Светит-греет солнышко зимой не по-летнему») (Тверск. губ.). – Королькова 2010, № 79 (Вологодск. обл.).

47.
Сидела Катюшенька поздно вечером одна,
Она думу думала.
Сватался из Ростова капитан:
Есть у нас, у молодца, сорок тысяч корабель. Родитель мой батюшка, я за этого не пойду. Что эти кораблюшки по синю морю плывут. Родная моя матушка, не давай за этого. Сватался на Катеньке из Питера дворянин. Есь у нас, у молодца, широкий степ, богатый степ, растёт шелковая трава. Не трава у вас растет, там волосы растут, там крестьянская голова. Родитель мой батюшко, не давай за ево. Родная моя матушка, не давай за ево. Сватался на Катеньке из Москвы музыкант. Есь у нас, у молодца, только скрипка да гудóк. Родитель мой батюшко, я за этого пойду: пьяная – не пьяная, завсегда я весела, сытая – не сытая, завсегда плясать буду. Родная моя матушка, отдай за яво, я всегда буду весела.

Сватовство к Катюшеньке капитана, дворянина, музыканта; выбор девушкой музыканта

«Летка»
ФФ ИЯЛИ. Х 149-126: с. Летка, 1976 г.
НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 209а, № 126: с. Летка, 1976 г. ♪

Вар.: Соб. VII, №№ 60-67. – Пинежье 1937, № 14. – ПП, № 9. – ПФМ, № 34. – ЛПУЦ, № 84. – ФА СыктГУ. РФ 14-I-29, 14-II-82 (Княжпогостский р-н РК), АФ 2544-38, 25181-23, 25195-14 (Ижемский р-н РК).

48.
Все / Везде были цветки,
Весёлые вечерки,
Да ой-ой-ой темной.
Свёкор-батюшка заставила:
Тёмной / гумной ночи сиди дай. Тёмной / гумной ночи села / чистила, лопатушку сломала, сторонушку бросила, сама к милёночке пошла. (НА Коми НЦ Ф.1. Оп.11. Д.211а, № 42: … свекор-батюшко заставил со мной утешать. Он мой утешала, что постылой, думала. Гой-гой-гой, темной).

Наказ свекра, сломанная лопата

«Луза»
НА Коми НЦ Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а, № 42: с. Ношуль, 1960 г. ♪
ФА СыктГУ. АФ 13172-12, 13193-39: с. Ношуль, 2004 г.

Вар.: Руднева 1977, № 13 (Кировск. обл.).

49.
Лучина-лучинушка, неясно горишь,
Разве ты, лучинушка,
Печке не была?
Лютая свекровушка водой залила.

Свекровь залила лучину

«Луза»
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 194 (Фр.): с. Занулье, 1963 г. ♪

Вар.: Соб. II, №№ 557-559 (Самарск. губ.); III, № 588 (Сибирь). – Попов 1906, № 13. – ФРУ, № 156. – Выходцев 1990, № 403. – Фольклор старообрядцев Литвы, № 283. – Марковский песенник, № 25 (С. 169).

50.
На заре, на заре овин молотят,
Выше пелёны соломы летят,
Чаще овины покалачивают,
Молода невеста полёживает:
«Встань, невеста, по воду ходи». – «Нет, не стану, не пойду: ведра велика, вода тяжела, берега крута, река широка».

Строптивая невестка отказывается идти за водой

«Летка»
ФА СыктГУ. АФ 1345-30: Гурьевский с/с, д. Березовка, 2000 г.

Вар.: Соб. II, № 553 (Вятск. губ.). – Стародубцева 2001, №№ 95, 96.

51.
Зӧлӧтые ваши кудреньки,
Золотые ваши куденькие,
Ктӧ тебя рӧдила
Сын наш мӧлӧдӧй,
Кто тебя рӧдила. Пос кор да сударь-батюшко роднӧй. Во вечере во почтовой во дворе. (НА Коми НЦ. Ф.1. Оп.11. Д.211а, № 84: … тебя родила, сын дай молодой). (ФА СыктГУ. 1331-37: … тебя родила, сын дай мӧлӧдӧй, пӧрӧдила рӧднӧй мати-матушка, поил-кормил сударь-батюшко рӧдной. Юсь ты горенка снова, есь и новые, ново слово пришло во даёт. Не нынешнево, прошлово годой яблочки катаемся, разным сахаром ссыпаемся, вот не нынешнево, прошлова годой).

Описание волос молодца; образы сына, батюшки

«Луза»
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а, № 84 (Фр.): с. Ношуль, 1961 г. ♪
НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226, № 212: с. Читаево, 1963 г. ♪
ФА СыктГУ. АФ 1330-31: с. Черныш, 1996 г.
ФА СыктГУ. АФ 1331-37: с. Черныш, 1996 г.

Вар.: Свадьба Сибири 1981, №№ 230, 232. – Русская свадьба, № 37 (с. 203) («Золотые ево кудерьцы»).

52.
[Летела] кокушица,
<Летела через тын да> в зелёный сад.
Садилась кокушица
На белой да берьёзонька.
Белая берьёзёнька, <через поля да зелен> поля, <три поля зелен поля> <яблушенька> да рёсцвела. Мати дочку родила, <тёплу баню> топила, свежую во́ду носила, <нашу> дёчку увела, в баню дочку увела, <дубову> лавочку сёдила, белой берёзкой умыла, шёлковой веник нёсила, жару да пару нёдала, сво́ю дочку парила, свежой водой умыла, белым платьём <(на…) наре́дила>, шёлковой плат наложила, домой дочку увела, на лаво́чку садила́, <головушку> глёдила, белой берёзкой глёдила, шёлковой плат наложила, невестою назвала, чужам людям отдала. Надё доч(к)у выучить, надё разумём учить. Первая заботушка – есть свекрова-матушка, (есть) нероднова батюшка. <нрзб> без вина журят-бранят, <сильно меня> бить хотят.

Мать родила дочь, сводила в баню, выдала замуж; чужая сторона

«Летка»
ФА СыктГУ. АФ 1304-1: с. Мутница, 1978 г.

Вар.: Соб. III, № 36 (Олонецк. губ.), № 38 (Вятск. губ.); V, № 46 (Казанск. губ.) – Браз 1977, № 16. – УП II, №№ 10, 27, 38 (мати дочку родила). – Фольклор старообрядцев Литвы, №№ 94, 95. – Ефименкова 2012, № 49 (Вологодск. обл.) (мати дочку родила).

53.
Ох, ты, скука, / докука, ты наша работа,
Деревенская наша работа,
Ночи мало спят.
Друг за дружку Ваньку торопятся,
Как с поля убрать?
Ещё все люди с поля убрали, Ванюша не жнет («жньёт»). Отец-мати Ваньку заставляют, роботать велят. Первёй снёпичек Ванька нажала, тот не сам связал. Другёй снёпичек Ванька нажала, пояскём связал. Третьёй снопичек Ванька нажала, ручку ёбрезал, серпом («черьпём») ручку Ваньку ёбрезала, кровью обливал («крёвйём ёбливал»), платким завъязал. Не прёстым я платким завьязала, длянетуровым. Туровым я платким завьязала, спёлюбов меня. (ФА СыктГУ. АФ 1364-19, ФФ ИЯЛИ. В 1542-4, 1543-1: …туровым я платким завязала, сам домой пошёл. Близкё домичек Ванька подходит, песенку споёт, новую песню Ванька воспевает про житьё своё, про житьё-то или славный город, Петербург-город); (ФА СыктГУ. РФ 13-III-16: …не простым

платком завязал, платком шёлковым, как домой пошёл. Близко к домику Ванька подходит, песенку поет. Песенку поет Ванька, воспевает: «Петербург, ой-ли, славный город, московский славный город, ох, и Казань город, мы в Сибирь пойдем»); (ФФ ИЯЛИ. К 433-20: …новую песню Ванька вöспевает: «Питенбург гöрöд, Питенбург-тö öли славнöй гöрöд, наш Казань-гöрöд»); (ФА СыктГУ. РФ 13-III-4: …как домой подходит Ванюшка, песенку поет: «Петербург ты, славный город, я в Сибирь пойду...»); (ФА СыктГУ. АФ 1398-19: …близко к дому здесь Ванька подходит, песенку поёт, новую песню Ванька запевает: «Питербург-горöд, питербурскöй öли славнöй город, Питер дай Москва»).

Молодец ранит руку на сенокосе

«Летка»
ФФ ИЯЛИ. Х 149-18: с. Летка, 1976 г.
НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 209а, № 57 (Фр.): с. Летка, 1976 г. ♪
ФА СыктГУ. АФ 1305-14: с. Мутница, 1978 г.
ФА СыктГУ. АФ 13001-6: Прокопьевский с/с, д. Кулига, 1979 г.
ФА СыктГУ. РФ 13-III-4: Летский с/с, д. Осиповка, 1979 г.
ФА СыктГУ. РФ 13-III-16: Летский с/с, д. Мороковская, 1979 г.
ФФ ИЯЛИ. К 433-20: с. Слудка, 1992 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-49: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.
ФА СыктГУ. АФ 1364-19: с. Прокопьевка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 1398-19: с. Слудка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 13228-21, 13247-26: с. Слудка, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13238-20: с. Летка, 2006 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1542-4, 1543-1 (= ФА СыктГУ. АФ 13261-6, 30): с. Прокопьевка, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13274-13, 14, 13275-4: Гурьевский с/с, д. Корольки, 2007 г.
ФА СыктГУ. АФ 13284-13, 14, 15: с. Летка, 2007 г.
ФА СыктГУ. АФ 13294-63: Летский с/с, д. Прислон, 2007 г.
ФА СыктГУ. АФ 13298-14а, 14б, 14в, 14: Летский с/с, д. Выставка, 2007 г.

Вар.: Соб. VI, №№ 586-590 (Новгородск., Вятск., Тамбовск., Тверск., Симбирск. губ.). – Кир. 1986, № 416 («Во Саратове Ванюшка родился»), № 423.

54.
Струбенька струбилö,
Сево я самила.
Ох, ты, дружöк, öли, дружек милöй,
Дружек милöй, чёрнобровöй.
Ну садися возле меня, öли прötив меня. Прötив меня люди бöют, люди скажут – ты любишь меня. Ежели ты любишь, ежели ты кочешь, друг, скажися, öли рöскажися, ково роду. Уж я роду не простова, князенскова. Князинской сын розудалöй, рöзвесёленькöй мальчишко. Он и светли, свöю горьёнку играйöт, он и поздравляёт красна девица. Да буди же ты, девица, будь же ты, красна, за мнöю. Я за мнöю, öли, предо мнöю, предо мнöю спать со мнöю, спать сö мнöю, сö душöю, со телöю, сö спинöю, хлеб чужöю.

Просьба девушки к милому полюбить ее

«Летка»
ФА СыктГУ. АФ 13005-4: Ухтинский р-н, п. Водный, 1978 г.

ФА СыктГУ. АФ 13003-10: Ухтинский р-н, п. Водный, 1980 г.
ФА СыктГУ. АФ 1398-25: с. Слудка, 2001 г.

Вар.: Соб. V, № 432 (Вологодск. у.), № 434 (Вятск. губ.). – Кир. 1986, № 414 («Не трубою я трубила»). – ФА СыктГУ. АФ 25152-42е (Ижемский р-н РК) («Не трубою я трубила, // С милым речь говорила»).

55.
Не листочки шумят, прö милова говорят,
Прö милова, прö таково, прö Иванушка-дружка.
Завтра праздничек у нас,
Завтра праздник воскресенне, воскресенне – светлый день.
Девка радостнöй была, девка радостнöй, веселöй. Я за калиной пöшёл, за калиной, за малиной, за черьёмушка, в сад черьёмушка. Черьёмушка не сöбрался, из лесöчек выбрала, из лесöчек весь пошёл, из лесöчка во садöчек.

Воспоминание о милом; девушка в лесу, в саду

«Летка»
ФА СыктГУ. АФ 13005-2: Ухтинский район, п. Водный, 1978 г.
ФА СыктГУ. АФ 1306-6: Гурьевский с/с, д. Талица, 1978 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-20: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1542-8 (= ФА СыктГУ. АФ 13261-19, 21): с. Прокопьевка, 2006 г.

Вар.: Соб. III, № 444 (Вологодск. у.); IV, № 628 (Вятск. у.). – ПФМ, № 42. – Бахтин 2004, № 38 (Казанск. губ.). – Склярова 2012. С. 53 (№ 3) (Кировск. обл., Котельничский р-н). – Ефименкова 2012, № 47 (Вологодск. обл.). – ФА СыктГУ. 14-II-70 (Княжпогостск. р-н РК).

56.
Штö(й) Прокопьевка-деревня да деревня
Да большая,
Штöй-тö не деревня большая,
Улица да грязная.
Штö не улица грязная, мölöдяжь да баская. Скöй-тö не мölöдяжь баская, детинушка бравöй. Бравöй-тö не детинушка бравöй, сам белöй да кудрявöй. Ваня сам белöй, кудрявöй, запил, замöтался, кручинай да связалса, с девушкöй познался, сказал девке славöй, славаченьки тайно, никöму не явинöй, никöму спарню не явнö, однöму милöму, одному спарню милому, Ивану да Петрову, наш Иванушка Петрович. «Не пора, Иван, кодишь, не веремья да гуляйöш, пöй утру да пöранише, вечером да пöпоже». Стану вечером пöпоже, пöбачить да жölаю, еще баченьки жалаю. Суседушки знöют, все суседушки всьö знают, домашнöй рöсскажут.

Молодец в кручине, наставления девушки приходить утром пораньше, вечером попозже

«Летка»
ФА СыктГУ. АФ 13001-11: Прокопьевский с/с, д. Кулига, 1979 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-20: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.

Вар.: Прикамье 1982, № 124 («Пойте, девки, да ой, пойте, красны»). – Ефименкова 2012, № 11 (Кировск. обл.) (дорожка большая, улочка грязная).

57.
Кӧкушенька кӧкуйӧт да кӧкуйӧт,
Да гӧрьюшенька гӧрьюйӧт,
Кӧ Машутка во саду.
Машенька, Маша да вот Маша,
Скажи, любишь ли меня?
Дӧлгӧ времьӧ не держи, я инова спӧлюблю, баскова, из десятӧчку ӧдну. Пӧйду ярмангу-тӧргу, мил пӧдарӧчӧк куплю, пӧдаричик дӧрӧгӧй, ручки перстень зӧлӧтӧй.
Заимшана – бӧсикъяс, булатӧвьчи – вӧр кӧчъяс, быковшана – вурдысьяс, лавровшана – космыръяс, кулижана – чудмыръяс, чоййывсана – ыбшаръяс, прокопьёвьчи – лудiкъяс, слудяна – мосольникъяс, ураковьчи – гачтӧмъяс, березовьчи – йӧргыльяс, гроздовшана – кӧлдунъяс, таличана – лекаръяс, мутничана – жыдморъяс, черемковчи – садӧвӧй, летчанаыд – писаръяс.

Молодец выпытывает девушку, подарок для девушки; деревенские прозвища

«Летка»
ФА СыктГУ. АФ 13001-8, 9, 10: Прокопьевский с/с, д. Кулига, 1979 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1544-1, 1545-4 (= ФА СыктГУ. АФ 13262-1, 21): с. Прокопьевка, 2006 г.

Вар.: Склярова 2012, № 2 (с. 52-53) (Кировск. обл., Котельничский р-н).

58.
Кокушенька мало поднялась,
Кокушенька поднялась да поднялась
Через сте да через сте на лесок,
Через стеманӧй лесок,
Через тёмненькой лесок. Маменька налила да вот налила. Через стеманӧй лесок да вот лесок.

Кукушка летит через лес, образ маменьки

«Луза»
НА Коми НЦ Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а, № 23: с. Объячево, 1960 г. ♪
ФА СыктГУ 13103-16 (Пр.): с. Объячево, 2001 г.

Вар.: Склярова 2012, № 2 (с. 52-53) (Кировск. обл., Котельничский р-н).

59.
Вӧля девичя,
Вӧля девичя да минӧвалася,
Минӧвалася да рӧзливалася.
Пӧтӧпила Вӧлга да седула те луга, круты берега, чӧрныйӧ ӧзёра. Тикийӧ остӧрова, у реки травӧй куст, сад зелёный. В саду мӧлӧдеч ӧтгулял не ӧдин по себе, сӧ товаришӧм.

Воля девичья миновалась, молодец с товарищем гуляют в саду

«Летка»
ФА СыктГУ. РФ 13-III-2: с. Летка, 1979 г.
ФА СыктГУ. АФ 13001-12: Прокопьевский с/с, д. Кулига, 1979 г.

Вар.: Соб. III, № 450 («Разливалась мати весенняя вода, потопила все зеленые луга») (Архангельск. губ.). – Лопатин, Прокунин 1956. С. 89-90 (№ 6) («Широко-то Волга разливалася, в круты бережки не вбиралася, затопила-то Волга берега высокие»). – Королькова 2010, №№ 29, 30, 31 (Тверск. обл.) («Разливалась Волга-матушка река, спотопила все зелёные луга»), № 50 (Ленинградск. обл.).

60.
Отгулял мӧлодец,
Отгулял да не един,
Не един-тӧ себе,
Сӧ тӧварищем,
С Александрушкой. Слава молвила да ризгӧваривала, пригӧвӧривала. Пӧлым бархотной, шляпа пуховӧй, галстук шӧлкӧвӧй, зипун синевӧй, штаны плисовӧй, сапӧг сохраннӧй.

Молодец с товарищем «отгуляли»; описание одежды молодца

«Летка»
ФА СыктГУ. АФ 13003-9: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.

61.
Как у нашево кӧзяина
Есть и пивушку да есь вино,
Одна дӧченька дай хороша,
Катеринушка душа.
Катерина дочь хороша, умӧм-рӧзумом зашёл, умӧм-рӧзумом обычей, свӧй обыченькой дӧрӧгӧй. Штӧ за этӧ за абычай во кампаньюшку да мӧжнӧ взять. Во кампанья пир-беседа, пир-беседушка весёлай, пир-беседа у суседа, станем таньчишко танцевать. Танцевала-плясала, себе дружӧньӧчек выбрала, себе дружка Иванушку. «Уж ты, наш Иванушка, да мой сӧкӧл, Иванушко ясный сӧкӧл». Пӧглянулася раза два. Пӧглянулась-пӧказалась, взял Катюшеньку за ручку, вывел Катеньку на крылечку. Заморозила белӧ лицо, щёчки аленькӧй цветӧк. Алӧй цветӧк принимала, лицем личеньку да спӧличам. Купил водӧчку-винца, купил водочку-винушку, пӧлуштопчикам пивца, пӧлуштопчика пивушку, однарумӧшнӧй румка, для закусӧчку пирожка, на заглядочку девушка.

Исполнялась первой на любом застолье. В текст песни вставлялось имя хозяина дома. Женское имя могло быть любым, но обычно пели «Катя» (Сухогузов П.Г.).

Пир-беседа у соседа, описание лица девушки

«Летка»
НА Коми НЦ. Ф.5. Оп.2. Д. 209а , № 56 (Фр.), № 62: с. Летка, 1976 г. ♪
ФА СыктГУ. АФ 13005-3: Ухтинский район, п. Водный, 1978 г.
ФА СыктГУ. АФ 1306-17: Гурьевский с/с, д. Талица, 1978 г.
ФА СыктГУ. АФ 13001-7: Прокопьевский с/с, д. Кулига, 1979 г.
ФА СыктГУ. РФ 13-III-5: Летский с/с, д. Крутотыло, 1979 г.

ФА СыктГУ. АФ 13001-4 (Фр.), 13004-32: Прокопьевский с/с, д. Кулига, 1980 г.
ФА СыктГУ. АФ 1338-7 (Фр.): с. Летка, 1998 г.
ФА СыктГУ. АФ 1827-48: с. Верхолузье, 1990 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-20: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.
ФА СыктГУ. АФ 1398-29: с. Слудка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 1359-7 (Фр.): с. Прокопьевка, 2001 г.
ФА СыктГУ. АФ 13202-45: с. Летка, 2006 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1542-7 (= ФА СыктГУ. АФ 13261-16): с. Прокопьевка, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13236-3, 13244-2: с. Прокопьевка, 2006 г.
ФА СыктГУ. АФ 13269-16: Летский с/с, д. Выставка, 2007 г.р.
ФА СыктГУ. АФ 13271-1а: Гурьевский с/с, д. Березовка, 2007 г.
ФА СыктГУ. АФ 13295-38: Гурьевский с/с, д. Корольки, 2007 г.

Вар.: Ефименкова 2012, №№ 16, 17 («Нам по рюмочке винца, по стаканчику пивця, на закуску пирожка, на забаву девушка») (Вологодск. обл.). – Святочная поздравительная поэзия, I.1.9 (Нам по рюмочке винца, по стаканчику пивца, на закуску – калача, на забаву – девица) (Печора).

62.
Девушки гулять прöшли,
Красненькöй да на ярманку.
Ярманга да Макарьёвьська,
Другöй Ольöксандровьскöй,
Третьöй Миколаёвска, третья-тö Петрöпавловська. Ночь гулял, день до вечора. Спöлунöшна звездöнька, звöзда укатилöся, толькö высокö взошла, девка далёко толькö ушла. Приди, моя миленькöй, пöгöсти неделюшко, неделька за дним толькö прöйдёт, день-öт на часы толькö стоял, часы на минутыя, минутны многа толькö стоял.

Ожидание, встреча, разлука

«Летка»
ФА СыктГУ. АФ 1304-5: с. Мутница, 1978 г.
ФА СыктГУ. РФ 13-III-17: Летский с/с., д. Мороковская, 1979 г.
ФА СыктГУ. АФ 13002-3: Прокопьевский с/с, д. Вавиловка, 1980 г.
ФА СыктГУ. АФ 13004-30: Прокопьевский с/с, д. Кулига, 1980 г.
ФА СыктГУ. АФ 1363-4: с. Прокопьевка, 2001 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1542-10 (= ФА СыктГУ. АФ 13261-23): с. Прокопьевка, 2006 г.

63.
Шёл, чуть не замерз да,
Некуда солдату деться,
От морозу (й)öтогреться,
Ой-ой-ой, зашёл кабачöк.
Он заходит, он заводит во новенькöй кабачöк. Кабачке сидят дьякöн да дьячöк, Гришка-мужичöк. Стали спрашивать её: «Вы откудова идёте, сыздалёко ли бредёте?». – «С Киёва села». Из-под Киёва села, из тово манастригой, где манакстригой. Манастригу испужали, новой келенку брöсали, ризу надевать. Манак ризу надевал, большей книгу в ручки брал, очки награждал. Возыграл манак в щёлчки, сам плясать пöшёл. Я плясала дö окоту, рöзгулялась дö сдоволь, будёт оли нет. Вышел манак на крылечко, выгöваривал слöвечко, ему конь бежит. На коня манак садился, пöд манаком

конь бодрился, в зеленöм саду. Весёл садичек проехал, во зеленый сад пошёл, Сашу не нашёл. Ты, Сашенька моя, дома мамонька твоя, хочёт мати бить, хочёт тятя кölöтить, рöзуме учить. От белой свету останусь, старика любить не стану, экова стрямьча. Через зубу, через блюду, пöдöйдите ево блюду, блюду с табаком. Пölön блюду табаку, рöботать-тö не могу, льöжу на боку, курью трубку табаку, думу думаю. Я всё думу думаю, ещö жöниться кöчу, девок закöчу. Ещö девеносто лет, ödин в роте зубы нет, кöшь люби, кöшь нет.

Монах на коне, девушка не хочет выходить замуж за старого

«Летка»
ФА СыктГУ. РФ 13-III-13: Летский с/с, д. Мороковская, 1979 г.
ФА СыктГУ. АФ 13001-13, 13005-1: Прокопьевский с/с, д. Кулига, 1979 г.
ФА СыктГУ. АФ 13002-6: Прокопьевский с/с, д. Вавиловка, 1980 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-20: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1544-5 (= ФА СыктГУ. АФ 13262-6): с. Прокопьевка, 2006 г.

Вар.: ХИПС, № 301 («И шел монах из похода, вся ненастная невзгода»).

64.
Хмелю, хмелю, я пö хмелю,
Наваръю я пива.
Пива, пивушко пьянова,
Винö зеленова.
Батюшко рöднова, кöшь и батюшко приедет, нöчку не нöчуйöт, кöть и нöченьку нöчуйöт, всю нöчь прötöскуйöт, прögörьюйöт. Кöть лöжись на лавку, краснöй кошечку скрывайöт, свету дöжидайöт, дölгö свету не светайöт, домой пöспевайöт. Кöть домой-тö пöспевает, дочи, запрегай карету. Во карете дома нету, сани во Казани, кömут на базаре, вöжжи тей у спасе, лежат на запасе.

Приезд и отъезд батюшки

«Летка»
ФА СыктГУ. АФ 13003-8: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1980 г.
ФФ ИЯЛИ. В 1503-20: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 1998 г.

Вар.: Соб. III, №№ 157-160, 164-175 (Кубанск. обл., Ярославск., Курск., Вологодск. Владимирск., Казанск., Уфимск., Пермск., Вятск., Тамбовск., Костромск. губ.); VII, № 235 (Архангельск. губ.), 453 (Пермск. губ.) (сани во Казани, хомут на базаре) (Архангельск., Пермск. губ.). – ХИПС, № 203. – Стародубцева 2001, №№ 90, 92. – ТФВРАО, № 27 (с. 107). – ФА СыктГУ. АФ 0806-44, 0807-11 (Архангельск. обл.. Ленский р-н), 1019-28 (Усть-Вымский р-н РК) (созову я гостя дорого, милого милого), РФ 14-III-21 (Княжпогостский р-н РК).

ПРИЛОЖЕНИЕ IV.
СОБИРАНИЕ И ИЗДАНИЕ ФОЛЬКЛОРА ПРИЛУЗСКИХ КОМИ

А. Русский фольклор прилузских коми: источники изучения (указатель)

Год записи, собиратель	Место хранения записей / публикация	Фольклорные произведения (место записи, кол-во текстов)			
		Свадебные причитания	Свадебные песни	Песенно-игровой фольклор	Лирические песни
1850: Косарев М.С.	г. Киров, ГАКО. Ф.170. Оп. 1. Д. 130.	—	Летские коми: 1	Летские коми: 1	Летские коми: 1
1882: Добротворский Н.А.	г. Санкт-Петербург, РГО. Ф.10. Оп.1. Д.41.	—	—	с. Слудка Орловского у. Вятской губ.: 1	с. Слудка Орловского у. Вятской губ.: 3
1927: Трёшко Априк (Серовитов Априкан Иванович)	г. Сыктывкар, НМ РК. КП 12493. Л. 81-83 об.	—	—	Объячевский с/с, д. Керос: 5	—
1928-1929: Попов С.А.	г. Сыктывкар, НМ РК. КП 12485.	с. Летка: 1	—	—	—
1930-е гг.: студенты педагогического техникума	г. Сыктывкар, НМ РК. КП 12484. Л. 238.	—	—	—	с. Объячево: 1
1960: Чисталев П.И. (ИЯЛИ КНЦ)	г. Сыктывкар, НА КНЦ. Ф.1. Оп.11. Д.211а.	с. Поруб: 8	с. Поруб: 5	с. Объячево: 7 с. Ношуль: 4 с. Поруб: 4	с. Объячево: 2 с. Ношуль: 3 Спаспорубский с/с., с. Поруб: 5
1961: Микушев А.К. (ИЯЛИ КНЦ)	г. Сыктывкар, ФФ ИЯЛИ. А 1525 (аудиозаписи), НА КНЦ. Ф.1. Оп.1. Д.211а. №№ 84	—	—	с. Ношуль: 1	—

	(текстовые расшифровки)				
1962: Плесовский Ф.В. (ИЯЛИ КНЦ)	г. Сыктывкар, ФФ ИЯЛИ. А 1531.	—	д. Урнышевская Спаспорубский с/с: 1	—	Спаспорубский с/с, д. Урнышевская: 4
1963: Микушев А.К., Рочев Ю.Г. (ИЯЛИ КНЦ)	г. Сыктывкар, НА КНЦ. Ф.1. Оп.11. Д.226.	с. Занулье: 6	с. Занулье: 3	с. Занулье: 7 с. Читаево: 10 д. Керос Объячевск. с/с: 1 д. Юговская Объячевский с/с: 2	с. Читаево: 3 с. Занулье: 7 Объячевский с/с, д. Керос: 1
1974: ИФП под рук. А.К. Микушева, студенты Туголукова Н.А., Туголукова Е.Н. (СыктГУ)	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. РФ 13-VI.	—	—	Объячевский с/с, д. Пожмадор: 8	Объячевский с/с, д. Пожмадор: 1
1976: Рочев Ю.Г. (ИЯЛИ КНЦ)	г. Сыктывкар, НА КНЦ. Ф.5. Оп.2. Д.209а.	—	—	с. Летка: 4	с. Летка: 32
1978: ВФП СыктГУ под рук. А.К. Микушева	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 1304-1306.	—	—	с. Мутница: 5	с. Мутница: 5 д. Талица: 7
1979: ИФП под рук. А.К. Микушева, студенты Мозымова И.Г., Сурина Л.Б., Куликова Н.В. (СыктГУ)	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ РФ 13-III.	—	—	—	Летский с/с: с. Летка: 2 д. Гостиногорка: 3 д. Выставка: 1 д. Мороковская: 4 д. Крутотыло: 2 д. Осиповка: 1
1978-1980: Сухогузов П.Г.	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 13001-13005.	—	—	Прокопьевский с/с: 24	Прокопьевский с/с: 48
1989: Горчаков А.Г. (ИЯЛИ КНЦ)	г. Сыктывкар, ФФ ИЯЛИ. К 425, №№ 2, 15.	—	—	—	с. Объячево: 1 с. Черныш: 1

1990: Панюков А.В. (СыктГУ)	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 1310, 1314.	—	—	Прокопьевский с/с, д. Ивановка: 13 с. Летка: 2	с. Прокопьевка: 1
1990: Савельева Г.С. (СыктГУ)	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 1827.	—	—	—	с. Верхолузье: 3
1991: Панюков А.В., Усатов С. (СыктГУ)	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 1325-17.	—	—	—	д. Березовка: 1
1992: Горчаков А.Г. (ИЯЛИ КНЦ)	г. Сыктывкар, ФФ ИЯЛИ. К 433, №№ 19, 20.	—	—	—	с. Слудка: 2
1996: Жуланова Н.И. – сотрудник ФК СК (Москва), Бунчук Т.Н., Петухов С.В., Шевченко Е.А. (СыктГУ)	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 1330, 1331.	—	—	с. Черныш: 2	с. Черныш: 4
1998: ФЭ Савельева Г.С., Панюков А.В. (ИЯЛИ КНЦ)	г. Сыктывкар, ФФ ИЯЛИ. В 1503.	—	—	—	Прокопьевский с/с, д. Ивановка: 3
1998: ИФП, студент Попова Т. (СыктГУ)	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 1338.	—	—	с. Летка: 2	с. Летка: 3
1998: ИФП, студент Гущина Т. (СыктГУ)	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 1336.	—	—	Прокопьевский с/с, д. Ивановка: 11	—
1999: ФП, студент Осипова Л. (СыктГУ)	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 1342.	—	—	Гурьевский с/с, д. Березовка: 1 д. Корольки: 4	—
2000: ИФП, студент Черных М. (СыктГУ)	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 1345.	—	—	Гурьевский с/с, д. Березовка: 7	—
2000: ИФП, студент Потапова Н. (СыктГУ)	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. РФ 13-XII.	—	—	Прокопьевский с/с, д. Ивановка: 10	—
2001: ИФП, студент Югова М. (СыктГУ)	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. РФ 13-XIV.	—	—	—	Прокопьевский с/с, д. Ивановка: 1
2001: ИФП, студент Иванова Е. (СыктГУ)	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 1398.	—	—	с. Слудка: 6	с. Слудка: 5
2001: ФДЭ под рук. Бунчук Т.Н., Шевченко Е.А.,	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 1346-13105	—	Объячевский с/с, д.	с. Объячево: 15 Объячевский	с. Объячево: 5 с.

Каневой Т.С. при участии Мишариной Г.А., Ивашевой А.И., Потаповой М.А., студентов-практикантов (СыктГУ)	(Объячевский с/с); ФА СыктГУ. АФ 1359, 1360, 1361, 1362, 1363, 1364 (Прокопьевский с/с).		Елинская: 1 С. Объячево: 1	с/с, д. Керос: 4 с. Прокопьевка: 19 Прокопьевский с/с, д. Ивановка: 12 Вавиловка: 1 Булатовка: 1	Прокопьевка: 8
2002: ФДЭ под рук. Бунчук Т.Н., Каневой Т.С., Шевченко Е.А. при участии Насоновой А.В., Ершовой Л.Л., Михейченко Н.А., студентов-практикантов (СыктГУ)	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 13106-13163.	—	Спаспорубский с/с, д. Матвеевская: 1	Спаспорубский с/с, д. Урнышевская: 1	Спаспорубский с/с, с. Поруб, Лобановская: 2 с. Поруб, д. Красный Рай: 5
2002: ИФП, студент Кочанова А. (СыктГУ)	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 13163-17.	—	—	—	с. Черныш: 1
2003: ФЭ Савельева Г.С., Панюков А.В. (ИЯЛИ КНЦ)	г. Сыктывкар, ФФ ИЯЛИ. В 1508, 1509.	—	—	Прокопьевский с/с, д. Ивановка: 12	
2004: ФДЭ под рук. Бунчук Т.Н., Шевченко Е.А. при участии Насоновой А.В., студентов-практикантов (СыктГУ)	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 13165-13197.	—	—	Ношульск. с/с, п. Орысь: 1	с. Ношуль: 2
2005: ИФП, студент Мусанова С. (СыктГУ)	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 13199.	—	—	с. Прокопьевка: 16	с. Прокопьевка: 1
2006: ФДЭ под рук. Бунчук Т.Н., Шевченко Е.А. при участии Михейченко Н.А., Насоновой А.В., студентов-практикантов (СыктГУ)	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 13200-13257.	—	—	Прокопьевский с/с, д. Кулига: 3 с. Летка: 2 с. Слудка: 12	с. Летка: 8 Летск. с/с, д. Выставка: 2 Прокопьевка: 10, Гостиногорка: 2, Слудка: 6
2006: совместная ФЭ ИЯЛИ и СыктГУ	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 13258-	—	—	Прокопьевка: 1	Прокопьевка: 20

(Савельева Г.С., Панюков А.В., Канева Т.С.)	13264, ФФ ИЯЛИ. В 1542-1545.				
2007: ФДЭ под рук. Бунчук Т.Н., Шевченко Е.А. при участии Каневой Т.С., Насоновой А.В., студентов-практикантов (СыктГУ)	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 13265-13301.	—	—	Гурьевский с/с, д. Корольки: 4 Летский с/с, д. Прислон: 2 Гурьевский с/с, д. Березовка: 10	Гурьевский с/с, д. Березовка: 2 д. Корольки: 3 Летский с/с, с. Летка: 3 д. Выставка: 3 д. Прислон: 1
2010: ФЭ, аспирант Мусанова С. (СыктГУ)	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 13363-33, 35.	—	—	—	с. Прокопьевка: 2

Б. Издание памятников фольклора прилузских коми: хронологический перечень

Издание	Архив – источник публикации
1. **Косарев М.С**. Обычаи ношульских зырян // Вятские губернские ведомости. **1856**. № 49. С. 297-299. <*крестильный, свадебный, рекрутский обряды* > См. № 2. 2. **Косарев М.** Обычаи ношульских зырян // Вологодские губернские ведомости. **1857**. № 16. С. 93-95. См. № 17. 3. **Косарев М.** Ильин день в с. Ношульском // Русский дневник. **1859.** № 65.	г. Киров, ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 130
4. **Wichmann Y. Syrjanische Volksdichtung** // MSFOu. Helsinki, **1916**. B. XXXVIII. C. 287-289. **1901-1902 гг.,** Вихман Ю. <*фрагмент летского свадебного причитания*>	
5. **Сборник комиссии** по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка / под ред. В. И. Лыткина. М., **1931**. Вып. 2. С. 74-98. <*свадебные причитания, сказка, загадки*>	г. Сыктывкар, НМ РК. КП 12498. Л. 199-210
6. **Коми народные песни** / сост. А.К. Микушев, П.И. Чисталев. Сыктывкар, **1966**. Т. 1. Вычегда и Сысола. №№ 4, 8, 14, 32, 37, 38, 57, 64, 65, 66, 80, 83, 104, 108, 120. См. № 11. <*эпическая, трудовая, лирическая, лирическая рекрутская, шуточная-игровая, величальная игровая, величальная песни, свадебная песня-импрвизация, колыбельная песня-импровизация, импровизация-воспоминание, современная песня, свадебное причитание*>	г. Сыктывкар, НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226 НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а
7. **Плесовский Ф.В.** Свадьба народа коми. Сыктывкар, **1968**.	г. Сыктывкар, НМ РК. КП 12496. Л. 258-260; НМ РК. КП 12493 Л. 54-56 г. Сыктывкар, НМ РК. КП 12485 г. Сыктывкар, НА РК. Ф.Р-2309. Оп. 1. Д. 258. Л. 61-94; Д. 132, 154, 229, 232, 235, 242
8. **Коми легенды и предания** / сост. Ю.Г. Рочев. Сыктывкар: Коми книж-ое изд-во, **1984.** №№ 116, 117, 121, 129, 133, 140.	г. Сыктывкар, НА КНЦ. Ф.5. Оп.2. Д. 209а
9. **Uotila T.E.** Syrjanische texte. Helsinki, **1989.** B. III. C. 6, 12, 14, 15, 16, 20, 22, 24 (№№ 2, 6, 7, 8, 9, 10, 16, 17, 18). **1942-1943 гг.**, Уотила Т.Э. <*тексты коми сказок, игр, загадок, суеверных*	

рассказов, поговорок, примет, рассказов о молодежных посиделках, тексты про икоту>	
10. **Коми народные песни** / сост. А.К. Микушев, П.И. Чисталев. Сыктывкар, **1993**. Т. 1. Вычегда и Сысола. №№ 4, 8, 14, 32, 37, 38, 57, 64, 65, 66, 80, 83, 104, 108, 120. См. № 6.	г. Сыктывкар, НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226 НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а
11. **Шевченко Е.А.** Корильные песни сватье в Лузском районе Кировской области // Традиционная культура. **2000**. № 2. С. 93. *<«географическая песня» с перечислением коллективных прозвищ>*	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 13001-8
12. Традиционный народный календарь коми : *материалы* / сост. В.В. Филиппова, Т.С. Канева. Сыктывкар, **2002**. № 39. *<хороводная игровая песня>*	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. 1310-1
13. Коми фольклор: *хрестоматия* / сост. В.В. Филиппова, Н.С. Коровина. Сыктывкар: Коми книж-ое изд-во, **2002**. №№ 100, 182. *<колыбельная песня, быличка>*	г. Сыктывкар, НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226а
14. Историческая память в устных преданиях коми: *материалы* / подгот. текстов М.А. Анкудиновой, В.В. Филипповой. Под ред. Т.С. Каневой. Сыктывкар, **2005**. №№ 21-30, 96-99.	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. 1310-25, 1331-15, 1330-3, 4, 1345-36, 1383-30, 1384-19, 32, 1388-12, 1389-21, 1391-34, 13109-32, 13120-13, НА КНЦ. Ф.5. Оп.2. Д.157. Л.211
15. Фольклор народа коми / сост. В.В. Филиппова. Сыктывкар, **2007**. №№ 28, 52, 89, 108. *<игры, колыбельная песня, о чуди, об освоении края>*	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. 1310-23, 1389-21, 1330-3, НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 226а
16. **Бунчук Т.Н., Шевченко Е.А.** Рассказы о колдунах в традиции с. Ношуль Прилузского района Республики Коми (по записям фольклорной экспедиции СыктГУ 2004 г.) // Актуальные проблемы полевой фольклористики: Сб. науч. тр. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, **2008**. Вып. 4. С. 179-189.	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. 13167-44, 44а, 47, 13169-41, 42, 43, 13170-1, 2, 7, 13171-38, 41, 43, 44, 13178-29, 13180-7, 8, 9, 10, 18, 13183-22, 22а, 13184-1
17. **Косарев М.С.** Обычаи ношульских зырян // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / Сост., вступ. ст. В.А. Лимеровой. Сыктывкар: ООО «Издательство “Кола”», **2010**. С. 319-321. См. № 1.	г. Киров, Государственный архив Кировской области, Ф. 170. Оп. 1. Д. 130
18. **Косарев М.** Обычаи ношульских зырян // Арт. **2010.** № 3. С. 106-107. См. № 1.	г. Киров, ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 130
19. **Вятские песни из архива РГО**, записанные Н.А. Добротворским. Предисловие, публикация и примечания В.А. Поздеева // Живая старина. **2010**. № 1. С. 53. *<плясовая песня>*	г. Санкт-Петербург, Архив РГО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 41

В. Архивные собрания фольклора прилузских коми: источники изучения (указатель)

Год зап.	Собиратель (учреждение)	Населенные пункты	Архив, шифры	Общая характеристика записей
1827	Шёгрен А.М.	с. Ношуль	г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Ф. 94. Оп. 1. Д. 9. Л. 114-138.	Свадебный обряд, пересказ свадебных причитаний, приговоры дружки, рассказы мифологического характера, сведения о суевериях зырян, календарной обрядности, молодежных посидках, сказочных персонажах
1850	Косарев М.С.	с.с. Ношуль, Летка	г. Киров, Государственный архив Кировской области, Ф. 170. Оп. 1. Д. 130.	Свадебный, похоронный обряды, свадебная песня «По горам, горам молодой сокол летал», свадебные приговоры, заговорно-заклинательная поэзия, игровой, детский фольклор, малые жанры
1882	Добротворский Н.А.	с. Слудка Орловского у. Вятской губ.	г. Санкт-Петербург, Архив Русского географического общества, Ф. 10. Оп. 1. Д. 41.	Три лирические песни, плясовая песня
1920-е	Доронин П.Г.	лузская часть района	г. Сыктывкар, НМ РК. КП 12496. Л. 258-260; НМ РК. КП 12493. Л. 54-56.	2 свадебных причитания на коми языке с переводом на русский яз.
1927	Трёшко Априк (Серовитов Априкан Иванович)	Объячевский с/с, д. Керос	г. Сыктывкар, НМ РК. КП 12493. Л. 81-83 об.	5 «рождественских» (игровых) песен
1928-1929	Попов С.А.	с.с. Летка, Мутница, Слудка, Бебера, Черемуховка	г. Сыктывкар, НМ РК. КП 12485.	Свадебные причитания, сказки, детские песни «Бобӧ», детские прибаутки
1930	Сидоров А.С.	с. Ношуль	г. Сыктывкар, НМ РК. КП 12498. Л. 199-210.	Свадебные причитания
1930-е	Студенты педагогическог	Лузская часть	г. Сыктывкар, НМ РК. КП 12482; 12484.	Свадебные причитания и песни, загадки,

	о техникума, г. Сыктывкар	района		пословицы, скороговорки, частушки, заговоры, коми и русские лирические песни
1939	Осипов И.А.	с. Объячево	г. Сыктывкар, НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 36. Л. 16.	9 песен на коми языке
1951	Микушев А.К. (ИЯЛИ КНЦ)	с.с. Объячево и Читаево		2 лирические песни, шуточная игровая песня, величальная игровая песня, свадебная импровизация
1960	Чисталев П.И. (ИЯЛИ КНЦ)	с.с. Объячево, Ношуль и Поруб Спаспоруб ского с/с	г. Сыктывкар, ФФ ИЯЛИ. А 1521; А1523; А 1525; А 1524; А 1520; Ф. 1. Оп. 11. Д. 211а.	12 лирических, 9 плясовых, 8 свадебных песен и 8 причитаний на русском языке, песни на коми языке, романсы
1961	Микушев А.К. (ИЯЛИ КНЦ)	с.с. Черныш и Ношуль	г. Сыктывкар, ФФ ИЯЛИ. А 1525 (аудиозаписи), НА Коми НЦ. Ф.1. Оп.11. Д.211а. №№ 75-86 (текстовые расшифровки).	Приговор дружки на русском языке, 4 комиязычных причитания, 14 частушек, одна русская лирическая песня, романс и 2 коми песни, наигрыши на чипсанах
1962	Плесовский Ф.В. (ИЯЛИ КНЦ)	с.с. Летка, Березовка, Ловля, Черныш, Объячево, Читаево, Лойма, д. Урнышевс кая Спаспоруб ского с/с	г. Сыктывкар, НА РК. Ф.Р-2309. Оп. 1. Д. 258. Л. 61-94; НА РК. Ф.Р-2309. Оп. 1. Д. 132, 154, 229, 232, 235, 242; ФФ ИЯЛИ. А 1531.	Свадебный обряд, свадебные причитания, коми песня «Сад йӧрын ныв гуляйтӧ», романс, русские лирические песни
1963	Микушев А.К., Рочев Ю.Г. (ИЯЛИ КНЦ)	с.с. Занулье, Читаево и Объячево (д. д. Керос, Юговская)	г. Сыктывкар, НА Коми НЦ. Ф.1. Оп. 11. Д. 226.	10 величальных, 4 трудовых, 15 любовно-лирических, 19 детских, 20 шуточных, 6 застольных, 6 рекрутских, 5 семейно-бытовых, 5 отходнических, 1 литературного происхождения и 1 современная песни, 5 бытовых импровизаций, 5 колыбельных песен, 10 похоронных причитаний,

				лузский свадебный обряд, 5 свадебных причитаний, записи инструментальной музыки (всего 173 фольклорных произведения).
1966	Жеребцов Л.Н., Гагарин Ю.В., Грибова Л.С., Куратов П.А., Дукарт Н.И. (ИЯЛИ КНЦ)	с.с. Ношуль, Черныш, Мутница, Слудка	г. Сыктывкар, НА Коми НЦ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 140. Л. 48-58.	Сведения по старинной и современной свадьбе
1968	Чисталев П.И.	Прилузский район	Санкт-Петербург, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Архив ФК СК. 342-345.	Музыкальный фольклор
1971	ФК СК	г. Москва	ФК СК. 1315-1317.	Запись концерта коллектива с. Черныш
1971, 1972	Коснырева Р.И. (ИЯЛИ КНЦ)	с.с. Прокопьевка, Гурьевка и Летка	г. Сыктывкар, НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 148, НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 149.	Этнографический материал по свадьбе
1974	Лоскутова Н.И. (ИЯЛИ КНЦ)	с. Ношуль	г. Сыктывкар, НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 158.	Пересказ свадебного причитания о красивом девичьем имени («мича нима девья красота»), сведения по свадьбе
1974	ФК СК	г. Москва	ФК СК. 546, 699-702.	Запись концерта коллектива с. Черныш
1974	Жилина Т.И. (ИЯЛИ КНЦ)	с. Летка	г. Сыктывкар, НА Коми НЦ. Ф.5. Оп. 2. Д. 147.	8 свадебных причитаний на коми языке
1976	ФК СК	г. Москва	ФК СК. 1918-1922.	Запись концерта коллектива с. Черныш
1976	ФК СК	г. Москва	ФК СК. 740-747.	Запись концерта во Всесоюзном доме композитора.
1976	Рочев Ю.Г. (ИЯЛИ КНЦ)	с. Летка	г. Сыктывкар, НА Коми НЦ. Ф.5. Оп. 2. Д. 209а.	347 фольклорных текстов различных жанров, в том числе: сказок – 5, лирических песен – 32, похоронных и свадебных причитаний – 4, частушек – 68, быличек и бывальщин – 51, преданий – 4, детского фольклора – 17, пословиц, поговорок и афоризмов – 44, свадебный и

				похоронный обряды, игры, суеверные рассказы, гадания, топонимика, народная терминология песенного исполнительства и др.
1978	ВФП студентов коми отделения филфака СыктГУ под рук. А.К. Микушева	с. Мутница и д. Талица Гурьевского с/с	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 1304-1306.	Образцы русской лирики (21 единица), свадебные причитания на коми языке (3), похоронное причитание на коми языке (1), русские хороводно-игровые песни (4), частушки на коми и русском языках, комиязычные приговоры
1978-1980	Сухогузов П.Г.	Прокопьевский с/с	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 13001-13005.	34 лирических песни, 24 хороводных игровых, «географическая» песня
1989	Горчаков А.Г. (ИЯЛИ КНЦ)	с.с. Объячево, Черныш	г. Сыктывкар, ФФ ИЯЛИ. К 425.	Песни на коми и русском языке
1990	Панюков А.В., Савельева Г.С. (СыктГУ)	Прокопьевский с/с; с. Верхолузье	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 1307-1314; 1827.	Сведения об обрядовой традиции села, рождественские, лирические необрядовые песни; колыбельные; свадебный обряд, свадебные причитания, исторические сведения, суеверные рассказы, игры, сведения по демонологии, народной медицине
1991	Панюков А.В., Усатов С. (СыктГУ)	с.с. Черемуховка, Березовка	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 1325, 1326.	Фольклорно-этнографический материал, лирическая песня
1995	ИФП, студ. Шиллер И. (СыктГУ)	с. Объячево	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 1328	Этнография свадьбы, свадебные причитания, песни
1996	Жуланова Н.И. – сотрудник ФК СК (Москва), Бунчук Т.Н., Петухов С.В., Шевченко Е.А. (СыктГУ)	Чернышский с/с	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 1329-1333.	«рождественские» песни, лирические необрядовые песни, свадебные и похоронные причитания, суеверные рассказы, похоронный и свадебный обряды
1997	ИФП	с. Ношуль	г. Сыктывкар,	Этнография свадьбы и

	(СыктГУ)		ФА СыктГУ. АФ 1334.	похорон, гадания, календарная обрядность
1997	ИФП, студ. Ракина Е. (СыктГУ)	с. Летка	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 1335.	Календарная обрядность, гадания, историч. сведения, похоронный и свадебный обряды
1998	ИФП, студ. Гущина Т. (СыктГУ)	с.с. Прокопьевка, Слудка	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 1336.	«Рождественский» песенный репертуар, календарная обрядность, сведения по демонологии, похоронный обряд, приметы
1998	ИФП, студ. Черных А. (СыктГУ)	Гурьевский с/с	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 1337.	Календарная обрядность, игры, гадания, этнография свадьбы, похорон, родин, похоронное причитание
1998	ИФП, студ. студ. Попова Т. (СыктГУ)	с. Летка	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 1338.	Лирические песни, песенно-игровой фольклор, календарная обрядность, сведения о молодежной культуре, этнография свадьбы, похорон, частушки
1999	ИФП, студ. Осипова Е. (СыктГУ)	с. Гурьевка	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 1339.	Свадебный обряд, календарная обрядность, сведения по топонимике, ономастике и др.
1999	ИФП, студ. Чегесова С. (СыктГУ)	с. Читаево	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 1340, 1341.	Календарная обрядность, гадания, приметы, историч. сведения, поверье, нар. медицина, родильный, рекрутский обряды
1999	ИФП, студ. Осипова Л. (СыктГУ)	Гурьевский с/с	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 1342.	Историч. сведения, календарная обрядность, «рождественские» песни, гадание, свадебное причитание, суеверные рассказы
1999	ИФП, студ. Черных Е. (СыктГУ)	с. Гурьевка	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 1344.	Этнография свадьбы, похорон, родин, свадебные и похоронные причитания, суеверные рассказы, календарная обрядность, сведения о молодежной культуре
2000	ИФП, студ. Черных М. (СыктГУ)	Гурьевский с/с	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 1345.	Календарная обрядность, гадания, игры, «рождественские» песни, свадебный, похоронный,

				рекрутский обряды, детский фольклор, мифологический рассказ, предание
2001	ФДЭ: рук-ли Бунчук Т.Н., Канева Т.С., Шевченко Е.А., при участии Мишариной Г.А., Ивашевой А.И, Потаповой М.А., студентов-практикантов (СыктГУ)	Объячевский, Прокопьевский с/с	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 1346-13105, 13164.	Разножанровый фольклорно-этнографический материал
2002	ФДЭ: рук-ли Бунчук Т.Н., Канева Т.С., Шевченко Е.А., при участии Насоновой А.В., Ершовой Л.Л., Михейченко Н.А. , студентов-практикантов (СыктГУ)	Спаспоруб ский с/с	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 13106-13157.	Разножанровый фольклорно-этнографический материал
2002	ИФП, студ. Кочанова А. (СыктГУ)	с. Чёрныш	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 13163.	Песни на коми и русском языке
2004	ФДЭ: рук-ли Бунчук Т.Н., Шевченко Е.А. при участии Насоновой А.В., студентов-практикантов (СыктГУ)	Ношульски й с/с	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 13165-13197.	Разножанровый фольклорно-этнографический материал
2005	ИФП, студ. Мусанова С. (СыктГУ)	Прокопьев ский с/с, Слудский с/с	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 13198, 13199.	Исторические сведения, местная топография, календарная обрядность, частушки, свадебный обряд, сведения по демонологии, «рождественские» песни
2006	ФДЭ: рук-ли	Летский с/с	г. Сыктывкар, ФА	Разножанровый

(зимняя экспедиция)	Бунчук Т.Н., Шевченко Е.А. при участии Михейченко Н.А., студентов-практикантов (СыктГУ)		СыктГУ. АФ 13200-13226.	фольклорно-этнографический материал
2006 (летняя экспедиция)	ФДЭ: рук-ли Бунчук Т.Н., Шевченко Е.А. при участии Насоновой А.В., студентов-практикантов (СыктГУ)	Летский, Слудский, Прокопьевский , Мутницкий с/с	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 13227-13257.	Разножанровый фольклорно-этнографический материал
2006	Совместная ФЭ ИЯЛИ КНЦ и СыктГУ: Савельева Г.С., Панюков А.В., Уляшев О.И., Канева Т.С., Шевченко Е.А., Бунчук Т.Н., Чугаева С., Сорвачева С.	Прокопьевский с/с	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 13258-13264. ФФ ИЯЛИ. В1542-1545.	Разножанровый фольклорно-этнографический материал
2007	ФДЭ: рук-ли Бунчук Т.Н., Шевченко Е.А. при участии Каневой Т.С., студентов-практикантов (СыктГУ)	Летский, Гурьевский с/с	г. Сыктывкар, ФА СыктГУ. АФ 13265-13301.	Разножанровый фольклорно-этнографический материал
2010	ФЭ, аспирант Мусанова С. (СыктГУ)	Прокопьевский с/с	г. Сыктывкар,ФА СыктГУ. АФ 13363-13364.	Этнография свадьбы, причитания, лирические песни, демонологические рассказы, гадания, частушки и др.

ПРИЛОЖЕНИЕ V.
УКАЗАТЕЛЬ ШИФРОВ ЗАПИСЕЙ

Научный архив Коми НЦ

Ф.1. Оп.11. Д.211а, № 23, 28, 32, 33, 34, 36, 37, 38: с. Объячево; Панева А.В., Шаглеева А.В., Худяева Н.М., Проскурякова И.В.; зап. Чисталев П.И., 1960 г.

Ф.1. Оп.11. Д.211а, № 41, 42, 48, 50, 51: с. Ношуль, колхозный хор; зап. Чисталев П.И., 1960 г.

Ф.1. Оп.11. Д.211а, №№ 59, 60, 63а, 63в, 63г, 65, 65а, 71, 74; Л. 94а: Спаспорубский с/с, с. Поруб, Калова П.А.; зап. Чисталев П.И., 1960 г.

Ф.1. Оп.11. Д.211а, № 54, 66, 67, 72, 73: Спаспорубский с/с, с. Поруб; Калова П.А., Старцева К.А., Баталова А.А.; зап. Чисталев П.И., 1960 г.

Ф.1. Оп.11. Д.211а, № 84: с. Ношуль, хор; зап. Микушев А.К., 1961 г.

Ф.1. Оп.11. Д.211а. Л. 124, 128, 130: с. Ношуль, исп. Иевлева М.И., зап. Микушев А.К., 30 марта 1961 г.

Ф.1. Оп.11. Д.226, № 149, 150, 154, 155, 157: с. Занулье, Мокиева О.И., 1909 г.р., Мокиева А.А., 1914 г.р., Вязова П.Ф., Вязова А.Ф., 1912 г.р., Хотемова В.Н., 1886 г.р.; зап. Микушев А.К., Рочев Ю.Г., 1963 г.

Ф.1. Оп.11. Д.226, № 152, 153, 156, 174, 175: с. Занулье, Хотемова В.Н., 1886 г.; зап. Микушев А.К., Рочев Ю.Г., 1963 г.

Ф.1. Оп.11. Д.226, № 176: с. Занулье, Хотемова В.Н. (зап.), 1886 г.р., Мокиева А.А., 1914 г.р., Хотемова А.П., 1885 г.р.; зап. Микушев А.К., Рочев Ю.Г., 1963 г.

Ф.1. Оп.11. Д.226, № 177: с. Занулье, хор; зап. Микушев А.К., Рочев Ю.Г., 1963 г.

Ф.1. Оп.11. Д.226, № 180: с. Занулье, Хотемова В.Н., 1886 г.р., Вязова А.Ф., 1912 г.р.; зап. Микушев А.К., Рочев Ю.Г., 1963 г.

Ф.1. Оп.11. Д.226, № 185, 186, 191, 192: с. Занулье; Вязова А.Ф., 1912 г.р., Хотемова В.Н., 1886 г.р., Федюнева К.О., 1911 г.р.; зап. Микушев А.К., Рочев Ю.Г., 1963 г.

Ф.1. Оп.11. Д.226, № 194: с. Занулье, Вязова А.Ф., 1912 г.р.; зап. Микушев А.К., Рочев Ю.Г., 1963 г.р.

Ф.1. Оп.11. Д.226, № 198, 207, 208, 210, 211, 213, 214, 216: с. Читаево, Дымова А.А., 1895 г.р.; зап. Микушев А.К., Рочев Ю.Г., 1963 г.

Ф.1. Оп.11. Д.226, № 248, 252: с. Читаево; Дымова А.А. (зап.), 1895 г.р., Кустышева Ф.С., 1906 г.р., Кустышева А.С., 1904 г.р., Галева А. М., 1903 г.р.; зап. Микушев А.К., Рочев Ю.Г., 1963 г.

Ф.1. Оп.11. Д.226, № 283: Объячевский с/с, д. Керос; Туголукова А. Т., 1887 г.р., Туголукова Ю.Н., 1925 г.р.; зап. Микушев А.К., Рочев Ю.Г., 1963 г.

Ф.1. Оп.11. Д.226, № 187, с. Занулье; Хотемова В.Н. (зап.), 1886 г.р., Федюнева К.О., 1911 г.р., Вязова А.Ф., 1912 г.р.; зап. Микушев А.К., Рочев Ю.Г., 1963 г.

Ф.1. Оп.11. Д.226, № 178: с. Занулье; Хотемова В.Н. (зап.), 1886 г.р., Мокиева А.А., 1914 г.р., Хотемова А.П., 1885 г.р.; зап. Микушев А.К., Рочев Ю.Г., 1963 г.

Ф.1. Оп.11. Д.226. Л. 153, 156, 157: с. Занулье, Хотемова В.Н., 1886 г.р., Мокиева А.А., 1909 г.р., зап. А.К. Микушев, Ю.Г. Рочев, 1963 г.

Ф.1. Оп.11. Д.226, № 226: с. Читаево, Кустышева А.С. (зап.), 1904 г.р., Кустышева Е.С., 1910 г.р., Кустышева Ф.С., 1906 г.р., Дымова А.А., 1895 г.р.; зап. Микушев А.К., Рочев Ю.Г., 1963 г.

Ф.1. Оп.11. Д.226, № 234, 236: с. Читаево; Дымова А.А. (зап.), 1895 г.р., Кустышева А.С., 1904 г.р., Кустышева Ф.С., 1906 г.р., Галева А.М., 1903 г.р.; зап. Микушев А.К., Рочев Ю.Г., 1963 г.

Ф.1. Оп.11. Д.226, № 293: Объячевский с/с, д. Юговская, Оботурова Е.Т. (зап.), 1902 г.р., Оботурова У.С., 1885 г.р., Шаглеева А.В., 1900 г.р.; зап. Микушев А.К., Рочев Ю.Г., 1963 г.

Ф.1. Оп.11. Д.226, № 301: Объячевский с/с, д. Юговская, Оботурова Е.Т. (зап.), 1902 г.р., Шаглеева А.В., 1900 г.р.; зап. Микушев А.К., Рочев Ю.Г., 1963 г.

Ф.1. Оп.11. Д.226, № 302: Объячевский с/с, д. Юговская, Оботурова Е.Т. (зап.), 1902 г.р., Шаглеева А.В., 1900 г.р.; зап. Микушев А.К., Рочев Ю.Г., 1963 г.

Ф.1. Оп.11. Д.226, № 303: Объячевский с/с, д. Юговская, Шаглеева А.В., 1900 г.р.; зап. Микушев А.К., Рочев Ю.Г., 1963 г.

Ф.1. Оп.11. Д.226, № 304: Объячевский с/с, д. Юговская, Оботурова Е.Т. (зап.), 1902 г.р., Шаглеева А.В., 1900 г.р.; зап. Микушев А.К., Рочев Ю.Г., 1963 г.

Ф.1. Оп.11. Д.226, № 311: Объячевский с/с, д. Юговская, Оботурова Е.Т., 1902 г.р.; зап. Микушев А.К., Рочев Ю.Г., 1963 г.

Ф.1. Оп.11. Д.226, № 318: Объячевский с/с, д. Юговская, Оботурова У.С., 1885 г.р.; зап. Микушев А.К., Рочев Ю.Г., 1963 г.

Ф.5. Оп.2. Д.209а, № 126: с. Летка, Мусанова Д.В., 1921 г.р.; зап. Рочев Ю.Г., 1976 г.

Ф.5. Оп.2. Д.209а , №№ 56, 57: с. Летка, Туркова И.В.; зап. Рочев Ю.Г., 1976 г.

Ф.5. Оп.2. Д.209а, №№ 20, 60, 62, 63, 65, 66, 67, 68: с. Летка, Попова А.Д.; зап. Рочев Ю.Г., 1976 г.

Ф.5. Оп.2. Д.209а. № 23, 24, 25 (Л. 104-105): с. Летка, Туркова К.И., 1913 г.р.; зап. Рочев Ю.Г., 1976 г.

Ф.5. Оп.2. Д.147. Л. 230, 231, 232, 233, 234, 236, 247-248: с. Летка, Морохова Ф.М., 60 лет; зап. Жилина Т.И., 1974 г.

Ф.5. Оп.2. Д.158. Л. 333-334: с. Ношуль, Иевлева У.А., 76 лет; зап. Лоскутова Н.И., 1974 г.

Национальный музей Республики Коми

КП 12485. Л. 131, 135, 136, 144: с. Летка, Попова Д.М., зап. Попов С.А., 1928-1929 гг.

КП 12485. Л. 19-21: с. Мутница, Синтӧм Анна; зап. Попов С.А., 1928-1929 гг.

КП 12485. Л. 34-38: с. Слудка, Мусанова Д.И., зап. Попов С.А., 1928-1929 гг.

КП 12482. Л. 12-12об.: с. Объячево; 1935 г.

КП 12493. Л. 81-83: Объячевский с/с, д. Пожмадор, 1927 г.р.

КП 12484 / 1-19: с. Объячево; студентка Шулепова А.И.

Фольклорный архив СыктГУ

13001-1, 1а, 2, 3: Прокопьевский с/с, д. Вавиловка, Югова М.Н., 1903 г.р., Югова А.М., Трофимова А.Н.; зап. Сухогузов П.Г., 29.11.1980 г.

13001-4, 5: Прокопьевский с/с, д. Кулига, женский ансамбль; зап. Сухогузов П.Г., 2.02.1980 г.

13001-6: Прокопьевский с/с, д. Кулига, Югова Н.Н.; зап. Сухогузов П.Г., 17.07.1979 г.

13001-7, 8, 9, 10, 11, 12, 13: женский ансамбль; зап. Сухогузов П.Г.

13002-1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8: Прокопьевский с/с, д. Вавиловка, Югова М.Н., 1903 г.р., Югова А.М., Трофимова А.Н.; зап. Сухогузов П.Г., 29.11.1980 г.

13002-9, 10, 11, 12: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, Лобанова А.Е., 1910 г.р., Лобанова Ф.С., 1911 г.р., Лобанова А.Ф., 1915 г.р., Лобанова В.С., 1909 г.р., Потапова П.Е., 1911 г.р.; зап. Сухогузов П.Г., 2.03.1980 г.

13003-1, 2, 3, 4, 5, 7, 8: Прокопьевский с/с, д. Ивановка; Лобанова А.Е., 1910 г.р., Лобанова Ф.С., 1911 г.р., Лобанова А.Ф., 1915 г.р., Лобанова В.С., 1909 г.р., Потапова П.Е., 1911 г.р.; зап. Сухогузов П.Г., 2.03.1980 г.

13003-9, 10, 11: Ухтинский район, п. Водный, Вологжанина И.И., 1916 г.р., урож. с. Прокопьевка, Коснырева М.М., 1942 г.р.; зап. Сухогузов П.Г., 6.02.1980 г.

13004-1, 2: Ухтинский район, п. Водный, Вологжанина И.И., 1916 г.р., урож. с. Прокопьевка, Коснырева Мария Михайловна, 1942 г.р.; зап. Сухогузов П.Г., 6.02.1980 г.

13004-3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 23а, 24, 24а, 25, 26: Прокопьевский с/с, д. Ивановка; Лобанова А.Е., 1910 г.р., Лобанова Ф.В., 1911 г.р., Лобанова В.С., 1909 г.р., Потапова П.Е., 1911 г.р., Лобанова А.Ф., 1915 г.р.; зап. Сухогузов П.Г., 3.03. 1980 г.

13004-27, 28, 29, 30, 31, 32: Прокопьевский с/с, д. Кулига, ансамбль; зап. Сухогузов П.Г., 10.03.1980 г.

13005-1: женский ансамбль; зап. Сухогузовым П.Г., 10.03. 1980 г.

13005-2, 3, 4: Ухтинский район, п. Водный, Вологжанина И.И., 1916 г.р., урож. с. Прокопьевка, урож. д. Прокопьевки, Югова Е.С., 1912 г.р.; зап. Сухогузов П.Г., 11.06.1978 г.

1304-1, 2, 4, 5, 8: с. Мутница, Иванова М.Т., Иванова А.Т., Иванова Е.Е., Иванова М.С., Черных Ф.С.; зап. Микушев А.К., фольклорная практика, 1978 г.

1305-1, 2, 3, 6, 7, 14, 16, 17: с. Мутница, Иванова М.Т.; зап. Микушев А.К., фольклорная практика, 1978

1305-20: с. Мутница, Иванова М.Т., Иванова А.Т., Иванова Е.Е., Иванова М.С., Черных Ф.С.; зап. Микушев А.К., фольклорная практика, 1978 г.

1305-22: с. Мутница, Иванова М.С.; Микушев А.К., фольклорная практика, 1978 г.

1306-1, 2, 3: Гурьевский с/с, д. Талица, Жигалова О.И., Зизганова М.И.; зап. Микушев А.К., фольклорная практика, 1978 г.

1306-5: Гурьевский с/с, с. Талица, Зизганова М.И.; зап. Микушев А.К., фольклорная практика, 1978 г.

1306-6, 8, 15, 16, 17: Гурьевский с/с, д. Талица, Зизганова Е.И. (зап.), Жигалова О.И., Зизганова М.И., Жигалова Е.А., Черных П.Е.; зап. Микушев А.К., фольклорная практика, 1978 г.

1309-9а, 9б, 9в, 9г: с. Прокопьевка, Коснырева М.Н., 1907 г.р., зап. Панюков А.В., 1990 г.

1314-5, 6: Летский с/с, с. Летка; Пермина В.С., 1923 г.р.; зап. Панюков А.В., 1990 г.

1329-2: с. Черныш, Сердитова И.М., 1930 г.р., зап. Шевченко Е.А., 1996 г.

1330-22, 24, 26, 30, 31: с. Черныш, Стрекалова А.М., 1913 г.р., урож. д. Черныш; зап. Т.Н. Бунчук, Е.А. Шевченко, 1996 г.

1331-18, 18а, 20, 21, 23, 25, 42, 43: с. Черныш, Стрекалова А.М., 1913 г.р., Костылева Х.Л., 1915 г.р., Сердитова А.И., 1908 г.р.; зап. Шевченко Е.А., Бунчук Т.Н., Петухов С.В., 1996 г.

1332-30: с. Черныш, ансамбль «Черныш»; зап. Шевченко Е.А., Бунчук Т.Н., Петухов С.В., 1996 г.

1332-33: с. Черныш, Стрекалова А.М., 1913 г.р., Костылева Х.Л., 1915 г.р.; зап. Шевченко Е.А., Бунчук Т.Н., Петухов С.В., 1996 г.

1333-37: с. Черныш, Ичёткина М.И., 1907 г.р.; зап. Шевченко Е.А., Бунчук Т.Н., Петухов С.В., 1996 г.

1336-2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12: Прокопьевский с/с, д. Ивановка; Ичеткина Г.А. 1939 г.р., Лобанова Н.А. 1935 г.р.; зап. студент Гущина Т., 1998 г.

1338-7, 8, 9, 11: Летский с/с, с. Летка; Югова А.Н., 1920 г.р.; зап. Попова Т., август 1998 г.

1342-19 «а»: с. Летка, Сухогузова А.Е., 1928 г.р.; 1999 г.
1342-4, 21, 22, 24, 25, 26: Гурьевский с/с, д. Корольки; Осипова Е.А., 1925 г.р.; зап. студент Осипова Л., 1999 г.
1344-12, 12а: с. Гурьевка, Черных М.Я., 1923 г.р.; зап. студент, 1999 г.

1344-3, 4: с. Гурьевка, Осипова Е.Я., 1922 г.р.; зап. студент, 1999 г.

1345-3, 27, 28, 29, 31, 32, 33: Гурьевский с/с, д. Берёзовка, Черных М.И., 1926 г.р.; зап. студент Черных М., 2000 г.

1347-43, 44: с. Объячево, Лихачева Е.В., 1922 г.р., урож. д. Беляевская; зап. Канева Т.С., 2001 г.

1348-3, 5, 5а, 5б, 7: с. Объячево, Чеусова У.М., 1918 г.р.; зап. Канева Т.С., 2001 г.

1349-30, 32, 34: Объячевский с/с, д. Елинская, Урнышева Е.И., 1910 г.р., урож. д. Занулье (Мишаково), дочь Шулепова Е.В., 1941 г.р.; зап. Канева Т.С., 2001 г.

1351-6, 8, 10, 12: с. Объячево, Галева Е.В., 1918 г.р.; зап. Канева Т.С., 2001 г.

1354-11, 12: с. Объячево, Лихачева М.А., 1931 г.р., Галева Е.В., 1918 г.р., Сердитова Е.А., 1926 г.р.; зап. Канева Т.С., 2001 г.

1354-19, 28, 29, 30, 33, 33а: Объячевский с/с, д. Керос, Панева П.С., 1908 г.р.; зап. Канева Т.С., 2001 г.

1354-29: Объячевский с/с, д. Керос, Панева П.С., 1908 г.р.; зап. Канева Т.С., 2001 г.

1354-35а: Объячевский с/с, д. Керос, Тюрнина Е.К., 1918 г.р.; зап. Канева Т.С., 2001 г.

1359-2, 3, 4, 7, 8, 11, 19, 19а, 22: с. Прокопьевка, Коснырева М.Н., 1907 г.р.; зап. Потапова М., 2001 г.

1360-27: Прокопьевский с/с, д. Булатовка; Потапова Е.Е., 1924 г.р.; зап. Потапова М., 2001 г.

1361-2, 3, 6, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 14а, 15, 16, 17, 18, 19, 19а, 20, 22, 23, 27: Прокопьевский с/с, с. Прокопьевка, Ичеткина Г.А., 1939 г.р., Лобанова Н.А., 1935 г.р.; зап. Потапова М., 2001 г.

1361-30а: Прокопьевский с/с, с. Прокопьевка, Потапова Е.Е., 1926 г.р., урож. д. Булатовка; зап. Потапова М., 2001 г.

1362-11а, 11б, 13, 13а, 14: Прокопьевский с/с, с. Прокопьевка; Коснырева А.С., 1923 г.р., Коснырева Т.П., 1931 г.р.; зап. Потапова М., 2001 г.

1362-31: Прокопьевский с/с, д. Вавиловка, Трофимова И.Г., 1927 г.р.; зап. Потапова М., 2001 г.

1362-39, 39а, 39б: Прокопьевский с/с, д. Вавиловка, Югова Н.П., 1932 г.р.; зап. Потапова М., 2001 г.

1362-42а, 42б, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 49б, 50, 51, 52, 53, 54, 55: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, Лобанова А.В., 1925 г.р., Лобанова Е.И., 1934 г.р., Лобанова Н.Е., 1923 г.р.; зап. Потапова М., 2001 г.

1362-31: с. Прокопьевка, д. Вавиловка, Трофимова И.Г., 1927 г.р.; зап. Потапова М., 2001 г.

1362-39, 39а: с. Прокопьевка, д. Вавиловка, Югова Н.П., 1932 г.р.; зап. Потапова М., 2001 г.

1362-62: Прокопьевский с/с, д. Вавиловка, Югова, А.А., 1917 г.р., урож. д. Ивановка; зап. Потапова М., 2001 г.

1363-3, 4, 5: Прокопьевский с/с, с. Прокопьевка, Лобанова А.Е., 1929 г.р.; зап. Потапова М., июнь 2001 г.

1363-21, 22: с. Прокопьевка, Коснырева А.С., 1923 г.р.; зап. Потапова М., 2001 г.

1363-41: Прокопьевский с/с, д. Вавиловка; Югова А.А., 1917 г.р., с. Прокопьевка Лобанова А.Е., 1929 г.р., Потапова Т.Е., 1925 г.р.; зап. Потапова М., 2001 г.

1363-6, 7: Прокопьевский с/с, с. Прокопьевка, Лобанова А.Е., 1929 г.р., Потапова Т.Е., 1925 г.р.; зап. Потапова М., июнь 2001 г.

1364-19: Прокопьевский с/с, с. Прокопьевка, Лобанова А.Е., 1929 г.р.; зап. Потапова М., июнь 2001 г.

1371-23: Объячевский с/с, д. Керос, Панева А.Г., 1926 г.р., урож. с. Летка; зап. Бунчук Т.Н., 2001 г.

1371-50, 51: Объячевский с/с, д. Кулига, Лихачева У.И., 1914 г.р.; зап. Бунчук Т.Н., 2001 г.

1372-56: Объячевский с/с, д. Кулига, Шулепова В.В., 1944 г.р.; зап. Бунчук Т.Н., 2001 г.

1373-17, 17а, 18, 20, 20а, 21, 21а, 21б, 21в: Объячевский с/с, д. Беляевская, Кузнецова Т.М. (зап.), 1915 г.р., Шучалина У.С., 1916 г.р.; зап. Канева Т.С., Бунчук Т.Н., 2001 г.

1373-27, 29, 31: Объячевский с/с, д. Беляевская, Кузнецова Т.М., 1915 г.р. , урож. с. Объячево (д. Ручук); зап. Бунчук Т.Н., 2001 г.

1378-18: Объячевский с/с, д. Пожмадор, Морозова А.И., 1922 г.р., урож. д. Керос; 2001 г.

1378-5: Объячевский с/с, д. Пожмадор, Палева Е.Д., 1924 г.р., урож. д. Керос, Канева Т.В., 1959 г.р.; 2001 г.

1380-13, 14, 18: с. Объячево, Туголукова У.С., 1917 г.р., урож. д. Лукинцы; зап. Шевченко Е.А., 2001 г.

1381-32: с. Объячево, Туголукова А.А., 1916 г.р., урож. с. Читаево; зап. Шевченко Е.А., 2001 г.

1383-17а, 17в: Объячевский с/с, д. Елинская, Шулепова Н.Б., 1922 г.р.; зап. Мишарина Г.А., 2001 г.

1398-1, 2а, 3, 19, 20, 22а, 24, 25, 26, 27, 30, 31: Слудский с/с, с. Слудка, Шулепова М.И., 1918 г.р., Патракеева М.С., 1931 г.р.; зап. Иванова Е., июнь 2001 г.

1398-40: с. Черемуховка, п. Индом, Окишева П.Г., 1933 г.р.; зап. Иванова Е., 2001 г.

13100-7, 8, 11, 12, 13, 15, 17, 20, 22: Объячевский с/с, д. Пожмадор, Морозова Т.А., 1916 г.р.; зап. Шевченко Е.А., 2001 г.

1310-2, 3, 4, 5, 6, 8, 10, 11, 12, 14, 16, 18, 19, 24: Прокопьевский с/с, д. Ивановка; ансамбль: Лобанова А.Е., 1910 г.р., Лобанова А.Ф., 1915 г.р., Лобанова А.М., 1914 г.р., Лобанова А.М., 1907 г.р.; зап. Панюков А.В., 1990 г.

13103-11, 11а, 12: с. Объячево, Лихачева Е.В., 1922 г.р., урож. д. Беляевская; зап. Канева Т.С., 2001 г.

13103-14, 16, 17, 18, 21: с. Объячево, Чеусова У.М., 1918 г.р.; зап. Канева Т.С., 2001 г.

13103-25, 27, 29, 30, 37: с. Объячево, Галева Е.В.; зап. Канева Т.С., 2001.

13103-35, 36, 36а: с. Объячево, Галева Е.В., 1918 г.р., Воробьева Т.Е., 1933 г.р.; зап. Канева Т.С., 2001 г.

13104-1, 2, 4: с. Объячево, Галева Е.В., 1918 г.р.; зап. Канева Т.С., 2001 г.

13104-11, 12, 12а: с. Объячево, Галева Е.В., 1918 г.р., Сердитова Е.А., 1926 г.р., Лихачева М.А., 1931 г.р.; зап. Канева Т.С., 2001 г.

13105-10, 11, 13, 13а: с. Объячево, Кузнецова Т.М., 1915 г.р.; зап. Канева Т.С., Бунчук Т.Н., 2001 г.

13110-56, 56а, 58: Спаспорубский с/с, д. Урнышевская, Юхнина Л.М., 1918 г.р.; зап. Шевченко Е.А., 2002 г.

13121-30, 35, 36, 37, 40, 44, 44а, 45: Спаспорубский с/с, с. Поруб (д. Красный Рай), Старцева А.Д., 1919 г.р.; зап. Канева Т.С., июль 2002 г.

13130-19, 20, 21, 22, 23: Спаспорубский с/с, д. Лобановская, Лобанова А.А., 1925 г.р., Лобанова К.Н., 1927 г.р.; зап. Канева Т.С., 2002 г.

13130-4, 7, 9, 11, 14, 15: Спаспорубский с/с, с. Поруб (д. Красный Рай), Старцева А.Д., 1919 г.р.; зап. Канева Т.С., июль 2002 г.

13131-1: Спаспорубский с/с, с. Поруб, д. Лобановская, Лобанова К.Н., 1927 г.р.; зап. Канева Т.С., 2002 г.

13145-12, 13, 14а, 15, 15а, 19, 20: Спаспорубский с/с, д. Матвеевская, Урнышева А.В., 1921 г.р., урож. д. Верхний Конец; зап. Насонова А.В., 2002 г.

13163-15, 17: с. Черныш, Трофимова А.П., 1927 г.р., Руссу Н.А., 1954 г.р., Сердитова Е.А., 1968 г.р.; зап. Кочанова А.А., сентябрь 2002.

13164-22, 23, 25: Объячевский с/с, д. Елинская, Шулепова Н.Б., 1922 г.р.; зап. Мишарина Г., 2001 г.

13172-7, 12: с. Ношуль, Вахнина С. А., 1929 г.р.; зап. Шевченко Е.А., 2004 г.

13175-51: Ношульский с/с, п. Орысь, Оботурова А.Е., 1924 г.р.; зап. Бунчук Т.Н., 2004 г.

13181-24, 25а, 26, 28: с. Ношуль, Пономарева Е.П., 1920 г.р.; 2004 г.

13184-68а, 68б: Ношульский с/с, д. Яковлевская, Рубцова А.И., 1926 г.р., урож. д. Якутинская; 2004 г.

13193-39: с. Ношуль, Вахнина С.А., 1929 г.р.; зап. Филимонов В., Майорова А., 2004 г.

13199-1, 2, 3, 4, 5а, 5, 7, 8, 9, 10: с. Прокопьевка, Пылаева Л.М., 1935 г.р., урож. д. Лавровка Прокопьевского с/с; зап. Мусанова С., 2005 г.

13199-11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 25: с. Прокопьевка; Ичеткина Г.А., 1939 г.р.; зап. Мусанова С., 2005 г.

13202-48, 45, 53, 55: с. Летка, Туркова И.В., 1912 г.р., 18 мая, урож. д. Слизово; зап. Шевченко Е.А., Бунчук Т.Н., февраль 2006 г.

13203-27: с. Летка, Кетова Е.И., 1930 г.р., урож. д. Слизово, Слудского с/с.; зап. Бунчук Т.Н., Шевченко Е.А., февраль 2006 г.

13211-21: с. Летка, Коснырева Е.А., 1930 г.р., урож. с. Слудка Слудского с/с; зап. Филимонов В.В., 2006 г. (зима).

13212-11, 13: с. Летка, Югова Е.Ф., 1922 г.р., урож. с. Слудка Слудского с/с; зап. Филимонов В., 2006 г. (зима).

13216-26, 27, 29, 30, 32, 33, 35: Летский с/с, с. Гостиногорка, Пантелеева О.Ф., 1917 г.р.; зап. Кубик Г., 2006 г. (зима).

13217-24: с. Летка; Перминова А.Х., 1933 г.р., урож. д. Корольки Гурьевского с/с; зап. Кубик Г., 2006 г. (зима).

13217-30, 31, 32, 35, 36: Летский с/с, д. Выставка, Попова З.И., 1918 г.р.; зап. Кубик Г., 2006 г. (зима).

13220-5: с. Летка; Кетова Т.Г., 1933 г.р., урож. с. Прокопьевка; зап. Кубик Г., 2006 г. (зима).

13227-9: с. Слудка; Ракина М.Е., 1929 г.р., урож. д. Кулиги Слудского с/с; зап. Шевченко Е.А., 2006 г.

13228-21: с. Слудка, Ракина М.Е., 1929 г.р.; зап. Шевченко Е.А., 2006 г.

13228-45, 52: с. Летка, Югова Е.Ф., 1922 г.р., урож. с. Слудка; зап. Шевченко Е.А., 2006 г.

13229-2, 4: с. Летка, Югова Е.Ф., 1922 г.р., урож. с. Слудка; зап. Шевченко Е.А., Бунчук Т.Н., 2006 г.

13229-24: с. Слудка, Мусанова Т.Е., 1933 г.р., урож. д. Слизово, Мусанова Т.И., 1959 г.р., урож. с. Летка; зап. Шевченко Е.А., 2006 г.

13230-14, 15: с. Слудка, Туркова И.В., 1912 г.р., урож. д. Слизово; зап. Кетова Е.И.

13231-1ж, 14а, 16а, 18: с. Слудка, Коснырева Л.П., 1938 г.р.; зап. Насонова А.В., 2006 г.

13231-37: с. Слудка, Симаков И.П., 1935 г.р.; зап. Насонова А.В., 2006 г.

13232-21, 22, 23: с. Слудка, Иванова А.Ф., 1932 г.р.; зап. Насонова А.В., 2006 г.

13232-4: с. Слудка; Коснырева Л.П., 1938 г.р., урож. с. Летки; зап. Насонова А.В., 2006 г.

13234-15: с. Слудка; Рутов Н.В., 1927 г.р., Рутова Н.Ф., 1934 г.р., урож. д. Ураки Слудского с/с; зап. Насонова А.В., 2006 г.

13236-3, 4, 5, 6, 8, 9: с. Прокопьевка, Ичеткина Г.А., 1939 г.р., Лобанова А.Е., 1929 г.р., Лобанова Е.И., 1934 г.р.; зап. Шевченко Е.А., Бунчук Т.Н., июль 2006 г.

13238-20: с. Летка, ансамбль «Бабушки»: Черных В.И., 1950 г.р., Болюбаш Т.А., 1933 г.р., урож. с Украины, Кетова Е.П., 1940 г.р., урож. Гостиногорки, Пантелеева Н.Е., 1948 г.р., урож. с. Объячева, Кетова Е.И., 1930 г.р., урож. д. Слизово Слудского с/с, Морокова О.И., 1940 г.р., урож. с. Гостиногорка, Югов В.Н., 1929 г.р., урож. с. Прокопьевка; зап. Шевченко Е.А., Бунчук Т.Н., июль 2006 г.

13241-2, 4: с. Слудка, Гущина Ф.С., 1930 г.р.; зап. Бунчук Т.Н., 2006 г.

13242-2,3, 5, 6: с. Слудка; Гущина Ф.С., 1930 г.р.; зап. Бунчук Т.Н., 2006 г.

13244-2, 3, 5, 6, 9, 11: с. Прокопьевка, Ичеткина Г.А., 1939 г.р., Лобанова А.Е., 1929 г.р., Лобанова Е.И., 1934 г.р.; зап. Шевченко Е.А., Бунчук Т.Н., 10.07. 2006 г.

13247-25, 26: с. Слудка, Рутова Т.Д., 1938 г.р. урож. д. Мутница; зап. студент Рыжко К., 2006 г.

1325-17: Прокопьевский с/с, с. Прокопьевка, Черных Н.А., 1922 г.р., Осипова Е.А., 1931 г.р., Черных Е.И., 1930 г.р.; зап. Панюков А.В., зима 1991 г.

13252-6а, 6б, 7а: Прокопьевский с/с, д. Кулига; Коснырева О.А., 1925 г.р.; зап. студенты, 2006 г.

13253-16, 17, 21: Мутницкий с/с, д. Макарсикт, Рубцова А.И., 1929 г.р., урож. д. Архиповка Мутницкого с/с, зап. студенты, 2006 г.

13261-4, 6, 9, 12, 16, 19, 21, 22, 23, 30, 31, 33, 35: Прокопьевский с/с, с. Прокопьевка, Лобанова А.Е., 1929 г.р. (зап.), Осипова М.М., 1942 г.р., Лобанова Е.И., 1934 г.р., Лобанова Н.А., 1935 г.р., Коснырева О.А., 1925 г.р., зап. Панюков А.В., Савельева Г.С., Канева Т.С., ноябрь 2006 г.

13261-34: Прокопьевский с/с, с. Прокопьевка, Лобанова А.Е., 1929 г.р., зап. Панюков А.В., Савельева Г.С., Канева Т.С., ноябрь 2006 г.

13262- 1, 2, 3, 4, 9, 11, 12, 14, 16, 18, 18а, 19, 21: Прокопьевский с/с, с. Прокопьевка, Лобанова Аксинья Ефимовна, 1929 г.р. (запев.), Осипова М.М., 1942 г.р.; Микушева П.Е., 1928 г.р., Коснырева Е.М., 1931 г.р., зап. Панюков А.В., Савельева Г.С., Канева Т.С., ноябрь 2006 г.

13262-6: Прокопьевский с/с, с. Прокопьевка, Лобанова А.Е., 1929 г.р., зап. Панюков А.В., Савельева Г.С., Канева Т.С., ноябрь 2006 г.

13266-3: с. Летка, Черных О.Е., 1930 г.р., урож. д. Березовки Гурьевского с/с; зап. Шевченко Е.А., 2007 г.

13267-2а, 2в: с. Летка, Маркова О.В., 1930 г.р., урож. Мутницы; зап. Шевченко Е.А., 2007 г.

13268-3, 17: Гурьевский с/с, д. Березовка, Осипова Е.Я., 1922 г.р.; зап. Шевченко Е.А., 2007 г.

13269-16: Летский с/с, д. Выставка, Попова Е.Н., 1924 г.р.; зап. Шевченко Е.А., 2007 г.

13270-20, 23а, 24, 25, 26: Гурьевский с/с, д. Березовка, Черных Е.Я., 1925 г.р.; зап. Шевченко Е.А., 2007 г.

13271-1а, 2а, 2в, 3: Гурьевский с/с, д. Березовка, Черных Е.Я., 1925 г.р., Черных М.Р., 1927 г.р.; зап. Шевченко Е.А., 2007 г.

13274-13, 14: Гурьевский с/с, д. Корольки, Черных А.И., 1932 г.р., урож. д. Березовка Гурьевского с/с, Черных Ю.В., 1932 г.р., урож. д. Корольки Гурьевского с/с; зап. Насонова А.В., 2007 г.

13275-4, 9: Гурьевский с/с, д. Корольки, Осипова М.И., 1928 г.р.; зап. Насонова А.В., 2007 г.

13276-4, 6: Летский с/с, д. Выставка, Попова З.И., 1918 г.р.; зап. Насонова А.В., 2007 г.

13277-24, 25, 26: Гурьевский с/с, д. Березовка, Пермина А.А., 1939 г.р., урож. д. Березовка Гурьевского с/с; зап. Насонова А.В., 2007 г.

13283-5: с. Летка, Попова Е.М., урож. д. Крутотыла Летского с/с; зап. Бунчук Т.Н., 2007 г.

13284-13, 14, 15: с. Летка, Косолапова Е.И., 1934 г.р., Косолапова А.М., 1924 г.р.; зап. Бунчук Т.Н., 2007 г.

13294-53, 54, 55, 63: Летский с/с, д. Прислон, Бакулина М.М., 1937 г.р., урож. д. Булатовка (Прокопьевский с/с); зап. Канева Т.С., 2007 г.

13295-35а, 35, 38: Летский с/с, д. Корольки, Белоус М.А., 1924 г.р.; зап. Канева Т.С., 2007 г.

13298-14а, 14б, 14в, 14, 17а, 17, 20: Летский с/с, д. Выставка, Попова З.И., 1918 г.р.; зап. Канева Т.С., зап. Насонова А.В., 2007 г.

13301-12а, 12, 16, 16а: Летский с/с, д. Корольки, Осипова А.П., 1931 г.; зап. Канева Т.С., 2007 г.

13363-33, 35: с. Прокопьевка, Лобанова А.Е., 1929 г.р., урож. д. Ведевка Прокопьевского с/с; зап. Мусанова С.С., 2010 г.

13363-6: с. Прокопьевка, Пылаева Л.М., 1935 г.р., урож. д. Лавровка Прокопьевского с/с; зап. Мусанова С.С., 2010 г.

13364-17: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, Лобанова Е.И., 1934 г.р., урож. д. Ивановка Прокопьевского с/с; зап. Мусанова С.С., 2010 г.

13364-20, 21: с. Прокопьевка, Пылаева Л.М., 1935 г.р., урож. д. Лавровка Прокопьевского с/с; зап. Мусанова С.С., 2010 г.

13364-44: Прокопьевский с/с, д. Кулига, Потапова Е.Н., 1930 г.р., урож. д. Быково Прокопьевского с/с; зап. Мусанова С.С., 2010 г.

13364-51, 56, 58: с. Прокопьевка, Лобанова Н.А., 1935 г.р., урож. д. Ивановка Прокопьевского с/с; зап. Мусанова С.С., 2010 г.

1827-40, 41, 42а, 42б, 44, 47, 48, 49: с. Верхолузье, Сызганова О. В., 73 г., зап. Савельева Г.С., 1990 г.

1827-52, 54: с. Верхолузье, Жигалова Н.Ф., урож. с. Гурьевка, 73 г., Сызганова О.В., урож. с. Верхолузье, Потапова А.М., 63 г., урож. г. Яренска; зап. Савельева Г.С., 1990 г.

РФ 1319. Л. 16, 16об., 17-17об., 18, 18об., 19, 20: материалы А. Тарасова. Сценарий ношульской свадьбы, с. Ношуль.

РФ 1323. Л. 1, 2, 3об.: с. Летка, Туркова И.В.; 2006 г. (лето).

РФ 1328-11, 14: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, Лобанова Е.И., 1934 г.р., урож. д. Ивановка Прокопьевского с/с; зап. Мусанова С.С., 2010 г.

РФ 13-III-1, 2: с. Летка, Кетова М.И., 1909 г.р.; зап. Мозымова И.Г., Сурина Л.Б., Куликова Н.В. (фольклорная практика, науч. рук. – Микушев А.К.), 1979 г.

РФ 13-III-11: Летский с/с, д. Гостиногорка, Попова О.Ф., 1917 г.р.; зап. Мозымова И.Г., Сурина Л.Б., Куликова Н.В. (фольклорная практика, науч. рук. – Микушев А.К.), 1979 г.

РФ 13-III-12, 13, 16, 17: Летский с/с, д. Мороковская, Кетова М.И., 1909 г.р., Морокова М.Н., 1905 г.р.; зап. Мозымова И.Г., Сурина Л.Б., Куликова Н.В. (фольклорная практика, науч. рук. – Микушев А.К.), 1979 г.

РФ 13-III-14, 15: Летский с/с, д. Выставка, Попов В.В., 1893 г.р.,; зап. Мозымова И.Г., Сурина Л.Б., Куликова Н.В. (фольклорная практика, науч. рук. – Микушев А.К.), 1979 г.

РФ 13-III-4: Летский с/с, д. Осиповка, Вахнина А.М., 1894 г.р.; зап. Мозымова И.Г., Сурина Л.Б., Куликова Н.В. (фольклорная практика, науч. рук. – Микушев А.К.), 1979 г.

РФ 13-III-5: Летский с/с, д. Крутотыло, Куликова Н.В., 1907 г.р.; зап. Мозымова И.Г., Сурина Л.Б., Куликова Н.В. (фольклорная практика, науч. рук. – Микушев А.К.), 1979 г.

РФ 13-III-6: Летский с/с, д. Крутотыло, Туркова Н.В., 1907 г.р.; зап. Мозымова И.Г., Сурина Л.Б., Куликова Н.В. (фольклорная практика, науч. рук. – Микушев А.К.), 1979 г.

РФ 13-III-7, 8, 9, 10: Летский с/с, с. Гостиногорка, Пантелеева А.К., 1905 г.р.; зап. Мозымова И.Г., Сурина Л.Б., Куликова Н.В. (фольклорная практика, науч. рук. – Микушев А.К.), 1979 г.

РФ 13-VI-1: Объячевский с/с, д. Пожмадор, Туголукова А.Е., 1894 г.р., Елина А.А., 1896 г.р.; зап. Туголукова Н.А., Туголукова Е.Н., 1974 г.

РФ 13-VI-1: Объячевский с/с, д. Пожмадор, Туголукова А.Е., 1894 г.р., Елина А.А., 1896 г.р.; зап. Туголукова Н.А., Туголукова Е.Н., 1974 г.

РФ 13-VI-2, 9: Объячевский с/с, д. Пожмадор, Морозова Ю.Е., 1904 г.р.; зап. Туголукова Н.А., Туголукова Е.Н., 1974 г.

РФ 13-VI-5, 6, 7, 8, 11, 12, 13, 14: Объячевский с/с, д. Пожмадор; Туголукова А.Е., Панева В.Д., Морозова Ю.Е.; зап. студенты Туголукова Н.А, Туголукова Е.Н. (фольклорная практика, науч. рук. – Микушев А.К.), 1974 г.

РФ 13-VII-27, 28, 29: с. Ношуль, Трофимова М.Г., 1931 г.р.; 1997 г.

РФ 13-XII-47, 48, 49, 50, 60.1, 61.1, 60.2, 60.4, 61.2: Прокопьевский с/с, д. Ивановка; Лобанова А.И., 1955 г.р.; зап. студент Потапова Н., 2000 г.

РФ 13-XII-73, 73а: с. Мутница, Перминова Л.В., 1927 г.р., урож. с. Мутница, Иванова М.Н., 1930 г.р., урож. с. Ношуль; 2000 г.

РФ 13-XIV-25: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, Лобанова А.Е., 1907 г.р., урож. с. Прокопьевка; 1999 г.

РФ 13-XIV-3, 3а: с. Прокопьевка, Югова А.И., 1934 г.р.; зап. Югова М.В.; 1999 г.

РФ 13-XIV-3: с. Прокопьевка, Югова А.И., 1934 г.р.; зап. Югова М.В.; 1999 г.

РФ 13-XIV-17: Прокопьевский с/с, д. Ивановка; Лобанова Е.И., 1934 г.р.; зап. студент Югова М., 2001 г.

РФ 13-XII-70, 71, 73: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, Лобанова Е.И., 1934 г.р.; зап. Потапова Н., 2000 г.

Фольклорный Фонд ИЯЛИ Коми НЦ

Х149-17, 18, 20: с. Летка, Мусанова Д.В., 1921 г.р., Попова П.В., 1934 г.р.; зап. Рочев Ю.Г., 1976 г.

Х149-11, 12, 13, 14, 15, 16, 19, 21: с. Летка, Попова А.Д., 1913 г.р.; зап. Рочевым Ю.Г., 1976 г.

Х149-126: с. Летка, Мусанова Д.В., 1921 г.р.; зап. Рочев Ю.Г., 1976 г.

К433-19, 20: с. Слудка, Иванова Е.Е., 1903 г.р., Иванова А.М., 1926 г.р., Иванова А.И., 1931 г.р.; зап. Горчаков А.Г., 1992 г.

К425-5, 12: с.с. Объячево, Черныш; зап. Горчаков А.Г., 1989 г.

1520-6, 8, 9, 11: Спаспорубский с/с, с. Поруб, Калова П.А., 1899 г.р.; зап. Чисталев П.И., 1960 г.

1521-6: Спаспорубский с/с, с. Поруб, Калова П.А., Старцева К.А., Баталова А.Е.; зап. Чисталев П.И., 1960 г.

1523-1, 2, 3, 4, 5, 7: Спаспорубский с/с, с. Поруб, ансамбль; зап. Чисталев П.И., 1960 г.

1530-1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 11, 12: с. Читаево; зап. Ф.В. Плесовский, 1962 г.

1531-1, 2, 4, 5: Спаспорубский с/с, д. Урнышевская; зап. Плесовский Ф.В., 1962 г.

В1503-3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 20, 21, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 61, 64, 65, 66, 68, 69, 70: Прокопьевский с/с, д. Ивановка; Лобанова А.Е., 1910 г.р., Лобанова Н.Е., 1923 г.р., Лобанова Е.И., 1934 г.р. (Лобанов Ф.А., 1929 г.р. – только упоминание); 1998.

В1508-2, 4, 5, 6, 8, 10, 11, **14, 16, 17:** Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2003 г.

В1509-12: Прокопьевский с/с, д. Ивановка, 2003 г.

B1542-3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10: с. Прокопьевка, Иванова А.Е. (зап.), 1929 г.р., урож. д. Ведёвка; Осипова М.М., 1942 г.р., урож. с. Прокопьевка; Лобанова Е.И., 1934 г.р., урож. д. Ивановка; Коснырева О.А., 1925 г.р., урож. д. Лавровка; зап. Каневой Т.С., Панюковым А.В., Савельевой Г.С. в ноябре 2006 г.

B1543-1, 2, 3, 4: с. Прокопьевка, ансамбль; зап. Каневой Т.С., Панюковым А.В., Савельевой Г.С. в ноябре 2006 г.

B1544-1, 2, 3, 4, 5: с. Прокопьевка, ансамбль, зап. Лобанова А.Е.; зап. Каневой Т.С., Панюковым А.В., Савельевой Г.С. в ноябре 2006 г.

B1545-1, 2, 3, 4: с. Прокопьевка, Иванова А.Е. (зап.), 1929 г.р., урож. д. Ведёвка, Осипова М.М., 1942 г.р., урож. с. Прокопьевка; Микушева П.Е., 1928 г.р., урож. д. Лавровка; Коснырева Е.М., 1931 г.р.; зап. Каневой Т.С., Панюковым А.В., Савельевой Г.С. в ноябре 2006 г.